ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

V

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ V

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

Издание второе
(IV и V тома публикуются впервые)

Под редакцией:
А. А. ГРОМЫКО, И. И. ЗЕМСКОВА, В. А. ЗОРИНА,
В. С. СЕМЕНОВА, М. А. ХАРЛАМОВА

Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1974

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ V

(в двух книгах)

Книга первая

В подготовке книги
принимали участие авторы:

А. С. АНИКИН, В. Н. БЕЛЕЦКИЙ, Е. Ю. БОГУШ, Анат. А. ГРОМЫКО, Г. А. ДЕБОРИН, И. Н. ЗЕМСКОВ, С. П. КИКТЕВ, И. К. КОБЛЯКОВ, Г. З. ЛЕКОМЦЕВ, В. П. НИХАМИН, М. Е. ПОЗОЛОТИН, В. В. ПОПОВ, Г. Л. РОЗАНОВ, Ш. П. САНАКОЕВ, В. С. СЕМЕНОВ, В. Г. СПИРИН, А. И. СТЕПАНОВ, Л. Ф. ТЕПЛОВ, М. А. ХАРЛАМОВ, Ю. А. ШОЛМОВ, В. В. ШУСТОВ, М. М. ЮНИН

Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1974

9
И90

Редакторы книги:
В. С. СЕМЕНОВ, М. А. ХАРЛАМОВ

И $\frac{11101-110}{079(02)-74}$ Подписное © ПОЛИТИЗДАТ, 1974 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Пятый том «Истории дипломатии» издается впервые. Он выпускается в двух книгах.

Первая книга охватывает период после окончания второй мировой войны и до начала 60-х годов.

Победа над фашистскими агрессорами, в достижении которой решающую роль сыграл СССР, упрочила положение Советского государства, усилила его международное влияние и авторитет, утвердила полноправное участие Советского Союза в решении международных дел. СССР по праву стал одним из тех государств, от которого зависят судьбы мира и предотвращения новой мировой войны.

Вслед за Советским Союзом на путь строительства нового общества встали народы ряда стран Европы и Азии. Возникновение и развитие мировой социалистической системы опрокинуло методы и приемы старой дипломатии силы и международной политики. Рост могущества СССР, социалистического содружества, углубление общего кризиса капитализма и распад колониальной системы, бурный рост коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, всех революционных сил современности, борющихся за мир, свободу и независимость,— все это коренным образом изменило соотношение сил на мировой арене в пользу социализма. В новых условиях главная задача внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства состояла в том, чтобы обеспечить благоприятные международные условия для мирного социалистического строительства, восстановления и развития народного хозяйства, подъема науки и техники, повышения материального и культурного уровня жизни народа; укрепить позиции социализма на мировой арене; помочь народам, порвавшим с капитализмом, строить новую жизнь; поддерживать национально-освободительное движение; бороться за предотвращение новой мировой войны; изменить характер международных отношений.

Правящие круги империалистических держав безуспешно пытались повернуть развитие вспять, изменить в свою пользу

сложившееся соотношение сил. Они препятствовали справедливому урегулированию возникших после войны проблем с учетом интересов всех государств, стали на путь новой гонки вооружений, в том числе и ядерного оружия, организации НАТО, других агрессивных военно-политических блоков и разного рода военных авантюр. Провозгласив политику «с позиции силы», империалисты начали «холодную войну» против СССР и других социалистических стран. «Холодная война» по замыслу ее инициаторов и вдохновителей должна была подготовить морально-политические условия для безудержной гонки вооружений, для новой войны. Развязанные империалистами войны в Корее и Индокитае, а также против Египта были не только пробой сил, но и попыткой создать такую напряженность в международных отношениях, которая была бы преддверием к военному оттеснению социализма с занимаемых позиций, к подавлению коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

Угроза возникновения новой мировой войны с применением разрушительного ядерного оружия и других видов оружия массового истребления требовала энергичной мобилизации всех сил, стремящихся к сохранению мира и избавлению человечества от истребительных империалистических войн. Советский Союз, страны социалистического содружества возглавили силы, кровно заинтересованные в том, чтобы не допустить сползания мира к новой войне. Успехи СССР, всего содружества социалистических стран, активная согласованная деятельность их внешней политики и дипломатии оказывали все возрастающее влияние на международные отношения. КПСС и Советское правительство, настойчиво и последовательно претворяя в жизнь ленинские принципы внешней политики исходили из возможности мирного сосуществования государств с различным социальным строем, давали решительный отпор происках агрессивных сил империализма, добиваясь ослабления международной напряженности, обеспечения безопасности и мирного сотрудничества народов.

Вторая книга пятого тома посвящена характеристике международной политики и дипломатической деятельности в 60—70-х годах, когда Советский Союз выступил с всеобъемлющей Программой мира, изложенной в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС. Эта программа открыла перед народами не только реальную перспективу избавления от агрессивных войн, но и создала базу для равноправного и взаимовыгодного сотрудничества государств в обеспечении их безопасности, для коренной перестройки всей системы международных отношений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОРЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ (ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ)

В майские дни 1945 г. на полях европейского континента отгремели последние залпы войны. В начале сентября военные действия прекратились и на Тихом океане. Под ударами объединенных сил союзников по антигитлеровской коалиции, в первую очередь Советской Армии, фашистский вермахт и японские вооруженные силы сложили оружие. 8 мая 1945 г. был подписан Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, 2 сентября 1945 г. капитулировала милитаристская Япония. Закончилась вторая мировая война — наиболее опустошительная и кровопролитная война в истории человечества.

Победа свободолюбивых народов во главе с Советским Союзом над фашистской Германией и милитаристской Японией обусловила коренные перемены в мире, привела к новой расстановке сил, решительно изменив ее в пользу социализма.

Изменения в международной жизни

Рост и укрепление мирового социализма

Главный итог Великой Отечественной войны состоял в том, что в результате грандиозных сражений социализм, Советское государство одержали победу. Две наиболее милитаристские и агрессивные капиталистические державы — Германия и Япония были сокрушены. Главные агрессивные силы международного империализма и реакции оказались поверженными, а их антинародные планы нового передела мира в свою пользу были развеяны в дым. Значительно ослабли позиции Англии и ряда других крупных капиталистических стран.

Благодаря победоносному наступлению Советской Армии и подъему мощного антифашистского демократического движения многие неблаговидные замыслы крайних империалистических кругов Вашингтона и Лондона рухнули. Сепаратные переговоры с гитлеровской коалицией были сорваны. Попытки не

допустить Советскую Армию в центр Европы и не дать ей широкого выхода к берегам Тихого океана оказались похороненными. Войскам западных держав не удалось захватить Берлин, Вену и Прагу и даже достичь тех минимальных рубежей, на которые они рассчитывали выйти к концу войны. На Дальнем Востоке, разгромив отборную Квантунскую армию Японии, советские войска в боевом содружестве с воинами МНР и при содействии Народно-освободительной армии Китая освободили Северо-Восточный Китай, Северную Корею. Советской Армией были освобождены также Южный Сахалин и Курильские острова.

Могущество и авторитет Советского Союза среди народов мира выросли как никогда прежде. Дипломатические отношения СССР с другими странами получили небывалое развитие. Если до войны Советский Союз имел дипломатические отношения с 26 государствами, то к концу войны — с 52. Неуклонно расширялись масштабы внешнеполитической деятельности Советской державы. Новые миллионы людей стали искренними и верными друзьями СССР. Стало еще более очевидно, что без участия Советского Союза и без учета его интересов невозможно справедливое решение международных проблем.

Победы Советского Союза создали благоприятные условия для подъема революционного движения, национально-освободительной антиимпериалистической борьбы. От капиталистической системы отпал в Европе и Азии целый ряд государств с общим числом населения более 700 млн. человек. Утверждение в этих странах народно-демократического строя открыло перед ними пути коренных, социалистических преобразований. Выход социализма за пределы одной страны и становление социалистического мира, отмечалось в итоговом Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г.,— «составная часть классовых битв на мировой арене» [1]. Оно было результатом классовой борьбы международного рабочего класса, трудящихся и угнетенных народов против империализма и капитализма. Возникновение мировой социалистической системы — это второе по своему социально-политическому значению событие во всемирной истории после Великой Октябрьской социалистической революции. *Создание социалистического содружества народов и государств означало решающий поворот в международных отношениях, наиболее ярко выражало коренное изменение соотношения классовых и политических сил в мире после второй мировой войны в пользу социализма, прогресса, мира.*

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 303.

Освободительная борьба народов с фашистскими захватчиками привела к росту классового самосознания пролетариата и широких слоев трудящегося населения всех стран, способствовала усилению влияния коммунистических и рабочих партий в массах. Неизмеримо развилось и окрепло рабочее и коммунистическое движение.

Число коммунистов в капиталистических странах увеличилось с 1,7 млн. чел. в довоенное время приблизительно до 5 млн. чел. в 1946 г. В 1944 г. коммунисты были представлены в правительствах 12 капиталистических стран.

Трещали по всем швам колониальные империи империализма.

Тем самым послевоенные позиции капитализма оказались значительно ослабленными, а планы правящих кругов США и Англии основательно расстроенными. Положение дел в мире складывалось далеко не так, как этого хотели капитаны капиталистической системы. Социализм становился определяющей силой мирового развития. «Историческая победа советского народа в этой войне еще раз подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить победное шествие социализма и коммунизма» [1]. *Рост могущества социализма — одна из важнейших отличительных черт послевоенного мирового развития.*

Усиление с окончанием войны антисоветских тенденций во внешней политике западных держав

«После финала грандиозной битвы и разгрома врага главные участники антигитлеровской коалиции пошли не общей дорогой строительства прочного мира, а разными путями. Не успели, можно сказать, высохнуть чернила на Декларации о поражении гитлеровской Германии, подписанной в Берлине представителями СССР, США, Англии и Франции, как наши бывшие союзники стали рвать связи, соединявшие главных участников войны против германского фашизма» [2]. Когда военная мощь держав оси была сломлена и они не могли больше угрожать США и Англии, политика Вашингтона и Лондона стала все явственнее обнаруживать свой империалистический характер и антисоветскую направленность. Они стремились максимально урезать обеспечение интересов Советского Союза и всемерно укрепить свои позиции на мировой арене. Правящие круги западных стран были серьезно обеспокоены ростом влияния Советского Союза, а также провалом своих планов и надежд, которые они связывали с разгромом Германии и Японии. Демократические преобразования, развертывавшиеся в странах

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1974, стр. 525.

[2] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. I. М., 1970, стр. 149—150.

Восточной Европы, укрепление в них, а также в ряде других европейских государств позиций антифашистских, патриотических, подлинно демократических сил, рост антиколониального, национально-освободительного движения вызывали глубокую тревогу монополистической буржуазии западных капиталистических государств.

Еще в годы войны крайние реакционные силы на Западе не только вынашивали свои антисоветские замыслы, но и активно действовали в этом направлении. В официальных ведомствах империалистических стран в глубокой тайне упорно работали над тем, чтобы помешать упрочению позиций социализма. Хотя подобные планы не приняли тогда законченных форм и постоянно менялись, но все развитие уже в первые послевоенные годы ясно свидетельствовало, что в их основу положен принцип собирания и мобилизации всех антисоветских сил для подготовки борьбы против Советского Союза и народов других стран, вырвавшихся из капиталистической системы.

С окончанием войны агрессивные империалистические круги все более определяли послевоенный внешнеполитический курс США и Англии.

Наиболее последовательным выразителем этого курса стал У. Черчилль. 24 апреля 1945 г. Черчилль, уже до этого активно выступавший в качестве инициатора «жесткой» политики в отношении Советского Союза, писал, что в дальнейшем отношения с СССР «возможно строить только при признании русским народом англо-американской силы». Оценивая сложившуюся послевоенную международную обстановку, он еще в то время сделал вывод, что «уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение в соотношении сил» между СССР и западными державами. В соответствии с этим он призывал западные державы в своей политике руководствоваться следующим. «Во-первых, тем, что Советская Россия стала смертельной опасностью для свободного мира. Во-вторых, тем, что против ее дальнейшего продвижения должен быть немедленно создан новый фронт. В-третьих, тем, что этот фронт в Европе должен пролегать как можно дальше на востоке».

Так были сформулированы основные положения программы «холодной войны» против Советского Союза, надолго определившей основную линию поведения западных держав.

Это была прямая установка на отказ от сотрудничества с СССР, на развал антигитлеровской коалиции, на отказ от союзнических обязательств и оттеснение демократических сил с завоеванных ими в результате упорной борьбы и разгрома фашизма позиций.

Аналогичная эволюция произошла и во влиятельных кругах США. Уже к концу 1944 г. в американской правящей верхушке

раздавались открытые призывы к пересмотру политического курса США в отношении Советского Союза. Этой линии придерживались сенатор Ванденберг, Дж. Ф. Даллес и многие другие. Представители кругов, стоявших на позициях «отбрасывания коммунизма» и заключения с этой целью прямой сделки с германским империализмом и японским милитаризмом, стали действовать все более активно. Так, заместитель государственного секретаря США Дж. Грю в меморандуме, составленном им весной 1945 г., заявил, что война с Советским Союзом «неизбежна», что она может разразиться в ближайшие годы, и призывал американское правительство к укреплению своих позиций вокруг СССР, чтобы держать его под угрозой [1].

Ф. Д. Рузвельт и некоторые наиболее дальновидные политические деятели из его ближайшего окружения сдерживали эти силы. Будучи выразителем интересов монополистического капитала, Ф. Д. Рузвельт защищал эти интересы, по словам У. Фостера, «со своих либеральных позиций», оставаясь противником нацизма и сторонником сохранения сотрудничества с СССР. Он не мог также не считаться с настроениями широких масс американского народа, одобрявшего этот курс и четыре раза подряд отдававшего ему свои голоса. Бывший заместитель государственного секретаря С. Уэллес в своей книге «Куда мы идем» писал: «Для Франклина Рузвельта непременным фундаментом будущего мира было прочное соглашение с Советским Союзом... В узком смысле ни одно из обоих государств не зависело от другого. Но в более широком смысле, как он полагал, каждое из них могло обеспечить себе безопасность только при условии сотрудничества с другим... Он считал необходимым, чтобы оба правительства поняли: в области международных дел их курсы могут быть всегда параллельными и никогда — антагонистическими» [2].

Неожиданная смерть Ф. Д. Рузвельта способствовала изменению соотношения сил в американской правящей верхушке и сказалась на политике США, прежде всего на их отношении к Советскому Союзу. Верх в ней взяли наиболее консервативные, антисоветские силы. Выразителем интересов этих кругов стал Г. Трумэн — представитель крайне правого крыла американского империализма.

Через три дня после смерти Ф. Д. Рузвельта в государственном департаменте собрались представители финансовой олигархии США. На этом совещании [3] было принято решение о по-

---

[1] *G. Grew.* The Turbulent Era, vol. II. Boston, 1952, p. 1446.

[2] Цит. по газ. «Правда», 18 ноября 1973 г.

[3] В нем приняли участие председатель внешнеполитического комитета сената Ванденберг, Д. Ф. Даллес, влиятельные представители военных и монополистических кругов США.

вороте во внешней политике США и превращении Германии в «оплот против большевизма» [1].

Сам Г. Трумэн в беседах со своими приближенными уже давно критически отзывался о политике Ф. Д. Рузвельта. Он не раз высказывал сомнения относительно целесообразности требования безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Г. Трумэн считал, что Ф. Д. Рузвельт и У. Черчилль действовали в 1944 г. «поспешно», когда согласились с предложением Европейской консультативной комиссии о зонах оккупации Германии, и что этот вопрос следовало бы отложить до окончания войны, когда, по его мнению, западные державы могли бы решить его более благоприятно для себя [2].

Формулируя в апреле 1945 г. после встреч и консультаций со своими приближенными курс нового американского правительства, Г. Трумэн заявил: «Я намерен быть твердым в своих взаимоотношениях с Советским правительством». «Жесткая» политика в отношении Советского Союза стала проводиться фактически уже с весны 1945 г.

Цель такого курса состояла в том, чтобы утвердить господство США над всем миром. «Одержанная победа,— говорил еще в 1945 г. Г. Трумэн,— возложила на американский народ постоянную ответственность за руководство миром» [3].

Ближайшее окружение Г. Трумэна не только полностью разделяло его взгляды, но шло в некоторых вопросах даже еще дальше. Так, например, некоторыми из них уже 12 мая 1945 г. поднимался вопрос о необходимости «пересмотра» Ялтинских решений [4].

В этом направлении Г. Трумэна подталкивали Дж. Бирнс и другие американские деятели, настойчиво внушавшие ему мысль о необходимости использования атомной монополии США для давления на Советский Союз.

Более того, в Англии и США изучался даже вопрос о возможности немедленной войны против Советского Союза, если на переговорах советская сторона не пойдет на уступки и возникнут в связи с этим «трудности». Так, начальник имперского генерального штаба Великобритании фельдмаршал Аланбрук писал много лет спустя, что уже через две недели после окончания военных действий в Европе руководители штабов отдельных родов войск страны получили приказание подготовить меморандум о военных мероприятиях, «направленных против России» [5].

[1] «Neues Deutschland», 9. XII. 1954.

[2] *H. Truman.* Memoiren, Bd. I, Stuttgart, 1955, S. 172—173.

[3] «Publik Papers of the United States». Washington, 1961, p. 549.

[4] «The Forrestol Diaries». Ed. by *W. Mills.* New York, 1951, p. 56.

[5] *A. Bryant.* Triumph in the West. 1943—1946. Based on the Diaries of Field Marshal Alanbrooke. London, 1959, p. 70.

У. Черчилль похвалялся 23 ноября 1954 г. в речи перед избирателями Вудфорда, что в то время, «когда немцы сдавались сотнями тысяч», он направил командующему английскими войсками в Европе Монтгомери телеграмму с указанием «тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было бы снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось» [1]. С таким же предложением У. Черчилль обратился и к Д. Эйзенхауэру. Ссылки на «советское наступление» были лишь предлогом, направленным на то, чтобы как-то оправдать подобное вероломство по отношению к советскому союзнику.

Такие планы вынашивались определенными кругами и в американской правящей верхушке. Представитель этих кругов, один из видных военных деятелей США, генерал Арнольд, в мае 1945 г. заявил, что теперь основным врагом Соединенных Штатов будет Советский Союз, и предлагал в связи с этим немедленно приступить к подготовке воздушной войны против СССР. При этом некоторые американские военные деятели открыто высказывались за использование атомных бомб, которыми располагали США.

Однако генеральные штабы Англии и США пришли к выводу, что они не смогут нанести поражения СССР и что «шансы на успех равны нулю» [2].

Но это не означало, что империалистические силы на Западе отказались от планов подготовки войны против Советского Союза.

Разумеется, в капиталистических странах определенные здравомыслящие круги исходили из того, что от сотрудничества с Советским Союзом зависит сохранение мира. Еще во время войны они предлагали рассматривать СССР как «постоянного союзника», предоставить ему льготные кредиты для восстановления разрушенной войной экономики и «удовлетворить его справедливые требования» [3]. Однако со смертью Ф. Д. Рузвельта представители этих кругов перестали играть прежнюю роль в определении политического курса США. Главной установкой военно-политической стратегии монополистической буржуазии США стала линия на создание при поддержке других капиталистических стран такой ситуации, которая позволила бы действенно проводить политику «с позиции силы». В качестве логического развития этого курса реакционные круги Соединенных Штатов рассматривали не только политику «балансирования на грани войны», но и развязывание при благоприятных условиях

[1] «Правда», 25 ноября 1954 г.
[2] *A. Bryant.* Triumph in the West, p. 469—470.
[3] *R. S. Sherwood.* Roosevelt und Hopkins. Hamburg, 1948. S. 523.

войны против СССР и социалистических государств, чтобы попытаться ликвидировать социалистическую систему и справиться с общим кризисом капитализма за счет народов социалистических стран.

Американские монополисты открыто претендовали на «руководство миром», стремились, как признавал один из американских генералов, «установить полицейский контроль над миром и навязать ему своего рода Pax Americana» [1].

В качестве одного из важнейших средств для достижения этих целей правящие круги США рассматривали временную монополию на атомную бомбу. «Новое оружие даст нам возможность продиктовать при окончании войны свои условия Советскому Союзу» [2],— говорил Г. Трумэну Дж. Бирнс, ставший летом 1945 г. государственным секретарем США.

Если атомная бомба «взорвется,— заявлял Г. Трумэн,— тогда, конечно, у меня будет средство нажима на советских представителей» [3].

Даже применение атомных бомб против японских городов Хиросимы и Нагасаки было осуществлено, по признанию тогдашнего государственного секретаря США Д. Бирнса, не столько как средство, необходимое в войне против Японии, сколько для того, чтобы «сделать Россию более сговорчивой в Европе» [4].

Началась кампания атомного шантажа и угроз по отношению к СССР. Американский радиокомментатор Кингдон отмечал, что «в США и Англии имеются люди, которые радостно взирают на атомную бомбу, так как придерживаются мнения, что ее единственным назначением является запугать Россию. Трудно найти иное объяснение последних речей Трумэна, Эттли, Бевина и Черчилля, как то, что они предостерегают Россию: она будет уничтожена американцами и англичанами, если не захочет вести себя подобающим образом», т. е. так, как угодно Вашингтону и Лондону [5].

30 сентября 1945 г. Дж. Ф. Даллес, выступая в качестве специального уполномоченного президента США, передал в Лондоне главе американской делегации на первой сессии СМИД Бирнсу установку: не стремиться к достижению взаимной договоренности, а проявлять по отношению к Советскому Союзу

---

[1] «Look», November 24, 1959.

[2] *H. Truman.* Memoiren, Bd. I, S. 122.

[3] *G. S. Wheeler.* Die Amerikanische Politik in Deutschland (1945—1950). Berlin, 1958, S. 21.

[4] «Foreign Affairs», January 1957, p. 347.

[5] *K. Bittel.* Alliierter Kontrollrat und Aussenministerkonferenzen. Berlin, 1959, S. 26.

неуступчивость [1]. В письме Бирнсу 5 января 1946 г. Г. Трумэн давал следующие указания: «Русским нужно показывать железный кулак и говорить сильным языком». И «я думаю, мы не должны теперь идти с ними ни на какие компромиссы» [2].

Это означало отказ от принципов сотрудничества, сложившихся в годы войны, означало переход к политике «с позиции силы».

Вопреки жизненным интересам народов правящие круги США и Англии, отвергнув курс на мирное сосуществование, сделали выбор в пользу «политики силы» и «холодной войны».

Два противоположных курса в послевоенной политике

После второй мировой войны произошли коренные перемены в размежевании политических сил. Социалистический мир — Советский Союз и страны народной демократии — опирался на международное коммунистическое и рабочее движение. К нему тяготели прогрессивные силы стран, борющихся за национальную независимость. На стороне стран социализма были сочувствие и поддержка всех передовых демократических сил человечества.

«Основу империалистического лагеря составил блок ведущих капиталистических государств во главе с США» [3]. К нему примыкали все антидемократические реакционные силы других капиталистических государств.

Соответственно двум противостоящим лагерям все более четко формировались два основных направления, две линии в международной политике, которые находили свое проявление в совершенно различных подходах к решению послевоенных проблем. С одной стороны, империалистический реакционный курс США и их союзников, с другой — социалистический, демократический курс Советского Союза и стран народной демократии.

Силы империализма все более откровенно и беззастенчиво проводили курс, направленный против социализма, коммунистического и рабочего движения, на подавление борьбы народов за свое национальное и социальное освобождение. Правящие круги США, добивавшиеся установления мирового господства, рассчитывали, что эта цель может быть достигнута только «с позиции силы». Фултонская речь У. Черчилля, «доктрина Трумэна», «план Маршалла», установки на «отбрасывание коммунизма», «балансирование на грани войны» — вот те некоторые концепции, которые лежали в основе послевоенной политики США и их союзников, ставших на путь нарушения союзнических обязательств.

---

[1] «Life», 8. V. 1950 (цит. по: *K. Bittel.* Atlantikpakt oder kollektive Sicherheit, 2. Auflage. Berlin, 1954, S. 15).

[2] *H. Truman.* Memoiren, Bd. I, S. 601.

[3] «История Коммунистической партии Советского Союза», стр. 532.

Она нашла свое выражение в дальнейшем отказе от сотрудничества с Советским Союзом и развертывании «холодной войны», в раскручивании гонки вооружений, в создании вокруг СССР военных баз, организации агрессивного Североатлантического блока (НАТО) и других замкнутых военно-политических группировок империалистических государств, в поощрении реакционных, реваншистских сил, в форсировании милитаризации ФРГ, а также в открытых агрессивных актах. В послевоенное время силы агрессии и милитаризма развязали десятки вооруженных конфликтов и войн разных масштабов и не раз создавали прямую угрозу всеобщей ядерной конфронтации.

Однако курс империалистических кругов США на установление своего мирового господства встретил сопротивление трудящихся масс, всех прогрессивных сил. Ширилось недовольство американской политикой и среди влиятельных кругов стран — партнеров США. Так, еще в 1945 г. Ш. де Голль выразил свое несогласие с Г. Трумэном, «убежденным в том, что руководство должно осуществляться» США, отметив, что «французское представление о мире далеко не столь упрощенное, как концепция Соединенных Штатов» [1].

Но если капиталистические страны подчинились в то время диктату США, пошли в фарватере их политики и активно поддержали агрессивный курс Вашингтона, то Советский Союз и молодые народно-демократические государства в Европе и Азии решительно выступили против агрессивных и экспансионистских замыслов реакционных американских правящих кругов.

«Советский народ, потерявший в борьбе с фашизмом более 20 миллионов жизней своих граждан, хорошо знает, что такое война и какие неисчислимые бедствия несет она людям. Великая Отечественная война была для нас, советских людей, борьбой не только за свободу и независимость нашей Родины. Это была одновременно и битва за спасение мировой цивилизации, за грядущий справедливый мир. На протяжении всего послевоенного периода Страна Советов неустанно боролась за прочный мир и безопасность народов» [2].

В послевоенные годы Советскому Союзу в трудных условиях (гитлеровские захватчики нанесли большой урон народному хозяйству, разрушили тысячи городов и десятки тысяч деревень) пришлось решать сложные задачи. Политика Советского Союза была направлена на быстрое восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства страны, на продолжение пре-

---

[1] *Ch. de Gaulle.* Memoires de guerre, vol. III. Paris, 1959, p. 210—211.

[2] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, стр. 315.

рванного нападением гитлеровской Германии созидания и мирного развития. Главная цель всей внешнеполитической деятельности СССР и братских социалистических стран состояла в том, чтобы создать благоприятные международные условия для строительства социализма и коммунизма. Исходя из этого, они последовательно выступали за ликвидацию остатков фашизма, за установление справедливого демократического мира, за мирное решение всех послевоенных вопросов, за обеспечение международной безопасности, за всеобщее и полное разоружение, за разоблачение и изоляцию поджигателей войны. В своей внешней политике Коммунистическая партия и Советское правительство добивались того, чтобы закрепить результаты победы над фашизмом, обеспечить безопасность страны, создать основы для прочного и длительного послевоенного мира.

Силы социализма в ответ на происки империализма, на усиление его агрессивного курса ответили сплочением своих рядов, решительно выступили против претензий США на мировое господство и их империалистической политики, развернули активную борьбу по созданию широкого антиимпериалистического фронта в интересах обеспечения мира и международной безопасности.

Социалистическая дипломатия, будучи орудием внешней политики социализма, настойчиво добивалась утверждения в международных отношениях ленинских принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами на основе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между всеми странами.

Борьба двух направлений в международных делах — миролюбивого, демократического, с одной стороны, и агрессивного, империалистического — с другой, обусловленная основным противоречием нашей эпохи — противоречием между социализмом и капитализмом, характеризует всю послевоенную историю. Острое противоборство между силами мира, свободы, социального прогресса и силами угнетения, реакции, агрессии — такой предстает перед нами послевоенная обстановка.

Благодаря неуклонному изменению соотношения сил в мире в пользу социализма, укреплению социалистического содружества, росту широкого антиимпериалистического фронта миролюбивая, демократическая тенденция все больше пробивала себе дорогу, становясь все более важным фактором развития послевоенных международных отношений.

Два курса в международной политике развивались в условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма, неуклонного обострения всех противоречий империализма.

Углубление общего кризиса капитализма

Рост противоречий империализма

Вторая мировая война углубила общий кризис капитализма, открыла его второй этап. Главными факторами, определявшими развитие в этот период, явились: превращение социализма в мировую систему, распад колониальной системы империализма, рост коммунистического, рабочего, демократического, национально-освободительного движений. Империализм оказался бессильным помешать этим великим историческим процессам. В этом сказалась утрата им прежней определяющей роли в мировом развитии, в международных отношениях. Процесс обострения всех противоречий империализма продолжался. Усилилась неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран. Возросла неустойчивость капиталистической экономики, подверженной экономическим и финансовым спадам и кризисам. В рассматриваемый период еще более проявилась реакционность правящих кругов капиталистических держав, процессы загнивания неизмеримо усилились во всей общественной жизни, особенно в области идеологии.

В обстановке углубления общего кризиса и ослабления позиций империализма, упадка его авторитета и влияния в первые послевоенные годы произошло значительное усиление США за счет других империалистических держав в экономическом и военном отношениях. Выдвинувшись вперед в силу неравномерности развития в капиталистическом мире, монополии США пытались осуществить программу установления своего мирового господства. Столкнувшись с тем, что позиции мирового капитализма ослабли и его общий кризис обострился, что мировой системе империализма противостоит мировая система социализма, что новые сотни миллионов человек вырвались из-под капиталистического и колониального ярма, американские империалисты решили взять на себя роль «спасителей» старого строя. Они спешили занять в международных отношениях место главного душителя национальных свобод и демократии, место мирового жандарма. Осуществить свои планы правящие круги США рассчитывали путем идеологических диверсий, подрывной работы, усиленной гонки вооружений и подготовки новой мировой войны.

Во второй половине 50-х годов общий кризис капитализма вступил в третий этап. Его наступление было вызвано новыми глубокими изменениями в соотношении сил социализма и капитализма. Именно на этом этапе мировая социалистическая система стала особенно быстро превращаться в решающий фактор развития человеческого общества, оказывать более мощное и все возрастающее воздействие на ход мировой истории.

Важнейшей особенностью нового этапа общего кризиса капитализма является то, что он возник не в обстановке мировой войны, а в условиях мира и противоборства двух противоположных мировых общественно-экономических систем.

Характерной чертой нового этапа общего кризиса капитализма стало ускорение распада колониальной системы. Подавляющее большинство колониальных стран добилось политической независимости.

В эти годы еще больше возросла общая неустойчивость капиталистической экономики, все более развивавшейся по пути милитаризации и обострения конкурентной борьбы во всех ее формах.

Продолжалось развитие и углубление межимпериалистических противоречий. Превращение Англии в зависимого от США «младшего партнера» отнюдь не ликвидировало противоречий между ними. Они лишь приняли новые формы. Французская экономика была подорвана фашистской оккупацией. Правящие круги США придерживались линии на политическое и военное ослабление Франции, всячески пытались ущемить ее суверенитет.

Углубились классовые антагонизмы капиталистического общества.

Подъем классовой борьбы в капиталистических странах, на котором сказались образование и успехи социалистического содружества, стал важным новым явлением на мировой арене. Опыт международной борьбы с силами фашизма, с деспотией монополистического капитала способствовал активизации масс, большему осознанию ими своих классовых интересов. *«Один из решающих участков антиимпериалистической борьбы проходит, разумеется, в самих капиталистических странах.* Удары, которые революционные силы наносят по империализму в самих его цитаделях, весьма важны для всего мирового развития» [1].

В новых исторических условиях послевоенного времени особенно наглядной и острой стала коренная противоположность двух мировых социальных систем. Она носит классовый характер, отражая в международных отношениях антагонизм пролетариата и буржуазии. Еще в 1920 г. В. И. Ленин подчеркивал, что борьба социализма и капитализма носит всемирный характер, пронизывая собой всю международную жизнь [2]. Спустя год Владимир Ильич дополнил свою мысль словами о том, что мир

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 55.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 245.

разделился на капиталистическую заграницу и коммунистическую Россию [1].

В современных условиях капиталистической заграница противостоит не одна только коммунистическая Россия, а все социалистическое содружество.

Экономическое и военное могущество СССР, стран социалистического содружества, рост активности миролюбивых сил помешали империалистам столкнуть соревнование двух систем с мирных рельсов на рельсы мирового ракетно-ядерного военного конфликта.

Дальнейшее укрепление позиций мирового социализма

К концу второй мировой войны Советский Союз, несмотря на большие жертвы и разрушения, располагал несокрушимой военной мощью и большим моральным авторитетом. Любое, даже самое крупное капиталистическое государство, потерпевшее такой урон, неминуемо потеряло бы свою самостоятельность и оказалось бы в подчинении если не у капиталистических противников, то у своих капиталистических «союзников». Именно на это и рассчитывали в отношении СССР англо-американские империалистические круги. Отражая эти вожделения, гитлеровский фельдмаршал Штюльпнагель вещал: «Промежуток в 25 лет — это такой срок, который потребуется России, чтобы восстановить разрушенное нами».

Жизнеспособность и прочность любого общественного и государственного строя проверяются не только войной, но и тем, как преодолеваются ее последствия. Советскому народу, с честью выдержавшему небывалые испытания тяжелой войны, предстояло преодолеть и колоссальные трудности послевоенного восстановления. Эта задача осложнялась и тем, что правящие круги западных держав, союзников по военной коалиции, совершенно открыто готовились прибегнуть к методам диктата и шантажа, спекулируя на трудностях, выпавших на долю советского народа.

Международная обстановка настоятельно требовала дальнейшего наращивания экономических и оборонных сил страны, народ нуждался в удовлетворении материальных и культурных потребностей, которые приходилось ограничивать в дни войны. Новую силу обрели слова В. И. Ленина: «...нам всего дороже сохранение мира и полная возможность посвятить все силы восстановлению хозяйства...» [2] И в этом отношении социалистическое государство показало такую же величайшую жизнеспособность и динамическую силу, преодолевающую все препятствия, как и во время войны. Уже в 1947—1948 гг. валовая про-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 129.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 313.

дукция промышленности и сельского хозяйства СССР, как и его совокупный национальный доход, превысили довоенный уровень.

Успехи Советского Союза ускоряли дальнейшее изменение соотношения мировых сил в пользу социализма, стали той материальной базой, опираясь на которую советская дипломатия успешно опрокидывала одну за другой попытки империалистических держав действовать методами диктата и шантажа. Продолжало возрастать революционизирующее воздействие Советского государства на зарубежные народы. Трудящиеся многих стран становились на путь борьбы за коренное изменение условий своей жизни. Пример Советского Союза и их собственный опыт увлекали на борьбу. Сбывалось предвидение В. И. Ленина, говорившего: «...мы берем дело такое, к которому, несмотря на всю трудность, на все препятствия, будут присоединяться миллионы и миллионы трудящихся во всех странах» [1].

Народы ряда стран Европы и Азии, вырвавшиеся из оков капитализма и вставшие на путь социалистического развития, вдохновляемые примером СССР, осуществили величайшие революционные преобразования. Они использовали для взятия власти в свои руки благоприятную внешнюю обстановку, созданную победами СССР над ударными отрядами империализма — фашистской Германией и милитаристской Японией. Благодаря могуществу Советского Союза и его помощи большинство этих стран избежало иностранной военной интервенции империалистических держав, смогло отбить их попытки вмешательства. Развивая экономику своей страны, советский народ, движимый пролетарским интернационализмом, в то же время учитывал необходимость оказания всесторонней помощи странам народной демократии. Бескорыстная советская помощь этим странам облегчила им преодоление послевоенных трудностей, восстановление и дальнейшее развитие экономики.

Так, отмечая большие успехи Германской Демократической Республики в социалистическом строительстве, председатель Совета министров ГДР В. Штоф говорил в 1971 г. на VIII съезде Социалистической единой партии Германии: «Результаты, которых мы достигли в Германской Демократической Республике за прошедшие годы, были бы немыслимы без тесного боевого содружества Социалистической единой партии Германии и Коммунистической партии Советского Союза и братского сотрудничества между нашими народами и государствами. Советский Союз всегда оказывал нам большую, неоценимую помощь» [2].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 242.

[2] «VIII съезд Социалистической единой партии Германии». М., 1972, стр. 130.

С такими же словами благодарности в адрес Советской страны неоднократно выступали и руководители других братских социалистических государств.

Все возрастающее единение Советского Союза и стран, ставших на путь социалистического развития, привело их к сплочению в политическом, экономическом и идейном отношениях, к образованию новой мировой системы — системы социализма. *«...Мировая система социализма — ведущая революционная сила и оплот антиимпериалистического движения»* [1]. Магистральный путь развития человечества стали определять мировой социализм, международный рабочий класс, все революционные силы.

Достижения социалистических государств способствовали все возрастающему изменению соотношения мировых сил в пользу социализма и оказывают огромное революционизирующее воздействие на трудящиеся массы всех стран, представляют собой составную органическую часть мирового революционного развития. «Образование и укрепление мировой социалистической системы явилось мощным ускорителем исторического прогресса, начало которому положил Великий Октябрь» [2].

Содружество социалистических государств превратилось в главный оплот всех революционных сил современности. Рядом с капиталистическими странами появился новый мир, новая система государств со своим собственным социальным, экономическим и политическим строем жизни. Образование и развитие социалистического содружества внесло кардинальные, подлинно революционные изменения во все области международной жизни и дипломатии. Возникли международные отношения нового типа, развивающиеся между странами социализма,— отношения товарищеского сотрудничества и братской взаимопомощи, основывающиеся на социалистическом интернационализме, на взаимной заинтересованности в сохранении и упрочении социалистических завоеваний в каждой стране социалистического содружества. Возникли совершенно новые возможности борьбы за мир, демократию и социализм, для совместных координированных выступлений социалистических стран по коренным вопросам международной жизни.

Советский Союз решительно отстаивает национальные интересы, суверенитет и независимость стран народной демократии от всевозможных посягательств внутренней и международной реакции. Он вел упорную борьбу на мировой арене, решительно пресекая попытки англо-американских империалистов вмешаться во внутренние дела этих стран. Так было в 1945 г.—

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 49.

[2] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 5.

на Потсдамской конференции глав правительств трех держав, Лондонской сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая (сентябрь — октябрь), Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии (декабрь) и позднее — во время подготовки мирных договоров с бывшими европейскими союзниками гитлеровской Германии. Советский Союз не только разоблачил, но и сорвал империалистические планы «реорганизации» правительств Польши, Румынии, Болгарии и Венгрии с целью реставрации в этих странах буржуазно-помещичьего режима, предотвратил осуществление проектов десятилетней «опеки» над всей Кореей, означавшей на деле ее колонизацию иностранным монополистическим капиталом.

В Программе Болгарской коммунистической партии отмечается: *«Советский Союз является решающей силой развития социализма как мировой системы.* Он обладает самой мощной и самой развитой экономикой, позволяющей ему не только самостоятельно решать задачи своего собственного дальнейшего развития, но и самым активным образом помогать экономическому развитию социалистических и недавно освободившихся стран. Советский Союз, Коммунистическая партия Советского Союза свято выполняют свой интернациональный долг, щедро делятся своим теоретическим и практическим опытом и оказывают поддержку всем братским партиям и странам, неутомимо трудятся во имя единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения. Всесторонняя мощь Страны Советов связывает руки милитаристам, обеспечивает миру мир, придает смелость народам, борющимся за свободу и независимость. Все больше становится стран, которые отвергают империалистический диктат и капиталистический путь развития и обращают взоры на Советский Союз, чтобы найти ответ на основной вопрос: куда, по какому пути?» [1].

Советский Союз, другие социалистические государства стали центром притяжения и надеждой всех прогрессивных и миролюбивых сил. Как в дни второй мировой войны вокруг Советского Союза и во главе с ним сложилась антифашистская коалиция, так в дни мира вокруг Советского Союза и во главе с ним сложилась могучая миролюбивая коалиция. Социализм превратился в могучую материальную базу защиты всеобщего мира.

«Мировая система социализма вносит огромный вклад в решение такой жизненно важной для всех народов задачи, как предотвращение новой мировой войны. Можно с полной уверенностью заявить,— подчеркивал Генеральный секретарь ЦК

[1] «X съезд Болгарской коммунистической партии». М., 1972, стр. 230

КПСС Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС,— что многие планы империалистических агрессоров были сорваны потому, что существует и активно действует мировая социалистическая система» [1].

Организация Варшавского Договора, созданная социалистическими государствами для укрепления обороноспособности социалистического содружества, Совет Экономической Взаимопомощи, созданный для координации текущих и перспективных планов развития экономики социалистических стран, успешно служат интересам народов социалистических стран, интересам политики мира, прогресса и социализма.

В послевоенном мире произошли важные глубинные процессы. Их суть состояла в том, что народные массы все решительнее выступают в качестве творцов истории. И эта возросшая роль народных масс обусловлена в первую очередь возникновением и успешным развитием социалистического содружества, его огромным революционизирующим воздействием на трудящееся человечество.

Распад колониальной системы империализма

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, в результате обострения противоречий между империализмом и угнетенными народами возник кризис колониальной системы. Началась эпоха национально-освободительных революций в колониальных и зависимых странах.

В годы второй мировой войны и в послевоенное время кризис колониальной системы еще больше обострился. Освободительные цели войны, отстаиваемые Советским Союзом, способствовали подъему борьбы народных масс колоний и зависимых стран за ликвидацию чужеземного господства. Разгром империалистических агрессоров создал более благоприятную, чем прежде, обстановку для успеха национально-освободительного движения. Попытки колонизаторов восстановить свое господство в колониях, захваченных в годы войны милитаристскими агрессорами, мечтавшими создать «сферу сопроцветания», встретили решительный отпор со стороны народов.

Образование мировой системы социализма, все более превращавшейся в решающий фактор международного развития, дало могучий импульс национально-освободительному движению, условия для ликвидации колониальной системы империализма стали еще более благоприятными. Наличие социалистического содружества и усилившаяся борьба колониальных народов привели к тому, что империалистические державы уже были не в

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 5—6.

состоянии подавить бурно разраставшееся национально-освободительное движение, как это им удавалось делать в прошлом. При мощной поддержке социалистических стран и международного рабочего класса развернулся революционный процесс ликвидации колониального гнета, процесс *распада колониальной системы империализма.*

В годы войны и в первое послевоенное десятилетие этот процесс протекал главным образом в Азии, во втором послевоенном десятилетии охватил Африку и перекинулся в Западное полушарие. Потерпели крушение колониальные империи Англии, Франции, Нидерландов и Бельгии. Империализм утратил свое военно-политическое господство над сотнями миллионов людей, потерял многие важнейшие политические, экономические и стратегические позиции. Страны Азии и Африки переставали играть роль резерва и тыла империализма. Укрепление их политической и экономической независимости способствовало общему ослаблению капиталистической системы.

Таким образом, $^2/_3$ человечества, которые империализм удерживал в подневольном положении, в стороне от активного участия в историческом процессе, стали на путь самостоятельного развития, что способствовало усилению мирового революционного процесса.

Крушение колониальной системы империализма представляло собой второе по своему значению историческое событие после образования мировой системы социализма. Оно не могло бы осуществиться без утверждения социализма в значительной части мира. В одних странах народам пришлось добывать свою национальную свободу в длительной и острой вооруженной борьбе, в других — колонизаторы вынуждены были предоставить политическую независимость, не дожидаясь того времени, когда их господству будет положен конец. Нигде, однако, колониализм не отступал по своей доброй воле. Если ему пришлось сдать многие свои позиции, то только потому, что он был не в состоянии выиграть сражение против сил народного сопротивления, пользовавшихся поддержкой и помощью социалистических государств. Наряду с этим вынужденным отступлением империализм пытался перейти в новое наступление, прибегая к одной контратаке за другой, применяя самые изощренные формы борьбы против освободившихся от колониализма стран.

Советский Союз и другие социалистические государства всегда считали и считают своим интернациональным долгом оказание всемерной помощи и поддержки развивающимся странам. Взаимоотношения социалистических и освободившихся из-под колониального господства стран являются примером отношений нового типа. В. И. Ленин говорил, что «большевики создают совершенно иные международные отношения, дающие

возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета»[1].

Именно благодаря существованию мировой системы социализма и помощи с ее стороны в наше время открылась реальная возможность даже для слаборазвитых в экономическом отношении стран избрать путь некапиталистического развития и успешно следовать по этому пути. Советский Союз и другие социалистические страны помогают освободившимся государствам в преодолении их экономической отсталости, с тем чтобы политическая независимость была упрочена и экономической независимостью. Эти страны могут опереться на растущую всестороннюю помощь социалистического содружества в защите национальной независимости, в борьбе против колониализма и неоколониализма.

Наряду с новыми молодыми государствами, которые добились подлинной политической независимости, существуют и такие, где империализм сохранил еще свой контроль. Но и в этих странах ширится стремление к проведению антиимпериалистической и антиколониальной политики.

Колониальные державы в послевоенные годы упорно пытались подавить национально-освободительное движение, прибегая нередко к истребительным войнам, кровавому террору, открытому шантажу. Столкнувшись с решительным сопротивлением народов, опиравшихся на поддержку Советского Союза, других социалистических стран, международного коммунистического и рабочего движения, колонизаторы были вынуждены маневрировать. Стратегия неоколониализма предполагает отдельные уступки освободившимся странам ради осуществления главной цели империализма — сохранения возможно большего числа стран в системе мирового капиталистического хозяйства, закрепления отсталости и аграрно-сырьевой специализации экономики бывших колоний, сохранения большого разрыва между развитыми и неразвитыми в промышленном отношении странами.

Выход на арену международных отношений большого количества новых государств вызвал к жизни и появление внешней политики и дипломатии развивающихся стран. Между социалистическими и развивающимися странами стали устанавливаться дипломатические отношения. Пала наконец стена изоляции от мировой политики, которую создали и всеми силами поддерживали колонизаторы вокруг колоний и зависимых стран. В 1947 г. СССР установил дипломатические отношения с Индией, в 1948 г.— с Бирмой, а затем со всеми другими освобождавшимися от колониального ярма странами. Социалистическое содруже-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 107.

ство развернуло активную борьбу на международной арене за окончательное уничтожение колониальной зависимости в любых ее формах и проявлениях, за создание национальных государств и предоставление им полной свободы экономического и политического развития. Социалистическая дипломатия активно поддержала справедливую борьбу народов развивающихся стран против империалистической агрессии, за подлинную свободу и независимость.

Решительная поддержка Советским Союзом Сирии и Ливана в ООН помогла им добиться в 1946 году эвакуации английских и французских войск. СССР выступил в защиту индонезийского народа в 1945—1946 гг. от английских и в 1947—1948 гг. от голландских колонизаторов. В последующие годы Советский Союз, страны социалистического содружества активно поддержали арабские народы, народы Индокитая, других стран Азии, а также Африки и Латинской Америки в их борьбе за свободу и независимость, против колонизаторов и агрессоров, за право самим распоряжаться своей судьбой.

* * *

Вся деятельность Советского Союза в области внешней политики и дипломатии успешно осуществляется под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК КПСС.

На основе анализа международной обстановки и всестороннего учета сложившегося после окончания второй мировой войны соотношения сил Коммунистическая партия Советского Союза наметила основные направления деятельности советской дипломатии в этот период: развитие братской дружбы со странами народной демократии, всемерное укрепление мировой системы социализма; поддержка национально-освободительного движения народов, борющихся за ликвидацию колониального гнета, и дружественное сотрудничество с молодыми государствами, сбросившими иго колониальной зависимости; защита мира, разоблачение опасной для мира и безопасности народов политики империалистических кругов США и Англии и решительный отпор их агрессивным действиям; последовательное осуществление ленинских принципов мирного сосуществования, поддержание и развитие взаимовыгодного сотрудничества с теми капиталистическими государствами, которые готовы к этому, в интересах сохранения всеобщего мира и предотвращения угрозы истребительной мировой войны.

Советская дипломатия в первые послевоенные годы вела последовательную борьбу за осуществление демократических принципов по вопросам мирного урегулирования в Европе и на Дальнем Востоке, за разоружение, за превращение ООН в дей-

ственный орган международного сотрудничества, против империалистической политики ущемления суверенитета государств и создания агрессивных военных блоков, нарушения правящими кругами США, Англии и Франции Потсдамских и других четырехсторонних решений; поддержала законное стремление прогрессивных сил создать миролюбивое и демократическое германское государство; развивала и укрепляла разносторонние связи со странами народной демократии, защищала их от всевозможных империалистических посягательств; отстаивала право народов на национальную независимость.

Советские дипломаты — А. А. Громыко, В. В. Кузнецов, В. С. Семенов, В. А. Зорин, А. А. Смирнов, Г. М. Пушкин, А. Е. Богомолов, Я. А. Малик, А. И. Лаврентьев, Ф. Т. Гусев и многие другие — на послевоенных международных конференциях и совещаниях, в ООН и вне ее вместе с дипломатами других социалистических стран и дипломатами ряда развивающихся государств с успехом отстаивали интересы народов, кровно заинтересованных в обеспечении мира и безопасности, в социальном и национальном прогрессе, предотвращении новой мировой войны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА ДВУХ КУРСОВ ПО ВОПРОСАМ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ С БЫВШИМИ СОЮЗНИКАМИ ГЕРМАНИИ В ЕВРОПЕ

После победоносного окончания второй мировой войны перед Советским Союзом и всеми миролюбивыми народами стала задача закрепления победы над фашизмом, обеспечения длительного и прочного демократического мира. Коммунистическая партия и Советское правительство еще в годы войны разработали демократическую программу послевоенного устройства мира. Эта программа предусматривала: оказание помощи народам Европы в деле восстановления демократических свобод и национальной независимости; суровое наказание военных преступников; установление такого порядка в Европе, который полностью исключал бы возможность возобновления агрессии со стороны германского империализма; создание длительного политического, экономического и культурного сотрудничества между европейскими странами [1].

Советский Союз стремился добиться осуществления этой программы на основе сотрудничества государств антигитлеровской коалиции, в первую очередь участвовавших в ней великих держав.

Отстаивая программу справедливого демократического мира, советская дипломатия опиралась на поддержку всех прогрессивных сил, кровно заинтересованных в независимом демократическом развитии стран Европы.

Империалистические державы, подталкиваемые Англией и США, вопреки совместно разработанным принципам мирного урегулирования пытались навязать народам Европы программу империалистического мира, которая означала закабаление побежденных стран, восстановление там реакционных буржуазно-помещичьих режимов и превращение их территорий в военный плацдарм у границ СССР. Добиваясь осуществления своих целей, дипломатия империалистических государств отвергла сотрудничество с СССР и пыталась навязать выдвигаемые ею

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, М., 1946, стр. 118.

условия с помощью шантажа, угроз и других методов политики «с позиции силы».

Лондонская сессия Совета министров иностранных дел (1945 г.)

Осуществление планов дипломатического наступления на Советский Союз Англия и США приурочили к первой сессии Совета министров иностранных дел (СМИД), которая проходила в Лондоне 11 сентября — 2 октября 1945 г.[1]

Совет министров иностранных дел был создан по решению Потсдамской конференции «для продолжения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию». В качестве «немедленной и важной задачи» на Совет было возложено «составление мирных договоров для Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Финляндии...»[2].

Советскую делегацию на всех этапах мирного урегулирования с бывшими союзниками Германии в Европе возглавлял министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, английскую — министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин, американскую — государственный секретарь Дж. Бирнс. Согласно решениям Потсдамской конференции при разработке мирных договоров «Совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали условия капитуляции» с данной стороной[3]. Это означало, что условия мирного договора с Финляндией должны были разрабатывать Советский Союз и Великобритания как державы, находившиеся в состоянии войны с этой страной и подписавшие условия капитуляции; мирные договоры с Румынией, Венгрией и Болгарией — Советский Союз, Великобритания и США. При рассмотрении вопросов мирного урегулирования с Италией Франция по решению Потсдамской конференции, принятому по настоянию Советского Союза, приравнивалась к державам, подписавшим условия капитуляции. Участие Китая предусматривалось исключительно при рассмотрении вопросов мирного урегулирования с Японией. В Потсдамских соглашениях указывалось, что члены Совета, которые не будут участвовать при подготовке того или иного

[1] Всего проведено шесть сессий Совета. Первые три в 1945—46 гг.— в Лондоне (11 сентября — 2 октября 1945 г.), Париже (с 25 апреля по 16 мая и с 15 июня по 12 июля 1946 г.) и Нью-Йорке (4 ноября — 12 декабря 1946 г.) — были посвящены в основном обсуждению вопросов, касающихся Германии и подготовке мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. На последующих трех сессиях в Москве, Лондоне и Париже в 1947 и 1949 гг. рассматривались германские дела и проект Австрийского государственного договора. Подготовка мирных договоров была завершена на третьей сессии СМИД в Нью-Йорке в 1946 г.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., 1947, стр. 337.

[3] См. там же, стр. 338.

мирного договора, могут быть приглашены при рассмотрении вопросов, прямо их касающихся [1].

В нарушение Потсдамских решений на первой сессии СМИД по приглашению Бевина и Бирнса присутствовали делегации Франции и гоминьдановского Китая. Англо-американское требование об участии Франции и Китая в выработке всех мирных договоров невольно вызывало предположение о наличии скрытых мотивов, лежащих в его основе, так как было хорошо известно, что на Ялтинской и Потсдамской конференциях Англия и США, вопреки позиции Советского Союза, неизменно пытались ограничить права Франции как великой державы.

Одна из целей этого маневра стала очевидной на первом же заседании. Бирнс выразил готовность делегации США немедленно пересмотреть Потсдамские постановления относительно порядка разработки мирных договоров [2] и, таким образом, создать прецедент к пересмотру и других совместно принятых решений.

Советская делегация твердо заявила, что она не уполномочена пересматривать решения, принятые главами правительств [3]. Однако, проявляя добрую волю и не желая создавать затруднений в самом начале работы Совета, а также с целью выяснить дальнейшие намерения англо-американской дипломатии, она предложила перейти к рассмотрению вопросов по существу, оставив за собой право обсудить англо-американское предложение «на одном из ближайших заседаний Совета» [4].

Дальнейшие намерения США и Англии со всей очевидностью проявились при обсуждении договоров с балканскими государствами. Американская делегация в ультимативной форме заявила, что Соединенные Штаты не будут обсуждать договоров с Румынией и Болгарией до тех пор, пока там не будут созданы правительства, соответствующие стандартам «западной демократии» и «которые могут быть признаны Соединенными Штатами» [5]. К этому американскому требованию присоединилась английская делегация [6].

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 338.

[2] Архив внешней политики СССР (АВП СССР).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Советская делегация дала решительный отпор выпадам Бевина против демократических правительств Румынии и Болгарии. Глава советской делегации заявил: «Румынскому населению нравится это правительство, американскому правительству не нравится. Как же быть? Неужели из-за того, что американскому правительству не нравится теперешнее правительство Румынии нужно его свалить и навязать другое правительство, которое будет недружественно к Советскому Союзу? В таком деле мы не можем быть помощником американской делегации» (АВП СССР).

В отношении Венгрии, где в то время большинство в правительстве принадлежало партии мелких сельских хозяев, на реакционную часть руководства которой весьма рассчитывали США и Великобритания, Бирнс заявил, что «хотя правительство Венгрии не является отличным», но если оно приблизится к американскому пониманию демократии, то «мы будем готовы признать это временное правительство» [1].

Бывший секретарь американской делегации на Парижской мирной конференции Д. Кемпбелл впоследствии писал: «Соединенные Штаты и Великобритания оказались перед проблемой: сумеют ли они в процессе мирных переговоров добиться того, чего они так безуспешно добивались в период перемирия, а именно поставить ногу в дверь, ведущую в Восточную Европу» [2].

По этим же соображениям английская и американская делегации потребовали скорейшего восстановления довоенного положения в отношении режима Дуная.

При обсуждении мирного договора с Италией сразу же выявились два спорных вопроса — итало-югославская граница и судьба бывших итальянских колоний,— по которым развернулась острая дискуссия, в ходе ее министры согласились передать эти вопросы на рассмотрение и доработку своим заместителям.

Одним из самых существенных результатов работы сессии было решение о том, что в основу мирных договоров с Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией лягут соглашения о перемирии, которые, как известно, были разработаны при активном участии Советского Союза. Это в известной степени предопределяло демократический характер мирных договоров с указанными странами. Однако категорическое требование английской и американской делегаций об изменении состава правительств Румынии и Болгарии фактически сделало невозможным рассмотрение конкретных вопросов румынского и болгарского мирных договоров.

Чем дальше продолжалась работа Совета, тем все более становилось очевидным, для чего США и Англии понадобилось участие еще и других стран в выработке всех мирных договоров. Англо-американская дипломатия предполагала создать внутри СМИД блок, направленный против Советского Союза, отказаться от решения вопросов на основе взаимной договоренности и продиктовать Советскому Союзу свою волю прежде всего в вопросах, касающихся стран Восточной Европы.

22 сентября советская делегация была вынуждена вернуться к вопросу о процедуре работы Совета и предложила строго руководствоваться решениями Потсдамской конференции.

[1] АВП СССР.

[2] *J. Campbell.* The United States in the World Affairs. 1945—1947. New York, 1948, p. 66.

Бевин ультимативно заявил, что он не хочет принимать участия в обсуждении этого вопроса. Таким образом, работа СМИД по выработке мирных договоров была блокирована фактически английской делегацией.

29 сентября Бирнс неожиданно выступил с предложением о созыве конференции для рассмотрения мирных договоров с бывшими союзниками Германии. В состав участников конференции Бирнс предлагал включить всех европейских членов ООН и большую часть ее неевропейских членов. За основу обсуждения предлагалось принять доклады заместителей министров по итогам данной сессии Совета, т. е. фактически вынести на обсуждение несогласованные проекты мирных договоров. Окончательный текст мирных договоров должен быть выработан теми приглашенными государствами, которые объявили войну данной стране [1].

Таким образом предложение Бирнса фактически ликвидировало бы СМИД как основную инстанцию по выработке мирных договоров, и окончательные условия мира зависели бы от конференции, на которую США и Англия предполагали явиться в окружении плеяды зависящих от них стран и где рассчитывали располагать подавляющим большинством голосов.

Не отвергая в принципе идею созыва конференции, советская делегация подчеркнула, что вопрос об этом должны решать те государства, которые подписали условия капитуляции. Предложение же Бирнса находилось в полном противоречии с Потсдамскими решениями [2].

2 октября советская сторона с целью найти выход из тупика, созданного делегациями империалистических государств, предложила подписать протоколы согласованных решений в порядке, установленном Потсдамской конференцией, а несогласованные вопросы рассмотреть на следующем заседании, 3 октября. Но продолжение работы сессии не входило в планы англо-американской дипломатии, стремившейся продемонстрировать свой «жесткий курс» в отношении СССР. 2 октября на сессии председательствовал глава гоминьдановской делегации Ван Ши-цзэ, 3 октября была очередь Бирнса. По его собственному признанию, он не хотел брать на себя ответственность за срыв сессии и в перерыве договорился с гоминьдановцем о немедленном прекращении работы. Ван Ши-цзэ с большой готовностью исполнил это поручение. По предложению Бирнса срок созыва следующей сессии не был установлен [3].

Работа первой сессии СМИД ярко продемонстрировала два принципиально противоположных подхода к проблемам мир-

[1] АВП СССР.
[2] См. там же.
[3] *J. Byrnes.* Speaking Frankly. New York, 1947, p. 106—107.

ного урегулирования, две линии в международной политике, наметившиеся в конце второй мировой войны. Сессия показала, что отказ от сотрудничества с Советским Союзом, проявившийся в первых же действиях правительства Черчилля и новой администрации Трумэна, усилившийся после демонстрации разрушительной силы атомного оружия над Японией, начал проводиться с большей настойчивостью и последовательностью. Агрессивные силы империализма собирались решать все послевоенные проблемы с помощью «атомной дипломатии». Бывший военный министр США Стимсон впоследствии вспоминал, что после разговора с Бирнсом накануне Лондонской сессии СМИД у него сложилось впечатление, что государственный секретарь США ожидает — «бомба, положенная в его карман, будет для него, так сказать, отличным решением проблемы».

На передний план все более выдвигались претензии правящих кругов США на мировую гегемонию. Англия подыгрывала этой линии, стремясь удержать свои позиции и одновременно помешать американо-советскому сотрудничеству, наметившемуся во времена Ф. Рузвельта, что серьезно беспокоило Черчилля.

В своем заявлении после срыва сессии Бирнс особо подчеркнул «руководящую роль», которую, по его мнению, должны играть Соединенные Штаты в современном мире, и в угрожающем тоне говорил о «несговорчивости» Советского Союза [1].

Срыв сессии был объявлен западной печатью «триумфом англо-американской точки зрения». Газеты изощрялись в «предсказаниях» и «прогнозах» относительно скорой «капитуляции» СССР перед совместным англо-американским нажимом.

Англо-американские правящие круги явно переоценили свои силы. Их откровенно агрессивный курс натолкнулся на сопротивление. Даже Бирнс был вынужден констатировать «общественное разочарование», с которым он столкнулся, когда возвратился в США из Лондона [2].

Советское правительство заявило, что расчеты вдохновителей «жесткого курса» на атомную мощь могут легко обернуться против них самих, поскольку «в настоящее время не может быть никаких технических секретов большого масштаба, которые могли бы остаться достоянием какой-либо одной страны или какой-либо одной узкой группы стран» [3].

В беседе с послом США А. Гарриманом 24 и 25 октября 1945 г. глава Советского правительства И. В. Сталин предложил еще раз попытаться созвать СМИД и на нем выработать проекты мирных договоров, а уже потом созвать конференцию тех стран,

[1] «New York Times», 6. X. 1945.
[2] *Byrnes.* Opp. cit., p. 107.
[3] «Правда», 7 ноября 1945 г.

которые будут значиться в согласованном списке. После мирной конференции текст мирных договоров должны были определить державы, подписавшие условия перемирия с соответствующими побежденными странами.

Совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве (1945 г.)

Правительствам западных держав пришлось уступить. В ходе переговоров в соответствии с договоренностью, достигнутой на Ялтинской конференции относительно периодических встреч министров иностранных дел трех держав, было решено созвать такое совещание в Москве. Оно проходило с 16 по 26 декабря 1945 г.

Еще до окончания совещания было опубликовано специальное сообщение о договоренности по вопросу о процедуре выработки мирных договоров, подтверждавшее порядок, установленный Потсдамской конференцией. Соглашение предусматривало также созыв конференции для обсуждения проектов мирных договоров, подготовленных СМИД.

Вопрос о составе конференции вызвал острую борьбу. В противовес предложению западных держав, сделанному на конференции, советская сторона выдвинула предложение, согласно которому должны быть представлены при заключении договоров те государства, которые принимали активное участие в войне против соответствующих побежденных стран. В результате было достигнуто компромиссное соглашение: в состав участников было включено 21 государство — пять великих держав, Австрия, Бельгия, Белорусская ССР, Бразилия, Греция, Индия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Украинская ССР, Чехословакия, Эфиопия, Югославия, Южно-Африканский Союз. Совещание решило также, что постановления конференции будут являться рекомендациями, которые СМИД рассмотрит в порядке, установленном Потсдамской конференцией, после чего выработает окончательный текст мирных договоров. Последнее добавление имело исключительно важное значение. Оно в значительной степени парализовало ту «игру на голосах», которую вели на конференции Англия и США.

В результате усилий Советского правительства на Московском совещании были отвергнуты попытки вмешательства во внутренние дела Румынии и Болгарии со стороны Великобритании и США, которые стремились путем установления иностранного контроля на выборах привести там к власти реакционные силы. Вместе с тем Советское правительство выработало основы для компромисса, который позволил выйти из тупика и продолжить работу по подготовке мирных договоров.

На Московском совещании было решено дать совет болгарскому и румынскому правительствам включить в свой состав

по два представителя от оппозиционных партий и групп при условии, что они должны быть «подходящими» и «лояльно работать» в правительствах. Для осуществления этого совета в отношении Румынии была создана комиссия в составе представителей СССР, США и Великобритании. Совет правительству Отечественного фронта Болгарии должно было дать правительство СССР [1]. Бирнс и Бевин обещали, что, как только рекомендация Московского совещания будет претворена в жизнь, США и Великобритания признают правительства Болгарии и Румынии.

Правительства Румынии и Болгарии сообщили о своей готовности принять рекомендации Московского совещания.

«Дипломатическое наступление» сторонников «жесткого курса» в США и Англии окончилось неудачей.

Борьба советской дипломатии в защиту суверенитета побежденных стран на Парижской сессии СМИД

Первая часть работы сессии СМИД (25 апреля — 16 мая 1946 г.)

По решению Московского совещания СМИД заместители министров иностранных дел должны были возобновить работу над составлением текстов мирных договоров, а срок созыва мирной конференции был установлен 1 мая 1946 г. Однако англо-американская сторона оттягивала эту работу, надеясь, что на конференции, пользуясь большинством голосов, она добьется принятия угодных ей решений.

В начале апреля 1946 г. на запрос французского правительства США и Великобритания заявили, что конференция должна быть созвана в установленный срок. Советское правительство, естественно, не могло согласиться с этой попыткой представить на конференцию, вопреки принятым решениям, несогласованные тексты договоров. В результате последовавших переговоров американское и английское правительства приняли предложение Советского Союза созвать вторую сессию СМИД, которая открылась в Париже 25 апреля 1946 г.

Советская делегация, проявляя добрую волю к Франции, согласилась на участие Франции в обсуждении текстов мирных договоров с балканскими государствами при сохранении порядка принятия окончательных решений, установленного Потсдамской конференцией.

Основная борьба на сессии развернулась по вопросам экономическим, судоходства на Дунае, итало-югославской границы и репараций с Италии.

[1] Текст соглашения см. «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год». М., 1949, стр. 149—166.

Английская и американская дипломатия потребовала включения в мирные договоры условий, обеспечивающих «свободу торговли» и «равные возможности» для иностранного капитала. Принятие этих требований лишало бы побежденные страны возможности заключать экономические договоры и соглашения с каким-либо государством без того, чтобы их условия автоматически не распространялись и на все другие страны, с которыми данная страна имеет экономические отношения. На собственной территории Италия, Румыния, Венгрия, Болгария и Финляндия были бы обязаны предоставлять такие же возможности для деятельности иностранных монополий, как для организаций и граждан своих стран.

Ту же цель экономического закабаления преследовали требования Англии, Франции и США о передаче иностранных активов и возмещении ущерба, причиненного собственности иностранных граждан на территории побежденных стран. Требования в отношении активов касались прежде всего Италии, активы которой в США составляли 130 млн. долл., а в Англии 14 млн. ф. ст. и являлись важным источником покрытия дефицита итальянского торгового баланса [1].

Требования о возмещении ущерба, нанесенного собственности иностранных капиталистов, было направлено прежде всего против придунайских стран, в первую очередь Румынии, экономика которой, особенно нефтяная промышленность, находилась в основном под контролем англо-франко-американских монополий. Их капиталовложения превышали 200 млн. долл. [2] Англо-американская авиация в течение войны не производила налетов на иностранные предприятия в Румынии. Однако на заключительном этапе американские и английские самолеты осуществили ряд массированных воздушных ударов по территориям, к которым приближались советские войска. В результате значительная часть промышленных предприятий, в первую очередь нефтяных, была выведена из строя. Вот за этот-то ущерб и требовала сейчас возмещения англо-франко-американская дипломатия.

Делегации западных держав повторили свое требование, выдвинутое еще на Лондонской сессии СМИД, относительно «равных возможностей» и восстановления своих «прав» в отношении судоходства по Дунаю. Контроль над Дунаем после первой мировой войны фактически захватили Англия и Франция. Из дунайских государств в Дунайскую комиссию допустили только Румынию, Советский Союз был совершенно отстранен от участия в вопросах регулирования дунайского судоходства.

[1] См. *Л. А. Леонтьев.* Экономические проблемы на Парижской мирной конференции. М., 1946, стр. 19.

[2] «New York Times», 1. IX. 1946.

«Британское правительство,— заявил Бевин,— желает восстановить все права, которыми оно прежде располагало» [1].

США, которые до войны не имели вообще никакого отношения к Дунаю, также предъявили свои претензии на участие в управлении этой рекой. Еще на Потсдамской конференции, а затем на Лондонской сессии СМИД они внесли предложение «о свободной и неограниченной навигации по международным водным путям», предусматривавшее «наблюдение за режимом судоходства в интересах обеспечения «равных возможностей» для граждан различных национальностей» [2]. Теперь английская, французская и американская делегации требовали включить в мирные договоры условия, обеспечивающие «свободу судоходства» под международным контролем по Дунаю и всей дунайской речной сети, что, по их замыслам, должно было «открыть двери» для вмешательства во внутренние дела придунайских государств и возрождения в той или иной форме «санитарного кордона» против СССР.

Советская точка зрения относительно судоходства по Дунаю состояла в том, что этот вопрос нельзя решать в договорах с отдельными придунайскими государствами, не учитывая интересы всех придунайских государств, особенно союзных — Чехословакии и Югославии [3].

С дунайским был тесно связан вопрос о Триесте, Юлийской Крайне и итало-югославской границе, который дипломатия западных государств широко использовала в целях шантажа и нажима на советскую делегацию.

Советские предложения по этому вопросу, внесенные еще на Лондонской сессии СМИД, предусматривали проведение границы, исходя из этнографического принципа; включение Триеста в состав Югославии в качестве федеральной единицы; установление в Триесте режима свободного порта, находящегося под управлением международной комиссии из представителей Югославии, Италии, Австрии, Чехословакии и других заинтересованных государств [4].

После длительной дискуссии, в ходе которой выявилось стремление западных держав включить Триест и большую часть Юлийской Крайны в состав Италии, была принята компромиссная рекомендация заместителям министров иностранных дел для их дальнейшей работы: линия границы должна приближаться к этнической; режим порта Триест должен быть разработан в соответствии с требованиями, которые приняты в

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

других свободных портах мира (вопрос о государственной принадлежности Триеста не был согласован) [1].

В соответствии с этой рекомендацией в марте 1946 г. в Юлийскую Крайну была направлена комиссия экспертов, которые, однако, не пришли к соглашению и представили четыре варианта границы. Советские эксперты предлагали передать всю Юлийскую Крайну (большинство населения которой составляли словены и хорваты) с Триестом Югославии. Три варианта границы, предлагаемые экспертами западных держав, разрывали этнографически и экономически единый район Юлийской Крайны, отделяя от нее Триест. Призывая на словах передать этот город Италии, США, как писал Липпман, хотели поставить его «под международный контроль, пока... не было бы достигнуто окончательное решение», принять это решение предполагалось лишь после того, как американские вооруженные силы на Средиземном море возрастут настолько, что Соединенные Штаты получат возможность «не считаться с русскими» [2].

Затягивая решение вопроса, английские и американские правящие круги подстрекали Италию к занятию «непримиримой» позиции, а буржуазная пресса империалистических стран с провокационной настойчивостью твердила, будто Триест превратился в «испытание сил Запада и Востока» и «главное препятствие на пути к соглашению», всеми средствами разжигая нездоровый ажиотаж вокруг этого вопроса.

Далеко идущие планы правящих кругов Великобритании и США в отношении Средиземного моря и Италии со всей наглядностью проявились при обсуждении вопроса о судьбе итальянских колоний и о репарациях с Италии. Бевин явился в Париж с планом установления английского контроля над итальянскими колониями. По его проекту из Триполитании и Киренаики должно быть образовано государство, которое бы находилось в полной зависимости от Англии. Сомали (бывший итальянский протекторат) предполагалось присоединить к британской колонии Сомали, подключить к ним часть Эфиопии (провинцию Огаден) и все это передать под опеку Великобритании.

Советская делегация в интересах международного сотрудничества представила проект установления на десятилетний срок коллективной опеки над бывшими итальянскими колониями. Коллективная опека должна была осуществляться над каждой из колоний одной из четырех союзных держав и Италией с привлечением представителей местного населения [3].

Бевин сразу же отверг советское предложение, Бидо и Бирнс поддержали Бевина, хотя английский проект противоречил

[1] АВП СССР.
[2] «New York Herald Tribune», 2. VII. 1946.
[3] См. «Правда», 1 мая 1946 г.

американскому предложению о международной опеке и французскому — об установлении опеки Италии, а советский — шел навстречу обоим этим предложениям. Выход из тупика был указан советской делегацией, которая присоединилась к французскому предложению с условием, что опека Италии ограничится определенным сроком, после чего колониям будет предоставлена независимость. Бевин выступил против советского плана. Бирнс на деле присоединился к нему, предложив решить судьбу итальянских колоний через год после вступления в силу мирного договора с Италией. В конце концов было решено отложить решение вопроса о судьбе итальянских колоний, а в случае, если четыре державы не решат его в течение года после заключения мирного договора, передать этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН [1]. «В вопросе о бывших итальянских колониях,— говорилось в советском заявлении по итогам Парижского совещания,— особенно бросалось в глаза, что американская и британская делегации действовали обычно в порядке сговора между собой, хотя это и находилось в противоречии с законными интересами других стран» [2].

Вывод, сделанный советской делегацией, подтвердился и при рассмотрении вопроса о репарациях с Италии.

Советский Союз исходил из того, что агрессия не должна оставаться безнаказанной. В то же время, учитывая, что экономика бывших союзников фашистской Германии ослаблена войной, а также принимая во внимание их участие в борьбе против гитлеровской Германии на заключительном этапе войны, Советский Союз ограничил свои репарационные претензии лишь

---

[1] Мирный договор с Италией предусматривал, что судьба ее бывших колоний будет решена в течение года четырьмя державами. В Ливию была послана комиссия четырех держав, которая установила, что измученное оккупацией население требует независимости. Однако США и Англия, создавшие в Ливии ряд военно-морских и воздушных баз, сорвали соглашение между четырьмя державами и добились перенесения вопроса в ООН. Советский Союз в ООН энергично выступил за удовлетворение чаяний ливийского народа. Между Англией, Францией и США возникли противоречия из-за раздела сфер влияния, их единый фронт был расколот. В результате Генеральная Ассамблея ООН приняла решения о провозглашении независимости Ливии (1949—1950 гг.), но Англия и США категорически отказались ликвидировать там свои военные базы. В 1949 г. Генеральная Ассамблея ООН передала юго-восточную часть Сомали (в качестве подопечной территории ООН) под управление Италии до 1 июля 1960 г. Советский Союз выступал за более короткий (пятилетний) срок опеки ООН над Сомали. 1 июля 1960 г. была провозглашена независимость Сомали. Эритрея была объявлена подопечной территорией ООН, мандат на управление которой был выдан Италии сроком на 10 лет. Было решено, что затем Эритрея войдет в федерацию с Эфиопией под суверенитетом Эфиопии.

[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год». М., 1952, стр. 129.

частичным возмещением ущерба. Советский Союз также считал, что выплата репараций должна осуществляться за счет поставок текущей продукции промышленности данной страны, что не только облегчало репарационное бремя, но и способствовало бы развитию национальной промышленности, установлению и развитию сотрудничества между государствами.

В силу того, что в основу мирных договоров с Румынией, Венгрией и Финляндией были положены соглашения о перемирии, в которых устанавливалась сумма репарационных обязательств этих стран (с Румынии и Финляндии — по 300 млн. долл. в пользу Советского Союза, с Венгрии 200 млн. долл.— СССР и 100 млн. долл.— Чехословакии и Югославии), английская и американская делегации не имели формального предлога для выступления против этих обязательств. С тем большим рвением выступили они против репараций Италии Советскому Союзу, несмотря на то что они были ограничены суммой в 100 млн. долл., едва достигавшей 1/25 ущерба, нанесенного народному хозяйству СССР участием Италии в гитлеровской агрессии. Английская и американская делегации обосновали свою позицию главным образом тем, что Италия должна сначала возместить долг за оказанную ей Соединенными Штатами и Великобританией «помощь». «Я думаю,— говорил Бевин,— что после возмещения этих долгов останется слишком небольшая сумма для уплаты репараций» [1]. Расходы, которые несла Италия на содержание американских и английских оккупационных войск вместе с произведенными ими реквизициями, достигли 10 млрд. долл. [2]

Будучи вынужденными принять предложения Советского Союза о сумме репараций (поддержанные Францией), английская и американская делегации категорически выступили против советского предложения об их оплате за счет текущей продукции итальянской промышленности, что способствовало бы ее скорейшему возрождению, но противоречило интересам английских и американских монополий [3].

Несмотря на то что в результате позиции, занятой американской и английской делегациями, ни один из спорных вопросов решен не был, Бирнс и Бевин стали настаивать на скорейшем созыве мирной конференции, явно стремясь использовать ее в целях оказания давления на советскую делегацию.

---

[1] АВП СССР.

[2] См. «Известия», 18 мая 1946 г.

[3] Журнал Компартии США «Политикл афферс», вскрывая подлинное существо аргументов Бирнса и Бевина, писал: «Бирнс вел себя так, как если бы Италия была нечто вроде княжества или колонии Соединенных Штатов и как если бы ее торговля и ее платежи по долгам должны регулироваться Соединенными Штатами».

Советская делегация не возражала против установления срока созыва конференции при условии, что к этому времени будет достигнута договоренность по основным вопросам. Она напоминала о решениях Московского совещания, «которые говорят о том, что, когда подготовка всех проектов мирных договоров будет закончена, тогда Совет министров иностранных дел созовет конференцию для обсуждения мирных договоров» [1].

После длительной дискуссии 16 мая по требованию Бирнса сессия СМИД была прервана на месяц.

Вторая часть работы сессии СМИД (15 июня — 12 июля 1946 г.)

Перерыв англо-американская дипломатия использовала для организации нового нажима на Советский Союз и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Заявление для печати, сделанное Бирнсом после возвращения из Парижа, заканчивалось угрозой, что если конференция 21 государства не будет созвана летом 1946 г., то США потребуют передать выработку мирных договоров Организации Объединенных Наций [2]. Еще в мае США приостановили предоставленный только что Польше кредит на приобретение излишков американского военного имущества. Затем английское министерство иностранных дел и государственный департамент США направили ноты румынскому правительству, обвиняя его в якобы имевших место нарушениях постановлений Московского совещания, и потребовали немедленного проведения выборов. Командующий американскими войсками в Германии генерал Макнерни отдал приказ захватить суда дунайской флотилии, угнанные гитлеровцами и находившиеся в американской зоне оккупации Австрии. Было захвачено 971 австрийское, чехословацкое, болгарское, югославское, румынское и итальянское судно.

25 мая заместитель главнокомандующего американскими оккупационными силами в Германии генерал Клей отдал приказ о прекращении демонтажа подлежащих ликвидации германских военных предприятий и отгрузки промышленного оборудования в Советский Союз.

В заявлении Советского правительства по итогам Парижской сессии СМИД были разоблачены все шантажистские мероприятия американской дипломатии, показано наличие сложившегося англо-американского блока и полное нежелание правящих кругов США и Великобритании идти на сотрудничество с Советским Союзом. Широкая общественность была информирована о том, кто препятствует работе СМИД [3].

---

[1] АВП СССР.

[2] «New York Times», 21. V. 1946.

[3] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 134—138.

Сессия возобновила свою работу 15 июня и сразу же превратилась в арену острой дипломатической борьбы. На одном из первых заседаний Бирнс выступил с заявлением, что США готовы отказаться от репараций при условии, если остальные члены Совета последуют их примеру [1]. Бевин немедленно поддержал Бирнса.

Советская делегация предложила, чтобы СМИД перешел к рассмотрению экономических статей мирных договоров, до сих пор обсуждавшихся в комиссиях и о которых широкая общественность не имела никакого представления. Как только началось обсуждение экономических статей, выяснилось, какое большое число разнообразных требований предъявлено Соединенными Штатами и Великобританией к побежденным странам. Ни американская, ни английская делегации не пожелали сообщить, в какую сумму могут вылиться их претензии. Обращаясь к Бевину и Бирнсу, глава советской делегации заявил: «С одной стороны, г-н Бевин предлагает, чтобы Советский Союз отказался от репараций; с другой стороны, он предлагает полным рублем компенсировать ущерб тех собственников, которые имели имущество в Италии, он предлагает полностью отдать в руки английского правительства ту собственность, которая имеется в Англии. По одной этой статье Англия должна получить столько, сколько составляют репарации в пользу Советского Союза». Глава советской делегации далее отметил, что небольшого сокращения оккупационных расходов, которые несет Италия, было бы достаточно, чтобы удовлетворить скромную сумму репараций в пользу Советского Союза. «Хорошо было бы,— говорилось в заключении советского заявления,— если бы по этому пути умеренных требований к Италии пошла Великобритания, потому что нельзя рассматривать Италию как какую-то британскую колонию» [2]. Советская делегация призвала распространить принцип частичного возмещения ущерба, положенный в основу советских репарационных требований, и на претензии остальных стран к побежденным государствам. Одновременно она настаивала, чтобы не включать в договоры с балканскими государствами требования делегаций западных держав в отношении конфискации иностранных активов, так как эта мера может серьезно затруднить экономическое восстановление малых стран. Однако делегации Великобритании и США не пожелали ни на шаг отступить от своих требований, и соответствующие статьи мирных договоров были сформулированы в двух редакциях.

В двух редакциях были сформулированы и положения, отно-

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.

сящиеся к режиму судоходства по Дунаю. Редакция Англии и США предусматривала свободу судоходства по всей дунайской речной сети, а в редакции советской делегации указывалось, что этот вопрос подлежит урегулированию при участии всех придунайских государств.

Советская делегация нашла возможным пойти на компромисс в отношении обязательств побежденных стран предоставить всем государствам (Объединенным нациям) «равные возможности» [1], оговорив, что срок действия этого принципа будет ограничен 18 месяцами со дня вступления в силу мирного договора.

Вопрос об итало-югославской границе и статуте Триеста неоднократно использовался англо-американской дипломатией для создания «тупика» в ходе переговоров и предъявления требования о созыве конференции 21 государства.

На заседании 29 июня после очередного требования Бирнса немедленно решить вопрос о созыве конференции французская делегация внесла свой план решения вопроса о Триесте, по которому в качестве итало-югославской границы предлагалось принять линию французских экспертов, а для Триеста устанавливался международный режим сроком на 10 лет под наблюдением ООН [2].

Это был хорошо продуманный ход, инспирированный Англией и США. Расчет был построен на том, что советская делегация отвергнет французское предложение. Это позволило бы обвинить ее в срыве соглашения, прекратить переговоры и созвать мирную конференцию, на которой США и Англия собирались быть хозяевами. Однако советская делегация сорвала этот маневр, заявив, что после внимательного изучения французского плана она согласна принять его в качестве базы для дискуссии, оставив за собой право внести предложения относительно статута и границ будущей международной территории [3].

Советская делегация принудила империалистические державы продолжать переговоры, во время которых развернулась борьба по вопросу о границах и статуте международной территории. Делегации империалистических стран пытались максимально расширить размеры международной территории, получившей название «Свободная территория Триест», вплоть до включения в нее всего побережья Истрии. Советская делегация воспротивилась такому ничем не оправданному увеличению границ автономной зоны. В результате было принято компромисс-

[1] Побежденные страны предоставляли каждой из Объединенных наций режим наибольшего благоприятствования и национальный режим в вопросах торговли, промышленности, мореплавания.

[2] АВП СССР.

[3] Там же.

ное предложение, близкое к предложению советской делегации.

По вопросу о статуте Триеста советская делегация представила план управления международной территорией, построенный на демократических основах. Американская делегация сначала предлагала вообще не разрабатывать никакого статута, предоставив это мирной конференции. После длительной дискуссии был принят проект статута, в котором сохранялись основные положения советского проекта. Таким образом, Советский Союз последовательно защищал права Югославии.

После решения вопроса о Триесте американская делегация вновь поставила вопрос о созыве конференции. Советская делегация заявила, что она не возражает вынести на обсуждение конференции некоторые несогласованные пункты мирных договоров, поскольку большинство их касается государств, которые не являются членами Совета и потому не имели возможности высказать свое мнение. Однако она решительно выступила против того, чтобы оставался перешепным вопрос о репарациях с Италии, и предложила решить вопросы о созыве конференции и о репарациях с Италии одновременно[1]. Решение было принято на закрытом заседании Совета 4 июля. Открытие конференции назначено на 29 июля, а по репарационному вопросу американская и английская делегации сняли свои возражения против осуществления поставок в счет репараций из текущей продукции итальянской промышленности[2].

Расчеты, которые связывали Англию и США в отношении конференции, были ярко продемонстрированы при обсуждении правил ее процедуры. Советская делегация представила подробно разработанный проект, который предусматривал создание пяти (по числу мирных договоров) комиссий для рассмотрения политических и территориальных вопросов; двух комиссий (для Италии и остальных стран) для рассмотрения экономических вопросов; состав этих комиссий должен соответствовать решениям Потсдамской конференции и Московского совещания трех министров иностранных дел; предусматривалось создание военной, юридической и редакционной комиссий из представителей всех стран — участниц конференции, а также генеральной комиссии из заместителей глав делегаций с целью координации работы остальных комиссий. Решения в комиссиях и на пленуме конференции должны приниматься большинством в 2/3 голосов[3].

Французская делегация предложила проект, по которому вся работа конференции сосредоточивалась в генеральной

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] См. «Правда», 7 июля 1946 г.

комиссии, а пленуму конференции предоставлялось лишь право утверждать ее решения. Если добавить, что заседания генеральной комиссии должны быть закрытыми, а решения — приниматься простым большинством голосов, то было ясно, что целью французского проекта являлось подменить конференцию комиссией, работающей вне контроля общественного мнения, где был бы широкий простор для всякого рода закулисных сговоров, верхушечных комбинаций, «игры на голосах» и т. п.[1]

Тактика американской и английской делегаций состояла в том, чтобы сначала сопротивляться принятию правил процедуры вообще, а затем «уступить» и согласиться на «компромиссный» французский проект. Бевин не замедлил заявить, что предложение Бидо ему «подходит»[2].

Советская делегация разгадала этот маневр. Она согласилась принять французский проект за основу и внесла к нему соответствующие поправки. Бевин и Бирнс, приняв французский проект, тем самым согласились на обсуждение правил процедуры, а затем под влиянием критики советской делегации были вынуждены сдавать одну позицию за другой. Были приняты советские поправки о составе, функциях и методах комплектования комиссий. Дольше всего делегации западных держав сопротивлялись достижению соглашения по вопросу о принципе голосования. Только 8 июля на закрытом заседании была достигнута договоренность о принятии решений 2/3 голосов, как это и предусматривалось в советской поправке, но при условии, что правила процедуры будут рассматриваться как рекомендации Совета министров и подлежат утверждению конференции[3].

На Парижской сессии СМИД Советский Союз отверг также попытку США ущемить суверенитет Италии путем создания так называемой договорной комиссии, которая должна была располагать на итальянской территории широкими исполнительными и судебными правами якобы для обеспечения выполнения мирного договора. Представители СССР охарактеризовали это предложение США как попытку навязать Италии что-то вроде колониального «режима капитуляций».

12 июля вторая сессия СМИД прекратила работу.

Советская делегация одержала серьезную дипломатическую и политическую победу. Сам факт, что мирная конференция созывалась лишь после того, как было согласовано большинство статей проектов мирных договоров, являлся свидетельством поражения противников международного сотрудничества.

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] «New York Times», 9. VII. 1946.

Парижская мирная конференция (1946 г.)

Начало работы конференции и борьба по вопросам процедуры

Англо-американская дипломатия рассчитывала опрокинуть на конференции согласованные СМИД решения и добиться принятия благоприятных для себя рекомендаций по тем статьям, которые остались несогласованными. Эти надежды строились главным образом на том, что большинство голосов на конференции принадлежало сторонникам англо-американского блока. Накануне конференции правящие круги Соединенных Штатов решили использовать все имеющиеся в их распоряжении резервы «атомной дипломатии» и провели взрывы двух единственных имевшихся в то время у США атомных бомб на атолле Бикини в Тихом океане [1].

С целью мобилизации общественного мнения против Советского Союза англо-американской пропагандой была пущена в ход версия о том, что якобы СССР боится открытых переговоров, стремится установить в международных отношениях «диктатуру большой четверки», игнорирует права малых стран, что интересам последних не соответствуют принятые в результате «обструкции» Советского Союза решения СМИД.

В такой искусственно созданной нервозной обстановке открылась в Париже 29 июля 1946 г. мирная конференция 21 государства.

С первого дня работы конференции, уже при обсуждении правил процедуры, определились два направления. Атаки сателлитов англо-американского блока были прежде всего направлены против принципа принятия решений квалифицированным большинством в 2/3 голосов. Они требовали принятия решений простым большинством. К этому требованию, открыто нарушая согласованные решения, присоединились делегации США и Великобритании.

Советские делегаты в своих выступлениях разоблачили подоплеку этих выступлений. Они показали, что спор идет фактически о том, по какому пути пойдет конференция — по пути международного сотрудничества или же по пути диктата и навязывания решений одной группы государств другим. Советские делегаты отметили, что, следуя по пути, на который толкал конференцию англо-американский блок, она не приведет к положительным результатам, ее авторитет в глазах общественного мнения будет подорван.

После длившихся две недели дискуссий англо-американский блок протащил положение, согласно которому рекомендациями конференции считалось решение, принятое как простым, так и

---

[1] См. «Правда», 3 июля 1946 г.

квалифицированным большинством голосов (2/3). Эта странная формула, которая была преподнесена общественному мнению как «компромиссная», открывала империалистическим державам возможность «игры на голосах».

Особое усердие в поддержке англо-американской дипломатии проявили австралийская делегация [1] и представители некоторых других капиталистических стран.

«Игра на голосах» не была единственным методом, которым пользовались на конференции Соединенные Штаты. Они не отказались и от приемов «атомной дипломатии». Так, перед одним из очередных заседаний конференции делегаты были приглашены на просмотр американского фильма о взрыве в Бикини.

В этой сложной обстановке советская делегация с исключительным терпением и настойчивостью отстаивала дело демократического мира. Существенную роль сыграло то обстоятельство, что вся работа конференции, ее комиссий и комитетов проходила по настоянию советской делегации в условиях абсолютной гласности. Гласность неоднократно помогала срывать маневры и закулисные комбинации американской и английской дипломатии, затрудняла распространение антисоветских вымыслов, давала возможность общественному мнению правильно разобраться в политике представителей обоих политических лагерей.

Территориальные вопросы

Проблема итало-югославской границы и Триеста заняла одно из первых мест на конференции. США и Англия стремились превратить Триест в свою военную базу. Дискуссию начал итальянский премьер-министр де Гаспери, выступивший 11 августа. Его выступлению предшествовала кампания итальянской реакционной печати против проекта мирного договора. Большую часть речи он посвятил обоснованию захватнических притязаний на славянские земли — Юлийскую Крайну и Триест, потребовал отложить решение вопроса о Триесте и заключить лишь временный мирный договор. В то же время де Гаспери более чем снисходительно говорил об экономических статьях мирного договора, дав понять, что он не придает им серьезного значения [2].

---

[1] Так, побуждаемые англо-американской дипломатией представители Австралии предложили создать «европейский международный суд человеческих прав» якобы для наблюдения за выполнением политических условий мирных договоров в побежденных странах, подчинив его юрисдикции правительства побежденных государств. После решительного разоблачения Советским Союзом этой попытки вмешательства во внутренние дела стран народной демократии, а также Италии и Финляндии, нарушения их суверенитета предложение представителя Австралии было отклонено.

[2] «New York Times», 27. VIII. 1946.

Советская делегация дала решительный отпор попыткам пересмотреть демократические антифашистские положения проектов мирных договоров. В речи главы советской делегации отмечалось, что заявление де Гаспери свидетельствует о его нежелании осудить агрессивную политику итальянского фашизма, отмежеваться от нее, что он готов отсрочить заключение мирного договора и продлить военную оккупацию страны и связанные с этим тяготы для итальянского народа.

Опасаясь дальнейших разоблачений своей позиции, американская и английская делегации пытались ограничить доступ представителей печати на конференцию, но решительные выступления советских делегатов в защиту гласности ее работы не позволили осуществить эти намерения. Одновременно США и Англия прибегли к новой серии угроз и шантажа с целью обострения международной напряженности. 19 августа США и Англия направили ноты польскому правительству, в которых пытались диктовать ему условия проведения выборов в сейм, а американская печать начала угрожать отменой 40-миллионного кредита, предоставленного Польше Международным экспортно-импортным банком. Представитель министерства иностранных дел Великобритании заявил, что польский золотой запас, вывезенный из Варшавы в 1939 г. и хранившийся в английских банках, не будет возвращен до тех пор, пока правительство Польши не даст обязательства провести «свободные» выборы. Чехословацкому правительству было отказано в американских кредитах на том основании, что два его делегата на конференции аплодировали советскому представителю в то время, когда он разоблачал экспансионистские замыслы американского империализма[1]. Греческие милитаристы спровоцировали вооруженные столкновения на границах с Албанией и Болгарией.

Особая напряженность создалась на итало-югославской границе. После того как югославская зенитная артиллерия сбила два американских самолета, вторгшихся в воздушное пространство Югославии, последовал ультиматум США.

27 августа 1946 г. Бирнс в беседе с представителями Болгарии потребовал изменения состава болгарского правительства, угрожая отказом США подписать мирный договор. Правительство Болгарии, поддержанное Советским Союзом, отвергло это вмешательство во внутренние дела болгарского народа.

Несколько позднее, продолжая провоцировать «кризис» в международных отношениях, Бирнс отправился в Штутгарт, где произнес речь, в которой заявил о необходимости «возрож-

[1] Об этом факте сообщает сам Бирнс в своей книге (см. *Бирнс.* Цит. соч., стр. 143).

дения сильной Германии» и поставил под вопрос решение Потсдамской конференции относительно западных границ Польши.

Советская дипломатия в этой сложной обстановке приняла решительные меры к пресечению провокаций. Важное значение имело заявление Советского правительства относительно западных границ Польши, в котором твердо отметались все попытки пересмотреть совместно принятые союзниками военного времени решения [1].

В результате действий советской дипломатии был ликвидирован и конфликт на итало-югославской границе. По инициативе Советского Союза в Совете Безопасности ООН был поставлен вопрос о провокациях греческих милитаристов на албанской и болгарской границах.

В такой напряженной обстановке происходило обсуждение вопроса об итало-югославской границе и Триесте. Попытки англо-американского блока сорвать компромисс, достигнутый в СМИД, шли по следующим направлениям: пересмотреть согласованную линию итало-югославской границы, расширить размеры «Свободной территории Триест» и, наконец, навязать ей фактически колониальный режим.

Советский делегат, показав на богатом статистическом, этнографическом и историческом материале бесспорно славянский характер населения Юлийской Крайны, в то же время подчеркнул принципиальную важность достигнутого СМИД компромиссного решения.

Американская, английская и французская делегации не решились открыто выступить против согласованных решений. С тем большей остротой развернулась борьба о статуте «Свободной территории». Вольно трактуя общие принципы, которые были согласованы в СМИД, делегации империалистических держав представили отличавшиеся лишь деталями проекты статута, которые предусматривали наделение назначаемого Советом Безопасности губернатора фактически диктаторскими правами, оставляли множество лазеек для оправдания ввода войск на «Свободную территорию» и в то же время ничего не говорили о сроках вывода оккупационных войск [2].

Советские делегаты вскрыли подоплеку маневров англо-американской дипломатии вокруг статута Триеста — стремление к захвату военных и морских баз, к созданию новых очагов международных конфликтов. В их выступлениях было подчеркнуто, что нельзя рассматривать Триест как военную базу тех или иных держав, как какую-то подмандатную территорию или колонию.

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 191.

[2] «Paris Peace Conference 1946. Selected Documents». Washington, 1946. CP/Y3/P/S/T/Doc. 8.

Вопрос о статуте Триеста обсуждался около двух месяцев. Моральное поражение англо-американского блока было полным. Однако империалистическая дипломатия пустила в ход «машину голосования» и добилась отклонения проекта статута, принятого Советом министров иностранных дел, и утверждения американского проекта.

Другие территориальные проблемы, которые рассматривались на конференции, англо-американская дипломатия использовала прежде всего для того, чтобы «наказать» народы, вступившие на демократический путь развития, и поощрить реакционные силы как внутри этих стран, так и на мировой арене.

Постоянным объектом непрекращавшихся атак и откровенного шантажа была Болгария. Особую активность проявила делегация реакционного греческого правительства Цалдариса, которая при поддержке Англии и ряда других западных стран предъявила претензию примерно на 1/10 часть болгарской территории, прилегающей к греческой границе, под предлогом «стратегической безопасности».

Советская делегация решительно выступила в защиту народной Болгарии. В комиссии по территориальным вопросам домогательства на болгарскую территорию были отвергнуты, однако на пленуме конференции при голосовании соответствующей статьи 12 делегаций во главе с Великобританией воздержались от голосования, а статья была направлена в СМИД без рекомендации. Эта попытка срыва уже достигнутого соглашения и продолжения шантажа Болгарии была осуждена советской делегацией. На заключительном заседании конференции она твердо заявила: «Политическая игра с голосованием по вопросу о болгаро-греческой границе... не будет одобрена... общественным мнением демократических стран. Просчет, сделанный в этой политической игре, очевиден. Вот почему мы с уверенностью говорим болгарам — нашим друзьям: «Болгары, будьте спокойны, ваша граница останется непоколебимой»»[1].

Хотя конференция не имела никакого отношения к вопросам, связанным с Албанией, бывшей жертвой фашистской агрессии, она также подверглась нападкам со стороны англо-американского блока. Цалдарис потребовал передачи Греции «по стратегическим соображениям» района Северного Эпира, составляющего приблизительно 1/3 албанской территории. Английская печать не скрывала, что за этим требованием стоит стремление британского империализма завладеть базами в Южной Албании[2].

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 402.

[2] «Великобритания предпочитает, чтобы оба берега пролива Корфу находились в руках стран, в дружелюбии которых она не сомневается»,— писал английский журнал «Уорлд тудей» («World today», October, 1946, p. 494).

Для того чтобы как-то «обосновать» притязания на Северный Эпир, греческая делегация заявила, что Греция продолжает находиться в состоянии войны с Албанией. Вскоре стало известно, что глава греческой делегации Цалдарис за кулисами конференции предлагал Югославии организовать раздел Албании.

Советская делегация добилась не только отклонения всех греческих притязаний, но и приглашения Албании выступить на конференции с изложением своей точки зрения.

Англо-американская дипломатия пыталась использовать обсуждение территориальных вопросов в империалистических целях. Советская делегация дала решительный отпор попыткам пересмотреть существующую советско-финляндскую границу, и этот вопрос больше не поднимался. Не имели успеха и попытки внести разлад в румыно-венгерские отношения. Правительство Румынии выступило также с заявлением о том, что оно считает советско-румынскую границу справедливой и законной.

В процессе обсуждения территориальных вопросов советская дипломатия разоблачила захватнические замыслы англо-американских империалистов в отношении Триеста, их стремление превратить его в свою военно-морскую базу, она пресекала все попытки англо-американского блока использовать вопрос о Триесте для организации «тупиков» в ходе переговоров и провоцирования «конфликтов» и «кризисов» как на самой конференции, так и за ее пределами. Советский Союз отстоял территориальную целостность Болгарии и Албании. Происки англо-американской дипломатии в этих вопросах потерпели неудачу.

Судоходство по Дунаю, экономические и репарационные вопросы

Стремясь добиться решения дунайского вопроса в своих интересах, представитель США в Экономическом и Социальном совете ООН внес резолюцию, в которой, ссылаясь на «острый недостаток подвижного состава на Дунае» (в то время как эти суда находились в американской оккупационной зоне в Австрии), предложил созвать по вопросам судоходства на Дунае «конференцию всех заинтересованных государств в Вене не позднее первого ноября» [1].

Советский представитель очень точно охарактеризовал подобного рода действия: «Это не язык доброй воли, это нечто вроде того языка, который употребляют, когда приставляют к груди револьвер» [2].

На конференции, как и в СМИД, советская делегация на-

---

[1] «New York Times», 28. IX. 1946.

[2] «Paris Peace Conference», Doc. 28 (E).

стаивала, чтобы вопрос о режиме Дуная был решен самими придунайскими государствами в интересах укрепления их национальной независимости и скорейшего экономического восстановления.

Под влиянием критики советской делегации англо-американская дипломатия была вынуждена маневрировать, неоднократно менять свои предложения. Она отказалась от требования распространить «равные возможности» на всю дунайскую речную сеть и ограничилась собственно Дунаем, сняла требование о созыве конференции с участием «всех заинтересованных государств» (а под это определение можно было подвести любые страны) и согласилась ограничить состав участников четырьмя великими державами и придунайскими государствами. В заключение была пущена в ход «машина голосования», которая проштемпелевала резолюцию, гласившую: «Навигация по реке Дунай должна быть свободной и открытой на условиях полного равенства для граждан, судов и товаров всех государств». Во втором пункте говорилось о созыве конференции представителей прибрежных государств и четырех союзных держав. Все придунайские государства голосовали против этой резолюции. Естественно, что Советский Союз не мог считать себя связанным результатами подобного голосования.

Канадская делегация внесла поправку к решению СМИД, предлагавшую продлить срок действия принципа «равных возможностей» каждой из Объединенных наций в побежденных странах с 18 месяцев до 3 лет. Хотя Бирнс и произнес пространную речь в защиту «равных возможностей», но после должного отпора, который был дан ему советскими делегатами, пойти на срыв достигнутого в СМИД компромиссного предложения не решился, и канадская поправка провалилась.

По вопросу о компенсации иностранных собственников делегации западных стран продолжали отстаивать принцип полной компенсации, сопровождая это требование еще целым рядом дополнительных обязательств.

Как в СМИД, так и на конференции США, Англия и Франция отказались назвать сумму своих притязаний. Советские делегаты на основании данных, предоставленных Италией и Румынией, показали, что за общей формулой компенсации за ущерб скрывались грабительские притязания, принятие которых ложилось бы тяжелым бременем на побежденные страны. Кроме того, были приведены цифры баснословных прибылей, полученных американскими и другими иностранными фирмами в Румынии. «Теперь американская делегация кричит об убытках американских нефтяных королей и князей в Румынии,— говорил советский делегат,— требует возмещения полученного ими ущерба. А прибыли? О них молчат. Ну, что же! Фирмы торгуют

для того, чтобы получать прибыли... Но это было в 1943 году, т. е. это было тогда, когда эти самые «Ромына-Американа» и «Астра-Ромына» торговали с немцами и наживались в войне против нас, наживались вместе с немцами, наживались на нашей крови, на наших разрушениях, на гибели наших братьев, отцов, сыновей, дочерей, жен, матерей... Вот на чем росли их прибыли» [1].

В ходе дискуссии американская делегация неожиданно изменила свою позицию и предложила компенсацию в размере 1/4 понесенного ущерба. Изменение позиции американской делегацией было свидетельством успеха гибкой и твердой политики советской делегации и проявлением межимпериалистического соперничества в послевоенной Европе. Американские капиталовложения в Юго-Восточной Европе значительно уступали английским и французским, а следовательно, и потери от неполной компенсации ударяли прежде всего по карманам английских и французских собственников. С другой стороны, вся грязная работа по отстаиванию непомерных требований и сохранению иностранных (в том числе и американских) капиталовложений перелагалась на плечи английских и французских представителей.

Советская делегация заявила о положительном отношении к изменению американской позиции. Французская сторона выдвинула предложение о 75-процентной компенсации. Английская делегация продолжала отстаивать прежние требования.

Большинством голосов прошло французское предложение. Против него голосовала советская делегация, американская — «за», разоблачив тем самым свое показное «великодушие».

Таким образом, делегации империалистических стран были вынуждены отказаться от своих требований выплаты полной компенсации.

С большой остротой протекала борьба по репарационному вопросу. Австралийская, канадская, южноафриканская и некоторые другие делегации стремились всеми путями сорвать соглашение, достигнутое в СМИД, о размере и порядке выплаты репараций Советскому Союзу. Австралийская делегация внесла две поправки к проекту мирного договора с Румынией, распространив их потом и на остальные договоры. Первая — требовала создания «репарационной комиссии», которая бы определила сумму репараций и взяла под свой контроль их выплату. Вторая — предлагала выплачивать репарации не за счет поставок товарной продукции, а в долларах и фунтах стерлингов.

Подлинных авторов австралийских поправок — американскую и английскую делегации вдохновляло стремление органи-

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 355.

зовать через репарационную комиссию «международное вмешательство» как во внутренние дела побежденных стран, так и в их взаимоотношения с Советским Союзом. Требование выплаты репараций в долларах и фунтах стерлингов было направлено на то, чтобы установить контроль англо-американских монополий над экономикой и финансами этих стран, которые для получения необходимой валюты были бы вынуждены приспосабливать свое хозяйство к экспорту в США и Великобританию. Кроме того, контролируя экспорт, американские и английские монополии контролировали бы и выплату репараций. Делегации стран американо-английского блока — Австралии, Канады, ЮАС,— пытаясь помешать поставкам сырья из СССР в страны, уплачивающие репарации, выступили с нападками на соответствующие двусторонние соглашения.

Советская делегация разоблачила смысл австралийских предложений. Поправки представителей Австралии провалились. За них не было подано даже простого большинства голосов.

Американская и английская делегации открыто пошли на срыв согласованных решений и при обсуждении вопроса о репарациях с Венгрии и Финляндии. Под лицемерным предлогом, что репарации могут затруднить восстановление венгерской экономики, делегация США поставила вопрос о снижении репараций с Венгрии в пользу Советского Союза, Чехословакии и Югославии.

Советская делегация доказала, что не репарации являются причиной экономических затруднений Венгрии, а то, что вывезенное немцами и салашистами имущество на сумму в 3 млрд. долл. находится в американской зоне оккупации и до сих пор не возвращено венгерскому народу. Предложение США было отвергнуто.

Представители англо-американского блока оспаривали самые минимальные суммы репараций, пока речь шла о возмещении ущерба, нанесенного Советскому Союзу, Чехословакии, Югославии, Албании. Картина резко изменилась, когда конференция перешла к рассмотрению многочисленных требований США, Великобритании, их друзей. Английская делегация предъявила репарационные претензии к Италии в сумме 2880 млн. ф. ст. (11 млрд. долл.). Американская делегация насчитала, что Италия нанесла ущерб США в размере 20 млрд. долл.[1] Греция потребовала от Италии 2 млрд. 877 млн. долл. (т. е. почти в 30 раз больше суммы репарационных платежей Италии Совет-

[1] Об этом факте не обмолвились американские газеты. О нем сообщил Кемпбелл (*Кемпбелл.* Цит. соч., стр. 141).

скому Союзу). Требовали репараций Бразилия, Коста-Рика, Гондурас, Гватемала, Сальвадор, Доминиканская Республика и т. д. [1] Вслед за предъявлением непомерных, ни на чем не основанных требований началась демонстрация «великодушия». Английский и американский делегаты заявили, что их страны не намерены требовать полного возмещения ущерба и согласны «ограничиться» иностранными итальянскими активами.

Однако полностью смысл предъявления раздутых претензий раскрылся после того, как англо-американская дипломатия попыталась создать впечатление, что вокруг вопроса о репарациях с Италии создалась путаница, что итальянская платежеспособность поставлена под угрозу и потому решение вопроса без репарационной комиссии невозможно. На свет божий вновь было вытащено австралийское предложение о создании репарационной комиссии. Его протащили, но настолько ничтожным большинством голосов, что было ясно: последняя попытка навязать репарационную комиссию потерпела провал.

Острая борьба развернулась вокруг репараций в пользу Албании. Албанская делегация, получившая возможность благодаря Советскому Союзу выступить на конференции, представила обоснованные данные об ущербе, понесенном в результате итальянской агрессии, на сумму 1 млрд. долл., но выдвинула весьма скромное требование о предоставлении репараций в 25 млн. долл. Это справедливое требование было поддержано Советским Союзом и странами народной демократии. Но англо-американский блок и его сателлиты потребовали лишить Албанию репараций и провели это решение при помощи «машины голосования» [2].

Стремление американского и английского империализма максимально ослабить демократическую Болгарию вновь проявилось при рассмотрении вопроса о выплате ею репараций. При поддержке США и Англии греческое правительство Цалдариса потребовало от Болгарии уплаты 985 млн. долл.

По инициативе советской делегации было внесено предложение, чтобы общая сумма репараций с Болгарии была опреде-

---

[1] См. «Правда», 8 сентября 1946 г.

[2] Репарации в пользу Эфиопии были определены в 25 млн. долл. Греческое требование в 2 млрд. долл. не рассматривалось. Но англо-американскому блоку удалось провести решение о том, что соотношение репарационных сумм между Грецией и Югославией должно составлять 1 : 1, что было явно несправедливо в отношении Югославии. Советская делегация предлагала соотношение 1 : 2 в пользу Югославии. Общая сумма репараций с Италии (без репараций Советскому Союзу) была установлена в 260 млн. долл.

лена в 25 млн. долл. (15 млн.— Югославии и 10 млн.— Греции). Эта сумма была всесторонне обоснована, но в результате закулисного сговора голосами англо-американского блока репарация была определена значительно выше.

Советский Союз твердо отстаивал такие условия выплаты репараций, которые не влекли бы за собой закабаление побежденных стран и не наносили бы ущерба развитию их экономики.

Итоги конференции

Парижская конференция закончила свою работу 15 октября 1946 г. Это была первая в истории международных отношений конференция, на которой условия мирных договоров обсуждались открыто, и миллионные массы во всех частях земного шара могли наблюдать и оценивать все перипетии дипломатической борьбы. В процессе обсуждения мирных договоров полностью раскрылись две программы послевоенного устройства мира: программа демократического мира, которую отстаивал Советский Союз, и программа империалистического «мира», основанного на попытке навязать народам англо-американский диктат.

Конференция способствовала четкому размежеванию двух лагерей на международной арене, ярко проявила их принципиальную противоположность. В то же время конференция полностью подтвердила правильность советской точки зрения на международное сотрудничество и показала не только желательность, но и полную возможность мирного сосуществования государств двух противоположных социально-экономических систем. В упорной борьбе советская дипломатия отстояла, за исключением вопроса о статуте Триеста, согласованные в СМИД решения.

Буржуазная печать не могла не признать полного провала попыток англо-американской дипломатии превратить конференцию в средство «мобилизации общественного мнения против Советского Союза» и ее усилий заставить СССР склониться перед искусственно подобранной комбинацией голосов. Советская дипломатия использовала трибуну конференции для объединения всех демократических сил вокруг Советского Союза, его справедливой политики.

Однако, оценивая итоги конференции, нельзя забывать, что американская и английская делегации начали все бесцеремоннее использовать «машину голосования». Конференция не нашла никаких средств для устранения существующих расхождений, а господствовавшая на конференции группировка во главе с Соединенными Штатами и Англией и не стремилась к этому, добиваясь только одного — использовать большинство голосов, чтобы провести свою точку зрения. Американская и английская делегации дважды по крупнейшим вопросам отказались от той позиции, которая была согласована в СМИД (о процедуре

голосования и о статуте Триеста). Именно поэтому результаты конференции и принятые ею рекомендации оказались не совсем удовлетворительными.

Заключительный этап мирного урегулирования

Нью-Йоркская сессия Совета министров иностранных дел (1946 г.)

Параллельно с сессией Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, с 4 ноября по 12 декабря 1946 г., проходила сессия СМИД. Ее работа началась с рассмотрения рекомендаций, принятых Парижской конференцией. Бирнс внес предложение, чтобы министры без рассмотрения согласились со всеми рекомендациями конференции, принятыми 2/3 голосов. Советская делегация отвергла это предложение, поскольку оно было повторением старого требования рассматривать решения конференции как обязательные для Совета министров. Тем самым она дала ясно понять, что окончательные тексты мирных договоров могут быть выработаны исключительно при условии лояльного сотрудничества всех членов Совета.

В первой половине сессии американская, английская и французская делегации все еще пытались продолжать оказывать нажим, но удержаться длительное время на этой позиции им не удалось. Последовательная, принципиальная линия советской делегации, давление общественного мнения, хорошо осведомленного в результате Парижской конференции о сущности спорных вопросов, заставили англо-американскую дипломатию вступить на путь принятия взаимоприемлемых, компромиссных решений. В результате содержание мирных договоров было значительно улучшено.

В области экономических вопросов была отвергнута новая попытка Бирнса добиться продления срока действия принципа «равных возможностей» каждой из Объединенных наций в побежденных странах с 18 месяцев до 3 лет. Так как еще на мирной конференции советская делегация добилась восстановления прав побежденных государств на их собственность, вывезенную гитлеровскими вооруженными силами, то Бирнс был вынужден заявить, что правительство США готово вернуть суда дунайского флота, принадлежащие как побежденным государствам, так и союзным странам, захваченные американскими войсками в западных зонах оккупации Германии и Австрии.

В решении дунайского вопроса был достигнут успех. Соответствующие статьи, согласованные в СМИД, гласили, что свобода судоходства по реке Дунай для граждан, торговых судов и товаров всех государств ограничивается только портовыми и навигационными сборами и условиями торгового судоходства. Причем все это не распространяется на перевозки между портами

одного и того же государства [1]. Таким образом, попытки США и Великобритании внести в мирные договоры условия, обеспечивающие им в дунайском бассейне «равные возможности» с придунайскими странами, потерпели провал.

Не менее важным было и второе решение СМИД по вопросу о Дунае. Советская делегация согласилась с рекомендацией относительно созыва конференции по урегулированию дунайского судоходства в составе придунайских государств и четырех великих держав. Однако это решение не было включено в тексты мирных договоров, а принято в качестве постановления СМИД. Таким образом, от попытки превратить договоры с побежденными государствами в орудие давления на все государства дунайского бассейна не осталось и следа.

Советскому Союзу удалось добиться ослабления обязательства побежденных стран в отношении компенсации иностранных собственников. Размер компенсации устанавливался в 2/3 понесенного ущерба. Сумма репараций в пользу Греции с Болгарии была снижена до 45 млн. долл., а в пользу Югославии — до 25 млн. долл. Значительные изменения были внесены в распределение репараций с Италии. Советская делегация была против равной суммы репараций в пользу Югославии и Греции, поскольку ущерб, причиненный итальянскими захватчиками Югославии, намного превосходил ущерб, причиненный Греции. СМИД определил сумму репараций в пользу Югославии в 125 млн. долл., а в пользу Греции — 105 млн. долл. Было также принято решение о выплате Италией репараций Албании в размере 5 млн. долл. Эта сумма не могла идти ни в какое сравнение с тем ущербом, который причинила албанскому народу агрессия фашистской Италии. Но признание за Албанией права на получение репараций означало провал кампании клеветы и инсинуаций в адрес албанского народа, попыток изобразить Албанию не в качестве союзного, а вражеского государства. Кроме того, СМИД предоставил Албании право присоединиться к мирному договору с Италией, после чего Албания стала считаться для целей этого договора одной из Объединенных наций.

Бирнс был вынужден снять свои возражения против репараций с Венгрии в пользу Советского Союза, Чехословакии и Югославии. Советская делегация отразила попытки Бевина вновь поставить вопрос о греко-болгарской границе. Болгарская граница, как это и указывалось в заявлении советской делегации, осталась неприкосновенной.

[1] Эти постановления не предоставляли возможностей для иностранного вмешательства в дела стран дунайского бассейна. Остальные условия режима судоходства на Дунае было решено выработать на специальной конференции восьми придунайских стран. Конференция состоялась в Белграде в 1948 г. На ней была разработана новая конвенция о режиме судоходства на Дунае.

Как и на предыдущих этапах мирного урегулирования, длительную дискуссию вызвал вопрос о статуте «Свободной территории Триест». В конечном счете СМИД утвердил статут, который в основном соответствовал принципам демократического устройства. Особенно важно было то, что «Свободная территория» провозглашалась демилитаризованной и нейтральной. По настоянию Советского Союза были определены сроки вывода иностранных войск из Триеста. Соответствующие постановления были включены в мирный договор с Италией [1].

Югославское правительство, которое на Парижской конференции заявило об отказе подписать мирный договор в знак протеста против создания «Свободной территории», сняло свои возражения.

Завершение выработки мирных договоров было серьезным успехом советской дипломатии и новым доказательством возможности в послевоенный период сотрудничества государств с различными общественно-политическими системами. Мирные договоры были подписаны 10 февраля 1947 г. и вступили в силу 15 сентября 1947 г. после ратификации их правительствами четырех великих держав.

Содержание мирных договоров 1947 г.

В *преамбуле* каждого из мирных договоров объявлялось о прекращении состояния войны и содержалось обязательство подписавших данный договор государств поддержать обращение о приеме в члены ООН страны, с которой подписан мирный договор.

Территориальные постановления. Мирный договор с *Италией* устанавливал границы Италии в пределах, существовавших на 1 января 1938 г., за исключением территорий: а) отходящих к Франции (небольшие исправления границы в четырех участках — перевал Малый Сен Бернар, плато Мон Сени, Мон Табор-Шабертон и в верховьях рек Тине, Везубия и Ройя); б) отходящих к Югославии (Восточная часть Юлийской Крайны и полуостров Истрия, г. Фиуме, коммуна Зара с прилегающими островами, остров Пелагоза с прилегающими островами); в) отходящих к Греции (Додеканезские острова); «Свободной территории Триест» (Западная часть Юлийской Крайны с г. Трпест). Как

[1] Усилиями англо-американского блока впоследствии было сорвано выполнение мирного договора в отношении Триеста. Разногласия между постоянными членами Совета Безопасности препятствовали назначению его губернатора. Несмотря на протесты Советского Союза, Триест продолжал оставаться англо-американской военно-морской базой. Англо-американские войска были выведены из Триеста только в 1954 г., после того как по компромиссной договоренности между Югославией и Италией (принятой к сведению ООН) «Свободная территория» была разделена между этими странами. К Италии отошла так называемая зона «А» с Триестом (территория 200 *кв. км*, население 290 тыс.), а к Югославии зона «Б» (территория 525 *кв. км*, население 70 тыс.).

уже было упомянуто, постановления о «Свободной территории Триест» выполнены не были [1]. Италия теряла все права на колониальные владения в Африке (Ливия, Эритрея, Юго-Восточная часть Сомали). Судьбу итальянских колоний должны были определить правительства Советского Союза, Англии, США и Франции в течение года после вступления в силу мирного договора. Если же соглашение не будет достигнуто, то вопрос должен быть вынесен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН [2].

Границы *Венгрии* сохранялись по состоянию на 1 января 1938 г. Объявлялись несуществующими решения так называемых Венских арбитражей, произведенных гитлеровской Германией в 1938 г. (передача Венгрии Северной Трансильвании) и в 1940 г. (передача Венгрии Закарпатской Украины и южного района Словакии). Граница с Чехословакией подвергалась небольшому изменению в пользу Чехословакии в районе Братиславы.

Границы *Румынии* устанавливались по состоянию на 1 января 1941 г., за исключением венгеро-румынской границы, которая восстанавливалась по состоянию на 1 января 1938 г. Решения Венского арбитража 1940 г. объявлялись несуществующими.

Границы *Финляндии* устанавливались в соответствии с советско-финляндским мирным договором от 12 марта 1940 г. Финляндия возвращала Советскому Союзу область Печенга (Петсамо).

Границы *Болгарии* оставались неизменными, как они существовали на 1 января 1941 г.

Политические постановления. Все мирные договоры обязывали побежденные государства обеспечить своим гражданам без различия расы, пола, языка или религии основные демократические свободы, а также не допускать возрождения, существования и деятельности фашистских организаций, принять меры для задержания и выдачи суду военных преступников. В политических постановлениях по договору с *Финляндией* указывалось, что восстанавливается действие советско-финляндского договора от 12 марта 1940 г. с изменениями в том отношении, что Советский Союз отказывается от своих прав на аренду полуострова Ханко взамен на предоставление ему на правах аренды сроком на 50 лет территории и водных пространств в районе Порккала-Удд для создания советской военно-морской базы [3]. Договор с Финляндией устанавливал также демилитаризацию Аландских островов.

---

[1] См. сноску на стр. 60.

[2] См. сноску на стр. 40.

[3] В 1955 г. Советский Союз добровольно и досрочно отказался от своих прав на аренду военно-морской базы Порккала-Удд.

Военные постановления. Мирные договоры предоставляли побежденным государствам право содержать в определенных размерах национальные вооруженные силы, необходимые для обороны страны. Так, например, для *Италии* численность армии устанавливалась в 250 тыс. солдат и офицеров, численность личного состава военно-воздушных и военно-морских сил — по 25 тыс. рядовых и офицеров, водоизмещение военно-морского флота — не свыше 67 500 *т* (не считая двух линкоров), Италии было запрещено иметь подводные лодки, авианосцы и торпедные катера. 163 военных корабля всех классов должны быть переданы в распоряжение четырех держав. *Финляндии* разрешалось иметь сухопутную армию численностью до 34 400 человек, военно-морской флот с численностью личного состава в 4500 человек и общим тоннажем в 10 тыс. *т* и военно-воздушные силы в 60 самолетов при численности личного состава в 3 тыс. человек. На все государства, с которыми подписывались мирные договоры, распространялись ограничения в области военной техники и военного экспериментирования.

Специальные статьи устанавливали сроки эвакуации войск западных держав с территории Италии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии — через 90 дней со дня вступления в силу мирного договора. Исключение было сделано для Советского Союза. Ему предоставлялось право сохранить пребывание своих вооруженных сил на территории Венгрии и Румынии для поддержания коммуникационных линий с Австрией [1].

Экономические постановления. Во всех договорах указывалось, что государство, с которым подписан мирный договор, обязывается предоставить всем иностранным гражданам «равные возможности» в промышленности и торговле на срок в 18 месяцев со дня вступления в силу мирного договора. Также во всех договорах решались вопросы торговли и транспортных связей до заключения торговых договоров. В договорах с *Болгарией, Венгрией и Румынией* указывалось, что правительства этих стран признают право собственности Советского Союза на все германские активы, находящиеся на их территории. В этих трех договорах имелись специальные статьи, посвященные вопросам торгового судоходства по Дунаю [2].

Реституции и репарации. В основу репарационных обязательств по всем договорам был положен принцип частичного

---

[1] После подписания Государственного договора с Австрией в 1955 г. советские войска оставались в Румынии и Венгрии на основании Варшавского Договора. В 1958 г. по согласованию с правительством Румынской Народной Республики советские войска были выведены из Румынии.

[2] Его статут был окончательно установлен на конференции в Белграде в июле — августе 1948 г.

возмещения ущерба, причиненного агрессией. Репарационные обязательства *Италии* в отношении Советского Союза были определены в сумме 100 млн. долл. В отношении других стран репарации распределялись следующим образом: Албании — 5 млн. долл., Эфиопии — 25 млн., Греции — 105 млн., Югославии — 125 млн. долл. Претензии других союзных и соединенных держав должны быть удовлетворены за счет итальянских активов, находящихся в пределах их юрисдикции, а также путем безвозмездной передачи тем государствам, к которым переходит часть территории по договору, промышленных предприятий и оборудования, находящихся на данной территории.

Репарационные обязательства *Финляндии* в пользу Советского Союза были определены в сумме 300 млн. долл. с погашением в течение 8 лет товарами [1].

Болгария обязывалась выплачивать репарации в пользу Греции в количестве 45 млн. долл. и Югославии — 25 млн. долл.

Репарационные обязательства *Румынии, Венгрии и Финляндии* в пользу Советского Союза устанавливались в соответствии с соглашениями о перемирии.

Во всех договорах государства, с которыми они подписывались, обязывались вернуть в кратчайший срок имущество и монетарное золото, вывезенное с территории Объединенных наций, а также восстановить все права и интересы союзных и соединенных держав на своей территории и вернуть их собственность в исправном состоянии. За собственность, утраченную и понесшую ущерб, устанавливалась компенсация в пределах 2/3 понесенного ущерба.

Заключительные постановления определяют во всех договорах порядок контроля над выполнением договора, присоединения к договору, ратификации и вступления в силу.

Итоги мирного урегулирования

Потерпев поражение в открытой дипломатической борьбе, правящие круги США и Великобритании сразу же после подписания мирных договоров встали на путь их срыва и саботажа.

Грубейшим нарушением мирного договора было включение Италии в агрессивный Североатлантический блок и ее ремилитаризация.

Острая дипломатическая борьба, развернувшаяся вокруг мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии в Европе, занимает важное место в истории международных отношений послевоенного периода. Эта борьба показала, что никакие ухищрения врагов мира и международного сотрудничества, провокации и угрозы, воинственное размахивание атом-

[1] В июне 1948 г. Советское правительство, учитывая развитие добрососедских отношений между Финляндией и СССР, сократило оставшуюся невыплаченной сумму репарационных платежей на 50%.

ной бомбой не в состоянии запугать Советский Союз и заставить его отказаться от защиты благородных принципов, во имя которых советский народ одержал историческую победу над ударными отрядами международной империалистической реакции. Выработка и подписание мирных договоров, условия которых в основном соответствовали принципам демократического мира, были отражением изменившегося после второй мировой войны соотношения сил на международной арене.

Советский Союз твердо и последовательно защищал свободу и независимость побежденных государств от попыток их экономического и политического закабаления.

Империалистические круги США и Англии потерпели провал в своих попытках закабалить побежденные страны, лишить государства Восточной Европы их демократических завоеваний, восстановить в том или ином виде «санитарный кордон» вокруг Советского Союза, оттеснить его на второстепенные позиции.

Мирные договоры не содержали статей, ущемлявших национальную независимость и суверенитет побежденных стран, не препятствовали социальным преобразованиям в Румынии, Венгрии и Болгарии. Их заключение способствовало укреплению положения стран народной демократии на международной арене, ликвидировало ту внешнеполитическую неопределенность, которая создавала благоприятные условия для подрывной деятельности реакционных сил внутри этих стран. Договоры создали возможность независимого прогрессивного развития народно-демократических государств.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОБЛЕМЫ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ (1945—1949 гг.) ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДВУХ ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Мирное урегулирование послевоенных проблем в Центральной Европе — на территории бывшего рейха — один из наиболее важных и сложных международных вопросов послевоенного периода. Огромное значение этой проблемы для дела мира и международной безопасности обусловило и то место, которое она заняла во внешней политике четырех держав и во всей системе послевоенных международных отношений. Она стала предметом острой политической борьбы между Советским Союзом и западными державами, между силами прогресса и реакции.

С течением времени изменялась обстановка, а вместе с ней и подход к решению международных проблем, в том числе к урегулированию германских дел. Но существо урегулирования проблемы оставалось неизменным. Оно заключалось в ликвидации очага агрессии в центре европейского континента, в переустройстве жизни немцев на мирных демократических началах и создании условий, исключающих возможность возникновения новой угрозы соседним государствам, т. е. в обеспечении мира и безопасности в Европе.

Пути для этого были указаны в четырехсторонних соглашениях, прежде всего в решениях Потсдамской конференции, являвшейся итогом войны и программой послевоенного развития. Для их осуществления был создан специальный контрольный механизм [1].

По какому пути пойдет развитие на немецких землях: по пути искоренения нацизма и милитаризма, создания демократи-

[1] В соответствии с Декларацией о поражении Германии, подписанной в Берлине 5 июня 1945 г., верховную власть в стране временно взяли на себя правительства СССР, США, Великобритании и Франции. Германия была разделена на четыре оккупационные зоны. В каждой из них верховная власть принадлежала главнокомандующему оккупационными войсками. Вопросы, затрагивающие Германию в целом, был призван разрешать союзный Контрольный совет (КС), состоящий из четырех главнокомандующих. При каждом главнокомандующем имелись политические и военные советники.

ческих институтов, дружбы и сотрудничества с другими странами или по пути реставрации реакционных сил и реванша — так стоял тогда вопрос как перед четырьмя державами, принявшими безоговорочную капитуляцию вермахта и взявшими на себя верховную власть, так и перед самим немецким населением. Подавляющее большинство немцев выступало за переустройство Германии на мирных демократических началах. 1945—1949 годы были тем периодом послевоенной истории, который во многом предопределил все последующее развитие в этом районе Европы.

1. Срыв западными державами Потсдамских решений в западных зонах оккупации и последовательное претворение их в жизнь советской стороной в своей зоне

Позиции Советского Союза и западных держав непосредственно после Потсдама

Разгром фашизма, принятие исторических решений в Потсдаме, оккупация союзниками территории бывшего гитлеровского рейха, рост активности антифашистских патриотических сил немецкого населения — все это создавало благоприятные предпосылки, чтобы раз и навсегда покончить с германским милитаризмом и обеспечить мир и безопасность народам Европы.

Линия Советского Союза в германских делах определялась ленинскими принципами советской внешней политики, верой в творческую энергию немецкого пролетариата и всех трудящихся, в демократические силы немецкого народа, имевшего славные революционные традиции.

Советским людям, вынесшим невиданные страдания в войне и принесшим многочисленные жертвы на алтарь победы, чуждо было чувство мести. В Обращении Председателя Государственного Комитета Обороны СССР И. В. Сталина к советскому народу 9 мая 1945 г. говорилось, что Советский Союз не собирается уничтожать Германию [1].

Советская Армия пришла не как завоеватель, а как армия-освободительница, как классовый союзник немецкого рабочего класса [2]. В лице советских людей антифашистские демократические силы немецкого народа обрели верных и надежных друзей, оказавших им всестороннюю помощь.

---

[1] См. «Правда», 10 мая 1945 г.; «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 45.

[2] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 6. Berlin 1966, S. 27.

С первых же дней после поражения гитлеровского рейха Советское правительство и командование Советской Армии активно занялись вопросами организации продовольственного снабжения немецкого населения и созданием нормальной жизни в своей зоне. Быстро были налажены подвоз продуктов питания, медицинское обслуживание, восстановлена экономика.

Для осуществления управления в своей зоне оккупации Советское правительство в июне 1945 г. создало специальный орган — Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ). Ее задача заключалась в претворении в жизнь решений Ялты и Потсдама.

Положением, утвержденным Советским правительством, на СВАГ возлагалось осуществление контроля за выполнением Германией условий безоговорочной капитуляции, управление советской зоны оккупации и проведение в жизнь согласованных решений Контрольного совета по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, касавшимся всей страны [1].

В своей работе советские военные власти пользовались поддержкой прогрессивных и патриотических сил немецкого населения, которые откликнулись на призыв немецких коммунистов об активном сотрудничестве со СВАГ в деле скорейшего преодоления военной разрухи, хаоса и создания миролюбивой демократической Германии.

Советский Союз быстро и решительно осуществлял в своей зоне согласованные в Ялте и Потсдаме решения и настойчиво добивался от США, Англии и Франции их реализации также в западных оккупационных зонах. Но западные державы все более беззастенчиво становились на путь саботажа и прямого срыва четырехсторонних соглашений. Это не было случайностью, а являлось составной частью их «нового курса», особая роль в котором отводилась ими западным оккупационным зонам.

Правда, вначале Советскому Союзу противостоял прежде всего объединенный американо-английский блок. Франция, занимавшая первое время особую позицию по ряду вопросов, примкнула полностью к нему несколько позже, в 1947—1948 гг.

Возрождение германского милитаризма и использование его в качестве ударной силы против Советского Союза и демократического движения с первых дней рождения Советской власти было генеральной линией империализма в Европе. После вто-

---

[1] См. «За антифашистскую демократическую Германию. Сб. документов 1945—1949 гг.». М., 1969, стр. 65.

рой мировой войны правящие круги западных держав снова возвращаются к своим прежним установкам, стремясь превратить агрессивный милитаризм в орудие осуществления своих экспансионистских планов. «Германия с ее возможностями,— говорил в 1946 г. Дж. Ф. Даллес,— представляет, наряду с атомной бомбой, огромную силу, и ее ни в коем случае не следует выпускать из своих рук».

На первых порах в США и Англии раздавались голоса о том, чтобы попытаться использовать для этого все зоны оккупации, «оттеснив» СССР. Однако, поняв довольно быстро иллюзорность такого рода надежд и наблюдая быстрые демократические преобразования в Восточной Германии, они начинают вести дело к расколу страны, к размежеванию по линии соприкосновения их войск с Советской Армией. В Вашингтоне, Лондоне и Париже довольно быстро, по существу, сошлись на том, что спасти германский империализм и милитаризм можно в создавшейся обстановке лишь путем раскола Германии и срыва в ее западной части осуществления решений Потсдама [1].

Уже в директиве JCS — 1067, подписанной Трумэном 10 мая 1945 г. и направленной главнокомандующему американскими войсками для руководства, указывалось: «Германия оккупируется не в целях ее освобождения, а как побежденная вражеская страна. Германские дела должны решаться так, чтобы это содействовало децентрализации политической и административной структуры страны и развитию местных самоуправлений. С этой целью следует поддерживать все устремления к автономии среди провинциальных, местных и городских администраций». Далее в ней говорилось о том, чтобы американский представитель «ни в коем случае не предлагал и не одобрял в Контрольном совете создание централизованной контрольной администрации для германской экономики» [2].

Первые послевоенные месяцы, когда западные державы уже на практике столкнулись с принципиальной позицией Советского Союза и его твердой решимостью добиваться осуществления решений антигитлеровской коалиции, еще больше укрепили их уверенность в необходимости форсировать раскол Германии. Одновременно политика США, определявшая линию поведения западных держав в германском вопросе, преследовала после второй мировой войны также цель не допустить возрождения мощного империалистического конкурента, способного создать

---

[1] «Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg», Bd. III, Berlin 1962, S. 99.

[2] «Department of State Bulletin», 21. X. 1945, p. 596.

новую угрозу экономическим, а тем более военно-политическим интересам Соединенных Штатов.

Такими установками руководствовались в послевоенное время правящие круги США, Англии и Франции в своей политике и их представители в своей практической деятельности в западных оккупационных зонах и в четырехсторонних органах. К проблеме мирного урегулирования в этой части Европы они подходили лишь с точки зрения осуществления своих военно-стратегических целей.

Поворот и отказ правящих кругов США и Англии от Потсдама происходил постепенно, по этапам. Поставив 2 августа 1945 г. подписи под Потсдамским соглашением, США и Англия не могли, естественно, сразу же, на другой день, полностью отказаться и разорвать его. «Под нажимом мирового общественного мнения они на протяжении второй половины 1945 года и первой половины 1946 года были вынуждены в общем придерживаться принципов четырехстороннего сотрудничества в управлении Германией» [1].

Но дело в том, что империалистические силы США и Англии рассматривали решения Ялты и Потсдама лишь как формальное обязательство, как «дань времени», по их собственному признанию, и не думали выполнять их. Эти решения были ими грубо нарушены. При этом чем больше времени проходило со дня окончания войны, тем все более открыто происходил отказ западных держав от Потсдама. У. Черчилль заявляет вскоре, что «решения Потсдамской конференции вызывают разочарование и беспокойство». Вслед за ним аналогичное заявление делает и Бирнс, назвавший Потсдамское соглашение «ошибкой» [2]. Это был сигнал для открытой атаки на Потсдам.

В результате настойчивой, последовательной борьбы Советского Союза за осуществление постановлений Ялтинской и Потсдамской конференций по германским делам был принят ряд совместных решений и осуществлены некоторые практические меры в первое послевоенное время, направленные на демилитаризацию, демократизацию и денацификацию. Однако в целом политика западных держав все больше характеризовалась отказом от решений Потсдама относительно демилитаризации, денацификации и демократизации, линией на раскол с целью создания сепаратного западногерманского государства, отказом от подготовки мирного урегулирования в этой части Европы.

---

[1] «Правда о политике западных держав в германском вопросе. (Историческая справка)». М., 1959, стр. 18.

[2] *J. F. Byrnes.* In Aller Offenheit. Frankfurt a/M, 1949, S. 226.

Борьба Советского Союза за осуществление союзнических решений по Германии, за ее демилитаризацию, денацификацию, демократизацию и декартелизацию

Демилитаризация Германии являлась одним из основных принципов, провозглашенных антигитлеровской коалицией и нашедших свое закрепление как в решениях Ялты и Потсдама, так и в целом ряде других документов.

Решающее значение для осуществления демилитаризации имела ликвидация вермахта и других военных и полувоенных организаций с их штабами и учебными центрами, а также военно-промышленное разоружение страны и создание надежных гарантий против нового использования ее хозяйственно-экономических и людских ресурсов в агрессивных целях. В соответствии с этим Контрольный совет благодаря настойчивости советских представителей принял в 1945—1946 гг. целый ряд решений, направленных на практическое осуществление решений Потсдама о демилитаризации Германии [1].

При этом необходимо отметить, что в демилитаризации вначале удалось достичь сравнительно бóльших результатов, чем по другим вопросам, предусмотренным Потсдамскими решениями. Но объяснялось это отнюдь не политикой западных держав, а прежде всего последовательной позицией советской стороны и объективно сложившейся обстановкой. Еще в ходе боев были уничтожены целый ряд военных объектов и сооружений и сломана гитлеровская военная машина. Непосредственно после окончания войны были осуществлены такие мероприятия, вызывавшиеся военной необходимостью, как уничтожение подводных лодок, раздел германского флота и т. п.

Однако пойдя после окончания войны на ряд мер, диктовавшихся интересами их собственной безопасности, и приняв указанные выше решения о демилитаризации, западные державы на деле вскоре открыто стали уклоняться от осуществления их в своих зонах.

Более того, они начали прилагать все более активные усилия, чтобы сохранить в той или иной форме кадры гитлеровского вермахта и германский военно-экономический потенциал, поставив их под свой контроль.

---

[1] Приказ № 2 «Об изъятии и сдаче оружия и боеприпасов», директивы № 18 от 12 декабря 1945 г. «О демобилизации и роспуске германских вооруженных сил» и № 39 от 17 октября 1946 г. «О ликвидации германского военно-промышленного потенциала», закон № 8 от 30 ноября 1945 г. «Об отмене и запрещении военного обучения», директива № 22 от 6 декабря 1945 г. «О разминировании и уничтожении фортификаций, подземных сооружений и военных построек в Германии», закон № 23 от 10 апреля 1946 г. «О запрещении военного строительства в Германии», закон № 34 от 20 августа 1946 г. «О ликвидации вермахта» и др.

В ноябре 1945 г. советская сторона представила Контрольному совету меморандум, в котором указывалось, что в одной только английской зоне содержалась целая армейская группа Мюллера численностью свыше 200 тыс. человек и были заново реорганизованы два военных округа с соответствующими управлениями, штабами, службами, комендатурами, а в Шлезвиг-Гольштинии расквартировано около 1 млн. немецких солдат и офицеров, с которыми «обращались не как с военнопленными и которые проходили обучение». При обсуждении этого вопроса 30 ноября 1945 г. командующий английскими войсками Монтгомери ничего не смог возразить против подобных фактов.

Хотя Контрольный совет принял в декабре 1945 г. решение о роспуске такого рода военных формирований, английские власти не выполнили его. Они фактически лишь переименовали эти формирования в «рабочие батальоны», «вспомогательные части», «промышленную полицию», «охранные роты», «транспортные группы» и т. д.

По существу, аналогичное положение было и в американской зоне. Согласно отчету американского главкома на 20 октября 1946 г. в их зоне насчитывались 272 такие группы общей численностью 64 419 человек [1].

По признанию даже самих западногерманских исследователей, «через вспомогательные войска, созданные англичанами, американцами, французами и бельгийцами, прошло в различное время почти полмиллиона немецких мужчин» [2], а в действительности — намного больше. Такие формирования стали, как отмечают многие историки, «военным и политическим резервом кадров германского милитаризма» [3] и явились «в дальнейшем ядром бундесвера» [4].

Под давлением широкого общественного мнения США, Англия и Франция были вынуждены пойти на осуждение главарей гитлеровской Германии, запятнавших себя кровью миллионов людей. Об этом было подписано 8 августа 1945 г. в Лондоне соответствующее соглашение. 1 октября 1946 г. Нюрнбергский военный трибунал вынес приговор 19 главным военным преступ-

[1] «Dokumente zur Deutschlandpolitik der Sowjetunion», Bd. I, Berlin 1957, S. 43. Наряду с немецкими военными формированиями в западных зонах оккупации Германии оставались нераспущенными воевавшие вместе с Гитлером и подлежавшие ликвидации воинские части лиц не немецкой национальности (формирования четников, усташей, салашистов, так называемая «югославская королевская армия», бандеровские банды и т. п.).

[2] *F. Schulz.* Dienstgruppe GCLO. Eine deutsche Nachkriegstrilogie. Bonn o. j. (1956), S. 5.

[3] «Probleme der Geschichte des zweiten Weltkrieges». Bd. II, Berlin 1958, S. 229.

[4] *П. А. Николаев.* Политика США, Англии и Франции в германском вопросе. 1945—1954. М., 1964, стр. 86.

никам, из них 12 — к смертной казни[1]. Но при подготовке Нюрнбергского процесса США и их союзники отказались объявить в числе преступных организаций гитлеровский генеральный штаб и верховное командование немецко-фашистской армии. Они также отказались осудить военного преступника Шахта, который нес значительную долю вины за экономическую подготовку гитлеровской Германии к агрессивной войне. В целом в западных зонах из числа лиц, виновных в совершении военных преступлений и преступлений против мира и человечности, была привлечена к ответственности лишь незначительная часть, притом часто второстепенные исполнители[2].

Западные державы нарушали также решения о ликвидации германского военно-промышленного потенциала, хотя это, по мнению советской стороны, имело «решающее значение для демилитаризации Германии». Межсоюзнические четырехсторонние комиссии Контрольного совета, проводившие в январе 1947 г. выборочное обследование, подтвердили нарушение решений о ликвидации военных предприятий в трех западных зонах.

Несмотря на принятую в марте 1947 г. на Московской сессии СМИД по инициативе советской стороны директиву об ускорении работ по демилитаризации Германии, она фактически так и осталась невыполненной западными державами[3].

Установки Потсдамской конференции относительно демилитаризации Германии и вытекавшие из этого решения Контрольного совета были немедленно и полностью осуществлены только в советской зоне. Все военные и полувоенные организации были распущены и запрещены, военные преступники наказаны[4], военная промышленность и военные объекты ликвидированы.

[1] Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрайхер, Заукель, Йодль, Зейсс-Инкварт и Борман (заочно) — к смертной казни через повешение. Гесс, Функ и Редер — к пожизненному тюремному заключению, Шпеер и Ширах — к 20 годам, Нейрат — к 15, Дениц — к 10 годам.

[2] Хотя большинство преступников бежало в западные зоны оккупации, там были возбуждены дела только против 12 457 человек, т. е. намного меньше, чем в советской зоне. Осуждено лишь 6100, при этом 9 человек — к смертной казни и 71 — к пожизненному заключению («Braunbuch. Kriegs — und Naziverbrecher in der Bundesrepublik». Berlin, 1965, S. 6).

[3] Вскоре после создания ФРГ западные державы в одностороннем порядке объявили в 1950 г. «утратившими силу» на территории Западной Германии принятые Контрольным советом законы о демилитаризации, в том числе относительно отмены и запрещения военного производства, о ликвидации вермахта, экспорта, импорта, перевозок и хранения военных материалов и др., что легализовало перевооружение ФРГ.

[4] С мая 1945 г. по декабрь 1964 г. в советской зоне оккупации, а затем в ГДР были возбуждены дела по привлечению к ответственности по обвинению в участии в совершении военных преступлений, а также преступлений против мира и человечности 16 572 человека. Осуждено — 12 807 человек, из них 118 — к смертной казни, 231 — к пожизненному

В докладе Контрольному совету в 1947 г. относительно уничтожения военных сооружений и материалов отмечалось, что оно полностью проведено лишь в советской зоне (на 99,1%) [1].

Советский Союз не был против развития германской экономики вообще. Он выступал лишь против ее ориентации на военное производство. Установление согласованного уровня для германской промышленности, практиковавшееся в первые послевоенные месяцы, было связано с осуществлением демилитаризации и обусловлено конкретно-исторической обстановкой, сложившейся непосредственно после окончания войны. В дальнейшем, уже в 1946 г., советская сторона настойчиво высказалась за неограниченное развитие мирной германской промышленности, активно потребовав, в частности, на второй (Парижской) и четвертой (Московской) сессиях СМИД устранения всякого рода ограничений в этом отношении.

В Потсдамском соглашении и других решениях четырех держав неоднократно подчеркивалось, что проведение *денацификации* является одним из важнейших условий обеспечения мира и безопасности в Европе. Контрольный совет и его органы распустили созданные при гитлеровском режиме учреждения фашистского характера, провели мероприятия по уничтожению НСДАП (национал-социалистская партия), ее филиалов и подконтрольных ей организаций и приняли ряд специальных законов и постановлений, направленных на искоренение нацизма во всех областях жизни, отмену гитлеровского законодательства, удаление бывших нацистов с ответственных постов, недопущение возрождения фашистских организаций, запрещение фашистской пропаганды и т. д.

Неукоснительное выполнение этих решений и последовательное искоренение нацизма и его последствий осуществлялось, однако, лишь в советской зоне. Фашистская партия и ее филиалы были в ней немедленно запрещены. Различные фашистские и профашистские организации и группы, пытавшиеся наладить подпольную деятельность, были довольно быстро выявлены и ликвидированы, а попытки их возрождения решительно пресечены советской военной администрацией. Была проведена чистка всего административного аппарата и хозяйственных органов. При проведении денацификации отстранялись от занимаемых постов активные нацисты и лица, занимавшие значительные должности при гитлеровском режиме [2]. Они заменялись

заключению («Braunbuch. Kriegs — und Naziverbrecher in der Bundesrepublik», S. 5—6).

[1] АВП СССР.

[2] В советской зоне оккупации только в 1945—1946 гг. в ходе денацификации было отстранено от занимаемых постов 390 478 человек, а всего — свыше полумиллиона, которые были направлены на работу главным образом в промышленность (АВП СССР).

работниками, рекомендованными демократическими организациями и проявившими себя как антифашисты-патриоты.

Была категорически запрещена пропаганда нацистских идей. Библиотеки, учебные заведения, кино очищены от нацистского балласта.

Иное положение сложилось в западных зонах. Американским властям удалось захватить картотеку НСДАП, и они располагали полными данными о нацистской партии и прошлом ее членов. Несмотря на это, денацификация проводилась ими фактически лишь для видимости, а затем и вообще была сорвана. Инструкция Маршалла «О денацификации важнейших предприятий Германии», предусматривавшая арест 1800 руководящих представителей германского финансово-промышленного капитала, чье участие в военных и нацистских преступлениях не вызывало сомнений, не была выполнена [1], так же как и все остальные решения по этим вопросам.

Западные державы на деле подменили денацификацию формальным переучетом почти всего взрослого населения. Эта огульная «денацификация», проводившаяся на основе анкет лиц, участвовавших в работе нацистской организации, давала возможность любому военному преступнику представить ложные сведения и почти автоматически получить справку о реабилитации.

В докладе о денацификации, подготовленном рядом конгрессменов США для специального комитета сената в ноябре 1946 г., признавалось, что она проводится в американской зоне неудовлетворительно. Даже сами ответственные работники американской военной администрации прямо называли эту политику США в вопросе о денацификации «скандальной» [2].

В целом число признанных виновными составило лишь 0,1% к общему числу нацистов, прошедших проверку в западных зонах. Но подавляющее большинство арестованных нацистов было вскоре освобождено. Многим нацистским преступникам, как, например, палачу Ильзе Кох и другим, американский генерал Л. Клей лично заменил смертную казнь и различные виды наказания более мягкими. Затем он отдал приказ о прекращении к 1 июля 1948 г. вообще всех политических процессов, связанных с денацификацией.

Не удивительно, что в 1946 г. органы суда и прокуратуры в американской зоне оказались засоренными бывшими нацистами почти на 35%, в английской — до 43%, во французской — примерно так же. Такое положение сложилось и в полиции, ко-

---

[1] См. «Белая книга о возрождении германского империализма». М., 1951, стр. 34.

[2] *L. Clay.* Entscheidung in Deutschland. Frankfurt am/M, 1950, S. 291—292.

торая в полном смысле слова была наводнена бывшими эсэсовцами и нацистами. Они стали все более активно проникать в существовавшие в западных зонах партии, создавать свои собственные организации и объединения. Из числа высших гитлеровских чиновников и нацистов в западных зонах затем стали подбираться кадры для будущих правительственных учреждений и армии [1].

Западные державы всячески препятствовали осуществлению прогрессивных преобразований в своих зонах, хотя разгром гитлеровской Германии и полное банкротство нацистского режима создали благоприятные условия для *демократизации* общественно-политической жизни.

Наряду с мерами по демилитаризации и денацификации огромное значение должно было сыграть разрешение и поощрение деятельности демократических организаций, реорганизация на демократической основе избирательной и конституционной системы, судебных органов, просвещения, короче говоря, демократическое переустройство всей жизни страны при обеспечении немецкому народу права самому решать вопрос о ее государственном и общественном строе.

Однако последовательно демократические преобразования были проведены только в советской зоне оккупации.

Советская военная администрация, опираясь на прогрессивные силы немецкого народа, неуклонно соблюдая его право на самоопределение, создала прежде всего необходимые условия для деятельности в своей зоне антифашистских демократических организаций и профессиональных союзов (приказ СВАГ № 2 от 10 июня 1945 г. и многие другие ее решения). В Восточной Германии начали складываться общественно-политические силы, способные повести народные массы по миролюбивому демократическому пути.

С первых же дней освобождения в советской зоне активно выступила Коммунистическая партия Германии (КПГ), официально возобновившая свою деятельность 11 июня 1945 г. Затем были созданы Социал-демократическая партия (СДПГ), Христианско-демократический союз (ХДС), Либерально-демократическая партия (ЛДП) и Объединение свободных немецких профсоюзов (ОСНП), тесно сплотившиеся в антифашистский блок.

---

[1] В 1952 г. в МИДе ФРГ 85% высших чиновников являлись в прошлом активными членами нацистской партии. В начале 60-х годов из 105 послов и начальников отделов боннского МИДа 88 работали в ведомстве Риббентропа. Почти половина членов созданного в дальнейшем Аденауэром боннского правительства занимала в прошлом руководящие посты в гитлеровском аппарате или в НСДАП и ее формированиях. Из 25 статс-секретарей правительства Аденауэра 15 имели нацистское прошлое. Бывшие нацисты заняли $^2/_3$ постов судей и прокуроров в ФРГ.

В принятом от 11 июня 1945 г. воззвании КПГ призвала немецкий народ встать на путь демократических преобразований, установления антифашистского демократического режима. ЦК КПГ заявил, что для осуществления этой исторической задачи необходимо, чтобы объединились все демократические силы немецкого народа.

В апреле 1946 г. коммунисты и социал-демократы объединились в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ), что имело огромное значение для срыва планов реакции и обеспечения ведущей роли рабочего класса. Благодаря преодолению раскола и объединению рабочего движения на революционной марксистско-ленинской основе силы рабочего класса значительно возросли, что обеспечило ему руководящую роль в социально-общественных процессах, начавшихся в Восточной Германии. Под руководством СЕПГ здесь развернул свою работу Национальный фронт демократической Германии — объединение всех немецких патриотов, выступающих за мирное демократическое развитие, против милитаризма и фашизма. На антифашистской демократической платформе Национального фронта постепенно объединилось подавляющее большинство населения советской зоны — члены профсоюзов и других массовых организаций трудящихся, интеллигенция, мелкая и средняя буржуазия.

Демократические антифашистские партии и организации находили необходимую поддержку и содействие советской стороны, настойчиво выступившей в Контрольном совете за допущение их деятельности в общегерманском масштабе.

Приказ СВАГ № 2 от 10 июня 1945 г. и другие связанные с ним решения советских военных властей облегчили консолидацию антифашистских сил немецкого народа и дали сильный толчок демократическим преобразованиям.

Буквально в первые же недели после окончания войны в советской зоне повсеместно были организованы органы местного самоуправления, а спустя несколько месяцев — администрация земель. Осенью 1946 г. состоялись первые выборы этих органов. Так постепенно прогрессивные силы Восточной Германии под руководством рабочего класса и при самой активной поддержке СВАГ создавали снизу государственный аппарат, органы новой народной власти.

Важную роль в деле демократизации страны была призвана сыграть аграрная реформа, которая имела целью подорвать политические и экономические позиции юнкерства, давнишней опоры германского милитаризма и фашизма, и заложить основы для демократического преобразования жизни в деревне. Летом 1945 г. на многочисленных собраниях немецкие крестьяне выступали с требованием — земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. В советской зоне на основе решений зе-

мельных органов было экспроприировано 11 465 имений общей площадью в 2,9 млн. *га*, которые были разделены между более чем 330 тыс. сельскохозяйственными рабочими и малоземельными крестьянами [1]. Проведение аграрной реформы означало окончательное освобождение крестьян и создание базы для их прочного союза с рабочим классом. Важное значение для демократизации должны были иметь также экспроприация средств производства, проведение демократизации системы просвещения и другие прогрессивные преобразования во всех областях жизни.

Все важнейшие распоряжения СВАГ, направленные на проведение антифашистских, демократических преобразований, были разработаны, приняты и осуществлены при самом активном участии демократических, патриотических сил немцев и созданных ими органов. Более того, значительное число приказов, касающихся важнейших вопросов жизни советской зоны, было издано СВАГ по инициативе немецких демократических партий и организаций.

Говоря о деятельности СВАГ, нужно прежде всего отметить наличие самого тесного товарищеского сотрудничества всего аппарата советской военной администрации как в центре, так и на местах с антифашистско-демократическими партиями, профсоюзами и другими организациями. Формы этого сотрудничества были самыми разнообразными: от регулярных совещаний начальников и других ответственных работников управлений СВАГ в землях и провинциях с президентами земель и провинций (позже с премьер-министрами и министрами земель) и их представителей до проведения встреч главноначальствующего СВАГ в Берлине с руководящими деятелями антифашистского блока.

Советская военная администрация и антифашистские партии и организации выступали по всем основным вопросам согласованно.

Так при активной поддержке советской стороны консолидировались антифашистские демократические силы и закладывались основы новой миролюбивой демократической Германии в полном соответствии с решениями участников антигитлеровской коалиции и интересами широких слоев немецкого населения. Из оплота юнкерства и прусской военщины Восточная Германия превратилась в поборника демократического обновления.

В то время как в советской зоне за короткий срок были проведены крупные демократические преобразования, в западных зонах были нарушены важнейшие принципы Потсдамской программы относительно демократизации политической жизни Германии. Всякая политическая деятельность в западных зонах

---

[1] *St. Doernberg.* Kurze Geschichte der DDR. Berlin 1964, S. 53, 56.

оккупации до конца августа 1945 г. была запрещена. Создание политических партий было разрешено фактически лишь в конце 1945 г., когда правящие классы несколько оправились от потрясения, перенесенного в связи с разгромом рейха, и в известной степени укрепили свои ряды. Тогда как демократическим партиям и организациям чинились всевозможные препятствия и они подвергались преследованиям, реакционные круги получали от военной администрации западных держав необходимую поддержку и помощь.

Западные державы не допустили объединения политических партий и профсоюзов в общегерманском масштабе, что явилось серьезным препятствием на пути развития демократических сил.

Принимавшиеся в то время конституции земель западных зон нередко были проникнуты отвергавшимися подавляющим большинством немецкого населения федералистскими, сепаратистскими установками.

Система выборов в западных зонах строилась на законах, основанных далеко не на демократических принципах, имевших прежде всего целью устранить нежелательную оппозицию.

Хотя советская сторона, ссылаясь на четырехсторонние решения и опыт советской зоны, требовала скорейшего осуществления земельной реформы и Контрольный совет по настоянию советских представителей и демократических сил немецкого населения достиг наконец договоренности о ее проведении «в течение 1947 г. во всех зонах оккупации», западные державы все же помешали ее осуществлению.

Демократические элементы подвергались в западных зонах все большим гонениям и преследованиям. Аресты, судебные процессы и просто прямое запрещение деятельности демократических организаций становились обычным явлением. Воля народных масс все более грубо подавлялась. Тем самым проведение демократизации фактически было сорвано западными державами в их зонах, что позволило реакции укрепить свои позиции.

Все это привело к тому, что в Западной Германии были созданы благоприятные условия для возрождения милитаризма и реваншизма.

Важное значение для всего послевоенного развития имело также осуществление в Германии *декартелизации*. Германские монополии всегда являлись движущей силой германского империализма. Этот исторический факт полностью подтвержден опытом двух мировых войн. Потсдамское соглашение предусматривало, что «в практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы...».

В соответствии с решением Потсдамской конференции Контрольный совет принял в течение 1945—1946 гг. ряд постановлений, в частности, «О конфискации имущества, принадлежавшего акционерному обществу «ИГ Фарбениндустри», и контроле над ним» (закон № 9, ноябрь 1945 г.), о создании четырехсторонней комиссии по декартелизации и деконцентрации германской экономики, о составлении списка германских предприятий, подлежавших разукрупнению, и т. д.

Но решение о декартелизации, так же как и другие основные принципы Потсдама, было полностью выполнено только в советской зоне.

В мае 1945 г. СВАГ запретила монополистические страховые компании и союзы предпринимателей. Приказами СВАГ № 124 и № 126 от 30 и 31 октября 1945 г. в советской зоне была конфискована собственность военных преступников, активных нацистов и организаций НСДАП и весной 1946 г. передана в распоряжение немецких земельных органов. Советский Союз, отказавшись от права собственности на 3800 предприятий, которые согласно репарационному плану подлежали демонтажу, предоставил немецкому народу возможность вынести собственное решение об их дальнейшей судьбе.

Широкие слои немецкого населения все больше убеждались в том, что ликвидация германского милитаризма и демократическое обновление страны требуют коренных социально-экономических преобразований, и прежде всего экспроприации монополистов. На собраниях коллективов многочисленных предприятий одна за другой принимаются резолюции с требованием о передаче средств производства в руки народа. 30 июня 1946 г. в ходе всенародного референдума 77,7% избирателей Саксонии высказались за переход предприятий военных преступников, руководителей нацистской партии и всех рьяных поборников гитлеровской диктатуры в общенародную собственность, на основе чего были приняты соответствующими органами конкретные законы[1]. В июле — августе 1946 г. аналогичные решения после проведения народного опроса были приняты во всех других землях советской зоны оккупации. В руки народа перешло 9281 предприятие. Германские промышленные и финансовые магнаты были лишены возможности влиять на политическую и экономическую жизнь Восточной Германии.

Все это имело решающее значение для ликвидации германского милитаризма и для обеспечения мирного демократического развития в Восточной Германии.

Тяга широких народных масс к ликвидации позиций монополий и ограничению их власти была сильна и в западных

[1] *St. Doernberg.* Kurze Geschichte der DDR, S. 83.

зонах. 71,9% населения земли Гессен потребовали во время всенародного опроса в январе 1946 г. социализации основных отраслей тяжелой промышленности, что было прямо записано даже в статье 41 земельной конституции. Ландтаг Нижней Саксонии высказался в декабре 1946 г. за национализацию нефтяной промышленности. 5 августа 1947 г. ландтаг земли Шлезвиг-Гольштейн утвердил закон, согласно которому основные отрасли тяжелой индустрии подлежали передаче в общественную собственность. Ландтаг земли Северный Рейн-Вестфалия принял 6 августа 1948 г. закон о национализации угольной промышленности Рура.

Советские представители постоянно обращали внимание западных держав на необходимость скорейшего осуществления решений Потсдама о декартелизации германской экономики и настойчиво требовали принятия практических мер в этом направлении. Но западные державы всячески сопротивлялись проведению декартелизации и других мер, которые могли бы ослабить мощь монополий. Они саботировали осуществление закона № 9 Контрольного совета «О конфискации имущества, принадлежавшего акционерному обществу «ИГ Фарбениндустри», и контроле над ним», а в 1947 г. открыто заявили, что он «не может быть проведен в жизнь в американской зоне».

Ввиду позиции, занятой западными державами, прежде всего Англией, не удалось договориться в Контрольном совете о принятии закона о ликвидации монополий. 27 ноября Координационный комитет констатировал, что закон о декартелизации не может быть принят из-за возражений британской стороны, которую поддержали представители США и Франции.

Когда решения о национализации стали выноситься самими немцами, то Л. Клей специальным приказом запретил их осуществление под предлогом, что они должны быть отложены до консолидации Германии, а на деле, потому, что это противоречило планам и замыслам правящих кругов США. Точно так же поступила и английская администрация, не допустив осуществления аналогичных мероприятий в своей зоне.

Не решаясь полностью игнорировать требования широких народных масс и окончательно открыто порвать с решениями Потсдама, западные державы продолжали формально высказываться за осуществление декартелизации. Более того, после долгих проволочек американская военная администрация пошла даже на издание 12 февраля 1947 г. закона № 56 о «Запрещении чрезмерной концентрации германской экономической мощи» [1]. Это было прежде всего обусловлено заботой о создании необхо-

[1] См. «Правда о политике западных держав в германском вопросе (Историческая справка)», стр. 53.

димого механизма для контроля за германскими монополиями с целью облегчения в будущем конкурентной борьбы с ними. Аналогичные акты были изданы 12 февраля 1947 г. английской, а 9 июня 1947 г. французской военной администрацией [1]. Затем ими был принят ряд других подобных решений [2].

Но все принятые военной администрацией трех западных держав законы и распоряжения, по существу, не предусматривали каких-либо практических мер для проведения декартелизации. Они фактически свелись к формальному обследованию отдельных крупных фирм и к выделению из ряда основных концернов некоторых компаний, т. е. были своего рода реорганизацией. В результате в западных зонах произошло возрождение прежних монополий на основе усиления их связей с английским, французским и прежде всего с американским капиталом. Иначе говоря, это была лишь смена вывесок и названий с определенным перераспределением в них капитала в соответствии с новым соотношением сил в капиталистическом мире.

Западные державы не выполнили и другие согласованные четырехсторонние решения, в частности о *репарациях*. Частичное возмещение ущерба, нанесенного гитлеровской агрессией другим странам, было одним из важных принципов союзнической политики в отношении рейха, провозглашенных антигитлеровской коалицией и закрепленных в решениях Ялты и Потсдама. Однако западные державы вначале тормозили выполнение этих решений, а затем отказались от их выполнения. 5 мая 1946 г. Клей приказал полностью прекратить любые репарационные поставки в СССР. 25 мая 1946 г. об этом было официально объявлено правительствами США и Англии, к которым вскоре присоединилась и Франция.

По данным самих западных держав, Советский Союз до 1 января 1947 г. получил репараций из западных зон оккупации всего-навсего на сумму в 12,5 млн. долл., из них поставки на сумму 7,5 млн. долл. подлежали оплате. В то же время США и Англия захватили все золотые запасы Германии и все ее заграничные активы, большую часть германского торгового флота, получили значительные средства от продажи германского угля и леса и вывоза ценного лабораторного и иного оборудования. Кроме того, в их руках оказалось огромное количество наиболее ценных немецких патентов и изобретений. По официальным данным ФРГ, все ценности, полученные США, Англией и Фран-

---

[1] Закон № 78 английской военной администрации и распоряжение № 96 главнокомандующего французскими войсками в Германии.

[2] Закон № 75 «О реорганизации немецкой угольной промышленности», принятый 10 ноября 1948 г. англо-американской администрацией Бизонии, одноименный закон № 27 от 16 мая 1950 г. и т. п.

цией в Германии, составляли не менее 20 млрд. долл.[1], т. е. сумму, которая была установлена союзниками для взыскания всех германских репараций.

Срыв западными державами решений Потсдама об организации центральной германской администрации и подготовка ими раскола Германии

Весьма характерной чертой этого периода был срыв западными державами решений Потсдама об организации центральной германской администрации, проведение политики, направленной против экономического и политического единства Германии, активная подготовка раскола страны.

На протяжении 1945—1946 гг. по инициативе советской стороны в органах Контрольного совета неоднократно обсуждался вопрос о создании центральной германской администрации, и прежде всего об организации предусмотренных решениями Потсдамской конференции общегерманских департаментов финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности. Но западные державы воспрепятствовали принятию практических решений по данному вопросу. При этом вначале открыто против сохранения единства Германии наиболее активно выступали правящие круги ослабленной войной Франции. В действительности же центр саботажа решений Потсдама находился в США и их штаб-квартире в американской зоне, где Макклой, Клей, Драйпер и Мэрфи активно работали над тем, чтобы сорвать их выполнение и использовать западные зоны оккупации для борьбы против Советского Союза в рамках планировавшегося нового антисоветского агрессивного военного блока.

Весной 1946 г. во время второй (Парижской) сессии СМИД американский государственный секретарь Бирнс и генерал Клей в Париже обсудили детальные планы раскола Германии, объединения американской и английской зон, создания Бизонии и открытого выступления США с такой инициативой[2]. 26 мая 1946 г. Клей официально направил своему правительству предложения о создании в Западной Германии центральных органов управления и правительства по типу совета премьер-министров земель[3]. Как признает Клей в своих воспоминаниях, летом 1946 г. было официально намечено в качестве одной из основных задач американской политики создание сепаратного западногерманского государства.

Все это сопровождалось конкретными практическими мероприятиями западных держав по подготовке раскола страны и

---

[1] «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung», 1958, N 140, S. 1467.

[2] *L. Clay.* Entscheidung in Deutschland, S. 96.

[3] Ibid., S. 90—94.

создания сепаратного западногерманского государства. 9 августа 1946 г. были созданы двухзональные контрольный комитет и управление по продовольствию и сельскому хозяйству, торговле, промышленности и транспорту. 20 августа 1946 г. советы земель американской и английской зон получили указание от оккупационных властей заняться конкретной разработкой плана их слияния. 3 сентября 1946 г. генералы Клей (США) и Робертсон (Англия) одобрили создание пяти двухзональных управлений. 5 сентября 1946 г. они заключили соглашение о принципах экономического слияния двух зон и о создании двухзонального немецкого комитета.

Эти мероприятия, подрывавшие экономическое единство, проводились западными державами односторонне, не считаясь с интересами советской стороны и существованием Контрольного совета, который один был вправе решать такого рода вопросы. Они означали начало практической подготовки к созданию сепаратного западногерманского государства.

2. Обсуждение германских дел на международных встречах представителей четырех держав

Вторая (Парижская) и третья (Нью-Йоркская) сессии СМИД в 1946 г.

Международным совещанием, на котором впервые после Потсдама обсуждался вопрос о послевоенном урегулировании на территории бывшего рейха, была вторая (Парижская) сессия Совета министров иностранных дел (СМИД) [1].

Сессия собралась в обстановке усиления западными державами агрессивного курса, открытых угроз империалистов в адрес СССР, саботажа Потсдамских решений. 5 марта 1946 г. У. Черчилль в Фултоне в присутствии президента США Г. Трумэна фактически прямо призывал к войне против Советского Союза. Поднимавшаяся западногерманская монополистическая буржуазия устами К. Аденауэра, выступившего 24 марта 1946 г.

[1] Обмен мнениями, состоявшийся в связи с представленным французским правительством меморандумом от 14 сентября 1945 г. по германскому вопросу на первой (Лондонской) сессии СМИД, носил сугубо предварительный характер. Вторая (Парижская) сессия СМИД проходила с 25 апреля по 16 мая (первая часть) и с 15 июня по 12 июля 1946 г. (вторая часть). Перерыв в работе сессии был сделан в связи с созывом в Париже мирной конференции для изложения странами-участницами антигитлеровской коалиции своей точки зрения по интересовавшим их в связи с подготовкой проектов мирных договоров вопросам. Во время первой части сессии состоялось 18 пленарных заседаний, второй — 23 (не считая встреч в узком составе). За время сессии СМИД было выпущено 260 документов.

с программной речью, требовала создания «Соединенных Штатов Европы», разумеется с ее участием как в этом объединении, так и в новом «крестовом походе» против коммунизма.

В такой атмосфере 25 апреля 1946 г. министры иностранных дел четырех держав начали свою работу.

Французский министр иностранных дел Ж. Бидо потребовал включения в повестку обсуждения германских дел для решения вопроса о расчленении Германии. Это, по мнению французской стороны, было самым действенным средством обеспечения безопасности Франции.

США поддержали предложение о включении в повестку дня этого вопроса, считая, что позиция Франции благоприятна для достижения их целей.

В ходе дальнейшего обмена мнениями Бирнс высказался за «назначение специальной комиссии для подготовки мирного договора с Германией, в то время, когда мы будем обсуждать здесь, во Франции, другие договоры, которые включены в нашу повестку дня», а 29 апреля 1946 г. выступил с проектом заключения на 25 лет договора о разоружении и демилитаризации Германии, вокруг которого он настойчиво пытался направить в дальнейшем всю дискуссию.

Позиция советского правительства заключалась в том, чтобы сначала закончить подготовку проектов пяти мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровского рейха, разработка которых была поручена СМИД еще в Потсдаме, и не дать возможности западным державам затянуть выполнение этого важного решения, а затем приступить к требовавшему специальной подготовки обсуждению других проблем, в том числе германской и австрийской. Однако, учитывая важность германской проблемы и руководствуясь стремлением к достижению взаимопонимания со своими партнерами, в частности с Францией, советская делегация поддержала ее включение в повестку дня сессии.

Что касается «Проекта германского мирного договора», то делегация СССР заявила 25 апреля, что она «не возражает против обсуждения этого вопроса», поскольку проблема мирного урегулирования в центре Европы была поставлена Советским Союзом еще во время встреч И. В. Сталина с Г. Гопкинсом в мае 1945 г. и на конференции в Потсдаме. Но советская сторона выступила с серьезной критикой американского проекта договора о демилитаризации Германии и против попыток представителей США свести к обсуждению их проекта по этому вопросу всю проблему послевоенного урегулирования. 29 апреля 1946 г. делегация СССР заявила, что американский проект «вызывает серьезные возражения со стороны Советского правительства». Она указала, что этот проект ведет, по существу, не к разоружению, а к его оттяжке. «Как можно откладывать вопрос о

разоружении Германии до заключения нового договора,— говорили советские представители,— когда у нас уже есть соглашение насчет того, чтобы Германия была разоружена, при этом назначены определенные сроки для ее разоружения». Поэтому советская делегация выступила за то, чтобы, «прежде чем говорить о разоружении Германии на будущее время, выяснить, проведено ли наше общее решение о разоружении Германии, которое было принято всеми».

Проект делегации США подразумевал под демилитаризацией проведение чисто военных мер по разоружению вермахта, что, по существу, уже было осуществлено, и в то же время умалчивал о ликвидации военно-промышленного потенциала. Был обойден вопрос об искоренении остатков германского фашизма и о перестройке политической жизни Германии на демократических основах. «...Такой договор,— с полным основанием заявила советская делегация,— не может служить надежной гарантией безопасности Европы и всего мира. Напротив, недостаточность предложенных в проекте мероприятий могла бы таить в себе опасность возрождения Германии как агрессивной державы» [1].

В справке о политике западных держав по германскому вопросу, составленной в 1959 г. МИД СССР и МИД ГДР, американский проект договора характеризуется как дипломатический трюк, имеющий своей целью подготовку «морально-политической основы для ремилитаризации Западной Германии». Этот договор «фактически был направлен на пересмотр главных положений Потсдамского соглашения». В нем «полностью игнорировалась задача ликвидации основ германского милитаризма, его корней — могущества агрессивных германских монополий и юнкерства, сил политической реакции в Германии» [2].

Обсуждение германских дел на первой части Парижской сессии СМИД не привело к сближению точек зрения сторон, и они сосредоточили свои усилия на подготовке проектов мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии.

Когда связанные с этой проблемой вопросы были решены на мирной конференции и на возобновившей свою работу второй части Парижской сессии СМИД, то советская сторона высказалась за обстоятельное обсуждение германских дел. 10 июля 1946 г. делегация СССР заявила, что «пришло время, когда мы должны обсудить вопрос о судьбах Германии и мирном договоре

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год». М., 1952, стр. 233—234.

[2] «Правда о политике западных держав в германском вопросе. (Историческая справка)», стр. 79.

с ней»[1]. Отметив, что в последнее время стали все чаще раздаваться голоса о расчленении Германии на отдельные «автономные» государства, о ее «федерализации», отделении Рура и т. п., советские представители подчеркивали, что «уничтожение Германии не должно входить в нашу задачу, если мы дорожим интересами мира и спокойствия»[2], отмечали решающее значение мнения самих немцев по этому вопросу.

Этим реакционным планам Советский Союз противопоставил свои предложения. Они были суммированы в документе «О судьбах Германии и о мирном договоре с ней», внесенном на рассмотрение СМИД 10 июля 1946 г.

Высказавшись за заключение мирного договора, советская делегация, исходя из своей принципиальной позиции, выдвинула для правильного в тех условиях решения всей проблемы необходимость создания правительства, которое контролировало бы всю территорию, правительства демократического в такой степени, чтобы выкорчевать все остатки фашизма, и ответственного в такой степени, чтобы следовать всем своим обязательствам в отношении союзников[3]. В качестве «переходной меры», первого шага к созданию будущего правительства советская сторона предлагала безотлагательное создание «центральной германской администрации»[4]. Это открыло бы дорогу и к заключению мирного договора.

Советская делегация решительно выступила также и против проектов, предусматривавших деиндустриализацию Германии. Она указывала, что осуществление такого рода замыслов приведет к превращению Германии в опасный очаг реваншизма, будет на руку германской реакции и лишит Европу спокойствия и устойчивого мира. «Надо смотреть не назад, а вперед и нужно заботиться о том, как сделать, чтобы Германия стала демократическим и миролюбивым государством с развитым сельским хозяйством, промышленностью и внешней торговлей, но лишенным возможности вновь возродиться как агрессивная сила»,— говорил глава советской делегации на заседаниях СМИД. Выступая за развитие мирных отраслей немецкой экономики, Советский Союз в то же время настаивал на осуществлении военно-экономического разоружения Германии. Чтобы не допустить возрождения военной промышленности, предлагалось Рурскую область поставить под контроль четырех держав, как об этом шла речь в Потсдаме.

Однако западные державы, стремившиеся к расколу Германии и использованию западных зон в своих агрессивных планах,

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 238.
[2] Там же, стр. 239.
[3] См. там же, стр. 241.
[4] Там же.

отклонили эти советские предложения. В результате имевшего место обмена мнениями в Париже стороны сумели договориться лишь о том, чтобы продолжить рассмотрение вопроса о мирном урегулировании на следующей сессии СМИД.

Завершив на третьей сессии СМИД, состоявшейся 4 ноября — 12 декабря 1946 г. в отеле Валдорф-Астория в Нью-Йорке [1], работу над проектами мирных договоров с пятью странами, бывшими союзниками гитлеровской Германии, министры иностранных дел четырех держав обсудили вопрос о германских делах и Австрии.

Советская сторона 7 декабря 1946 г. предложила специально рассмотреть вопросы послевоенного урегулирования в центре Европы на очередной сессии СМИД. Ее было решено созвать в Москве в феврале 1947 г. [2] Министры поручили своим специально назначенным заместителям собраться 14 января 1947 г. в Лондоне, провести необходимую подготовительную работу и представить к 25 февраля свои соображения по этим вопросам.

Тем самым обсуждение этой важной проблемы было наконец поставлено на практическую основу.

---

[1] Состоялись 23 пленарных заседания (не считая встреч в узком составе), был выпущен 81 документ.

[2] Нью-Йоркская сессия СМИД утвердила следующую повестку дня Московской сессии:

1. Рассмотрение доклада, который должен быть представлен союзным Контрольным советом в Германии по следующим вопросам:

а) работа Контрольного совета, проделанная со времени его создания (демилитаризация, денацификация, демократизация, экономические принципы, репарации);

в) создание центральных административных органов и другие вопросы, связанные с политическим, экономическим и финансовым положением Германии под управлением четырех держав;

с) ликвидация Пруссии.

2. Рассмотрение вопроса о форме и объеме временной политической организации Германии.

3. Подготовка мирного договора с Германией:

а) доклад заместителей по Германии относительно точек зрения союзных государств, упомянутых в инструкциях заместителям, а также предложения по вопросам процедуры;

в) основные директивы, включая вопросы о границах, вопросы о Руре и Рейнской области и др.

4. Американский проект договора о разоружении и демилитаризации и другие меры по политическому, экономическому и военному контролю над Германией.

5. Рассмотрение доклада, представленного Комитетом экспертов по углю.

6. Доклад заместителей о договоре с Австрией.

В Москве министры несколько расширили эту повестку дня, включив в нее рассмотрение финансового положения Триеста и ряд других менее важных вопросов.

Четвертая (Московская) сессия СМИД (1947 г.)

Спустя два года после окончания второй мировой войны в центре Европы совершенно четко определились две противоположные тенденции развития. В советской зоне последовательно проводились решения Потсдама и осуществлялась консолидация демократических сил немецкого народа. Здесь произошли коренные социально-политические изменения. Были «уничтожены основы господства империализма и милитаризма. Возник антифашистско-демократический порядок, в котором впервые в германской истории народные массы под руководством рабочего класса определили политическую, экономическую и культурную жизнь» [1]. В западных зонах происходила перегруппировка и консолидация сил германского империализма и милитаризма.

Характеризуя положение в этих зонах, председатель социал-демократической партии К. Шумахер вынужден был признать 26 сентября 1946 г., что там в «политике, экономике и управлении господствуют снова те же самые силы, которые привели нас к нынешнему положению» [2].

Усиливалась борьба относительно определения путей дальнейшего национального и социального развития на территориях четырех зон, принимавшая все более острые формы.

Сотрудничество четырех держав в контрольных органах по Германии и Берлину все больше осложнялось, уступив место постоянно обострявшейся борьбе.

Это свидетельствовало, как признавала в 1946 г. печать западных держав, что «дух Потсдама ушел уже в прошлое». Вместо «духа Потсдама» в международной политике существовали два совершенно различных подхода, два совершенно противоположных курса в отношении послевоенного урегулирования в центре Европы.

Новый этап в политике западных держав в этом вопросе наглядно определился на рубеже 1946—1947 гг. Выступая 6 сентября 1946 г. в Штутгарте, государственный секретарь США Бирнс подтвердил объявленное накануне решение об экономическом объединении американской и английской зон оккупации и наметил основные направления этого курса, ближайшей целью которого были ликвидация четырехстороннего управления оккупированной территорией и создание сепаратного западногерманского государства [3]. «Если не сможет быть достигнуто

[1] *H. Lipski.* Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung 1945—1949. Berlin 1964, S. 138.

[2] «Bericht des Parteivorstandes der SED an den 2. Parteitag», Berlin, S. 41.

[3] 2 декабря 1946 г. в обход Контрольного совета было заключено соглашение между США и Англией об экономическом слиянии их зон

полное объединение,— заявил Бирнс,— то мы сделаем все, что в наших силах, чтобы достигнуть максимально возможного объединения», т. е. трех западных зон против восточной зоны.

Выступление Бирнса ознаменовало официальный разрыв США с союзническими соглашениями по германским делам. От саботажа демилитаризации, денацификации и демократизации западные державы переходят к полному отказу от этих принципов, согласованных в Ялте и Потсдаме. Поэтому один из наиболее ярых сторонников и инициаторов этого коварного плана, генерал Клей, характеризовал речь Бирнса, как «величайший поворот» в политике США в германском вопросе [1].

В своем заявлении 12 марта 1947 г., специально приуроченном к открытию Московской сессии СМИД, президент США Г. Трумэн обещал всем странам помощь в борьбе с коммунизмом и претендовал на признание за Соединенными Штатами руководящей роли в мире («доктрина Трумэна») [2]. 5 апреля 1947 г. Г. Трумэн развил дальше эти идеи, открыто заявив, что «мир смотрит на нас как на своего руководителя» [3].

Так, накануне Московской сессии СМИД были открыто сформулированы цели политики правящих кругов США, их намерение диктовать Советскому Союзу свою волю, в частности, свои условия решения послевоенного урегулирования, предусматривавшие в конечном счете возрождение германского милитаризма и превращение его в свой ударный отряд на европейском континенте.

Усиление агрессивности и раскольнических действий западных держав свидетельствовали также о растущем подчинении английской и французской политики по этому вопросу курсу США. Конечно, правящие круги Англии и Франции, учитывая горький опыт прошлого и опасаясь укрепления позиций германского империализма, преследовали и свои собственные цели в германских делах. Английские монополии, установившие контроль над Руром, явно были не прочь сохранить такое положение на возможно более длительный период. Французские монополистические круги претендовали на промышленный район Саара, выступали за ревизию западных границ Германии. Однако в целом Лондон и Париж, напуганные глубокими изменениями в пользу социализма, происшедшими в Европе в резуль-

---

(с 1 января 1947 г. вошло в силу). Американская и английская зоны оказались, по существу, изъятыми из ведения Контрольного совета, поскольку все важнейшие вопросы их жизни решались отныне сепаратными двухзональными англо-американскими органами.

[1] *L. Clay.* Entscheidung in Deutschland, S. 96.

[2] *H. Truman.* Memoiren, Bd. II, Stuttgart, 1955, S. 115.

[3] Ibid., S. 116.

тате второй мировой войны, полагали, что сохранить крайне ослабевшие позиции капитализма в Европе можно, лишь опираясь на экономическую и военно-политическую мощь США. Это, с одной стороны, открывало перед США возможности использования угроз, запугивания и шантажа в отношении Парижа и Лондона, а с другой стороны, привело к тому, что правящие круги Франции и Англии, исходя из узко эгоистических классовых интересов, капитулировали в первые послевоенные годы перед диктатом США и поддерживали американскую линию в германских делах, что противоречило коренным национальным интересам этих стран.

18 марта 1947 г., когда уже началась работа сессии СМИД, в США был опубликован так называемый «доклад Гувера». Он был составлен бывшим президентом США специально по заданию Г. Трумэна. В нем предлагалось создать сепаратное западногерманское правительство, заключить с ним сепаратный мирный договор, полностью прекратить демилитаризацию и декартелизацию, ввести в Западной Германии сепаратную валюту, вернуть к управлению западногерманской экономикой руководителей военной промышленности гитлеровского рейха.

Сессия СМИД была теперь, по существу, ни к чему западным державам. Как откровенно говорил один из ведущих экспертов госдепартамента США, Л. Фишер, Дину Ачесону накануне сессии, им была «попросту нужна неудачная конференция», чтобы, показав бесплодность переговоров с СССР, ускорить осуществление своих агрессивных планов [1].

Сессия СМИД продолжалась с 10 марта 1947 г. по 24 апреля 1947 г. За это время было проведено 43 официальных заседания и целый ряд неофициальных встреч. Московская сессия являлась самым продолжительным послевоенным совещанием четырех держав, поставив по количеству времени, посвященному ею данной проблеме, своеобразный рекорд. Лишь пленарные заседания министров продолжались 134 часа 55 минут, не считая работы заместителей министров и целого ряда специальных комитетов. Но главное заключалось в том, что на Московской сессии не только наиболее обстоятельно обсуждались все вопросы, связанные с германскими делами во всех аспектах, но и впервые так открыто проявился прямо противоположный подход Советского Союза и западных держав к их решению.

Утвердив на своем первом же заседании закон Контрольного совета № 46 от 25 февраля 1947 г. о ликвидации прусского государства, т. е. фактически санкционировав то, что уже было осуществлено на деле, министры перешли к обсуждению дру-

[1] *L. Fischer.* This is our World. New York, 1956, p. 81.

гих включенных в доклад Контрольного совета СМИД вопросов.

Вскрыв нарушение западными державами решений о *демилитаризации* в их зонах и разоблачив попытки английских представителей замаскировать свой отказ от демонтажа германских военных предприятий ссылками на какую-то «нейтрализацию» этих объектов, советская сторона решительно потребовала выполнения четырехсторонних решений по данному вопросу.

При обсуждении вопроса о *денацификации* представители США, Англии и Франции пытались голословно отрицать приведенные советской делегацией данные, свидетельствовавшие о полном отходе западных держав от решений Потсдама.

Во время обсуждения вопроса о *демократизации* Германии, отметив нарушение западными державами и этого принципа Потсдама, осуществлению которого советская сторона придавала «особое значение», она предложила проводить координированную политику во всех зонах с целью осуществления реконструкции в них политической жизни на демократической и мирной основе [1].

Несмотря на сопротивление западных держав, они все же оказались вынужденными пойти на принятие ряда решений по некоторым вопросам, связанным с демилитаризацией, денацификацией и демократизацией Германии [2], поскольку многие из них были уже предопределены в докладе Контрольного совета.

Важное место в дискуссии заняла *проблема восстановления экономического единства*. Советская сторона заявила, что «важ-

---

[1] Советская сторона предлагала при этом руководствоваться следующим: а) предоставить демократическим партиям и свободным профсоюзам право объединиться в общегерманском масштабе, проводить съезды и конференции с участием представителей всей Германии, избирать свои центральные органы, издавать свои центральные газеты и журналы; б) поручить Контрольному совету разработать и ввести в действие на всей территории Германии единые принципы демократического законодательства о выборах на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании и пропорциональной системе; в) одобрить согласованное в Контрольном совете решение о проведении в 1947 г. в американской, английской и французской зонах оккупации земельной реформы как основы демократического преобразования жизни немецкой деревни.

[2] В частности, участники совещания договорились, чтобы Контрольный совет закончил к 1 июля 1947 г. составление планов ликвидации заводов и фабрик, сооруженных специально для производства военных материалов; советская, американская и французская делегации согласились ликвидировать важные военные предприятия в течение 1947 г., а английская сторона заявила, что завершит эту работу к июлю 1948 г.; Контрольному совету поручалось ускорить денацификацию и обеспечить в 1947 г. проведение и завершение аграрной реформы во всех зонах и т. д.

нейшим условием осуществления экономического единства Германии является создание центральных германских административных департаментов по промышленности, сельскому хозяйству, финансам, транспорту, коммуникациям, внешней торговле». В соответствии с этим делегация СССР внесла на обсуждение специальный документ об «экономическом единстве». Однако предложения Советского Союза натолкнулись на сопротивление западных держав.

При рассмотрении второго пункта повестки дня — *«О форме и объеме временной политической организации Германии»*,— которое превратилось, по существу, в обсуждение в целом вопроса о путях дальнейшего развития Германии, советская сторона выступила с четкой и ясной программой, которая была изложена в специальном заявлении. Отметив, что перед союзниками «стоит задача» помочь немцам, которые стремятся стать на новый путь, сделать Германию мирным демократическим государством и не допустить возрождения ее в качестве агрессивной силы, советская делегация предложила безотлагательно договориться относительно будущей политической организации Германии, о характере ее государственного устройства. Советская программа предусматривала восстановление Германии в качестве единого миролюбивого государства, как демократической республики, «с общегерманским парламентом из двух палат и общегерманским правительством, при обеспечении конституционных прав земель» [1]. Президент подлежал избранию парламентом. Конституция Германии и конституции земель должны были быть построены на демократических началах, закрепить развитие Германии как демократического и миролюбивого государства, обеспечить всем гражданам демократические свободы, свободное образование и свободную деятельность всех демократических партий, а также профсоюзов и других общественных демократических организаций и учреждений. Предусматривалось, что парламент и ландтаги избираются на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании и пропорциональной системе.

Советская делегация выдвинула конкретные предложения относительно временной политической организации Германии. В качестве первого шага на пути к созданию временной политической организации в форме временного правительства предусматривалось в соответствии с Потсдамскими решениями учреждение центральных административных органов, так называемых административных департаментов для ряда отраслей экономики. Затем предполагалось поручить Контрольному совету с участием демократических партий, свободных профсоюзов

[1] АВП СССР.

и других демократических антифашистских организаций и представителей земель, объединенных в консультативный орган (Консультативный совет), разработать временную конституцию. В соответствии с временной конституцией должны были быть проведены на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании выборы по пропорциональной системе и после этого образовано временное общегерманское правительство, основной задачей которого являлось бы искоренение остатков милитаризма и фашизма, проведение всесторонней демократизации и осуществление необходимых мероприятий по восстановлению экономики, а также обеспечение выполнения обязательств перед союзниками и подготовка постоянной конституции [1]. Постоянная конституция подлежала утверждению немецким населением.

Предложенная советской стороной программа возрождения Германии в качестве единого миролюбивого демократического государства натолкнулась на решительное сопротивление западных держав. Французский представитель на совещании заместителей министров иностранных дел, занимавшихся подготовкой сессии, Поль Бонкур утверждал, что «идеалом была бы Германия, разделенная на мелкие государства, как это было во время Вестфальского мира».

Представители США выступили против образования временного центрального правительства на основе всеобщих выборов. Маршалл заявил, что он «не считает необходимым проведение выборов». Он предлагал поручить Контрольному совету создание временного правительства в форме Национального совета, составленного из глав правительств земель. Таким образом немецкое население отстранялось бы от участия в решении этого вопроса, а западные державы обеспечивали себе в центральном органе необходимое большинство. Организованное таким путем послушное им временное правительство должно было подготовить конституцию, представить ее на утверждение Контрольному совету и созвать учредительное собрание, избранное на основе избирательного закона, принятого землями. После принятия конституции учредительным собранием она должна была быть передана для окончательного утверждения Контрольному совету с последующим одобрением населением [2]. Только затем предусматривалось создание правительства в соответствии с конституцией. При этом заранее оговаривалось, что оно должно быть «правительством с ограниченными полномочиями»,

[1] См. «Правда о политике западных держав в германском вопросе», стр. 19—20.

[2] АВП СССР.

которое будет делить свою власть с правительствами земель [1].

Фразы представителей западных держав о «децентрализации» и «федерализации» представляли собой не что иное, как попытки прикрыть курс на раскол Германии. Именно так они были оценены советской стороной. На заседании СМИД 22 марта 1947 г. советская делегация заявила, что «осуществление такого рода планов несовместимо ни с задачами демократизации Германии, ни с интересами всеобщего мира и спокойствия» [2].

Стремясь уклониться от дальнейшего обсуждения вопроса о политической организации Германии, Маршалл предложил на 19-м заседании передать все предложения сторон Контрольному совету и рассмотреть их на следующей сессии СМИД. Это была попытка снять с рассмотрения одну из важнейших проблем, настоятельно требовавшую своего разрешения. Советская делегация расценила предложение Маршалла как стремление «иметь свободные руки, действовать так, как хочешь, без согласования между союзниками своих решений и своих действий».

В продолжавшемся затем по настоянию советской стороны обсуждении вопроса о временной политической организации делегация СССР в связи с развернувшимися спорами о правах будущего центрального правительства и земель предложила провести плебисцит. «Надо узнать мнение германского народа о том, хочет ли он иметь Германию как единое государство, или он склоняется к мысли о федерализации Германии, как это некоторые предлагают»,— заявили 7 апреля 1947 г. советские представители. Проведение такого плебисцита под контролем четырех держав положило бы, по мнению советской делегации, конец спорам о политической организации.

Иначе говоря, Советский Союз предложил, чтобы вопрос о характере «государства был представлен на решение» самого немецкого населения.

Однако западные державы отклонили и это предложение советской стороны, полностью разоблачив тем самым себя как противников единства Германии. «Германский народ поддержал Гитлера,— заявил Бевин,— и поэтому этот вопрос мы не можем опять ставить на решение германского народа». «Французская делегация может только согласиться с теми соображениями, которые были высказаны делегатом Великобритании»,— сказал Бидо. «Сейчас я сомневаюсь, что германский народ в со-

[1] В проекте трех западных держав по этому вопросу прямо говорилось, что «все полномочия будут переданы землям, за исключением тех полномочий, которые будут специально предоставлены центральному правительству».

[2] АВП СССР.

стоянии разумно отнестись к этому вопросу... очень сомневаюсь в этом»,— отметил в своем выступлении Маршалл.

В результате такой позиции западных держав удалось достичь договоренности лишь о том, чтобы поручить Контрольному совету «учредить в кратчайший срок центральные германские административные департаменты, занимающиеся требующими централизованного решения вопросами в областях, указанных в Потсдамском соглашении, а также по продовольствию и сельскому хозяйству», которые должны были действовать «под наблюдением и руководством надлежащих четырехсторонних органов Союзной Контрольной власти» [1]. Был согласован также ряд вопросов, связанных с созданием германского Консультативного совета [2]. Однако западные державы сделали оговорки, заранее ослаблявшие значение принятых решений и открывавшие широкий простор для саботажа и срыва их осуществления.

Что касается будущего политического устройства Германии, а также вопроса о создании временного общегерманского правительства и его полномочий, то ввиду позиции западных держав стороны лишь «пришли к заключению о необходимости подготовить мероприятия, направленные на создание» такого правительства [3], и обговорили ряд вопросов, касающихся формы и объема временной политической организации страны. Но каких-либо конкретных решений достичь не удалось, что заранее выхолащивало значение этой договоренности.

При обсуждении третьего пункта повестки дня — *«Подготовка Мирного Договора с Германией»* — советская сторона выступила за скорейшую разработку его проекта, в основу которого были бы положены решения Ялты, Потсдама, СМИД и Контрольного совета, в частности, такие провозглашенные в них принципы, как демилитаризация, денацификация, декартелизация, демократизация и частичное возмещение ущерба пострадавшим от гитлеровской агрессии странам. Она была за то, чтобы предусмотреть обеспечение мирного развития германской промышленности, установление надежных гарантий соблюдения договора и вывод иностранных войск в годичный срок после его заключения. Советская сторона была также за то, чтобы дать возможность «германскому правительству изложить на мирной конференции свою позицию». Однако это не устраивало западные державы.

[1] АВП СССР.

[2] Участники сессии договорились, что Контрольный совет будет направлять германский Консультативный совет по общим аспектам работы центральных административных департаментов и что последний выработает в рамках общих принципов, определенных Контрольным советом, детали временной конституции Германии и т. д.

[3] См. «Правда», 25 мая 1949 г.

Позиция западных держав в вопросе германского мирного урегулирования, наглядно проявившаяся уже в ходе первых переговоров заместителей министров в начале 1947 г., теперь определилась уже совершенно точно. Она заключалась в том, чтобы сорвать заключение мирного договора и обеспечить при помощи так называемого «международного статута» оккупацию, без сохранения которой правящие круги западных держав считали невозможным реализовать свои цели. Поэтому по данному пункту повестки дня удалось согласовать лишь ряд второстепенных вопросов.

При обсуждении пункта четвертого повестки дня — *«Американский проект Договора о разоружении и демилитаризации и другие меры в отношении политического, экономического и военного контроля над Германией»* — советская сторона предлагала внести в него ряд поправок, включить три дополнительные статьи и назвать его «Договор о демилитаризации Германии и предотвращении германской агрессии», представив 14 апреля 1947 г. доработанный текст.

Однако в связи с отказом представителей США обсуждать советские поправки к их проекту договора этот вопрос также остался нерешенным.

В ходе сессии выявились определенные разногласия и между самими западными державами. Так, например, делегация Франции с определенным сочувствием относилась к советским предложениям, предусматривавшим установление совместного контроля четырех держав над Руром. В то время как представители США и Англии выступили против советских предложений по репарационному вопросу, французская делегация не возражала против выплаты репараций за счет поставок текущей промышленной продукции Германии и т. д.

Однако по узловым вопросам, связанным с германскими делами, три державы выступали совместно, все более открыто ведя дело под давлением США к срыву совещания.

Чтобы парализовать работу сессии, делегации США и Англии подняли вопрос о пересмотре восточных границ Германии, установленных Потсдамской конференцией. Но советская делегация с полным основанием заявила, что «вопрос о польско-германской границе решен Потсдамским соглашением. Поэтому Советское правительство не считает возможным подвергать этот вопрос какому-либо обсуждению».

На заседании СМИД 31 марта 1947 г. английская делегация огласила меморандум, озаглавленный «Дополнительные принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией». Смысл этих предложений сводился к тому, чтобы аннулировать решения Потсдама. Если возникнет «какое-либо несоответствие между принципами Потсдамского соглашения и

принципами настоящего заявления,— говорилось в меморандуме,— последние должны превалировать». Ясно, что такое предложение не могло получить поддержки советской стороны.

Тем самым по большинству основных вопросов, которые обсуждались на Московской сессии СМИД, точки зрения Советского Союза и западных держав резко разошлись. Несмотря на все усилия советской стороны, по ним не удалось достичь договоренности. Министры согласились лишь с тем, что их заместители продолжат свою работу, и следующая сессия СМИД состоится в ноябре 1947 г. в Лондоне.

Помешав решению на Московской сессии СМИД основных вопросов, стоявших в ее повестке дня, правящие круги США и Англии стали еще более ускоренными темпами осуществлять свои планы в отношении Германии и Берлина. Они открыто саботировали обсуждение в Контрольном совете переданных ему на разрешение министрами вопросов и активизировали проведение своих сепаратных мероприятий. Оккупационные власти трех западных держав приступили «к реорганизации» сепаратных органов для Западной Германии с целью оформления ее «особой государственности», что явилось новым шагом в деле создания западногерманского государства.

Маршалл, возвращаясь с Московской сессии в Вашингтон, во время промежуточной посадки на аэродроме Темпельгоф (Берлин) дал Клею директиву форсировать меры по созданию Бизонии и расколу Германии[1]. Несколько дней спустя, 29 апреля, Робертсон заявил, что «никакое экономическое единство не может быть полноценным без политического объединения двух зон. Мы подумаем с генералом Клеем,— продолжал он,— что может быть сделано в этом вопросе». 29 мая 1947 г. Клей подтвердил на пресс-конференции в Берлине, что «подлинное экономическое объединение не может произойти без политического объединения».

Немедленно за этими заявлениями последовало опубликование нового сепаратного англо-американского соглашения «О реорганизации двухзональных экономических органов», на основе которого в июне 1947 г. одновременно с провозглашением «плана Маршалла» для Западной Германии были созданы так называемый Экономический совет в составе 52 делегатов ландтагов, наделенный парламентскими функциями, Исполнительный комитет в составе 8 представителей правительств земель, наделенный правительственными функциями, и 6 директоратов с функциями отраслевых министерств. Эта реорганизация означала не что иное, как придание двухзональным органам открыто госу-

[1] *L. Clay.* Entscheidung in Deutschland, S. 200—201.

дарственно-политических функций, создание фактически правительственного аппарата и политического фундамента для организации западногерманского государства.

15 июля 1947 г. правительство США дает своей военной администрации в Германии новую директиву IGS — 1779. Она ориентировала американские оккупационные власти в Германии на скорейшее создание сепаратного буржуазного западногерманского государства, превращение его в оплот политики США в Европе и уполномочивала их провести необходимые для этого мероприятия [1].

Заседавшая в Париже с 12 июля по 15 июля 1947 г. конференция, где обсуждался вопрос о принятии «плана Маршалла», в заключительном коммюнике высказалась за участие Западной Германии в этом американском плане. 19 декабря 1947 г. Г. Трумэн в послании конгрессу подчеркнул, что американская «помощь» прежде всего будет оказана Западной Германии. США стали предоставлять Западной Германии бóльшую часть займов, которые предназначались по «плану Маршалла» для 16 европейских государств. При этом западная печать все более открыто писала, что главная задача оказания «помощи» Западной Германии заключается в том, чтобы превратить ее в «бастион антикоммунизма» и поставить себе на службу с помощью новых «финансовых инъекций» ее военно-промышленный потенциал.

Пятая (Лондонская) сессия СМИД (1947 г.)

Советский Союз продолжал вести как в Контрольном совете, так и на международных совещаниях активную борьбу против политики западных держав, направленной на отказ от сотрудничества с СССР, раскол Германии и Берлина, на ликвидацию четырехсторонних органов, которые стали помехой для осуществления империалистических планов.

Новым международным совещанием, где обстоятельно обсуждались германские дела, явилась пятая сессия СМИД, созванная в Лондоне. Она проходила с 25 ноября по 15 декабря 1947 г. [2]

---

[1] «Dokumente und Berichte des Europa — Archivs», Bd. VI, Oberursel (Taunus), 1948, S. 100—105.

[2] Об обстановке, в которой открывалась сессия, свидетельствовал, в частности, тот факт, что Контрольный совет не сумел даже подготовить СМИД доклад об итогах своей деятельности, как это было сделано перед Московской сессией. Представители западных держав отказались от составления такого доклада, стремясь скрыть от общественного мнения свои сепаратные мероприятия. Поэтому советская сторона составила свой собственный отчет, в котором описывалось действительное положение дел в Германии.

На повестке дня сессии, принятой 26 ноября 1947 г., стояли следующие вопросы: 1. Доклад комиссии по австрийскому договору.

Лондонская сессия СМИД, так же как и Московская, была посвящена главным образом рассмотрению германских дел [1]. Советская сторона выступала за то, чтобы при их обсуждении основное внимание было уделено вопросу подготовки мирного договора, созданию общегерманского правительства и восстановлению политического и экономического единства страны.

27 ноября 1947 г. советская делегация внесла проект решения, в котором предлагалось:

«1) Признать безотлагательным образование общегерманского демократического правительства в соответствии с решениями Потсдамской конференции.

2) Установить, что на мирной конференции правительству Германии будет предоставлена возможность изложить свое мнение в отношении мирного договора.

3) Мирный договор должен быть подписан германским правительством и представлен на ратификацию германского парламента.

4) Мирная конференция будет состоять из представителей Великобритании, Советского Союза, США, Франции, Китая и представителей союзных, соседних с Германией государств, а также союзных государств, которые участвовали своими вооруженными силами в общей борьбе против Германии.

5) В основу мирного договора Германии положить решения Ялтинской и Потсдамской конференций» [2].

Западные державы, стремясь затянуть оккупацию в своих зонах, «не считали актуальным делом для Лондонского совещания» вопрос о мирном урегулировании. Этот вопрос они «стремились либо полностью снять с повестки дня, либо отложить и отнести к другим второстепенным делам. Из всей этой проблемы ими был искусственно вырван только вопрос о границах Германии» [3], с помощью которого западные державы пытались блокировать обсуждение существа дела о послевоенном мирном урегулировании. Когда им это не удалось, то они, стремясь уйти от обсуждения проблемы мирного договора, прямо предложили

---

2. Подготовка германского мирного договора, границы и процедура. 3. Экономические принципы, уровень германской послевоенной экономики и план репараций. 4. О форме и объеме временной политической организации Германии. 5. О выполнении решений Московской сессии СМИД по вопросам демилитаризации. 6. Американский проект договора о разоружении и демилитаризации Германии вместе с советскими и другими возможными поправками к нему и другие предложения, относящиеся к этому вопросу.

[1] См. «Правда», 31 декабря 1947 г.

[2] «Известия», 28 ноября 1947 г.

[3] «Правда», 31 декабря 1947 г.

перейти к другим вопросам. В результате позиции, занятой западными державами, сессия не приняла никаких решений о мирном договоре [1], хотя они и вынуждены были признать необходимость его составления и подписания.

3 декабря 1947 г. советская делегация внесла предложение, чтобы правительства четырех держав в двухмесячный срок представили СМИД свой проект мирного договора, не связывая его с какими-либо дополнительными условиями. Однако западные державы уклонились от обсуждения и этого предложения.

Вместе с проблемой послевоенного мирного урегулирования на Лондонской сессии СМИД встал вопрос о восстановлении единства Германии.

Советская делегация решительно осудила проводимую западными державами политику раскола Германии и упорно добивалась того, чтобы было восстановлено единство страны путем создания общегерманских органов как первого шага на пути к образованию общегерманского правительства как важнейшей предпосылки для завершения мирного урегулирования. «Нельзя далее откладывать заключение мирного договора с Германией,— отмечалось советской делегацией 29 ноября 1947 г.— Эта задача является неотложной. Именно поэтому является неотложным делом и создание общегерманского демократического правительства».

Однако политика западных держав диктовалась их желанием видеть Германию раздробленной, как в экономическом отношении, чего они уже фактически добились, так и в политическом отношении, что было теперь их основной задачей. Они, по сути дела, уже не скрывали, что создание Бизонии преследует в конечном счете именно такую цель, а буржуазная печать все более настойчиво призывала к созданию сепаратного западногерманского государства и завершению политического раскола.

Западные державы отклонили предложения советской стороны о создании общегерманского правительства. При этом Маршалл говорил, что в настоящее время будто бы отсутствуют условия, «при которых может быть осуществлено политическое и экономическое единство Германии», и открыто назвал создание центрального германского правительства «фикцией» [2].

Тогда советская делегация предложила выполнить по крайней мере решение Потсдама, подтвержденное четвертой (Московской) сессией СМИД, о создании центральных германских

[1] Если не считать некоторых вопросов, связанных с процедурой подготовки договора, которые вошли в сводный документ по процедуре его подготовки, принятый СМИД.

[2] См. «Правда», 7 декабря 1947 г.

департаментов по делам финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности, а также по сельскому хозяйству и продовольствию, что могло содействовать созданию центрального правительства и восстановлению экономического и политического единства Германии.

Однако все эти предложения не встретили поддержки со стороны западных держав.

Еще накануне сессии назначенный Г. Трумэном комитет во главе с А. Гарриманом выступил против образования общего правительства. Доклад комитета был одобрен президентом США и стал руководством для американской делегации на сессии СМИД в Лондоне. Глава делегации США Маршалл, отклонив советские предложения, направленные на достижение единства Германии и заключение с ней мирного договора, не нашел ничего лучшего, как предложить открыть границы советской оккупационной зоны для американских товаров и капиталов. Характерно, что Маршалл категорически выступил против создания общегерманских экономических учреждений, что действительно могло бы явиться шагом на пути экономического объединения Германии. Позицию США поддержала французская делегация. В свою очередь, США согласились с ее требованиями о Саарской области.

С явной целью сорвать совещание представители США и Англии вновь выдвинули вопрос о ревизии установленных в Потсдаме восточных границ Германии.

Несмотря на все усилия советской делегации добиться решения стоявших в повестке дня сессии вопросов, западные державы неуклонно держали курс на ее срыв. Американские и английские телеграфные агентства в своих сообщениях о заседаниях СМИД не делали секрета из того, что цель Маршалла заключалась в том, чтобы сорвать совещание. «Дейли телеграф энд Морнинг пост» писала 10 декабря 1947 г., ссылаясь на американскую делегацию, что независимо от того, как дальше будет развиваться дискуссия, Маршалл 15 декабря возвратится в Вашингтон. Дальнейшие события полностью подтвердили это. Не считаясь с тем, что продолжалось еще рассмотрение стоявших в повестке дня вопросов, Маршалл внес 15 декабря 1947 г. поддержанное Бевином и Бидо предложение о прекращении сессии. Как отмечает западногерманский историк Б. Корнидес, сессия была прервана по инициативе американского государственного секретаря, притом настолько неожиданно, что Бевин даже не успел произнести заготовленную для него речь. Причина заключалась в том, что западные державы приступили на деле к претворению в жизнь своих планов завершения раскола и создания сепаратного западногерманского государства и опасались каких-либо помех на этом пути. Впоследствии генерал

Клей признал в своих воспоминаниях, что срыв сессии был предрешен в Вашингтоне еще до ее открытия [1].

Как отмечалось в заявлении Советского правительства «Об итогах Лондонского совещания министров иностранных дел», западные державы, став на путь раскола Германии, не проявляли интереса ни к подготовке мирного договора, ни к вопросу восстановления единства страны. Поэтому они не допустили принятия каких-либо решений ни по вопросу подготовки мирного договора, ни по вопросу создания каких-либо общегерманских органов и восстановления единства Германии.

Лондонская сессия СМИД оказалась сорванной западными державами. Она «окончилась провалом» — так оценило ее итоги Советское правительство [2]. Не была назначена даже дата новой встречи министров.

Борьба немецкого населения за создание миролюбивого демократического государства

В отличие от позиции, занимаемой буржуазией и юнкерством, а также реакционным руководством ХДС/ХСС и правыми лидерами социал-демократов, подавляющая часть немецкого населения выступала за создание миролюбивого, подлинно демократического государства.

Единственной партией, которая имела четкую конкретную программу, отвечавшую стремлениям и чаяниям народных масс, явилась партия коммунистов, последовательно и неутомимо боровшаяся за единую миролюбивую демократическую Германию. Так, собравшийся в январе 1946 г. под председательством В. Пика комитет блока демократических антифашистских партий решительно осудил происки реакции, пытавшейся укрепить свои позиции путем политики, направленной на раскол, и принял специальное воззвание.

Состоявшийся 21—22 апреля 1946 г. объединительный съезд КПГ и СДПГ в программном документе «Основные принципы и цели СЕПГ» указал немецкому населению пути дальнейшего социального и национального развития [3].

В связи с постоянно усиливавшейся раскольнической политикой западных держав и господствующих классов Западной Германии правление СЕПГ опубликовало 19 сентября 1946 г. в ответ на этот реакционный антинациональный курс предложение об обеспечении во всей Германии единых основных прав населения, а два месяца спустя, 14 ноября 1946 г.,— проект конституции единой Германской Демократической Республики, по-

---

[1] *L. Clay.* Decision in Germany. New York. 1950. p. 78.

[2] См. «Правда», 31 декабря 1947 г.

[3] «Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands». Bd I, Berlin 1950, S. 5—10.

ставив их на рассмотрение общественности [1]. При этом СЕПГ прямо ориентировала массы на то, что только на основе единства антифашистских демократических сил, лишения власти промышленников и помещиков и демократического переустройства всей жизни может быть обеспечено единство Германии и ее демократическое обновление.

На состоявшейся 6—7 июня 1947 г. в Мюнхене конференции премьер-министров земель представители советской зоны решительно выступили против политики раскола Германии, заранее направив сюда свои предложения относительно восстановления ее экономического и политического единства. Но представители Западной Германии сорвали конференцию [2].

Когда в 1947 г. уже полностью раскрылась раскольническая политика западных держав и господствующих кругов Западной Германии и стало ясно, что они бесповоротно взяли курс на создание сепаратного западногерманского государства, то СЕПГ развернула борьбу по мобилизации широких слоев населения для срыва этих антинациональных планов.

Премьер-министры земель советской зоны в соответствии с решениями СЕПГ от 1 марта 1947 г. потребовали проведения референдума всего немецкого населения относительно структуры Германии, роли центрального германского правительства и прав земель в рамках единой Германии.

II съезд СЕПГ указал 20 сентября 1947 г., что раскол германского государства и немецкой нации иностранными и германскими империалистами стал «угрожающей опасностью».

Поскольку главные враги единства — германские империалисты, то для объединения Германии необходимо лишить их власти и силы. Одновременно съезд подчеркнул, что укрепление антифашистского демократического порядка, возникшего на территории Восточной Германии, где проведены важнейшие преобразования и в основном выполнен призыв КПГ от 11 июня 1945 г., является основной задачей в борьбе за единство [3].

[1] *St. Doernberg.* Kurze Geschichte der DDR, S. 101.

[2] Так, представители земель французской зоны на конференции имели строгие директивы французских оккупационных властей ни в коем случае не участвовать в дискуссиях по политическим и государственно-правовым вопросам («Warum mußte Münchener Konferenz scheitern?». Berlin, 1947, S. 17; «Sozialistische Bildungshefte», Sondernummer, 1947) и покинуть заседания, если на ней будут обсуждаться вопросы будущей структуры Германии («Telegraf», 12. VI. 1947). Зам. премьер-министра Баварии д-р Хегнер признал, что повестка дня была утверждена американцами, направлявшими фактически за кулисами ее работу («Warum mußte Münchener Konferenz scheitern?», S. 15). Представитель государственной канцелярии Баварии прямо заявил журналистам, что «абсолютно бесполезно говорить еще о единстве Германии, так как самое позднее в течение шести месяцев будет создано западногерманское правительство» («Neues Deutschland», 30. VII. 1947).

[3] *H. Neef.* Der Freiheit Morgenrot. Berlin, 1960, S. 96.

В соответствии с решениями II съезда СЕПГ ее председатели В. Пик и О. Гротеволь направили 30 сентября 1947 г. Контрольному совету письмо, в котором требовали предоставить немецкому народу возможность провести референдум о единстве Германии, немедленно создать центральные германские управления, устранить зональные границы, ликвидировать соглашение о Бизонии и осуществить решения Потсдама [1]. Однако западные державы и слышать не хотели об отказе от своего курса на раскол страны и возвращении к Потсдаму.

26 ноября 1947 г. чрезвычайный пленум ЦК СЕПГ в соответствии с требованиями масс принял решение о созыве Народного конгресса за единство и справедливый мир, призвав принять в нем участие все антифашистские демократические партии, профсоюзы и другие массовые организации рабочих, крестьян и интеллигенции.

Тем самым СЕПГ ориентировала массы на то, что в вопросе о восстановлении единства страны необходимо высказать полновесное слово немецкому населению.

Когда в Лондоне проходила пятая сессия СМИД, в Берлине собрался 6—7 декабря 1947 г. Конгресс за единство и справедливый мир. На него прибыло 2215 делегатов, из них 664 — из западных зон. 1456 делегатов представляли партии [2] и 444 — массовые организации.

Конгресс избрал делегацию для направления в Лондон на сессию СМИД. Ей поручалось изложить требования немецкого населения относительно быстрейшего заключения в соответствии с решениями Потсдама справедливого мирного договора с Германией, как единым миролюбивым демократическим государством. Но западные державы не допустили делегацию Конгресса в Англию и выступили против рожденного Конгрессом массового движения, запретив его в своих зонах и начав преследование его сторонников.

Несмотря на это, под требованием об организации общегерманского референдума поставили свои подписи около 15 млн. немцев из всех частей страны.

Таким образом, Конгресс стал фактически первым общегерманским надпартийным представителем интересов всего немецкого населения. Он положил начало широкому массовому народному движению, которое было непосредственным ответом на раскольническую политику представителей германской буржуазии и юнкерства, полностью поддержавших курс правящих кругов западных держав в этом вопросе. Во главе движения, во главе всех национальных сил, выступавших против раскола,

[1] «Dokumente der SED», Bd. I, Berlin, S. 239—241.

[2] От СЕПГ — 651 делегат, от КПГ — 242, от ЛДП — 258, от ХДС — 219, от СДПГ — 91 делегат.

за справедливый мир, стали подлинные патриоты-антифашисты во главе с коммунистами.

Последовательная и настойчивая борьба Советского Союза за демократическое решение проблемы послевоенного урегулирования в центре Европы сливалась с борьбой широких слоев немецкого населения за миролюбивую демократическую Германию и справедливый мир с ней. Она убедительно показала всем, кто действительно выступает за реализацию решений Потсдама, ликвидацию последствий второй мировой войны и создание основ для стабильного мира в Европе.

3. «Берлинский кризис» и завершение западными державами раскола Берлина и Германии

Обстановка после пятой (Лондонской) сессии СМИД

Сразу же после окончания работы пятой сессии СМИД, в конце 1947 г., на квартире американского посла в Лондоне Дугласа состоялась встреча Маршалла, Бевина, Клея, Робертсона, американского политического советника Мэрфи. На ней Клей активно выступил за скорейшее проведение сепаратной денежной реформы, считая ее важнейшим мероприятием политики США в западных зонах, а также за создание собственного «правительства» для Бизонии. Эти предложения были одобрены участниками совещания [1].

Вслед за этим немедленно последовали практические дела — параллельно с переговорами о присоединении французской зоны к Бизонии, сопровождавшимися заключением целого ряда соответствующих соглашений, шла реализация программы завершения раскола и создания сепаратного западногерманского государства.

Полномочия Экономического совета были расширены, и ему придавалась форма нижней палаты парламента. Создавалось нечто вроде второй палаты — Совет земель. Административный совет становился своего рода правительством. Управления представляли собой, по существу, отраслевые министерства. Кроме того, были созданы Верховный суд и экономический банк под названием «Банк земель». Организация последнего имела особенно важное значение в связи с подготовкой сепаратной денежной реформы.

Тем самым Западная Германия получила формально необходимые атрибуты государственности [2]. Практически было образовано западногерманское «правительство де-факто» [3]. Был создан совершенно далекий от народа бюрократический аппарат

[1] *L. Clay.* Entscheidung in Deutschland, S. 434.

[2] Остальные органы, как полиция и т. п., были созданы еще раньше.

[3] «Neues Deutschland», 10. II. 1948.

как орудие оккупационных властей трех западных держав и крупного германского капитала для осуществления их агрессивных антинародных планов. Агентство Франс Пресс, комментируя 9 января 1948 г. эти события, прямо называло Административный совет «ярко выраженным советом министров» и подчеркивало, что «парламентские функции, с одной стороны, и правительственные функции, с другой стороны, превращают центральные органы объединенной зоны, независимо от того, хотят или не хотят признавать данный факт, в эмбрион западногерманского государства».

Теперь империалистам нужно было лишь юридически легализовать их, назвав своими настоящими именами, используя для этого первый подходящий предлог. Это стало очередной задачей дипломатии США, Англии и Франции, за которую они взялись со всей решимостью.

В течение первой половины 1948 г. в Лондоне с небольшими интервалами почти постоянно заседали представители западных держав, обстоятельно обсуждая последние детали создания сепаратного западногерманского государства и использования его в своих агрессивных целях.

Серию этих заседаний открыло созванное в феврале 1948 г. совещание в Лондоне, в котором участвовали США, Англия, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург.

Спекулируя на антисоветских настроениях в правящих кругах Англии и Франции, применяя методы шантажа и давления, США удалось подчинить политику этих стран в германских делах своему курсу, нацеленному на возрождение германского милитаризма. Франция дала окончательное согласие на включение своей оккупационной зоны в состав сепаратного западногерманского государства [1], а Англия отказалась от единоличного контроля над Рурской промышленной областью. Рурская область была поставлена под международный, а по существу американский контроль. Западная Германия официально стала участницей «плана Маршалла». Совещание приняло решение о создании в западных зонах сепаратного государства, в котором наряду с конституцией действовал бы оккупационный статут, предоставлявший западным державам чрезвычайно широкие права. Чтобы еще больше активизировать западноевропейские державы в проведении политики по возрождению реваншистского западногерманского государства, США пошли на территориальные уступки за счет Германии. На Лондонском совещании Саарская область была передана под управление Франции, го-

[1] Французская оккупационная зона была в 1948 г. присоединена к англо-американской «Бизонии». Новое объединение трех зон стало называться «Тризонией».

род Мюнхен и часть района Шлейден — Бельгии, районы Бентхейм, Вендо, Боркум и устье реки Эме — Нидерландам, территория шириной в 8 *км* по реке Мозель — Люксембургу.

Решения Лондонского совещания были грубейшим нарушением духа и буквы Потсдама. Они свидетельствовали о том, что западные страны перешли к открытому союзу с агрессивными силами германского империализма. Правящие круги США, Англии и Франции все более решительно становились на путь использования экономического и военного потенциала Западной Германии для осуществления своих агрессивных планов, направленных против Советского Союза и других социалистических стран в Европе.

Парализуется деятельность четырехстороннего контрольного механизма. Действуя в духе решений Лондонского совещания, западные державы прежде всего взорвали Контрольный совет. Они отказались предоставить этому четырехстороннему органу управления Германией информацию о сепаратном Лондонском совещании, а тем более дать заверения, что его решения не противоречат Потсдамским соглашениям. Как констатировал 20 марта 1948 г. на заседании Контрольного совета советский представитель маршал В. Д. Соколовский, своими действиями западные державы «лишний раз подтверждают, что Контрольного совета фактически уже не существует, как органа верховной власти в Германии, осуществляющего четырехстороннее управление этой страной» [1].

Одновременно форсируются меры по расколу Берлина.

Усиливаются экономическая блокада советской зоны, попытки изолировать ее от внешнего мира, затруднить ее развитие и вызвать недовольство населения. Организуются различного рода провокации на границе советской зоны и на коммуникациях с западными секторами Берлина для нагнетания напряженности, чтобы под ее покровом форсировать осуществление планов Запада.

Подготовка западными державами сепаратной денежной реформы

Одним из важнейших средств, которое могло способствовать полному расчленению Германии и Берлина и послужить одновременно предлогом для завершения и формального провозглашения сепаратного западногерманского государства, западные державы рассматривали проведение сепаратной денежной реформы.

Советская сторона последовательно и настойчиво выступила за проведение единой денежной реформы во всех зонах, считая, что немцы должны принять в ней активное участие, и на-

[1] «Советский Союз и берлинский вопрос. (Документы)». М., 1948, стр. 24.

стаивала на создании для этой цели общегерманского финансового департамента и центрального немецкого эмиссионного банка. Стремясь решить этот чрезвычайно важный для немцев вопрос на согласованной с западными державами основе, советские представители были готовы принять американское предложение о печатании новых денежных знаков в Берлине при условии осуществления единой денежной реформы немецкими финансово-банковскими органами под наблюдением Контрольного совета.

Однако, несмотря на все усилия советской стороны, достичь соглашения о проведении единой денежной реформы в Германии не удалось. Финансовый советник Клея Додж уже с 1946 г. вынашивал идею проведения сепаратной денежной реформы. Клей с серьезной миной делал в Контрольном совете вид, что якобы ищет пути, чтобы договориться об общегерманской денежной реформе, а на деле, как впоследствии признался он сам, уже в октябре 1947 г. в США начали тайно печататься (под условным названием операции «Big Dog») новые денежные знаки [1]. 30 вагонов таких денежных знаков были в том же году доставлены в Западную Германию [2].

На закончившемся в Лондоне в начале июня 1948 г. совещании западные державы окончательно приняли решения об экономическом и политическом расколе Германии, создании сепаратного западногерманского государства, его будущей политической структуре. Вслед за этим они провели в июне 1948 г. в своих зонах оккупации сепаратную денежную реформу. Тем самым была создана одна из решающих предпосылок для превращения оккупационных зон трех западных держав в сепаратное западногерманское государство.

Планам раскола Германии и возрождения германского милитаризма была подчинена и политика западных держав в берлинском вопросе. В течение 1945—1947 гг. в западных секторах Берлина из городского самоуправления были изгнаны антифашисты, созданы сепаратные экономические органы, деятельность которых все больше подменяла работу Общеберлинского магистрата. Постепенно в западных секторах было введено особое судопроизводство, организована своя полицейская служба и другие сепаратные органы. Одновременно западные державы шаг за шагом дезорганизовывали работу Межсоюзнической комендатуры в Берлине. 23 июня сепаратная денежная реформа была распространена на западные секторы Берлина. Вслед за экономическим расколом города был осуществлен и его политп-

---

[1] *L. Clay.* Entscheidung in Deutschland, S. 240.

[2] См. *В. Н. Высоцкий.* Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений. М., 1971, стр. 138.

ческий раскол. После демонстративного отказа американского коменданта полковника Хаули обсуждать стоявшие на повестке дня комендатуры вопросы 16 июля 1948 г. она прекратила свою работу.

Все это, в частности сепаратная денежная реформа, которая угрожала дезорганизацией экономики в советской зоне, заставило советскую сторону в целях ограждения интересов советской зоны и ее населения от пагубных последствий политики западных держав принять соответствующие контрмеры, в том числе усилить контроль на границе с западными секторами Берлина и на коммуникациях, связывающих их с Западной Германией. Однако одновременно было заявлено о готовности советской военной администрации сделать все необходимое, чтобы не пострадали интересы западноберлинского населения, в частности обеспечить снабжение Западного Берлина необходимыми товарами.

Хотя меры советской стороны носили ответный и защитный характер и были введены временно, западные державы подняли шумную пропагандистскую кампанию об «усилении агрессивности Кремля», о «блокаде Берлина» и т. п.

В ответ на полностью оправданные и законные действия СВАГ они спровоцировали так называемый «берлинский кризис». Под предлогом, что западные секторы Берлина блокированы и их жителям угрожает голод, военными властями западных держав был создан между ними и Западной Германией «воздушный мост».

Цель всей этой акции заключалась в том, чтобы обострить международную обстановку и под ее покровом форсировать создание сепаратного западногерманского государства и подготовку почвы для сколачивания агрессивного Североатлантического блока. Таким образом, летом 1948 г. положение в Берлине и в Германии в целом все больше осложнялось. Создалась чрезвычайно острая обстановка. Над городом и Германией нависла реальная угроза завершения западными державами раскола, над миром — опасность серьезного международного конфликта.

Срыв западными державами переговоров о ликвидации «берлинского кризиса»

В июне 1948 г. представители европейских социалистических стран собрались в Варшаве, чтобы обсудить создавшуюся обстановку. Участники совещания осудили политику западных держав и предложили демократическую программу урегулирования германских дел в духе Потсдама. Варшавское совещание подчеркнуло неотложность образования временного демократического миролюбивого общегерманского правительства из представителей демократических партий и организаций и заключения германского мирного договора. Антинациональной расколь-

нической политике западных держав социалистические страны противопоставили конкретные конструктивные предложения, которые открывали реальные возможности для урегулирования «берлинского кризиса», ликвидации назревшего конфликта и решения германских дел на пользу дела мира и интересов самого немецкого населения.

Принципиальная и настойчивая позиция Советского Союза, решительные ответные меры советской стороны в Берлине, рост недовольства авантюристической позицией США со стороны широких слоев мировой общественности заставили западные державы пойти на переговоры с СССР.

30 июля 1948 г. представители трех западных держав посетили заместителя министра иностранных дел СССР В. А. Зорина и вручили ему памятные записки, в которых заявляли о своем согласии начать переговоры и просили организовать встречу послов с главой Советского правительства «с целью обсуждения нынешнего положения в Берлине и тех более широких вопросов, которые оно затрагивает» [1].

31 июля 1948 г. во время беседы в МИД СССР, где обсуждались вопросы, касающиеся содержания предстоящих переговоров между советской стороной и тремя западными державами, послам США, Англии и Франции было разъяснено, что под более широкими вопросами Советское правительство имеет в виду вопросы, касающиеся Германии в целом [2].

2 августа 1948 г. послы трех западных держав посетили И. В. Сталина. Во время беседы глава Советского правительства подчеркнул, что, пока Германия рассматривалась как единое целое, а Берлин — как ее столица, присутствие в нем трех западных держав было понятным и объяснимым. Но когда после лондонского совещания США, Англии и Франции западная часть Германии оказалась выделенной в отдельное государство, положение изменилось. Однако, несмотря на это, у Советского правительства нет желания вытеснять войска своих бывших союзников. Транспортные ограничения, введенные советской стороной, имели целью воспрепятствовать вторжению сепаратной валюты в Берлин и расколу Германии на два государства. Меры Советского Союза явились ответом на Лондонские решения и носили оборонительный характер. Чтобы ускорить решение вопроса о Берлине, глава Советского правительства предложил отменить особую валюту в западных секторах Берлина (марку «Б») и ввести в Берлине валюту советской зоны, указав на то, что одновременно будут отменены транспортные ограничения на коммуникациях. И. В. Сталин предложил также

[1] АВП СССР.
[2] Там же.

отложить осуществление западными державами Лондонских решений до созыва совещания четырех держав по вопросу о Германии в целом. Если же последнее требование создает трудности, заявил И. В. Сталин, Советский Союз мог бы не настаивать на нем как на условии отмены ограничений, но в проекте коммюнике о переговорах следует записать настойчивое пожелание Советского правительства отложить решение вопроса о создании западногерманского правительства.

6 августа 1948 г. послы трех западных держав представили в МИД СССР свой проект коммюнике о переговорах по берлинскому вопросу, где выражали согласие на введение в качестве единственной валюты для всего Берлина марки советской зоны оккупации при условии снятия на коммуникациях транспортных ограничений [1]. Однако они полностью обошли молчанием вопрос о Лондонских решениях в отношении Западной Германии.

Во время встречи с послами США, Англии и Франции 23 августа 1948 г. с целью согласования проекта коммюнике и директивы правительств четырех держав главнокомандующим их войсками в Германии И. В. Сталин особо остановился на Лондонском совещании. Было бы хорошо, говорил он, если бы в коммюнике записали в виде обязательства, что Лондонские решения об организации правительства для Западной Германии будут отложены. Если три правительства считают, что по соображениям престижа это публиковать не стоит, отмечал И. В. Сталин, то надо по крайней мере, как в прошлый раз говорил американский посол Б. Смит, произвести конфиденциальный обмен письмами по этому поводу [2].

Рассказывая в дальнейшем о встречах в Кремле и давая им оценку, американский представитель на этих переговорах Б. Смит признавал, что позиция советской стороны позволяла западным державам «без потери престижа отодвинуть планируемое создание западногерманского государства... На протяжении всех переговоров,— пишет Б. Смит,— я был абсолютно убежден, что мы могли бы в пятнадцать минут достичь соглашения, если бы предложили ликвидировать лондонские решения. Но, с нашей точки зрения, это полностью исключалось» [3].

Послы США, Англии и Франции, стремясь уйти от каких-либо обязательств, которые помешали бы западным державам завершить раскол Германии и Берлина, ограничились лишь заявлением, что они «доложат» о позиции сторон своим прави-

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] *B. Smith.* Meine drei Jahre in Moskau. Hamburg, 1950, S. 331.

тельствам. В результате этого коммюнике так и осталось несогласованным.

Однако в итоге этих встреч и дополнительной работы удалось согласовать директиву правительств, направленную четырем главнокомандующим оккупационными войсками в Германии 30 августа 1948 г. В ней указывалось, что в Берлине должны быть проведены одновременно при условии достижения соглашения между четырьмя главнокомандующими следующие мероприятия: а) ограничения связи, транспорта и торговли между Берлином и западными зонами, а также движения грузов в советскую зону Германии и обратно, введенные в последнее время, будут сняты; б) немецкая марка советской зоны будет введена в качестве единственной валюты для Берлина и западная марка «Б» будет изъята из обращения в Берлине [1]. Директивой предусматривалось также, что регулирование денежного обращения в Берлине должно осуществляться Немецким эмиссионным банком советской зоны через действующие кредитные учреждения Берлина. Для контроля за практическим осуществлением финансовых мероприятий, связанных с введением и обращением единой валюты в Берлине, создавалась финансовая комиссия из представителей четырех главнокомандующих [2].

Главнокомандующие встретились в Берлине 31 августа 1948 г. [3] А за день до этого американский и английский главнокомандующие заявили премьер-министрам земель западных зон, что переговоры о ликвидации «берлинского кризиса» «не будут иметь влияния» на реализацию их сепаратных планов в отношении Западной Германии [4]. Так, лицемерно утверждая в переговорах с советской стороной о желании ликвидировать «берлинский кризис», западные державы на деле продолжали раскольническую деятельность. Не удивительно, что на первых же заседаниях в Берлине представители западных держав заняли позицию, противоречащую директиве правительств [5]. Они настаивали, чтобы финансовая комиссия была «высшей финансовой властью» в городе и контролировала всю деятельность немецкого эмиссионного банка «в отношении конвертирования денег и их дальнейшего обращения в Берлине». Это открыло бы

[1] См. «Советский Союз и берлинский вопрос. (Документы)», стр. 60.
[2] См. там же, стр. 62.
[3] При этом представители США заявили, что они не рассматривают такого рода переговоры как заседания Контрольного совета («Berlin. Behauptung von Freiheit und Selbstverwaltung 1946—1948», Bd. II. Berlin, 1959, S. 621).
[4] См. *В. Н. Высоцкий*. Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений, стр. 168.
[5] В то же время заседали созданные при главнокомандующих комиссии экспертов по коммуникациям, финансам и торговле.

им путь для вмешательства во внутренние дела советской зоны. Они пытались также отрицать право контроля СВАГ на коммуникациях между Берлином и западными зонами и т. п.

Советская сторона не могла, естественно, согласиться с изъятием из своей компетенции коммуникаций советской зоны, использовавшихся для проезда в Берлин, а также с таким толкованием функций финансовой комиссии, которое привело бы к установлению контроля западных держав за финансово-экономической деятельностью советской зоны.

7 сентября 1948 г. по настоянию Клея переговоры главнокомандующих были прерваны.

Придерживаясь своей обструкционистской тактики, правительства США, Англии и Франции отказались принять все последующие советские предложения об урегулировании «берлинского кризиса» и нормализации обстановки в Германии, в частности использование услуг так называемого технического комитета ООН, и продолжали свой раскольнический курс. Созданный осенью 1948 г. так называемый парламентский совет западных зон начал подготовку сепаратной западногерманской конституции и принял за время своего существования (1 сентября 1948 г.— 8 мая 1949 г.) целый ряд решений, направленных на окончательное оформление западногерманской государственности. 6 сентября 1948 г. депутаты от ХДС, ЛДП и СДПГ в городской палате депутатов Берлина по «согласованию» с военной администрацией США, Англии и Франции покинули здание берлинской ратуши, находившееся в советском секторе, и переехали в английский сектор. 13 октября 1948 г. ими был расколот общеберлинский магистрат. Вместо этого ими были созданы сепаратные органы. 21 декабря 1948 г. западные державы организовали свою сепаратную западноберлинскую комендатуру в американском секторе. Отношения между Советским Союзом и западными державами приобретали все больший накал. Международная обстановка серьезно осложнилась.

Урегулирование «берлинского кризиса»

Ликвидация напряженности и устранение военной опасности, вызванных «берлинским кризисом», стали важнейшей задачей Советского Союза, всех миролюбивых сил. Чтобы лишить США повода для дальнейшего нагнетания напряженности и разжигания антисоветской истерии, под прикрытием которой они в союзе с местной реакцией форсированными темпами завершали раскол Германии и создание сепаратного западногерманского государства, Советское правительство предприняло необходимые шаги с целью побудить западные державы пойти на прямые переговоры. Советская сторона заявила о готовности отменить ограничения в области транспорта, связи и торговли при условии созыва очередной сессии СМИД для рассмотрения

германских дел. В интервью генеральному директору европейского отделения агентства Интернэшнл Ньюс Сервис Кингсбери Смиту в конце января 1949 г. глава Советского правительства указал, что оно готово снять ограничения на коммуникациях, если западные державы также сделают это и отложат создание сепаратного западногерманского государства[1]. Советский представитель в ООН Я. А. Малик дал необходимые дополнительные разъяснения по этому вопросу представителю США Джессепу 15 февраля и 21 марта 1949 г.

В результате проявленной Советским Союзом инициативы удалось добиться возобновления переговоров между СССР и США по вопросам, связанным с Берлином и Германией.

Какие причины побудили западные державы пойти на переговоры об урегулировании «берлинского кризиса»?

Прежде всего это было вызвано тем, что Соединенным Штатам и их союзникам не удалось подорвать экономику советской зоны и заставить Советский Союз отступить в этом вопросе. Тщетными оказались и их надежды расколоть единый фронт социалистических государств. Немало беспокойства доставляло западным державам и постоянно ухудшающееся положение западных секторов Берлина, искусственно изолированных ими от своего естественного окружения. Отсутствие сырья, особенно такого, которое нельзя было доставить посредством «воздушного моста», все сильнее сказывалось на промышленности западных секторов. Мировое общественное мнение, обеспокоенное усилением напряженности вокруг Берлина, как и сами немцы, все более решительно требовали от западных держав начать переговоры с СССР с целью урегулирования намеренно обострявшегося этими державами конфликта. В создавшихся условиях США не оставалось ничего другого, как пойти на это.

В результате встреч Малика с Джессепом 4 мая 1949 г. в Нью-Йорке была достигнута договоренность о том, что «1. Все ограничения, установленные с 1 марта 1948 г. правительством СССР по связи, транспорту и торговле между Берлином и западными зонами Германии и между восточной зоной и западными зонами, будут отменены 12 мая 1949 г. 2. Все ограничения, установленные с 1 марта 1948 г. правительствами Франции, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов или любым из них по связи, транспорту и торговле между Берлином и восточной зоной и между западными зонами и восточной зоной Германии, будут также отменены 12 мая 1949 г. 3. Через 11 дней после отмены ограничений, упомянутых в п.п. 1 и 2, а именно 23 мая 1949 г. в Париже будет созвана сессия СМИД для рас-

---

[1] АВП СССР.

смотрения вопросов о Германии и проблем, возникающих из положения в Берлине, в том числе и вопроса о валюте в Берлине» [1].

9 мая 1949 г. Главноначальствующий СВАГ — Главнокомандующий советскими войсками в Германии В. Чуйков издал приказ № 56 «Об отмене ограничений по связи, транспорту и торговле между Берлином и западными зонами и между восточной зоной и западными зонами Германии». Отменили их и три западные державы.

Урегулирование «берлинского кризиса» было важным событием в международной жизни. Общественное мнение во многих странах расценило его как крупный вклад в дело мира, открывавший благоприятные перспективы для решения ряда назревших международных проблем, прежде всего вопросов, связанных с германскими делами и Берлином.

Шестая (Парижская) сессия СМИД (1949 г.)

23 мая 1949 г. после длительного перерыва министры иностранных дел четырех держав собрались в Париже на очередную сессию [2]. Советская делегация настойчиво выступила за сохранение единства страны и внесла на сессии предложение возобновить на прежней основе деятельность Контрольного совета как органа верховной власти в Германии. При этом предлагалось передать ряд прежних функций Контрольного совета немецким органам, в частности Общегерманскому государственному совету, который мог бы быть создан на основе существовавших в то время в восточной и западных зонах немецких экономических органов. Советская сторона считала, что при сохранении верховной власти за Контрольным советом Общегерманский государственный совет являлся бы экономическим и административным центром Германии, имел бы правительственные функции в области экономического и государственного строительства и тем самым мог бы стать прообразом общегерманского правительства.

Советский Союз предлагал также разработать в течение трех месяцев проект мирного договора, предусматривавшего вывод из страны всех иностранных войск в годичный срок после его заключения, и закончить согласование процедуры подготовки мирного договора непосредственно на Парижской сессии [3].

Советские предложения были сформулированы в следующих

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год». М., 1953, стр. 99.

[2] Сессия продолжалась по 20 июня 1949 г. На повестке дня стояли следующие вопросы: единство Германии, экономические принципы, политические принципы и союзный контроль, Берлин и валютный вопрос, подготовка мирного договора с Германией.

[3] См. «Советский Союз и вопрос о единстве Германии и мирном договоре с Германией». М., 1952, стр. 58.

документах, переданных представителям западных держав: «О единстве Германии и условиях его осуществления» и «Подготовка германского мирного договора».

В целях восстановления экономического и политического единства Берлина советская делегация выступала за возобновление работы Союзной комендатуры для координации мероприятий по управлению городом и обеспечению его нормальной жизни в целом. Советские представители предложили также восстановить единый магистрат, поручив четырем комендантам провести в городе свободные общеберлинские выборы.

Однако западные державы отвергли предложения советской делегации.

Вместо Контрольного совета, который они считали «устаревшим», ими предлагалось учредить так называемую «верховную комиссию», принимающую решения не единогласно (как это было в Контрольном совете), а простым большинством голосов, т. е. хотели создать такой орган, который дал бы им возможность навязывать свою волю Советскому Союзу. Одновременно они были против организации каких-либо общегерманских органов, которые представляли бы интересы самих немцев перед державами-победительницами.

Подготовку проекта мирного договора западные державы обусловливали решением вопроса о единстве Германии, а восстановление единства страны они представляли себе в форме присоединения советской зоны к созданному ими сепаратному западногерманскому государству, т. е. поглощения Восточной Германии. В меморандуме, внесенном ими в ответ на советское предложение о единстве Германии, бесцеремонно утверждалось, что восстановление единства страны возможно только «путем надлежащих мероприятий, которые позволили бы землям советской зоны присоединиться» к бонской конституции и принять навязанный Западной Германии оккупационный статут [1].

Что касается советского предложения о выводе из Германии всех иностранных войск в течение года после заключения мирного договора, то представители США, Англии и Франции прямо заявили, что оно «неприемлемо».

Тем самым западные державы подтвердили еще раз, что они являются противниками справедливого урегулирования послевоенных проблем в этой важной части Европы.

Однако, несмотря на помехи, созданные западными державами на Парижской сессии СМИД, она все же имела большое значение. В результате встречи министров удалось добиться ликвидации «берлинского кризиса», чреватого опасными последствиями. В условиях растущей агрессивности империалистиче-

[1] «Wiso», 1961, N 24, S. 1132.

ских сил Советский Союз сумел найти пути для сохранения мира. Сессия убедительно показала также, что переговоры являются единственно возможным средством решения спорных международных проблем. Кроме того, западные державы ввиду позиции, занятой советской стороной, вынуждены были пойти на уступки и зафиксировать договоренность с СССР по ряду вопросов.

В коммюнике, подписанном 20 июня 1949 г., было подтверждено сохранение в силе достигнутого в Нью-Йорке Маликом и Джессепом соглашения от 4 мая 1949 г. Предусматривалось также проведение на четырехсторонней основе консультаций в Берлине, в том числе по вопросам, «относящимся к управлению четырьмя секторами» города. На оккупационные власти возлагалось обязательство консультироваться на четырехсторонней основе в Берлине с целью продолжения усилий по восстановлению экономического и политического единства Германии. В коммюнике далее было сказано, что, несмотря на то что на данном совещании оказалось невозможным достичь соглашения о восстановлении экономического и политического единства, министры иностранных дел продолжат обмен взглядами, чтобы добиться этого. С этой целью они согласились, в частности, обменяться мнениями на очередной сессии ООН в сентябре 1949 г. о дате и прочих условиях созыва заседания министров иностранных дел по обсуждению германских дел [1].

Завершение западными державами раскола Германии и возникновение двух германских государств

Однако в первые же дни после окончания сессии СМИД выяснилось, что США и их союзники не собираются выполнять принятые в Париже решения. Их планы состояли в том, чтобы к моменту новой встречи министров иностранных дел во время очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН полностью закрепить раскол Германии, легализовать сепаратное западногерманское государство и отрезать пути для возврата к Потсдамским решениям и восстановлению германского единства. Об этом убедительно свидетельствовало хотя бы уже то, что 20 июня 1949 г. в день окончания Парижской сессии СМИД и опубликования ее коммюнике западные державы подписали соглашение о Верховной союзнической комиссии США, Англии и Франции для Западной Германии, являвшееся новым нарушением четырехсторонних соглашений и достигнутой в Париже договоренности по германским делам.

Все последующие летние месяцы США, Англия и Франция были заняты узаконением раскола Германии, а не выполнением решений Парижской сессии СМИД.

[1] См. «За антифашистскую демократическую Германию. Сб. документов. 1945—1949 гг.», стр. 633.

Когда 20 сентября 1949 г. в Нью-Йорке открылась очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, то раскол Германии был не только полностью завершен, но и закреплен юридически. 14 августа в Западной Германии состоялись выборы в бундестаг, на которых большинство голосов получила основная партия монополистического капитала — ХДС/ХСС, ставшая знаменосцем милитаристских и реваншистских сил, орудием их политики «с позиции силы». 12 сентября 1949 г. западногерманский бундестаг и бундесрат избрали президента только что созданного сепаратного западногерманского государства, а через три дня — канцлера. Первым федеральным канцлером стал 73-летний Конрад Аденауэр, который в первом же интервью заявил, что «его правительство не может занимать дружественную позицию в отношении СССР» [1], и пытался претендовать «говорить от имени всех немцев».

20 сентября 1949 г. в день открытия пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН правительство сепаратного западногерманского государства приступило к выполнению своих функций.

В нотах от 1 октября 1949 г., адресованных западным державам, Советское правительство отмечало, что образование сепаратного западногерманского государства означает «завершение политики раскола Германии, проводившейся правительствами США, Великобритании и Франции в течение последних нескольких лет» [2].

Создание сепаратного западногерманского государства, руководящие позиции в котором заняли милитаристские и реваншистские круги, не могло не встретить сопротивления со стороны прогрессивных сил немецкого населения, боровшегося за развитие по мирному демократическому пути. Они ответили на раскольническую политику западных держав и германской реакции дальнейшим расширением национального патриотического движения, возглавляемого Немецким народным конгрессом, образованием в восточной зоне, где последовательно претворялись в жизнь принципы Потсдама миролюбивого демократического государства — Германской Демократической Республики. 7 октября 1949 г. на девятой сессии Немецкого народного конгресса были приняты исторические решения, ознаменовавшие рождение ГДР. Немецкий народный совет, избранный 30 мая 1949 г. третьим Немецким народным конгрессом, провозгласил себя Временной народной палатой. В тот же день открылось первое (учредительное) собрание Временной народной палаты, которая единогласно приняла закон об образовании правительства и утвердила конституцию. 11 октября 1949 г. состоялось учредительное заседание Временной палаты земель. В тот же день на

[1] «Die neue Zeitung», 16. XI. 1949.

[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 165.

совместном заседании обеих палат Председатель правления СЕПГ В. Пик был избран президентом республики.

Советский Союз немедленно передал ГДР функции управления, принадлежавшие до этого СВАГ. В зале бывшего инженерного училища в Карлсхорсте, там, где четыре года назад капитулировала гитлеровская Германия, состоялся торжественный акт передачи СВАГ власти только что родившейся республике. Вместо СВАГ была создана Советская Контрольная комиссия (СКК), призванная наблюдать за выполнением Германской Демократической Республикой четырехсторонних решений в отношении Германии. СССР и ГДР обменялись дипломатическими миссиями. Первым главой дипломатической миссии СССР в ГДР (1949—1952 гг.) был Г. М. Пушкин.

Образование ГДР — первого в германской истории государства рабочих и крестьян — явилось важным событием в их жизни, поворотным пунктом в истории Европы.

* * *

Годы от Потсдама до возникновения двух немецких государств были периодом сложной, упорной и напряженной борьбы, когда окончательно сложились два противоположных подхода, два различных курса в германских делах. Это было время острейшей конфронтации, резкого размежевания среди самого немецкого населения прежде всего по социально-экономическим вопросам, борьбы между прогрессивными патриотическими силами и силами реакции. Западным державам совместно с германской реакцией удалось сорвать выполнение решений Потсдама в западных зонах, расколоть Германию и создать сепаратное западногерманское государство. Но распространить свое господство на всю территорию бывшего рейха они оказались не в состоянии. В восточной зоне прогрессивные силы создали ГДР, провозгласившую своей высшей целью верность Потсдаму и дружбу между народами, ставшую оплотом мира и демократии, надежной преградой на пути западногерманского милитаризма.

Таким образом вместо единой страны появились два самостоятельных государства — ФРГ и ГДР, развивавшиеся в противоположных направлениях. Внутри одного из этих государств — Германской Демократической Республики постепенно складывается из западной части Берлина, отторгнутой западными державами от окружающей территории, особое образование, получившее название Западный Берлин. Существование двух отдельных немецких государств и особого образования Западный Берлин стало одной из характерных особенностей обстановки в центре Европы, составным элементом сложившегося в послевоенный период территориально-политического статус-кво на европейском континенте.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (1945—1949 гг.) НОВЫЙ ТИП МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Укрепление братской дружбы и сотрудничества со странами народной демократии — первостепенная задача внешней политики Советского Союза

Победа народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии была подготовлена всем ходом предшествующего исторического развития. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции и всемирно-исторических успехов первой в мире страны социализма, деятельности Коминтерна, подъем революционного и национально-освободительного движения особенно в годы второй мировой войны против иноземных захватчиков — все это вместе с великими победами Советских Вооруженных Сил и войск других стран антигитлеровской коалиции в войне против фашистской Германии и империалистической Японии создало благоприятные условия для того, чтобы большая группа стран отпала от мировой капиталистической системы, для победы народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, на севере Кореи, во Вьетнаме и Китае [1]. В 1949 г. провозглашена ГДР [2].

Процесс становления и развития народно-демократических государств, перерастание народно-демократических революций в социалистические в каждой стране имели свои особенности. Этот сложный процесс характеризовался обострением классовой борьбы как в каждой отдельной стране, так и на международной арене в целом. И если дело не дошло до открытой гражданской войны в каждой из них, до открытой империалистической интервенции, то здесь решающая роль принадлежит интернационалистской помощи и поддержке Советского Союза, его военно-политической мощи, тесному сотрудничеству с прогрессивными силами в этих странах при осуществлении коренных социально-экономических преобразований. Благодаря этим факторам провалились все планы внутренней контрреволюции и империалистических сил извне в отношении народно-демократических государств. С помощью СССР народы этих стран отразили все наскоки международного империализма, приступили к созданию нового типа государств, ставших на путь социализма.

[1] См. главу V.
[2] См. главу III.

Г. М. Димитров на V съезде Болгарской рабочей партии (коммунистов) в 1948 г. подчеркивал, что если наступление внутренней и международной реакции в Болгарии в первые годы существования народно-демократической власти не приняло формы открытых вооруженных действий, то это объясняется не только решительными мерами народной власти, бдительностью и энергией Болгарской коммунистической партии, но и «наличием в стране частей Советской Армии — освободительницы, которые самим фактом своего присутствия в известной степени сковывали действия реакции» [1].

В период подготовки и заключения мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии Советский Союз решительно отстоял интересы молодых народно-демократических государств. С Болгарией, Венгрией и Румынией были заключены мирные договоры (10 февраля 1947 г.), которые отвечали интересам народов этих стран, интересам их прогрессивного развития [2].

Диктатура пролетариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы «отразила своеобразие развития социалистической революции в условиях ослабления империализма и изменения соотношения сил в пользу социализма. В ней нашли также свое отражение исторические и национальные особенности отдельных стран» [3]. Она утвердилась в форме народной демократии, которая явилась новой формой политической организации общества.

1947—1949 годы — важный этап в развитии народно-демократических государств. Этот этап совпал с проведением коренных преобразований как в области экономики и социальных отношений, так и в области политики, в результате чего утвердились социалистические производственные отношения, укрепилась власть рабочих и крестьян.

На первый план в тот период выдвинулась национализация крупной промышленности — важнейшее революционное мероприятие, нанесшее тягчайший удар по крупной монополистической и средней буржуазии. Оно было осуществлено в Болгарии в 1947 г., в Румынии — в середине 1948 г., в Польше — в начале 1946 г., в Чехословакии — двумя этапами: в 1945 и в 1948 гг., в Венгрии — в 1946—1949 гг., в ГДР — в 1946 и 1949 гг., в Албании — к началу 1947 г. и т. д.

Разрешение коренных задач социалистической революции в экономической жизни стран народной демократии привело к изоляции и вытеснению опиравшихся на поддержку внешних

---

[1] *Г. Димитров.* Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 622.

[2] См. главу II.

[3] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1974, стр. 19—20.

империалистических сил буржуазных элементов и буржуазно-националистических и коллаборационистских политических партий, подрыву их политических позиций.

Решающее значение имело преодоление раскола рабочего класса, объединение на принципах марксизма-ленинизма коммунистических и социал-демократических партий. Происходила консолидация патриотических и демократических сил.

В ходе ожесточенных классовых битв рабочий класс и его авангард по мере развития народно-демократических революций привлек на свою сторону трудящиеся классы, укрепил и развил подлинно народную власть. Несмотря на то что эта борьба в каждой стране носила острый характер, рабочий класс, возглавивший все национальные и патриотические силы, одержал победу в целом относительно мирным путем.

В феврале 1948 г. трудящиеся Чехословакии под руководством Коммунистической партии нанесли решительное поражение буржуазии, пытавшейся с помощью внутренней и внешней реакции совершить контрреволюционный переворот [1].

В ходе развития революции в странах народной демократии создавались экономические и военно-политические предпосылки для образования мировой системы социалистических государств. Однако процесс становления мировой системы социализма — это не единовременный акт. Он был непосредственно связан с развитием сотрудничества СССР и народно-демократических государств, сотрудничества принципиально нового типа во всех областях жизни — экономической, военно-политической и культурной. Огромную роль сыграли тесные контакты между КПСС и другими братскими партиями, которые своей интернационалистской политикой способствовали воспитанию трудящихся в духе интернационализма и патриотизма, помогали вести борьбу за преодоление пережитков буржуазного национализма и шовинизма.

Межпартийные отношения на первом этапе явились одним из решающих факторов для развития всестороннего сотрудничества СССР и народно-демократических стран, выработки общей линии и политики в решении важнейших внутренних и внешнеполитических проблем стран социалистического содружества.

Немаловажное значение имел выход народно-демократических государств из внешнеполитической изоляции. Дипломатические акции СССР, политическая поддержка Страны Советов сыграли большую роль в упрочении международных позиций

[1] В феврале 1948 г. министры — представители правых сил подали в отставку и вызвали глубокий политический кризис, который перерос в решающую битву за власть в Чехословакии. В результате выступления подавляющего большинства народа заговор правого, антикоммунистического блока потерпел провал, и правительственный кризис был разрешен конституционным путем.

всех стран народной демократии. В борьбе против происков империалистических держав, открыто вмешивавшихся в их внутренние дела, они опирались на морально-политическую и экономическую помощь СССР, на поддержку всего прогрессивного человечества.

Конкретным проявлением помощи Советского Союза на этом этапе было, бесспорно, дипломатическое признание Советским правительством первых правительств народно-демократических государств. Эта акция имела не формальное значение. Она послужила серьезным предупреждением для внутренней контрреволюции и империалистической реакции, стремившихся совместными усилиями изменить весь ход развития в свою пользу. Советский Союз первым признал демократическое польское правительство и установил с ним дипломатические отношения (2—5 января 1945 г.). Этот акт предопределял прочность международного положения новой, народной власти в Польше и означал крушение всех планов правящих кругов Англии и США относительно возвращения в Польшу реакционной эмигрантской клики. Советское правительство первым из великих держав установило дипломатические отношения и с сформированными после свержения реакционных, фашистских режимов правительствами Румынии (6 августа 1945 г.), Болгарии (14—16 августа 1945 г.) и Венгрии (25 сентября 1945 г.). Как известно, эти страны в период войны являлись союзниками фашистской Германии. Однако на завершающем этапе войны народы Румынии, Болгарии и Венгрии приняли участие в разгроме гитлеровской Германии, создали демократические правительства, которые последовательно проводили в жизнь условия перемирия.

10 ноября 1945 г. СССР установил дипломатические отношения с Албанией. Причем Советский Союз в данном случае был первой великой державой, признавшей албанское демократическое правительство. С Чехословакией СССР восстановил дипломатические отношения еще в самом начале Великой Отечественной войны — 18 июля 1941 г.

Характерно, что вопрос о дипломатическом признании правительств народно-демократических государств правящие круги западных держав превратили в предмет всякого рода политических спекуляций. Они пытались использовать этот вопрос в своих корыстных целях, для оказания политического давления, вмешательства во внутренние дела народно-демократических стран.

Весьма показательно поведение англо-американской дипломатии в вопросе признания, например, Венгрии. После того как Советское правительство сообщило венгерскому правительству о решении установить дипломатические отношения с Венгрией, представитель США также заявил о готовности его правитель-

ства установить с ней дипломатические отношения, но при условии, если венгерское правительство гарантирует «свободные и беспрепятственные выборы». В таком же духе было сделано заявление английским правительством. Оно дало понять, что установит дипломатические отношения с Венгрией только при выполнении ряда условий, направленных на поддержку внутренних реакционных сил, на предотвращение подлинно демократического развития Венгрии и других восточноевропейских стран.

Установив дипломатические отношения с народно-демократическими странами, Советский Союз внес большой вклад в дело укрепления их независимости и суверенитета. «Этим актом Советский Союз,— писала венгерская газета «Сабад неп» по поводу решения Советского правительства об установлении дипломатических отношений с Венгрией,— не только помогает Венгрии выйти из дипломатической изоляции, но и способствует укреплению международного положения венгерской демократии. Советское правительство устанавливает дипломатические отношения с Венгрией без всяких условий; мы рассматриваем это как самое важное обстоятельство».

Реакционные круги США и Англии открыто вмешивались во внутренние дела молодых народно-демократических государств в период подготовки и проведения первых послевоенных выборов, поддерживали правые политические партии и группировки, стремились оказать влияние на расстановку классовых и политических сил. Они даже пытались использовать в этих целях союзные контрольные комиссии (СКК). Так, представитель США генерал-майор В. Робертсон пытался использовать СКК для грубого вмешательства во внутренние дела Болгарии, для оказания прямой помощи реакционным политическим силам в борьбе против демократического строя в стране, в частности в связи с выборами в Болгарское народное собрание 27 октября 1946 г. Однако благодаря действиям советских представителей эти планы были сорваны.

Советский представитель в СКК в своем письме Робертсону от 4 октября заявил, что «обеспечение свободных выборов является прерогативой Болгарского правительства, которое в этом отношении сделало все необходимое... Следовательно, обсуждение поставленных Вами вопросов в СКК и, тем более, принятие каких-либо мер с ее стороны явилось бы нарушением этих прерогатив и грубым вмешательством во внутренние дела Болгарии. С другой стороны, СКК не может обсуждать эти вопросы, поскольку они не входят в ее компетенцию, определяемую Соглашением о перемирии с Болгарией» [1].

[1] АВП СССР.

По мере становления народно-демократических государств, проведения социалистических преобразований происходил процесс экономического, культурного и политического сближения этих государств и Советского Союза и вместе с тем вырабатывались формы и методы межгосударственных отношений социалистического типа. Складывалось мировое содружество стран социализма.

Надо иметь в виду, что эти страны вступали на путь социализма с различными уровнями экономического и политического развития, с разными историческим прошлым и национальными особенностями, с неодинаковыми традициями революционной борьбы и т. д. Прежде всего большинство этих стран были в экономическом отношении отсталыми странами. В них отсутствовала тяжелая промышленность. Длительное господство иностранных монополий, фашистская оккупация, военные действия привели к тому, что страны Центральной и Юго-Восточной Европы вышли из войны с разрушенным и подорванным народным хозяйством. Некоторые из них были поставлены фашизмом и собственной буржуазией и помещиками на грань экономической катастрофы. Так, в Румынии к началу 1947 г. объем промышленной продукции достигал лишь 48% по сравнению с 1938 г. Промышленное производство в Болгарии после войны составляло 64% довоенного уровня, а производство продуктов сельского хозяйства — около 70%. Огромный урон был нанесен немецкими оккупантами народному хозяйству Польши. Военные разрушения, хозяйничанье гитлеровцев уменьшили национальное богатство страны на 38%, основательно подорвали производительные силы и значительно снизили жизненный уровень трудящихся даже по сравнению с низким уровнем довоенной Польши. Мощности промышленных предприятий Венгрии в 1945 г. составляли всего 60%, а промышленное производство — $^1/_3$ уровня 1938 г.

Сложные проблемы стояли перед КПСС и другими братскими партиями в деле налаживания сотрудничества народно-демократических государств и СССР. Требовалось не только решение многих принципиальных политических проблем, но и оказание Советским Союзом огромной материальной помощи всем народно-демократическим странам.

Советская помощь сыграла важнейшую роль не только в преодолении послевоенных трудностей, она имела большое значение для защиты экономической, а следовательно, и национальной независимости государств народной демократии от посягательств западных держав.

О братской помощи Советского Союза странам народной демократии ярко свидетельствуют первые торговые соглашения и последовавшие за ними советские поставки необходимого сырья,

оборудования и продовольственных товаров. По этим соглашениям Советский Союз поставлял большое количество сельскохозяйственной продукции, нефтепродуктов, металла и металлоизделий, машин, оборудования и др. Финансово-экономическая помощь Советского Союза во многом способствовала быстрейшему восстановлению народного хозяйства, преодолению серьезных трудностей в экономическом и политическом развитии стран народной демократии. Так, первое торговое соглашение между СССР и Болгарией было подписано 14 марта 1945 г., 15 декабря 1945 г. заключено соглашение о поставке из Советского Союза в Болгарию 30 тыс. *т* кукурузы и 20 тыс. *т* пшеницы. 15 апреля 1946 г. МИД СССР сообщил болгарскому правительству, что по его просьбе дополнительно в течение 3—4 месяцев будет поставлено 40 тыс. *т* зерна. 27 апреля 1946 г. в Москве было подписано новое болгаро-советское торговое соглашение, которое предусматривало увеличение импорта из СССР в 2,5 раза по сравнению с поставками по соглашению 1945 г. В 1945—1947 гг. Болгария получила от СССР 229 тыс. *т* нефтепродуктов и масел, 217 тыс. *т* металла и металлоизделий, 33 тыс. *т* хлопка, 72 тыс. комплектов автомобильных покрышек, 2020 грузовиков и тракторов и т. д. Румынии СССР предоставил в 1945 г. в порядке займа 300 тыс. *т* зерна, в 1946 г. (в связи с повторившимся неурожаем) — 50 тыс. *т* (в обмен на нефтепродукты), по соглашению 25 июня 1947 г.— 80 тыс. *т*. В 1946 г. был подписан протокол об оказании Советским Союзом Чехословакии чрезвычайной помощи зерном (с возмещением поставками чехословацкого происхождения), в июле 1947 г.— советско-чехословацкое соглашение о взаимных поставках товаров сроком на 5 лет, 14 декабря 1948 г.— о займе Чехословакии в золоте (слитках) на сумму 132,5 млн. руб.

Помощь Советского Союза, развитие экономического сотрудничества между европейскими странами народной демократии способствовали претворению в жизнь планов восстановления их хозяйства, осуществлению коренных преобразований в экономической и политической жизни, приведших к утверждению социалистических производственных отношений, дали возможность перейти к долгосрочному хозяйственному планированию.

Это, в свою очередь, создало базу для заключения долгосрочных двусторонних экономических соглашений, для дальнейшего развития хозяйственного сотрудничества на основе новых принципов — принципов дружбы и взаимной помощи.

Важную роль сыграли договоры о торговле и мореплавании и другие долгосрочные соглашения. 20 февраля 1947 г. в Москве был заключен договор о торговле и мореплавании между СССР и Румынией. Стороны договорились о том, что «предоставят взаимно друг другу безусловный и неограниченный режим

наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех вопросов, касающихся торговли между обеими странами и мореплавания, а также в отношении промышленности и других видов хозяйственной деятельности на их территориях» [1]. Подобные договоры Советский Союз заключил и с другими странами народной демократии: с Венгрией (15 июля 1947 г.), с Чехословакией (11 декабря 1947 г.), с Болгарией (1 апреля 1948 г.). Советско-болгарский договор предусматривал, что правительства обеих стран «будут время от времени заключать соглашения, определяющие объем и состав взаимных поставок товаров как на годовые, так и на длительные периоды, а также другие условия, обеспечивающие бесперебойный и возрастающий товарооборот между обеими странами в соответствии с потребностями развития народного хозяйства каждой из них» [2]. 26 января 1948 г. было подписано соглашение между СССР и Польской республикой о взаимных поставках товаров в 1948—1952 гг. Оно определяло основные контингенты взаимных товарных поставок общей стоимостью свыше 1 млрд. долл. Кроме того, было подписано соглашение о поставках Польше промышленного оборудования в кредит в 1948—1956 гг. 10 апреля 1949 г. было заключено соглашение с Албанией о поставке Советским Союзом в кредит оборудования и материалов.

Торгово-экономические соглашения между СССР и странами народной демократии, заключенные в 1947—1950 гг., явились выражением тех новых экономических отношений, которые складывались между социалистическими государствами.

Достигнутый уровень экономического сотрудничества социалистических стран создал предпосылки для новых организационных форм и методов в углублении и расширении их хозяйственных связей. В январе 1949 г. в Москве состоялось экономическое совещание представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии, на котором обсуждался вопрос об организации более широкого экономического сотрудничества братских стран. Было признано целесообразным и своевременным создание общего экономического органа — Совета Экономической Взаимопомощи — на принципах равноправного представительства участвующих в совещании стран. Основная задача Совета Экономической Взаимопомощи — обмен хозяйственным опытом, оказание друг другу технической помощи, взаимной помощи сырьем, продовольствием, машинами, оборудованием и т. д. Совещание подчеркнуло, что «Совет Экономической Взаимопомощи является открытой организацией, в кото-

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. I. М., 1952, стр. 361.

[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I. М., 1950, стр. 165.

рую могут вступить и другие страны Европы, разделяющие принципы Совета Экономической Взаимопомощи и желающие участвовать в широком экономическом сотрудничестве с вышеназванными странами». В феврале того же года в СЭВ вступила Албания, в сентябре 1950 г.— ГДР, в июне 1962 г.— Монгольская Народная Республика, в 1972 г.— Куба.

Создание СЭВ ознаменовало новый этап в укреплении экономического сотрудничества стран социализма, развитии социалистического международного разделения труда и экономической интеграции [1].

2. Договоры о дружбе и взаимопомощи между СССР и странами народной демократии.

В становлении мирового социалистического содружества, в защите национального и государственного суверенитета молодых народно-демократических стран важную роль сыграли договоры о дружбе и взаимной помощи, заключенные Советским Союзом с этими государствами. В них нашли свое выражение и политическое закрепление новые принципы братской дружбы и взаимопомощи, которые стали определять основное содержание взаимоотношений стран социалистического содружества. Вместе с тем в договорах нашло свое отражение положение, существовавшее в Европе к моменту их подписания, расстановка классовых и политических сил на международной арене.

Сам факт заключения подобных договоров между СССР и народно-демократическими государствами означал не что иное, как конец отчужденности и вражды, существовавших между ними при буржуазных режимах в странах Восточной Европы, конец историческому этапу, когда эти государства использовались международным империализмом как орудие в борьбе против первой страны социализма.

Договоры о дружбе и взаимопомощи были заключены в различные периоды, в разных исторических условиях. Договоры между СССР и Чехословакией, между СССР и Польшей были подписаны еще в годы второй мировой войны, и поэтому основ-

---

[1] Входящие в состав СЭВ страны, в которых проживает 10% населения всего мира (370 млн. человек), производят ныне уже около 1/3 мировой промышленной продукции. За период с 1949 по 1973 год объем совокупного национального дохода стран — членов СЭВ увеличился примерно в 8 раз, а общий объем промышленной продукции в 12 раз. Для сравнения укажем, что за этот же период национальный доход и промышленная продукция экономически развитых капиталистических стран возросли соответственно лишь в 3,2 и 4 раза.

ное внимание в них уделялось вопросам военного союза в вооруженной борьбе против фашистской Германии. Так, договор между СССР и Чехословацкой республикой был подписан в 1943 г. Ему предшествовало подписание по инициативе Советского правительства советско-чехословацкого соглашения о союзе в войне против гитлеровской Германии (июль 1941 г.), по которому Советский Союз признал Чехословакию как государство в домюнхенских границах. Характерно, что английское правительство, на которое опиралось в своей деятельности чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне, не пошло на признание Чехословакии в этих границах. На просьбу правительства Э. Бенеша оно дало отрицательный ответ, сославшись на позицию правительства Великобритании, изложенную в письме лорда Галифакса от 18 июля 1940 г. В письме Галифакса говорилось, что английское правительство, приступая к акту о признании, «не имеет в виду тем самым заранее взять на себя обязательство, что оно признает или будет поддерживать установление каких-либо будущих границ в Средней Европе» [1].

После длительных переговоров и преодоления сопротивления Бенеша, руководствовавшегося узкоклассовыми интересами чешской буржуазии, 12 декабря 1943 г. был подписан советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Он отмечал необходимость «взаимно объединиться в политике постоянной дружбы и дружественного послевоенного сотрудничества, так же, как и взаимной помощи» [2]. Стороны обязались оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против фашистской Германии и всех ее союзников (ст. 1), не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против другой стороны (ст. 5). Договор предусматривал тесное послевоенное сотрудничество на основе принципов равноправия и уважения суверенитета, оказания взаимной военной и другой помощи в случае агрессии против одной из договаривающихся сторон (ст. 3 и 4).

Этот договор сыграл большую роль в совместных усилиях двух народов в борьбе против фашистской Германии, в оказании Советским Союзом необходимой военной, материальной и политической помощи и поддержки народам Чехословакии в их тяжелой борьбе за освобождение от гитлеровских оккупантов и заложил прочный фундамент послевоенного сотрудничества обеих стран.

---

[1] Цит. по: *Б. Лаштовичка.* В Лондоне во время войны. М., 1966, стр. 55.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, стр. 430.

На завершающем этапе войны, 21 апреля 1945 г., был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой [1]. Он закрепил сложившиеся в ходе освободительной борьбы против гитлеровской Германии союзнические отношения и дружественное сотрудничество между обоими народами в соответствии с принципами взаимного уважения их независимости и суверенитета, а также невмешательства во внутренние дела друг друга. Взяв на себя обязательство и по окончании войны с Германией принимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией в агрессии непосредственно или в какой-либо иной форме, стороны подчеркнули, что они будут участвовать в духе самого искреннего сотрудничества во всех международных мероприятиях, направленных к тому, чтобы обеспечить мир и безопасность народов, и полностью вносить свой вклад в дело осуществления этих высоких целей. В случае вовлечения одной из сторон в послевоенный период в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою агрессивную политику, или с другим государством, которое объединилось бы с ней в агрессии, договор предусматривал оказание взаимной военной и иной помощи и поддержки всеми доступными средствами. Предусматривались сотрудничество в духе дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей и взаимная помощь в восстановлении хозяйства.

11 апреля 1945 г. был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Югославией.

Сразу же после окончания войны правящие круги США провозгласили откровенно экспансионистский курс на обострение обстановки в Европе и в мире, на разжигание антисоветизма и антикоммунизма. Выражением агрессивных планов Соединенных Штатов Америки явились «доктрина Трумэна» и «план Маршалла», провозглашенные в первой половине 1947 г. Озабоченные подъемом революционного движения в Европе, провалом попыток империалистических сил предотвратить победу народно-демократического строя в странах Восточной Европы, правящие круги США под видом помощи разоренным войной европейским странам оказывали всемерную поддержку — материальную и политическую — всем реакционным силам в европейских странах, активно выступавшим против СССР, народно-

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., 1947, стр. 197.

демократических государств, против революционного прогрессивного движения.

Воспользовавшись тяжелым экономическим положением европейских стран, США стремились обосноваться в Европе, превратить ее в бастион американской монополистической буржуазии, создать не только барьер против СССР и всего революционного и демократического движения, но и базу для подрывной деятельности против них.

Именно поэтому империалистические круги поощряли в Западной Германии возрождение милитаризма, вынашивали планы создания агрессивных блоков, в которых важное место отводилось западногерманским реваншистским силам. Это привело «к политическому расколу Европы и к образованию двух лагерей европейских стран» [1].

Естественно, при сложившихся новых условиях в Европе Советский Союз и народно-демократические государства должны были позаботиться об укреплении системы своей обороны, о защите своих революционных завоеваний и государственного суверенитета. Дальнейшее развитие получили союзнические отношения между СССР и европейскими народно-демократическими странами.

Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи были подписаны в 1948 г.: с Румынией — 4 февраля, Венгрией — 18 февраля и Болгарией — 18 марта. Заключение этих договоров европейскими социалистическими странами означало создание надежного барьера на пути агрессивных империалистических планов, обеспечило необходимые условия для дальнейшего равноправного и дружественного сотрудничества, мирного развития, упрочило их международные позиции.

Договоры, по сути дела, преследовали те же цели, что и советско-чехословацкий и советско-польский договоры,— создание прочного союза против возможной агрессии со стороны германского империализма и укрепление экономического, культурного и политического сотрудничества братских стран. Содержание этих договоров обусловлено также международной обстановкой, сложившейся вскоре после окончания второй мировой войны.

Дальнейшее развитие и укрепление дружественных отношений, сотрудничество в интересах всеобщего мира и безопасности в соответствии с целями и принципами ООН — вот основные цели, которыми руководствовались стороны при подписании союзнических договоров. Для осуществления этих задач, отвечающих жизненным интересам народов социалистических государств, стороны, как гласит, например, советско-болгарский

[1] «Внешняя политика Советского Союза, 1948 год», ч. I, М., 1950, стр. 146.

договор, обязались «предпринимать совместно все зависящие от них меры к устранению любой угрозы возобновления агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме» [1]. В случае возобновления такой агрессии стороны обязались немедленно оказать друг другу военную и всяческую иную помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Сходные положения содержатся и в договорах, заключенных СССР с другими европейскими странами народной демократии.

В договорах нашли свое отражение не только вопросы обороны. В них включены статьи, предусматривающие развитие и укрепление экономических и культурных связей между договаривающимися сторонами в духе дружбы и сотрудничества, следуя принципам взаимного уважения, независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга [2].

Определяя значение советско-болгарского договора, в своей речи при его подписании Г. М. Димитров подчеркнул, что он, несомненно, является новым вкладом в общие усилия обеих стран, направленные к установлению прочного мира и нормального международного сотрудничества. «Этот Договор,— подчеркнул Димитров,— отвечает полностью жизненным интересам нашего народа и отражает его сокровеннейшие чаяния. Проведение в жизнь постановлений Договора вдохнет еще большую уверенность нашему народу в справедливость его дела и удвоит его творческие усилия в деле строительства Народной Республики Болгарии, как здорового элемента демократии и мира на Балканах, и ее всестороннего развития на пути социализма» [3].

Г. Димитров подчеркивал, что дружба с Советским Союзом является краеугольным камнем внешней политики, могучим фактором и движущей силой общественного, экономического и культурного развития по пути к социализму [4].

«Трудящиеся нашей страны,— говорил Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии Г. Гусак,— в лице Советского Союза обрели бескорыстного друга, с которым их связывает единство идей и целей, надежного партнера для сотрудничества в экономической, культурной и других областях, а главное — несокрушимую опору своей национальной и государственной безопасности. Лозунг выдающегося деятеля чехословацкого и международного коммунистического движения

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I, стр. 159.
[2] См. там же, стр. 160.
[3] Там же, стр. 162.
[4] См. *Георгий Димитров*. Биографический очерк. М., 1973, стр. 216.

Клемента Готвальда: «С Советским Союзом — на вечные времена» — стал жизненным кредо всех наших трудящихся» [1].

Договоры о дружбе и взаимопомощи между СССР и другими социалистическими государствами отразили принципиально новые межгосударственные отношения социалистического типа. Они составили основу коллективной безопасности стран мирового социалистического содружества, превратились в важные инструменты обеспечения международного сотрудничества и упрочения мира во всем мире, в барьер на пути осуществления агрессивных планов империализма. Эти договоры способствовали сплочению социалистических стран в единую семью, укреплению могущества социалистического содружества, созданию необходимых международных условий для строительства социализма и коммунизма.

Заключение договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и другими европейскими социалистическими государствами явилось важной вехой в развитии братского сотрудничества стран социализма, в становлении мировой социалистической системы.

В 1947—1949 гг. были заключены договоры о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между европейскими странами народной демократии: Польшей и Чехословакией (10 марта 1947 г.), Албанией и Болгарией (16 декабря 1947 г.), Болгарией и Румынией (16 января 1948 г.), Венгрией и Румынией (24 января 1948 г.), Болгарией и Чехословакией (23 апреля 1948 г.), Болгарией и Польшей (29 мая 1948 г.), Венгрией и Польшей (18 июня 1948 г.), Болгарией и Венгрией (16 июля 1948 г.), Румынией и Чехословакией (21 июля 1948 г.), Польшей и Румынией (26 января 1949 г.), Венгрией и Чехословакией (16 апреля 1949 г.).

К концу 40-х годов между европейскими социалистическими государствами было заключено 35 таких союзнических договоров. Эти договоры сыграли огромную роль в стабилизации политического положения в Европе. Они имели неоценимое значение для укрепления международных позиций СССР и молодых народно-демократических государств, для упрочения независимости и государственного суверенитета последних и объединения усилий стран социалистического содружества в борьбе за сохранение всеобщего мира. Широкая система равноправных межгосударственных договорных отношений братских стран знаменовала углубление их сотрудничества, укрепление могущества и международного авторитета социалистического содружества.

Историческое значение имело образование в октябре 1949 г. Германской Демократической Республики — первого в истории

[1] *Г. Гусак.* Избранные статьи и речи. М., 1973, стр. 866.

немецкого народа государства рабочих и крестьян. С победой в нем народно-демократического строя существенно сузилась база германского империализма и милитаризма. ГДР вступила на путь социалистического развития, в ней были полностью ликвидированы корни милитаризма и империализма. Между ГДР и социалистическими государствами установились братские отношения дружбы и сотрудничества.

3. Мировая система социализма — новый тип отношений между государствами

К концу 40-х годов сложилась мировая система социализма. В европейских странах народной демократии примерно к этому времени утвердились социалистические производственные отношения, с победой власти рабочих и крестьян, установлением диктатуры пролетариата в основном завершился процесс перерастания народно-демократических революций в социалистические. На путь строительства новой жизни стал и ряд стран Азии. Они осуществляли в рассматриваемый период задачи начальной стадии народно-демократической революции.

В этих странах развернулись прогрессивные преобразования, процессы, ведущие к социалистическому переустройству жизни.

Становление и развитие мировой системы социализма неразрывно связано с формированием новых, социалистических международных отношений, основанных на принципах братской взаимопомощи и дружбы, на принципах социалистического интернационализма. Мировая социалистическая система — новый тип экономических и политических отношений между странами, имеющими однотипную экономическую основу — общественную собственность на средства производства, однотипный государственный строй — власть народа, единую марксистско-ленинскую идеологию, общие интересы в защите революционных завоеваний и национальной независимости от посягательств империалистического лагеря, единую цель — коммунизм [1].

«Становление нового типа международных отношений — сложный и многогранный процесс, связанный с преодолением тяжелого наследия, оставленного многовековым господством эксплуататорских классов: национальной замкнутости, розни, недоверия. Унаследованные от прошлого различия в уровнях экономического и социального развития, классовой структуре, историко-культурных традициях порождают объективные труд-

[1] См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 20—21.

ности в решении таких насущных задач, как налаживание разностороннего сотрудничества, организация системы международного социалистического разделения труда» [1].

КПСС, братские партии исходили из ленинского положения о том, что в строительстве социализма необходимо исходить из общих закономерностей этого процесса и учитывать конкретные, специфические особенности каждой страны.

Разрешая трудности и осложнения, возникавшие в ходе строительства нового общества и утверждения нового, социалистического типа межгосударственных отношений, страны социализма укрепляли дружбу, сотрудничество и сплоченность своих рядов. «Общность социального строя, совпадение коренных интересов и целей народов социалистических стран позволяют при правильной политике марксистско-ленинских партий успешно преодолевать эти трудности, неуклонно двигать вперед дело развития и укрепления мировой социалистической системы» [2].

Образование мировой системы социализма коренным образом изменило структуру современных международных отношений, расстановку политических сил на мировой арене в пользу социализма. Неизмеримо выросла роль стран социализма в решении мировых проблем.

Образование мировой социалистической системы породило новые факторы, оказавшие решающее влияние на дальнейший ход исторического развития. Процессы, происходящие на международной арене, в том числе и в самой капиталистической системе, стали находиться под прямым или косвенным воздействием мирового социализма, противодействовавшего осуществлению планов империалистических сил.

Социалистические международные отношения являются своего рода движущей силой в развитии мировой системы социализма. Они обеспечивают благоприятные возможности укрепления и развития всего социалистического содружества и каждой входящей в него страны. *«Победы и достижения социализма неразрывно связаны с формированием и развитием нового, социалистического типа международных отношений, основанного на принципах равноправия и национального суверенитета, всестороннего взаимовыгодного сотрудничества и братской взаимопомощи социалистических государств»* [3].

---

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы». М., 1967, стр. 75.

[2] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3. М., 1972, стр. 197—198.

[3] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы», стр. 74.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА (1945—1950 гг.)

1. Дальневосточные проблемы на Московском совещании министров иностранных дел (декабрь 1945 г.)

Среди самых острых и сложных международных проблем после окончания второй мировой войны заняли свое место и проблемы Дальнего Востока. Они затрагивали интересы многих стран мира, в первую очередь тех, кто своими вооруженными силами непосредственно участвовал в разгроме японского агрессора. Накопившийся к осени 1945 г. опыт решения ряда европейских проблем свидетельствовал, что только на путях международного сотрудничества можно было ожидать успеха в нелегком деле урегулирования и важнейших вопросов Дальнего Востока.

Сторонники международного сотрудничества повсюду крайне болезненно встретили известия о неудаче Лондонской сессии Совета министров иностранных дел. Наряду с обсуждением других проблем там состоялся обмен мнениями и по вопросу о Японии. Трудности, возникшие при этом, были вызваны тем, что США и Великобритания противодействовали усилиям СССР, направленным на обеспечение международной безопасности.

Такая позиция западных держав была осуждена не только прогрессивными силами во всех странах, но и теми политическими деятелями США, которые трезво оценивали реальное положение в мире. Например, 17 ноября 1945 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в статье «Россия на Тихом океане» писала, что в основе некоторых дипломатических шагов правительства США в отношении Дальнего Востока лежит «абсурдная тенденция изолировать Россию. Это — то же самое, что и попытки изолировать США в Северной Америке... Нелепо стремиться разрешить дальневосточные проблемы без помощи русских»[1]. Однако такого рода «абсурдная тенденция» взяла верх в дипломатии США при обсуждении дальневосточных проблем на Московском совещании министров иностранных дел Советского Союза, США и Великобритании в декабре 1945 г.

---

[1] «New York Herald Tribune», 17. II. 1949.

Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии

Это нашло свое отражение прежде всего при обсуждении японской проблемы. Было совершенно очевидно, что США в нарушение межсоюзнических соглашений военного времени и Акта о капитуляции Японии стремятся установить над этой страной свой контроль. Именно в духе такой претензии был разработан документ «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» (23 сентября 1945 г.). В этом документе говорилось, что осуществление оккупационной политики в Японии должно привести к созданию там государственной власти, которая будет «поддерживать цели Америки». Подчеркивая необходимость гарантий безопасности на Дальнем Востоке, правительство США не скрывало при этом, что заботится только о собственных интересах: речь шла о таких гарантиях, которые сделали бы невозможным «повторение со стороны Японии угрозы Америке» [1].

Обеспечение своих целей США связывали с тем, что оккупационную политику в Японии предстояло осуществлять лишь американским войскам. США поэтому отвергли предложения о выделении оккупационных зон. Направить свои войска под непосредственное командование американского генерала Д. Макартура Советское правительство отказалось. Китайское гоминьдановское правительство не направило свои военные части в Японию, так как целиком полагалось в японском вопросе на США, к тому же чанкайшистам войска были гораздо нужнее в Китае, где назревала новая гражданская война. Лишь очень незначительные контингенты новозеландских и австралийских вооруженных сил влились в оккупационную армию.

Д. Макартур официально являлся главнокомандующим оккупационными войсками союзных держав. Несмотря, однако, на союзный характер своей миссии, он с самого начала выполнял указания лишь правительства США [2]. Американская дипломатия в этой связи делала все, чтобы не допустить создания союзного контрольного механизма в Японии. В октябре 1945 г. в Вашингтоне было объявлено об учреждении Дальневосточной консультативной комиссии в составе государств, подписавших Акт о капитуляции Японии: США, Советского Союза, Китая, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Канады, Нидерландов. Функции комиссии ограничивались представлением рекомендаций главнокомандующему.

Советское правительство отказалось поддержать это решение и настаивало на создании действительно союзного контрольного

[1] «Documents on American Foreign Relations», vol. VIII. Princeton, 1948, p. 267.

[2] Ibidem.

механизма, способного эффективно выполнить решения союзных держав по японскому вопросу. Развернулась оживленная нотная переписка между правительствами СССР и США [1]. Правительству США пришлось пойти на некоторые уступки, что облегчило разработку соглашения по японскому вопросу на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

Соглашение предусматривало создание Дальневосточной комиссии вместо Дальневосточной консультативной комиссии. Определялся первоначальный состав комиссии: кроме девяти стран, о которых уже шла речь, были названы еще две — Индия и Филиппины. В дальнейшем комиссия могла быть дополнена другими странами. В отличие от консультативного характера предыдущей комиссии, новый форум должен был «формулировать политическую линию, принципы и общие основания, в соответствии с которыми может осуществляться выполнение Японией ее обязательств по условиям капитуляции» [2].

Советская дипломатия настояла и на принципе единогласия СССР, США, Великобритании и Китая при голосовании в комиссии по политическим вопросам. Было определено местопребывание комиссии — город Вашингтон.

Соглашение предусматривало создание еще одного органа — Союзного совета для Японии с местопребыванием в Токио. Состав его ограничивался четырьмя странами: США, СССР, Китай и Великобритания. Последняя должна была одновременно представлять Австралию, Новую Зеландию и Индию. Функции Союзного совета определялись как консультативные: на главнокомандующего возлагалась обязанность консультироваться с советом по вопросам оккупационной политики в Японии. Но при этом отмечалось, что главнокомандующий является единственной исполнительной властью союзных стран в Японии. Обязанность советоваться отнюдь не означала обязанности действовать в соответствии с полученными рекомендациями. Решения главнокомандующего по всем вопросам, говорилось в соглашении, «будут окончательными» [3]. Правда, каждому члену совета предоставлялось право потребовать приостановить действия главнокомандующего и передать спорный вопрос в Дальневосточную комиссию. Однако реальными возможностями воздействовать на ход событий в Японии и контролировать ее послевоенное развитие обладал лишь главнокомандующий.

При всех недостатках соглашений о Дальневосточной комиссии и особенно о Союзном совете для Японии принятие этих

[1] См. *Л. Н. Кутаков.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964, стр. 174—190.

[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год», стр. 156.

[3] См. там же, стр. 159.

документов имело большое международное значение. Закладывалась основа, хотя и далекая от совершенства, контроля и сотрудничества союзных стран по выполнению решений в отношении Японии.

Вопрос о Корее

Значительное место в работе Московского совещания министров иностранных дел занял вопрос о Корее. Позиции участников совещания отразили не только те цели, которые каждый из них преследовал в корейском вопросе до окончания войны, но и их отношение к положению в Корее, сложившемуся в первые месяцы после капитуляции Японии.

Так называемый «Общий приказ № 1» верховного главнокомандующего союзных держав на Дальнем Востоке, разработанный накануне разгрома Японии, предусматривал принятие капитуляции японских войск в Корее севернее 38-й параллели советским командованием, а южнее 38-й параллели — американским [1]. Но положение сложилось таким образом, что японские войска на всей территории Кореи были разгромлены вооруженными силами СССР.

США еще в Потсдаме поставили в известность военную делегацию СССР, что они не намерены в ходе военных действий на Дальнем Востоке осуществлять десантную операцию в Южной Корее, и мотивировали свое решение тем, что такая операция была бы подвержена большому риску ввиду отсутствия поблизости американских баз.

Американские войска высадились в Южной Корее уже после окончания войны, 8 сентября 1945 г. Им не пришлось выполнять обязанности, предусмотренные «Общим приказом № 1». Эти обязанности были уже выполнены советским командованием, принявшим капитуляцию всех японских вооруженных сил, концентрировавшихся главным образом в северной части страны. Тем не менее войска США заняли Южную Корею и стали главной опорой корейских реакционных сил и препятствием на пути создания единой демократической Кореи.

Осенью 1945 г. в Сеуле появился американский ставленник Ли Сын Ман, отпрыск последней корейской династии, свергнутой японцами в начале XX в. Почти 40 лет он прожил в США. Все эти годы Ли Сын Ман и его агентура стремились подчинить антияпонскую борьбу в Корее интересам монополий США. Не случайно поэтому сразу же по возвращении на родину Ли Сын Ман вместе с американским командованием взялся за мобилизацию всех сил, способных задушить развертывавшийся революционный процесс в стране.

[1] См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II. М., 1957, стр. 259—260.

Этот процесс охватил все районы Кореи. Освобождение корейского народа Советским Союзом создало важнейшие предпосылки для осуществления глубоких социально-экономических преобразований. Созданные повсюду корейскими демократическими силами народные комитеты намеревались приступить к решению этой задачи.

Однако американские войска разогнали комитеты во всей Южной Корее.

Права корейского народа советская дипломатия защищала и на Московском совещании 1945 г.

Обсуждение вопроса о Корее было предпринято по инициативе делегации США, которая внесла свой проект документа по данному вопросу. В нем предлагалось создать в ближайшее время для всей Кореи единую военную администрацию во главе с двумя командующими (американскими и советскими войсками). Единая администрация должна была заниматься вопросами валюты, торговли, транспорта и т. д. Что касается корейцев, то предлагалось, «поскольку это осуществимо», привлекать их лишь в качестве администраторов, советников и консультантов при командующих. Со временем на смену военному административному управлению должно было прийти управление невоенное, в виде международной опеки четырех держав — США, Китая, Великобритании и СССР. Предусматривалось, далее, создать из представителей указанных стран административный орган, для осуществления исполнительной, законодательной и судебной власти. США предлагали срок опеки — пять лет и считали возможным продлить его затем еще на пять лет [1].

Характерно, что США вовсе не предусматривали создание в Корее национального правительства ни до, ни после установления опеки. В их предложениях если и шла речь об «установлении независимого корейского правительства», то только в неопределенном будущем. Такой документ, разумеется, не могла поддержать советская делегация, которая предложила свой проект решения по вопросу о Корее. В ходе острого обмена мнениями представители США сняли с обсуждения свои предложения и высказались за советский проект с незначительными поправками. С этим также согласилась и английская делегация.

Принятое Московским совещанием решение о Корее, в основу которого были положены советские предложения, существенно отличалось от американского проекта. Оно предусматривало:

1) в ближайшее время создать Временное корейское демократическое правительство, которое будет принимать все необ-

[1] См. «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)». М., 1948, стр. 8—10.

ходимые меры для развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства и национальной культуры Кореи;

2) учредить совместную комиссию из представителей командования американских войск в Южной Корее и командования советских войск в Северной Корее. Задача комиссии состояла в том, чтобы содействовать образованию Временного правительства. Она должна была провести консультации с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. Выработанные в результате таких консультаций рекомендации необходимо было передать на рассмотрение правительств США, СССР, Великобритании и Китая;

3) совместной комиссии с участием Временного корейского демократического правительства и с привлечением корейских демократических организаций поручалось разработать меры по осуществлению опеки четырех держав (США, СССР, Великобритании, Китая) над Кореей. Речь шла о мерах помощи и содействия политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа. Срок опеки не мог превышать пяти лет, и осуществляться она должна была в течение всего этого времени через Временное корейское правительство и его органы. К моменту завершения опеки Корея приобретала в полной мере государственную независимость как единая, демократическая страна [1].

Осуществление положений этого документа, принятого в соответствии с проектом Советского правительства, могло бы сравнительно быстро привести к ликвидации последствий японского колониального гнета в Корее и обеспечить успешное развитие нового демократического государства на Дальнем Востоке.

Вопрос о положении в Китае

На Московском совещании министров иностранных дел состоялся обмен мнениями о положении в Китае.

В послевоенный мир эта страна вступила в числе постоянных членов Совета Безопасности ООН. Но между официальным статусом великой державы и фактическим положением гоминьдановского Китая была дистанция огромного размера. Страна была опутана кабальными политическими, экономическими, финансовыми и военными соглашениями, которые обрекали ее на положение полуколонии империалистических держав.

Стоявший у власти в Китае феодально-компрадорский блок во главе с правительством Чан Кай-ши рассчитывал увековечить свое господство в стране, опираясь на поддержку империалистических сил, главным образом США. В свою очередь, правящие круги США рассматривали гоминьдановский режим в качестве главного орудия своей экспансионистской политики в

[1] См. «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 5—6.

Азии. Союз американского империализма с китайской реакцией после капитуляции Японии поставил перед собой в качестве первоочередной задачи разгром революционных сил в Китае.

Американская дипломатия приложила немало усилий в поисках наиболее эффективных, с ее точки зрения, методов решения указанной задачи. Так, с осени 1944 г. в арсенале ее средств появилось «посредничество» в переговорах между правительством Чан Кай-ши и Коммунистической партией Китая [1]. После капитуляции Японии такое «посредничество» продолжалось. Посол США генерал Патрик Хэрли в последние дни августа 1945 г. способствовал поездке в Чунцин — временную гоминьдановскую столицу — Мао Цзэ-дуна и Чжоу Энь-лая. Лидеры Компартии были доставлены туда на личном самолете американского посла, который к тому же обеспечил им гарантию личной безопасности во время пребывания в столице.

Переговоры продолжались 43 дня. В подписанном 10 октября 1945 г. коммюнике содержалось обязательство обеих сторон «решительно избегать гражданской войны», сотрудничать друг с другом в строительстве независимого, свободного и мирного Китая [2].

Не прошло, однако, и дня после опубликования коммюнике об итогах переговоров, как во многих провинциях страны заполыхало пламя гражданской войны. Чанкайшистскому правительству переговоры понадобились лишь для более тщательной подготовки к развязыванию военных действий против народно-освободительных армий. Генерал Хэрли вскоре после начала чунцинских переговоров организовал визит чанкайшистского премьер-министра Сун Цзы-вэня в Вашингтон. 14 сентября 1945 г. между ним и президентом Трумэном состоялась беседа, в ходе которой были обсуждены вопросы американской военной помощи гоминьдановскому режиму. Пока шли чунцинские переговоры, Сун Цзы-вэнь торопился заручиться обещанием Трумэна предоставлять такую помощь в течение длительного времени. В тот же день президент США заявил чанкайшистскому премьер-министру, что Китаю будет оказано содействие «в развитии вооруженных сил современного масштаба», в ближайшее время США завершат выполнение заключенного еще во время войны соглашения, по которому американцы обязались обучить и снарядить 39 чанкайшистских дивизий, в Китай будет послана специальная военная миссия для осуществления американской программы помощи [3].

---

[1] См. «История дипломатии», т. IV.
[2] «China Handbook. 1937—1945». New York, 1947, p. 738—740.
[3] «United States Relations with China». Washington, 1949, p. 939.

Визит Сун Цзы-вэня в Вашингтон показал, что чанкайшисты могут рассчитывать на любую поддержку со стороны США, вплоть до открытого вооруженного вмешательства. Эта уверенность особенно усилилась после того, как 30 сентября 1945 г. в Тяньцзине высадилась американская дивизия морской пехоты. За нею последовали новые и новые соединения. Всего к концу 1945 г. американские войска в Китае насчитывали 113 тыс. человек [1].

Однако расчетам Чан Кай-ши и его покровителей извне на успех предпринятых в Китае осенью 1945 г. военных акций не суждено было сбыться. Причиной тому были прежде всего контрудары со стороны народно-революционной армии. На событиях в Китае отразился и тот факт, что американский народ в своей массе энергично выступил против вооруженной интервенции США с целью поддержки гоминьдановского режима. Эти выступления вынудили руководителей США сделать заявления о значительном сокращении американского персонала в Китае к концу 1945 г. В начале ноября 1945 г. генерал Ведемейер даже объявил, что «первые 50 тыс. человек могут отправиться на родину в течение ближайшей недели...» [2]. Впрочем, через несколько дней он назвал другие сроки — весну 1946 г.

Впоследствии государственный секретарь США Дин Ачесон в препроводительном письме к «Белой книге» об американо-китайских отношениях писал, что «американский народ не санкционировал бы в 1945 г. или позже посылку в Китай огромного количества наших армий...» [3]. Еще больше правительство США опасалось упорного сопротивления китайских народно-освободительных войск. На опыте событий осени 1945 г. оно убедилось в том, что открытая вооруженная интервенция США в Китае обречена на провал.

Огромное значение имела позиция Советского Союза, который решительно выступал против американской интервенции в Китае.

Советское командование не вмешивалось во внутренние дела Маньчжурии, предоставив населению этой части Китая самому решать свою судьбу. Это в полной мере соответствовало советско-китайскому договору от 14 августа 1945 г.

Американские империалисты и чанкайшисты не смогли разгромить революционные силы Китая. Осенью 1945 г. чанкайшистское командование пыталось высадить свои войска в Дальнем, но получило решительный отказ со стороны Советского правительства. Советское командование в Маньчжурии разъяснило гоминьдановским властям, что по договору от 14 ав-

[1] «United States Relations with China». Washington, 1949, p. 694.
[2] «New York Herald Tribune», 8. XI. 1945.
[3] «United States Relations with China», p. X.

густа 1945 г. Дальний является торговым портом, предназначенным для перевозки товаров, а не войск [1]. Правящие круги США и чанкайшисты не могли не понимать, что Порт-Артур и Дальний были накрепко закрыты для их войск Советским Союзом, притом на самых законных основаниях — по договору от 14 августа 1945 г.

В одном из докладов правительству США в ноябре 1945 г. командование американских войск в Китае рекомендовало «установить опеку великих держав над Маньчжурией на время, пока китайское правительство станет достаточно сильным и стабильным, чтобы принять на себя ответственность за полный контроль над страной» [2]. Правительство США не решилось взяться за реализацию этой затеи американской военщины.

Советско-китайские соглашения о Порт-Артуре, Дальнем и китайской Чанчуньской железной дороге послужили осенью 1945 г. главным препятствием для осуществления американских планов «опеки» над северо-восточными провинциями Китая.

С каждым днем становилось все более очевидным, что, занимая позицию невмешательства во внутренние китайские дела, СССР не был безучастным наблюдателем происходивших в этой стране событий. Советский Союз оградил северо-восточные районы Китая от интервенции США. Особое значение имел тот факт, что народные армии воспользовались значительной частью оружия и боеприпасов бывшей Квантунской армии и армии Маньчжоу-Го, разгромленных вооруженными силами СССР.

Сочетание отмеченных факторов — боеспособность народных войск, антиимпериалистическая политика СССР, оппозиционные выступления американской общественности обусловили провал попытки США предпринять осенью 1945 г. прямую интервенцию против китайской революции. Это была серьезная неудача политики империалистических кругов США в Китае и их дальневосточной политики в целом в послевоенное время.

В этой обстановке 27 ноября 1945 г. произошла отставка Хэрли. В свое время он был направлен в Китай президентом Рузвельтом для проведения целой системы дипломатического маневрирования, в которой главное место отводилось посредничеству в переговорах между чанкайшистами и коммунистами. Однако на всем протяжении своей миссии в Китае Хэрли ни разу не зарекомендовал себя последовательным сторонником гибкой тактики во внешней политике. В конечном счете именно с его именем связывали попытки осенью 1945 г. организовать подавление революционных сил в Китае непосредственно американскими армиями.

---

[1] См. «Правда», 30 ноября 1945 г.

[2] «United States Relations with China», p. 132.

Накануне своей отставки Хэрли направил президенту Трумэну послание, в котором изложил мнение о причинах кризиса политики и дипломатии США в Китае [1]. Он утверждал, что главная причина заключалась в «саботаже» американской политики со стороны «всех профессиональных дипломатов в государственном департаменте», и прежде всего «дипломатов карьеры», служивших в Китае. Он обвинил в «коммунизме» тех дипломатов, которые придерживались «тактики Стилуэлла» [2], т. е. сотрудничества с Компартией Китая в войне против Японии, использования посредничества в переговорах между коммунистами и гоминьдановцами.

Нападки Хэрли на «профессиональных дипломатов» были отражением острой борьбы, которая тогда развернулась в американских правящих кругах по вопросу о средствах и методах закабаления Китая. В ходе обсуждения «дела Хэрли» в конгрессе США верх взяли сторонники тактики политических маневров. В качестве специального представителя президента США в Китае был назначен бывший начальник штаба американской армии генерал Д. Маршалл. Характерно, что в связи с заменой Хэрли Маршаллом в конгрессе высказывалось пожелание, чтобы внешняя политика и дипломатия США в отношении Китая «базировались на широких и гибких принципах» [3]. Разумеется, никому из конгрессменов не приходила в голову мысль об изменении этой политики по существу. В одном из своих выступлений государственный секретарь Д. Бирнс поторопился предупредить, что «никаких изменений по существу в американской политике в отношении Китая нет» [4].

Подводя итоги обсуждения вопросов, поднятых в послании Хэрли, Бирнс 7 декабря 1945 г. изложил перед сенатской комиссией по иностранным делам основные направления политики и дипломатии США в отношении Китая. Он заявил: «Нынешняя политика США в Китае —наиболее ясная и определенная во всей истории американской дипломатии на Дальнем Востоке. Это — политика поддержки режима Чан Кай-ши». Что касается методов, с помощью которых рекомендовалось добиваться намеченных целей в Китае, то о них государственный секретарь сказал: «Осуществление этой политики требует такта и осторожности, терпения и сдержанности...» [5] В духе указанных требований было составлено и заявление президента Трумэна от 15 декабря 1945 г. о политике США в отношении Китая [6]. Это

[1] «United States Relations with China», p. 581—584.
[2] См. «История дипломатии», т. IV.
[3] «New York Herald Tribune», 5. XII. 1945.
[4] «New York Herald Tribune», 29. XI. 1945.
[5] «New York Herald Tribune», 8. XII. 1945.
[6] «United States Relations with China», p. 607—609.

заявление Бирнс представил участникам Московского совещания. Трумэн обещал «приложить усилия», чтобы «помочь враждующим сторонам» в Китае прекратить военные действия путем переговоров, создать «единый демократический режим» с многопартийной системой, при участии и коммунистической партии.

В ходе обмена мнениями о положении в Китае советская дипломатия сосредоточила свои усилия на вопросе об американских вооруженных силах в этой стране. Бирнс в книге «Откровенно говоря» признает, что делегация СССР неоднократно за время совещания поднимала эту проблему и в связи с нею пыталась «вскрыть цели США в Китае» [1]. Бирнс выдвинул на совещании версию об «обязанности» США оказать помощь гоминьдановскому правительству в разоружении японских войск, хотя в «Общем приказе № 1» об этом не было и речи. Такая аргументация пребывания американских войск в Китае, как признает Бирнс, не удовлетворила советскую делегацию, которая «снова подняла вопрос» [2].

Заявив, что отвод советских войск из Маньчжурии отложен до 1 февраля 1946 г. по просьбе китайского правительства, советская делегация потребовала от государственного секретаря США, чтобы была установлена дата одновременного вывода американских и советских войск из Китая. Бирнс отказался установить такую дату, снова сославшись на то, что США якобы «несут главную ответственность за выполнение условий капитуляции в том, что касается разоружения и вывода японских войск». В ходе обмена мнениями между делегациями СССР и США была достигнута договоренность о «желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок, совместимый с выполнением ими их обязательств и с их ответственностью» [3].

Что касается внутриполитического положения в Китае, то три министра иностранных дел договорились, во-первых, о необходимости объединения и демократизации Китая под руководством Национального правительства, во-вторых, о широком привлечении демократических элементов во все органы Национального правительства; в-третьих, о прекращении гражданской войны. Все три министра «подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая» [4].

Действия советской дипломатии при обсуждении дальневосточных проблем на Московском совещании в полной мере соответствовали как интересам международной безопасности,

---

[1] *James Byrnes.* Speaking Frankly. New York, 1948, p. 226.
[2] *J. Byrnes.* Opp. cit., p. 227.
[3] «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год», стр. 162.
[4] Там же, стр. 161.

так и интересам борьбы народов Китая, Кореи, Японии и других стран Азии за социальный прогресс.

Это признавали в то время и руководители Коммунистической партии Китая. Мао Цзэ-дун осенью 1945 г. говорил, что «многое в развитии международного положения будет зависеть от взаимоотношений между СССР и США. Поэтому необходимо избежать конфликта между ними...». В этой связи подчеркивалось и значение советско-китайского договора от 14 августа 1945 г., который «устраняет возможность конфликта между СССР и США по китайскому вопросу и затрудняет открытое вмешательство США во взаимоотношения между компартией Китая и гоминьданом на стороне гоминьдана против компартии, а это очень важно» [1].

Советская дипломатия на Московском совещании так же, как и при заключении договора от 14 августа 1945 г., не могла, разумеется, абстрагироваться от того реального факта, что у власти в Китае находилось гоминьдановское правительство, с которым поддерживались официальные отношения вплоть до провозглашения КНР в 1949 г. Да и компартия Китая не раз заключала с ним компромиссные соглашения. Продолжение официальных отношений СССР с режимом Чан Кай-ши в то время, когда в Китае развертывался новый этап революции, соответствовало политике невмешательства Советского правительства во внутренние дела этой страны и затрудняло открытую вооруженную интервенцию США на стороне гоминьдана.

2. Политика США во время гражданской войны в Китае. Выступления Советского Союза в защиту прав китайского народа

Переход США от дипломатических маневров к открытому проведению курса на уничтожение революционных сил Китая

Президент США Трумэн назначил генерала Д. Маршалла своим личным представителем в Китае 27 ноября 1945 г. Цели его миссии в этой стране были определены в специальной инструкции и в заявлении Трумэна от 15 декабря 1945 г. [2] Генералу предстояло выполнять функции посредника в переговорах между гоминьданом и компартией Китая по главным проблемам внутриполитического положения.

Американские руководители не оставляли никаких сомнений в том, что они ориентируются на Чан Кай-ши. В то время это отнюдь не означало, что гоминьдановский диктатор мог рассчитывать на безоговорочную поддержку со стороны США в

[1] Цит. по: *Е. Ю. Богуш.* Миф об «экспорте революции» и советская внешняя политика. М., 1965, стр. 108.

[2] «United States Relations with China», p. 605—606.

деле спасения своего режима. Влиятельные силы в правящих кругах США стояли тогда на той точке зрения, что для пресечения дальнейшего развития революционного процесса в Китае необходимо преобразовать гоминьдановский, феодально-компрадорский режим в буржуазно-демократическое, парламентарное государство.

В этой связи Д. Маршаллу предстояло добиться «модификации» гоминьдановской системы «политической опеки» [1], что означало созыв парламента, ликвидацию однопартийной диктатуры, создание системы оппозиционных партий. А главной заботой генерала должно было явиться объединение всех вооруженных сил Китая под единым командованием. «Существование автономных армий,— говорилось в заявлении Трумэна,— таких, как коммунистическая армия, несовместимо с политическим единством Китая» [2].

Готовясь к посреднической миссии, генерал Маршалл рассчитывал преодолеть наиболее крайние, непримиримые пастроения гоминьдановских кругов в отношении перспектив развития их страны. По авторитетному свидетельству генерала Ведемейера, который в то время командовал американскими войсками в Китае, Д. Маршалл хотел «принудить Чан Кай-ши делить власть с коммунистами» [3]. В связи с миссией Маршалла руководители США утверждали даже, что они будут оказывать помощь Китаю лишь в том случае, если в состав китайского правительства будут включены коммунисты [4]. Разумеется, от коммунистов ожидались очень серьезные уступки, прежде всего их согласие распустить народно-освободительные войска.

Предпринимая политические маневры в отношении Коммунистической партии Китая, американская дипломатия учитывала националистические, антисоветские настроения у части ее руководства. Государственный департамент США был хорошо осведомлен о процессе «китаизации марксизма». Лю Шао-ци в письме американской журналистке Анне Луизе Стронг в 1947 г. следующим образом подытожил этот процесс: Мао Цзэ-дун «создал китайскую, или азиатскую, форму марксизма» [5]... Внимание многих американских дипломатов и ученых привлекало к себе и то, что состав КПК был преимущественно крестьянским, а ряд ее ведущих лидеров игнорировал работу среди рабочего класса. Недаром в правящих кругах США в те годы получила широкое распространение оценка КПК как партии «аграрных реформистов» и националистов. Именно такой точки зрения

[1] «United States Relations with China», p. 608.
[2] Ibidem.
[3] *A. Wedemeyer.* «Wedemeyer Reports». New York. 1958, p. 307.
[4] См. *Ф. Пензен.* Китай побеждает. М., 1950, стр. 255.
[5] «Amerasia», 1947, N 6, p. 161.

придерживались Хэрли, Маршалл и их советники по дальневосточным проблемам [1].

По прибытии в Чунцин в конце декабря 1945 г. личный представитель президента США в Китае приступил к выполнению своей миссии. Его резиденция во временной китайской столице «стала Меккой для всех гоминьдановских руководителей» [2].

Сразу же были установлены контакты и с делегацией КПК, прибывшей туда во главе с Чжоу Энь-лаем для возобновления мирных переговоров. Руководство компартии согласилось с предложением чанкайшистского правительства относительно американского посредничества, после чего 3 января 1946 г. был создан «Комитет 3-х» для обсуждения вопроса о прекращении военных действий. В состав комитета вошли: представитель КПК Чжоу Энь-лай, представитель чанкайшистского правительства Чжан Цюнь и посредник Д. Маршалл.

10 января 1946 г. «Комитет 3-х» достиг соглашения о повсеместном прекращении военных действий, кроме Маньчжурии. В тот же день открылся Политический консультативный совет с участием гоминьдановцев, коммунистов и представителей других политических партий, а также беспартийных политических деятелей. Совет принял ряд решений о введении в стране конституционного режима, о созыве Национального собрания, об образовании коалиционных органов власти и создании единых вооруженных сил [3]. После завершения работы совета военные вопросы обсуждались в специальном военном подкомитете, в который входили представители чанкайшистского правительства, КПК и генерал Маршалл. 25 февраля 1946 г. подкомитет закончил разработку документа, который назывался «Основы военной реорганизации и включения коммунистических вооруженных сил в национальную Армию» [4].

Не будет преувеличением сказать, что этот реорганизационный план был главным среди всех документов, появившихся в ходе дипломатического маневрирования американского империализма в Китае. План предусматривал значительное сокращение как чанкайшистских, так и народно-освободительных войск, над которыми предполагалось установить единый контроль. Вместе с тем план предусматривал такую дислокацию революционных вооруженных сил, которая, по замыслу Маршалла, обеспечивала их полное окружение чанкайшистскими войсками.

[1] См. «United States Relations with China», p. 64—72; *A. Wedemeyer*, Opp. cit., p. 307; *Z. Yinacke*. «The United States and the Far East (1941—1951). Stanford, 1952, p. 87.

[2] «New York Herald Tribune», 30. XII. 1945.

[3] «China Handbook. 1937—1945». New York, 1947, p. 744—571; «United States Relations with China», p. 612—621.

[4] «United States Relations with China», p. 622—625.

Генерал Маршалл назвал соглашение 25 февраля «величайшей надеждой Китая» [1]. Вернее, конечно, сказать, это была главная надежда американских инициаторов «гибкой политики» в Китае, с помощью которой они рассчитывали сравнительно быстро ликвидировать революционные армии. Гоминьдановские реакционеры всячески саботировали решения Политического консультативного совета и соглашение 25 февраля 1946 г. 40 высших гоминьдановских военачальников обратились к Чан Кай-ши с петицией, в которой протестовали против намечаемого сокращения вооруженных сил «в то время, когда мы находимся накануне новой мировой войны» [2]. Они опасались, что расчеты сделать реорганизационный план ловушкой для коммунистов могут провалиться. В поведении чанкайшистов снова взяли верх страх за судьбу своей диктатуры и стремление спасти ее любой ценой.

Коммунистическая партия Китая не питала иллюзий в отношении политики Чан Кай-ши, вероломство которой было хорошо известно. КПК поставила вопрос о реорганизации вооруженных сил в зависимость от демократизации всей общественно-политической системы в стране на основе решений Политического консультативного совета. Такая позиция пришла в непримиримое противоречие с линией поведения гоминьдановского правительства, которому хотелось обезоружить революционные силы и ликвидировать освобожденные районы в обмен на неопределенное обещание «реформ» в будущем.

В годы войны с Японией КПК временно прекратила конфискацию помещичьих земель, поскольку этого требовали интересы укрепления единого антияпонского национального фронта. Но после окончания войны китайское крестьянство повсюду настойчиво требовало радикального разрешения земельной проблемы. 4 мая 1946 г. ЦК КПК принял решение о конфискации в освобожденных районах помещичьих земель и распределении их среди крестьян. Это означало намерение компартии уничтожить феодальную эксплуатацию в освобожденных районах, чему решительно противились правящие гоминьдановские круги.

В связи с тем, что соглашение о прекращении военных действий постоянно нарушалось, напряженность в стране усиливалась с каждым днем. Особенно напряженным было положение в Маньчжурии. Чанкайшистское правительство утверждало, что якобы только оно вправе «восстановить китайский суверенитет над Маньчжурией» после ухода оттуда советских войск. В ответ на это представитель КПК заявил: «Но ведь народно-освободительные войска тоже китайские!» [3]

[1] «United States Relations with China», p. 142.
[2] «New York Herald Tribune», 26. II. 1946.
[3] «New York Times», 15. IV. 1946.

1 июля 1946 г. гоминьдановские армии начали всеобщее наступление. В своем заявлении Чан Кай-ши пытался свалить всю вину за провал мирных переговоров на КПК. В манифесте к 9-й годовщине начала войны с Японией 7 июля 1946 г. ЦК КПК возложил всю ответственность за развертывание военных действий на чанкайшистское правительство. В Китае развертывалась новая гражданская война.

Личный представитель американского президента в Китае Д. Маршалл продолжал свою деятельность до января 1947 г. Ему на помощь поспешил Л. Стюарт, назначенный 11 июля 1946 г. послом США в Китае.

Выбор этой кандидатуры принадлежал Маршаллу, который «пожелал, чтобы на пост посла был назначен человек с решительным характером и большим жизненным опытом в Китае» [1]. Семидесятилетний Стюарт большую часть своей жизни провел в Китае. Одно время он был ректором американского университета в Пекине. Пресса США отзывалась о нем как о «близком друге Чан Кай-ши» [2]. Л. Стюарт изложил Маршаллу свои соображения по поводу политики США в Китае. Он считал, что США должны либо всеми силами прийти на помощь чанкайшистскому режиму и обеспечить ему победу, либо уйти из Китая и не вмешиваться в гражданскую войну [3].

Соображения нового посла США в Китае были отвергнуты. Американское правительство решило продолжать посредничество в ходе уже начавшейся гражданской войны, полагая, что Чан Кай-ши будет выгодно в течение некоторого периода сохранение состояния войны и мира в одно и то же время. 10 августа 1946 г. Трумэн направил Чан Кай-ши личное послание, в котором вновь поучал его «гибкой политике» [4].

Обе стороны снова согласились сесть за стол переговоров. Руководство КПК, идя на продолжение переговоров, исходило из того, что широкие народные массы Китая все еще верили в «миролюбивые стремления» гоминьдановского правительства и только время могло избавить их от такого рода иллюзий. Вместе с тем КПК открыто разоблачала маневры империалистов. Так, в меморандуме ее представителя от 15 сентября 1946 г. было заявлено, что «посредничество Маршалла и Стюарта используется гоминьдановцами в качестве камуфляжа, за которым развертывается в огромных масштабах гражданская война» [5].

---

[1] «United States Relations with China», p. 173.
[2] «New York Herald Tribune», 11. VII. 1946.
[3] *L. Stuart.* Fifty years in China. The Memoirs. New York, 1954, p. 244—245.
[4] «United States Relations with China», p. 179.
[5] Ibid., p. 654.

Несмотря на мирные переговоры, военные действия продолжались.

Маршалл выражал недовольство тем, что Чан Кай-ши слишком спешил и мешал осуществить план, который предусматривал прежде всего «созыв национального собрания», а потом уже форсирование военных операций «на законном основании». Маршалл и Стюарт при этом надеялись на активное участие в парламенте партий и организаций национальной буржуазии.

Однако лидеры Демократической лиги и других партий национальной буржуазии так же, как и компартия, требовали прежде всего прекращения военных действий, а затем выполнения решений Политического консультативного совета о демократизации страны, в том числе и о «созыве национального собрания». Все эти партии осудили созванное 15 ноября 1946 г. «национальное собрание» как фиктивное, имевшее целью «узаконить однопартийную гоминьдановскую диктатуру». В разработке китайской конституции, утвержденной «национальным собранием» и вступившей в силу с 1 января 1947 г., участвовали Маршалл и Стюарт. КПК и партии национальной буржуазии отвергли этот документ, подготовленный без их участия в условиях разгоравшейся войны.

Провалились и усилия американской дипломатии создать в Китае «либеральную партию», которая могла бы стать оппозиционной по отношению к гоминьдану. Вопрос об объединении в такую партию всех промежуточных между коммунистами и гоминьдановцами буржуазных партий, групп и организаций обсуждался Маршаллом и Чан Кай-ши в декабре 1946 г.[1] Перед отъездом из Китая в начале января 1947 г. Маршалл в беседе с важными правительственными чиновниками снова поставил этот вопрос, заявив, что правительству Чан Кай-ши необходимо иметь свою «оппозицию»[2].

Чанкайшистское правительство воспротивилось предложению американского посредника, а лидеры национальной буржуазии слишком хорошо знали Чан Кай-ши и его тайную полицию, чтобы поддержать этот план Маршалла в условиях, когда никаких реальных гарантий против произвола гоминьдановского режима не было. Лидеры национальной буржуазии вместе с компартией требовали прежде всего реализации всех решений Политического консультативного совета. Маршалл вынужден был признать, что «либералы и радикалы оказались на стороне коммунистов, несмотря на различие их точек зрения»[3].

Рост антигоминьдановских и антиамериканских настроений в Китае заметно усилился после заключения 4 ноября 1946 г.

[1] «United States Relations with China», p. 213, 216.
[2] Ibid., p. 218.
[3] Ibid., p. 687.

в Нанкине американо-китайского Договора о дружбе, торговле и навигации. Формально в основе договора лежал принцип равных прав и одинаковых возможностей. Однако на деле этот принцип не имел для гоминьдановского Китая ввиду его экономической отсталости никакого существенного значения. Он означал фактически полное подчинение Китая американским монополиям.

7 января 1947 г. Д. Маршалл был назначен на пост государственного секретаря США вместо ушедшего в отставку Д. Бирнса. 29 января государственный департамент объявил о прекращении посредничества в Китае. Через месяц прекратили свою деятельность представительства КПК в Нанкине, Чунцине и Шанхае. Американские правящие круги стали открыто проводить курс на уничтожение революционных сил Китая руками Чан Кай-ши в ходе гражданской войны. Генерал Маршалл, став госсекретарем, направлял Стюарту директивы вроде: «Правительство США не должно ни прямо, ни косвенно оказывать какую-либо поддержку коалиционному правительству Китая с участием коммунистов» [1].

Такая позиция полностью соответствовала «доктрине Трумэна», которой президент США 12 марта 1947 г. открыто провозгласил антикоммунистический поход во всем мире. По авторитетному признанию американского ученого О. Латтимора, ««доктрина Трумэна» покончила с политикой свободного маневрирования в Китае» [2].

Но ни политические маневры, ни значительная военная, финансовая и продовольственная помощь США режиму Чан Кай-ши не смогли пресечь развитие революционного процесса в Китае. Кровопролитная война, навязанная китайскому народу, обернулась в конечном счете против феодально-компрадорского блока и американского империализма. Эти враги китайской революции были отнюдь не «бумажными тиграми», как назвал их заодно с атомной бомбой Мао Цзэ-дун в беседе с Анной Луизой Стронг летом 1946 г.[3] Для победы над ними потребовались огромные усилия и жертвы китайского народа.

Борьба советской дипломатии против происков империалистических держав в отношении Китая

Руководящие деятели КПК в то время в своих выступлениях подчеркивали значение Советского Союза и всего международного революционного лагеря для судеб революции в Китае. В той же беседе с А. Л. Стронг Мао Цзэ-дун говорил: «Советский Союз — оплот мира во всем мире, могучий фактор, препятствующий установлению мирового господства американской ре-

[1] Цит. по: *J. F. Dulles.* War or Peace. New York, 1950, p. 227.
[2] *O. Lattimore.* Situation in Asia. Boston, 1949, p. 149.
[3] См. *Мао Цзэ-дун.* Избран. произв., том IV. Пекин, 1964, стр. 118.

акции. Существование Советского Союза делает притязания американской и мировой реакции совершенно неосуществимыми»[1].

Советский Союз полностью выполнил решения о Китае, принятые Московским совещанием министров иностранных дел.

Это касалось прежде всего такого вопроса, как вывод советских войск из Китая. Начав их эвакуацию осенью 1945 г., советское командование вынуждено было затормозить ее по просьбе правительства Китая.

В результате переговоров отвод советских вооруженных сил был отложен до 1 февраля 1946 г., хотя советское командование планировало завершить его еще в декабре 1945 г. В дальнейшем намеченный срок откладывался ввиду неблагоприятных погодных условий. Эвакуация полностью завершилась 3 мая 1946 г.

Советское правительство неустанно требовало, чтобы и США выполнили принятые на Московском совещании обязательства в отношении Китая.

Особое значение при этом имела позиция СССР по вопросу о пресловутой американской политике «открытых дверей». Еще летом 1945 г. дипломатия США безуспешно пыталась добиться от Советского Союза признания этой политики в Китае. Такое предложение содержалось в меморандуме США от 28 июня 1945 г. Разумеется, оно не нашло поддержки у Советского правительства[2]. Государственный департамент США снова поставил этот вопрос перед СССР в канун первой годовщины Ялтинской конференции. В ноте от 9 февраля 1946 г. американское правительство настаивало на том, чтобы Советский Союз признал свободу действий американцев в Маньчжурии, и прежде всего в таких районах, как Порт-Артур, Дальний, Китайская Чанчуньская железная дорога, в соответствии с «принципом открытых дверей»[3]. Этот демарш США также не имел успеха.

Тогда государственный департамент организовал шумную пропагандистскую кампанию в прессе с целью опорочить позицию СССР. В ходе кампании появился «маньчжурский манифест», с которым 14 мая 1946 г. выступила группа конгрессменов, дипломатов, профсоюзных боссов США. Авторы «манифеста» потребовали от президента Трумэна «аннулировать» Ялтинское соглашение по вопросам Дальнего Востока и вернуться к политике «открытых дверей» в Маньчжурии[4].

---

[1] См. *Мао Цзэ-дун*. Избран. произв., том IV. Пекин, 1964, стр. 117.

[2] «United States Relations with China», p. 118.

[3] «Documents on American Foreign Relations», vol. VIII. Princeton, 1948, p. 831.

[4] «New York Times», 15. V. 1946.

Для еще большего разжигания антисоветской кампании правящие круги США использовали так называемый «вопрос о японской собственности в Маньчжурии». Речь шла об арсеналах, военных и других предприятиях, которые обслуживали Квантунскую армию. Разгромив ее, советские вооруженные силы имели все основания считать японскую собственность в Маньчжурии своими трофеями. В 1946 г. Советское правительство решительно отвергло попытки американской дипломатии передать этот вопрос на рассмотрение репарационной комиссии для Японии, поскольку дело касалось лишь советско-китайских отношений [1]. Впоследствии Советский Союз безвозмездно передал демонтированное имущество правительству КНР.

Революционные силы Китая высоко оценили действия СССР, благодаря которым указанное имущество не попало в руки чанкайшистов и американских монополий, стремившихся прикрыть свои экспансионистские намерения принципами «политики открытых дверей».

СССР приложил много усилий, добиваясь, чтобы из Китая были выведены американские войска. Советская дипломатия настаивала на выполнении правительством США своих обязательств перед Китаем при обсуждении в ООН вопроса о союзных войсках за границей. На второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи в 1946 г. Советский Союз разоблачил попытки правительства США прикрыть пребывание своих войск в Китае необходимостью «репатриации японцев». На заседании Совета Безопасности 23 сентября 1946 г. представитель СССР А. А. Громыко привел конкретные данные об интервенции США в Китае, которая осложнила как внутриполитическое, так и международное положение этой страны [2]. Советская дипломатия в ООН совершенно ясно и определенно указала на опасный характер возможных последствий такой политики США на Дальнем Востоке.

На сессии Совета министров иностранных дел, состоявшейся в марте — апреле 1947 г. в Москве, советская делегация предлагала заслушать информацию о том, как выполняется Московское соглашение 1945 г. о Китае [3]. США и Великобритания отвергли это предложение и заявили о том, что данный вопрос следует обсудить «в неформальном порядке» [4].

---

[1] См. *М. С. Капица.* Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 335.

[2] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год». М., 1952, стр. 625—626.

[3] «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. I. М., 1952, стр. 390.

[4] Там же, стр. 395.

Советское правительство согласилось участвовать в таком «неформальном совещании», предложив опубликовать соответствующее коммюнике о его результатах.

Тогда, желая любыми методами сорвать обсуждение вопроса о Китае, делегация США выступила против проведения любого совещания и выдвинула новое предложение, согласно которому участники декабрьского соглашения 1945 г. должны были до 1 апреля 1947 г. обменяться информацией о выполнении этого решения и направить копии текстов информации китайскому правительству. В письме Д. Маршаллу 24 марта 1947 г. Советское правительство сообщило, что оно не возражает против новой американской инициативы, «хотя такой порядок информирования и представляется не совсем удовлетворительным» [1].

В начале апреля 1947 г. участники Московского соглашения по китайскому вопросу обменялись письменной информацией. В письме министра иностранных дел СССР государственному секретарю США говорилось: «Настоящим я подтверждаю, что Советское Правительство продолжает придерживаться тех взглядов, которые были изложены в упомянутом соглашении трех министров... Советское Правительство в своих отношениях с Китаем придерживалось и придерживается политики невмешательства во внутренние дела Китая» [2].

Приведя, далее, ту часть соглашения, где говорилось об обязательствах СССР и США вывести свои войска из Китая в «возможно кратчайший срок», министр иностранных дел СССР писал: «Точному выполнению этих обязательств Советское Правительство придавало и придает важное значение». Правительство СССР напомнило о том, что после вывода советских войск из Китая прошло около года, тогда как США о выполнении указанного обязательства и не помышляют.

Позиция СССР на Московской сессии Совета Министров иностранных дел вызвала явное неудовольствие гоминьдановцев. Чанкайшистское правительство сообщило Д. Маршаллу, что оно «возражает против вмешательства Совета Министров иностранных дел во внутренние дела Китая» [3].

Демократическая общественность Китая поддержала инициативу СССР. От имени КПК выступил Чжоу Энь-лай, заявивший, что предложение Советского Союза «является необходимым и разумным мероприятием». КПК потребовала, чтобы ее представители были допущены к участию в обсуждении этого вопроса [4].

---

[1] «Правда», 31 марта 1947 г.
[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. I, стр. 375.
[3] «United States Relations with China», p. 233.
[4] Opp. cit.

Прогрессивные силы Китая отвергли обвинения в адрес СССР о «вмешательстве» во внутренние китайские дела. Лживый характер этих обвинений был очевиден не только в свете такого факта, как вывод советских войск из Маньчжурии еще до того, как в Китае развернулась гражданская война. Другим важным фактом являлся отказ Советского правительства участвовать в посредничестве в переговорах между гоминьданом и КПК. Так было в то время, когда осуществляли свои посреднические миссии американские генералы Хэрли и Маршалл. Таким же образом Советский Союз поступил и в 1949 г., когда чанкайшистская дипломатия по совету правительства США предприняла еще одну попытку прибегнуть к политическим маневрам. 8 января 1949 г. она обратилась к СССР с меморандумом, в котором содержалась просьба выступить посредником в мирных переговорах между гоминьдановским правительством и КПК. Такое же предложение было направлено правительствам США, Великобритании и Франции. В своем ответе Советское правительство снова подтвердило свою позицию в отношении гражданской войны в Китае. Напомнив, что СССР неизменно придерживается принципа невмешательства во внутренние дела других стран, Советское правительство заявило, что оно не считает целесообразным принять на себя посредничество, о котором говорилось в меморандуме от 8 января 1949 г.

В ответе Советского правительства подчеркивалось, что «восстановление единства Китая, как демократического и миролюбивого государства, является делом самого китайского народа...» [1]

Образование Китайской Народной Республики

В 1949 г. в результате длительной революционной борьбы китайского народа был свергнут реакционный гоминьдановский режим. 1 октября была провозглашена Китайская Народная Республика. Незадолго перед этим событием собрался Народный политический консультативный совет, который принял «Общую программу». В этом документе следующим образом определялось основное направление внешней политики КНР: «Китайская Народная Республика, объединяясь со всеми миролюбивыми и свободолюбивыми государствами и народами мира — и прежде всего с Советским Союзом, странами народной демократии и угнетенными нациями,— находится в лагере международного мира и демократии и в целях гарантии длительного мира во всем мире ведет совместно с ними борьбу против империалистической агрессии» [2].

1 октября 1949 г. министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай направил генеральному консулу СССР в Пекине С. Л. Тих-

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 40.

[2] «Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы». М., 1950, стр. 33—34.

винскому Декларацию с предложением об установлении дипломатических отношений между КНР и СССР. Уже на следующий день, 2 октября, заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко по поручению Советского правительства сообщил Чжоу Энь-лаю, что предложение КНР рассмотрено. Советское правительство решило установить дипломатические отношения с КНР и обменяться послами [1]. В тот же день Советский Союз официально прекратил дипломатические отношения с гоминьдановскими властями.

Советский Союз явился первым государством, признавшим Китайскую Народную Республику. За ним последовали другие социалистические страны: Болгария (3 октября), Польша, Чехословакия, Румыния и Венгрия (4 октября), КНДР (5 октября), МНР (7 октября), Албания (21 ноября).

Победа китайского народа стала возможной прежде всего благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, существованию Советского Союза и его постоянной помощи, благодаря разгрому гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Это признавали и подчеркивали в то время и руководители КПК. Мао Цзэ-дун писал, что «если бы не существовало Советского Союза, если бы не была одержана победа в антифашистской второй мировой войне, если бы не был разгромлен японский империализм, если бы не появились страны народной демократии, то нависшие над нашими головами силы международной реакции несомненно были бы неизвестно во сколько раз могущественнее, чем теперь. Могли бы мы победить при таких обстоятельствах? Ясно, что нет» [2].

Победа Советского Союза создала самые благоприятные условия для победы китайской революции. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке, разгром Советской Армией отборной Квантунской армии Японии, освобождение Маньчжурии при активном участии воинов МНР, китайских и корейских партизан — все это привело не только к капитуляции Японии и избавлению Китая от иностранного ига, но и предопределило возможности для последующего разгрома чанкайшистов. Огромное значение для победы китайской революции сыграла военно-революционная база, созданная китайскими коммунистами с помощью Советской Армии и советских гражданских специалистов в Маньчжурии [3]. Это был тот плацдарм, опираясь на который заново реорганизованная, обученная, перевооруженная Народно-освободительная армия под руковод-

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 171—173.

[2] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. IV. Пекин, 1964, стр. 508.

[3] См. *О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков.* Советско-китайские отношения 1945—1970. М., 1971, стр. 28—43.

ством КПК изгнала гоминьдановских реакционеров из Китая. Благодаря Советскому Союзу была предотвращена американская интервенция в Китай.

3. Корейский вопрос в 1946—1948 гг.

Совместная комиссия в Сеуле

В течение ряда месяцев в 1946 и 1947 гг. важнейшей ареной дипломатической борьбы по корейскому вопросу являлась Совместная советско-американская комиссия.

Она была создана в январе 1946 г. в соответствии с соглашением Московского совещания министров иностранных дел. В ее состав вошли 10 членов: 5 — от советского командования и 5 — от американского. Постоянным местом ее работы стал город Сеул.

Первое заседание Совместной комиссии состоялось 20 марта 1946 г. Речи, с которыми выступили на этом заседании представители обоих командований, транслировались по сеульскому радио. Глава советской делегации в своем выступлении напомнил о задаче комиссии, как она была определена Московским совещанием: помочь корейскому народу создать Временное демократическое правительство, способное осуществить процесс демократизации и возрождения страны [1].

Участники первого заседания обменялись мнениями по поводу того метода, который позволил бы комиссии решить поставленную перед ней задачу. Это был предусмотренный Московским соглашением метод консультаций с «корейскими демократическими партиями и общественными организациями» [2]. На основе таких консультаций Совместной комиссии предстояло подготовить рекомендации относительно состава Временного корейского демократического правительства. В дальнейшем, на втором и третьем заседании, комиссия согласовала процедурные вопросы, создала несколько подкомиссий и достигла договоренности о том, чтобы всю свою последующую деятельность разделить по меньшей мере на два этапа [3].

Однако трудности возникли сразу же, как только комиссия приступила к обсуждению вопроса, какие партии и организации привлекать к консультациям. Речь шла о том, на какие политические силы ориентироваться при создании Временного корейского правительства. Позиции СССР и США в этом кардинальном вопросе диаметрально разошлись. Советская делегация настаивала на проведении консультаций с демократическими пар-

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 808.
[2] «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 6.
[3] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 811.

тиями и организациями, которые были способны создать единое демократическое, миролюбивое государство. Делегация США поставила перед собой цель отстранить от участия в консультациях именно такие партии и организации.

В списке, представленном делегацией США, назывались 17 реакционных партий и организаций, открыто осуждавших Московское соглашение, и лишь 3 партии и организации, которые поддерживали это соглашение. В американском списке не нашлось места таким массовым организациям, как Всекорейская организация труда, Всекорейский крестьянский союз, Всекорейский союз молодежи, Всекорейский женский союз и многие другие.

В ходе переговоров 17 апреля 1946 г. было решено консультироваться с теми партиями и организациями, которые подпишут заявление о своей поддержке Московского решения о Корее. Это решение излагалось в пресс-коммюнике № 5 Совместной комиссии [1]. Характерно, что Ли Сын Ман 1 мая 1946 г. разрешил поддерживавшим его партиям и организациям подписать такого рода заявления, оговорив при этом право выступать против той или иной части Московского соглашения. Сторонников Ли Сын Мана открыто поощрял командующий войсками США в Южной Корее генерал Д. Ходж. Новую тактику корейских реакционеров и их американских покровителей нетрудно было разгадать. Несмотря на маневры лисынмановцев, советская делегация отказалась допустить их к участию в консультациях. Тогда представители США 6 мая 1946 г. потребовали прекращения работы комиссии [2].

Этот саботаж, предпринятый американской дипломатией в Корее, сопровождался шумной антисоветской кампанией. Цель кампании заключалась в том, чтобы взвалить на СССР вину за срыв работы Совместной комиссии. Но именно Советский Союз, вопреки позиции которого прекратились переговоры в Сеуле, энергично настаивал на их возобновлении. В этой связи была предпринята переписка между командующими советскими и американскими войсками в Корее. Речь шла об условиях возобновления работы комиссии. Так, в письме от 12 августа 1946 г. американская сторона настойчиво советовала советской делегации не требовать, чтобы консультации проводились только с теми партиями и организациями, которые полностью поддерживают Московское решение. По ее мнению, следует до-

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 812.

[2] В то же время президент Трумэн одобрил программу своего личного представителя по вопросам репараций Поули, посетившего в июне 1946 г. Корею с целью установления в ней американского господства с помощью ряда политических и экономических мер, не исключавших и применения вооруженных сил.

вольствоваться тем, что привлекаемые к консультациям партии относятся к категории «демократических» в «обычном употреблении» этого слова [1]. Следует отметить, что даже крайне реакционные партии в Южной Корее были объединены Ли Сын Маном в так называемую «палату», которая именовалась не иначе, как «демократической». Она стала совещательным органом при штабе американских войск. Именно главари «демократической палаты» в начале 1946 г. создали комитет для борьбы против решения Московского совещания об опеке.

По поводу толкования слова «демократический» представитель СССР в своем письме заявил, что в этом вопросе советская делегация исходит не из названий и декларативных заявлений партий и организаций, а из той политики, которую они проводят. «Поскольку в Московском решении,— говорилось в письме,— намечены мероприятия, необходимые для демократического преобразования Кореи, то, по мнению советской делегации, отношение различных партий и групп к Московскому решению является важнейшим критерием их действительной демократичности и их стремления видеть Корею демократическим государством» [2].

Из-за саботажа американских представителей возобновить работу комиссии не удавалось. Между тем задержка с образованием Временного демократического правительства, а следовательно, и с объединением Кореи в единое государство отрицательно сказывалась на экономическом и политическом положении корейского народа. Лишь в северной ее части проводились демократические преобразования. Этот процесс возглавила Коммунистическая партия, преобразованная в дальнейшем в Трудовую партию Кореи. В феврале 1946 г. съезд представителей народных комитетов избрал Временный народный комитет Северной Кореи. В том же году все демократические партии и общественные организации Северной Кореи объединились в Единый демократический национальный фронт (ЕДНФ).

В 1946 г. в северной части страны была национализирована бывшая японская промышленность, принят закон о 8-часовом рабочем дне, охране труда и социальном страховании. Особое значение имела аграрная реформа, в результате которой 725 тыс. безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств получили бесплатно свыше 1 млн. *га* земли, ранее принадлежавшей японским колонизаторам и их корейским пособникам [3]. Все это явилось продуктом революционного творчества демократических сил Северной Кореи. Советское командование, в пол-

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 814.
[2] Там же, стр. 815.
[3] См. «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 20—21.

ном соответствии с Московским соглашением, предоставило им возможность самим решать вопрос о путях дальнейшего развития. В своей деятельности эти силы сочетали стремление провести глубокие социально-экономические преобразования с решимостью создать единое демократическое государство.

В Южной Корее при поддержке империалистических кругов США шел процесс консолидации реакционных сил. Они делали ставку на срыв решений Московского совещания и установление реакционного буржуазно-помещичьего режима если не во всей Корее, то, во всяком случае, в ее южной части.

Учитывая, что обмен письмами между командующими не привел к возобновлению работы Совместной комиссии, Советское правительство приняло новые меры. Начался обмен письмами между министром иностранных дел СССР и государственным секретарем США. В результате удалось договориться о возобновлении заседаний комиссии в Сеуле с 20 мая 1947 г.[1]

Совместная комиссия приступила к работе 21 мая. На следующий день она создала три подкомиссии для разработки плана создания Временного корейского правительства. 10 июня был принят документ «Порядок консультации с корейскими демократическими партиями и общественными организациями в Северной и Южной Корее». Устанавливался срок подачи заявлений для участия в консультации — 23 июня 1947 г. По всей стране развернулось обсуждение этого документа, проходили конференции и совещания партий и организаций.

Однако американская делегация всеми силами стремилась привлечь к консультации партии и организации, которые продолжали выступать против Московского соглашения. Больше того, она представила список, в который были включены несуществовавшие партии. Советская делегация, разумеется, не могла согласиться с такими действиями представителей США. Она твердо придерживалась той точки зрения, что все партии и организации, привлекаемые к консультации, должны были доказать и на словах и на деле свою лояльность к Московскому соглашению по корейскому вопросу. Кроме того, советская делегация предложила не консультироваться с мелкими группами и организациями, которые насчитывали в своих рядах по нескольку десятков или сотен человек. Предлагалось, чтобы консультации проводились лишь с партиями и организациями, количество членов которых превышало 10 тыс. человек [2].

США отклонили эти предложения. Американская делегация не согласилась и с мнением представителей СССР о целесообразности немедленно приступить к консультации с теми органи-

[1] См. «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 22, 25.

[2] См. там же, стр. 39.

зациями, в отношении которых в Совместной комиссии не было разногласий. Цель данного предложения заключалась в том, чтобы ускорить работу комиссии, не ожидая, когда будет составлен полный и окончательный список. Итак, работа комиссии снова по вине американской стороны зашла в тупик.

26 августа 1947 г. государственный департамент США предложил передать корейский вопрос на рассмотрение четырех держав — СССР, США, Англии и Китая [1]. Одновременно Советскому правительству были направлены «Предложения Соединенных Штатов относительно Кореи». В этом документе предлагалось «в скором времени» провести выборы в законодательные собрания в Северной и Южной Корее. В дальнейшем предусматривалось на основе этих собраний образовать общекорейское законодательное собрание, которому предстояло создать временное правительство объединенной Кореи. Все это должно было происходить под наблюдением представителей ООН [2].

Советское правительство признало нецелесообразным передавать корейский вопрос на рассмотрение четырех держав, «так как Совместная комиссия еще далеко не исчерпала всех своих возможностей для выработки согласованных рекомендаций...» [3]. Были отвергнуты и «Предложения Соединенных Штатов относительно Кореи», поскольку они не могли не повлечь за собой дальнейшее разъединение страны.

Учитывая сложившуюся обстановку, советская делегация в Совместной комиссии с целью ускорить превращение Кореи в независимое демократическое государство внесла 26 сентября 1947 г. новое предложение: вывести из Кореи американские и советские войска одновременно в начале 1948 г. и предоставить возможность корейцам сформировать правительство самим, без помощи союзников [4].

Корейский народ встретил новую инициативу СССР массовыми митингами и манифестациями одобрения. Однако Ли Сын Ман и его сторонники открыто высказывали свои опасения по поводу того, что ожидает их после ухода американских войск. Правительство США разделяло такие опасения и отвергло новую инициативу СССР. Это привело к окончательному прекращению деятельности Совместной комиссии. На ее последнем заседании, состоявшемся 18 октября 1947 г., американская делегация предложила прервать работу советско-американской Совместной комиссии в Сеуле, мотивируя это тем, что правительство США внесло корейский вопрос на рассмотрение ООН.

---

[1] См. «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 45.
[2] См. там же, стр. 46.
[3] Там же, стр. 50—51.
[4] См. там же, стр. 61.

Корейский вопрос в ООН

17 сентября 1947 г. государственный секретарь США Д. Маршалл в своем выступлении на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН крайне тенденциозно изобразил положение, сложившееся в Совместной советско-американской комиссии в Сеуле. Ответственность за тупик в работе комиссии он пытался возложить на Советский Союз и предложил включить в повестку дня Ассамблеи «проблему корейской независимости» [1].

Советская делегация на сессии Генеральной Ассамблеи опровергла доводы дипломатии США и доказала, что предусмотренный декабрьским соглашением 1945 г. порядок урегулирования корейского вопроса через Совместную комиссию является вполне правильным. Этот вопрос не входит в компетенцию ООН. Он является частью общего вопроса о послевоенном урегулировании и должен решаться соответствующими заинтересованными государствами. Представители СССР выступили против включения корейского вопроса в повестку дня Ассамблеи [2]. Однако с помощью механического большинства в ООН, находившегося под контролем США, американской дипломатии удалось поставить корейский вопрос на обсуждение второй сессии Генеральной Ассамблеи.

Поскольку этот ничем неоправданный и незаконный акт все-таки свершился, делегация СССР заявила о готовности изложить свою позицию Генеральной Ассамблее по этому вопросу в ходе дискуссии. Одновременно она внесла на рассмотрение Ассамблеи два предложения: вывести американские и советские войска из Кореи в начале 1948 г. и пригласить представителей корейского народа для участия в обсуждении корейского вопроса на Генеральной Ассамблее. Речь шла о приглашении «действительных представителей — избранников корейского народа из Северной и Южной Кореи, а не просто назначенцев иностранных военных властей в Корее» [3]. Но послушное США большинство отклонило советские предложения.

Следовавшее за США большинство сначала в Политическом комитете, а затем 14 ноября 1947 г. на пленарном заседании Ассамблеи позволило американской дипломатии добиться одобрения резолюции о создании так называемой Временной комиссии ООН по Корее. Делегация СССР в голосовании не участвовала. В состав комиссии вошли представители восьми стран: Австралии, Индии, Канады, Сальвадора, Сирии, Филиппин, Франции и Китая.

---

[1] «Documents on American Foreign Relations. 1947», vol. IX. Princeton, 1949, p. 121.

[2] См. «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 52—55, 65.

[3] Там же, стр. 71—72.

Резолюция рекомендовала также провести под наблюдением «комиссии ООН» выборы в Корее «не позже 31 марта 1948 года». Избранное национальное собрание должно было под контролем той же комиссии сформировать единое для Кореи правительство [1].

Представители СССР раскрыли новый тактический замысел США: поскольку не удалось с помощью Совместной комиссии создать во всей Корее американизированный, реакционный режим, была предпринята попытка достигнуть той же цели с помощью «комиссии ООН». «Эта комиссия превратится лишь в ширму, прикрывающую односторонние действия, проводимые Соединенными Штатами Америки в Южной Корее, направленные к превращению Кореи в американскую колонию» [2].

«Комиссия ООН» прибыла в Сеул в первые дни 1948 г. и была враждебно встречена демократическими силами, которые организовали широкое движение протеста против вмешательства ООН. Демократические организации создали «Южно-Корейский комитет всеобщей забастовки против комиссии ООН по вопросу о Корее». В Южной Корее широко развертывалось партизанское движение против американских войск и марионеточной клики Ли Сын Мана. В этой обстановке «комиссия ООН» назначила более поздний срок проведения выборов — 10 мая 1948 г., причем только в Южной Корее, поскольку не могло быть и речи об осуществлении незаконного решения ООН, направленного на осуществление замыслов американского империализма в Северной Корее.

Во второй половине апреля 1948 г. в Пхеньяне состоялось объединенное совещание представителей 56 политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. В обращении к правительствам СССР и США от 23 апреля 1948 г. объединенное совещание решительно возражало против проведения сепаратных выборов на Юге под контролем «комиссии ООН». «Мы требуем,— говорилось в обращении,— немедленного удаления временной комиссии ООН из Кореи, так как эта комиссия используется для раскола Кореи» [3].

Совещание обратилось к правительствам СССР и США с просьбой вывести одновременно свои войска из Кореи и дать возможность корейскому народу самому, без иностранного вмешательства провести всеобщие выборы и создать единое демократическое государство [4]. 7 мая 1948 г. Советское правительство выразило готовность немедленно вывести свои войска из Ко-

---

[1] «Documents on American Foreign Relations. 1947», vol. IX, p. 122.
[2] «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 82.
[3] Там же, стр. 88.
[4] См. там же, стр. 89.

реи, с тем чтобы одновременно таким же образом поступили и США [1].

США не ответили на призыв представителей 56 политических партий и организаций всей Кореи. С помощью «комиссии ООН» и в условиях фактического осадного положения, преследований демократических элементов они провели 10 мая 1948 г. в Южной Корее выборы в «нацпональное собрание». Ставленник американского империализма Ли Сын Ман был «избран» президентом «Корейской республики». Это означало раскол страны и демонстрировало открытый курс правящих кругов США на превращение Южной Кореи в свою стратегическую базу на Дальнем Востоке.

Образование Корейской Народно-Демократической Республики

В ответ на сепаратные, раскольнические действия лисынмановцев и американских властей Единый демократический национальный фронт (ЕДНФ) решил провести выборы в Верховное народное собрание Кореи в обеих частях страны. Такие выборы состоялись 25 августа 1948 г. В них участвовали 99,97% всех избирателей Севера Кореи и 77,52% Юга Кореи. На Юге выборы проходили нелегально. В Верховное народное собрание Кореи были избраны представители всех основных партий, всех социальных слоев населения обеих частей страны [2].

Верховное народное собрание 8 сентября 1948 г. приняло конституцию, согласно которой Корея провозглашалась Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР). В состав ее первого правительства вошли представители Северной и Южной Кореи.

10 сентября 1948 г. Верховное народное собрание Кореи обратилось к правительствам СССР и США с просьбой вывести одновременно свои войска с территории обеих частей страны. В этом документе выражалась сердечная благодарность правительству СССР «за то, что оно еще 26 сентября 1947 года внесло свое предложение об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск...» [3]. Правительство СССР положительно отозвалось на справедливый призыв КНДР и к концу 1948 г. вывело свои войска из Кореи.

США не выразили согласия на вывод своих войск одновременно с эвакуацией советских войск. В ноте от 28 сентября 1948 г. посольство США в Москве сообщило МИД СССР о том, что американское правительство «приняло к сведению решение Советского правительства» [4].

---

[1] См. «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 97.
[2] См. там же, стр. 97.
[3] Там же, стр. 98.
[4] Там же, стр. 105.

Три года спустя после окончания второй мировой войны Верховное народное собрание Кореи имело все основания заявить, что в северной и южной частях страны «созданы совершенно различные социально-экономические условия и политические порядки» [1]. Северная Корея с населением около 10 млн. человек за три года прошла путь от японской колонии к народно-демократическому государству. С первых же дней своего существования оно получило поддержку на международной арене со стороны СССР и социалистических стран Европы и Азии. СССР первым, 12 октября 1948 г., откликнулся на обращение правительства КНДР с просьбой об установлении дипломатических и экономических отношений. За Советским Союзом последовали другие социалистические страны.

Особое значение для укрепления международных позиций КНДР имело подписание в Москве 17 марта 1949 г. советско-корейских соглашений: об экономическом и культурном сотрудничестве, о товарообороте и платежах на 1949—1950 гг., о кредите и технической помощи СССР Корейской Народно-Демократической Республике [2]. В истории Кореи это были впервые заключенные ею соглашения с великой державой на основе полного равенства, взаимной поддержки, братства и сотрудничества.

В июне 1949 г. по инициативе ряда политических и общественных организаций Южной Кореи был образован Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ), представляющий партии и организации обеих частей страны. В своем обращении к корейскому народу ЕДОФ выдвинул план мирного объединения страны путем создания на основе всеобщих выборов общекорейского верховного законодательного органа, который должен был принять конституцию и создать единое правительство.

Правящие круги США сделали все, чтобы не допустить объединения страны, продолжая грубо вмешиваться в ее дела, поддерживая в Южной Корее марионеточный режим.

4. Дипломатическая борьба в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии

Дальневосточная комиссия приступила к работе в феврале, Союзный совет для Японии — в апреле 1946 г. Оба межсоюзнических органа сразу же стали ареной острой дипломатической борьбы по всем вопросам оккупационной политики в Японии.

---

[1] «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 95.

[2] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 85—88.

В 1946—1947 гг. Дальневосточной комиссии (ДВК), как директивному органу, удалось принять немало согласованных решений в духе Потсдамской декларации. Произошло это прежде всего благодаря усилиям дипломатии Советского Союза. Однако, несмотря на решения Московского совещания, штаб генерала Макартура осуществлял фактически монопольный контроль над побежденной страной. Он имел реальную возможность не исполнять любое решение Дальневосточной комиссии и отклонить любую рекомендацию Союзного совета. Макартур по указанию своего правительства нередко так и поступал. Тем не менее деятельность в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии советских представителей являлась существенной поддержкой японским демократическим силам и затрудняла сотрудничество штаба оккупационных войск с японской реакцией. При осуществлении ряда реформ в Японии США вынуждены были считаться с некоторыми директивными указаниями комиссии. Следует также отметить, что правительство США не всегда могло игнорировать критику (порой довольно острую) в его адрес по отдельным проблемам послевоенного развития Японии со стороны Филиппин, Новой Зеландии, Австралии, Индии, которые не могли не учитывать уроков второй мировой войны.

Проблемы демилитаризации и демократизации Японии

Дальневосточной комиссии предстояло прежде всего выработать общий документ, который формулировал бы главную политическую линию союзных стран в отношении Японии. Для подготовки такого документа комиссии понадобилось около полутора лет. Он был принят 19 июня 1947 г. и назывался «Основная политика в отношении Японии после капитуляции» [1]. Наряду с Потсдамской декларацией это решение является важнейшим дипломатическим актом союзных государств по японскому вопросу. В нем нашли отражение важные аспекты демилитаризации и демократизации Японии. Знаменательно было то, что в обстановке развертывавшейся «холодной войны» на международной арене Дальневосточная комиссия приняла этот документ единогласно.

Еще больше времени потребовалось для подготовки документа, получившего название «Запрещение военной деятельности в Японии и распоряжение японским военным снаряжением» [2]. Дальневосточная комиссия приняла его 12 февраля 1948 г. Советское правительство придавало исключительно большое значение мерам, которые привели бы к полному разоружению разгромленного дальневосточного агрессора. Представители

[1] АВП СССР.
[2] Там же.

СССР в межсоюзнических органах в Вашингтоне и Токио посвятили данному вопросу немало выступлений. Обращалось внимание штаба оккупационных войск на необходимость принятия срочных мер с целью пресечения попыток создания демобилизованными японскими офицерами замаскированных организаций [1]. На протяжении ряда лет член Союзного совета от СССР и советские представители в Дальневосточной комиссии настойчиво требовали проведения учета всех бывших японских офицеров, особенно высших, и наблюдения за их деятельностью. Имелась в виду при этом та зловещая роль, которую играла военщина в истории Японии и о которой не следовало забывать после ее разгрома и демобилизации японского офицерского корпуса.

Задача заключалась, разумеется, не только в том, чтобы наблюдать за поведением бывших офицеров японских вооруженных сил. Проблема демилитаризации была теснейшим образом связана с демократизацией всей социально-экономической и политической структуры японского общества. Только преобразования в этой области на основе Потсдамской декларации могли превратить Японию в миролюбивое государство. Этого требовали демократические силы всего мира. На этом настаивали прогрессивные и революционные силы Японии.

Японский народ ничего не получил от войны, кроме жертв и лишений. «...Два миллиона наших молодых соотечественников,— писали японские историки,— покрыли своими трупами горы и реки азиатского континента и острова Южных морей, стали жертвой безрассудной империалистической войны» [2]. К тому же японский народ первым испытал на себе ужасы атомных бомбардировок. Не случайно поэтому широкие народные массы Японии сразу же после капитуляции развернули борьбу за демократизацию своей страны, за реализацию Потсдамской декларации.

Страх перед возможностью революционного взрыва в Японии побудил штаб Макартура осуществить некоторые реформы буржуазно-демократического характера. Среди них важное место заняла разработка новой конституции. Дальневосточная комиссия, разумеется, не могла остаться в стороне от этой проблемы и подготовила «Основные принципы новой японской конституции». Они были учтены в проекте нового основного закона, утвержденного японским парламентом в октябре 1946 г. Конституция вступила в силу с 3 мая 1947 г. Она знаменовала собой ликвидацию абсолютной монархии и всех атрибутов абсо-

---

[1] АВП СССР.

[2] «История войны на Тихом океане», т. IV. Пер. с япон. М., 1958, стр. 246.

лютизма (тайный совет, министерство двора и др.). Япония превратилась в буржуазно-парламентарную страну с сохранением императорской власти лишь в качестве «символа государства и единства народа».

Представители СССР, Австралии и в ряде случаев Китая высказывались отрицательно по поводу сохранения монархического строя. В заявлениях представителя СССР в комиссии по поводу проекта конституции подчеркивалось требование определить более точно и ясно суверенную власть японского народа. Советские предложения в духе этих требований были отклонены в Дальневосточной комиссии [1]. Однако Макартур впоследствии признавал, что был вынужден учитывать позицию СССР, который решительно настаивал на демократизации Японии [2]. Эта позиция СССР сказалась на характере некоторых статей новой конституции. Особое значение приобрела статья девятая, которая предусматривает отказ Японии навсегда от создания вооруженных сил и от войны как орудия национальной политики.

Крупным событием в послевоенной истории Японии была аграрная реформа. Американские оккупационные власти вынуждены были провести ее, опасаясь развертывания революционной борьбы крестьянства против полуфеодальной системы землевладения. От помещиков требовалось пойти на определенные жертвы ради того, чтобы предотвратить аграрную революцию. Из земельных площадей, которых они лишались за выкуп в соответствии с аграрным законом 1946 г., был создан государственный фонд. Полученная таким образом земля продавалась крестьянам. Закон, кроме того, разрешал взимать арендную плату за землю только в денежной форме. Реформа в области аграрных отношений имела своим последствием в основном ликвидацию полуфеодального землевладения.

На протяжении всех этапов подготовки и осуществления аграрных преобразований представители СССР в обоих межсоюзнических органах настаивали на том, чтобы они в наибольшей мере отвечали интересам японского крестьянства. С этой целью советский представитель в Союзном совете представил свой проект реформы [3]. Одновременно и делегация СССР в Дальневосточной комиссии разработала предложения, исходя из принципиальной позиции, которой придерживалось Советское правительство по данному вопросу. В предложениях советской делегации говорилось, что «ликвидация феодальных отношений в сельском

---

[1] АВП СССР.

[2] См. *Л. Н. Кутаков.* Внешняя политика и дипломатия Японии, стр. 202.

[3] АВП СССР.

хозяйстве и создание крестьянских хозяйств, владеющих необходимым количеством земли на правах собственности и свободных от феодальной кабалы, должно быть первым шагом в деле демократических преобразованпй в Японии» [1].

Далеко не все советские предложения и рекомендации принимались, но они сыграли немалую роль, оказывая воздействие на общественное мнение в Японии и в той или иной мере на мероприятия штаба оккупационных войск.

В деятельностп межсоюзнических органов в Вашингтоне и Токио значительное место заняло обсуждение вопроса о рабочем законодательстве в Японии. Ставя этот вопрос на рассмотрение Союзного совета, советский представитель 10 июля 1946 г. заявил: «Гарантия жизненно важных прав японских рабочих, обеспечение за ними права соответствующей организации в такой же степени важны для дела демократизации Японии, как и повышение общего уровня и улучшение экономических условий жизни японского крестьянства» [2]. Придерживаясь такой же позиции по вопросу о значении демократического трудового законодательства для всего процесса демократизации Японии, делегация СССР в Дальневосточной комиссии активно участвовала в разработке «Принципов организации японских профсоюзов». Комиссия приняла их 6 декабря 1946 г. [3]

Несмотря на некоторые пункты, которые легко можно было использовать для ограничения прав профсоюзов, в частности права на забастовку, в целом «Принципы» способствовали дальнейшей активизации профсоюзного движения в Японии.

Дальневосточная комиссия проделала немалую работу по подготовке документов, которые штаб Макартура был вынужден учитывать при осуществлении реформы в области образования. Выступления в этой связи советских представителей в обоих межсоюзнических органах были направлены на всемерное развитие демократических, антимилитаристских тенденций в просвещении, науке, литературе, искусстве Японии. Они требовали обеспечить доступ в Японию иностранной литературы из всех стран — участниц Дальневосточной комиссии на равных основаниях, без дискриминации в отношении отдельных государств. Документ по данному вопросу, принятый лишь 27 марта 1947 г., был с огромным интересом встречен прогрессивной японской общественностью [4].

На решении проблемы демилитаризации и демократизации Японии положительно сказывались, хотя и в разной степени,

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

многие решения Дальневосточной комиссии, принятые в первые годы после войны. Среди них следует отметить решения о наказании японских военных преступников (3 апреля 1946 г.), о реституции награбленной собственности (18 июля и 10 октября 1946 г.), о сокращении военно-промышленного потенциала Японии (14 августа 1947 г.) и др.

Изменение курса США в отношении Японии

Но принимать согласованные решения становилось с каждым годом, особенно с 1948 г., все труднее и труднее. Что же касается Союзного совета, то со второй половины 1948 г. он почти бездействовал: оккупационные власти не считали более необходимым получать рекомендации и выслушивать претензии от союзных государств.

По мере приближения краха гоминьдановского режима и победы народной революции в Китае правящие круги США усиленно рассматривали в своих планах возможности превращения Японии в орудие своей политики на Дальнем Востоке. С этим было связано и прекращение чистки государственного аппарата Японии от фашистских, ультранационалистических элементов, досрочное освобождение военных преступников, осужденных в 1948 г. Международным трибуналом в Токио, игнорирование решений о рабочем законодательстве, подавление забастовок и демонстраций рабочих, травля коммунистов и т. д. США стремились также обеспечить контроль американских монополий над экономической жизнью страны, не допустить конкуренции японской промышленности. Стратегический курс в дальневосточной политике США наиболее отчетливо отразился на позиции американского правительства по вопросу о крупнейших японских монополиях — дзайбацу.

Основной документ Дальневосточной комиссии в отношении Японии предусматривал роспуск крупных промышленных и банковских объединений [1].

Деятельность штаба Макартура, однако, свелась в конечном счете не к «разрушению» японских монополий, а к усиленным попыткам подчинить их монополиям США. Показательно, что владыки дзайбацу, вопреки требованиям Советского Союза, не были привлечены Токийским трибуналом к уголовной ответственности как главные военные преступники. Как справедливо отмечали японские историки, произошло это благодаря «политическим заботам» США [2].

Мотив, который был при этом пущен в ход, заключался в том, что японские монополии будто бы не были причастны к агрес-

---

[1] АВП СССР.

[2] См. «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 233.

сии. Хотя в заявлении правительства США в мае 1947 г. говорилось прямо противоположное: «По мнению правительства США, существование дзайбацу и осуществление этими гигантскими концернами монопольного контроля над экономической жизнью Японии являлись главным фактором в поощрении и поддержке японской агрессии» [1]. Отказ от этого вывода диктовался соображениями «приручения» японского империализма.

Такого рода шаги США обострили дискуссии в Дальневосточной комиссии, особенно по проблемам репараций и экономической стабилизации Японии. Собственно, борьба развернулась уже в 1946 г. в связи с острыми разногласиями между странами, претендовавшими на получение репараций от Японии. Тем не менее комиссии удалось тогда принять ряд решений о предварительных репарационных изъятиях из японской экономики. В течение долгого времени пытались определить долю репараций для стран-претендентов, что невозможно было сделать без определения уровня промышленного развития послевоенной Японии. Обе задачи оказались не решенными.

Однако страны-претенденты все-таки надеялись со временем получить ту или иную часть из общего репарационного фонда. Такая уверенность подкреплялась репарационной программой, разработанной по поручению правительства США американским экономистом Э. Поули. Эта программа предусматривала вывоз из Японии целых заводов и оборудования в наиболее пострадавшие страны и уничтожение таким образом ее военно-промышленного потенциала.

Правительство США отказалось от программы Поули, поскольку она кардинально расходилась с его стратегической линией в дальневосточных делах. В 1947—1948 гг. Японию посетили несколько миссий эмиссаров деловых и военных кругов США, которые подготовили совсем другие рекомендации. 21 января 1948 г. представитель США в Дальневосточной комиссии заявил, что американский конгресс в ближайшее время обсудит вопрос о предоставлении Японии кредитов на реконструкцию промышленности с целью возрождения японской экономики на «самоокупаемой» основе [2].

Советская делегация обратила внимание комиссии на характерную особенность американского заявления от 21 января 1948 г.: в нем нет ни слова о необходимости беспрепятственного развития мирной японской промышленности, хотя речь идет о возрождении экономики, и, далее, в заявлении ничего не говорится об установлении контроля, который предотвратил бы

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.

развитие военной промышленности [1]. Учитывая исключительную важность этих двух аспектов проблемы послевоенного развития Японии, Советское правительство внесло 23 сентября 1948 г. в Дальневосточную комиссию следующие предложения:

«1. Не ограничивать восстановление и развитие японской мирной промышленности, имеющей целью удовлетворение потребностей японского населения, а также развитие экспорта в соответствии с нуждами мирной экономики Японии.

2. Запретить восстановление и создание японской военной промышленности, установив на период в несколько лет контроль за исполнением этого решения со стороны государств, наиболее заинтересованных в недопущении новой японской агрессии» [2].

Все усилия американской дипломатии были направлены на срыв новой инициативы СССР. Представитель США в своем заявлении 11 ноября 1948 г. возражал против советского предложения под тем предлогом, что оно якобы бесполезно, поскольку повторяет «давно установленную политику ДВК...». Американский представитель отверг предложение о международном контроле над японской военной промышленностью. «Я уверен,— заявил он,— что вам полностью известно, насколько совершенно была проведена демилитаризация Японии» [3].

Советская дипломатия вскрыла подлинные мотивы такой позиции американского правительства. Представитель СССР в Дальневосточной комиссии заявил: «Для нас ясно, что определенные круги США не хотят этого (то есть развития мирной промышленности Японии.— *Авт.*), не хотят, чтобы японские товары создавали конкуренцию для американских товаров» [4]. Представители СССР подвергли критике и утверждение о том, что демилитаризация Японии якобы уже полностью завершена. В советском заявлении 2 декабря 1948 г. выражалась тревога в связи с тем, что ряд решений Дальневосточной комиссии о демилитаризации Японии выполнялся неудовлетворительно [5].

Предложение СССР не было принято Дальневосточной комиссией. Определенную роль в этом сыграла позиция делегаций Филиппин, Новой Зеландии, Австралии и чанкайшиста. Филиппинские и гоминьдановские дипломаты стремились свести всю проблему к возможно более скорому получению репараций. Перспектива возрождения японской экономики, даже мирной, им мало импонировала.

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

Между тем правительство США 10 декабря 1948 г. направило генералу Макартуру временную директиву, в которой ему предписывалось осуществить по своему усмотрению «экономическую стабилизацию» Японии «путем принятия любых мер» [1]. США сочли излишним даже проконсультироваться с Дальневосточной комиссией по этому вопросу.

Практически все это означало, что США действовали по своему усмотрению, в обход согласованных решений союзных держав, никак не считаясь с органом международного сотрудничества по проблемам послевоенного развития Японии.

Сложившаяся к 1949 г. обстановка в Дальневосточной комиссии отражала обострение международных отношений на Дальнем Востоке и во всем мире в результате действий империалистических кругов, обеспокоенных ростом демократических сил, успешным процессом образования и роста мировой системы социализма, усилением национально-освободительного движения.

[1] АВП СССР.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАСПАД КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИМПЕРИАЛИЗМА В АЗИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА (1945—1950 гг.)

Одним из важнейших последствий второй мировой войны явился бурный рост национально-освободительного движения порабощенных народов в колониальных и зависимых странах.

Огромный размах это движение в первые послевоенные годы приняло в Азии, особенно в Индокитае, Индии, Индонезии. Оно крепло в годы второй мировой войны в ожесточенной борьбе с японскими империалистами, которые оккупировали Бирму, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Таиланд, Индонезию, Филиппины, захватили Сингапур. Летом 1945 г. от японских захватчиков была освобождена почти вся Бирма, 17 августа провозглашена независимая Республика Индонезия, 2 сентября создана Демократическая Республика Вьетнам, в октябре объявлено о независимости Лаоса. Массовые антиколониальные демонстрации, забастовки рабочих, крестьянские восстания происходили в Индии. Народы Египта, Сирии и Ливана развернули борьбу за вывод из своих стран английских и французских войск. Но английские, нидерландские и другие колонизаторы, оказавшиеся не в состоянии удержать перед лицом японского вторжения многие из своих колоний, после капитуляции Японии повели войну против национально-освободительных сил. Английские войска в сентябре 1945 г. начали военные действия в Индонезии и Малайе, французские — во Вьетнаме. Под руководством американских офицеров филиппинские власти в 1946 г. предприняли военную кампанию против партизанских частей.

Национально-освободительные революции после второй мировой войны развивались в новых исторических условиях. В эти годы появилась мировая система социализма, которая превращалась в решающий фактор прогресса человеческого общества. В результате разгрома во второй мировой войне ударных сил империализма — гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии — международная реакция была в значительной степени ослаблена. Рабочий класс и трудящиеся стран-метрополий усилили борьбу против колониальной поли-

тики империалистов. Победа Советского Союза над силами агрессии и войны открыла народам колониальных и зависимых стран широкие возможности для борьбы против угнетателей. Своей активной внешней политикой СССР продолжал оказывать этим народам большую, все возрастающую поддержку. Создалась исключительно благоприятная обстановка для побед национально-освободительных революций. Мировой социализм, международное рабочее и национально-освободительное движение с новой силой развернули историческое наступление на империализм.

1. Борьба Республики Индонезии против империалистической агрессии (1945—1949 гг.)

В первые дни существования свободной Индонезии была принята конституция, опубликованы законы, создан народный парламент и образовано правительство. Национальная администрация осуществляла контроль над всей внутренней жизнью страны. Республика управляла входящими в ее юрисдикцию территориями совершенно независимо от своей бывшей метрополии — Нидерландов. Индонезийское правительство самостоятельно поддерживало порядок и законность в стране.

С момента своего образования молодое индонезийское государство заявило о стремлении жить в мире и дружбе со всеми другими странами и народами [1]. Однако английские, американские и голландские империалисты были заинтересованы в сохранении в Индонезии колониального режима, при котором они рассчитывали не только удержать, но и расширить свои экономические позиции в этой стране.

Перед второй мировой войной английский капитал занимал в Индонезии второе место по размерам инвестиций в сельское хозяйство, добывающую и обрабатывающую промышленность. Сильными позициями в стране владел и американский капитал.

Нидерландская буржуазия, преобладавшая в экономике Индонезии, но еще не оправившаяся после гитлеровской оккупации, не имела достаточных сил и средств для восстановления своего колониального господства на индонезийском архипелаге. Она вошла в тайный сговор с лондонскими компаньонами. Под предлогом выполнения союзнических обязательств английские войска «временно, до сформирования нидерландской колониальной армии», оккупировали Индонезию. Так была развязана кровопролитная колониальная война против молодой республики.

Английские вооруженные силы начали высадку десантов в Индонезии 29 сентября 1945 г. Официально было объявлено,

[1] *O. Raliby.* Documenta Historica. Dj. I. Djakarta, 1953, p. 18.

что перед ними поставлены только две задачи: во-первых, разоружить японские войска и, во-вторых, освободить и репатриировать находившихся в плену у японцев союзнических военнослужащих, а также лиц, интернированных японскими властями. Английское командование уверяло, что оно намерено ограничиться оккупацией лишь нескольких главных городов и не вмешиваться во внутренние дела республики.

Правительство Индонезии заявило о своей готовности содействовать союзническим войскам в выполнении указанных задач. При этом республиканские власти категорически предупредили, что индонезийские вооруженные силы окажут решительное сопротивление всякой попытке восстановить в стране колониальный режим.

Указом президента Индонезии 5 октября 1945 г. были созданы регулярные индонезийские национальные вооруженные силы.

25 октября 1945 г. в Джакарте было опубликовано коммюнике правительства Индонезии об отношениях с внешним миром, в котором оно подчеркивало свою готовность вступить в переговоры с любой страной на основе признания права индонезийского народа на самоопределение [1].

Однако, несмотря на предупреждение индонезийского правительства, в различных портах страны под прикрытием английских частей стали высаживаться нидерландские войска и чиновники колониального управления, которые пытались восстановить старые порядки на свободной индонезийской земле. К участию в борьбе с республиканцами английское командование привлекло соединения капитулировавшей японской армии. Индонезийский народ оказал решительное сопротивление непрошеным гостям. Его войска нанесли поражение английским интервентам в Сурабайе в ноябре 1945 г.

Несмотря на упорное и стойкое сопротивление индонезийцев, английским войскам к концу 1945 г. удалось оккупировать Джакарту, Сурабайю, Бандунг и Семаранг на Яве, Палембанг, Медан и Паданг на Суматре.

Даже в этих тяжелых обстоятельствах республика продолжала проводить политику борьбы за установление мира и обеспечение безопасности. За первые 14 месяцев своего существования правительство Индонезии разоружило 70 тыс. японских солдат и офицеров и эвакуировало их с территории страны. В то же время республиканцы репатриировали более 30 тыс. голландцев и военнопленных других национальностей из японских концентрационных лагерей.

---

[1] «Himpunan Undang-2, Peraturan-2, Penetapan-2 Pemerintah Republik Indonesia», Djakarta, 1945, p. 65.

Правительство Индонезии не раз повторяло о готовности поддерживать равноправные дружественные отношения со всеми странами мира, в том числе с Нидерландами. В январе 1946 г. президент Индонезии Сукарно заявил: «Наша борьба основывается на праве на самоопределение с установлением народной формы государственного управления. Индонезия имеет право определить свою судьбу, как свободная страна и свободный народ. Индонезийский народ готов жить вместе в семье других наций. Наша нынешняя борьба является борьбой за законное признание со стороны международного мира. За признание государства Республики Индонезии де-юре и де-факто... В этом заключается борьба, которую мы сейчас считаем основой нашей внешней политики» [1].

Правительство СССР стало на сторону справедливой борьбы республики и в защиту ее интересов на международных форумах. Общественность Советского Союза выступала инициатором и активным сторонником мобилизации сил и влияния международных демократических организаций для пресечения империалистической авантюры в Индонезии. Советская печать и радио постоянно освещали ход борьбы индонезийского народа за свободу, разоблачали агрессивные действия колонизаторов и способствовали мобилизации мирового общественного мнения в защиту республики.

«События в Индонезии и в Индо-Китае,— писала «Правда» 4 ноября 1945 г.,— нельзя обойти молчанием. По существу, там происходит вооруженная борьба между местным населением и войсками союзников. Вторая мировая война осталась позади, в столицах Объединенных Наций отзвучали торжественные речи в честь наступившего мира, а на Тихом океане продолжает литься кровь. О размахе этих событий достаточно красноречиво свидетельствует тот факт, что на островах Индонезии и в Индо-Китае проживает 100-миллионное население.

Со стороны англо-голландских и англо-французских вооруженных сил в Индонезии и в Индо-Китае участвуют в боях военные корабли, самолеты, танки, артиллерия» [2].

Демократические и прогрессивные круги различных стран выразили свою солидарность с борьбой индонезийского народа. Коммунистическая партия Нидерландов в начале октября 1945 г. солидаризировалась с индонезийским движением. Она призвала портовых рабочих и моряков не допускать отправки войск и оружия в Индонезию. В конце сентября 1945 г. портовые рабочие Австралии отказались грузить пароходы, направлявшиеся в Индонезию, и объявили забастовку. Забастовка нашла отклик в Новой Зеландии и США. Стачки и митинги в защиту Республ-

[1] *O. Raliby.* Documenta Historica. Dj. I. Djakarta, 1953, p. 181.
[2] «Правда», 4 ноября 1945 г.

лики Индонезии состоялись в Англии, Нидерландах и других странах Европы. Решительную поддержку борьба Индонезии нашла в Индии.

Укрепление сил и рост влияния стран социализма и солидарность мирового рабочего класса создавали благоприятные международные условия для развертывания антиимпериалистической национальной революции в Индонезии. Однако причины внутриполитического порядка помешали республике полностью воспользоваться этими возможностями.

В течение первых двух лет освободительной войны в индонезийском правительстве руководящую роль играли правые социалисты во главе с Сутаном Шариром. 26 июня 1947 г. кабинет Шарира подал в отставку. К власти пришло коалиционное правительство, возглавляемое деятелем левого крыла Социалистической партии Амиром Шарифуддином. Прогрессивные силы Индонезии добивались осуществления широких демократических преобразований в интересах народа.

Идейный предводитель крайне правого крыла индонезийской буржуазии М. Хатта, занимавший в те годы пост вице-президента республики, в своем «Политическом манифесте» от 1 ноября 1945 г. гарантировал возвращение империалистам ранее конфискованной собственности и обещал широкий доступ иностранному капиталу в экономику Индонезии.

Представленная партией Машуми соглашательская часть индонезийской буржуазии и помещиков была тесно связана с экспортным земледелием и переходила на позиции сдерживания и подавления революционной активности трудящихся, активного сотрудничества с монополиями США, Англии и Нидерландов. В стране происходил процесс размежевания демократических и реакционных сил.

В отличие от внешнеполитической линии борьбы за мир и дружбу со всеми народами мира, которой придерживались демократические круги республики, представители реакционного лагеря требовали односторонней ориентации Индонезии на империалистические державы. Так, например, говоря о положении Индонезии в мире, лидер правых социалистов Шарир утверждал, что «Индонезия окружена странами, находящимися под влиянием капитализма и империализма, Англии и Соединенных Штатов. Судьба Индонезии связана с англо-американским капитализмом и империализмом» [1]. Шарир пессимистически смотрел на будущее индонезийской революции, предсказывал ее обреченность.

В начале 1948 г. к власти пришел кабинет М. Хатта, в состав которого вошли представители партии Машуми, правые социалисты и их единомышленники.

[1] *S. Sjahrir.* Our Struggle. Bombay, 1945, p. 7—8

При правительстве М. Хатта монополии США усилили свою активность в Индонезии, навязывая неравноправные соглашения, сопровождавшиеся требованиями предоставления США особых экономических и политических привилегий.

Под давлением демократических сил Индонезии наряду с проведением оборонительных операций против нидерландских колонизаторов правящие круги республики предпринимали меры для установления непосредственных контактов с внешним миром с целью добиться международного признания страны и заручиться поддержкой освободительной борьбы своего народа.

Надежды демократических сил индонезийского народа на поддержку его борьбы за свои суверенные права Советским Союзом, всеми миролюбивыми странами оправдались. Правительство СССР предприняло ряд конкретных шагов в защиту Индонезии от посягательств колонизаторов.

СССР первым выступил против замыслов империалистов вновь надеть ярмо колониального рабства на индонезийский народ, потребовав в начале 1946 г. в Совете Безопасности ООН прекращения интервенции английских войск.

Глава делегации УССР Д. З. Манупльский в письме от 21 января 1946 г. обратил внимание председателя Совета Безопасности на положение в Индонезии. «Как известно,— говорилось в письме,— в этой стране на протяжении ряда месяцев ведутся направленные против местного населения военные действия, в которых принимают участие как регулярные английские войска, так и вражеские японские вооруженные силы» [1]. Исходя из того, что возникшая обстановка в Индонезии создает состояние угрозы поддержанию международного мира и безопасности, делегация Украинской ССР внесла на рассмотрение Совета Безопасности предложение провести необходимое расследование и принять предусмотренные Уставом ООН меры для устранения создавшегося положения. Указывая на тревожное положение в Индонезии, делегация УССР ссылалась на положения Устава ООН о праве наций на самоопределение, о равенстве больших и малых наций. В отношении индонезийского народа эти положения Устава грубо нарушались. Английские войска открыто вмешались во внутренние дела республики и вели войну против народа, провозгласившего свою независимость. Нидерланды попрежнему рассматривали Индонезию в качестве своей колонии. Необходимо было вмешательство Совета Безопасности ООН для принятия таких мер, которые способствовали бы урегулированию конфликта, прекращению войны и признанию за индонезийским народом права на независимость в соответствии с Уставом ООН.

---

[1] «Правда», 23 января 1946 г.

Делегация УССР предложила, чтобы специально созданная комиссия в составе представителей СССР, США, Китая, Англии и Нидерландов на месте обследовала положение и в соответствии с Уставом ООН приняла меры к установлению мира в этом районе Азии.

Представитель делегации СССР поддержал предложение делегации УССР. Он показал, что речь идет не о каком-то «местном инциденте», а о войне против индонезийского народа, стремящегося к осуществлению своих национальных чаяний [1].

Выступление Советского Союза в защиту суверенных прав индонезийского народа, решительные требования мировой общественности прекратить колониальную войну в Индонезии, а также успешные оборонительные операции индонезийской национальной армии, противоречия между империалистическими странами по вопросу о влиянии в Азии вынудили английское правительство вывести войска с территории республики.

Начав 15 марта 1946 г. переговоры с республиканским правительством, нидерландские колонизаторы тем временем в срочном порядке формировали вооруженные силы. Рассчитывая на свое военно-материальное превосходство, они шли на развязывание вооруженных столкновений с республиканцами. Набрав 100-тысячную армию и оснастив ее современным английским и американским вооружением, колонизаторы прервали переговоры и развернули широкие военные действия против Индонезии. Одновременно они предприняли попытки создать марионеточные княжества на территории республики — на Южном Калимантане, Сулавеси и других островах, объявив, что берут эти «государства» под свою военную защиту.

В результате длительных, неоднократно прерывавшихся агрессивными действиями колониальных войск переговоров 25 марта 1947 г. было подписано так называемое Лингаджатское соглашение [2]. Этому перемирию в значительной степени способствовала миролюбивая позиция индонезийского правительства и народа. По соглашению Нидерланды признавали де-факто власть Республики Индонезии на территории Явы, Мадуры и Суматры. Стороны условились также о прекращении огня. Предусматривалось «создание на федеральной основе... Соединенных Штатов Индонезии», которые должны были войти в состав Нидерландско-Индонезийского Союза. Правительство Нидерландов стремилось растворить Республику Индонезию в этом союзе и лишить ее национальной независимости. Империалистические силы рассчитывали добиться выигрыша времени для развертывания войны в еще больших масштабах.

[1] См. «Правда», 13 февраля 1946 г.

[2] Подписано в Джакарте. Заключительный этап переговоров проходил в деревне Лингаджати, близ Чиребона (остров Ява).

Несмотря на соглашение о перемирии, нидерландские власти продолжали отправку в Индонезию все новых значительных контингентов вооруженных сил. 16 июня 1947 г. они предъявили правительству Индонезии ультиматум, который сводился к тому, чтобы лишить республику всякой самостоятельности как во внешних, так и во внутренних делах. 28 июня генеральный консул США в Джакарте вручил от имени госдепартамента США представителю республиканского правительства меморандум с требованием принять условия ультиматума. Активную поддержку получили голландцы и со стороны английских представителей. Это политическое давление наряду с огромной материально-финансовой и военной помощью США и Англии Нидерландам было рассчитано на капитуляцию республики и полное восстановление колониальной власти.

В июле 1947 г. нидерландские войска предприняли еще более широкое по своим масштабам вооруженное выступление. В связи с этим Советский Союз и Польская Народная Республика указали в Совете Безопасности, что подобные действия являются агрессией. СССР поддержал инициативу ПНР о принятии срочных мер для пресечения новых провокаций нидерландских войск против Индонезии.

Учитывая, что Нидерланды имели своих сторонников в Совете Безопасности, Советский Союз в качестве минимального требования выдвинул предложение об обязательном отводе войск обеих сторон на первоначальные позиции.

Индия в письме на имя генерального секретаря ООН 30 июля 1947 г. призвала к вмешательству Совета Безопасности в индонезийско-нидерландский конфликт. Индийский представитель определил военные действия войск Нидерландов в Индонезии как агрессию, угрожавшую международному миру и безопасности, и настаивал на их немедленном прекращении.

Советский Союз также потребовал от Нидерландов немедленного прекращения военных действий и отвода их войск на исходные позиции. Но представители западных держав, составлявших большинство Совета Безопасности, пытались отклонить эти предложения. 1 августа 1947 г. Совет Безопасности принял резолюцию, призывавшую обе стороны прекратить военные действия и урегулировать конфликт путем арбитража или другими мирными средствами.

Став жертвой нового неспровоцированного вооруженного нападения, Индонезия 5 августа 1947 г. обратилась в Совет Безопасности с просьбой образовать комиссию по наблюдению за выполнением принятого ранее Советом решения о прекращении военных действий. 7 августа 1947 г. индонезийское правительство направило в Совет Безопасности просьбу создать арбитражную комиссию, которая, выполняя поручения Совета, помогла

бы урегулировать спорные вопросы между Нидерландами и Индонезией. Обращая внимание Совета Безопасности на затяжку рассмотрения этих обращений, представитель Советского Союза потребовал без дальнейшей задержки решить вопрос о создании упомянутых комиссий, с тем чтобы они приступили к работе в самое ближайшее время.

Гоминьдановец предложил изъять индонезийский вопрос из сферы обсуждения Совета Безопасности и поручить консульским представителям Англии, США, Франции, Австралии, Бельгии и Китая в Батавии (Джакарте) наблюдать за развитием событий и докладывать о выполнении сторонами соглашения о прекращении огня. Советский Союз категорически возразил против этого предложения и указал, что комиссия должна обязательно состоять из членов Совета Безопасности.

Представитель СССР А. А. Громыко разоблачил усилия Соединенных Штатов протащить предложение о своих «добрых услугах» в арбитраже и посредничестве между Нидерландами и Индонезией в связи с тем, что индонезийское правительство обратилось в Совет Безопасности с просьбой, чтобы Совет Безопасности сам взял в свои руки дело арбитража и посредничества. Усилия Соединенных Штатов навязать свои «добрые услуги» в недоброжелательных целях свидетельствовали не только о неуважении к индонезийцам, ищущим защиты своих кровных интересов у ООН, но и об игнорировании мнения членов Совета Безопасности.

Выступая 12 августа 1947 г. в Совете Безопасности при обсуждении индонезийского вопроса, А. А. Громыко потребовал, чтобы на заседание Совета был приглашен представитель Индонезии: «Иное решение было бы несправедливым, так как одна сторона представлена в ходе дискуссии в Совете Безопасности, а другая — не представлена. Нужно, чтобы обе стороны были представлены» [1].

Таким образом в ООН ясно выявились две тенденции по индонезийскому вопросу. С одной стороны, западные державы стремились закрепить свое господство, сохранить неравноправие и колониальный гнет. А с другой — Советский Союз и другие социалистические страны вели принципиальную борьбу в поддержку освободительной борьбы индонезийского народа. Дебаты в Совете Безопасности отражали борьбу этих тенденций. Представители колониальных держав всячески старались снять индонезийский вопрос с повестки дня и переадресовать его комиссии «добрых услуг», развязав тем самым руки нидерландским интервентам. Советские представители вскрывали подлин-

[1] «Совет Безопасности ООН. Официальные отчеты № 70—86». Заседание 181. 1947, стр. 94.

ный смысл подобных махинаций, неизменно поддерживали любые мероприятия, направленные на обеспечение подлинной независимости индонезийского народа и целостности его территории.

«Советский Союз,— говорил А. А. Громыко,— уже ставил вопрос о необходимости отвода войск обеих сторон на те позиции, которые они занимали до начала военных действий. К сожалению, Совет Безопасности не согласился с этим предложением и поступил, конечно, неправильно. Показав свою неспособность принять решение об отводе войск, Совет тем самым дал повод для тех, кто вообще не признает его компетенции на рассмотрение индонезийского вопроса, перейти, в известном смысле, от обороны в наступление. Только этим можно объяснить заявление голландского представителя о том, что Голландия не признает компетенции Совета Безопасности в этом вопросе и не намерена выполнять его решения. Без поддержки и сочувствия подобной позиции со стороны некоторых других государств голландское правительство не могло бы выступить с такого рода заявлениями...» [1]

Путем закулисных интриг колониальные державы во главе с США 25 августа 1947 г. все же протащили идею о создании консульской комиссии в составе находившихся в то время в Индонезии консулов США, Англии, Франции, Бельгии, Австралии и Китая и комиссии «добрых услуг» (или «комиссии трех стран») из представителей Австралии, Бельгии и США. Возглавил комиссию «добрых услуг» представитель США Грехэм.

26 августа 1947 г. в связи с продолжающейся агрессией нидерландских войск против республики Совет Безопасности одобрил резолюцию Польши о прекращении военных действий в Индонезии.

Поскольку Нидерланды продолжали игнорировать обращения Совета Безопасности, Советский Союз в октябре 1947 г. повторно внес предложение о немедленном отводе войск обеих сторон на прежние позиции. Но колониальные державы 1 ноября 1947 г., используя механическое большинство голосов, добились принятия в Совете Безопасности проекта резолюции США, который фактически легализовал контроль Нидерландов над захваченной ими до 4 августа 1947 г. территорией Индонезии.

В результате деятельности комиссии «добрых услуг» в январе 1948 г. Индонезии было навязано Ренвильское соглашение [2]. Оно предусматривало прекращение военных действий и

---

[1] «Совет Безопасности ООН. Официальные отчеты № 70—86», Заседание 187, 1947, стр. 176.

[2] Подписано нидерландскими и индонезийскими представителями на борту американского военного корабля «Ренвиль» 17 января 1948 г.

отвод войск в трехнедельный срок за так называемую «линию Ван Мока», которая устанавливала границы оккупированной нидерландскими вооруженными силами территории, включая в нее большую часть Индонезии и оставляя республике второстепенные в экономическом и стратегическом отношении районы — незначительную часть Центральной Явы и внутренние горные области Суматры. Это соглашение было явно невыгодным индонезийцам. К тому же Индонезия вынуждена была одновременно подписать еще дополнительное политическое соглашение, предусматривавшее возможность вхождения республики в так называемые Соединенные Штаты Индонезии, состоящие из нескольких марионеточных государств. Штаты должны были быть включены в Нидерландско-Индонезийский союз. При заключении упомянутого соглашения Индонезии были даны заверения в том, что за ней будут сохранены права суверенного государства, в том числе и право на внешние сношения, как и право иметь свои вооруженные силы [1]. Однако и после подписания этого соглашения нидерландские войска продолжали вести военные действия против Индонезии. 18 февраля 1948 г. представитель СССР вновь обратил внимание Совета Безопасности на серьезное положение в Индонезии. Империалистические державы игнорировали заявление Советского Союза. Послушное им большинство проштемпелевало предложенную представителем Канады резолюцию, которая одобряла Ренвильское соглашение.

Разоблачая политику правительства Нидерландов в отношении Индонезии, представитель СССР в Совете Безопасности 23 июня 1948 г. указывал, что оно одной рукой подписывало соглашения с Индонезийской республикой, а другой — нарушало эти обязательства, преднамеренно не только затягивало, но и срывало переговоры. Прикрываясь видимостью ведения переговоров, нидерландские власти спешили насадить на территории Индонезии как можно больше марионеточных правительств из числа своих ставленников и выдавали их за представителей индонезийского народа.

Действия колонизаторов в Индонезии были рассчитаны на то, чтобы всякого рода политическими интригами и маневрами затянуть переговоры, укрепить свои военные и политические позиции в Индонезии, ослабить ее в максимально возможной степени [2], воспрепятствовать установлению ею связей с другими странами, добиться международного признания и поддержки республики.

В выступлении в Совете Безопасности А. А. Громыко отмечал: «...влиятельные круги Соединенных Штатов сочувствуют

---

[1] См. «Правда», 8 июня 1948 г.
[2] См. «Известия», 26 июня 1948 г.

не индонезийскому народу, а Голландии, считая, что их экономические интересы в Индонезии будут в большей степени защищены, если там будут хозяевами голландцы, а не сами индонезийцы. Следует ли поэтому также удивляться по поводу сообщений, которые, насколько нам известно, не были опровергнуты правительством Соединенных Штатов о том, что голландские войска в Индонезии широко применяли американскую военную технику» [1].

Симпатии всего прогрессивного человечества были целиком на стороне справедливой борьбы индонезийского народа. Трудящиеся Австралии, Индии, Цейлона, Египта и других стран отказывались обслуживать нидерландские транспортные суда и самолеты.

Большое значение для успешной антиимпериалистической борьбы индонезийского народа, упрочения его позиций на международной арене имело в эти годы установление республикой непосредственных внешнеполитических контактов с Советским Союзом, другими социалистическими государствами, странами арабского мира.

В выступлении на первомайском митинге в Джокьякарте в 1946 г. президент Индонезии подчеркнул настоятельную необходимость установления отношений Индонезии с Советским Союзом путем учреждения представительства республики в Москве [2]. Но жестокая военно-политическая блокада Индонезии со стороны интервентов помешала реализации этих планов.

В сентябре 1947 г. с разрешения чехословацкого правительства в Праге был открыт информационный центр Республики Индонезии [3]. В декабре 1947 г. он был преобразован в миссию. Главой миссии в ранге специального посланника и полномочного министра был назначен Суринно, которому поручалось установить непосредственные связи со странами социалистического содружества, в том числе и с Советским Союзом.

В соответствии с инструкциями своего правительства индонезийское представительство в Праге заключило соглашение с чехословацким министром иностранных дел об обмене консулами и о признании Чехословакией де-юре Республики Индонезии.

После получения в начале 1948 г. указаний из Джокьякарты Суринно вступил в переговоры с послом СССР в Чехословакии. Переговоры касались возможности установления советско-индонезийских консульских отношений и перспектив установле-

---

[1] «Правда», 24 февраля 1948 г.

[2] «Dewan Perwakilan Rakjat Republik Indonesia. Risalah Perundingan 1953». Djilid IV (Rapat ke-XLI s/d ke-XLIII), p. 2186.

[3] «Merdeka», 3. VI. 1948.

ния торговых связей между СССР и Индонезией. Обращение официального представителя правительства Индонезийской Республики встретило благожелательное отношение Советского правительства. 22 мая 1948 г. достигнутое сторонами соглашение было оформлено обменом письмами.

Сообщение о достигнутой договоренности об установлении советско-индонезийских консульских отношений было опубликовано 26 мая 1948 г.[1] Оно было встречено с большим удовлетворением индонезийской общественностью, которая расценила его как важный шаг, способствующий установлению и укреплению дружественных отношений между народами СССР и Индонезии. В специальном заявлении индонезийского Народно-демократического фронта отмечалось, что признание Индонезии Советским Союзом является политической победой республики. Народ, говорилось в заявлении, должен призвать правительство занять твердую позицию в данном вопросе и приветствовать это признание[2]. Советская общественность, которая с неизменным и глубоким сочувствием следила за борьбой индонезийского народа за освобождение и за утверждение своих национальных прав, также с удовлетворением встретила это сообщение.

Однако в политических кругах Нидерландов, США и Англии обмен нотами между правительствами СССР и Индонезии об установлении консульских отношений вызвал открытое недовольство. Правящие круги Нидерландов были обеспокоены расширением связей республики с внешним миром и признанием Советским Союзом ее в качестве суверенного и независимого государства. Они попытались помешать установлению непосредственных отношений между СССР и Индонезией и, сославшись на Ренвильское соглашение, заявили, что республика неправомочна без ведома Нидерландов устанавливать внешнеполитические связи. Правительство Нидерландов в памятной записке от 28 мая 1948 г. советскому посольству в Гааге утверждало, что «по условиям Ренвильского соглашения республика не может рассматриваться как суверенное государство, пользующееся правом учреждения дипломатических и консульских представительств за границей. Это право остается за правительством Нидерландов...»[3].

Советское правительство отвергло протест нидерландского правительства. В ответной ноте посольства СССР в Гааге МИДу Нидерландов от 21 июля 1948 г. указывалось, что «Советское Правительство считает действия Нидерландского Правительства и его властей, направленные на то, чтобы отказать индонезийскому народу в принадлежащем ему праве самому решать свою

[1] «Правда», 26 мая 1948 г.
[2] «Sin Po», 2. VI. 1948.
[3] АВП СССР.

судьбу и свободно избирать форму государственного устройства, неправомерными и противоречащими основным принципам Устава Организации Объединенных Наций о равноправии и самоопределении народов» [1]. Советское правительство отметило несостоятельность ссылок на Ренвильское соглашение, поскольку само правительство Индонезии не признавало, что оно в какой-либо степени ограничено в своем праве устанавливать дипломатические и консульские отношения с другими странами. К этому времени ряд государств установили с Республикой Индонезией, как с суверенным государством, дипломатические и консульские отношения и признали ее де-юре. Отрицательное отношение Советского правительства к Ренвильскому соглашению еще раньше было высказано представителем СССР в Совете Безопасности ООН.

Соглашаясь на установление консульских отношений с Индонезией, СССР действовал в соответствии с уважением принципа равноправия и самоопределения народов. Он исходил при этом из интересов развития дружественных связей с другими странами, что соответствовало основам советской внешней политики.

Представители Нидерландов и США в Индонезии в этой связи оказали грубое давление на республиканское правительство. Нажим был настолько энергичен, что машумистский министр иностранных дел Индонезии Агус Салим поспешил заявить, будто бы для него установление консульских отношений с СССР «явилось неожиданностью» и якобы Сурипно «не имел полномочий» подписывать подобное соглашение [2].

Смешанная индонезийско-нидерландская комиссия на переговорах в Калиуранге 28 мая 1948 г. провела совещание в связи с протестом делегации Нидерландов по поводу сообщения об установлении советско-индонезийских консульских отношений. Комиссия «добрых услуг» настаивала, чтобы индонезийская сторона дала объяснение на требование, ультимативно выставленное главой делегации Нидерландов на переговорах Фреденбурхом [3]. Представители Нидерландов потребовали от индонезийского правительства публично высказаться против установления связей с СССР.

Однако Сурипно сделал в Праге заявление о том, что он располагает полномочиями, полученными от президента республики еще 25 декабря 1947 г. Эти полномочия предоставляли Сурипно право не только установить консульские отношения с СССР и другими европейскими социалистическими странами,

---

[1] АВП СССР.
[2] «Merdeka», 28. V. 1948.
[3] «Sin Po», 31. V. 1948.

но и заключить с ними договоры и соглашения. Основываясь на полученных полномочиях, он подписал соглашение об установлении консульских отношений между СССР и Индонезией.

Премьер-министр Индонезии М. Хатта был вынужден подтвердить, что после агрессивной вылазки нидерландских войск в сентябре 1947 г. против республики Суирино в декабре месяце того же года был выдан мандат на установление связей с социалистическими странами. Аналогичные инструкции давались и министру иностранных дел Агус Салиму, который выезжал в страны Арабского Востока. Хатта заявил, что Суирино действовал в соответствии со старой инструкцией и что возглавляемое им правительство временно, до создания Соединенных Штатов Индонезии, решило воздерживаться от расширения внешних сношений [1]. В этой связи Суирино сделал в Праге 2 июня 1948 г. заявление, что, хотя индонезийское правительство не сообщало ему относительно договоренности Индонезии с «комиссией трех стран» о прекращении усилий по расширению внешних связей республики, он не видит в советско-индонезийском соглашении никакого нарушения условий нидерландско-индонезийских переговоров [2].

Таким образом, представителям Нидерландов пришлось отказаться от аргумента, будто бы специальный представитель Индонезии не имел полномочий на заключение советско-индонезийского соглашения. Им было известно, что Суирино уполномочен войти в контакт с Советским Союзом. Об этом, в частности, свидетельствовало коммюнике нидерландской делегации о переговорах с индонезийской стороной от 21 мая 1948 г. В коммюнике указывалось, что правительству Нидерландов известно о существовании документа, которым республиканское должностное лицо назначено чрезвычайным посланником и полномочным министром и наделено всеми полномочиями и правами для ведения переговоров с представителями Советского правительства с целью установления дружественных связей. Более того, нидерландская газета «Хэт Бинненхоф» сообщила, что в Гааге даже имелась фотокопия полномочий Суирино, выданных ему главой Республики Индонезии.

Делегация Нидерландов в политическом комитете на нидерландско-индонезийских переговорах при поддержке представителя США пыталась интерпретировать Ренвильское соглашение так, будто в силу этого соглашения Индонезия была не вправе устанавливать самостоятельные связи с внешним миром, хотя республика к тому времени уже имела дипломатические отношения с Египтом, Сирией, Ливаном, Ираном, Афганистаном и

[1] «Merdeka», 2. VI. 1948.
[2] «Merdeka», 3. VI. 1948.

была признана де-факто Нидерландами, США, Англией, Австралией, Индией и Филиппинами, учредившими в Джакарте свои консульства.

Нидерланды направили индонезийскому правительству памятную записку, в которой отрицали право республики на связь с внешним миром до образования Соединенных Штатов Индонезии и требовали дезавуировать соглашение с СССР. Это был грубый нажим, с помощью которого они фактически пытались лишить республику ее суверенного права на внешние сношения. Из содержания памятной записки вытекало, что Индонезия должна была немедленно отозвать своих представителей за границей [1].

Представитель США счел даже возможным заявить совершенно официально премьер-министру Индонезии о «той серьезности, которую США придают данному вопросу», т. е. недвусмысленно угрожать республике в связи с установлением ею консульских отношений с СССР.

11 августа 1948 г. Суирно прибыл во временную столицу республики Джокьякарту и на следующий день доложил президенту Сукарно о своей деятельности в Праге. После встречи с главой государства Суирно заявил, что соглашение об обмене консулами с СССР укрепляет положение Индонезии на международной арене, поскольку оно подтвердило признание республики со стороны великой державы, играющей ведущую роль в определении мировой политики.

Политическое давление империалистических держав на Индонезию и сопротивление внутренней реакции продолжало расти. Премьер-министр М. Хатта выступил еще 4 июня 1948 г. с официальным заявлением, в котором указал, что возглавляемое им правительство не намерено ратифицировать подписанное Суирно соглашение [2]. Правое руководство партии Машуми и Национальной партии Индонезии поддержали отказ М. Хатта ратифицировать советско-индонезийское консульское соглашение под предлогом, что такой шаг мог осложнить отношения республики с Нидерландами. Это решение М. Хатта подверглось резкой критике со стороны прогрессивных политических и общественных организаций, объединенных в рамках Народно-демократического фронта [3]. Передовые общественные и политические организации Индонезии, выражавшие чувства и настроения трудящихся, выступали сторонниками дружбы между СССР и Индонезией, установления прямых связей между ними и сотрудничества на международной арене.

---

[1] «Merdeka», 12. VI. 1948.
[2] «Sin Po», 5. VI. 1948.
[3] *Ruth T. McVey.* The Soviet View of the Indonesian Revolution, p. 50.

Несмотря на неблагоприятные повороты и колебания в политике правящих кругов Индонезии, взаимные симпатии советского и индонезийского народов росли и крепли. Советское правительство неизменно придерживалось лояльного и дружественного отношения к Индонезии и ее народу. Последовательно проводимая Советским Союзом политика всесторонней поддержки молодой Республики Индонезии предопределила характер этих отношений.

В декабре 1948 г. нидерландские войска предприняли очередную вероломную агрессивную вылазку против республики, окончательно разорвав Ренвильское соглашение. Сбросив крупный воздушный десант, они оккупировали Джокьякарту, арестовали президента Сукарно и министров республиканского правительства.

Представитель Советского Союза в Совете Безопасности ООН 24 декабря 1948 г. потребовал немедленного прекращения агрессии и отвода войск оккупантов на позиции, которые они занимали до начала военных действий. Советский Союз настаивал также на создании комиссии Совета Безопасности из представителей всех государств, являющихся его членами, для наблюдения за мероприятиями по прекращению агрессии. Однако англо-американский блок отклонил эти предложения.

27 декабря 1948 г. на рассмотрение Совета Безопасности ООН были представлены проекты трех резолюций. Представитель УССР призывал к немедленному отводу нидерландских войск на позиции, которые они занимали до начала военных действий. Другой проект внесла делегация Советского Союза, в котором предлагалось прекращение огня в течение 24 часов с момента одобрения резолюции. Третий, гоминьдановский проект призывал лишь к выполнению решения Совета Безопасности об освобождении Сукарно и других политических заключенных. Представители Советского Союза и УССР отмечали, что большинство членов Совета Безопасности фактически поощряло агрессию и не выполняло задач, возложенных на них Уставом ООН.

Предложения СССР и Украинской ССР не получили поддержки империалистических держав. Поскольку нидерландские войска продолжали военные действия против индонезийского народа, 28 января 1949 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой потребовал прекратить все военные операции в Индонезии, рекомендовав Нидерландам освободить индонезийских политических заключенных и признать суверенитет Индонезии. Комиссия «добрых услуг» была превращена в комиссию ООН для Индонезии, в которой решающую роль играл представитель США Кохрэн. Комиссии поручалось помочь сто-

ронам урегулировать конфликт и создать в возможно кратчайший срок федеративные, независимые и суверенные Соединенные Штаты Индонезии.

Защита прав и интересов Индонезии со стороны СССР и других социалистических государств на всемирном форуме значительно улучшила ее международные позиции, вызвала широкий отклик во всем мире и вынудила колонизаторов возобновить переговоры с республиканским правительством.

В сентябре 1949 г. при обсуждении индонезийского вопроса на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель Украинской ССР внес проект резолюции, который предусматривал: отвод нидерландских войск на позиции, занимаемые ими до начала военных действий в декабре 1948 г.; освобождение индонезийских политических заключенных и прекращение террора оккупационных властей против индонезийского народа; учреждение комиссии ООН из представителей государств — членов Совета Безопасности с задачей следить за выполнением указанных выше мероприятий; подготовку упомянутой комиссией в течение трех месяцев для Совета Безопасности предложений по урегулированию конфликта между Нидерландами и Индонезией на основе признания независимости и суверенных прав индонезийского народа; роспуск существующей комиссии ООН для Индонезии. Однако в результате обструкционистской политики империалистических держав предложение Украинской ССР не было даже поставлено на голосование. 7 декабря 1949 г. Генеральная Ассамблея приняла другой проект резолюции, в котором одобрялись решения так называемой конференции «круглого стола».

Конференция «круглого стола» состоялась в Гааге в августе — ноябре 1949 г. Известный американский историк Г. Кейн признает, что при заключении соглашений на гаагской конференции «круглого стола» США оказывали давление на Индонезию в пользу Нидерландов [1]. Нидерландские колонизаторы с помощью американских империалистов навязали республике кабальные политические и экономические обязательства. Индонезии пришлось испытать всю тяжесть временного военного поражения и принять кабальные условия соглашений конференции «круглого стола». По условиям соглашений конференции «круглого стола» Индонезия была включена в состав Нидерландско-Индонезийского союза. Соглашения предписывали Индонезии согласовывать свою внешнюю политику с Нидерландами. Страна оказалась расчленена на отдельные независимые от центрального правительства федеральные государства под общим названием — Республика Соединенных Штатов Индонезии. Все

[1] *G. Mc. Turnan Kahin.* Some Aspects of Indonesian Politics and Nationalism. New York, 1950, p. 33.

военные расходы колонизаторов на ведение войны против индонезийского народа, а также старые колониальные долги Нидерландов были навязаны Индонезии в качестве ее государственного долга.

Статут союза между Нидерландами и Индонезией определял рамки взаимоотношений между ними. Он обязывал республику согласовывать с Нидерландами свои действия в области внешней политики, обороны, финансово-экономических и культурных мероприятий.

В то же время нидерландское правительство было вынуждено официально признать Индонезию в качестве независимого государства на всей территории бывшей Нидерландской Ост-Индии, кроме Западного Ириана.

25 января 1950 года министр иностранных дел СССР направил премьер-министру и министру иностранных дел Республики Соединенных Штатов Индонезии М. Хатта телеграмму с сообщением о решении Советского правительства признать Республику в качестве независимого и суверенного государства и установить дипломатические отношения. В ответе индонезийского правительства от 3 февраля 1950 года выражалась благодарность за признание.

28 сентября 1950 года Индонезия стала членом ООН. В качестве своей официальной внешнеполитической платформы Индонезия провозгласила политику неприсоединения к военным блокам. Характеризуя этот период советско-индонезийского сотрудничества на международной арене, индонезийский дипломат Л. Н. Палар подчеркнул, что еще до формального установления дипломатических отношений «уже фактически существовали неофициальные отношения между делегацией Союза Советских Социалистических Республик и делегацией Республики Индонезии в Организации Объединенных Наций, где я в то время был главой делегации нашей страны. Наше правительство, наш народ и я лично до сих пор с чувством благодарности вспоминаем поддержку, оказанную делегацией СССР нашей делегации в период борьбы нашей страны за достижение независимости» [1].

В результате усилий главным образом советской делегации и делегации других социалистических стран индонезийский вопрос в течение почти четырех лет, т. е. на протяжении всего периода вооруженной освободительной войны республики в 1945—1949 гг., не сходил с повестки дня Совета Безопасности ООН. Индонезийскому вопросу было посвящено несколько десятков заседаний этого международного органа.

---

[1] «Известия», 17 августа 1956 г.

Поддержка Советского Союза, других социалистических стран, всех миролюбивых, прогрессивных сил помогла Индонезии выстоять перед натиском политической, военной и экономической экспансии империалистических держав.

2. Конец британского господства в Индии

Перед окончанием второй мировой войны крайне напряженная внутриполитическая и экономическая обстановка сложилась в Индии. Резко обострились социальные противоречия в индийском обществе. Ухудшение экономического положения страны было вызвано ростом военных расходов, ограничением импорта, взвинчиванием цен. Сокращение сельскохозяйственного производства сопровождалось усилением эксплуатации крестьянства и его разорением. В деревне участились выступления против помещиков и ростовщиков широких масс крестьян, требовавших ликвидации феодально-помещичьего землевладения, снижения налогов, перераспределения земельных наделов. В промышленности предприниматели могли произвольно устанавливать размеры заработной платы и продолжительность рабочего дня трудящихся. Армия безработных постоянно пополнялась за счет рабочих, уволенных в результате сокращения военного производства, и военнослужащих, демобилизованных из армии.

Широкий размах приняло забастовочное движение, которое носило порой не только экономический, но и политический характер. В ходе стачечной борьбы выдвигались требования положить конец английскому колониальному владычеству в Индии. Волна забастовок в 1945 г. охватила около 800 тыс. рабочих.

Борьба за независимость Индии приобрела всенародный характер. В стране назревала революционная ситуация. Росло брожение в армии, с оружием в руках против колонизаторов выступили 18 февраля 1946 г. военные моряки в Бомбее. Выступление матросов в Бомбее поддержали суда военно-морского флота в Калькутте, Мадрасе и Карачи, некоторые другие воинские части, а также трудящиеся главных индийских портов. Основными движущими силами освободительной борьбы явились рабочие и крестьяне. К этой борьбе активно присоединилась и индийская буржуазия. Пользуясь популярностью среди широких масс населения, организация Индийский национальный конгресс смогла в силу сложившихся в то время в стране объективных условий стать во главе народного антиколониального движения. Активно выступила за независимость Компартия Индии.

Английские колонизаторы были вынуждены пойти на уступки. В результате переговоров с руководителями националь-

ного движения английское правительство весной 1946 г. объявило о решении предоставить Индии статус доминиона. В августе 1946 г. в Индии было сформировано временное правительство во главе с выдающимся деятелем национально-освободительного движения Дж. Неру.

В условиях обострения обстановки в стране, грозившей революционным взрывом, английские империалисты оказались не в состоянии применять методы военного подавления, поскольку не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы справиться с подъемом освободительного движения. Это было связано также и с ростом мощного послевоенного антиимпериалистического движения в других странах Азии.

В этой обстановке империалисты делали ставку на усиленное разжигание религиозной вражды между мусульманами и индусами, надеясь извлечь выгоду для себя из применения старой колонизаторской формулы «разделяй и властвуй». Однако дальнейшее расширение фронта национально-освободительной борьбы вынудило английских колонизаторов уйти из Индии.

Переговоры между руководителями ведущих индийских политических партий и представителями Англии закончились принятием 3 июля 1947 г. акта «О передаче власти в Индии». Отказ от колониального управления в Индии английские империалисты обусловили ее вхождением в Британское содружество наций в качестве доминиона, с разделением страны на два государства — Индию и Пакистан.

15 августа 1947 г. была провозглашена государственная независимость Индии, премьер-министром и министром иностранных дел ее правительства стал Дж. Неру. Основными принципами внешней политики Индии были объявлены стремление содействовать международному миру и безопасности, неприсоединение к военным блокам, поддержка справедливых и основанных на уважении отношений между государствами, борьба против колониализма. «Мы намерены,— заявил премьер-министр Индии Дж. Неру в речи в Учредительном собрании 4 декабря 1947 г.,— поддерживать самые тесные и дружественные отношения с другими странами...» [1].

Индия выступила с инициативой по решению ряда важных международных вопросов на основе взаимопонимания, сотрудничества народов, поддержки освободительной борьбы. Так, в марте 1947 г. в Дели по инициативе индийской неправительственной организации, изучавшей международные проблемы, была созвана конференция по отношениям между странами Азии. Эта конференция, в которой участвовали представители 32 стран, в том числе среднеазиатских республик СССР, спо-

[1] *Джавахарлал Неру.* Внешняя политика Индии. М., 1965, стр. 64.

собствовала укреплению солидарности государств азиатского континента. В январе 1949 г. в Дели проходила работа конференции о положении в Индонезии. В ее работе участвовало 19 стран. Конференция осудила агрессию Нидерландов и потребовала признания независимости Индонезии, вывода войск колонизаторов и урегулирования отношений путем переговоров.

В стране ширилось движение за ликвидацию ограничения государственного суверенитета Индии, за отмену статуса доминиона и провозглашение республики. В апреле 1949 г. в Лондоне на имперской конференции премьер-министров стран Британского содружества была достигнута договоренность об объявлении Индии суверенной, независимой республикой с сохранением ее членства в Содружестве.

26 ноября 1949 г. была принята новая конституция, по которой Индия провозглашалась республикой. Конституция вошла в силу 26 января 1950 г. (этот день объявлен государственным праздником — Днем республики).

Империалистические силы продолжали препятствовать установлению прочного мира на Индостанском полуострове, разжигая религиозную и национальную вражду, территориальные споры.

Положение на Индостанском полуострове осложнялось военным конфликтом Индии с Пакистаном из-за Кашмира (октябрь 1947 г.— 1 января 1949 г.) [1] и обострением отношений между ними по ряду вопросов, связанных с экономическими последствиями раздела Индии на два государства. Между Индией и Пакистаном до весны 1950 г. велась торговая война.

Правительство Индии заявило о своей приверженности принципам мира и позитивного нейтралитета, невхождения в военные блоки. К 1950 году она установила дипломатические отношения с 39 странами.

---

[1] После образования в августе 1947 г. двух суверенных государств — Индии и Пакистана как Индия, так и Пакистан стали добиваться присоединения Кашмира к своим территориям. 22 октября 1947 г. с территории Пакистана началось вторжение в Кашмир вооруженных патанских племен, и махараджа обратился к Индии за помощью, заявив о желании Кашмира войти в состав Индийского союза. Просьба о помощи была удовлетворена, а 27 октября 1947 г. была подписана Грамота о присоединении Кашмира к Индии. 1 января 1948 г. Индия обратилась в Совет Безопасности ООН с жалобой на Пакистан, обвинив его в агрессии в Кашмире. 15 января 1948 г. с жалобой на Индию в Совет Безопасности ООН обратился Пакистан. Совет Безопасности создал посредническую комиссию из представителей 5 стран. К 1 января 1949 г. военные действия в Кашмире были прекращены, и 27 июля 1949 г. установлена линия прекращения огня. Большая часть Кашмира осталась за Индией, северо-западные и западные районы оказались под контролем Пакистана.

В июле 1952 г. между махараджей Кашмира и Индией было подписано Делийское соглашение, по которому Кашмир вошел в состав Ин-

3. Образование ДРВ. Развязывание империалистическими силами «грязной войны» в Индокитае

С переходом в августе 1945 г. Советской Армии в наступление в Маньчжурии против Квантунской армии создалась благоприятная обстановка для народно-освободительного движения в странах, находившихся под оккупацией японских войск. Состоявшийся 16 августа 1945 г. всевьетнамский конгресс народных представителей принял решение о всеобщем вооруженном восстании, одобрил программу внешней и внутренней политики народной власти. Прошедшие по всей стране митинги и демонстрации завершались формированием власти народных комитетов. Сотрудничавший с японскими оккупантами император Бао Дай отрекся от престола.

28 августа было сформировано временное революционное правительство, председателем и министром иностранных дел которого стал выдающийся деятель международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения Хо Ши Мин. 2 сентября 1945 г. Хо Ши Мин огласил в Ханое Декларацию независимости, возвестившую о создании Демократической Республики Вьетнам.

В послевоенный период империалистические силы США ставили целью установление своего доминирующего положения в Индокитае. США выразили готовность «поддержать» ДРВ в обмен на предоставление американскому капиталу свободы эксплуатировать ресурсы Вьетнама. В планы США входило и использование гоминьдановских войск, которые в конце августа 1945 г. вторглись на территорию ДРВ.

Одновременно под предлогом разоружения японской армии на юге страны началась высадка английских оккупационных войск. 6 сентября 1945 г. они заняли Сайгон. Вместе с английскими оккупантами на юг Вьетнама прибыли части французского экспедиционного корпуса во главе с верховным комиссаром Франции в Индокитае адмиралом Тьерри д'Аржанлье. Оккупанты отказались признавать правительство и местные ор-

---

дии на правах штата (Джамму и Кашмир). 17 ноября 1956 г. Учредительное собрание Кашмира приняло конституцию, в которую было включено положение о том, что Кашмир является составной частью Республики Индии. Правительство Индии считало поэтому вопрос решенным, пакистанское правительство настаивало на проведении референдума.

Возникший в 1965 г. вооруженный индийско-пакистанский конфликт был прекращен. В этом сыграли большую роль усилия миролюбивых стран, в первую очередь СССР. В январе 1966 г. была подписана Ташкентская декларация. В августе 1972 г. на индийско-пакистанских переговорах в Дели была установлена линия контроля в Кашмире взамен прежней линии прекращения огня.

гапы ДРВ и развернули против нее широкие наступательные операции. Народно-демократическая власть успешно руководила борьбой против интервентов.

В обстановке усиления национально-освободительного движения английские правящие круги предпочли вывести свои войска из Южного Вьетнама и в конце января 1946 г. передали «полномочия» французским колонизаторам.

Французские колонизаторы не захотели примириться с утратой колоний в Индокитае. Сформировав к концу 1945 г. экспедиционный корпус силой до 35 тыс. человек, французское командование оккупировало территорию Южного Вьетнама. Не имея в то время достаточных возможностей для продолжения наступления, колонизаторы пытались создать на юге Вьетнама плацдарм для подготовки наступления на север страны.

Временное правительство ДРВ, не идя на столкновение с превосходящими силами колонизаторов, стремилось обеспечить стране необходимую стабилизацию. Поэтому оно считало возможным в сложившейся обстановке согласиться на включение страны в состав Французского союза, признание интересов Франции в области экономики и культуры во Вьетнаме, дать согласие и на некоторые другие уступки. Тем самым ДРВ продемонстрировала стремление избежать кровопролития.

Одновременно в стране укреплялась новая, народная власть, шла подготовка к отражению возможного нападения колонизаторов. В результате проведенных в январе 1946 г. выборов в Национальное собрание победу одержал фронт Вьет-Мин. В марте 1946 г. Национальное собрание сформировало правительство ДРВ, которое возглавил президент Хо Ши Мин.

Опираясь на новые органы власти, пришедшие на смену прежней феодально-помещичьей и коллаборационистской администрации, правительство ДРВ осуществило ряд социально-экономических преобразований в интересах широких масс трудящихся.

Попытки прежних колонизаторов восстановить свое былое владычество во Вьетнаме встречали в самой Франции сопротивление левых сил, возглавляемых коммунистами.

6 марта в Ханое правительство Франции подписало с ДРВ соглашение, по которому признавало Вьетнам свободным государством, имеющим свой парламент, правительство, армию, финансы. Согласно условиям соглашения ДРВ вошла в состав Французского союза. Совместно с Лаосом и Камбоджей ДРВ образовала так называемую Индокитайскую федерацию. Что касается судьбы частично оккупированного Южного Вьетнама, то французская сторона согласилась на проведение всенародного референдума и обязалась признать его решения по этому вопросу. Специальные протоколы к соглашению определяли зада-

чи разоружения японских войск совместно французскими и вьетнамскими силами, ограничивали размеры контингента французского экспедиционного корпуса (15 тыс. человек), устанавливали сроки его вывода после эвакуации японских войск. В соглашении отмечалось, что правительства Франции и ДРВ дополнительно проведут обсуждение вопросов, касающихся внешних отношений ДРВ, частной французской собственности и некоторых других спорных проблем. Соглашения обеспечили ДРВ необходимую мирную передышку, которая давала возможность укрепить обороноспособность страны.

В нарушение соглашения от 6 марта французские империалисты пытались расчленить ДРВ, отторгнуть часть ее территории и создать марионеточные «государства». Одновременно с франко-вьетнамской конференцией, происходившей в Фонтенбло в июле 1946 г., французские колонизаторы созвали в Далате «федеральную конференцию» своих марионеток. Эти неблаговидные маневры привели к срыву франко-вьетнамских переговоров в Фонтенбло. Но в результате упорной дипломатической борьбы ДРВ удалось добиться новых уступок со стороны Франции. 14 сентября 1946 г. в Париже президент Хо Ши Мин и министр по делам заморских территорий Франции Мариус Мутэ подписали вьетнамско-французский «модус вивенди», подтвердивший соглашение от 6 марта и продливший мирную передышку до января 1947 г., когда предполагалось возобновить переговоры.

30 ноября 1946 г. постоянный комитет Национального собрания ДРВ призвал парламент Франции содействовать решению конфликта мирными средствами. В декабре 1946 г. президент ДРВ Хо Ши Мин в обращениях к французскому парламенту, а также к премьер-министру Франции Ж. Бидо подтвердил, что правительство ДРВ стремится к сотрудничеству с французским народом.

Однако в ответ на мирные усилия ДРВ французские воинские части участили вооруженные провокации против республики. 19 декабря они развязали новую агрессию против ДРВ.

Вьетнамский народ поднялся на антиколониальную общенациональную войну Сопротивления. Его борьба получила поддержку трудящихся Франции и прогрессивных сил всего мира.

Развязанная французскими колонизаторами агрессия против ДРВ явилась частью послевоенной борьбы мирового империализма против освободительного движения в Южной и Юго-Восточной Азии.

В этой обстановке 22 декабря 1946 г. ЦК Компартии Индокитая принял постановление «О всенародной войне Сопротивления», которое призывало к единству для отпора захватчикам во имя независимости страны, к союзу с французскими патриота-

ми, к сплоченности с народами Лаоса и Камбоджи, дружбе со всеми миролюбивыми народами.

Кровопролитные сражения шли за каждый город, каждый населенный пункт. Оккупанты продвигались в глубь территории ДРВ медленно, неся большие потери. В то же время в стране шла перестройка всей жизни на военный лад. Эвакуировались и рассредоточивались центральные органы власти, политические и общественные организации. В сельской местности налаживалось военное производство, создавались опорные пункты. Совершенствовались вооруженные силы республики.

Одновременно с активным сопротивлением колонизаторам правительство ДРВ продолжало предпринимать усилия, направленные к прекращению военных действий. 21 декабря 1946 г. Хо Ши Мин в обращении к народам Вьетнама, Франции и союзных стран подтвердил готовность к урегулированию конфликта. В предложениях правительства ДРВ, изложенных Франции 31 декабря 1946 г., содержался призыв к одновременному двустороннему прекращению огня и началу переговоров.

В связи с заявлением во французском парламенте министра по делам заморских территорий М. Мутэ о намерении совершить поездку во Вьетнам с «миссией мира» правительство ДРВ подтвердило предложение о необходимости проведения мирных переговоров. Однако в период пребывания во Вьетнаме Мутэ уклонился от встречи с представителем ДРВ, продемонстрировав свою полную поддержку южновьетнамским марионеточным сепаратистским элементам. Остались без ответа и все последующие в 1946—1947 гг. призывы ДРВ к достижению мира. Французская реакция продолжала наращивать численность экспедиционного корпуса и расширять фронт интервенции во Вьетнаме.

Депутаты-коммунисты во французском парламенте последовательно выступали с требованиями прекратить «грязную войну» во Вьетнаме, остановить ее финансирование и провести переговоры с ДРВ о восстановлении мира. Международная демократическая общественность решительно стала на сторону справедливой борьбы вьетнамского народа. На международном форуме в Дели в 1947 г., где собрались представители возрождающихся стран Азии, была принята резолюция в поддержку освободительной борьбы вьетнамского народа.

В ответ на новое предложение ДРВ немедленно прекратить военные действия и приступить к мирному урегулированию французские власти предъявили через своего представителя ультиматум о сдаче оружия и предоставлении частям экспедиционного корпуса права свободного перемещения по всей территории Вьетнама.

В то же время французские милитаристы всячески старались гальванизировать деятельность группировок буржуазно-поме-

щичьих политиканов, сколотить разного рода организации сепаратистов, автономистов и других марионеток.

Эти и другие группировки коллаборационистов явились опорой колонизаторов в их попытках создать марионеточный режим во Вьетнаме. Закулисная деятельность французских и американских внешнеполитических служб сконцентрировалась вокруг искусственно создаваемого режима Бао Дая, к которому примкнули различные реакционные группировки мелких буржуазно-помещичьих и феодальных кругов. В августе 1947 г. американский посол по особым поручениям У. Буллит имел в Гонконге встречу с Бао Даем, которому обещал помощь со стороны США.

Правящие круги Франции с опасением смотрели на эти заигрывания американцев с вьетнамскими марионетками и не спешили удовлетворить настойчивые просьбы Бао Дая о признании «независимости» Вьетнама под его управлением.

Наряду с попытками посеять семена раздора и внутренних распрей во Вьетнаме французские колонизаторы возобновили наступление против ДРВ. В октябре 1947 г. они предприняли попытку овладеть руководящим центром сопротивления в районе Вьетбака. Колонизаторы бросили в эту операцию вооруженные силы, насчитывавшие до 12 тыс. человек. Ответные удары вьетнамских патриотов сорвали замыслы колонизаторов. Как отмечалось в решении пленума ЦК Партии трудящихся Вьетнама в январе 1948 г., «военная кампания во Вьетбаке принесла для длительной войны Сопротивления нашего народа огромные изменения. Она позволила нам перейти к этапу активного сопротивления, ко второму этапу войны» [1].

Борьба вьетнамского народа пользовалась симпатиями и сочувствием всех прогрессивных сил мира. В 1950 г. Советский Союз и другие социалистические страны официально признали ДРВ в качестве суверенного государства и установили с ним дипломатические отношения.

Перейдя осенью 1950 г. в наступление, Народно-освободительная армия изгнала войска колонизаторов из северных районов страны. После нескольких месяцев тяжелых боев в мае 1954 г. вьетнамские патриоты одержали важную победу в районе крупного укрепленного пункта Дьенбьенфу.

Правящие круги Франции вынуждены были пойти на подписание в июле 1954 г. Женевских соглашений по урегулированию в Индокитае.

---

[1] Краткая история Партии трудящихся Вьетнама. М., 1971, стр. 56.

4. Маневры империалистов на Ближнем и Среднем Востоке, их попытки помешать росту освободительной борьбы арабских народов

После второй мировой войны национально-освободительное движение в странах Ближнего и Среднего Востока поднялось на новую ступень, значительно выросло национальное самосознание народов. Этот период можно охарактеризовать как начало заката эры господства империалистических государств, в столицах которых на протяжении десятков лет решались судьбы народов этого района.

Решительное выступление египетского народа в 1946—1947 гг. за отмену кабального англо-египетского договора 1936 г., за эвакуацию английских войск, за независимость страны явилось прологом к событиям 50-х годов, приведшим к освобождению Египта, становлению его на путь самостоятельного развития.

Мощное народное движение в Ираке сорвало попытки Англии навязать этому государству новый неравноправный договор. В результате упорной борьбы народы Сирии и Ливана добились вывода со своих территорий французских и английских войск, чему в немалой степени способствовала поддержка Советского Союза.

Важнейшее стратегическое значение этого района, расположенного на стыке трех континентов, проходящие через него крупнейшие морские, сухопутные и воздушные коммуникации, запасы нефти, которые в начале 50-х годов составляли 60% всех разведанных запасов капиталистического мира [1],— все это определяет повышенный «интерес» империалистических держав к странам Ближнего и Среднего Востока.

Англо-американские противоречия на Ближнем и Среднем Востоке

В результате разгрома фашистского блока во второй мировой войне на Ближнем Востоке утратили позиции две наиболее агрессивные державы — Германия и Италия. Мировая война привела к серьезному ослаблению позиций Франции, которая после вынужденного вывода своих войск из Сирии и Ливана в 1946 г. в значительной мере утратила свое былое положение на Ближнем Востоке, хотя и сохраняла колонии в Северной Африке.

Что же касается Англии, то даже после отказа от мандатов на Трансиорданию (1946 г.) и Палестину (1947 г.) она сохра-

---

[1] К 1950 г. Ближний Восток уже более чем на 50% удовлетворял потребности Западной Европы в нефти.

пяла на Ближнем Востоке значительные военные позиции. Британские войска в Персидском заливе, в Ливии, Адене, на Кипре, Мальте, военные базы в Иордании, в Ираке, военная миссия в Саудовской Аравии, наряду с договорами «о союзе» с Египтом, Ираком и Иорданией, казалось, гарантировали незыблемость имперских коммуникаций и надежную прочность английского господства. Однако колониальная империя рушилась, а отчаянные попытки британских империалистов сохранить роль лидирующей империалистической державы на Ближнем Востоке терпели одну неудачу за другой. Проваливаются их планы создать региональные группировки государств под своим контролем. Из-за мощного народного движения за свободу и независимость оказываются нежизнеспособными проекты навязывания Египту и Ираку договоров о «совместной обороне».

Англия уже не в состоянии своими силами справиться с национально-освободительным движением, и британской буржуазии все чаще приходится признавать, что «материальные ресурсы, которые необходимы для укрепления базиса некоммунистических правительств на Среднем Востоке, могут исходить только, в основе своей, от Соединенных Штатов... что новой отправной точкой британских интересов на Среднем Востоке должно быть тесное англо-американское взаимопонимание» [1], что «к 1949 году косвенное влияние США уже намного превосходит прямое влияние англичан» [2].

США после второй мировой войны усиленно стремились укрепить свои позиции в этом районе. Американский империализм, с одной стороны, поддерживал ослабевшего английского партнера, используя британскую армию и британский колониальный аппарат как полицейскую силу против арабских освободительных движений, с другой стороны, активно расширял свою экономическую экспансию, захватывая одну позицию за другой. Это, естественно, обостряло внутриимпериалистические противоречия.

Для того чтобы оправдать экспансию США в этом районе земного шара, американские идеологи взяли на вооружение доктрину «вакуума» [3]. По их мнению, «уход иностранных держав из политически незрелых стран создает нечто вроде вакуума, который должен быть заполнен для достижения социальной стабильности и экономического прогресса... США идеально подходят для этой роли» [4].

---

[1] «Economist», July 16. 1949.
[2] *J. Kimche.* Seven Fallen Pillars, London, 1950, p. 308.
[3] *G. Stevens.* The United States and the Middle East, p. 2.
[4] *R. Mikesell, H. Chenery.* Arabian Oil America's Stake in the Middle East, 1949, p. 108—109.

В 1945 г. американские компании на Среднем Востоке добывали 2,5 млн. *т* нефти, английские и голландские — в семь раз больше. В 1949 г. картина была уже иной: американцы выкачали в этом районе почти 40 млн. *т*, оставив позади англичан [1].

Американские компании приобрели четвертую часть акций «Ирак Петролеум компани», все концессии на Бахрейне, в Саудовской Аравии, половину концессии в Кувейте [2], стали закупать 40% нефти, добываемой англо-иранской компанией.

В 1950 г. на Ближнем Востоке было добыто 86,6 млн. *т* нефти, что составило 16,8% всей мировой нефтедобычи (518 млн. *т*) [3].

Исключительно благоприятные условия [4], беспощадная эксплуатация арабских рабочих, занятых на нефтепромыслах, и монопольно высокие цены на нефть приносили империалистическим нефтяным компаниям баснословные прибыли. Себестоимость тонны нефти была в Саудовской Аравии в 8 раз, в Ираке почти в 10 раз, в Кувейте более чем в 20 раз ниже, чем в США.

Важнейшим средством, при помощи которого английскому капиталу в течение многих лет удавалось нейтрализовать крупнейшие американские монополии, имевшие наибольшие финансовые и технические возможности для развития добычи нефти в этом районе, было соглашение о «красной черте», т. е. о разделе сфер влияния. Оно препятствовало самостоятельным действиям монополий США фактически на всей территории Ближнего Востока. В октябре 1946 г. американские представители объявили, что считают групповое соглашение о «красной черте» недействительным.

Англо-американское нефтяное соглашение, подписанное 24 сентября 1945 г. и предусматривавшее принцип равных возможностей в приобретении концессий, равного распределения нефти, практически игнорировалось сенатом США, ибо американские монополии полагали, что «соглашение является попыткой со стороны более слабых англичан сдержать агрессивные устремления американцев» [5]. Стремления английских монопо-

---

[1] *J. Kimche.* Seven Fallen Pillars, p. 78.

[2] *Shwadran.* The Middle East Oil and the Great Powers. New York, 1955, p. 443.

[3] Ibid., p. 436.

[4] Средняя продуктивность одной скважины на Ближнем Востоке была почти в 40 раз больше, чем в США. (*R. Mikesell, H. Chenery.* Arabian Oil America's Stake in the Middle East, p. 20).

[5] *E. Lengyel.* World without End. The Middle East. New York, 1953, p. 335.

лий как-то ограничить проникновение более сильного соперника в район, некогда бывший безраздельной сферой их влияния, не имели успеха.

Важной победой монополий США в их конкурентной борьбе с английскими компаниями явилось завершение в 1950 г. строительства трансаравийского нефтепровода протяженностью свыше 1500 *км* (Саудовская Аравия, Иордания, Сирия, Ливан с выходом к порту Сайда). Нефтепровод был проложен, несмотря на все попытки английских монополий, инспирировавших для этой цели даже политические перевороты в Сирии, помешать его строительству.

Стремясь любыми средствами приостановить дальнейшее наступление нефтяных монополий США, Англия провозгласила в конце 1949 г. двухлетний план замещения на рынках стран стерлингового блока «долларовой нефти» (т. е. нефти, добываемой американскими монополиями), «нефтью стерлинговой» (т. е. добываемой английскими компаниями). Другими словами, английское правительство решило не допускать на рынки, контролируемые Англией, американскую нефть. Для американских нефтяных монополий, действовавших на Ближнем и Среднем Востоке, создались серьезные затруднения. Правительство США заявило правительству Англии официальный протест.

Однако, несмотря на усиливавшееся соперничество в борьбе за обладание ближневосточной нефтью, обе империалистические державы выступали единым фронтом там, где речь шла об угрозе их общим интересам со стороны национально-освободительного движения народов.

Американские монополии, проникая в страны Ближнего и Среднего Востока, вытесняли английских колонизаторов с завоеванных ими ранее позиций. Экономическое превосходство США позволяло им навязывать промышленно слаборазвитым странам экономическую и техническую «помощь», займы, экономические соглашения и договоры на таких кабальных условиях, которые позволяли американским монополистам устанавливать контроль над этими странами.

Экономическое проникновение США в Турцию, Саудовскую Аравию, Иран, Египет, Сирию, Ливан, Трансиорданию и другие страны сопровождалось засылкой большого количества различных миссий, советников, инструкторов, которые всячески способствовали укреплению позиций американского империализма в этих государствах.

Доля США в импорте стран Ближнего Востока к концу 40-х годов увеличилась более чем в 2,5 раза по сравнению с довоенным периодом. В начале 50-х годов США уже оттеснили Англию с позиций главного импортера ряда арабских стран.

Были заключены выгодные для США торговые соглашения с Египтом, Сирией, Ливаном, Ираном, Турцией, Ираком и другими странами. Особенно укрепились позиции США в Саудовской Аравии, Иране и Турции.

Жалоба Сирии и Ливана в Совет Безопасности

В послевоенный период резко обострились противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами. Усилилось национально-освободительное движение народов арабских стран, которое по сравнению с довоенным этапом приобрело более мощный размах и организованный характер. Народы Сирии и Ливана продолжали борьбу за осуществление независимости, не только обещанной им, но и провозглашенной [1]. Однако Англия и Франция не торопились с выводом своих войск из стран Леванта. Франция рассчитывала сначала навязать Сирии и Ливану договоры, гарантирующие ей привилегированное положение, «особые интересы и права».

В апреле 1945 г. Франция направила Сирии и Ливану свои предложения относительно будущих договоров. Стремясь «укрепить свои позиции» на предстоящих переговорах, 4 мая французские власти самовольно, без уведомления правительств Сирии и Ливана перебросили в Бейрут дополнительные войска.

Правительства Сирии и Ливана заявили Франции протест и потребовали прекратить дальнейшую посылку французских войск. В ответ на эти демарши 18 мая в Бейруте высадились новые воинские части. В Сирии и Ливане началось мощное народное движение протеста с требованием вывода с их территорий иностранных вооруженных сил.

19 мая правительства двух стран на совместной конференции приняли решение прервать переговоры с Францией, возложив на нее ответственность за все последствия.

После разрыва переговоров французские власти прибегли к открытому применению вооруженной силы. Французские войска обстреляли столицу Сирии Дамаск из артиллерийских орудий и с самолетов.

Империалистические действия встретили решительное осуждение со стороны мирового прогрессивного общественного мнения.

Правительство Советского Союза обратилось со специальным заявлением к великим державам, в котором выразило свое

[1] В сентябре 1941 г. генерал Катру от имени Франции формально провозгласил независимость Сирии и Ливана. Гарантии независимости стран Леванта были подтверждены и Англией. СССР признал независимость Сирии и Ливана и установил с ними в 1944 г. дипломатические отношения. Однако в обеих странах продолжали находиться французские и английские войска и французские власти.

беспокойство в связи с акциями французских войск и предложило принять «срочные меры к тому, чтобы прекратить военные действия в Сирии и Ливане и уладить возникший конфликт мирным порядком» [1].

Используя затруднительное положение Франции, Англия, имевшая в Сирии и Ливане войска, по численности превосходящие французские, решила вмешаться в конфликт, с тем чтобы вытеснить из этого района своих конкурентов и попытаться втянуть его в орбиту своего влияния. Черчилль потребовал от Франции не только прекратить огонь, но и передать французские войска в Леванте британскому командованию. Англия взяла в свои руки «ответственность» за поддержание порядка в Сирии: французские гарнизоны были выведены из ряда районов Сирии и заменены английскими.

Несмотря на серьезные противоречия между Англией и Францией [2], в декабре 1945 г. они сумели договориться между собой за счет интересов Сирии и Ливана. В этом соглашении, выработанном без консультации с другими правительствами, Англия и Франция заявили о своем намерении провести постепенную эвакуацию войск только из Сирии, но сохранить в Ливане «вооруженные силы, достаточные для обеспечения безопасности до того времени, пока коллективная безопасность в этой зоне не будет организована в соответствии с решением ООН» [3]. Смысл этой оговорки сводился к тому, чтобы продлить пребывание иностранных войск в Ливане на неопределенное время.

Хотя, натолкнувшись на серьезное сопротивление народов Сирии и Ливана и встретив осуждение со стороны мировой общественности, империалисты вынуждены были отступить, тем не менее, всячески маневрируя, они пытались сохранить свои позиции в Леванте, объединив усилия в борьбе против нарастающего национально-освободительного движения.

Англо-французское соглашение вызвало взрыв негодования в Сирии и Ливане. Волна забастовок и демонстраций прокатилась по сирийским и ливанским городам. В парламенты обеих стран, в правительственные учреждения, в редакции газет поступали тысячи петиций и телеграмм с требованием к правительствам Сирии и Ливана бороться против англо-французского соглашения [4].

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 269.

[2] Де Голль в одном из своих заявлений в резкой форме обвинил англичан в подстрекательстве к беспорядкам, в стремлении вытеснить Францию с ее позиций.

[3] «Times», 22. XII. 1945.

[4] «Очерки по истории арабских стран». М., 1959, стр. 209.

В этих условиях правительства Сирии и Ливана решили передать вопрос на рассмотрение Совета Безопасности, требуя от него принять решение о немедленном выводе английских и французских войск из стран Леванта.

При обсуждении в феврале 1946 г. в Совете Безопасности этого вопроса Советский Союз занял твердую и принципиальную позицию, решительно выступив в защиту прав сирийского и ливанского народов. Советский представитель потребовал, чтобы «было вынесено решение Совета Безопасности об общей немедленной и одновременной эвакуации французских и британских войск из Сирии и Ливана» [1].

Из-за противодействия Англии, Франции и США сирийско-ливанский вопрос не был решен Советом Безопасности. Тем не менее его обсуждение вышло далеко за рамки частной проблемы, касавшейся лишь взаимоотношений Англии и Франции с Сирией и Ливаном. Оно показало, что западные государства, несмотря на все противоречия, готовы объединиться и выступить вместе тогда, когда речь идет о подавлении борьбы народов за свою свободу и независимость.

Характерно, что США внесли проект резолюции, в котором говорилось, что «иностранные войска в Сирии и Ливане будут отведены так скоро, как это окажется осуществимым» [2].

Такая позиция западных держав еще раз разоблачила в глазах всего мира попытки международного империализма всеми силами сохранить свое господство, воспрепятствовать свободному и независимому развитию колониальных стран и народов.

На заседании ливанского парламента депутат Жорж Акл заявил: «Нам стало совершенно ясно, что при разборе нашего вопроса в Совете Безопасности государства разделились на два лагеря: один из них был на нашей стороне, тогда как другой занимал противоположную позицию. Во главе первого лагеря стоял Советский Союз, который защищал национальный вопрос смело, мужественно, открыто. Мы сами не сумели бы лучше защищать наши интересы, чем сделал это Советский Союз» [3].

Непрекращающаяся борьба народов Сирии и Ливана, протесты мировой общественности, ход обсуждения сирийско-ливанского вопроса в Совете Безопасности, поддержка Советским Союзом справедливых требований арабских народов привели к тому, что колонизаторы в конце концов были вынуждены заявить о выводе своих войск из стран Леванта.

---

[1] «Известия», 17 февраля 1946 г.

[2] СССР применил при голосовании этой резолюции право вето, и она не была принята.

[3] *В. Б. Луцкий.* Проблема Сирии и Ливана. М., 1946, стр. 28.

В марте 1946 г. в Париже были заключены соглашения, в силу которых иностранные войска должны были покинуть Сирию и Ливан к концу 1946 г.[1]

Англо-египетский конфликт

В условиях новой международной и внутренней обстановки, сложившейся в Египте после второй мировой войны, египетские народные массы — рабочие, крестьяне, передовая интеллигенция, а также часть патриотически настроенной буржуазии — выступили с требованиями пересмотра кабального договора, навязанного Англией в 1936 г., и скорейшего вывода английских войск из долины Нила (т. е. из Египта и Судана).

Египетский премьер-министр Нукраши-паша, лидер партии «Саад», хотя и склонялся к компромиссу с Англией, но под влиянием растущего антиимпериалистического движения был вынужден 20 декабря 1945 г. направить лейбористскому правительству ноту с предложением начать переговоры о пересмотре договора 1936 г. как «устаревшего» и «несовместимого» с принципами ООН.

В ноте отмечалось, что договор 1936 г. был заключен в определенной международной обстановке и что Египет пошел на его заключение под давлением факторов, связанных с угрозой войны. В ноте подчеркивалось, что Египет, соглашаясь на ограничение своей независимости, исходил из того, что договор носит временный характер и что ограничения должны исчезнуть вместе с условиями, их породившими. Далее указывалось, что после второй мировой войны сложилась новая международная обстановка и присутствие иностранных войск в Египте затрагивает национальное достоинство его населения. В связи с этим созрела необходимость для пересмотра договора [2].

Эта составленная в весьма умеренном тоне нота выдавала истинные цели кабинета Нукраши-паши, представлявшего интересы крупной буржуазии и помещиков,— сохранить «союз и дружбу» с Англией, несколько изменив условия договора. Газета «Аль-Ахрам» в январе 1946 г. писала по этому поводу: «Нукраши-паша решил следовать тактике миндальничания с британским министерством иностранных дел в связи с нынешней деликатной позицией Англии. Кое-кто его даже упрекал за это, доказывая вред миндальничания в политике. Однако упрек не изменил тактики премьер-министра, состоящей в обмене мнениями и любезностями».

В полученной через месяц ответной ноте Англии говорилось, что «основные принципы, на которых зиждется договор 1936 г.,

[1] День эвакуации иностранных войск из Сирии — 17 апреля 1946 г. с тех пор ежегодно отмечается как национальный праздник.

[2] «Diplomacy in the Near and Middle East», vol. II. Documentary Record 1914—1956, p. 259.

являются правильными в самом существе»[1]. При этом Англия все же соглашалась начать предварительные переговоры по пересмотру договора.

Однако, прежде чем приступить к переговорам, Англия добилась замены Нукраши-паши на посту премьера своим прямым ставленником, ненавистным народу Сидки-пашой, чтобы обеспечить разрешение англо-египетского конфликта в интересах британского империализма.

Весной 1946 г. начались официальные переговоры о пересмотре договора 1936 г. На словах новый премьер-министр добивался «удовлетворения» национальных требований Египта. На деле же был готов подписать любой продиктованный Англией текст договора, лишь бы он содержал формулировки, маскирующие его неравноправный для Египта характер. Правительство Эттли — Бевина поставило главной задачей добиться заключения с Египтом такого нового соглашения, которое в завуалированной форме позволило бы сохранить позиции Великобритании в Египте. Английская делегация выдвинула следующие условия:

образование «совместного» англо-египетского, а по существу, полностью контролируемого Англией «Совета обороны Египта и Суэцкого канала», наделенного широкими правами и имеющего возможность вмешиваться во внутренние дела Египта;

использование египетских войск в интересах британского империализма в военных действиях за пределами Египта.

При выполнении этих условий Англия соглашалась на эвакуацию своих войск из Египта в 3-летний срок[2].

Английские требования повторяли и даже ухудшали для Египта условия договора 1936 г. Движение за разрыв унизительных переговоров и передачу рассмотрения конфликта в ООН достигло такого размаха, что в октябре 1946 г. Сидки-паша ввел в стране чрезвычайное положение. 25 октября 1946 г. в Лондоне было подписано англо-египетское соглашение. Это вызвало взрыв возмущения в Египте, по всей стране прокатилась волна демонстраций протеста. Народ сорвал ратификацию договора Сидки — Бевина. Сидки-паша был вынужден уйти в отставку.

Новое правительство Нукраши-паши продолжило переговоры с Англией. Они тянулись в течение 10 месяцев — с марта 1946 г. по январь 1947 г. Правительство Египта, хотя и понимало их бесплодность, отказывалось выполнить требование своего народа прекратить переговоры и передать этот вопрос

[1] «Diplomacy in the Near and Middle East», vol. II, p. 261.

[2] См. *Б. Г. Сейранян.* Египет в борьбе за независимость. 1945—1952. М., 1970, стр. 114—115.

на обсуждение Совета Безопасности. Кабинет Нукраши-паши рассчитывал добиться от англичан незначительных уступок, что позволило бы успокоить общественное мнение Египта и сохранить «дружественные» отношения с Англией.

В этот период на египетское правительство усилилось давление империалистических кругов США. Американские планы закабаления Египта нашли поддержку в тех египетских правящих кругах, которые установили тесные связи с влиятельными финансовыми кругами США [1]. Наряду с экономическим усиливалось и политическое проникновение США в Египет. Американские дипломаты предпринимают попытки для активного вмешательства в англо-египетский конфликт. Действуя через многочисленных представителей, они «советуют» не обострять конфликт с Англией и отказаться от решения передать вопрос о пересмотре договора 1936 г. на рассмотрение ООН. Несомненно, определенные круги США стремились воспользоваться англо-египетским конфликтом, чтобы вытеснить Англию. Однако прежде всего их беспокоило то, что дискуссия в ООН может способствовать ослаблению позиций капиталистических стран, в том числе и США, и укреплению национально-освободительных движений. Не случайно поэтому в марте 1947 г. государственный департамент выдвинул предложения об участии США в англо-египетском споре в качестве посредника [2]. Более того, США были в определенной степени заинтересованы в сохранении английских войск в Египте. Пытаясь удержать Египет в орбите англо-американского блока, они стремились использовать английскую военную силу в качестве стража империалистических, в том числе и американских, интересов в этом районе.

Попытки тайного сговора с английскими представителями не имели успеха, и под давлением растущего народного движения Нукраши-паша оказался вынужденным в июле 1947 г. обратиться в ООН с просьбой разрешить англо-египетский конфликт [3]. В письме Нукраши, направленном генеральному секретарю ООН, говорилось, что «английские войска находятся на

[1] Например, в меморандуме экономического департамента египетского МИДа, подготовленном для министра иностранных дел в связи с англо-египетскими переговорами, говорилось: «Абсолютно необходимо избегать такого договора, который мог бы отдалить от нас американцев и который привяжет нас к нестабильной английской экономической политике» (*J. Kimche*, Seven Fallen Pillars, p. 319).

[2] Политика США на Арабском Востоке. М., 1961, стр. 39.

[3] Требования, изложенные в обращении Египта в ООН, связанные с пересмотром кабального договора, навязанного Англией Египту в 1936 г., были выдвинуты еще в 1942 г. вафдистским лидером Нахасом-пашой, затем в 1945 г. кабинетом Ахмед Махера. В обоих случаях англичане уклонились от ответа и предлагали перенести рассмотрение этого вопроса на время после окончания войны.

территории Египта против воли египетского народа. Присутствие иностранных войск на территории страны — члена ООН в мирное время без его выраженного согласия представляет собой оскорбление его достоинства, препятствует его моральному развитию и нарушает основные принципы суверенного равенства членов ООН. Следовательно, оно противоречит букве и духу Устава ООН». Премьер-министр просил Совет Безопасности принять решение о немедленной и полной эвакуации английских войск из Египта и Судана и о ликвидации англо-египетского кондоминиума в Судане [1].

Дискуссия по египетскому вопросу в Совете Безопасности продолжалась более месяца (10 заседаний).

Выступивший в ходе обсуждения Нукраши-паша вновь заявил, что эвакуация английских войск и отмена договора 1936 г. является настоятельной необходимостью, этого требуют все социальные слои Египта. Союз, который хотят нам навязать англичане,— говорил египетский премьер,— является не чем иным, как формой колониального господства Англии над Египтом. Англичане не хотят равноправного союза. «Они просто хотят обеспечить подчинение Египта своим имперским целям. На историческом фоне англо-египетских отношений союз этого рода является только новой формой подчинения. Он служит прикрытием отношений, которые являются неравноправными и недостойными. Он привязывает Египет к английской экономике. Он подчиняет Египет капризам английской дипломатии. Он заключает Египет в орбиту английской имперской власти. Как свободная нация, Египет не может терпеть такие неравноправные отношения...» [2]

Англия всячески пыталась свернуть дискуссию в Совете Безопасности. Ее представитель Кадоган утверждал, что «заявление Египта лишено всяких оснований. Египет не имеет никакого права требовать проведения переговоров по пересмотру этого договора... Договор 1936 г., юридический срок которого истекает в 1956 г., является действительным, и он не представляет никакой угрозы международному миру...» [3]. Более того, Кадоган, пытаясь оправдать действия английских колонизаторов, утверждал, что договор 1936 г. чуть ли не единодушно приветствовался в Египте [4].

США с самого начала дискуссии поддержали Великобританию и выступили за то, чтобы Совет Безопасности подтолкнул обе стороны к возобновлению переговоров.

---

[1] См. «Правда», 13 июля 1947 г.

[2] Цит. по: *В. Б. Луцкий.* Англо-египетский конфликт перед Советом Безопасности. М., 1947, стр. 25.

[3] *G. Lenczowsky.* The Middle East in World Affairs, 1953, p. 427.

[4] «Great Britain and Egypt 1914—1951. Information Papers», p. 102.

В духе этого предложения и был составлен проект резолюции, внесенный на рассмотрение Совета Безопасности представителем Бразилии и поддержанный Англией, США, Францией, Бельгией и другими капиталистическими странами. Проект рекомендовал обеим сторонам возобновить прямые переговоры, а в случае их провала искать решения спора другими мирными средствами [1].

Законное требование Египта о выводе оккупационных войск было поддержано в Совете Безопасности только Советским Союзом, Польшей и Сирией. Позиция СССР при обсуждении англо-египетского конфликта является примером принципиального, интернационалистского подхода к решению международных споров. Она подтвердила постоянное стремление СССР поддержать право народов на независимое и свободное существование.

Советский представитель А. А. Громыко, выступая в прениях, заявил: «Народ Египта считает, что дальнейшее пребывание иностранных войск на его территории несовместимо с его национальными интересами как суверенного государства и принципами Объединенных Наций... Советский Союз относится с пониманием и сочувствием к этим национальным устремлениям Египта и его народа к независимому существованию на основе суверенного равенства с другими народами. Законность этих требований Египта невозможно оспаривать, если мы будем руководствоваться высокими принципами Объединенных Наций. Не считаться с таким законным требованием — это значит действовать вопреки этим принципам, требующим уважения и ограждения независимости государств» [2].

Советский представитель подчеркнул, что договор 1936 г. находится в противоречии с Уставом ООН и требование Египта об эвакуации английских войск является обоснованным, именно поэтому делегация СССР поддерживает это требование.

А. А. Громыко подверг резкой критике проект бразильской резолюции, указав, что «ее принятие означало бы, что Совет Безопасности самоустраняется от решения этого важного вопроса». Несмотря на все попытки представителей Англии и США, резолюция не получила необходимого числа голосов. Представленные затем делегатом Колумбии и гоминьдановцем проекты мало чем отличались от бразильского и также были отвергнуты. Совет Безопасности так и не принял никакого решения об англо-египетском конфликте. Обсуждение вопроса было отложено на неопределенное время. Оно наглядно продемонстрировало колонизаторские устремления империалистиче-

[1] «Survey of International Affairs. The Middle East 1945—1950», p. 134.
[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. II. М., 1952, стр. 366.

ских держав. Единственной страной среди пяти постоянных членов Совета Безопасности, поддержавшей законные требования Египта, был Советский Союз.

Египетский народ продолжал вести борьбу за свою независимость, за аннулирование неравноправного договора 1936 г. и вывод из страны английских войск.

Образование Лиги арабских государств. Попытки правящих кругов Англии создать на Ближнем Востоке проимпериалистические блоки под своей гегемонией

В послевоенный период важным фактором международных отношений на Ближнем Востоке стало стремление арабских народов к укреплению своего единства. Это нашло свое отражение, в частности, в создании в 1945 г. Лиги арабских государств, устав которой был принят в Каире 22 марта 1945 г. Египтом, Ираком, Сирией, Ливаном, Иорданией, Саудовской Аравией, а впоследствии и Йеменом. 10 мая 1945 г. он вступил в силу. В соответствии с уставом целью Лиги является «укрепление связей между государствами, участвующими в ней, выработка единой политической линии для осуществления сотрудничества между ними, защиты их независимости и суверенитета и вообще для рассмотрения дел в интересах арабских стран».

Лига в ряде случаев откликалась на жизненно важные вопросы развития Ближнего Востока и принимала резолюции, способствовавшие активизации национально-освободительного движения. Лига, в частности, выступала, хотя и не всегда последовательно, за вывод англо-французских войск из Сирии и Ливана[1], за отмену английского мандата на Палестину и образование независимого арабского государства.

В 1950 г. арабские государства — члены Лиги подписали пакт о совместной обороне, по которому агрессия против одного из ее членов рассматривалась как нападение на всех участников пакта. Многое было сделано для укрепления сотрудничества арабских стран в культурной и технической областях.

Эти положительные моменты деятельности Лиги арабских государств явились отражением объективной, настойчиво пробивавшей себе дорогу тенденции объединения усилий арабских народов в борьбе против господства колонизаторов за свою свободу и независимость. Вместе с тем в первые годы после второй мировой войны во главе ряда арабских стран находились реакционные правящие круги, в той или иной степени связанные с международным, прежде всего с английским, империализмом. Это обстоятельство не могло не наложить отпечатка на деятельность Лиги в условиях, когда английские колонизаторы

[1] «Единая позиция членов ЛАГ способствовала в мае — июне 1945 г. провалу попыток Франции навязать договоры о преференциях Сирии и Ливану» («Crisis in the Middle East». New York, 1952, p. 164).

стремились использовать тягу арабов к единству, их национальные чувства для осуществления своих корыстных планов. Британский империализм препятствовал созданию свободного союза арабских народов и хотел превратить Лигу в блок реакционных, зависимых от Англии правительств, в орудие своей политики борьбы с национально-освободительным движением. Это в ряде случаев сказалось на практической деятельности Лиги в первые годы ее существования; она слабо выступала против английского колониального гнета в арабских странах [1], в то же время под предлогом «борьбы с коммунизмом», используя подчас националистические лозунги, власти некоторых государств, входивших в Лигу, проводили кампании репрессий против арабских патриотов и демократов, последовательно боровшихся с колонизаторами и их пособниками, за свободу и независимость своих народов. Однако, как признают даже буржуазные авторы, «дальнейшая история Лиги свидетельствовала, что... подпадая под египетское влияние (мощное народное движение за отмену англо-египетского договора 1936 г. способствовало росту антианглийских настроений.— *Ред.*), Лига доставляла Англии больше затруднений, чем преимуществ» [2].

Не случайно поэтому правящие круги Англии не оставляли попыток создания разного рода проимпериалистических группировок и блоков на Ближнем Востоке, исходя из того, что разжигание противоречий и трений между государствами этого района облегчит им борьбу с национально-освободительным движением [3]. Искусственно оживляется англичанами выдвинутый задолго до этого их прямым ставленником Нури Саидом (премьер-министр Ирака) план союза стран «Благодатного полумесяца», который предусматривал объединение Сирии с Ливаном, Палестиной и Иорданией и установление федеративных связей этого нового государства с Ираком. Еще большее хождение получил план создания «Великой Сирии» в составе Сирии, Ливана, Иордании и части Палестины. На престол «Ве-

[1] Например, в 1945 г., когда французский империализм всеми силами старался закрепиться в Сирии и Ливане и вопреки своим прежним заявлениям начал перебрасывать в эти страны новые контингенты войск, Англия, воспользовавшись мощным народным выступлением, поспешила потребовать вывода французских войск из ряда районов и передать их под английское командование, т. е. пыталась использовать этот конфликт, чтобы занять в Сирии и Ливане преобладающее положение. Совет Лиги не только не потребовал вывода английских войск с территории Сирии и Ливана, но даже вынес благодарность Англии за ее позицию в сирийско-ливанском вопросе и поддержал предложение Черчилля о передаче этого вопроса на совместное обсуждение трех держав — Англии, Франции и США, предложение, которое не соответствовало интересам Сирии и Ливана.

[2] *G. Lenczowsky.* The Middle East in World Affairs, p. 515.

[3] «Economist», March 5, 1949, p. 422.

ликой Сирии» выдвигался король Иордании Абдаллах из династии Хашимитов [1], которого английские колонизаторы рассматривали как орудие осуществления своих планов. Предполагалось, что, получив трон «Великой Сирии», династия Хашимитов, правившая тогда и в Ираке, поставит весь этот район, в том числе Сирию и Ливан, под контроль Великобритании [2].

Эти планы встречали резкое недовольство со стороны Египта и Саудовской Аравии, опасавшихся усиления Хашимитов в арабском мире. Еще более решительное сопротивление вызывали они со стороны Сирии и Ливана, которые не желали терять свой суверенитет и республиканский режим [3].

Характеризуя эти происки империалистов, бейрутская газета «Саут аш-Шааб» писала в статье «Новые попытки деления арабских стран на враждебные блоки»: «Всякий раз, когда арабские страны начинают настойчиво выражать свои национальные требования в отношении своей свободы и независимости, появляются новые попытки посеять между ними разногласия. Эту вражду вызывают разного рода проекты в виде создания «Великой Сирии», «отделения Палестины», «присоединения Трансиордании к Ираку» и др., которые все без исключения ведут к ослаблению сотрудничества между арабскими странами, к созданию враждебных блоков, отвлекающих от основной задачи — борьбы за свободу и независимость и общее братское сотрудничество. Не случайно в настоящее время возобновляются стремления и попытки к возрождению этих проектов» [4].

Палестинский вопрос

Политика английского империализма, получившего в 1920 г. мандат на Палестину, заключалась в том, чтобы, разжигая арабо-еврейскую рознь, продлить свое господство над этой страной. Проводя свой традиционный курс «разделяй и властвуй», империалисты стремились провоцировать столкновения между арабами и евреями, отвлекая тем самым трудящееся население Палестины от борь-

---

[1] Абдаллах провозгласил создание «Великой Сирии» одной из главных целей своей внешней политики. «Нет ни великой, ни малой Сирии,— говорил он в интервью газете «Аль-Ахрам»,— есть единая страна, омываемая на западе морем, граничащая на севере с Турцией, на востоке с Ираном и на юге с Хиджазом, которая является Сирией» («Аль-Ахрам», 31 августа 1946 г.).

[2] Одной из главных задач всех этих проектируемых планов и проектов была борьба с так называемой «коммунистической опасностью», т. е., другими словами, их характерной чертой была антисоветская направленность и борьба против всех прогрессивных сил. Наиболее ярко это проявилось в появившемся в то время проекте «Восточного блока», в состав которого предполагалось включить государства Саадабадского пакта (Турцию, Иран, Ирак и Афганистан) и Арабской Лиги.

[3] *R. Frye.* «The Near East and the Great Powers», 1951, pp. 145, 151.

[4] Цит. по: *П. В. Милорадов.* Арабский Восток в международных отношениях. М., 1946, стр. 11—12.

бы за отмену режима мандата, за освобождение от колониального гнета. Англия видела в Палестине, как писал в 1946 г. лейбористский журнал «Лэйбор мансли», «стратегический центр, охватывающий Средний Восток и Суэцкий канал, с большой естественной гаванью Хайфа, а также выход для иракской нефти».

Принципы британской политики в отношении Палестины, сформулированные в «Белой книге» 1939 г., не удовлетворяли арабских националистов и в то же время вызывали недовольство сионистов. Начиная с 1945 г. наиболее реакционные представители сионистских кругов перешли к открытым актам насилия, создав террористические группы, такие, как «Иргун цвай Леуми» и «Штерн». Так, 2 июля 1946 г. в Иерусалиме террористы из числа воинствующих сионистских молодчиков организовали взрыв гостиницы «Кинг Дэвид», где находился штаб английских войск и главная резиденция мандатной администрации. В ночь с 31 октября на 1 ноября 1945 г. сионисты взорвали полотно железной дороги в 153 местах. В городе Лидда было совершено нападение на железнодорожное депо и предпринята попытка взорвать нефтеперегонный завод в Хайфе.

Жестоким нападениям сионистов подверглись также различные арабские организации и отдельные общественные и политические деятели. Характеризуя действия этих сионистских групп, английская администрация в 1947 г. в своем объяснении специальной комиссии ООН указывала: «С начала 1945 г. евреи, оказывая поддержку организованной кампании беззакония, убийств и саботажа, пытаются доказать, что, каковы бы ни были интересы других групп населения, ничто не должно стоять на пути образования еврейского государства и свободной иммиграции в Палестину» [1].

Действия сионистских террористических организаций фактически направлялись «еврейским агентством», хотя официально его руководители пытались от них открещиваться, выражали лицемерное сожаление и заявляли о том, что они якобы не могут им помешать.

Острота обстановки усиливалась вмешательством США в палестинский вопрос. С конца второй мировой войны США все более активно стали выступать в поддержку требований сионистов, стремясь использовать вопрос о создании еврейского государства для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке и дальнейшего проникновения в арабские страны.

В Палестине американская дипломатия открыто стала де-

---

[1] «Доклад специальной комиссии ООН». Документ ООН A/AC—13—SR37.

лать ставку на сионистскую буржуазию. Уже в 1944 г. во время президентских выборов обе главные политические партии, республиканская и демократическая, в погоне за голосами еврейских избирателей, учитывая влияние сионистской буржуазии в США, заявили о поддержке Балтморской программы, принятой в 1942 г. американской сионистской организацией, требовавшей создания еврейского государства, охватывающего всю территорию Палестины, создания еврейской армии и разрешения неограниченной иммиграции евреев в Палестину.

Интерес США к Палестине особенно возрос в связи с получением американскими монополиями нефтяных концессий в Саудовской Аравии и разработкой проекта нефтепровода из Аравии в Палестину. Строительство этого нефтепровода сыграло немалую роль в том, что влиятельные американские нефтяные компании энергично поддерживали планы сионистов.

К 1947 г. резко возросли капиталовложения США в Палестине, по сравнению с довоенным уровнем они увеличились почти в 4 раза, достигнув 150 млн. долл. [1]

Крупнейшие американские банкиры и монополисты надеялись в случае создания в Палестине еврейского сионистского государства получить выгодные концессии и затем подчинить эту страну своему влиянию. Американские монополии видели в Палестине своеобразный трамплин для дальнейшего проникновения на Ближний Восток и вытеснения оттуда Англии.

В августе 1945 г. президент США Трумэн обратился к премьер-министру Англии Эттли с письмом, в котором потребовал немедленного допуска в Палестину 100 тыс. евреев.

Английское правительство, уклонившись от выполнения этого требования, тем не менее, учитывая ослабление своей роли и влияния в мире и рост позиций США, вынуждено было пойти на создание совместного англо-американского комитета для изучения палестинского вопроса во всей его совокупности, включая еврейский вопрос в Европе и еврейскую иммиграцию из неевропейских стран.

Созданный в ноябре 1945 г. этот комитет, несмотря на некоторые различия американской и английской точек зрения, в конце апреля 1946 г. представил свои согласованные рекомендации. Эти рекомендации ярко показывали содержание политики США и Англии. Игнорируя основное требование палестинского народа об отмене мандата, комитет высказался за продление его действия «до окончания вражды между евреями и арабами» [2].

---

[1] См. «Проблемы экономики и истории стран Ближнего и Среднего Востока». М., 1966, стр. 171.

[2] «New York Times», 1. V. 1946.

Одна из 10 рекомендаций комитета одобряла предложение президента США о содействии выезду в Палестину 100 тыс. евреев из Европы. Трумэн немедленно приветствовал и поддержал эту рекомендацию, заявив, что остальная часть доклада должна быть принята к сведению в качестве «вопросов политики дальнего прицела» [1].

Характерно, что инструкции членам этого комитета содержали указание о том, что любое политическое решение, касавшееся Ближнего и Среднего Востока, должно учитывать фактор «советской опасности». Подобной демагогией правящие круги США и Англии пытались прикрыть империалистические цели, которые они преследовали в отношении Палестины и прилегающего района [2].

Рекомендации комиссии, естественно, не могли привести к нормализации обстановки в Палестине.

Не привели к успеху и попытки англо-американского комитета экспертов предложить план, предусматривающий расселить арабов и евреев по отдельным автономным районам и провинциям, которые были бы тем не менее частями единого государства [3].

В 1946 г. представители арабских стран собрались на конференцию в Лондоне. Делегации арабских государств настаивали на провозглашении независимости Палестины, признавая, что евреи должны иметь полные права гражданства.

К этому периоду положение Англии в Палестине значительно осложнилось. Английская администрация не в состоянии была справиться с движением палестинского народа за ликвидацию английского мандата. Кроме того, английской буржуазии все труднее становилось конкурировать в этом районе с американскими монополиями. «События, последовавшие за публикацией англо-американского доклада, убедили британский кабинет, что политика США была отнюдь не направлена на то, чтобы помочь англичанам сохранить свое влияние на Ближнем Востоке, а, напротив, преследовала цель поставить англичан в затруднительное положение в этом районе и попытаться использовать для этого евреев Палестины и сионистов во всем мире» [4]. Давление США на Англию все время усиливалось: в октябре 1946 г. президент Трумэн вновь обратился с призывом допустить в Палестину 100 тыс. евреев, предложив для этого финансовую помощь.

[1] «Crisis in the Middle East». New York, 1952, p. 124.

[2] См. *Г. С. Никитина.* Государство Израиль. М., 1968, стр. 49.

[3] *W. Polk, D. Stamler, E. Asfour.* Backdrop to Tragedy. The Struggle for Palestine, 1957, p. 114.

[4] *J. Kimche.* Seven Fallen Pillars. The Middle East 1915—1950. 1950, p. 56.

Будучи не в силах управлять Палестиной «по-старому», английское правительство решило передать вопрос на рассмотрение ООН, рассчитывая, что удастся протащить угодные ему решения и сохранить свое господство в этой стране[1]. Тот факт, что английское правительство, передавая вопрос в ООН, стремилось прежде всего сохранить свои позиции в Палестине, подтверждается его заявлением о том, что, каково бы ни было решение этой международной организации, Англия будет способствовать его проведению в жизнь только в том случае, если и арабы, и евреи «свободно с ним согласятся». Потеря Палестины была бы ударом по стратегическим интересам английского империализма, интересам британских нефтяных магнатов. «В экономическом и стратегическом значении нефтеносных районов Среднего Востока,— писала в 1947 г. одна из английских газет,— заключается единственная причина того, что министерство иностранных дел упорно, любой ценой старалось удержать Палестину»[2]. В отчаянной попытке спасти свои позиции в этом районе земного шара английское правительство в феврале 1947 г. выдвигает новый план, по которому предполагалось учредить над Палестиной опеку с предоставлением значительной автономии арабскому и еврейскому населению, имея в виду, что защита прав национальных меньшинств будет возложена на английского верховного комиссара и что около 100 тыс. евреям будет разрешено въехать в страну в течение первых двух лет[3]. Однако план этот был отвергнут как арабами, так и евреями.

2 апреля 1947 г. Англия была вынуждена обратиться с просьбой о созыве специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН для рассмотрения этого вопроса. Правящие круги Англии при этом исходили также из того, что неудача ООН решить палестинский вопрос «в значительной степени способствовала бы укреплению британских позиций, ослабила бы поползновения США и позволила бы англичанам попытаться продолжать управлять этой территорией по своему усмотрению»[4].

Собравшаяся в мае 1947 г. специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла решение о создании комитета по рас-

---

[1] Английский министр колоний Крич Джонс говорил в феврале 1947 г.: «Мы обращаемся в ООН не для того, чтобы отказаться от мандата. Мы идем в ООН и ставим вопрос, чтобы получить совет относительно того, каким образом управлять мандатом. Если же мандатом нельзя управлять в нынешней форме, то мы выясним, как его улучшить» (*Robinson.* Palestine and the United Nations. Prelude to Solution. Washington, 1947, p. 44).

[2] «Socialist Leader», 3. VII. 1947.

[3] *W. Polk, D. Stamler, E. Asfour.* Backdrop to Tragedy. The Struggle for Palestine, p. 114.

[4] Opp. cit., p. 193.

смотрению палестинского вопроса из представителей 11 государств. СССР предложил, чтобы в состав этого комитета вошли пять постоянных членов Совета Безопасности. Однако английское и американское правительства, стремясь отстранить СССР от участия в решении этой проблемы, выступили против предложения советского представителя, настаивая, чтобы великие державы не являлись членами комитета [1].

Специальный комитет по Палестине в составе Австралии, Гватемалы, Индии, Ирана, Канады, Нидерландов, Перу, Уругвая, Чехословакии, Швеции, Югославии представил 3 сентября 1947 г. доклад, в котором были предложены два плана решения палестинского вопроса.

План, предложенный большинством комитета, предусматривал раздел Палестины на два независимых государства: арабское и еврейское с выделением города Иерусалима в особую единицу, пользующуюся специальным международным режимом под управлением ООН. Оба эти государства и особую зону Иерусалима предполагалось объединить в экономический союз.

Меньшинство комитета (Индия, Иран, Югославия) рекомендовало создать в Палестине федеративное государство, объединяющее арабское и еврейское население, со столицей в Иерусалиме.

Доклад комитета обсуждался на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей в сентябре — ноябре 1947 г.

Представители СССР заявили о необходимости аннулировать английский мандат на Палестину, вывести оттуда британские войска и прекратить какое бы то ни было вмешательство империалистических держав в палестинские дела. При этих условиях, если империалисты не будут натравливать один народ на другой, а также при обеспечении демократического государственного устройства Палестины вполне возможны были бы сотрудничество и мирное сожительство арабского и еврейского народов Палестины. Такое демократическое и прогрессивное разрешение палестинского вопроса не только бы гарантировало интересы народа Палестины, но и обеспечивало интересы мира и безопасности на Ближнем Востоке.

В выступлениях советских делегатов отмечалось, что законные интересы арабского и еврейского народов Палестины могут быть защищены путем создания независимого двуединого демократического арабо-еврейского государства, в котором арабы и евреи имели бы равные права. Советская делегация заявила, что если такое решение окажется неосуществимым ввиду испортившихся отношений между арабами и евреями, то можно будет пойти на создание в Палестине двух независи-

[1] *W. Polk, D. Stamler, E. Asfour.* Backdrop to Tragedy. The Struggle for Palestine, p. 116.

мых государств — арабского и еврейского. СССР, верный своему интернационалистическому курсу, исходил при этом из права каждого народа на самоопределение, имея в виду, что главным условием действительно справедливого решения палестинского вопроса является отмена английского мандата, предоставление народам права свободного волеизъявления.

На сессии выявилось, что, хотя США и Англия расходились во мнениях относительно будущего Палестины, они были едины в стремлении не допустить СССР к непосредственному участию в урегулировании палестинской проблемы.

Англия, пытаясь хоть в какой-то степени сохранить свое влияние в Палестине, выступила против создания на ее территории двух государств. США, стремясь укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, всячески маневрировали на этой сессии, внося различные предложения относительно будущего устройства и развития Палестины. Министр обороны США Джеймс Форрестол писал в своем дневнике 21 октября 1948 г., что политика США в палестинском вопросе определялась «грязными политическими целями»[1].

29 ноября 1947 г. вторая очередная сессия Генеральной Ассамблеи одобрила 2/3 голосов[2] рекомендации большинства специального комитета о разделе Палестины на два государства: арабское и еврейское и о выделении города Иерусалима в самостоятельную административную единицу (с особым международным режимом в целях охраны священных мест христианской, мусульманской и иудейской религий).

Территория арабского государства должна была составлять 11,1 тыс. *кв. км* (46% территории Палестины) и территория еврейского государства — 14,1 тыс. *кв. км* (54% территории Палестины). Население Палестины, которое насчитывало тогда 1845 тыс., должно было быть распределено следующим образом: предполагалось, что в арабском государстве будут жить 725 тыс. арабов и 10 тыс. евреев, в еврейском — 498 тыс. евреев и 407 тыс. арабов, в Иерусалиме — 100 тыс. арабов и 100 тыс. евреев.

В резолюции предусматривались вывод английских войск из Палестины до 1 августа 1948 г. и спустя два месяца после этого провозглашение независимых арабского и еврейского государств, установление международного режима для Иерусалима, объединение этих государств и города Иерусалима в экономический союз.

Сразу же после решения Генеральной Ассамблеи ООН об образовании двух новых государств в Палестине начались воо-

[1] Цит. по: *E. Lengyel.* World without End, p. 282.

[2] За резолюцию голосовало 33 государства (в том числе США и СССР), против — 14 и 10 — воздержались (в том числе и Англия).

руженные столкновения между арабским и еврейским населением, разжигавшиеся закулисными интригами Англии и США, которые пытались использовать сложившуюся ситуацию в своих целях.

Большой жестокостью отличались акции сионистских террористических отрядов, изгонявших арабское население.

США, стремясь обеспечить свои позиции в Палестине, хотя и проголосовали за указанную резолюцию, в марте 1948 г. официально предложили установить опеку ООН над Палестиной без определения ее срока и внесли проект соответствующего соглашения[1]. Маневры американской дипломатии были направлены на то, чтобы затянуть решение палестинского вопроса, заменить принятое ООН решение другим и, в конце концов, навязать народам Палестины режим, который отвечал бы интересам нефтяных монополий США. Разоблачая истинный смысл американской политики в отношении Палестины, представитель СССР А. А. Громыко в своей речи 20 апреля 1948 г. заявил, что действия США продиктованы нефтяными и «военно-стратегическими интересами Соединенных Штатов, за которыми стоят определенные влиятельные круги США, пытающиеся превратить Палестину в свою военно-стратегическую базу...»[2].

Вторая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН (16 апреля — 14 мая 1948 г.) отклонила предложение США об установлении опеки над Палестиной.

Между тем обстановка в Палестине накалялась. В течение нескольких месяцев со дня объявления решения о разделе Палестины в междоусобной борьбе погибло большое число жителей. Террористические действия сионистов вынуждали арабов покидать свои жилища и бежать от преследований.

Англия заявила, что, поскольку арабское и еврейское население не достигли договоренности, она не будет помогать ООН в осуществлении плана о разделе Палестины и прекратит действие своего мандата к 15 маю 1948 г. 14 мая английские власти официально заявили о прекращении действия мандата и вывели свои войска из Палестины. Фактически английские правящие круги сознательно шли на провоцирование войны между арабским и еврейским населением, рассчитывая, что палестинская война отвлечет арабские народы от борьбы с империализмом и тем самым резко ослабит национально-освободительное движение.

В ночь с 14 на 15 мая 1948 г. было провозглашено создание еврейского государства Израиль.

В результате политики империалистов Великобритании, рассчитывавших сохранить свои позиции в Палестине, и импе-

[1] *A. Fayes.* The Arab-Israel Conflict. New York, 1958, p. 74.
[2] «Известия», 23 апреля 1948 г.

риалистов США, надеявшихся расширить там свое влияние, а также международных сионистских кругов, через несколько часов после провозглашения государства Израиль, вспыхнула война между арабскими странами (Египтом, Иорданией, Ливаном, Сирией, Ираком, Саудовской Аравией и Йеменом) и Израилем.

15 мая войска Египта, Иордании, Ливана и Сирии вступили в Палестину. В военных действиях принимали участие иракские части, а также Саудовская Аравия и Йемен.

К середине июля вооруженные силы Израиля, которые были лучше подготовлены и вооружены, чем войска арабских стран, и получали большую помощь из США и других империалистических стран, добились военных успехов и заняли территорию, намного большую, чем это предусматривалось в решении ООН для еврейского государства. В то время как развивались указанные события, между США и Англией велись тайные переговоры о согласовании их позиций в палестинском вопросе. Они договорились создать союз в составе арабской части Палестины, Иордании и Израиля, который должен был координировать действия в области экономики, внешней политики и обороны этих стран. Предусматривались также значительные территориальные изменения. Эти предложения были внесены в Совет Безопасности ООН от имени посредника ООН в палестинском вопросе шведского графа Ф. Бернадотта. Они не устраивали ни арабов, ни евреев. СССР высказался против предложений Бернадотта, и они были отклонены. План Бернадотта не получил одобрения и на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Используя механическое большинство голосов, западные державы и США добились отклонения на сессии предложения СССР о выводе из Палестины всех иностранных вооруженных сил и военного персонала, о принятии мер к недопущению возобновления военных действий в Палестине.

В то же время Англии и США удалось добиться одобрения на сессии Генеральной Ассамблеи 11 декабря 1948 г. резолюции о создании согласительной комиссии по Палестине в составе США, Франции и Турции, срок полномочий которой не был определен. Это облегчило США и Англии проведение в палестинском вопросе своей линии.

Военные действия в Палестине были прекращены 7 января 1949 г. Спровоцированная империалистическими кругами западных стран палестинская война привела к тяжелым людским и материальным потерям и не была, как пытаются утверждать некоторые буржуазные историки, следствием непримиримого арабо-еврейского конфликта. Ряд буржуазных исследователей вынуждены признать, что во вражде между арабами и ев-

реями «виноваты не столько евреи и арабы, сколько западные державы»[1].

Говоря о неблаговидной роли империалистических сил в развязывании палестинской войны, эти исследователи в частности отмечают, что «средства ведения войны были точно и добросовестно доставлены из британских источников»[2].

Эта тактика англичан явно прослеживалась после второй мировой войны, когда они всячески поощряли своих ставленников — реакционных правителей ряда арабских государств направлять широкое недовольство народных масс своим тяжелым положением, притеснением колонизаторов в русло вражды к евреям и одновременно разжигали экстремистские претензии реакционных сионистских кругов.

Палестинская война еще больше вскрыла и обнажила социальные контрасты, проимпериалистическую позицию реакционных кругов в арабских странах, дала новый импульс национально-освободительному движению, приблизила крах колониальной системы на Ближнем Востоке.

Действия, предпринимавшиеся правящей сионистской верхушкой Израиля, опиравшейся на поддержку реакционных империалистических сил, были направлены на дальнейшее обострение напряженности на Ближнем Востоке, препятствовали мирному урегулированию вопросов.

Сразу же по провозглашении государства Израиль 550 тыс. арабов, проживавших в районе, в котором было объявлено о его создании, бежало или было изгнано, а их собственность экспроприирована. В дальнейшем число этих беженцев и перемещенных лиц возрастало, особенно после того как в ходе войны 1948—1949 гг. Израиль захватил часть территории Палестины, предназначавшейся, по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, для создания палестинского арабского государства, а также западную часть города Иерусалима. Возникла проблема палестинских беженцев. Большинство арабов-беженцев из Палестины было расселено в Иордании. Значительное число их находилось в лагерях в районе Газы. Правительство Израиля отказалось допустить их возвращение в районы, из которых они бежали или были изгнаны, возместить стоимость имущества, принадлежавшего этим беженцам. Общее число беженцев к концу арабо-израильской войны 1948—1949 гг. достигло 950 тыс. человек.

Проблемой беженцев с самого ее начала была вынуждена заняться ООН. 11 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 194/III, пункт II которой гласит: «Генеральная Ассамблея... постановляет, что беженцам, желающим вер-

---

[1] *J. Warburg.* Agenda for Action. New York, 1957, p. 103.
[2] *J. Kimche.* Seven Fallen Pillars, p. 199.

нуться к своим очагам и мирной жизни со своими соседями, такая возможность должна быть предоставлена в кратчайший срок, с уплатой компенсации за имущество тем, кто предпочтет не возвращаться» [1]. Игнорируя эти решения ООН, которые позже ею неоднократно подтверждались, правящие круги Израиля продолжали проводить дискриминационную политику по отношению к арабскому населению, а проблема беженцев превратилась в одну из самых острых и сложных сторон палестинского вопроса.

В результате войны 1948—1949 гг. между арабскими государствами и Израилем решение Генеральной Ассамблеи ООН о создании двух государств на территории Палестины осталось невыполненным. Было организовано лишь еврейское государство Израиль, где к власти пришли реакционные сионистские круги. Значительная часть территории второго палестинского государства—арабского—была захвачена Израилем (6,7 тыс. *кв. км*). Согласно резолюции ООН площадь еврейского государства должна была составить 14,1 тыс. *кв. км*. Фактически в ходе войны Израиль захватил свыше 20 тыс. *кв. км* из 26 тыс. *кв. км* всей территории Палестины (за исключением арабских земель, к западу от р. Иордан, и небольшой полосы земли в районе Газы, вдоль побережья Средиземного моря).

В конце 1949 г. в результате переговоров между правящими кругами Израиля и иорданским королем Абдаллахом часть территории Палестины, на которой должно было быть создано арабское государство, была поделена между Израилем и Иорданией. Это было сделано при поддержке британской дипломатии, без участия других арабских государств и в нарушение решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. Израильско-иорданское соглашение вызвало бурную реакцию в ряде арабских стран. В июне 1950 г. представители четырех арабских стран (Египта, Сирии, Ливана и Саудовской Аравии) потребовали исключения Иордании из Лиги арабских государств за нарушение ранее принятых Лигой решений (от 12 апреля 1948 г. и 13 апреля 1950 г. о временном характере пребывания арабских армий в Палестине и возвращении Палестины палестинцам). Решение по этому вопросу, однако, не было принято в связи с оппозицией других стран — членов Лиги (Ирака, Йемена и Иордании).

На основании решений Совета Безопасности от 4 и 16 ноября 1948 г. между Израилем и арабскими странами с помощью нового посредника ООН Банга, заменившего убитого сионистами графа Ф. Бернадотта, в 1949 г. были заключены соглашения о перемирии: с Египтом — 24 февраля, с Иорданией — 3 апреля,

[1] ООН. ГА. Третья сессия. Резолюции, документ A/810, стр. 16.

с Ливаном — 23 марта, с Сирией — 20 июля. Ирак, Саудовская Аравия и Йемен соглашений о перемирии не заключали, поскольку они не имели общих границ с Израилем. Все соглашения по своим условиям аналогичны.

В них были определены демаркационные линии перемирия, которые, как отмечено в соглашениях, ни в коем случае не должны рассматриваться в качестве «политических или территориальных границ». По демаркационным линиям было создано несколько демилитаризованных зон. Контроль за соблюдением условий перемирия возлагался на соответствующие смешанные арабо-израильские комиссии под председательством представителя штаба наблюдателей ООН, который был создан в мае 1948 г. на базе службы посредника ООН в Палестине.

В результате войны изменился статус Иерусалима. Израиль захватил западную часть города, восточная отошла к Иордании.

В 1950 г. израильское правительство в нарушение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. официально объявило западную часть Иерусалима своей столицей и перевело в нее государственные учреждения.

Если до арабо-израильской войны 1948—1949 гг. палестинское сионистское руководство не решалось заявить о непризнании решения ООН от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины, то после захвата части арабской территории Палестины правительство Израиля объявило указанное решение ООН «мертвым и похороненным» [1].

Палестинский вопрос, которому ООН и ее органы уделяли столько внимания, вследствие маневров империалистических держав остался неразрешенным. Созданное на территории Палестины государство Израиль правящие в нем реакционные сионистские силы превратили в орудие монополистических кругов крупных западных держав и очаг напряженности на Ближнем Востоке.

---

[1] «Проблемы экономики и истории стран Ближнего и Среднего Востока». М., 1966, стр. 179.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ (1946—1955 гг.)

Организация Объединенных Наций согласно ее Уставу была создана для того, чтобы поддерживать и укреплять международный мир и безопасность, развивать дружественные отношения между государствами и осуществлять международное сотрудничество в экономической, социальной, культурной и других областях [1].

Советский Союз — социалистическое государство, по самой своей природе являющееся миролюбивой страной, с первых дней существования ООН последовательно выступал в этой организации за укрепление международного мира и безопасности, за развитие международного равноправного сотрудничества, за строгое соблюдение ее Устава. Уже на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегация СССР заявила о стремлении советского народа участвовать в мирном соревновании государств и общественных систем, при котором народы могли бы наладить более тесное и более разностороннее сотрудничество друг с другом, и добивалась укрепления дружественных отношений между странами и народами.

Прямо противоположной была политика правящих кругов капиталистических государств, прежде всего США и Англии. Столкновения и борьба этих противоположных тенденций стали проявляться уже в самом начале деятельности ООН. Несмотря на это, благодаря усилиям Советского Союза на первой части первой сессии Генеральной Ассамблеи, которая состоялась в Лондоне в январе — феврале 1946 г., удалось достичь ряда согласованных решений. На ней были избраны непостоянные члены Совета Безопасности, члены Экономического и Социального совета, Международного суда, назначен генеральный секретарь ООН (Трюгве Ли) и принят ряд других организационных решений. На этой же сессии по совместному предложению СССР, США и Англии, согласованному на Московском совещании министров иностранных дел этих стран, была учреждена Комиссия по атомной энергии.

[1] О создании ООН см. «История дипломатии», т. IV.

Советский Союз выступил в ООН с широкой программой, включавшей предложения по таким важнейшим проблемам, как разоружение, укрепление мира и международной безопасности, и по ряду других вопросов.

Борьба СССР в ООН за запрещение и уничтожение ядерного оружия и за разоружение

История рассмотрения в ООН проблемы разоружения [1] — яркое свидетельство того, что после второй мировой войны, как и в период между двумя мировыми войнами, ведущая роль в усилиях, направленных к достижению соглашения о разоружении, принадлежит Советскому Союзу. В июне 1946 г. СССР внес в Комиссию по атомной энергии проект международной конвенции о запрещении производства и применения ядерного оружия и об уничтожении запасов этого оружия, а в октябре 1946 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН — предложение о всеобщем сокращении вооружений и вооруженных сил. Последнее предложение легло в основу резолюции о принципах всеобщего разоружения, принятой на этой сессии. Представители США всячески препятствовали достижению соглашения в этой важнейшей области. В Комиссии по атомной энергии представители США, опираясь на послушное им в то время большинство голосов, стали на путь огульного отклонения советских предложений и настояли на принятии этой комиссией так называемого «плана Баруха» с целью закрепить за собой монопольное обладание ядерным оружием. США упорно сопротивлялись также достижению соглашения о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил. Вследствие такой отрицательной позиции США созданная в феврале 1947 г. по инициативе СССР Комиссия по обычным вооружениям за пять лет своего существования не смогла подготовить никаких конкретных предложений по разоружению.

На третьей, пятой, шестой, седьмой и восьмой сессиях Генеральной Ассамблеи ООН СССР вносил предложения о частичных мерах в области разоружения, в частности о пропорциональном сокращении вооруженных сил пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности, но эти предложения отклонялись западными державами. США и их союзники не смогли, однако, воспрепятствовать тому, что позиция СССР находила все более широкую поддержку на сессиях Генеральной Ассамблеи, ибо борьба СССР за всеобщее и полное разоружение отвечает коренным интересам всех народов.

Борьба СССР за укрепление мира и международной безопасности

Наряду с борьбой за разоружение Советский Союз последовательно выступал в ООН за принятие других мер, направленных на укрепление мира и международной безопасности. В сентябре 1947 г. на второй сессии Генеральной

[1] См. также гл. XIX.

Ассамблеи СССР предложил осудить ведущуюся в ряде стран, прежде всего в США, преступную пропаганду новой войны и «призвать правительства всех стран запретить под страхом уголовного наказания ведение в любой форме пропаганды войны». США и Англия возражали против этого предложения, утверждая, что оно якобы противоречит свободе слова и информации, т. е., по существу, считали законным ведение в их странах такой пропаганды. В конечном счете они были вынуждены, однако, проголосовать за принятие резолюции, осуждающей пропаганду войны, что явилось политической победой Советского Союза.

На четвертой сессии Генеральной Ассамблеи в 1949 г. СССР предложил осудить ведущуюся в ряде империалистических стран, особенно в США и Англии, подготовку новой войны, выражающуюся в поощряемой их правящими кругами пропаганде войны, гонке вооружений, организации агрессивных военных блоков капиталистических государств, призвать все страны разрешать свои споры мирными средствами и выразить пожелание, чтобы США, Англия, Франция, Китай и Советский Союз, которые несут главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, объединили свои усилия в этом направлении и заключили между собой пакт по укреплению мира. Это предложение СССР соответствовало чаяниям народов, и оно было встречено с глубоким удовлетворением всеми сторонниками мира. Однако делегации США и Англии добились того, что обсуждение советского предложения было начато лишь через два месяца после его внесения. В течение этого времени американские и английские представители на Ассамблее вели закулисный сговор с другими делегациями и, используя существовавшую тогда «машину голосования», отклонили предложение СССР.

На пятой сессии Генеральной Ассамблеи в 1950 г. СССР предложил принять «Декларацию об устранении угрозы новой войны и об укреплении мира и безопасности народов». Однако США, которые вели в то время войну против корейского народа, настояли на отклонении советского предложения.

Борьба СССР за соблюдение принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН

Уже в самом начале деятельности ООН стало ясно, что США и Англия фактически отошли от договоренности, достигнутой на Ялтинской конференции, не ставить в ООН вопросы, которые могли бы нарушить единство великих держав. Они практически отказались от принципа согласования позиций постоянных членов Совета Безопасности путем переговоров и стали на путь диктата, используя тот факт, что в то время большинство членов ООН составляли либо их сторонники, либо

страны, находившиеся в политической, экономической или военной зависимости от американского и британского империализма. Это особенно ярко проявилось при рассмотрении вопросов о принципе единогласия постоянных членов Совета Безопасности, о поддержании международного мира и безопасности и о приеме в ООН новых членов.

Вскоре после вступления в силу Устава ООН принцип единогласия [1] стал подвергаться все возрастающим нападкам со стороны ряда делегаций, действовавших по указке империалистических кругов. США и Англия не только не осуждали этих нападок, но, наоборот, поощряли и инспирировали их. Соблюдение принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности препятствовало осуществлению определенными кругами США агрессивных и гегемонистских планов.

Уже в октябре 1946 г., т. е. всего лишь через год после вступления Устава ООН в силу, представитель режима Батисты (Куба), шедшего в фарватере политики США, выступил на сессии Генеральной Ассамблеи с предложением созвать Генеральную конференцию для пересмотра Устава ООН с целью отмены принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности. При обсуждении этого вопроса противники принципа единогласия настаивали на том, чтобы этот принцип допускался лишь при принятии Советом решения о применении принудительных мер, а все остальные решения, независимо от их важности, принимались бы без соблюдения принципа единогласия.

Представители США и Англии, не выступая прямо против принципа единогласия, высказались, однако, за ограничение права вето постоянных членов Совета Безопасности. Они поддержали предложение Австралии, направленное на его ограничение, принятое Ассамблеей с некоторыми изменениями. Представители Франции и гоминьдановец при голосовании воздержались. СССР и другие социалистические страны голосовали против.

На второй сессии Генеральной Ассамблеи в 1947 г. представитель Аргентины предложил созвать Генеральную конференцию с целью упразднения принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности. За изменение процедуры голосования в Совете Безопасности выступил государственный секретарь США Маршалл. Он настаивал на упразднении принципа единогласия постоянных членов при принятии Советом решений о мирном урегулировании международных споров. Делегация СССР решительно возражала против этого предложения, грубо нарушающего основные принципы Устава ООН.

По настоянию США вопрос об ограничении принципа единогласия был передан на рассмотрение Межсессионного комитета,

[1] См. «История дипломатии», т. IV.

созданного по предложению США в нарушение Устава ООН на этой же сессии Генеральной Ассамблеи. Этому комитету, который состоял из всех членов ООН (его называли «малой Ассамблеей»), предоставлялись широкие полномочия в вопросах поддержания международного мира и безопасности. Ему поручалось заседать между сессиями Генеральной Ассамблеи, обсуждать и решать вопросы, которые согласно Уставу ООН входят в компетенцию Совета Безопасности. Поскольку создание Межсессионного комитета противоречило Уставу ООН, представители СССР, УССР, БССР, Польши, Чехословакии и Югославии заявили об отказе участвовать в его работе.

В Межсессионном комитете США настояли на одобрении списка категорий вопросов, по которым Совету Безопасности рекомендовалось принимать решения без соблюдения принципа единогласия постоянных членов. Этот список наряду с процедурными включал такие важные политические вопросы, как, например, рекомендация Генеральной Ассамблее о приеме в ООН новых членов; определение того, может ли продолжение спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности; принятие рекомендаций об условиях мирного урегулирования спора; определение того, является ли рассматриваемый Советом вопрос процедурным и т. д.

При обсуждении на третьей сессии Генеральной Ассамблеи в 1948 г. этих рекомендаций Межсессионного комитета делегации США, Англии, Франции и гоминьдановец, используя механическое большинство голосов, навязали резолюцию, в которой постоянным членам Совета Безопасности рекомендовалось воздерживаться от применения вето в случае, если в Совете за поставленное на голосование предложение уже подано семь голосов, а также принять во внимание рекомендации Межсессионного комитета. Делегации СССР и других социалистических стран голосовали против этой резолюции, которая представляла собой попытку открытого и опасного отхода от Устава ООН.

Параллельно с попытками подорвать принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности США и их сторонники взяли курс на расширение прав Генеральной Ассамблеи. В сентябре 1950 г. на пятой сессии Ассамблеи, в то время как войска США и их союзников под флагом ООН вели войну против корейского народа, государственный секретарь США Д. Ачесон выступил за установление такого порядка, при котором Ассамблея, вопреки положениям Устава ООН, могла бы принимать конкретные меры по поддержанию мира в случаях, «если Совет Безопасности лишен возможности действовать» [1], т. е. когда Соединенным Штатам не удавалось бы заставить Совет принимать

[1] ООН. ГА. Пятая сессия. Официальные отчеты, заседание 279.

решение о действиях, отвечающих их империалистическим интересам.

Совместно с Англией и Францией США, используя «машину голосования», протащили резолюцию под фальшивым названием «совместные действия в целях мира», в которой наряду с другими мероприятиями предусматривалось, что «если Совет Безопасности в результате разногласия постоянных членов» не сможет принять решения по вопросу о поддержании мира, то Генеральная Ассамблея немедленно рассмотрит этот вопрос и сделает рекомендации членам ООН о принятии коллективных мер. В резолюции говорилось, что члены ООН должны содержать в составе своих вооруженных сил части для использования «в качестве боевой единицы» ООН по рекомендации не только Совета Безопасности, но и Генеральной Ассамблеи. Для подготовки предложений по вопросам использования этих вооруженных сил создавался Комитет коллективных мероприятий в составе 14 членов, включая США, Англию, Францию, Канаду, Египет и др. Генеральному секретарю ООН поручалось образовать группу военных экспертов, которые будут заниматься вопросами, относящимися к организации, подготовке и вооружению военных частей, предоставляемых членами ООН, т. е. вопросами, которыми по Уставу ООН может ведать лишь Военно-штабной комитет, состоящий из представителей постоянных членов Совета Безопасности. Иными словами, была сделана открытая попытка подменить Совет Безопасности Генеральной Ассамблеей. Нежелание империалистических держав считаться с положениями Устава ООН проявилось и в том, что они выступили против предложения СССР рекомендовать Совету Безопасности принять меры по обеспечению проведения в жизнь предусмотренных Уставом ООН действий по поддержанию мира и по эффективному функционированию Военно-штабного комитета.

Палестинский вопрос в ООН

Значительное место в деятельности ООН занимали проблемы, являвшиеся следствием колониальной политики империалистических держав. Наиболее важными из этих проблем в течение первого десятилетия существования ООН были палестинский и индонезийский вопросы[1] и вопрос о судьбе бывших итальянских колоний.

Палестинский вопрос впервые рассматривался на специальной сессии Генеральной Ассамблеи в апреле — мае 1947 г. Под давлением США и Англии Ассамблея ограничилась решением о создании специального комитета, который должен был подготовить свои соображения ко второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 29 ноября 1947 г. на своей второй сессии Ассамблея

[1] Подробнее об этом см. гл. VI.

одобрила рекомендации большинства членов указанного комитета о прекращении действия английского мандата на Палестину, разделе Палестины на два государства — арабское и еврейское — и о выделении города Иерусалима в самостоятельную административную единицу под управлением ООН, а также учреждение комиссии для проведения в жизнь этих рекомендаций. Делегации СССР и других социалистических стран, исходя из того, что в тогдашней обстановке такое решение являлось единственно осуществимым, поддержали эти рекомендации. Англия осталась недовольной этим решением Ассамблеи и отказалась сотрудничать с комитетом. Проголосовав за одобрение рекомендаций комитета, США сразу же после окончания работы Ассамблеи выступили против осуществления этих рекомендаций. В апреле 1948 г. они настояли на созыве второй специальной сессии Ассамблеи и добивались на ней отмены резолюции Генеральной Ассамблеи о создании на территории Палестины двух независимых государств и настаивали на установлении над всей Палестиной опеки ООН. Таким путем они рассчитывали поставить под свой контроль всю Палестину. Однако им не удалось добиться принятия такого решения, и резолюция Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 г. осталась в силе.

15 мая 1948 г. срок мандата Англии над Палестиной истек. В Тель-Авиве было провозглашено создание еврейского государства Израиль. Опираясь на поддержку империалистических кругов США, Англии и некоторых других капиталистических стран, Израиль взял открыто агрессивный курс. Израильские войска неоднократно возобновляли военные действия против арабов и захватывали все новые и новые территории, как те части Палестины, которые в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года должны были входить в состав арабского государства, так и части египетской и сирийской территорий. Потребовался ряд решений Совета Безопасности, чтобы военные действия прекратились в январе 1949 г. Это не означало, однако, урегулирования палестинской проблемы. Правящая верхушка Израиля при поддержке империалистических кругов, прежде всего США, игнорируя решения ООН, продолжала проводить агрессивную авантюристическую политику в отношении арабских стран.

Обсуждение в Совете Безопасности ООН агрессивных действий колонизаторов против индонезийского народа

Вмешательство вооруженных сил Англии во внутренние дела Индонезии в сентябре 1945 г. было нарушением Устава ООН и создавало угрозу международному миру и безопасности. Поэтому министр иностранных дел Украинской ССР Д. З. Мануильский обратился в Совет Безопасности с просьбой расследовать положение и принять соответствующие меры. Это предложение

в результате позиции, занятой империалистическими державами, однако, не было принято.

В 1947 г. Нидерланды развернули военные действия против Индонезийской республики. СССР и Польша в Совете Безопасности осудили эту агрессию. Индия и Австралия обратились в Совет Безопасности с просьбой рекомендовать немедленно прекратить военные действия в Индонезии. СССР поддержал эту инициативу и предложил потребовать отвода вооруженных сил Нидерландов и Индонезии на позиции, которые они занимали до начала военных действий. Но империалистические державы не допустили принятия этого предложения СССР. 1 августа 1947 г. Совет Безопасности ограничился призывом к Нидерландам и Индонезии прекратить военные действия. Правительство Индонезии согласилось с этим призывом Совета. Но войска Нидерландов продолжали военные действия. Совет Безопасности вновь рассматривал этот вопрос на заседаниях 7—26 августа 1947 г. Представитель Индонезии, приглашенный к участию в работе Совета, настаивал на отходе нидерландских войск на позиции, которые они занимали по соглашению о перемирии, заключенному в октябре 1946 г. СССР поддержал Индонезию. Однако Совет ограничился призывом к странам — членам Совета Безопасности, имеющим консулов в столице Индонезии (США, Англия, Франция, Китай, Австралия и Бельгия), поручить этим консулам подготовить совместный доклад о положении в стране. СССР выступал против принятия такого решения. Но поскольку со стороны Индонезии не было выдвинуто возражений, советский представитель воздержался от голосования. Совет Безопасности решил также учредить комитет «добрых услуг». В его состав вошли США, Австралия и Бельгия. Таким образом урегулирование индонезийской проблемы передавалось в руки колонизаторов. В связи с тем, что Индонезия соглашалась на создание такого комитета, СССР воздержался при голосовании.

Учреждение комитета «добрых услуг» дало империалистическим державам возможность, по существу, изъять индонезийский вопрос из ведения Совета Безопасности. В результате переговоров этого комитета с Нидерландами и Индонезией последней было навязано 17 января 1948 г. Ренвильское соглашение о перемирии, по которому Нидерланды оккупировали значительную часть индонезийской территории. При рассмотрении в Совете Безопасности 17—28 февраля 1948 г. доклада комитета «добрых услуг» СССР возражал против как рекомендаций комитета, так и самого Ренвильского соглашения и настаивал на отводе нидерландских войск на исходные позиции. Под давлением империалистических держав Совет одобрил Ренвильское соглашение. Принятие этого решения ободрило правящие круги Нидерландов, взявшие курс на ликвидацию Индонезий-

ской республики. В ночь на 19 декабря 1948 г. нидерландские войска возобновили военные действия в Индонезии, арестовали президента страны и некоторых других политических деятелей. 22 декабря 1948 г. СССР предложил в Совете Безопасности осудить нидерландских агрессоров, потребовать прекращения военных действий и отвода войск Нидерландов на исходные позиции, освобождения президента Индонезии и других политических деятелей. Для наблюдения за осуществлением указанных требований СССР предложил учредить комиссию в составе всех членов Совета Безопасности. Это предложение было отклонено империалистическими державами, и они настояли на принятии Советом лишь призыва к сторонам прекратить военные действия. Правительство Нидерландов игнорировало и этот призыв Совета Безопасности. На состоявшемся в марте 1949 г. заседании Совета Безопасности США, Англия и Франция настояли на том, чтобы Совет ограничился рекомендацией правительству Индонезии принять участие в конференции «круглого стола» в Гааге. В декабре 1949 г. империалистические державы добились отклонения на Генеральной Ассамблее ООН предложения УССР в защиту прав и интересов Индонезии и принятия резолюции, одобряющей решения Гаагской конференции. Убедившись в бесперспективности попыток подавить силой стремление индонезийского народа к независимости, правительство Нидерландов на конференции «круглого стола» в Гааге (23 августа — 2 ноября 1949 г.) вынуждено было согласиться на признание суверенитета Индонезии.

Вопрос о судьбе бывших итальянских колоний в Африке

Вопрос о судьбе бывших итальянских колоний в Африке был передан на рассмотрение Генеральной Ассамблеи на основании статьи 23 мирного договора с Италией. Он рассматривался на второй части третьей сессии Генеральной Ассамблеи в апреле — мае 1949 г. СССР предложил на этой сессии, чтобы по истечении 10 лет народам Ливии, Эритреи и Сомали была предоставлена независимость. В течение этих 10 лет они должны были находиться под опекой ООН. Империалистические державы препятствовали разрешению этого вопроса в интересах африканских народов. Они настаивали на том, чтобы Ливия была разделена на три части — Киренаику, Фецан и Триполитанию — и чтобы эти территории были поставлены под опеку трех отдельных западноевропейских государств.

На четвертой сессии Генеральной Ассамблеи СССР предложил предоставить независимость Ливии немедленно, а Эритрее и Сомали — через пять лет. Империалистические державы настояли, однако, на принятии резолюции о предоставлении независимости Ливии лишь через два года. Сомали решено было включить в международную систему опеки под управлением

Италии сроком на 10 лет. Разрешение вопроса об Эритрее было отложено до пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Были учреждены Советы для Ливии и Сомали и Комиссия для Эритреи. Империалистические державы не допустили включения в эти органы представителей социалистических стран. При голосовании этой резолюции делегация СССР воздержалась. На пятой сессии Ассамблеи в 1950 г. большинством голосов было решено включить Эритрею в состав Эфиопии под суверенитетом Эфиопии.

Борьба в ООН в связи с приемом в организацию новых членов

Враждебная в отношении социалистических стран политика империалистических держав особенно проявилась в вопросе о приеме в ООН новых членов.

Устав ООН был подписан представителями 51 страны, являющимися членами-учредителями ООН. В 1946—1949 гг. в ООН были приняты Афганистан, Бирма, Йемен, Израиль, Исландия, Пакистан, Таиланд и Швеция. Кроме этих стран в 1946—1949 гг. заявления о приеме в ООН подали Албания, МНР, Болгария, Венгрия, Румыния, Италия, Финляндия, Ирландия, Португалия, Иордания, Австрия, Цейлон и Непал. Вопрос о принятии в ООН этих 13 стран неоднократно рассматривался в Совете Безопасности, но вследствие негативной позиции США и Англии оставался нерешенным до 1955 г. Империалистические державы возражали против приема в члены ООН Албании, Болгарии, Венгрии, МНР и Румынии — государств, ставших на путь строительства социализма. В то же время США и их сторонники добивались принятия в ООН только стран, в которых существовали капиталистические порядки. Это особенно проявилось при рассмотрении в Совете Безопасности в сентябре — октябре 1947 г. заявлений о приеме в ООН Болгарии, Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии. В мирных договорах с этими странами содержалось положение о том, что их обращения о приеме в члены ООН будут поддержаны великими державами. В соответствии с этими положениями представитель Польши предложил в Совете Безопасности принять в члены ООН все пять перечисленных государств. СССР поддержал это предложение. Несмотря на то, что согласно решению Потсдамской конференции глав трех держав США, Англия и СССР взяли на себя обязательство поддержать просьбу этих пяти стран о приеме их в ООН, представители США и Англии проголосовали в Совете Безопасности против рекомендаций о приеме Болгарии, Венгрии и Румынии, настаивая на приеме в одностороннем порядке лишь Италии и Финляндии.

Не добившись угодного им решения, империалистические державы перенесли вопрос о приеме новых членов на Генеральную Ассамблею, где с помощью «механического большинства»

провели резолюцию, по существу, одобряющую их дискриминационную позицию в этом вопросе.

Ввиду того, что вопрос о приеме новых членов ООН чрезвычайно затянулся, СССР предложил в 1949 г. в Совете Безопасности принять в ООН все страны, подавшие соответствующие заявления. Однако империалистические державы, продолжавшие политику фаворитизма в отношении одних стран и дискриминации в отношении других, настояли на отклонении Советом предложения СССР.

Лишь в 1955 г. они были вынуждены согласиться с предложением СССР об одновременном приеме в ООН 16 подавших об этом заявления государств [1].

Попытки империалистических держав использовать ООН в своих целях

В течение первого десятилетия существования ООН правящие круги США и их сторонники по агрессивным блокам, обладая механическим большинством голосов в Генеральной Ассамблее, стремились использовать международную организацию в качестве орудия своей империалистической политики. Не считаясь с положениями Устава ООН, согласно статье 107 которого вопросы послевоенного урегулирования не могут быть предметом рассмотрения в органах ООН, США внесли 17 сентября 1947 г. на рассмотрение второй сессии Генеральной Ассамблеи «корейский вопрос» и настояли на принятии Ассамблеей угодной им резолюции. В дальнейшем США использовали флаг ООН для прикрытия своей вооруженной интервенции в Корее.

В 1951 г. в нарушение той же статьи Устава, а также Потсдамских соглашений США и Англия поставили на обсуждение шестой сессии Генеральной Ассамблеи вопрос относительно проведения выборов в германские законодательные органы. К рассмотрению этого вопроса были приглашены представители ГДР и ФРГ. В то время как представители правительства Аденауэра поддержали предложение США и Англии, представители ГДР справедливо заявили на сессии, что сама постановка этого вопроса является вмешательством во внутренние дела немцев. Делегации СССР, УССР, БССР, Польши и Чехословакии решительно выступили против вмешательства ООН. Однако США и их сторонники навязали резолюцию о создании специальной

[1] В 1950 г. в ООН была принята Индонезия; в 1955 г.— Австрия, Албания, Болгария, Венгрия, Иордания, Ирландия, Испания, Италия, Камбоджа, Лаос, Ливия, Непал, Португалия, Румыния, Финляндия, Цейлон; в 1956—1958 гг.— Гана, Гвинея, Малайя, Марокко, Судан, Тунис, Япония; в 1960 г.— Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Габон, Дагомея, Камерун, Кипр, Конго (Браззавиль), Конго (Киншаса), Малагасийская Республика, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сомали, Того, Центральноафриканская Республика, Чад; в 1961 г.— Мавритания, Монголия, Сьерра-Леоне.

комиссии ООН по этому вопросу в составе пяти членов, включая Польшу. Польша отказалась участвовать в незаконной комиссии.

Стремление империалистических держав использовать ООН в качестве прикрытия своей империалистической политики проявилось и при рассмотрении положения в Греции. В 1946 г. они не допустили принятия в Совете Безопасности предложения СССР о выводе из Греции английских войск, пребывание которых использовалось реакционными элементами, боровшимися против греческих демократических сил. В то же время США, опираясь на механическое большинство голосов в Генеральной Ассамблее, добились принятия резолюции, в которой вопреки фактам ответственность за обострение обстановки в Греции возлагалась на Албанию, Болгарию и Югославию. В резолюции предусматривалось создание специального комитета по Балканам, который в дальнейшем использовался империалистическими силами для того, чтобы облегчить подавление национально-освободительного движения в Греции. Это стремление проявилось также в постановке в 1949 г. на четвертой сессии Генеральной Ассамблеи и на ряде последующих сессий клеветнического вопроса о так называемом нарушении прав человека в Болгарии, Венгрии и Румынии, что было открытой попыткой втянуть ООН во враждебную социалистическим странам кампанию.

Попытки империалистических держав использовать ООН в провокационных целях нанесли ей несомненный вред.

Борьба прогрессивных сил за использование ООН в интересах поддержания мира

Советский Союз и другие социалистические государства с первых дней существования ООН вели борьбу за то, чтобы эта организация действительно была инструментом мира, как это предусмотрено в ее Уставе. По предложению и настоянию СССР в ООН был принят ряд решений, направленных на сохранение мира. Была осуждена любая форма пропаганды новой войны. В феврале 1946 г. по предложению делегации Белорусской ССР Генеральная Ассамблея, сославшись на Декларацию СССР, США и Англии от 30 октября 1943 г. о зверствах, совершенных гитлеровцами во время второй мировой войны, и учитывая, что на территориях некоторых государств продолжают укрываться военные преступники, призвала членов ООН немедленно принять все меры к тому, чтобы такие преступники были арестованы и высланы в страны, на территории которых они совершили свои злодеяния, для суда и наказания.

В декабре 1946 г. Генеральная Ассамблея подтвердила единогласное заключение подкомитета Совета Безопасности о том, что режим Франко в Испании «является фашистским режимом, установленным по образцу нацистской Германии Гитлера и фа-

шистской Италии Муссолини», и что «с 1941 по 1945 г. пехотная голубая дивизия, испанский добровольческий легион и сальвадорская эскадрилья самолетов сражались против Советского Союза». Ассамблея заявила, что «Франко совместно с Гитлером и Муссолини виновен в заговоре, имевшем целью начать войну» против антигитлеровской коалиции, и что «правительство Франко, насильно навязанное испанскому народу с помощью держав оси... не представляет испанского народа». Она рекомендовала всем членам ООН немедленно отозвать из Мадрида их послов и посланников, аккредитованных при правительстве Франко.

Полезную роль сыграла ООН в 1948 г. в предотвращении крупного военного конфликта между Индией и Пакистаном по поводу Кашмира, а также в 1949 г., когда в результате неофициальных переговоров представителей СССР, США, Англии и Франции в ООН относительно Западного Берлина был ликвидирован возникший тогда кризис. Важное значение имело заявление советского представителя при ООН от 23 июня 1951 г. о необходимости незамедлительного прекращения войны в Корее, сделанное в передаче по телевидению, организованной Секретариатом ООН.

Однако положительных факторов в деятельности ООН в первые годы ее существования, свидетельствующих, что она может быть центром согласования действий государств в интересах мира, как это и предусмотрено в Уставе этой организации, было не так много. Такое положение явилось следствием стремления правящих кругов западных держав использовать ООН в своих корыстных целях, в ущерб интересам других стран, что препятствовало укреплению этой организации, делу мира и международного сотрудничества.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ». СОЗДАНИЕ АГРЕССИВНОГО ВОЕННОГО БЛОКА НАТО (1946—1949 гг.)

1. Империалистическая «дипломатия силы»

Провозглашение США «дипломатии силы»

Международная обстановка, сложившаяся после окончания второй мировой войны, характеризовалась резким обострением глубочайших социальных противоречий, в первую очередь между двумя системами — социализмом и капитализмом. Усилилась неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран. Произошло укрепление политических, экономических и военных позиций Соединенных Штатов Америки. Перемены в соотношении сил капиталистических государств повлекли за собой и существенные изменения в формах, методах и конкретных направлениях их внешней политики и дипломатии.

Овладев важными командными высотами в капиталистическом мире, правящие круги США рассчитывали, что это даст им возможность добиться мирового господства. В послании президента США Г. Трумэна конгрессу от 19 декабря 1945 г. говорилось о «бремени постоянной ответственности за руководство миром», которое легло на США, о «необходимости доказать, что США полны решимости сохранить свою роль руководителя всех наций» [1]. В следующем послании в январе 1946 г. Трумэн уже призывал к тому, чтобы в интересах борьбы за мировое господство США была использована сила, чтобы именно она была положена в основу «отношений с другими странами» [2].

Советский Союз стремился закрепить и развить те связи и отношения с США и другими странами антигитлеровской коалиции, основа которых была заложена в период второй мировой войны. Случилось, однако, иначе. Наступил не мир, а «холодная война» — жалкий суррогат настоящего мира. «Она,— отмечал Л. И. Брежнев, выступая в июне 1973 г. по американскому те-

---

[1] «Congressional Record», vol. 91, pt. 9, p. 12398—12399.
[2] «Congressional Record», vol. 92, pt. 1, p. 138.

левидению,— надолго отравила отношения между нашими странами и международные отношения в целом» [1].

В решении XX съезда КПСС была дана следующая характеристика политики реакционных империалистических сил в послевоенные годы: «...Империалистические державы во главе с реакционными американскими кругами вскоре после окончания войны начали проводить политику «с позиции силы», отражающую стремление наиболее агрессивных элементов этих держав подавить рабочее, демократическое и национально-освободительное движение, подорвать лагерь социализма и установить свое мировое господство. Эта политика на практике означает безудержную гонку вооружений; создание американских военных баз вдоль границ СССР и стран народной демократии, а также сколачивание агрессивных блоков, направленных против стран социалистического лагеря; развертывание так называемой «холодной войны» против социалистических государств и подготовку новых кровопролитных войн» [2].

Пропаганда мирового господства развернулась в те годы в Соединенных Штатах с невиданным размахом. В нее активно включились видные политические деятели, журналисты, руководители реакционных профсоюзов. «Америка,— писал орган бизнесменов США,— расширит сферу извлечения прибылей... Частные предприниматели получат соответственно свои выгоды... В конечном счете мы сумеем целиком прибрать к рукам мировые рынки» [3]. Известный военный обозреватель Хэнсом Болдуин заявлял: «Сегодня мы нация-банкир, нация-кредитор, нация-экспортер, великая морская и воздушная держава, центр средоточия мировых коммуникаций. Если Рим в свое время был центром существовавшего тогда мира, то в еще большей степени Вашингтон является центром западного мира в XX веке» [4].

Военная, внешнеполитическая и дипломатическая стратегия США была направлена против сил социализма, коммунистического, рабочего, национально-освободительного движений.

Американский империализм стал главной милитаристской силой среди капиталистических государств. Он поставил своей задачей дальнейшее расширение военного производства. К этому толкала и погоня за прибылями. В 1943 и 1944 гг. прибыли корпораций США достигли огромного размера — свыше 24 млрд. долл. в год, но уже в 1945 г. произошло их снижение до 20 млрд.[5]

[1] «Визит Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки 18—25 июня 1973 года. Речи и документы». М., 1973, стр. 117—118.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Том седьмой. М., 1971, стр. 97.

[3] «Business Week», 22. III. 1947.

[4] *H. Baldwin.* The Price of Power, New York, 1945, p. 26.

[5] «Labour Fact Book 9». Labour Research Association. New York, 1949, p. 18.

Возросло влияние министерства обороны США — Пентагона — на внутреннюю и внешнюю политику страны. Правящие круги стремились соединить дипломатию с военной политикой и разведкой. Так, одна из комиссий конгресса подчеркивала, «что решения в области дипломатии должны основываться на военной политике и наоборот. Это требует тесной связи между военной и дипломатической службой».

Многие традиционные методы дипломатии — переговоры, компромиссы, соглашения, сотрудничество на равной основе отходили в практике государственного департамента и его органов на второй план. На первый план выдвигались методы «политики с позиции силы», диктат, шантаж, запугивание, «атомная дипломатия» [1] и «дипломатия доллара» [2]. Предполагалось, что широкое применение подобных методов обеспечит навязывание империалистическими кругами Соединенных Штатов своей воли другим странам и народам.

В качестве прикрытия и обоснования «дипломатии силы» правящие круги США решили использовать миф о «советской угрозе». С конца 1945 г. антисоветская кампания развернулась в США с еще большим размахом. По свидетельству известного американского историка Флеминга, «в последние недели 1945 года в сенате Соединенных Штатов стали произноситься речи, свидетельствовавшие о глубочайшей неприязни к Советскому Союзу и намерении проявить решимость в отношении него» [3]. Флеминг отмечает, что многие из них заканчивались совершенно открытыми призывами к войне против Советского Союза, к использованию атомного оружия в качестве новой «большой дубины».

Сенатор Эдвин Джонс из Колорадо, возглавлявший комитет по военным делам, в своей речи 28 ноября 1945 г. заявил: «Располагая стратегическими аэродромами, расположенными по всей территории от Филиппин до Аляски на берегах Азии, от Аляски до Азорских островов в Южной Атлантике, мы можем по первому указанию сбросить атомные бомбы на любое место на поверхности земли и вернуться на наши базы... Атомная бомба в руках Соединенных Штатов будет большой дубиной американской дипломатии» [4].

---

[1] Использование временного преимущества США в овладении атомным оружием для устрашения других стран и народов.

[2] Спекуляция на финансово-экономической мощи США, предоставление долларовых подачек «покорным странам» и отказ в кредитах всем тем, кто не признавал гегемонистских претензий монополистов США.

[3] *D. Fleming.* The Cold War and its Origins. 1917—1960, vol. 1—2. London, 1961, p. 334.

[4] Цит. по: *D. Fleming.* The Cold War and its Origins. 1917—1960, vol. 1—2. London, 1961, p. 336.

Доктрина «сдерживания» коммунизма. Речь Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г.

Один из активных проповедников «дипломатии силы», Джордж Кеннан, занимавший в 1945—1947 гг. пост советника посольства США в Москве, написал и направил в государственный департамент три обширные докладные записки: «Международное положение России накануне окончания войны с Германией» (май 1945 г.), «Меморандум от 22 февраля 1946 года», «Соединенные Штаты и Россия» (зима 1946 г.), в которых выдвигал доктрину «сдерживания коммунизма». В меморандуме от 22 февраля 1946 г. Кеннан призывал усилить пропаганду того, что Советский Союз стремится будто бы «разрушить внутреннюю гармонию (!) нашего общества, уничтожить наш традиционный образ жизни», уничтожить Соединенные Штаты [1]. Спустя 12 лет Кеннан фактически признал, что при составлении этих записок он руководствовался карьеристскими соображениями, действуя в духе политики правящих кругов США. «Я никогда не думал.— заявил Кеннан,— что Советское правительство хотело всеобщей мировой войны когда-либо, начиная с 1945 года, или что оно по каким-то политическим мотивам было склонно начать такую войну» [2].

Меморандум Кеннана был получен Вашингтоном в тот момент, когда заканчивалась подготовка к открытому провозглашению «дипломатии силы». Джордж Кеннан не ограничился меморандумом, адресованным Вашингтону. Вскоре он выступил со статьей [3], в которой назвал свои предложения «доктриной сдерживания». Этот термин («doctrine of containment») был взят на вооружение американской дипломатией. При этом подразумевалось, что речь идет не просто о «сдерживании» роста влияния социализма, а о его подавлении силой, о широком и насильственном экспорте контрреволюции. «Доктрина сдерживания» была оценена многими американскими авторами как «политика прямой агрессии против СССР» [4], всего мирового рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения.

Однако практическое осуществление «доктрины сдерживания» началось раньше, чем это ее наименование стало общеизвестным. В США в 1946 г. несколько месяцев находился бывший британский премьер-министр У. Черчилль, встречавшийся с президентом Трумэном и другими руководящими деятелями

---

[1] «The Forrestal Diaries». Ed. by W. Millis. New York, 1951, p. 138.
[2] «Harper's Magazine», February 1958, p. 38.
[3] «The Foreign Affairs», July 1947.
[4] См. напр., *E. Stilman, W. Pfaf.* The New Politics. New York, 1961, p. 24.

страны. Во время этих встреч возник план организации такого выступления, которое было бы своеобразным манифестом политических руководителей империалистического мира. Предлагая свои услуги, Черчилль стремился восстановить ведущую роль английских империалистических кругов в мировой политике. Он рассчитывал добиться этого не только опираясь на союз с США, но и в надежде на американо-советский военный конфликт.

Черчилль выступил с речью 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже города Фултон (штат Миссури), куда он прибыл вместе с президентом Трумэном. Он заявил, что капиталистическим странам угрожает опасность новой мировой войны и причиной этой угрозы якобы является Советский Союз и международное коммунистическое движение [1]. Черчилль призывал проводить по отношению к СССР самую жесткую политику, угрожал применением американского атомного оружия, настаивал на создании агрессивного союза империалистических государств для навязывания своей воли СССР, не исключая и военные средства. В этих целях он предлагал создать «ассоциацию народов, говорящих на английском языке» [2]. Впрочем, оратор дал понять, что в такой ассоциации может принять участие и Западная Германия.

Черчилль учитывал настроения наиболее милитаристски настроенных империалистических кругов США. Некоторые американские политические деятели даже определяли последовательность этапов осуществления агрессии против СССР и других свободолюбивых народов. Так, В. Джордан, выступая в Филадельфии, говорил: «Сначала давайте предложим использовать максимум нашей экономической мощи в целях восстановления... Затем, во-вторых, давайте потребуем неограниченного права постоянной инспекции и контроля... И, наконец, давайте делать, хранить и совершенствовать наши атомные бомбы с тем, чтобы повелевать. Давайте, как правило, навесим их над любой точкой земного шара... и давайте в самом деле сбросим их быстро и без угрызений совести там, где осуществлению наших целей будет оказано сопротивление» [3].

Черчилль и ряд других политических деятелей капиталистической Европы предпочитали делать вид, что американская «дипломатия силы» направлена только против социалистических государств. В отношении Соединенных Штатов они предпочитали подчеркивать единство, а не противоречия. В доказательство своей лояльности Черчилль по окончании речи в Фултоне

---

[1] «New York Times», 6. III. 1946.
[2] Ibidem.
[3] *D. Fleming.* The Cold War and its Origins, p. 393—394.

спел вместе с присутствующими государственными деятелями США американский национальный гимн [1].

Советская программа мира и международного сотрудничества

В Советском Союзе, среди прогрессивных людей всего мира речь Черчилля была воспринята с глубоким возмущением и расценена как призыв к созданию англо-американского военного блока, направленного против СССР, других социалистических стран и национально-освободительного движения угнетенных народов.

Речь Черчилля свидетельствовала о том, что империализм, породивший две мировые войны, помышляет о третьей такой же войне, что правящие круги США и Англии намерены не только порвать с международным сотрудничеством военного времени, но и следовать по опасному пути подготовки нового мирового военного пожара. Советское правительство сочло необходимым высказать свое отношение к выступлению бывшего британского премьера. Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин дал интервью корреспонденту «Правды», в котором речь Черчилля была оценена «как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество» [2]. Но намерения, изложенные в фултонской речи, шли еще дальше. По сути дела, говорилось далее в интервью, Черчилль и его единомышленники в Англии и США «предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке,— в противном случае неизбежна война... Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР» [3].

Агрессивному курсу империализма США и Англии противостояла советская политика мира и международного сотрудничества. Программа этой политики, выдвинутая еще в конце второй мировой войны, была развита в ряде официальных документов и выступлений видных политических деятелей СССР, относящихся к началу 1946 г. Практические действия СССР были направлены к претворению этой программы в жизнь.

В Советском Союзе продолжалась демобилизация войск, промышленность переводилась на производство продукции мирного назначения. Советская Армия покидала территории ряда стран, освобожденных ею в ходе второй мировой войны. Так, в начале 1946 г. была осуществлена эвакуация советских войск с острова Борнхольм, из Ирана и Маньчжурии (Северо-Восточный Китай).

---

[1] «Daily Telegraph and Morning Post», 2. IV. 1949.
[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 47.
[3] Там же, стр. 48.

Советский Союз принял самое активное участие в работе Организации Объединенных Наций, начавшей функционировать с 1946 г., и сразу же поставил вопрос о выполнении этой Организацией тех задач, для решения которых она была создана. Представитель СССР на первой части первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. А. Громыко подчеркнул в своем выступлении 18 января 1946 г., что успех деятельности ООН будет зависеть от последовательного осуществления ею принципа сотрудничества равноправных суверенных государств — членов Организации, что ее главная задача — защита интересов больших и малых держав против агрессии. А. А. Громыко говорил: «...Успех новой организации будет находиться в прямой зависимости от того, насколько в ней будет учитываться опыт сотрудничества демократических стран во время войны и насколько будет и впредь иметь место подлинное сотрудничество всех наций, являющихся ее членами...

В обеспечении прочного мира и недопущения повторения новой агрессии заинтересованы все нации, как большие, так и малые. В этом их интересы полностью совпадают» [1].

Главной задаче ООН полностью отвечали те конкретные вопросы, которые были выдвинуты социалистическими государствами в 1946 г.: о пресечении империалистической интервенции в Греции и Индонезии, о выводе английских и французских войск из Сирии и Ливана, о пребывании войск государств — членов ООН на территориях ряда невражеских государств. На второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегацией СССР был поставлен вопрос о всеобщем сокращении вооружений.

Свидетельством возможности и эффективности международного сотрудничества государств с различными социальными системами явился тот факт, что в течение всего 1946 г., несмотря на большие трудности, порождавшиеся обструкционистской политикой правительств США и Англии, в соответствующих органах шли переговоры по важным международным проблемам: о содержании мирных договоров с Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией, Финляндией; о контроле над атомной энергией; о принципах политики союзных держав в отношении Японии; о будущности Кореи; работали Контрольный совет в Германии, Союзнический совет в Австрии.

В то время как империалистическая пропаганда трубила о неизбежности третьей мировой войны, советская внешняя политика доказывала, что такой неизбежности не существует, что растут силы, способные обеспечить сохранение мира. В интервью Эллиоту Рузвельту, которое было опубликовано в январе

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 222.

1946 г., И. В. Сталин говорил: «...В настоящее время никто не может воевать без своего народа, а народ не хочет воевать. Народы устали от войны. Кроме того, нет никаких понятных целей, которые оправдали бы новую войну» [1].

Однако наиболее агрессивные круги США и Англии не хотели считаться с волей народов, упорно вели свою линию.

«Доктрина Трумэна»

Речь Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г. имела далеко идущие последствия. Она предала гласности враждебные социализму планы наиболее реакционной части правящих кругов Запада. Но имело значение и другое. Американский империализм стремился использовать финансово-экономические трудности Англии, усугубленные кабальным займом, полученным ею от США в июле 1946 г., огромными расходами на поддержку сил реакции в Европе и борьбу с национально-освободительным движением.

Со второй половины 1946 г. начались англо-американские переговоры, которые свелись главным образом к обсуждению вопроса о судьбах Греции и Турции. Американские дипломаты убеждали своих английских коллег, что для их правительства самым благоприятным выходом была бы передача этой доли «наследства» в руки США как для облегчения финансового бремени Англии, так и для ухода от той критики, которой повсеместно подвергался британский империализм за его интервенцию в Греции [2].

21 февраля 1947 г. правительство США получило две британские ноты, в которых официально сообщалось о согласии Англии передать оказание «помощи» Греции и Турции Соединенным Штатам Америки. Английское правительство объявило о выводе своих войск из Греции. Бывший сотрудник государственного департамента Джонс пишет, что ноты были оценены как свидетельство, что Англия «передала США руководство миром со всеми его трудностями и славой».

Чиновники внешнеполитического ведомства США в спешном порядке составили документ, озаглавленный «Позиции и рекомендации государственного департамента относительно немедленной помощи Греции и Турции» [3]. На его основе было подготовлено послание президента конгрессу, с которым он выступил 12 марта 1947 г.[4]

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 79.

[2] *J. Jones.* The Fifteen Weeks (February 21 — June 5, 1947), New York, 1955, pp. 7—8. В 1944 г. английские войска высадились в Греции и поддержали реакционные силы, развязавшие гражданскую войну.

[3] Ibid., p. 12.

[4] Текст послания см.: «A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents». 1941—1949. Washington, 1950, p. 1253—1257.

Выступление президента было приурочено к открытию в Москве сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции. По выражению некоторых американских журналистов, оно было призвано стать «политической атомной бомбой», предназначенной заставить «задрожать стекла» в зале заседаний сессии. Иначе говоря, заокеанские дипломаты рассчитывали, что выступление президента заставит Советский Союз отступить в германском вопросе — главном вопросе сессии СМИД.

В послании Трумэна Греция и Турция были названы странами, якобы находящимися под непосредственной «коммунистической угрозой», для преодоления которой им выделялась срочная американская помощь в 400 млн. долл. Эти средства должны были обеспечить превращение Греции и Турции в передовые бастионы империализма Соединенных Штатов, которые он рассчитывал использовать против СССР и стран народной демократии.

В послании утверждалось, что Советский Союз будто бы создает угрозу для США, и отвергалась возможность мирного сосуществования и сотрудничества государств с различными социальными системами. Трумэн призывал к осуществлению «доктрины сдерживания», составными частями которой стали военные приготовления США, сколачивание агрессивных военных блоков, подчинение воле американских монополий других стран и народов.

В своих воспоминаниях Трумэн назвал свое послание конгрессу «поворотным пунктом американской внешней политики» [1]. Он не поясняет смысл этого поворота. Публицист Д. Уорберг назвал речь президента новым призывом к «крестовому походу» против социализма [2].

Большое внимание уделяла американская печать чисто военной стороне правительственной политики. Известный американский журналист У. Липпман, раскрывая подлинные цели этой «доктрины Трумэна», писал: «Мы выбрали Грецию и Турцию не потому, что они особенно нуждаются в помощи, и не потому, что они являются блестящими образцами демократии, но потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море и к сердцу Советского Союза» [3]. Еще более откровенно заявление бизнесмена Брауна: «Мы сможем бомбить мягкое подбрюшье России и почти все ее крупные города со сравнительно близкого расстояния. Наши же города на-

---

[1] «The Memoirs by Harry Truman», vol. II. New York, 1956, p. 106.
[2] *J. Warburg.* Germany: Key to Peace. Harvard University Press, Cambridge, 1953, p. 41.
[3] «New York Herald Tribune», 1. IV. 1947.

ходятся на чрезвычайно большом расстоянии от баз ее бомбардировщиков. Более того, у нас имеется «эта бомба»»[1].

Конгресс принял предложение президента. В Турцию и Грецию были также направлены вооружение из военных запасов США, американский военный и гражданский персонал.

Наиболее реакционная часть турецкой буржуазии, напуганная ростом демократического движения, шла на сотрудничество с империализмом США, пренебрегая национальными интересами своей страны. В Греции у власти находились прямые преемники довоенных монархо-фашистов, получившие бразды правления от английских интервентов, они готовы были сотрудничать с новыми претендентами на господство в этой части Средиземноморья. В последующие несколько лет американская военщина создала военные базы в Греции и Турции, что способствовало превращению Ближнего и Среднего Востока в один из наиболее тревожных очагов международной напряженности.

Объектом наиболее алчных стремлений американских монополий была ближневосточная нефть. Если в 1938 г. на долю монополий США приходилось 14% (3,2 млн. *т* добычи ближневосточной нефти), то в 1951 г.— 57,8% (56,6 млн. *т*).

«Доктрина Трумэна» положила начало новому этапу в истории международных отношений и дипломатии. Этот этап быстро обрел свое наименование. Так, Липпман озаглавил сборник своих статей, посвященных «доктрине Трумэна»,— «Холодная война»[2]. Вскоре это наименование употребил один из видных идеологов американского империализма — Р. Осгуд[3]. Однако ни тот, ни другой не поставили перед собой вопроса об исторических корнях «холодной войны». Более добросовестные буржуазные исследователи вынуждены признать, что «холодная война» возникла как прямое продолжение и развитие в новых исторических условиях давнишней антисоветской политики[4]. Английский историк-международник Вудхауз пишет: «Холодная война... не началась внезапно. Мыслящие люди — более или менее задумывающиеся над происходящими событиями — обнаруживают ее корни не только во второй мировой войне, но и ранее, даже еще в Мюнхенском соглашении сентября 1938 года»[5].

Агрессивная сущность «доктрины Трумэна» была разоблачена 7 апреля 1947 г. в выступлении советского представителя

---

[1] *L. Brown.* Report on Germany. New York, 1947, p. 157.
[2] *W. Lippman.* The Cold War. New York, 1947.
[3] *R. Osgood.* Limited War. The Challenge to American Strategy. Chicago, 1957, p. 149.
[4] *D. Fleming.* The Cold War and its Origins, p. 475.
[5] *C. Woodhouse.* British Foreign Policy since the Second World War. London, 1961, p. 13.

в Совете Безопасности ООН и в беседе Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина с видным политическим деятелем США Гарольдом Стассеном 9 апреля 1947 г. Вместе с тем правительство СССР заявило, что Советский Союз твердо стоит на ленинской позиции признания возможности и желательности сотрудничества государств различных социальных систем [1].

На информационном совещании представителей ряда коммунистических партий в Варшаве в конце сентября 1947 г. отмечалось, что «доктрина Трумэна» «носит откровенно агрессивный характер». Она рассчитана на предоставление американской помощи реакционным режимам, активно выступающим против демократических народов.

Отрицательное отношение масс к «доктринам» американского империализма представляло естественную реакцию, основанную на историческом опыте. Стремясь преодолеть сопротивление народов, крайние монополистические круги США решили использовать более замаскированные формы своих действий. Так появился новый вариант их политики — «план Маршалла».

2. Дипломатическая борьба вокруг «плана Маршалла»

«План Маршалла» — экономическая подготовка империалистических военных блоков

Американские политические деятели были убеждены, что использование экономического могущества США может открыть путь к закабалению других стран, станет основой сколачивания агрессивных военных блоков, направленных против СССР и стран народной демократии, усилит и укрепит влияние США в послевоенном мире. Эти цели и преследовал «план Маршалла».

Идея плана отнюдь не отличалась новизной. Его родословная восходит к 1919—1923 гг., когда была создана «АРА» («American Relief Administration»), проводившая не столько политику оказания помощи европейским странам, пострадавшим от первой мировой войны, сколько политику борьбы с революционным движением и укрепления экономических и политических позиций американского империализма.

В конце второй мировой войны, 22 июля 1945 г., военный министр США Стимсон направил президенту Трумэну меморандум, в котором предлагал, чтобы Соединенные Штаты воспользовались послевоенными трудностями европейских стран и, разработав план «восстановления Европы», стремились подчи-

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. I, стр. 16.

нить эти государства своему влиянию. «Я настаиваю на том,— писал министр,— чтобы был принят полностью координированный план экономического восстановления Европы... Для достижения поставленной цели следует полнее использовать все наши силы, объединив все средства в едином органе» [1].

Таким образом новый план зародился в недрах военного ведомства. Его горячим сторонником стал бывший начальник генерального штаба США генерал Д. Маршалл, назначенный в январе 1947 г. государственным секретарем. Под его непосредственным руководством протекала вся подготовительная работа. Основные положения плана были согласованы с представителями крупнейших монополий и банков. Беседы по этому вопросу велись с представителями правительств Англии, Франции и Италии. Они приняли характер тайного сговора американских монополий с западноевропейской реакцией, направленного против коммунистического движения, прогрессивных сил, всех сторонников независимого демократического развития стран Европы.

Особенное рвение в поддержке нового плана проявило лейбористское правительство Англии. 1947 год ознаменовался большими финансово-экономическими трудностями для этой страны. Ее правительство собиралось обратиться к Соединенным Штатам с просьбой о новом займе. Теперь оно рассчитывало, что американская экономическая помощь укрепит положение страны. Английские правящие круги также разделяли опасения монополистов, встревоженных ростом активности масс в европейских странах. Американская печать позднее сообщала, что британский министр иностранных дел Э. Бевин был не только горячим сторонником нового плана, но и сделал для его осуществления больше, чем любой другой политический деятель [2].

Американский историк Дэвидс, в прошлом работавший в разведке, впоследствии писал, что главы правительств западноевропейских стран согласились с решением «Америки использовать свои материальные, финансовые и военные ресурсы для создания форпостов борьбы с коммунизмом. План Маршалла... был направлен на то, чтобы ослабить влияние коммунистических партий, особенно во Франции и Италии» [3].

В мае 1947 г. в результате действий реакции из правительств Италии и Франции были удалены коммунисты.

«План Маршалла» камуфлировался разглагольствованиями о необходимости «экономического восстановления» Европы, но

[1] *H. Stimson and M. Bundy.* On Active Service in Peace and War. New York, 1948, p. 594—595.
[2] *H. and N. Mathews.* Britain We Saw. London, 1950, p. 143.
[3] *J. Davids.* America and World of Our Time. New York, 1960, p. 527.

американский капитал меньше всего заботился об экономике своих конкурентов, его интересовали военные союзники. Президент Трумэн через несколько лет признал это, отметив, что экономическая помощь Европе была «направлена на поддержку перевооружения, а не на дальнейшее общее расширение экономики» [1]. В своем выступлении перед плантаторами Миссисипи 8 мая 1947 г. заместитель государственного секретаря Д. Ачесон заявил, что правительство США разрабатывает план, главным содержанием которого явится восстановление Германии и Японии в качестве силовых центров Европы и Азии [2].

О новом плане Маршалл сообщил 5 июня 1947 г. в своей речи в Кэмбридже перед членами ассоциации бывших студентов Гарвардского университета. Речь была выдержана в традиционном стиле американской дипломатии. В ней ничего не говорилось о действительных целях Соединенных Штатов, а новый план представлялся в виде неожиданной импровизации оратора.

В нарочито неопределенных и общих выражениях, тщательно избегая какой-либо конкретизации, Маршалл пространно рассуждал о том, что американская «помощь» пострадавшей от войны Европе необходима как решающее условие ее возрождения. Он давал понять, что промедление с американской «помощью» может явиться серьезным испытанием для прочности капиталистического строя, ибо оно повлечет экономические, социальные и политические последствия «угрожающего характера» [3]. Так вырисовывалась классовая сущность новорожденного плана, предполагавшего поддержку всех реакционных сил Европы, в первую очередь Западной Германии.

Парижские переговоры 1947 г.

В соответствии с предварительной договоренностью между правительствами США, с одной стороны, Англии и Франции, с другой, дальнейшая инициатива в продвижении «плана Маршалла» предоставлялась последним. Встретившись в Париже 17—18 июня, министры иностранных дел Англии и Франции договорились о ближайших мерах по осуществлению американского плана и обратились к Советскому Союзу с предложением принять участие в совещании по этому плану. Такое обращение представляло собой дипломатический ход. Оно имело целью замаскировать антисоветский характер «плана Маршалла». Предполагалось, что, если Советский Союз откажется принять это обращение, его можно будет обвинить в нежелании

---

[1] «The Budget of the United States Government for the Fiscal Year Ending. June 30, 1952». Washington, 1951, p. 20.

[2] См. *Т. Берк.* Американский империализм и «план Маршалла». М., 1949, стр. 43.

[3] «Department of State Bulletin», 15. VI 1947, p. 1159—1160.

содействовать экономическому восстановлению Европы. Газета «Нью-Йорк Таймс» писала: задача заключается в том, чтобы «открыть перед Россией дверь, в которую — Вашингтон был уверен — она не войдет» [1]. Но Советское правительство приняло приглашение.

Совещание министров иностранных дел Англии, Франции и СССР по «плану Маршалла» проходило в Париже с 27 июня по 2 июля 1947 г. Особенность совещания состояла в том, что в нем не приняли участие представители США — той страны, предложения которой выносились на обсуждение. Условия американской «помощи» оставались скрытыми и официально на совещании не выставлялись. Продолжалась сложная дипломатическая игра, имевшая целью скрыть подлинное существо «плана Маршалла».

Однако советская дипломатия, разрушая эти планы, вынудила представителей Англии и Франции вступить в дискуссию о порядке и условиях предоставления американской «помощи» европейским странам. Предложения, внесенные представителями Англии и Франции, предусматривали создание «руководящего комитета», который составит всеобъемлющую программу экономического восстановления Европы и определит уровень и направление экономического развития отдельных стран, а также долю предоставляемой каждой из них американской «помощи». Программа, разработанная комитетом, должна была поступить на одобрение правительства США.

Советская делегация решительно выступила против предложений министров иностранных дел Англии и Франции, в действительности исходивших от правительства США. Она отметила, что осуществление этих предложений приведет к тому, что «европейские страны окажутся подконтрольными государствами и лишатся прежней экономической самостоятельности и национальной независимости в угоду некоторым сильным державам» [2]. Правительство СССР считало, что помощь должна предоставляться при полном уважении национальных прав и независимости стран, ее получающих. Оно считало необходимым обеспечить быстрое восстановление и дальнейшее развитие экономики всех европейских государств без вмешательства в их внутренние экономические проблемы, решение которых является суверенным делом самих народов.

Советский Союз внес конкретные предложения, основанные на уважении суверенитета государств — предполагаемых получателей помощи: специально созданный комитет содействия

---

[1] «New York Times», 18. VI 1947.

[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. II, стр. 122.

должен был заняться выявлением потребностей европейских стран в американской помощи путем получения соответствующих заявок от этих стран. На этой основе предполагалось составить сводную программу необходимой помощи, а затем выяснить возможные ее размеры со стороны США. При этом в советском предложении подчеркивалось, что в первую очередь должны быть предусмотрены нужды стран, пострадавших от фашистской агрессии и внесших свой вклад в дело победы союзников по антигитлеровской коалиции. Однако правительства Англии и Франции, активно поддерживавшие позицию американского правительства, отвергли советские предложения.

В последний день совещания было оглашено советское заявление, в котором отмечалось принципиальное различие между сотрудничеством, основанным на демократической основе, на уважении национального суверенитета, и таким сотрудничеством, «которое основано на господствующем положении одной или нескольких сильных держав в отношении других стран, попадающих в положение каких-то подчиненных, лишенных самостоятельности государств» [1]. В заявлении прозорливо отмечалось, что американский план рассчитан на укрепление осуществленного западными державами раскола Германии и что он имеет своей подлинной целью раскол Европы на две группы государств, использование одних европейских стран против других во имя выгоды некоторых стремящихся к господству сильных держав.

В связи с этим Советский Союз отказался участвовать в «плане Маршалла». Страны народной демократии также отказались от участия в этом плане. Их отказ был большим ударом для всех сил внутренней контрреволюции. Кроме СССР, Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, от участия в «плане Маршалла» отказалась Финляндия.

Никакие дипломатические покровы не могли скрыть империалистической сущности «плана Маршалла», вскрытой советской дипломатией. Американский публицист Уорберг писал: «Антикоммунизм был главным горючим, подогревавшим котел плана Маршалла» [2].

«План Маршалла» в действии

После Парижского совещания представителей Англии, Франции и СССР из-за кулис вышли те люди, которым правительство США доверило проведение этого плана в жизнь. В Европу прибыл крупный американский делец Клейтон, назначенный

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. II, стр. 123.
[2] *J. Warburg.* Put Yourself in Marshall's Plan. New York, 1948, p. 31.

правительством США «главным администратором» по «плану Маршалла». При его участии 12—15 июля 1947 г. в Париже состоялась конференция 16 западноевропейских государств, принявших американские условия «помощи»: Австрии, Англии, Бельгии, Греции, Дании, Ирландии, Исландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Турции, Франции, Швейцарии, Швеции. Из соображений дипломатической маскировки на совещании не была представлена Западная Германия, которой предназначалась львиная доля американской «помощи».

Конференция без больших прений приняла предложения правительства США по «плану Маршалла», по которому каждая страна, принимающая помощь, должна была представлять подробные отчеты о состоянии экономики, валютных резервах, военных разрушениях, восстановительных работах и т. д. Была учреждена Организация европейского экономического сотрудничества во главе с исполнительным комитетом. Как и предвидела советская дипломатия, этот комитет, по форме представлявший страны, получавшие «помощь» США, а также и эту заокеанскую державу, на деле стал органом ее политики, ее диктата. Возглавлял комитет американский администратор «плана Маршалла». Теперь «план Маршалла» и размеры необходимых ассигнований были представлены конгрессу США на утверждение. В течение ряда месяцев конгресс затягивал решение вопроса, явно намереваясь поставить страны Европы в положение просителей. Для воздействия на конгресс политические деятели капиталистических стран прибегали к запугиванию угрозой коммунизма. Английский фельдмаршал Монтгомери призывал поторопиться, «так как на Западе ширится влияние коммунистов» [1].

«Закон 1948 года о помощи иностранным государствам» был принят конгрессом Соединенных Штатов лишь 3 апреля 1948 г. и подписан президентом на следующий день. «План Маршалла» во многих отношениях подготовил создание агрессивных военных блоков: привязал экономику и политику капиталистических стран Европы к Соединенным Штатам, положил начало милитаризации их экономики, способствовал возрождению и развитию военно-экономического потенциала Западной Германии. Осуществление этого «плана» знаменовало собой крутой поворот политики западных держав-победительниц в отношении побежденной Германии: Западная Германия становилась их союзницей, которой правящие круги Соединенных Штатов

---

[1] *B. Montgomery.* The Memoirs. London, 1958, p. 506.

явно отдавали предпочтение в сравнении с другими союзными им странами. Это видно из распределения ассигнований по «плану Маршалла». За первый год его осуществления Западная Германия получила 2422 млн. долл., Англия — 1324 млн., Франция — 1130 млн., Италия — 704 млн. долл.[1]. Иначе говоря, Западная Германия получила почти столько же, сколько Англия и Франция, вместе взятые.

Военно-стратегический характер «плана Маршалла» отмечали многие его поборники в западных странах и многие из тех, кто критически к нему относился. Не скрывая своего удовлетворения, один из военных идеологов США, Финлеттер, заявил: «НАТО никогда бы не появился на свет, если бы ему не предшествовал план Маршалла»[2]. Английский историк К. Ингрэм отмечал, что этот план имел «огромное значение. Он консолидировал два блока, усугубил раскол между коммунистическим миром и Западом... Советскому Союзу была противопоставлена организованная западная группировка, опирающаяся на огромные ресурсы Америки и настойчиво ставящая своей целью уничтожение коммунизма путем завоевания мирового господства»[3].

Принятый американским конгрессом «Закон 1948 года...» обязал все страны, получающие американскую помощь, вести широкую пропаганду в пользу «плана Маршалла». Мутный поток славословия хлынул со страниц буржуазных изданий[4]. Вокруг «плана Маршалла» развернулась широкая политическая и идейная борьба, которая выявила остроту противоречий между двумя социальными системами, страх крупной буржуазии за свое будущее и стремление американских империалистов к подчинению своей воле других стран и народов.

В этих условиях разъяснение народам подлинных целей «плана Маршалла» приобретало особенно важное значение.

В сентябре 1947 г. делегация СССР выступила на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН с заявлением, в котором подчеркивалось, что «проведение в жизнь «плана Маршалла» будет означать подчинение европейских стран экономическому и политическому контролю со стороны США и прямое вмешательство последних во внутренние дела этих стран... Важной особенностью этого плана является стремление противопоставить странам Восточной Европы блок ряда западноевропейских

---

[1] См. *Ю. Лидер.* НАТО. М., 1964, стр. 33.

[2] *Т. Финлеттер.* Сила и политика. М., 1956, стр. 47.

[3] *К. Ingram.* History of the Cold War. London, 1955, p. 62.

[4] «Я лично верю в подлинное бескорыстие Соединенных Штатов»,— заявил лидер французских правых социалистов Леон Блюм («Populaire», 21. V. 1947).

стран, включая и западную Германию»[1]. С осуждением планов американского империализма выступили правительства стран народной демократии.

В докладе секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова на Информационном совещании представителей некоторых коммунистических партий в сентябре 1947 г. говорилось, что сущность «плана Маршалла» состоит в том, «чтобы сколотить блок государств, связанных обязательствами в отношении США, и предоставить американские кредиты как плату за отказ европейских государств от экономической, а затем и от политической самостоятельности. При этом основой «плана Маршалла» является восстановление контролируемых американскими монополиями промышленных районов Западной Германии»[2].

Империалистическая сущность «плана Маршалла» была разоблачена и другими коммунистическими партиями. Председатель Коммунистической партии США У. Фостер писал: ««План Маршалла», преподнесенный миру как проект восстановления разоренной войной Европы, по существу, ставит своей целью вооружение и мобилизацию капиталистических стран Европы для решительной схватки с СССР и странами народной демократии в Центральной и Юго-Восточной Европе»[3].

Советские профсоюзы, выступившие с Декларацией по поводу «плана Маршалла», отметили намерение Соединенных Штатов создать под своим руководством военно-политический блок западноевропейских капиталистических государств. В Декларации подчеркивалось, что «особенностью создаваемого на основе «плана Маршалла» блока является сговор американских финансовых магнатов с рурскими немецкими магнатами, которые уже дважды на протяжении жизни одного поколения ввергли мир в разрушительную войну»[4].

В этой обстановке, когда подлинные цели «плана Маршалла» все более становились общеизвестными, американская дипломатия предприняла маневр, цель которого заключалась в том, чтобы обвинить Советский Союз в «экспорте революции», агрессивные акции правительства США представить в виде мер самозащиты. Таков смысл Заявления, сделанного 4 мая 1948 г. правительством США правительству Советского Союза. В этом Заявлении создавшееся положение оценивалось как носящее «весьма серьезный характер» и высказывалась надежда, что «члены Советского правительства не проявят пренебрежения в отношении позиции правительства Соединенных Штатов»[5].

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год». ч. II, стр. 132.
[2] *А. Жданов.* О международном положении. М., 1947, стр. 32.
[3] *У. Фостер.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 680.
[4] «Новое время», 1948 г., приложение к № 10, стр. 3.
[5] «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I, стр. 195, 197.

В текст были включены слова, совершенно не связанные с основным, явно вызывающим содержанием Заявления, что оно оставляет открытой дверь для исчерпывающего «обсуждения и урегулирования существующих между нами разногласий» [1].

Стремясь к нормализации международной обстановки, Советское правительство в ответном Заявлении от 9 мая 1948 г. не считало нужным подчеркивать угрожающий тон заявления правительства США. Напротив, оно заявило о своем положительном отношении к предложению о переговорах. Была отвергнута попытка правительства США возвести беспочвенные обвинения на Советский Союз и прямо сказано, что «нынешнее неудовлетворительное состояние советско-американских отношений и напряженность в международном положении являются результатом политики Правительства Соединенных Штатов» [2]. Заявление Советского правительства предлагало «найти средства устранить имеющиеся разногласия и установить между нашими странами хорошие отношения, которые способствовали бы как интересам наших народов, так и делу упрочения всеобщего мира» [3].

В те дни Уоллес — кандидат в президенты США от третьей (Прогрессивной) партии, объединившей ряд американских прогрессивных организаций,— выступил с открытым письмом, в котором изложил конкретную программу возможных советско-американских переговоров. Советское правительство положительно оценило эту инициативу, отметив, что «ни один государственный деятель, имеющий заботу о мире и сотрудничестве народов, не может пройти мимо этой программы, ибо она отражает надежды и стремления народов к упрочению мира» [4].

Но официальный Вашингтон придерживался иного мнения. Государственный департамент поспешил выступить с заявлением, в котором не только отверг инициативу Уоллеса, но и высказался против всяких советско-американских переговоров, показав, насколько двойственным было заявление правительства США от 4 мая о том, что дверь для переговоров остается открытой. Таким образом, правящие круги США раскрыли свои подлинные замыслы. Этот факт был констатирован в сообщении ТАСС, опубликованном 20 мая 1948 г.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I, стр. 197.
[2] Там же, стр. 199—200.
[3] Там же, стр. 201—202.
[4] Там же, стр. 28.

3. Создание империалистического военного блока НАТО

Инициатива империалистических кругов Англии в создании агрессивных блоков

Проведение политики «холодной войны», провозглашение «плана Маршалла» и его осуществление знаменовали собой подготовку империалистических держав к созданию агрессивных военных блоков. В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на то, что образование таких блоков характерно для империализма, обусловлено самой его природой, что они возникают «из *одной и той же* почвы империалистических связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики» [1].

В ходе подготовки к созданию империалистических военных блоков правящие круги Англии предприняли попытку занять в этом процессе ведущую роль. Идея антисоветского блока с участием в нем побежденной Германии была выдвинута Черчиллем в его меморандуме осенью 1942 г., а затем в 1946 г. в фултонской речи. Руководящую роль в этом блоке Черчилль отводил империалистическим кругам Англии. Это стало очевидным из новых его речей, произнесенных в 1946—1948 гг. В них Черчилль призывал к созданию «объединенной Европы» для борьбы против СССР и стран народной демократии. Англию он называл «единственной страной», способной связать между собой «три мировые сферы»: Британскую империю, страны, народы которых говорят на английском языке, и объединение капиталистических стран в Европе. «Фактически,— говорил он,— мы являемся главным центром связи, и здесь, на наших островах, являющихся узлом морских, а возможно, и воздушных путей, мы имеем возможность объединить все эти сферы» [2].

Черчилль отводил в своих планах ведущую роль империалистическим силам Англии, делал ставку на обострение отношений между США и СССР и рассчитывал на Германию как на главную военную силу объединенной Европы. Призывая ради скорейшего возрождения экономического и военного потенциала Германии «совершить акт веры и предать забвению все преступления и ужасы прошлого» [3], Черчилль фактически вынашивал планы новой мировой войны, в которой милитаризованная Германия в качестве покорного исполнителя воли английских и американских монополий и при их всемерной поддержке вновь выступит против СССР. Он призывал поспешить с такой

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 418.
[2] «Правда», 21 октября 1948 г.
[3] *W. Churchill.* The Second World War and an Epilogue on the Years 1945—1957. London, 1958, p. 957.

войной и развязать ее, пока США «располагают атомной энергией и до того, как русские коммунисты тоже ее добудут» [1].

Английский народ на выборах 1945 г. отверг политику Черчилля. Но лейбористское правительство практически осуществляло политический курс в интересах монополий.

Первым шагом британской дипломатии на пути создания агрессивных военных блоков явилось заключение 4 марта 1947 г. в Дюнкерке договора о союзе и взаимной помощи между Великобританией и Францией. Идея этого договора была высказана Черчиллем в речи в Цюрихском университете 19 сентября 1946 г. Он считал необходимым такое сближение Англии с Францией, которое помогло бы французам забыть о недавнем фашистском нашествии и мрачных годах оккупации [2]. Вместе с тем, опираясь на союз с Францией, Англия могла бы успешнее бороться за ведущую роль среди капиталистических стран Европы.

Хотя под давлением общественного мнения в текст договора пришлось включить обязательства взаимной помощи «в случае какого-либо возобновления германской агрессии» [3], но лейбористский министр иностранных дел Англии спустя год уже открыто говорил, что договор следует пересмотреть и «в этом новом решении Германия должна найти свое место, как и другие европейские нации» [4].

Создание Западного союза

Следующим шагом по пути создания объединения ряда капиталистических стран Европы явилось подписание 17 марта 1948 г. в Брюсселе сроком на 50 лет договора Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, оформившего военно-политический Западный союз. Договор обязывал его участников к военной взаимопомощи и коллективным военным действиям в случае возникновения какой-либо опасной для их интересов ситуации, включая и ситуацию, «представляющую опасность для экономической устойчивости» [5]. Эта неопределенная формулировка давала возможность самого широкого толкования обязательств участников договора. В то же время она направляла его острие против всех тех действий, которые участники договора

---

[1] «Правда», 21 октября 1948 г.

[2] *W. Churchill.* The Second World War and an Epilogue on the Years. 1945—1957, p. 957.

[3] «Treaty Series», № 73 (1947). Treaty of Alliance Mutual Assistance between his Majesty in Respect of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the President of French Republic. Dunkerk, 4th March, p. 4.

[4] «Keesing's Contemporary Archives», 1948, p. 9063.

[5] «Collective Defence under the Brussels and North Atlantic Treaties». London, 1950, p. 15.

могли рассматривать как «подрывающие устойчивость капиталистического мира».

Брюссельский договор предусматривал создание постоянно действующих органов Западного союза: консультативного совета, военного комитета и военного штаба. Во главе военного штаба, разместившегося во французском городе Фонтенбло, был поставлен английский фельдмаршал Монтгомери.

Несмотря на то что в договоре содержалось упоминание, что он направлен против повторения агрессии со стороны Германии, в действительности империалистические круги западноевропейских стран продолжали проводить курс, направленный на возрождение западногерманского милитаризма.

Дипломатия США встретила создание Западного союза с некоторым неудовольствием. Американские газеты писали, что «объединенные ресурсы стран, заключивших Брюссельский пакт, в настоящее время не могут обеспечить достаточно военных сил... Необходима помощь извне» [1]. Но, чтобы избежать конфликта с Англией, дипломатия США решила выступить в поддержку Западного союза. Президент Трумэн незамедлительно сделал соответствующее заявление, добавив, что США пойдут в этой поддержке так далеко, как того потребует обстановка.

Советская дипломатия вскрыла подлинные цели Брюссельского договора еще до его заключения. 6 марта 1948 г. Советское правительство направило идентичные ноты правительствам США, Англии и Франции. В нотах разоблачалось стремление правительств этих стран к сепаратному решению германского вопроса в направлении, полностью противоречащем прежним решениям союзных держав. Советское правительство прозорливо отмечало, что в агрессивный военный блок будут вовлечены Италия, Западная Германия, что в нем примут участие и Соединенные Штаты. В ноте говорилось об опасности превращения Западной Германии «в стратегическую базу для будущей агрессии в Европе».

Советская нота констатировала, что «как американский план экономической «помощи», так и британский политический план «Западного союза» противопоставляют Западную Европу Восточной Европе и, следовательно, ведут к политическому расколу Европы. Из этого следует, что как американский экономический план, так и дополняющий его британский экономический план не имеют ничего общего с интересами укрепления мира и безопасности народов Европы» [2]. Последующее развитие событий подтвердило правильность этих оценок.

---

[1] «New York Times», 15. I. 1949.

[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I, стр. 145.

Создание НАТО Переговоры о создании военного блока западноевропейских государств во главе с Соединенными Штатами Америки были предприняты дипломатией США вскоре после вступления в силу «плана Маршалла». Они протекали в искусственно созданной США, Англией и Францией напряженной обстановке «берлинского кризиса».

Пытаясь ввести в заблуждение общественное мнение и скрыть от него агрессивные цели создаваемого военного блока, правящие круги США прибегли к обдуманному маневру. Учитывая популярность советской идеи коллективной безопасности, выдвинутой еще в предвоенные годы, американская дипломатия решила прикрыть свои действия мнимой заботой о создании системы такой безопасности. Но советская идея коллективной безопасности была направлена против агрессора, дипломатия США фальшивой вывеской коллективной безопасности прикрывала агрессивные замыслы.

Предварительные переговоры о создании военного блока велись правительством США с правительствами всех стран, присоединившихся к «плану Маршалла». Часть стран — участниц «плана Маршалла» — Австрия, Ирландия, Швейцария, Швеция — уклонились от участия в агрессивном военном союзе. Отсрочен был прием в военный блок Греции и Турции. Таким образом, число его участников на первых порах определилось в количестве двенадцати государств: десяти европейских и двух — США и Канада — заокеанских. Североатлантический союз — НАТО («North Atlantic Treaty Organisation») — создавался в нарушение Устава ООН, запрещавшего создание агрессивных военных блоков.

О его действительных целях можно судить по высказываниям американских конгрессменов и генералов. Один из них, Д. Дулитл, говорил, что США должны быть «физически, мысленно и морально подготовлены к сбрасыванию бомб на русские промышленные центры» [1]. К. Кеннон, председатель комиссии палаты представителей по военным ассигнованиям, добавлял, что Североатлантический блок нужен США для получения баз, чтобы «с помощью самолетов, базирующихся на континенте, нанести удар по Москве и по всем другим городам России» [2].

Название «Североатлантический» было обусловлено тем, что по Уставу ООН допускаются лишь оборонительные договоры, не направленные против союзных по второй мировой войне государств и соответствующие как целям и принципам ООН, так и региональному признаку. Политическая спекуляция на идее

---

[1] «New York Herald Tribune», 1. V. 1949.
[2] «New York Herald Tribune», 18. IV. 1949.

коллективной безопасности была призвана снять большинство препятствий, выдвигаемых Уставом ООН. А для того чтобы придать договору мнимый региональный характер, государственный департамент и изобрел «североатлантический» район, включив в него, впрочем, значительную часть земного шара.

Дипломатия США рассматривала Североатлантический договор как важный этап борьбы за мировое господство американских монополий. Вот почему далеко не случайно (20 января) меньше чем через неделю после опубликования заявления государственного департамента (14 января 1949 г.) о создании НАТО президент США Трумэн выступил с посланием конгрессу, в котором была изложена широкая программа внешнеполитической экспансии американских монополий. «Четвертый пункт» этой программы предусматривал оказание экономической «помощи» развивающимся странам путем государственных и частных капиталовложений.

В послании президента говорилось: «Старый империализм — эксплуатация для получения прибылей иностранными государствами не имеет места в наших планах» [1]. В действительности же это была типичная экспансионистская политика, которую предполагалось осуществлять с помощью новых методов.

Длительность переговоров о заключении Североатлантического пакта объяснялась остротой империалистических противоречий. Возникал вопрос о судьбах Западного союза. В англо-американских переговорах этот вопрос был решен путем компромисса: Западный союз сохранялся, но его вооруженные силы переходили под общее командование нового блока. Возникал и другой вопрос: о вкладе европейских членов блока в общие военные усилия. Правительство США хотело таких обязательств своих партнеров, которые максимально связали бы их и вынудили к полному напряжению всех военных возможностей. Сенатор Дин Ачесон (в январе 1949 г. он стал государственным секретарем) говорил в конгрессе: «Как союзник Западная Европа представляет более 200 миллионов свободных людей, которые могут отдать свои способности, свои резервы и свое мужество делу нашей совместной обороны» [2]. Американская военщина представляла себе будущую войну таким образом, что все участники блока будут вести операции, требующие большого участия людских масс, Соединенные же Штаты будут действовать стратегической авиацией, наносящей атомные удары [3]. Эти планы не вызывали

---

[1] «New York Times», 21. I. 1949.

[2] «The Joint Defence of Western Europe». New York, 1951, p. 174.

[3] Об этом откровенно заявлял, например, американский генерал Брэдли.

большого энтузиазма у европейских участников блока. Правительство США прибегало к разнообразным мерам давления на них.

4 апреля 1949 г. министры иностранных дел Бельгии, Исландии, Дании, Канады, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Италии, Великобритании, Франции и Соединенных Штатов подписали в Вашингтоне Североатлантический пакт. Срок его действия был определен в 20 лет.

В тексте Североатлантического договора — много фраз о всеобщем мире, коллективной безопасности и Уставе ООН. Однако это не может скрыть того, что создание НАТО явилось грубым нарушением принципов и целей ООН и направлено на подрыв сотрудничества великих держав — постоянных членов Совета Безопасности. НАТО создавался как орудие политики, направленной против социалистических государств и национально-освободительного движения, как блок колонизаторов, как союз монополистической буржуазии против демократического движения. Он явился фактически новым «Священным союзом».

Все содержание договора пропитано стремлением объединить силы реакции против поступательного движения человечества по пути социального прогресса. Статья 2 договора провозглашает тесное сотрудничество его членов в целях совместной охраны существующего общественного строя. Статья 4 предусматривает совместные действия против любой угрозы существующему порядку или его безопасности, иначе говоря, санкционирует иностранное вмешательство и вооруженную интервенцию против народов, ведущих борьбу за свободу, мир и демократию.

Статья 3 установила, что участники пакта будут взаимно содействовать усилению военной мощи. Она санкционировала дальнейшие поставки американского вооружения в Западную Европу на неравноправных условиях и стала исходным пунктом для непрерывного нажима с американской стороны на европейских участников договора в целях усиления их участия в гонке вооружений. Статья 5 определила обязательства сторон оказывать друг другу взаимную помощь, включающую применение вооруженной силы. Нарочито неопределенный характер этой статьи имел целью подвести под нее любые агрессивные военные акции участников пакта, что усиливалось положениями статьи 6, установившей возможность использования в качестве предлога для вооруженной агрессии любой инцидент с кораблем или самолетом участника пакта.

Статья 8 Североатлантического договора содержит фальшивое утверждение, будто бы он не противоречит ни одному из международных соглашений его участников с государствами, не вошедшими в НАТО. На самом деле он находился в вопиющем противоречии с обязательствами Англии и Франции по их

договорам с Советским Союзом, обязавшим стороны не заключать союзы и не принимать участия в коалициях, направленных против другой стороны. Утверждение, содержавшееся в договоре, представляло собой составную часть того камуфляжа, к которому прибегли его составители.

Статья 9 Североатлантического договора предусмотрела создание постоянных военных органов агрессивного блока. Она служила делу превращения НАТО в огромную военную машину[1].

Империалистические силы ускоряли оформление Североатлантического блока. Уже 5 апреля европейские члены НАТО обратились к правительству США за обещанной им военной и финансовой помощью. Соответствующая программа была разработана правительством США незамедлительно и 25 июля 1949 г. представлена на утверждение конгресса в виде проекта закона «О военной помощи иностранным государствам». Законопроект был одобрен конгрессом и быстро введен в действие.

Для осуществления поставок вооружения и наблюдения за военными расходами и экономикой стран — участниц блока правительство США создало специальное Управление по вопросам взаимного обеспечения безопасности, разместившееся в Париже. К управлению перешли многие функции и аппарат исполнительного комитета Организации европейского экономического сотрудничества. Этим была еще раз подтверждена преемственность, связывавшая Североатлантический пакт с «планом Маршалла» и «доктриной Трумэна». Управление по вопросам взаимного обеспечения безопасности, представлявшее собой орган государственной и военной машины США, использовалось американскими монополиями для проникновения в страны капиталистической Европы, как и его предшественник — исполнительный комитет.

В 1951 г. конгресс США принял закон «О взаимном обеспечении безопасности», выделявший кредиты для оплаты вооружений, поставляемых из США европейским участникам НАТО на ближайшие три года. В закон была включена поправка конгрессмена Керстэна, еще более раскрывшая агрессивный характер Североатлантического блока. Эта поправка предусматривала ежегодное ассигнование 100 млн. долл. на шпионско-подрывную работу против социалистических стран. Керстэн признал, что его поправка преследует цель свержения «законных правительств, существующих в указанных странах».

Принятие американским конгрессом поправки Керстэна, раскрывшей подлинный смысл НАТО, явилось беспрецедент-

---

[1] Текст Североатлантического договора см.: *Lord Ismay.* NATO. The First Five Years: 1949—1954. Utrecht, 1954, p. 17—19.

ным актом, провозгласившим целью США свержение законных правительств в других странах и открыто предусматривавшим ассигнование средств на шпионско-диверсионную деятельность для достижения такой цели.

Продолжая свою политику, направленную на подчинение государств — членов НАТО, правительство США разработало конвенцию «О статусе вооруженных сил стран — участниц НАТО»[1], провело ее через Совет Североатлантического блока и передало его членам. Конвенция была подписана 19 июня 1951 г., но вступила в силу только с 23 августа 1953 г. Столь длительный разрыв во времени был обусловлен острой борьбой между западноевропейскими участниками пакта и Соединенными Штатами, ибо конвенция, предоставляя широкие права американской военщине, урезала национальный суверенитет других членов НАТО. Создаваемая Соединенными Штатами сеть военных баз на территориях европейских государств — членов НАТО имела еще одну крайне опасную для этих государств сторону, ибо была призвана, по планам Пентагона, в случае войны, планируемой военными органами НАТО, отвлечь от США ответный удар и подставить под него европейских членов блока.

Конвенция предоставила США право размещать в странах НАТО свои вооруженные силы, а также силы других участников блока. Она установила, что право суда над лицами военного и гражданского персонала войск НАТО, совершившими преступление в чужой стране во время исполнения служебных обязанностей, принадлежит лишь государству, которое предоставило эти войска.

Конвенция предусматривала предоставление США военных баз на территориях других стран — участниц блока.

Агрессивную доктрину «сдерживания» сменила вскоре еще более вызывающая доктрина «массированного возмездия», дополненная доктриной насильственного «освобождения» социалистических стран, «освобождения» их от народной власти и национального суверенитета[2].

Доктрина «сдерживания», основанная на предположении, что США будет принадлежать монополия на атомное оружие, стала руководящей военной доктриной НАТО. Ее несостоятельность обнаружилась к осени 1949 г., когда миру стало известно, что успехи Советского Союза ликвидировали монополию США на атомное оружие. Доктрина «сдерживания» была заменена в 1953 г. доктриной «массированного возмездия». Последняя исходила из столь же ошибочного предположения, что на стороне

---

[1] «North Atlantic Treaty. Status of Forces Agreement with Appendix between the USA and other Governments». London, 1951.

[2] См. главу XX.

США будет «массированное» превосходство в количестве атомного оружия и средствах его доставки к цели. Но и от этой доктрины военщине вскоре пришлось отказаться.

Все доктрины НАТО носили совершенно определенный, явно воинствующий характер, были направлены против сил социализма, против международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

Свои планы империалистические силы НАТО предполагали осуществить путем развязывания новой войны. Президент Трумэн даже заявил, что с началом войны он даст приказ о применении атомного оружия, столь же не колеблясь, как тогда, когда он давал приказ о применении этого оружия против Хиросимы и Нагасаки [1].

Советская дипломатия против агрессивного блока

НАТО явился главным источником военной опасности, опорой всех реакционных сил Европы и всего мира.

Советская дипломатия своевременно разоблачила планы империалистических агрессоров, связанные с созданием НАТО, предупредила об опасных последствиях образования этого агрессивного военного блока и противопоставила безумию атомных маньяков идею мирного сосуществования государств с различными социальными системами и идею подлинной коллективной безопасности.

Важным документом советской дипломатии явилось Заявление МИДа СССР, опубликованное 29 января 1949 г. В нем напоминалось об оценке Советским Союзом «плана Маршалла» и Западного союза. В Заявлении отмечалось, что Североатлантический пакт является главным орудием «агрессивной политики правящих кругов США и Великобритании «по обе стороны Атлантики»», то есть в обоих полушариях земли, что отвечает «агрессивным стремлениям к установлению англо-американского мирового господства». В Заявлении убедительно показывалось, что Североатлантический договор не только противоречит Уставу ООН, но и представляет собой подкоп под эту организацию.

Советское правительство доказало тщетность попыток дипломатии США и Великобритании представить этот агрессивный блок в качестве оборонительного. Оно отмечало, что обороняться можно только против какой-либо угрозы, участникам же пакта не угрожает вооруженное нападение. «Североатлантический пакт нужен отнюдь не для самообороны, а для осуществления политики агрессии, для осуществления политики развязывания новой войны» [2].

---

[1] Public Papers of the Presidents of the United States. H. Truman. 1949. Washington, 1964, p. 200.

[2] «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 65.

Разоблачению подлинного характера и целей НАТО был посвящен и ряд других документов советской дипломатии.

В конце января — начале февраля 1949 г. состоялся обмен заявлениями между СССР и Норвегией. Советская дипломатия показала полнейшую несостоятельность трафаретных доводов сторонников агрессивного блока, утверждавших, будто бы Североатлантический блок создается для защиты от агрессии. В заявлении Советского правительства подчеркивалось, что Норвегии не угрожает агрессия со стороны какого-либо другого государства, тем более со стороны СССР. «Как известно Норвежскому Правительству,— говорилось в заявлении,— Советский Союз всегда занимал дружественную позицию в отношении Норвегии и в годы второй мировой войны внес свою долю в дело освобождения Норвегии от фашистских захватчиков. При этом войска Советского Союза были уведены с территории Норвегии добровольно и даже раньше, чем этого хотело само Норвежское Правительство» [1]. Для устранения каких бы то ни было сомнений насчет намерений СССР Советское правительство предложило Норвегии заключить пакт о ненападении. Норвежское правительство уклонилось от принятия этого предложения.

За несколько дней до подписания Североатлантического пакта, 31 марта 1949 г., Советское правительство направило правительствам США, Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Канады (через несколько дней еще и правительствам Италии, Норвегии, Дании и Исландии) меморандум о Североатлантическом договоре. В меморандуме убедительно была показана несостоятельность всех доводов, выдвигавшихся в защиту идеи создания агрессивного блока, и делался мотивированный вывод: «Североатлантический договор не имеет ничего общего с целями самообороны государств — участников договора, которым никто не угрожает и на которые никто не собирается нападать. Наоборот, этот договор имеет явно агрессивный характер и направлен против СССР» [2].

В связи с привлечением к участию в Североатлантическом договоре Италии Советское правительство обратилось с нотой к правительству Италии, а также направило ноту правительствам США, Англии и Франции, обращая внимание на то, что присоединение Италии к агрессивному блоку является прямым нарушением условий мирного договора с ней.

Разоблачение подлинных целей НАТО осуществлялось и в Организации Объединенных Наций. Убедительные доводы в обоснование той опасности для дела мира, которую представля-

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 76.
[2] Там же, стр. 93.

ет создание агрессивного блока, содержались в выступлении главы советской делегации на второй части 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. А. Громыко 13 апреля 1949 г. Советский делегат отметил, в частности, что «Североатлантическая группировка стран создается как орудие с целью насильственного установления господства Соединенных Штатов и Великобритании над другими странами и народами» [1]. В выступлениях советских делегатов на четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре — декабре 1949 г. раскрывались подлинные цели организаторов империалистического военного блока НАТО.

Не ограничиваясь критикой политики США и их союзников, Советское правительство выдвинуло конструктивные предложения, направленные к укреплению мира. В конце января 1949 г. оно предложило великим державам заключить Пакт Мира, который явился бы конкретным проявлением идеи мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Правительство США установило контакт с Советским правительством по данному вопросу не непосредственно, а через генерального европейского директора американского агентства Интернэшнл Ньюс Сервис Кингсбери Смита. От имени президента Трумэна им было заявлено, что правительство США хотело бы обсудить вопрос о Пакте Мира на высшем уровне. Советское правительство ответило согласием, что, как показали последующие события, отнюдь не отвечало планам Вашингтона. 2 февраля 1949 г. сперва государственный секретарь Д. Ачесон, а за ним и президент Г. Трумэн официально объявили, что правительство США отвергает идею Пакта Мира и от встречи на высшем уровне отказывается [2]. На четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН советская делегация внесла предложение осудить ведущуюся в ряде стран, в особенности в США и Англии, подготовку новой войны и призвать пять великих держав заключить между собой Пакт по укреплению мира. Советская делегация предлагала также ускорить принятие практических мер по безусловному запрещению атомного оружия, с установлением соответствующего строгого международного контроля [3]. Однако все эти предложения натолкнулись на упорное противодействие представителей США и Англии, опиравшихся в то время в ООН на «машину голосования».

Усилия советской дипломатии привели к срыву попыток организаторов НАТО обострить напряженность и довести ее до военного противоборства, показали народам угрозу, которую

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 352.
[2] См. «Известия», 4 февраля 1949 г.
[3] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 449—450.

несли миру агрессивные планы НАТО. Особенную тревогу вызвало стремление империалистических сил осуществить перевооружение Западной Германии. Французская газета «Монд» писала: «Североатлантический договор предусматривает в будущем вооружение Западной Германии, и это так же верно, как и то, что в каждом яйце содержится зародыш» [1].

Возмущение против создания агрессивного военного блока охватило многие страны. Начались широкие народные выступления в защиту мира. В марте 1949 г. в Нью-Йорке состоялся конгресс деятелей культуры и науки США в защиту мира.

Национальные и международные организации сторонников мира провели большую подготовительную работу по созыву Всемирного конгресса сторонников мира. Французское правительство не дало виз на въезд во Францию ряду участников конгресса. По этой причине I Всемирный конгресс сторонников мира работал с 20 по 25 апреля 1949 г. одновременно в Париже и Праге. Конгресс положил начало созданию широкого фронта сторонников мира.

Сторонники мира во всех странах развернули борьбу против НАТО, против агрессивных планов империалистических сил. Сплачивая свои ряды, они создавали всемирный фронт сторонников мира.

Руководитель Французской коммунистической партии М. Торез 22 февраля 1949 г. на пленуме ЦК ФКП сделал заявление, предостерегавшее империалистические круги от опасных авантюр против Советского Союза. Аналогичное заявление было сделано от имени Коммунистической партии Италии П. Тольятти, а затем руководителями почти всех коммунистических партий.

Серьезный удар планам НАТО, стратегии этого агрессивного блока, нанесло укрепление обороны СССР, ликвидация монополии США на атомное оружие.

В августе 1949 г. Советский Союз произвел первое испытание атомного оружия. В связи с этим Трумэн с сожалением записал в своих воспоминаниях: «Нашей монополии пришел конец, он пришел скорее, чем ожидали наши эксперты» [2].

Не оправдались расчеты империалистов на то, что с созданием НАТО будет приостановлено развитие мирового революционного процесса. 1949 год ознаменовался дальнейшим укреплением мировой системы социализма и ростом ее влияния на международные дела, на мировую историю.

Творцы империалистической политики «холодной войны», пытавшиеся воспрепятствовать дальнейшему укреплению Со-

---

[1] «Le Mond», 6. IV. 1949.

[2] *H. Truman.* Memoirs, vol. II. New York, 1956, p. 306.

ветского Союза, росту сил социализма и мира, помешать социальному прогрессу, просчитались. Как отмечал Л. И. Брежнев, «со стороны агрессивных империалистических кругов «холодная война» была сознательной игрой на нервах советских людей и наших социалистических братьев и союзников... Нас хотели перманентно держать «на грани войны». Понадобились крепкие нервы, чтобы в такой обстановке продолжать мирное строительство и сохранить верность политике мирного сосуществования. Наши нервы оказались достаточно крепкими» [1].

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом, т. 4, стр. 211.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ ВОЙНЫ В КОРЕЕ

1. Истоки интервенции

Развязывание империалистическими силами и их марионетками агрессивной войны против КНДР

Важнейшей задачей своей внешней политики КНДР считала содействие мирному объединению Кореи, расколотой в результате создания Соединенными Штатами антинародного лисынмановского марионеточного режима. Усилия КНДР в этом вопросе пользовались поддержкой широких народных масс в обеих частях страны. В июне 1949 г. по инициативе ряда политических партий и общественных организаций Южной Кореи был образован Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ) Кореи, потребовавший полного вывода американских войск из южной части страны и предоставления корейцам права самим решать свою судьбу. Обращение съезда было направлено генеральному секретарю ООН Трюгве Ли. В мае 1950 г. ЦК ЕДОФ, представляющий партии и организации всей Кореи, предложил провести общекорейские выборы и на их основе объединить страну. 19 июня ЕДОФ вместе с Верховным народным собранием КНДР призвал осуществить к 15 августа слияние высших органов власти обеих частей страны, с тем чтобы сформировать коалиционное правительство и подготовить всеобщие выборы.

Лисынмановский режим отвечал на все эти призывы жестокими репрессиями против демократических сил. Он рассчитывал с помощью США захватить КНДР, чтобы ценой превращения всей страны в американскую полуколонию расширить и укрепить власть южнокорейских помещиков и капиталистов. В июне 1949 г. США были вынуждены заявить о выводе своих войск из Южной Кореи. Этот шаг они предприняли под давлением общественного мнения и требований демократических сил Кореи, учитывая, что СССР отозвал свои вооруженные силы еще в 1948 г. Американское правительство надеялось также упрочить положение лисынмановцев, создав видимость их самостоятельности. Но кризис марионеточного режима продолжал

углубляться; население все настойчивее требовало проведения на Юге демократических преобразований. Положение лисынмановского режима становилось настолько непрочным, что, как считали американские ведомства — государственный департамент, дальневосточное командование, разведка и военное министерство, он был накануне падения [1]. Выход лисынмановцы видели в развязывании военного конфликта, который бы привел к вмешательству США. «Я твердо убежден, — писал 30 сентября 1949 г. «президент» Ли Сын Ман своему советнику по политическим вопросам американскому профессору Роберту Оливеру, — что сейчас наиболее подходящий момент, чтобы предпринять агрессивные меры. Мы отбросим солдат Ким Ир Сена в горные районы и там постепенно уморим их голодом. Я уверен, что мы разрешим этот вопрос в разумно короткий срок, если нам позволят это сделать»[2]. Даже комиссия ООН по вопросу о Корее констатировала, что южнокорейские власти готовились силой распространить свой контроль на всю страну[3].

Эти планы находили полную поддержку военно-промышленного комплекса США. Не оставляя попыток с помощью «холодной войны» изменить неблагоприятный для капитализма ход мирового развития, вдохновители «политики силы» мечтали добиться этого посредством оружия. С помощью военных действий они рассчитывали ослабить и, если удастся, повернуть социалистические страны на путь капитализма, подорвать национально-освободительное движение и укрепить колониализм. Война была нужна им, чтобы, осложнив международную обстановку, укрепить Североатлантический блок, усилить гонку вооружений, форсировать милитаризацию Западной Германии и Японии. Американские империалисты рассчитывали также использовать конфликт на Дальнем Востоке, чтобы ликвидировать КНДР, усилить позиции гоминьдановского тайваньского режима и помешать укреплению Китайской Народной Республики.

Еще 24 августа 1948 г. было заключено секретное американо-южнокорейское военное соглашение о создании южнокорейской армии под контролем американской военной миссии. В январе 1949 г. исследовательская группа государственного департамента США пришла к выводу о необходимости «успехами в Корее компенсировать дипломатические неудачи, испыты-

---

[1] *D. F. Fleming.* The Cold War and Its Origins. 1917—1960, vol. II, London, 1961, p. 599.

[2] «Documents and Materials Exposing the Instigators of the Civil War in Korea. Documents from the archives of the Rhee Syngman Government». Pyongayng 1950, p. 36.

[3] ООН. ГА. Пятая сессия. Документ A/1350.

ваемые повсюду в Азии». В апреле южнокорейский посол в Вашингтоне Чан Мен сообщил в Сеул о рекомендации, полученной в штабе армии США, усилить подрывную деятельность в КНДР, чтобы подготовить утверждение там контроля лисынмановского режима. В январе 1950 г. между США и Ли Сын Маном были подписаны соглашения о расширении деятельности американских военных советников и поставок военных материалов из США. В связи с растущим движением за мирное объединение Кореи, конгресс США, утверждая в феврале ассигнования для лисынмановцев, оговорил, что всякая помощь будет прекращена, если корейцы сформируют коалиционное правительство с участием хотя бы одного представителя любой партии, контролирующей Северную Корею [1]. Подстрекательный характер имело заявление начальника американского управления по экономической помощи Южной Корее Джонсона 9 мая 1950 г. в бюджетной комиссии палаты представителей о том, что «сто тысяч офицеров и солдат южнокорейской армии, оснащенных оружием США и подготовленных американцами, находятся в полной готовности и могут начать войну в любой момент» [2].

Руководимые 500 американских советников вооруженные силы Южной Кореи лишь с января 1949 г. по апрель 1950 г. 1274 раза вторгались в КНДР на суше, 133 раза — с моря и с воздуха. Провал ряда видных лисынмановцев на майских выборах в 1950 г. и выступления народных масс Южной Кореи в поддержку предложений КНДР о мирном объединении страны побудили южнокорейских правителей форсировать военную авантюру. 13 июня 1950 г. они объявили «получрезвычайное положение». В эти критические дни Южную Корею посетил советник государственного департамента Джон Фостер Даллес. Он прилетел из Токио, где совещался с командующим американскими войсками на Дальнем Востоке генералом Макартуром, военным министром США Л. Джонсоном и начальником объединенной группы начальников штабов О. Брэдли. Даллес обследовал район 38-й параллели и, выступая перед частями «армии национальной обороны», высказал убеждение, что им «не может противостоять самый сильный противник» и что недолго ждать момента, когда они смогут проявить свою силу. В южнокорейском «национальном собрании» Даллес заверил, что Соединенные Штаты окажут лисынмановцам моральную и материальную помощь в борьбе против коммунизма.

21 июня по возвращении из Токио он заявил, что вскоре последуют «позитивные действия» на Дальнем Востоке. 25 ию-

---

[1] См. *И. Стоун.* Закулисная история войны в Корее. М., 1953, стр. 35.

[2] «Истинная история того, как США развязали агрессивную войну в Корее». Пхеньян. 1967, стр. 4.

ня в 4 часа утра лисынмановские войска предприняли вторжение в КНДР. Всего за несколько часов до этого, по просьбе военной миссии США, норвежское судно «Рейнхольт» эвакуировало из Южной Кореи 650 членов семей американского персонала[1]. Бывший английский дипломат Джон Пратт, находившийся в Токио накануне войны, считал, что Даллес и его единомышленники побудили Ли Сын Мана начать военные действия, так как не считали возможным спасти марионеточный режим иными способами[2].

В ответ на нападение правительство КНДР потребовало, чтобы лисынмановцы немедленно прекратили военные действия, и предупредило о принятии в противном случае решительных мер. Поскольку вторжение продолжалось, народная армия КНДР получила приказ перейти в контрнаступление. Обращаясь к народу, председатель Кабинета министров КНДР Ким Ир Сен подчеркивал, что «война, которую мы ведем против навязанной нам предательской кликой Ли Сын Мана междоусобицы, является справедливой войной за объединение, независимость, свободу и демократизацию родины»[3]. Лисынмановские войска, как признал Макартур, не проявили «способности к сопротивлению или желания вести борьбу»[4]. Антинародный режим провалился в результате собственной провокации. Развязанная им война закончилась бы воссоединением Кореи в соответствии с волей народа, если бы не военное вмешательство США, предпринятое ради осуществления их агрессивных планов.

Дипломатические маневры США в ООН

Рано утром 25 июня 1950 г. (по нью-йоркскому времени) генерального секретаря ООН Трюгве Ли разбудил телефонный звонок. Представитель государственного департамента США просил срочно созвать Совет Безопасности в связи с событиями в Корее. Трюгве Ли, однако, счел невозможным что-либо предпринять по заявлению «заинтересованного государства»[5]. Инициативу обращения в ООН США пришлось взять на себя. Когда, по их настоянию, в 3 часа дня собрался Совет Безопасности, американский представитель Гросс потребовал принять резолюцию об «агрессии» КНДР «против Южной Кореи». В «обоснование» резолюции была предъявлена телеграмма посла США в Сеуле Муччо, в которой

---

[1] «New York Herald Tribune», 26. VIII. 1950.

[2] *Wint Guy.* What Happened in Korea? A Study of Collective Security. London, 1954, p. 13.

[3] *Ким Ир Сен.* Справедливая отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян, 1955, стр. 12.

[4] *H. Truman.* Memoirs, vol. II. New York, 1956, p. 337.

[5] *Trygve Lie.* In the Cause of Peace. Seven Years with the United Nations. New York, 1954, p. 328.

говорилось, что, по сообщению лисынмановцев, «северокорейские войска вторглись в нескольких пунктах на территорию Южной Кореи». Чтобы придать телеграмме больший «вес», из текста исключили упоминание, что Муччо не располагал данными, кем были начаты военные действия[1]. В качестве доказательства фигурировала также телеграмма комиссии ООН из Сеула о «неспровоцированном нападении» КНДР. Но, как следует из доклада комиссии, она не имела никаких данных для этого вывода, кроме заявлений Ли Сын Мана и того же Муччо[2].

Добиваясь одобрения резолюции об «агрессии» КНДР на основе столь шатких доказательств, США рассчитывали использовать отсутствие в Совете Безопасности советского делегата, который с января 1950 г. не участвовал в его работе в знак протеста против отказа допустить представителя народного Китая и изгнать гоминьдановца. Западные исследователи придают этому факту особое значение, вплоть до утверждения, что только поэтому США «удалось подвести базу ООН под коллективные мероприятия в Корее»[3]. Но помощник государственного секретаря США Хиккерсон впоследствии разъяснил в комиссии сената по иностранным делам, что на случай, если бы представитель СССР участвовал в заседании Совета, был запланирован немедленный созыв Генеральной Ассамблеи ООН, где США располагали тогда «механическим большинством». И в отсутствие представителя СССР маневры американских дипломатов встретили сопротивление. Указывая, что материалы, предоставленные в распоряжение Совета, не позволяют правильно судить о происходящих событиях, югославский делегат потребовал пригласить представителя КНДР. Он призвал также ограничиться рекомендацией о прекращении военных действий и отводе войск. Но представитель США, который с помощью Трюгве Ли провел «предварительную обработку» участников заседания, добился отклонения этих предложений и одобрения минимальным большинством (семью голосами) американской резолюции, которая без всяких оснований обвиняла КНДР в «агрессии» и требовала отвода ее вооруженных сил за 38-ю параллель под наблюдением комиссии ООН по Корее.

27 июня президент США Трумэн отдал приказ армии и флоту начать вооруженную интервенцию в Корее и оккупировать китайский остров Тайвань. Он заявил также о решении увеличить военную помощь колониальным войскам Франции во Вьет-

---

[1] «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents», vol. II. Washington, 1957, p. 2536—2538.

[2] ООН. ГА. Пятая сессия. Документ A/1350.

[3] *L. M. Goodrich.* Korea. Collective Measures Against Agression. New York, 1953, p. 140.

наме[1]. Все эти меры были предприняты без согласия ООН, поскольку резолюция Совета Безопасности от 25 июня не предусматривала военных санкций в Корее, не говоря уже о Китае и других странах Азии. Для одобрения своих действий задним числом США 27 июня протащили резолюцию, призвавшую членов ООН предоставить Южной Корее помощь, «какая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение», а 7 июля — о разрешении интервентам именоваться «войсками ООН» и использовать флаг ООН. Командующим «войсками ООН» был назначен американский генерал Макартур.

Борьба СССР и всех прогрессивных сил за прекращение войны в Корее

Агрессия против КНДР резко осложнила международную обстановку. Важнейшей задачей миролюбивых сил стала ликвидация опасного очага войны, созданного империалистами. В борьбе за ее решение ведущая роль принадлежала Советскому Союзу, странам социализма.

27 июня 1950 г. правительство США через своего посла в Москве А. Кэрка просило Советское правительство заверить, что СССР «не признает за собой ответственности» за «неспровоцированное нападение» и употребит влияние, с тем чтобы «северокорейские власти немедленно отвели свои войска». Советское правительство дало достойный отпор попытке использовать его авторитет для прикрытия агрессии против КНДР, указав, что, по достоверным данным, события в Корее спровоцированы нападением лисынмановских войск. 4 июля в заявлении по поводу иностранной интервенции в Корее Советское правительство привело неопровержимые данные о подготовке американскими империалистами нападения на КНДР. Разоблачая попытку представить военное вмешательство «полицейскими действиями в поддержку ООН», СССР указывал, что американское правительство «совершило враждебный акт против мира и что на него ложится ответственность за последствия предпринятой им вооруженной агрессии»[2].

СССР не признал резолюции Совета Безопасности, как представляющие «прямую поддержку вооруженной агрессии против корейского народа». Советское правительство подчеркивало, что Совет действовал на основании односторонней информации США, причем вопреки Уставу представители КНДР не были заслушаны и нарушен предусмотренный порядок урегулирования конфликтов, который требовал использования мирных средств до применения военных санкций; решения Совета квалифицировали внутренний гражданский конфликт, не подлежа-

[1] «American Foreign Policy...», p. 2539, 2540.
[2] «Известия», 4 июля 1950 г.

щий компетенции ООН, как агрессию одного государства против другого и в полном противоречии с действительностью объявили КНДР агрессором, а лисынмановский режим, спровоцировавший войну, невинной жертвой. На уведомление посольства США об установлении морской блокады Кореи МИД СССР в ноте от 6 июля 1950 г. указал, что ссылки на незаконные резолюции Совета Безопасности ООН не могут служить основанием для каких-либо мероприятий, и подчеркнул, что блокада «столь же несовместима с принципами Объединенных Наций, как и вся вооруженная интервенция Соединенных Штатов в Корее» [1].

Правительство СССР призвало немедленно прекратить американскую военную интервенцию, вывести иностранные войска из Кореи и предоставить корейскому народу «по своему усмотрению устраивать свои внутренние национальные дела». Все социалистические страны поддержали эти требования. Правительство КНР предупредило США, что интервенция «поднимет народы Азии на упорное и решительное сопротивление». КНДР, осудив незаконные действия ООН, выразила твердую решимость сопротивляться агрессии. 28 сентября МИД КНДР опубликовал документы из архива лисынмановского «правительства», раскрывшие картину подготовки агрессии. Ни южнокорейский режим, ни американское правительство не могли опровергнуть их подлинность.

С полным пониманием СССР отнесся к предложениям о прекращении войны, выдвинутым Индией. 1 июля ее посол в Пекине Паниккар уведомил о намерении своего правительства содействовать переговорам с участием Китая по локализации корейского конфликта [2]. Заручившись согласием КНР на такие переговоры, премьер-министр Индии Неру 13 июля 1950 г. в посланиях правительствам СССР и США выступил за устранение тупика в Совете Безопасности, с тем чтобы КНР заняла в нем свое место, а СССР возвратился в Совет. Неру предложил, чтобы путем переговоров в рамках Совета или вне его СССР, США и Китай с помощью других миролюбивых государств «могли найти основу для прекращения конфликта и для окончательного решения корейской проблемы». Как указывалось в ответном послании Советского правительства от 15 июля, СССР, приветствуя инициативу Индии, считает целесообразным привлечь к переговорам представителей корейского народа. Индийская печать подчеркивала, что посол Индии в СССР Радхакришнан выразил удовлетворение в связи с незамедлительным ответом Со-

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 204—205.

[2] *K. M. Panikkar.* In two Chinas. Memoirs of a Diplomat. 1955, p. 103, 104.

ветского правительства и «исключительно сердечной атмосферой» во время его беседы с заместителем министра иностранных дел СССР А. А. Громыко [1].

По-иному реагировали западные державы. Государственный секретарь США Д. Ачесон обвинил Д. Неру в «поощрении агрессии» и отклонил предложение о переговорах. Премьер-министр Англии солидаризировался с ответом Ачесона.

Стремясь всеми средствами содействовать восстановлению мира, Советское правительство возобновило участие в работе ООН, использовав с этой целью наступление 1 августа очередного срока председательствования СССР в Совете Безопасности. США и их союзники в штыки встретили предложение советского представителя о немедленном прекращении военных действий и выводе из Кореи иностранных войск. Представителю СССР ничего не осталось, как, проголосовав против американской резолюции об осуждении КНДР за «неподчинение ООН», положить конец использованию Совета Безопасности для прикрытия агрессии. Добившись включения в повестку дня вопросов о бомбардировках мирного населения КНДР американской авиацией, нарушении Соединенными Штатами Устава ООН в связи с вооруженным вторжением на территорию Китая в районе Тайваня и о налетах воздушных сил США на КНР, советская делегация в дискуссии по этим проблемам огласила материалы, представленные правительствами КНДР и КНР. Советский Союз настоял на приглашении представителя КНР для обсуждения вопроса о действиях США на Тайване.

2. Провал империалистической политики расширения агрессии на Дальнем Востоке

Переход войсками интервентов 38-й параллели

Развязав вооруженное вмешательство в Корее, определенные силы в США рассчитывали на скорую военную победу. Но Народная армия КНДР нанесла поражение марионеточным войскам и интервентам и, продолжая наступление, освободила всю страну, за исключением плацдарма у города Пусана. Получив отпор, интервенты приступили к подготовке крупной десантной операции в районе Сеула с целью создания «общекорейского некоммунистического правительства». 15 сентября президент Трумэн уполномочил Макартура оккупировать КНДР [2].

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», М., 1953, стр. 27, 28; «Hindu», 15. VII. 1950.

[2] *H. Truman.* Ibid., p. 351; *L. J. Halle.* The Cold War as History. London, 1967, p. 221.

1 октября «командование ООН» потребовало полной и безоговорочной капитуляции Народной армии. В тот же день войска интервентов пересекли 38-ю параллель, что грубо нарушало даже резолюции Совета Безопасности, позволявшие вести военные действия лишь на территории Южной Кореи. США и их союзники потребовали, чтобы пятая сессия Генеральной Ассамблеи ООН, открывшаяся 19 сентября, срочно одобрила резолюцию восьми стран (Англия, Австралия, Бразилия, Куба, Нидерланды, Пакистан, Филиппины и Норвегия), подготовленную Ачесоном, которая, по его собственному признанию, должна была санкционировать применение силы для «объединения Кореи» [1], т. е. распространения лисынмановского режима на Северную часть Кореи.

Проекту, направленному на расширение войны, СССР, УССР, БССР, Польша и Чехословакия противопоставили проект резолюции о немедленном прекращении военных действий и выводе иностранных войск из Кореи. Она предусматривала также контроль за проведением выборов со стороны комиссии ООН при участии в ней пограничных с Кореей государств [2]. Представители ряда стран Азии одобрили требование о выводе иностранных войск и вместе с СССР поддержали предложение Индии о подготовке компромиссной резолюции с учетом всех имеющихся проектов.

Против «проекта восьми» голосовали пять социалистических стран и Индия, а семь государств воздержались. Все же он был 7 октября утвержден механическим большинством голосов. Резолюция уполномочивала «войска ООН» под предлогом содействия «устойчивому положению» оккупировать Северную Корею, а комиссию ООН «наблюдать» за проведением там «выборов» в условиях военной оккупации и на основе южнокорейской «конституции», предусматривавшей для Северной Кореи 100 мест в сеульском «национальном собрании» из 300. Генеральная Ассамблея учредила также Комиссию по объединению и восстановлению Кореи, первой акцией которой была рекомендация «командованию ООН» взять «всю ответственность за управление и гражданскую администрацию» Северной Кореи. Маскируя агрессию этими решениями, интервенты форсировали наступление. Их войска вторглись в Пхеньян, а затем продвинулись в отдельных районах к корейско-китайской границе.

---

[1] «Military Situation in the Far East». «Hearings before the Committee on Armed Services and the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 82 Congress, First Session», part III. Washington, 1951, p. 2258.

[2] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 419—420.

Поражение интервентов в Северной Корее. Новые дипломатические маневры США

27 июня 7-й флот США вторгся в территориальные воды Китая, чтобы воспрепятствовать освобождению Тайваня. 27 августа американская авиация начала систематические бомбардировки городов и сел Северного Китая, а военные корабли стали подвергать досмотру китайские торговые суда. Угроза независимости и суверенитету КНР еще более возросла с вторжением «войск ООН» в Северную Корею. 25 сентября через индийское посольство в Пекине КНР уведомила, что не останется в стороне в случае перехода интервентами 38-й параллели. Аналогичная информация, по свидетельству Трумэна, поступила из Москвы и Стокгольма [1]. Но в ответ со стороны США последовало лишь демагогическое заявление, что интересы Китая учтет комиссия ООН по Корее. Под шумную пропагандистскую кампанию о «шантаже со стороны КНР» правительство США 9 октября предписало Макартуру продолжать операции и в случае появления китайских частей [2]. 15 октября президент Трумэн встретился с ним на острове Уэйк. Пытаясь задним числом обелить свою политику, Трумэн писал впоследствии, будто стал жертвой утверждений Макартура, что китайцы не выступят и война уже выиграна. Но, наградив в заключение встречи «командующего ООН» очередным орденом, Трумэн публично одобрил планы расширения войны [3].

В КНР развернулось широкое движение за оказание помощи корейскому народу и в целях защиты границ Китая. Исчерпав возможности остановить агрессора средствами дипломатии, правительство КНР 12 ноября 1950 г. заявило, что оно разрешило китайским добровольцам принять участие в освободительной войне корейского народа. В политическом и военном плане наряду с обеспечением безопасности Китая такой шаг представлял интернациональную поддержку братской социалистической страны. Юридически, как установлено гаагскими конвенциями, добровольное участие граждан нейтрального государства в военных действиях на стороне и под контролем одного из воюющих государств не создает ответственности для этого государства. Помощь КНР освободительной борьбе корейского народа именно в такой форме не препятствовала мирному урегулированию, тем более что, вступив 25 октября 1950 г. на территорию Кореи, китайские добровольцы вместе с Народной армией заняли оборонительные позиции.

---

[1] *K. M. Panikkar.* Ibid., p. 108; *H. Truman.* Ibid., p. 362.

[2] *Trumbull Higgins.* Korea and the Fall of Macartur. New York, 1961, p. 56.

[3] *J. W. Spanier.* The Truman — Macartur Controversy and the Korean War. Cambridge, 1959, p. 99.

Но дипломатия и военщина США пренебрегали возможностями урегулирования. 6 ноября Совету Безопасности был представлен доклад Макартура об «агрессии» КНР против «войск ООН». В совместном проекте резолюции шести государств (США, Англии, Франции, Кубы, Норвегии и Эквадора) предлагалось потребовать немедленного отзыва народных добровольцев. Действуя методами «холодной войны», капиталистические державы сорвали обсуждение вопроса об агрессии США на Тайване, для участия в котором в Нью-Йорк прибыла китайская делегация, и продолжали настаивать на принятии проекта «резолюции шести». Советский Союз при голосовании 30 ноября воспрепятствовал ее одобрению.

24 ноября «войска ООН» начали наступление, которое Макартур объявил «завершающим». Но, отразив атаки интервентов, Народная армия и отряды китайских добровольцев обратили противника в бегство и 7 декабря освободили Пхеньян. Поражение показало бесперспективность попыток США с помощью оружия установить на Дальнем Востоке угодные им порядки. Но империалистические круги США продолжали цепляться за «политику силы». 30 ноября президент Трумэн заявил, что США готовы использовать все военные средства, которыми располагают, включая атомную бомбу[1]. За этим выступлением последовала серия военно-мобилизационных мер и установление торговой блокады КНР.

5 декабря империалистические державы, добившись включения в повестку дня пятой сессии Генеральной Ассамблеи вопроса «Об интервенции Центрального народного правительства Китая в Корее», потребовали одобрения фигурировавшего в Совете Безопасности «проекта шести». Делегация СССР разоблачила измышления относительно китайских добровольцев и выдвинула резолюцию о мирном урегулировании корейского вопроса путем немедленного вывода всех иностранных войск и предоставления корейскому народу права самому решать свою судьбу.

С помощью «механического большинства» западная дипломатия рассчитывала легко протащить «резолюцию шести». Однако 12 декабря представитель Индии Б. Рау от имени группы стран Азии и Африки внес два новых проекта. «Резолюция 13» (Индия, Афганистан, Бирма, Египет, Индонезия, Ирак, Иран, Йемен, Ливан, Пакистан, Саудовская Аравия, Сирия и Филиппины) предлагала учредить «группу трех» для установления основ перемирия с последующим их одобрением Генеральной Ассамблеей. «Резолюция 12» (те же страны без Филиппин) ре-

---

[1] *J. W. Spanier.* The Truman — Macartur Controversy and the Korean War, p. 166.

комендовала, чтобы представители СССР, КНР, США, Англии, Франции, Индии и Египта немедленно встретились с целью разрешения спорных вопросов Дальнего Востока, включая допуск КНР в ООН и тайваньскую проблему. Призывая принять резолюции, представитель Индии сообщил, что из переговоров с представителем КНР он вынес мнение, что правительство КНР «стремится к мирному урегулированию» конфликта [1].

Большинство авторов резолюции руководствовалось благими намерениями. Однако их выступление было предпринято в момент поражения интервентов, когда, как говорил Ачесон премьер-министру Англии, США считали выгодным добиваться перерыва военных действий [2]. С полным основанием советская делегация предупредила, что империалисты используют предложения о прекращении огня «в целях снасения своих войск, попавших в тяжелое положение», но помешают решению о мирном урегулировании, которое не входило в их планы. Действительно, после одобрения «резолюции 13» западные державы под предлогом необходимости ее выполнения не допустили рассмотрения «резолюции 12» и предложения СССР. Они добились также от «группы трех» рекомендаций об установлении демилитаризованной зоны на 20 миль севернее 38-й параллели, контроле комиссии ООН за прекращением огня и утверждении соглашения о перемирии Генеральной Ассамблеей.

Правительство КНР, к которому при посредничестве Индии обратилась «группа трех», отклонило неравноправные условия и предложило прекратить военные действия на основе вывода иностранных войск из Кореи, урегулирования проблемы Тайваня и восстановления законных прав КНР в ООН [3]. К началу января Народная армия КНДР и китайские добровольцы освободили всю территорию к северу от 38-й параллели, а 4 января — Сеул. Наступление было после этого прекращено, что подчеркивало стремление КНДР к установлению мира. В этих условиях «группа трех» исключила требования о демилитаризованной зоне севернее 38-й параллели и праве Генеральной Ассамблеи утверждать условия перемирия и добавила пункт о переговорах великих держав с участием КНР.

17 января правительство Китая, отметив непоследовательность новых предложений, согласилось продолжать переговоры на их основе, при условии вывода иностранных войск и включения в порядок дня вопроса о Тайване. 22 января оно уточнило, что в случае принятия принципа вывода иностранных войск посоветует народным добровольцам вернуться из Кореи,

[1] ООН. ГА. Пятая сессия. Первый комитет, официальные отчеты, стр. 400.
[2] *H. Truman.* Ibid., p. 398.
[3] См. «Правда», 23 декабря 1950 г.

и согласилось на переговоры двумя этапами: сперва о прекращении огня, затем по политическим проблемам. Советская делегация поддержала эти предложения. Авторы «резолюции 12» также с удовлетворением отмечали, что новые предложения открывают путь к переговорам.

Но США потребовали от Генеральной Ассамблеи немедленно одобрить предложенную ими резолюцию об объявлении КНР агрессором за участие китайских добровольцев в обороне КНДР. Чтобы предупредить срыв переговоров, авторы «резолюции 12» 24 января призвали провести в кратчайший срок совещание Франции, Англии, США, СССР, КНР, Египта и Индии для мирного урегулирования корейской и других проблем Дальнего Востока, причем индийский представитель информировал, что это условие рассматривается в Пекине как приемлемая основа перемирия. Разоблачив американский проект, как направленный на расширение войны, делегация СССР заявила, что указанные в «резолюции 12» меры «могут привести к мирному разрешению конфликта». Против нее США удалось мобилизовать лишь часть членов ООН. За американскую резолюцию, одобренную 1 февраля, было подано 44 голоса при 7 против (Белорусская ССР, Бирма, Индия, Польша, СССР, Украинская ССР, Чехословакия) и 9 воздержавшихся. Как справедливо подчеркивал советский представитель, дискуссия показала наличие определенной оппозиции агрессивному курсу США и независимо от итогов голосования «этот факт невозможно игнорировать» [1].

Кризис империалистической «дипломатии силы» в корейском вопросе

Несмотря на все усилия, США не смогли использовать резолюцию от 1 февраля, чтобы достичь своих агрессивных целей. Их военная машина оказалась не в состоянии сломить сопротивление армии КНДР и китайских народных добровольцев. Новое соотношение сил в мире, прежде всего рост военной мощи СССР, помешали Соединенным Штатам, как говорил министр обороны Маршалл, «свободно использовать морские и воздушные силы» [2]. Когда возглавляемые Макартуром «ястребы» стали добиваться перенесения операций за пределы Кореи, президент США не пошел на такой шаг. «Стоило бы нам,— вспоминал он впоследствии,— напасть на коммунистический Китай, как можно было ожидать русского вмешательства». По просьбе КНР Советское правительство перебросило на аэродромы Северо-Восточного, Центрального, Южного и Северного Китая истребительную авиацию (несколько авиационных дивизий), которая в течение двух с

[1] ООН. ГА. Пятая сессия. Пленарные заседания, том II, стр. 702.
[2] «Military Situation in the Far East», part I, p. 397.

половиной лет участвовала в отражении американских налетов. Советский Союз помог КНР в создании собственной военной авиации, передав большое количество самолетов и другой техники, в подготовке необходимых кадров, содействовал созданию танковых, артиллерийско-зенитных и инженерных войск. По просьбе Китая правительство СССР отложило до окончания войны в Корее вывод советских войск из Порт-Артура, что надежно гарантировало коммуникации сражавшихся в Корее китайских народных добровольцев.

СССР снабжал корейскую Народную армию и китайских добровольцев оружием, боеприпасами, транспортными средствами, горючим, продовольствием, медикаментами. В Корее находились советские военные советники. На случай ухудшения обстановки СССР готовился отправить в Корею пять дивизий для оказания КНДР помощи в отражении агрессии. СССР постоянно оказывал КНДР всю необходимую политическую поддержку. На всем протяжении войны социалистические страны, верные принципам пролетарского интернационализма, оказывали корейскому народу всестороннюю помощь. Из стран народной демократии Европы безвозмездно поступали станки, паровозы, электро- и радиооборудование, автомашины, нефтепродукты, ткани, одежда. МНР направила тысячи тонн зерна и мяса, более 100 тыс. голов скота. Теплом и заботой были окружены корейские дети-сироты, взятые на воспитание гражданами и организациями братских социалистических стран. Единство государств социализма в защите КНДР имело решающее значение для провала империалистической агрессии. Ее неудаче содействовали также борьба угнетенных народов за независимость, самостоятельная позиция новых государств Азии, выступления сторонников мира.

США столкнулись с трудностями и в отношениях с союзниками. Резолюцию Совета Безопасности о «помощи» Южной Корее одобрили 53 государства, участвовать же в войне кроме Соединенных Штатов согласились 15 членов НАТО, а также некоторых других связанных с ними стран [1]. Однако, кроме Англии, направившей бригаду войск и военно-морские силы, и Турции, пославшей 25 тыс. солдат, союзники США принимали в войне символическое участие. На их долю (без лисынмановцев) приходилось 9,58% сухопутных, 6,66% военно-морских и 0,97% военно-воздушных сил, для США же соответствующие цифры составляли 50,32%, 85,89 и 93,38% [2].

---

[1] Англия, Франция, Австралия, Бельгия, Канада, Колумбия, Эфиопия, Греция, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд, Турция и Южно-Африканский Союз.

[2] *L. M. Goodrich.* Korea. A Study of U. S. Policy in the United Nations. New York, 1956, p. 117.

Неудачи на фронтах и авантюристические действия США углубили разногласия между участниками агрессии. Заявление президента США о возможном использовании ядерного оружия против Китая вызвало бурю в английском парламенте. Премьер-министр Великобритании Эттли потребовал встречи с Трумэном. Предварительно он беседовал с премьер-министром Франции. Их совместное заявление об «общности целей в международных вопросах» свидетельствовало, что Эттли будет выступать от имени обеих стран. В переговорах 4—7 декабря 1950 г. глава английского правительства убеждал Трумэна не допускать бомбардировок Китая и предупреждал, что расширение войны было бы для западных держав равносильно самоубийству [1]. Когда 24 марта 1951 г. «командующий ООН» публично призвал не откладывать операций, которые «поставят красный Китай перед риском неминуемого военного краха», английское правительство потребовало от США объяснений. Президент решил пожертвовать командующим. 11 апреля было объявлено об отставке Макартура. Сопротивление войне росло и в США. Так, 17 мая 1951 г. в конгресс была внесена резолюция о прекращении военных действий.

Новая мирная инициатива СССР

Для мирного урегулирования конфликта особое значение имели миролюбивые усилия СССР. 23 июня 1951 г. представитель СССР в ООН, выступая в радиопередаче, организованной Департаментом информации ООН, призвал незамедлительно «начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели» [2]. Предложения СССР не связывали прекращения военных действий с выводом иностранных войск и урегулированием политических проблем, что содействовало созданию единой позиции всех стран, заинтересованных в мире, и затрудняло маневры Соединенных Штатов, которые не раз заявляли о согласии на переговоры, если они ограничатся военными вопросами. Непосредственные контакты между воюющими сторонами, о которых говорилось в советском обращении, упрощали процедуру и не позволяли использовать «механическое большинство» в ООН. Призыв же о разграничении по 38-й параллели подчеркивал равное положение сторон и выражал искреннее стремление социалистических государств к скорейшему прекращению войны.

КНР и КНДР выразили согласие начать переговоры на основе советских предложений. Правительство США, стремясь

---

[1] *H. Truman.* Ibid., p. 402, 411; *F. Williams.* A Prime Minister Remembers. The War and Postwar Memoirs of the Rt. Hon, Earl Attlee, London, 1961, p. 237, 238.

[2] «Правда», 24 июня 1951 г.

уклониться от них, попыталось осложнить обстановку, поручив послу в Москве А. Кэрку «уточнить» и без того ясные предложения. После того как в Министерстве иностранных дел СССР А. А. Громыко исчерпывающе разъяснил, что переговоры предлагаются лишь по вопросу о прекращении огня, Национальный совет безопасности США направил генералу Риджуэю, сменившему Макартура, директиву уведомить другую сторону о согласии на переговоры, с тем чтобы вести их на борту датского госпитального судна «Ютландия».

Корейско-китайская сторона отвергла встречи на территории, контролируемой союзником США. По ее инициативе было решено установить в районе Кэсона — Паньмыньчжона на линии фронта у 38-й параллели демилитаризованную зону. Там 10 июля 1951 г. начались переговоры делегации Народной армии КНДР и китайских народных добровольцев во главе с Нам Иром и делегации «командования ООН», которую возглавил Тёрнер Джой. Представители США отказались включить в повестку дня вопрос о выводе иностранных войск по окончании военных действий. Не желая обострять обстановку корейско-китайская делегация предложила заменить этот пункт, что позволило 26 июля согласовать следующую программу переговоров: 1) принятие повестки дня; 2) установление демаркационной линии и демилитаризованной зоны; 3) практические меры по осуществлению перемирия; 4) мероприятия, касающиеся военнопленных; 5) предложения правительствам заинтересованных стран обеих сторон.

После начала переговоров американская сторона выдвинула версию, будто они ведутся по инициативе США [1]. В действительности же, когда Секретариат ООН еще весной 1951 г. подготовил план организации мирных переговоров, США отрицательно отнеслись к нему. Более того, 21 июня они потребовали от генерального секретаря ООН призвать членов организации, одобривших резолюции 1950 г., но не пославших солдат в Корею, немедленно сделать это. Лишь после предложения СССР от 23 июня представитель США согласился, что такое обращение «может привести к нежелательным результатам» [2].

Согласование основных статей перемирия

В официальной инструкции из Вашингтона от 29 июня генералу Риджуэю предписывалось добиваться прекращения военных действий на условиях, обеспечивающих «безопасность войск ООН», используя с этой целью тактику проволочек и давления. Поясняя эту директиву, Трумэн подчеркивал, что «если переговоры о перемирии провалятся, то это

[1] ООН. ГА. Шестая сессия. Первый комитет, официальные отчеты, стр. 342.

[2] *Trygve Lie.* Ibid., p. 305, 362.

должно произойти так, чтобы всему миру было ясно, что провал вызван противником, а не нами» [1].

Корейско-китайская делегация, стремясь к мирному урегулированию, высказалась при обсуждении второго пункта повестки дня за установление демаркационной линии по 38-й параллели. Но США, ссылаясь на «военное превосходство», потребовали провести эту линию в тылу Народной армии. «Командование ООН» не прекращало провокаций в демилитаризованной зоне, что привело к перерыву переговоров, длившемуся два месяца. Они возобновились лишь в результате доброй воли социалистических стран, согласившихся перенести переговоры из Кэсона в Паньмыньчжон — город в демилитаризованной зоне, расположенный ближе к позициям «войск ООН». Представители США 25 октября предложили определить демаркационную линию по линии фронта на момент заключения перемирия. Вместе с тем, как признавал Т. Джой, в США вдохновители интервенции рассчитывали путем военных действий в широких масштабах продолжать продвижение на север и, таким образом, осуществлять постоянное давление на коммунистов [2]. Корейско-китайская делегация приняла предложение об определении демаркационной линии, продемонстрировав также твердую уверенность, что народные вооруженные силы удержат позиции. В результате 27 ноября был согласован важнейший пункт будущего перемирия.

Как и на предыдущих этапах, маневры в Корее американская дипломатия координировала с маневрами в ООН. Так, на шестой сессии Генеральной Ассамблеи (ноябрь 1951 г.— февраль 1952 г.) с помощью «механического большинства» она не допустила обсуждения вопроса о переговорах в Корее, на чем настаивал Советский Союз. Основным доводом при этом являлось утверждение, будто политическая дискуссия «помешает военным переговорам». Разоблачение в ООН представителями социалистических стран несостоятельных действий представителей США содействовало прогрессу переговоров о перемирии. 18 февраля в Паньмыньчжоне было достигнуто соглашение о рекомендациях заинтересованным правительствам. Твердый отпор заставил США не настаивать на неравноправных условиях контроля за осуществлением перемирия, в частности на посылке военного персонала ООН в тыл Народной армии. В результате 2 мая стороны достигли договоренности и по этой проблеме.

Нерешенным оставался лишь вопрос о военнопленных. Исходя из положений международного права, представители КНДР

---

[1] *H. Truman.* Ibid., p. 457, 459.

[2] *C. T. Joy.* How Communists Negotiate. New York, 1955, p. 125, 126.

и китайских добровольцев предложили, чтобы все военнопленные — солдаты и офицеры — были освобождены и репатриированы. Первоначально «командование ООН» придерживалось этого принципа, но затем оно потребовало обмена военнопленных на основе принципа один к одному, что означало насильственное задержание в Южной Корее более 120 тыс. человек, и, наконец, стало говорить о «репатриации без применения силы». Все эти маневры, как признавал позднее Т. Джой, противоречили Женевской конвенции об обращении с военнопленными и были рассчитаны на затяжку переговоров. Эта несостоятельная позиция прикрывалась утверждением о «гуманизме» и «свободе личности». В действительности же, чтобы добиться от военнопленных «отказа от репатриации» в КНДР, лисынмановцы применяли дикие насилия, вплоть до пыток и массовых убийств.

Одностороннее прекращение переговоров Соединенными Штатами

Весной 1952 г. на пост командующего «войсками ООН» был назначен генерал Кларк, сторонник «немедленного наступления» с целью «объединения Кореи», рассматривавший любое иное решение корейского вопроса как «тяжелое поражение США». Новый посол США в Японии Р. Мэрфи также полагал, будто превосходство в воздушных, морских и ядерных силах позволит США захватить КНДР без войны с Китаем. Под руководством этих деятелей «командование ООН» разработало план «разгрома коммунистов». Хотя такие безрассудные рекомендации не получили санкции Вашингтона, но проведение жесткой линии было одобрено, чтобы, как писал Кларк, «превратить тупик в более дорогостоящий для коммунистов... не давать им покоя и силой заставить признать, что цена, которую им придется заплатить за перемирие, возрастет, а не уменьшится» [1].

7 июня новый глава американской делегации в Паньмыньчжоне Гаррисон прервал переговоры на три дня. Такая тактика стала обычной для американской делегации. 23 июня 500 самолетов ВВС США бомбили электростанцию Супхун на реке Ялу, снабжавшую энергией ряд промышленных центров Китая. Характеризуя обстановку, председатель Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сен отмечал, что американская сторона явилась на переговоры «с хитро задуманным планом». «Сущность его кратко можно передать так: немедленное заключение перемирия — лишь на диктаторских американских условиях; если же северокорейцы и китайские добровольцы будут сопротивляться этому диктату, то американской стороной в ход будет пущена тактика проволочек, шантажа, провокаций, военного нажима —

---

[1] *R. Murphy.* Diplomat among Warriors, New York, 1964, p. 394, 395; *M. Clark.* From the Danube to the Yaly, New York, 1954, p. 81, 82.

авось северокорейцы и китайские добровольцы испугаются и согласятся на американские условия. А если не согласятся? Тогда никакого перемирия, продолжение агрессии в еще более зверской форме» [1].

8 октября 1952 г. корейско-китайская делегация, вновь продемонстрировав свою добрую волю к миру, выступила с компромиссным предложением о классификации и репатриации военнопленных под наблюдением представителей нейтральных стран [2]. Но Гаррисон отказался участвовать в переговорах, в ультимативной форме потребовав принятия условий, предусматривавших насильственное задержание лисынмановцами военнопленных, и покинул зал заседания, не выслушав даже ответа на свое провокационное заявление. За разрывом переговоров последовала новая попытка наступления «войск ООН» и усиление клеветнической пропаганды против социалистических стран.

С помощью «механического большинства» США пытались на седьмой сессии Генеральной Ассамблеи подтвердить позицию «командования ООН». Вместе с 20 союзными и зависимыми странами они представили резолюцию об одобрении «принципа ненасильственной репатриации». Однако в свете выдвинутого Советским Союзом конструктивного проекта о немедленном прекращении огня на основе уже согласованных пунктов, с тем чтобы вопрос о военнопленных был решен комиссией в составе США, Англии, Франции, Советского Союза, КНР, Индии, Бирмы, Швейцарии, Чехословакии, КНДР и Южной Кореи [3], предложения 21 страны выглядели совершенно несостоятельными.

Прибегнув к дальнейшим маневрам, западная дипломатия использовала выдвижение Мексикой и Перу двух новых резолюций, которые не упоминали о требованиях «командования ООН», но рекомендовала процедуру, позволяющую силой воспрепятствовать репатриации, а затем взяли курс на приспособление к своим целям проекта, который 17 ноября предложил представитель Индии. Он предусматривал освобождение военнопленных от контроля пленившей страны и передачу их в распоряжение нейтральной комиссии для разъяснительной работы о беспрепятственной репатриации. Это сближало индийский проект с корейско-китайскими «предложениями». В то же время в нем умалчивалось о прекращении огня, упоминался тезис о недопустимости «насильственной репатриации» и предлагалось, чтобы споры в нейтральной комиссии решались посредником, назначаемым Генеральной Ассамблеей. В даль-

[1] *Ким Ир Сен.* Справедливая отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 200.

[2] См. «Правда», 10 и 17 октября 1952 г.

[3] ООН. ГА. Седьмая сессия. Приложения. Пункт 16 повестки дня, стр. 31—34.

нейшем в резолюцию были внесены поправки о назначении председателя нейтральной комиссии Организацией Объединенных Наций и передаче ООН ответственности за судьбу военнопленных, если стороны не достигнут в установленный срок соглашения по этому вопросу на политической конференции. Добившись принятия таких изменений, империалистические державы выдвинули индийскую резолюцию как альтернативу советской, авторы трех остальных проектов сняли их с голосования. 3 декабря она была принята 54 голосами против 5. В результате критики со стороны социалистических стран Индия внесла в преамбулу рекомендацию о скорейшем прекращении огня, в окончательной редакции резолюция содержала некоторые конструктивные моменты, которые были в последующем использованы для достижения компромисса.

Возобновление переговоров в Паньмыньчжоне

Обещание закончить корейскую войну содействовало избранию в 1952 г. президентом США кандидата республиканской партии Д. Эйзенхауэра. В начале декабря будущий президент посетил Корею и лично убедился в бесперспективности расчетов на военную победу: все его эксперты пришли к выводу о необходимости согласиться на перемирие по существовавшей линии огня[1]. По пути домой Эйзенхауэр на борту американского судна «Хелена» близ острова Уэйк совещался с будущим государственным секретарем Д. Даллесом, министром обороны Вильсоном и председателем объединенной группы начальников штабов Брэдли.

Некоторые участники встречи высказывались за новое применение силы, чтобы продиктовать условия перемирия, но эти призывы не встретили одобрения. Будущий президент считал «атаку на Север» «наименее привлекательным изо всех планов» и, учитывая позицию СССР, опасался прибегнуть к ядерному оружию[2]. Все же, по настоянию Даллеса, новое правительство предприняло нажим, который выразился в провозглашении 2 февраля 1953 г. в первом послании Эйзенхауэра конгрессу о «денейтрализации Тайваня», смысл его заключался в привлечении чанкайшистских вооруженных сил к военным операциям против КНР. Решительное осуждение этой акции социалистическими и рядом неприсоединившихся стран, возмущение общественности и беспокойство союзников не только не позволили осуществить эту угрозу, но вынудили правительство Эйзенхауэра пойти на ряд уступок справедливым требованиям корейско-китайской стороны.

---

[1] *R. Murphy.* Ibid., p. 397, 398.

[2] *D. Eisenhower.* The White House Years. Mandate for Change, p. 93, 173—181.

В конце декабря 1952 г. Международный Комитет Красного Креста выступил с призывом об обмене ранеными и больными военнопленными в Корее. 22 февраля 1953 г., ссылаясь на это обращение, генерал Кларк обратился с соответствующим предложением к корейско-китайской стороне. Этот шаг приурочивался к возобновлению дискуссии в ООН по корейскому вопросу и был призван облегчить американской дипломатии одобрение ее «жесткого курса». Однако в дискуссии, начавшейся 25 февраля, некоторые союзники США, как, например, представитель Новой Зеландии, признавали, что поддержка «политики силы» завела ООН в тупик. Государства Азии и малые страны капиталистической Европы не поддержали призыва о «решительных действиях» по осуществлению резолюции 3 декабря, подчеркивая, что соглашение возможно на другой, приемлемой основе [1].

Растущая изоляция агрессивных сил открывала новые возможности перед дипломатией социалистических стран. 28 марта 1953 г. командование Народной армии КНДР и китайских добровольцев ответило на предложения Кларка. Не ограничиваясь согласием на обмен ранеными и больными, оно выразило надежду, что этот шаг приведет к урегулированию всей проблемы военнопленных и перемирию, и предложило возобновить переговоры, прерванные американской стороной. 30 и 31 марта правительства КНР и КНДР подтвердили готовность урегулировать на взаимоприемлемой основе, в соответствии с Женевской конвенцией, проблему военнопленных и положить конец войне в Корее. Эти предложения были выдвинуты после обмена мнениями, состоявшегося в Москве во время визита премьера Государственного административного совета КНР Чжоу Эньлая и председателя Кабинета министров КНДР Ким Ир Сена в связи с похоронами И. В. Сталина. Советский Союз в заявлении от 2 апреля выразил уверенность, что правительство США правильно поймет это обращение [2].

9 апреля командование Народной армии КНДР и китайских добровольцев подтвердило недопустимость насильственного задержания военнопленных, но в порядке исключения согласилось, чтобы тех из них, кто не настаивал на эвакуации, передали под контроль нейтральных государств для разъяснительной работы о праве на репатриацию.

Эти предложения, приближаясь к резолюции ООН от 3 декабря 1952 г., в отличие от нее не предусматривали решение судьбы военнопленных Генеральной Ассамблеей ООН и серьез-

---

[1] ООН. ГА. Седьмая сессия. Первый комитет, заседание 560, стр. 5; заседание 568, стр. 4, 5.

[2] См. «Правда», 2 апреля 1953 г.

но затруднили маневры американской дипломатии в ООН. 9 апреля, представляя первому комитету Генеральной Ассамблеи предложения о мерах по устранению угрозы новой войны, польский представитель предложил рекомендовать воюющим сторонам немедленно прекратить военные действия, возобновить переговоры о перемирии и вывести из Кореи иностранные части, включая китайских добровольцев. Представители США прибегли было к затасканному доводу о том, что прения в ООН «поставят под угрозу переговоры» в Корее. Но на этот раз неприсоединившиеся и малые страны не поддержали их, отмечая, что корейско-китайские предложения не противоречат решению Генеральной Ассамблеи.

15 апреля Бразилия выдвинула свой проект резолюции. В нем не было пункта о немедленном прекращении военных действий, но инициатива КНР и КНДР оценивалась как «основа для возобновления переговоров», которые «приведут к незамедлительному заключению перемирия». США, рассчитывая объединить членов ООН против польской резолюции, встретили бразильский проект с одобрением, хотя намекнули на желательность ограничиться лишь упоминанием соглашения об обмене больными военнопленными. Неприсоединившиеся государства выступили за заключение перемирия. Заявление делегации СССР о том, что проект Бразилии заслуживает серьезного внимания, и решение Польши исключить раздел о Корее из своей резолюции облегчили сплочение миролюбивых стран, препятствовали попыткам затянуть войну. 18 апреля Генеральная Ассамблея единогласно выразила уверенность, что «заключение справедливого и почетного перемирия в Корее будет существенно способствовать ослаблению существующей напряженности международных отношений» [1].

США вынуждены были согласиться на возобновление с 26 апреля переговоров в Паньмыньчжоне. Не решаясь открыто отвергнуть предложения представителей КНДР и китайских добровольцев, фактически одобренные ООН, делегация США стала препятствовать достижению соглашения о кандидатуре нейтрального государства, под контроль которого следовало передать военнопленных.

7 мая корейско-китайская делегация в порядке компромисса выдвинула так называемые «8 пунктов»: для наблюдения за репатриацией предлагалась комиссия в том же составе, что и комиссия по наблюдению за перемирием, с добавлением Индии, под контроль которой надлежало передать репатриируемых военнопленных с решением судьбы тех, кто откажется вернуться на родину, политической конференцией заинтересован-

[1] ООН. ГА. Седьмая сессия. Резолюции, принятые с 24 февраля по 23 апреля 1953 г., стр. 4.

ных стран [1]. Хотя эти предложения в значительной мере повторяли рекомендации ООН, 13 мая Гаррисон отказался принять пункты о политической конференции и передаче военнопленных корейцев под контроль нейтральной комиссии. Кларк рекомендовал правительству США разорвать переговоры, предъявив в ультимативном порядке «окончательные условия». Однако правящие круги США, учитывая положение в ООН, общественное мнение, твердую позицию социалистических государств, сочли целесообразным пойти на уступки, о чем свидетельствовали уточнения, внесенные Гаррисоном 25 мая.

По таким главным вопросам, как политическая конференция и передача военнопленных корейцев под контроль нейтральных стран, США приняли точку зрения корейско-китайской стороны, что, естественно, вызвало ответные уступки по другим вопросам. Таким образом, опять-таки не «политика силы», а разумный учет позиции другой стороны содействовал успеху переговоров.

С достижением 8 июня соглашения о военнопленных оставалось лишь подписать уже полностью согласованные условия перемирия. Однако определенные круги США предприняли еще одну попытку сорвать соглашение, на этот раз с помощью лисынмановцев. В ночь на 18 июня их вооруженные части при бездействии американской охраны угнали из лагерей 26 тыс. военнопленных, большинство которых было затем насильственно зачислено в южнокорейские войска. Провокация была рассчитана на то, чтобы вызвать срыв переговоров, причем, как надеялся Д. Даллес, в этом случае Соединенные Штаты могли отклонить перемирие и «воевать до победы» [2].

19 июня главнокомандующий Народной армией Кореи Ким Ир Сен и командующий китайскими добровольцами Пын Де-хуэй решительно осудили провокацию и потребовали возвращения в лагеря захваченных солдат и офицеров. Добившись от «командования ООН» гарантий выполнения в дальнейшем лисынмановскими войсками условий перемирия, представители КНДР и китайских народных добровольцев согласились не настаивать на своем требовании.

Вновь потерпев неудачу, американская сторона инсценировала переговоры с Ли Сын Маном, который твердил, что «не допустит» перемирия, а специально направленный в Сеул личный представитель Эйзенхауэра «убеждал» его «проявить сдержанность». Весь этот пропагандистский шум предназначался для того, чтобы добиться сохранения войск США в Южной Корее после перемирия и сорвать политическое урегулирование корейского вопроса. В порядке «уступок» Ли Сын Ману США

[1] См. «Правда», 8 мая 1953 г.

[2] *J. Beal.* John Foster Dulles. A Biography. New. York, 1957, p. 183.

обещали подписать с Южной Кореей военное соглашение, увеличить поставки вооружения и помешать созыву политической конференции.

Соглашение о перемирии в Корее

Соглашение о перемирии было заключено 27 июля 1953 г. Характерно, что «командование ООН» отказалось согласиться на изображение голубя мира над входом в здание, где проходила церемония подписания соглашения. Оно отвергло также пожелание не допускать представителей Чан Кай-ши и Ли Сын Мана на эту церемонию, в результате чего вместо командующих вооруженными силами стороны были представлены главами делегаций на переговорах. В полном молчании Нам Ир и Гаррисон подписали 18 копий соглашения [1].

В преамбуле указывалось, что целью соглашения является «прекращение корейского конфликта» и «заключение перемирия, которое обеспечило бы полное прекращение военных действий и всех враждебных актов в Корее до окончательного мирного урегулирования». Эта формулировка означала, что перемирие должно оставаться в силе независимо от срока окончательного урегулирования корейского вопроса. Определялись демаркационная линия в соответствии с фактическим расположением войск обеих сторон, в основном по 38-й параллели, с демилитаризованной зоной глубиной в два километра по обеим сторонам линии и порядок замены вооружений и воинского персонала в зоне. Были установлены функции военной комиссии по перемирию из представителей сторон и комиссии по наблюдению за перемирием из представителей нейтральных стран — Польши, Чехословакии, Швеции и Швейцарии. В течение 60 дней надлежало репатриировать всех военнопленных, желающих вернуться на родину, а остальных передать в нейтральную зону под охрану индийских войск для проведения разъяснительной работы с ними в течение 90 дней. Через три месяца после перемирия должна быть созвана политическая конференция для решения вопроса о выводе иностранных войск и мирного урегулирования корейской проблемы.

Соглашение означало успех миролюбивых государств и всех прогрессивных сил, серьезное военно-политическое поражение воинствующих сил в США, которые были вынуждены подписать перемирие, не достигнув своих агрессивных целей, потерпев провал попыток добиться успеха с помощью оружия.

В достижении этих результатов видную роль сыграла дипломатия СССР и других социалистических стран, выступавших умело и гибко в борьбе за восстановление мира. Успех этих усилий подтвердил жизненность требований стран социализма

---

[1] *R. Leckie.* The Korean War. London, 1963, p. 385, 386.

об урегулировании путем переговоров спорных международных проблем на основе принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Отстаивая мир в Корее, советская дипломатия содействовала прогрессивным сдвигам внутри ООН и выявлению серьезных различий между агрессивной империалистической политикой и миролюбивыми нейтралистскими стремлениями большинства освободившихся стран, что облегчило расширение сотрудничества государств социализма с развивающимися странами в борьбе за мир и ликвидацию колониализма.

Перемирие создавало предпосылки для ослабления международной напряженности. Советская дипломатия развернула последовательную борьбу за их реализацию.

3. Корейский вопрос после заключения перемирия (1953—1960 гг.)

Социалистические страны считали, как указывалось в совместном советско-корейском коммюнике (сентябрь 1953 г.), что за прекращением военных действий должно последовать «мирное урегулирование корейского вопроса на основе национального объединения Кореи и предоставления возможности самому корейскому народу решать вопросы государственного устройства Кореи» [1]. Они выступали за скорейший созыв с этой целью предусмотренной соглашением о перемирии политической конференции заинтересованных стран.

Но США и их союзники препятствовали ее созыву. В день подписания перемирия они угрожающе заявили, что «в случае возобновления нападения» не ограничат военные действия пределами Кореи. 1 октября США и марионеточное правительство Южной Кореи подписали «договор о взаимной обороне». Он предусматривал не ограниченное сроками пребывание американских войск в Южной Корее и ориентировал на распространение лисынмановского режима на всю Корею, указывая, что территории, не находящиеся под юрисдикцией одной из сторон, в дальнейшем могут быть признаны как законно перешедшие под ее администрацию.

В августе 1953 г. на седьмой сессии Генеральной Ассамблеи США сорвали соглашение о политической конференции, отвергнув предложение СССР об участии в ней Индии и ряда других государств Азии. Однако, учитывая настроение большинства членов ООН, США предложили обсудить этот вопрос на совещании воевавших сторон. С согласия КНДР и КНР со-

[1] «Правда», 19 сентября 1953 г.

вещание открылось 26 октября 1953 г. в Паньмыньчжоне. Представители КНДР и КНР на переговорах настаивали на участии в политической конференции наряду с участниками войны в Корее нейтральных стран — Советского Союза, Индии, Индонезии, Пакистана и Бирмы, соглашаясь, чтобы эти государства пользовались лишь совещательным голосом. Американские представители стремились затянуть время до окончания работы восьмой сессии Генеральной Ассамблеи, чтобы не допустить дискуссии в ООН накануне предрешенного ими срыва переговоров.

Когда 8 декабря Ассамблея должна была перейти к обсуждению корейской проблемы, американский представитель настоял на принятии резолюции о прекращении работы сессии, с тем чтобы председатель сессии — представительница Индии Лакшми Пандит — «с согласия большинства членов организации» созвала Ассамблею в случае, если этого потребует обстановка в Корее. Ход событий показал правильность предупреждения советской делегации о том, что такое решение облегчит маневры США. 12 декабря делегация США в Паньмыньчжоне под провокационным предлогом, будто представитель КНДР «оскорбил командование ООН», сказав об его ответственности за захват лисынмановцами военнопленных в 1953 г., отказалась продолжать переговоры о политической конференции. Одновременно «командование ООН» сорвало репатриацию военнопленных, что привело к насильственному задержанию еще 21 тыс. китайских и корейских солдат и создало прямую угрозу срыва перемирия.

В сложившейся обстановке правительства КНДР и КНР призвали ООН принять меры для нормализации положения. 11 января 1954 г. Л. Пандит запросила согласие членов ООН на возобновление работы Генеральной Ассамблеи, предложив сообщить ответ не позже 22 января. При этом было оговорено, что неполучение ответа будет считаться за согласие [1]. К 18 января за созыв сессии высказался ряд членов ООН, включая СССР, против — лишь США и чанкайшисты. Оказавшись в затруднительном положении, США при содействии генерального секретаря ООН Хаммаршельда добились отсрочки представления ответов до 29 января. С помощью «выкручивания рук», американские дипломаты за это время мобилизовали значительную часть «механического большинства». К назначенному сроку поступило 22 положительных и 28 отрицательных ответов, 10 членов ООН не высказали мнения, что означало согласие с созывом Ассамблеи. Но Ассамблея не была созвана.

---

[1] ООН. ГА. «Меморандум Генерального секретаря о возобновлении работы Генеральной Ассамблеи». Документ А/2635.

США все же были вынуждены согласиться включить корейский вопрос в повестку Женевского совещания[1]. В его обсуждении наряду с пятью великими державами участвовали представители КНДР, а также Южной Кореи и 12 стран — союзниц США по иностранной военной интервенции. 27 апреля делегация КНДР внесла предложения о восстановлении национального единства страны путем проведения свободных выборов в общекорейское Национальное собрание, которому надлежало образовать единое правительство Кореи. Подготовку выборов предлагалось поручить комиссии из представителей демократических организаций КНДР и Южной Кореи, действующей на основе равенства сторон. Рекомендации КНДР предусматривали вывод в шестимесячный срок всех войск и обязательство государств, заинтересованных в поддержании мира на Дальнем Востоке, помочь мирному развитию и объединению Кореи. Министры иностранных дел СССР и Китая поддержали эти предложения. СССР заявил о готовности гарантировать вместе с другими государствами мирное развитие Кореи. Но США и их союзники добивались совсем других целей. Представитель США настаивал, чтобы войска США оставались в Корее, и вслед за лисынмановцем требовал проведения выборов под «контролем ООН» только в Северной Корее.

Усилия социалистических стран привели к сближению точек зрения. Участники совещания признали необходимость проведения выборов на основе общекорейского избирательного закона с пропорциональным представительством и тайным голосованием. Они отметили целесообразность создания общекорейского органа для проведения выборов и международного — по наблюдению за ними, хотя относительно состава и функций этих органов имелись разногласия; необходимость вывода иностранных войск и обеспечения мирного развития Кореи. 5 июня советская делегация предложила зафиксировать эти положения в виде соглашения и продолжить переговоры по спорным вопросам. Представители КНР и КНДР поддержали это предложение. Ряд союзников США также считали, что оно «дает основу для переговоров».

Оказавшись в затруднении, США при поддержке Англии взяли курс на срыв совещания. 11 июня Иден заявил, что, если не будет принято решение о проведении выборов под «наблюдением ООН», переговоры придется закончить. Социалистические страны не могли принять требование о распространении на всю страну марионеточного южнокорейского режима. Они продолжали искать компромиссное решение. 15 июня делегация КНДР в проекте соглашения «Об обеспечении мирных условий

[1] См. гл. XI.

в Корее» предложила заявить о продолжении переговоров и содействии мирному развитию Кореи путем постепенной ликвидации военного положения, учреждения паритетных органов содействия экономическому и культурному сближению двух частей страны. Духом сотрудничества был проникнут и советский проект «Декларации по вопросу о Корее», призывавший до окончательного урегулирования не предпринимать «какие бы то ни было действия, которые могли бы поставить под угрозу поддержание мира в Корее». В явном замешательстве США и их союзники по агрессии, выслушав эти предложения, потребовали перерыва, во время которого провели сепаратное совещание. По возобновлении заседания была оглашена декларация 16 стран — участниц интервенции об отказе вести переговоры, если не будут приняты их требования.

Несмотря на предъявление фактического ультиматума, социалистические страны сделали еще одну попытку достичь соглашения, предложив заявить о намерении возобновить переговоры. Даже представитель Англии счел такое решение приемлемым, но в результате категорических возражений главы делегации США оно было отклонено.

Прекратив переговоры, соучастники войны в Корее представили девятой сессии Генеральной Ассамблеи доклад о женевских переговорах [1]. Они утверждали, будто совещание в Женеве представляло ту самую политическую конференцию, о которой шла речь в соглашении о перемирии. Такое утверждение и по существу, и по форме было несостоятельно. Встреча в Женеве представляла совещание пяти великих держав, где кроме корейского рассматривался индокитайский вопрос. Решение о ней не было связано с соглашением о перемирии или резолюциями ООН. В совещании не участвовали нейтральные государства, что КНДР и КНР считали обязательным условием созыва политической конференции. Совпадение состава участников с составом, в котором США предлагали провести конференцию, не было основанием для их отождествления. Но США настаивали именно на таком толковании, чтобы, объявив о «провале политической конференции», отбросить это условие перемирия. Авторы доклада голословно утверждали, будто настояния социалистических стран о наблюдении за выборами со стороны нейтральной комиссии и выводе иностранных войск означали «пренебрежение к ООН», и требовали одобрить в качестве принципов «политического урегулирования» в Корее «право» ООН «принимать коллективные меры», предлагать свои «услуги», вклю-

---

[1] ООН. ГА. Письмо от 11 ноября 1954 г. генеральному секретарю ООН от государств — членов ООН, участвовавших в военных действиях в Корее и присутствовавших на Женевской конференции. Документ A/2786.

чая проведение выборов, с целью разрешения корейского вопроса.

Явное игнорирование США условий перемирия серьезно беспокоило многих членов ООН, в особенности неприсоединившиеся страны. С большим трудом дипломатии США удалось настоять на отклонении советского предложения о приглашении представителя КНДР и провести решение об участии в дискуссии лишь южнокорейской делегации.

Советский Союз, выдвинув резолюцию о созыве конференции заинтересованных держав, для мирного решения корейского вопроса снял ее в пользу индийского проекта, который предлагал рекомендовать заинтересованным сторонам продолжить «мирные и конструктивные усилия по урегулированию». Однако представитель США отверг соглашение «на какой-либо иной основе», кроме «доклада 15» [1]. Резолюция о его одобрении, принятая 11 декабря 1954 г., санкционировала продолжение оккупации Южной Кореи войсками США. Не содействовало улучшению обстановки в Корее и продление деятельности комиссии ООН.

Политике, направленной на обострение обстановки в Корее, социалистические страны противопоставляли предложения по корейскому вопросу в точном соответствии с соглашением о перемирии. В основе этих предложений лежала идея мирного объединения страны, отвечающая воле корейского народа.

В октябре 1954 г. Верховное народное собрание КНДР предложило созвать совещание представителей Северной и Южной Кореи для содействия мирному объединению страны. В 1956 г. III съезд Трудовой партии Кореи в декларации «За мирное объединение страны» призвал разрешить корейскую проблему путем демократических общекорейских выборов и с этой целью содействовать контактам между Северной и Южной Кореей. Продолжая выступать с миролюбивой инициативой, КНДР 5 февраля 1958 г. призвала осуществить вывод из Кореи «войск ООН» и отрядов китайских добровольцев, чтобы создать условия для проведения свободных выборов [2]. Несмотря на то что США отказались принять это предложение, части китайских добровольцев были полностью эвакуированы с территории КНДР к 25 октября 1958 г.

Борьба за единство страны, успехи КНДР в развитии экономики и культуры содействовали окончательной дискредитации марионеточного режима, превратившего Южную Корею в полуколонию США. Весной 1960 г. в результате всенародных

---

[1] ООН. ГА. Девятая сессия. Первый комитет, официальные отчеты, стр. 495.

[2] См. «Новая Корея», 1958, № 3, стр. 1, 2.

выступлений марионетка империалистических кругов США Ли Сын Ман был свергнут с поста «президента» и бежал на Гавайские острова. В Южной Корее развернулось массовое движение за мирное объединение страны. 11 ноября 1960 г. правительство КНДР предложило образовать конфедерацию Южной и Северной Кореи, с тем чтобы постепенно создать условия для объединения на мирной демократической основе, с сохранением до того времени существующих политических систем и самостоятельной деятельности правительств Северной и Южной Кореи. СССР приветствовал эту инициативу, как наилучший путь к объединению «в условиях существования двух государств с различными социальными системами» [1].

Несмотря на противодействие южнокорейских властей правительство КНДР продолжало вести борьбу за мирное воссоединение страны в соответствии с волей народа.

[1] «Правда», 12 ноября и 8 декабря 1960 г.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРОБЛЕМА ПОСЛЕВОЕННОГО МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ С ЯПОНИЕЙ
(конец 40 — начало 60-х годов)

1. Подготовка Соединенными Штатами сепаратного мирного договора с Японией

От оккупации к сепаратному миру

В начале 1947 г. США обратились в Совет Безопасности ООН с просьбой о передаче им опеки над бывшими японскими подмандатными островами в Тихом океане (Каролинские, Марианские, Маршалловы). СССР добился отклонения требований о том, чтобы острова считались «неотделимой частью США», и одобрения поправки о развитии этих территорий «в направлении к самоуправлению или независимости» [1]. Принятие решения по этому вопросу свидетельствовало о возможности решения и других проблем мирного урегулирования с Японией в соответствии с соглашениями союзных держав, которые предусматривали ее миролюбивое демократическое развитие и обеспечение безопасности всех стран Дальнего Востока. За договор на такой основе неизменно выступало правительство СССР. Но США воспрепятствовали его заключению.

11 июля 1947 г. они предложили созвать конференцию 11 стран — участниц Дальневосточной комиссии (ДВК) для составления мирного договора с Японией, с принятием решений, в отличие от установленной в ДВК процедуры, большинством в две трети голосов. Требование подменить равноправие и единогласие союзных держав диктатом «механического большинства», которым располагали бы США на конференции, было явно неприемлемо. Не дожидаясь ответа СССР и без предварительной консультации с Англией и Китаем, стремясь обойти СМИД, США начали в одностороннем порядке подготовку к мирной конференции, вступив в переговоры по этому вопросу с представителями других держав — членов ДВК. Советское правительство 22 июля 1947 г. отклонило американские предложения. Их выдвижение преследовало единственную цель — помешать мирному урегулированию. Не случайно американское правительство, отклонив предложение СССР от 22 июля и 27 ию-

[1] «Правда», 28 февраля и 4 апреля 1947 г.

ября 1947 г. о подготовке договора Советом министров иностранных дел в составе СССР, США, Китая и Англии, долгое время не возвращалось к проблемам мира с Японией.

В Вашингтоне в те годы считали наиболее целесообразным сохранять управление Японией в своих руках, чтобы беспрепятственно использовать ее территорию как военный плацдарм. «Эластичное бездоговорное положение, которое существует в настоящее время,— писала 21 апреля 1949 г. газета штаба Макартура «Старс энд страйпс»,— имеет свои огромные преимущества. При настоящих условиях США располагают свободой действий». В полном соответствии с этой установкой на Парижской сессии СМИД в мае 1949 г. представитель США говорил, что еще не пришло время для обсуждения мирного договора с Японией.

Однако затягивать решение вопроса о мирном договоре до бесконечности США не могли. Борьба японского народа, который все решительнее требовал прекращения оккупации, лишившей его национальной независимости и демократических прав, создавала обстановку, когда задержка с заключением мирного договора становилась опасной для самой оккупационной системы.

За ликвидацию оккупационного статута выступали и японские монополии, обещавшие в то же время сохранить сотрудничество с США после получения большей свободы действий.

Не могли правящие круги США игнорировать и международные условия, в первую очередь позицию социалистических стран. В заявлении ТАСС от 23 мая 1948 г. подчеркивалась необходимость скорейшего заключения демократического мира с Японией. При обсуждении в начале 1950 г. в ДВК американского предложения об участии Японии в международных технических конференциях, в назначении ею правительственных агентов за границей представитель СССР, в принципе не возражая против этого, предупредил, что США пытаются лишь оттянуть заключение мирного договора, необходимость которого давно назрела и который обеспечил бы Японии все права, перечисленные в этом американском предложении [1]. Советский представитель согласился при определенных обстоятельствах на созыв конференции членов ДВК для рассмотрения вопроса о мирном урегулировании с Японией. В договоре, заключенном 14 февраля 1950 г. между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, о дружбе, союзе и взаимной помощи подчеркивалась решимость «добиваться заключения в возможно более короткий срок совместно с другими союзными во время второй мировой войны державами мирного договора с Японией».

[1] АВП СССР.

На ликвидации оккупационного режима настаивали Англия и ее доминионы, которые опасались восстановления японской экономики и внешней торговли под контролем США. Еще в 1947 г. конференция стран Содружества наций высказалась за скорейшее заключение договора о мире с Японией с учетом согласованных решений союзных держав. В 1949 г. это требование было подтверждено на встрече в Канберре, после которой министр иностранных дел Англии Бевин в переговорах с Ачесоном в Вашингтоне настаивал на ускорении мирного урегулирования с Японией.

Большинство государств Азии также высказывалось за скорейшее послевоенное мирное урегулирование с Японией.

Политика США в вопросах мирного урегулирования, их сговор с японской реакцией

В конце 1949 г. в правящих кругах США обострилась борьба по вопросу о мирном договоре с Японией. Министерство обороны отрицательно отнеслось к предложению государственного департамента о подготовке договора, считая, что его заключение слишком ослабит позиции США. Однако сторонники продолжения оккупации — военный министр Грей и его помощник Ворхис — вскоре уступили место деятелям, которые придерживались относительно более гибкой тактики [1].

Американская дипломатия стремилась навязать Японии договор, который, отменив оккупационный режим, по-прежнему позволял бы империалистическим силам США использовать ее в агрессивных целях. Социалистические страны не соглашались на подобные условия. США взяли курс на заключение сепаратного мирного договора.

Вопреки национальным интересам правительство Японии во главе с Сигеру Иосида соглашалось с таким курсом. Иосида в 30-е годы занимал посты заместителя министра иностранных дел, посла в Риме и Лондоне, был тесно связан с деловыми и бюрократическими кругами. В годы войны он находился не у дел, что имело решающее значение при его выдвижении штабом Макартура. Престарелый премьер стал олицетворением проамериканской ориентации части правящих кругов Японии. Ему принадлежит сомнительная честь «теоретического» обоснования и практического опробования «партнерства с США», легшего в основу послевоенной дипломатии Японии того периода.

На одном из первых заседаний кабинета после прихода к власти в 1948 г. Иосида добился одобрения меморандума с призывом к США о совместном «отражении внешней агрессии» и укреплении вооруженных сил Японии.

[1] См. *Киёси Иноуэ, Синдзабуро Оконоги, Сёси Судзуки.* История современной Японии. М., 1955, стр. 560.

В январе 1950 г. в результате переговоров сперва со специальной американской миссией во главе с послом Джессепом, затем с членами объединенной группы начальников штабов США под руководством генерала Брэдли Иосида в принципе согласился с включением «суверенной Японии» в систему обороны США. В развитие этой договоренности министр финансов Хаято Икэда, официально направленный в Вашингтон для обсуждения экономических проблем, вручил советнику военного департамента США послу Доджу послание Иосида о готовности предоставить США военные базы после заключения мирного договора [1].

Получив столь важное обязательство, американская дипломатия приступила к подготовке сепаратного мира. 18 мая 1950 г. эта миссия была возложена на советника государственного департамента Джона Фостера Даллеса, который сам настойчиво ее добивался [2]. 14 июня Даллес отправился в Токио. В переговорах с Иосида он намекал на желательность «предоставления Японии суверенитета» без мирного договора при сохранении контроля оккупационных властей. Убедившись в невозможности такого решения вопроса, Даллес выдвинул предложение о замене оккупационного режима более приемлемой для правящих кругов Японии формой сотрудничества. Это отвечало и духу «Белой книги» японского МИДа, выпуск которой был приурочен к его приезду. Правительство Иосида подтвердило согласие на оставление американских войск в стране и военный союз с США. Начавшуюся во время визита Даллеса войну в Корее правящие круги США и Японии использовали для оправдания сговора о сепаратном мирном договоре ссылками на «коммунистическую угрозу».

14 сентября Трумэн уполномочил государственный департамент начать переговоры по вопросу о мире с Японией. 26 октября Даллес вручил представителю СССР в Совете Безопасности Я. А. Малику и главам делегаций других стран — членов ДВК меморандум о неокончательных и подлежащих уточнению в ходе неофициальных переговоров основных принципах мирного договора, недвусмысленно «разъяснив», что усилия по заключению мира будут продолжены независимо от позиции других наций [3]. В соответствии с этой установкой участниками договора предлагалось считать лишь те страны, которые подпишут американский проект. Намечался пересмотр уже решенных Каирской декларацией и Ялтинским соглашением территориальных проблем. Предусматривалось «узаконение» пребывания американ-

[1] См. *Д. В. Петров.* Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М., 1965, стр. 50—51.

[2] *R. Goold-Adams.* John Foster Dulles. A. Reapprisal. New York, p. 56.

[3] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 260, 261.

ских войск в Японии, изъятие из-под ее суверенитета островов Рюкю (включая Окинаву), Бонин, ряда других островов и передача их под управление США.

«Неокончательные условия» представляли маневр, предпринятый с целью создать видимость обмена мнениями с заинтересованными странами, в первую очередь с СССР. Учитывая это, Советское правительство в памятной записке, которая была вручена 20 ноября Даллесу, запросило разъяснений по американскому меморандуму, показав несовместимость его «принципов» с укреплением мира и демократическим независимым развитием Японии. Со своей стороны, Советское правительство не формулировало никаких предложений, лишив американскую дипломатию возможности утверждать, будто СССР принял участие в обсуждении «неокончательных» условий [1]. В ответной памятной записке от 28 декабря правительство США отказалось дать ответ на вопросы и замечания Советского правительства по американскому меморандуму и отклонило подготовку договора на согласованной основе, утверждая, будто совместные решения военного времени не должны приниматься во внимание, как не учитывающие точку зрения всех заинтересованных сторон [2].

За исключением Франции и Нидерландов, никто из членов ДВК не принял без серьезных замечаний «неокончательные условия». Англия предложила положить в основу договора проект, подготовленный рабочей группой стран Содружества в мае 1950 г. В сложившейся обстановке американская дипломатия решила отказаться от разработки договора на каком-либо международном форуме. Вопреки нормам международного права и сложившейся практике Даллес настоял на «подготовке» проекта путем двусторонних дипломатических контактов с «заинтересованными странами», состав которых произвольно определило правительство США. Такой порядок исключал опасную для США гласность, препятствовал координации усилий правительств, не согласных с их требованиями, облегчал нажим на малые страны и сговор с империалистическими партнерами.

Первоочередной задачей американская дипломатия считала согласование условий мирного договора с японскими консервативными лидерами. С этой целью в начале января 1951 г. в Токио был снова направлен Даллес. Правительство Японии согласилось в принципе на неравноправный договор, но, по свидетельству Иосида, было разочаровано «неокончательными условиями», особенно в части территориальных проблем и участия Японии в международных делах [3]. Правительству приходилось

[1] См. «Известия», 24 ноября 1950 г.

[2] АВП СССР.

[3] *Shigeru Yoshida.* The Yoshida Memoirs. The story of Japan in Crisis. London, 1961, p. 250, 251.

маневрировать, чтобы ослабить движение за демократический мирный договор, о размахе которого свидетельствовали 10 млн. подписей, собранных в Японии под требованием о выводе американских войск. 25 января 1951 г. Даллес прибыл в Токио и заявил в беседе с Иосида, что не может быть и речи о «взаимной гарантии безопасности» ввиду «слабости Японии» [1].

Капитуляция японского премьера в этом вопросе маскировалась в совместном коммюнике «концепцией», гласившей, что в случае эвакуации войск США в Японии образуется «вакуум силы», который будет прямо или косвенно использован «мировым коммунизмом». Якобы для предотвращения этой надуманной угрозы японское правительство обращалось с просьбой об оставлении американских вооруженных сил, а США обещали благожелательно отнестись к ней. Достигнутую договоренность 9 февраля оформили негласным документом, проект которого был подготовлен сопровождавшим Даллеса помощником государственного секретаря Аллисоном и заместителем японского министра иностранных дел Садао Игучи. Одновременно было подписано соглашение о сотрудничестве Японии с «силами ООН в Корее». 13 февраля Иосида заявил в парламенте о принятии предложенной Даллесом военной помощи «против коммунистической агрессии» [2].

Со своей стороны, Даллес и Макартур заверили, что США не пожалеют сил для стабилизации гражданской власти, будут расширять военные заказы и содействовать неограниченному снабжению сырьем японской промышленности [3]. Было объявлено, что после заключения мирного договора будут пересмотрены дела военных преступников, а также «реформы оккупационного периода», которые «не соответствуют новой обстановке». Даллес заверил, что США поддержат требования о выплате репараций «без истощения валютных резервов». Это позволило правительству Японии отклонить законные претензии стран, пострадавших от агрессии японского империализма. США, однако, отвергли просьбу от отказе от оккупации Соединенными Штатами ряда собственно японских территорий, включая острова Рюкю, в обоснование которой Япония предоставила 7 томов документов и материалов, и отказались дать обязательство об «обеспечении политической независимости и территориальной целостности Японии».

В связи с отставкой Макартура Даллес в третий раз отправился в Токио (16—18 апреля 1951 г.) подтвердить, что поли-

---

[1] *S. Yoshida.* Ibid., p. 247, 248.

[2] Ibid., p. 268; «Japan and the United Nations. Report by the Study Group set up by the Japanese Association of International Law». New York, 1958, p. 76, 77.

[3] См. «Правда», 1 февраля 1951 г.

тика США в отношении Японии остается неизменной. Два месяца спустя Аллисон привез в Токио «согласованный» проект договора. США согласились, в частности, с тем, чтобы жители Окинавы по-прежнему считались японскими гражданами, и обязались «ускорить» возвращение зданий и оборудования, использовавшихся оккупационными властями [1].

В конечном итоге японское правительство за счет жизненно важных для страны интересов и интересов третьих стран, добилось от США некоторых частных уступок в пользу японских монополий. Такая тактика стала неотъемлемой чертой «дипломатии партнерства», которой и следовали правящие круги Японии после подписания договора.

Переговоры между США и их союзниками о мирном договоре с Японией

Сразу после январских встреч в Токио Даллес посетил Филиппины, Австралию и Новую Зеландию, с тем чтобы добиться отказа от возражений против американских условий мира. В Маниле он достиг этой цели с помощью откровенного нажима. Более сложными оказались переговоры в Канберре. Правительства Австралии и Новой Зеландии указывали, что «неокончательные условия» не дают гарантий против возобновления японской агрессии, и настаивали на ограничении вооруженных сил Японии. Лишь после обещания США прийти на помощь в случае нападения Японии эти возражения, как следовало из тройственного коммюнике от 18 февраля 1951 г., были сняты.

По возвращении в США Даллес форсировал подготовку проекта договора. В марте 1951 г. он был опубликован. Правительство США утверждало, будто в нем отражены положения, высказанные заинтересованными странами. В действительности проект повторял без существенных изменений «неокончательные условия». Он не учитывал даже мнения главного партнера США — Англии, позицию которой по вопросу договора с Японией в январе 1951 г. одобрило совещание премьер-министров стран Содружества.

Одной из причин поспешности, проявленной Даллесом при опубликовании договора, была подготовка в Форин оффис своего проекта и «опасение, что предание его гласности выдвинет проблемы... которые приведут к затяжке решения и утрате существующих возможностей для заключения такого договора, которого хотели США». 19 марта в Лондон для согласования точек зрения прибыл государственный секретарь США Ачесон. Но его визит явно не достиг цели, поскольку в начале апреля

---

[1] *S. Yoshida.* Ibid., p. 251—253.

английское правительство опубликовало собственный проект. В отличие от американского он предусматривал меры по ограничению японской текстильной и судостроительной промышленности, право участников договора отказать Японии в режиме наиболее благоприятствуемой нации и ограничение японских военно-морских сил. Все эти условия должны были затруднить монополиям побежденной Японии наступление на позиции британского империализма в Азии и на Тихом океане. Англия высказывалась также за участие КНР, с которой установила дипломатические отношения, в заключении договора и за возвращение ей острова Тайвань, в то время как Соединенные Штаты требовали, чтобы договор подписало правительство Чан Кай-ши. Кроме того, английское правительство претендовало на равные с США права во всех вопросах подготовки договора. Для урегулирования разногласий в конце апреля — начале мая в Вашингтоне состоялись десятидневные переговоры, после которых министр иностранных дел Англии Моррисон заявил, что вопрос о Тайване не должен препятствовать заключению договора [1].

Для окончательного устранения разногласий в Лондон 5 июня прибыл Даллес. В беседах с Моррисоном он безуспешно пытался настаивать на привлечении к подписанию договора гоминьдановцев. Прервав переговоры, Даллес отправился в Париж. За обещание привлечь к подписанию договора профранцузские правительства Лаоса, Камбоджи и баодаевский режим, не допустить японский демпинг в Индокитае и выплатить индокитайским государствам репарации Франция заявила о поддержке американского проекта. Это укрепило позицию США в переговорах с Англией.

По возвращении в Лондон Даллес в порядке компромисса согласился, чтобы к подписанию договора не привлекались ни КНР, ни чанкайшистский режим. Моррисон в своих мемуарах подчеркивает, что эта договоренность носила неофициальный характер и сопровождалась условием не требовать от Японии признания какого-либо из китайских правительств. Однако Даллес, посетив Японию в декабре 1951 г., договорился с Иосида о «добровольном заключении» мира Японии с Чан Кай-ши [2].

Англо-американские переговоры, как указывалось в коммюнике от 14 июня 1951 г., «привели к полному согласию относительно проекта договора». Английский министр настоял лишь, чтобы проект был опубликован от имени как США, так и Англии.

---

[1] См. *Л. Н. Кутаков.* Внешняя политика и дипломатия Японии, стр. 242.

[2] *R. Goold-Adams.* Ibid., p. 45, 46.

Предложения СССР о демократическом мирном договоре с Японией

В связи с утверждениями американской дипломатии, будто СССР участвовал в двусторонних переговорах и что его пожелания будут учтены в американском проекте, Советское правительство в начале марта 1951 г. еще раз заявило об отказе от сепаратных переговоров с США. Оно указало, что «подготовка мирного договора не может являться делом одного какого-либо правительства», проводящего опрос других заинтересованных правительств, «а должно быть совместным делом всех этих правительств, как это предусмотрено соответствующими международными соглашениями». 7 мая 1951 г. американскому послу в Москве были вручены «Замечания правительства СССР по поводу проекта США мирного договора с Японией». Советское правительство подчеркивало, что проект подготовлен с нарушением установленной процедуры, и настаивало на выполнении условий, предусмотренных соглашениями союзников. СССР предлагал: созвать сессию Совета министров иностранных дел в составе представителей США, Китая, Великобритании и СССР и рассмотреть выработанный ею проект на мирной конференции; разработать договор на основе Каирской и Потсдамской деклараций и Ялтинского соглашения, с тем чтобы обеспечить развитие Японии как миролюбивого, демократического и независимого государства. В соответствии с этими принципами выдвигался ряд конкретных рекомендаций [1].

19 мая правительство США отвергло все замечания Советского Союза. Свою позицию оно пыталось обосновать утверждениями, будто мнение КНР не следует учитывать, поскольку Генеральная Ассамблея (механическим большинством голосов) обвинила ее в агрессии. От признания прав КНР на Тайвань США отказывались под предлогом, что в соглашении по этому вопросу (Каирская декларация 1943 г. США, Англии и Китая, подтвержденная в 1945 г. Потсдамской декларацией тех же стран, к которой присоединился Советский Союз) говорилось о возвращении острова Китайской Республике, а не Китайской Народной Республике. Оставление американских войск в Японии мотивировалось «заботой» о «коллективной безопасности». Советское правительство в ноте от 10 июня 1951 г. отклонило эти несостоятельные доводы и еще раз предупредило, что американский проект «в корне противоречит как интересам обеспечения прочного мира на Дальнем Востоке, так и национальным интересам самой Японии». Настаивая на том, что мирный договор должен быть всесторонним, а не сепаратным, Советский Союз соглашался созвать для рассмотрения всех имевшихся проектов

[1] См. «Правда», 23 мая 1951 г.

вместо СМИД в июле или августе 1951 г. мирную конференцию из представителей всех государств, участвовавших своими вооруженными силами в войне с Японией [1].

В ноте Советскому Союзу от 22 мая правительство КНР констатировало, что его точка зрения в отношении договора с Японией полностью совпадает с позицией Советского правительства [2]; правительства КНДР, МНР и ДРВ также заявили о поддержке СССР в вопросе о мирном урегулировании с Японией.

2. Сан-Францисский сепаратный мирный договор с Японией

Созыв конференции в Сан-Франциско

12 июля 1951 г. одновременно в Лондоне и Вашингтоне был опубликован совместный англо-американский проект договора, повторявший с 18 второстепенными поправками условия, выдвинутые США. 20 июля Англия и США предложили созвать в Сан-Франциско конференцию по заключению мира с Японией. Чтобы создать видимость коллективной разработки договора, приглашенным странам предлагалось дать замечания на проект. Однако оговаривалось, что независимо от характера замечаний окончательный текст будет опубликован 13 августа. Задачи конференции, как указывалось в совместной ноте, ограничивались «подписанием мирного договора» [3].

США рассчитывали, что СССР не примет приглашения и им удастся без осложнений проштамповать представленный текст. Когда Советское правительство в ноте от 12 августа 1951 г. указало, что направит делегацию и представит свои предложения, государственный департамент поспешно ответил, что на конференции не будет допущено «возобновление переговоров относительно условий мира с Японией» [4]. Советское правительство решило использовать трибуну конференции для разоблачения недемократического характера американского проекта договора, разъяснения перед всем миром позиции Советского Союза, путей к достижению демократического мирного урегулирования.

В ходе негласного обмена мнениями с США индийское правительство безуспешно пыталось настоять на изменении ряда условий будущего мирного договора. 23 августа Индия в нотах Англии и США, указывая, что мирный договор должен обеспечить полное равноправие Японии и прочный мир на Дальнем Востоке, потребовала: восстановить суверенитет Японии над

[1] См. «Правда», 11 июня 1951 г.

[2] См. «Советско-китайские отношения 1917—1957. Сборник документов». М., 1959, стр. 266.

[3] АВП СССР.

[4] Там же.

всеми принадлежащими ей территориями; не оставлять в Японии войск и военные базы США; указать, что Тайвань возвращается КНР, а Курильские острова и Южный Сахалин — Советскому Союзу; привлечь к подготовке договора все заинтересованные страны, в том числе КНР [1]. Поскольку, как подчеркивал премьер-министр Индии, ни одно из этих предложений США не учли, правительство Индии отказалось участвовать в Сан-Францисской конференции. Совпадение позиций СССР и Индии по вопросу мирного договора с Японией отражало общую заинтересованность обеих стран в прочном мире на Дальнем Востоке. Индия обменивалась информацией о японском договоре с Бирмой и Индонезией. Эти контакты сыграли свою роль в присоединении Бирмы к решению не посылать своего представителя в Сан-Франциско. От участия в конференции отказалась и Югославия.

В Японии движение против сепаратного мира приняло такой размах, что вопреки усилиям оккупационных властей и правительства Иосида в Сан-Франциско не удалось послать делегацию, знаменующую «единство страны»: в ней не участвовала японская социалистическая партия, а представитель демократической партии отказался одобрить военное соглашение с США.

Но так же, как и на предыдущих этапах подготовки мирного договора, США и их партнеры пренебрегли требованиями миролюбивых стран и народов. В частности, не были учтены предложения Советского правительства, переданные ранее замечания других стран, в том числе Бирмы, Индонезии и Филиппин (в отношении репараций с Японией) и др. 13 августа 1951 г. англо-американский проект был объявлен окончательным текстом, подлежащим подписанию на конференции.

Предложения Советского Союза на Сан-Францисской конференции

Конференция в Сан-Франциско проходила 4—8 сентября 1951 г. Кроме Японии в ней участвовало 51 государство [2]. На конференцию не были приглашены КНР, КНДР, МНР, ДРВ. Зато в ней участвовали все латиноамериканские страны, Люксембург и ряд других государств, не воевавших с Японией. Вашингтон рассчитывал на

---

[1] См. «India record», 6. IX. 1951.

[2] Австралия, Аргентина, Бельгия, Боливия, Бразилия, Великобритания, Венесуэла, баодаевский режим, Гаити, Гватемала, Гондурас, Греция, Доминиканская Республика, Египет, Индонезия, Ирак, Иран, Камбоджа, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Лаос, Либерия, Ливан, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Панама, Парагвай, Перу, Польша, СССР, Сальвадор, Саудовская Аравия, Сирия, США, Турция, Филиппины, Франция, Цейлон, Чили, Чехословакия, Уругвай, Эквадор, Эфиопия, Южно-Африканский Союз.

их голоса. При открытии конференции советская делегация вновь предложила пригласить КНР. Однако механическое, послушное США большинство отклонило это предложение. США, опасаясь, что СССР, Польша и Чехословакия, а также страны, недовольные проектом, помешают его утверждению, навязали беспрецедентные правила процедуры. В них подтверждалось, что конференция собралась лишь для подписания договора. Для речей делегатов предоставлялся один час, выступить вторично разрешалось только после того, как выскажутся все делегации. Практически дополнительное выступление было невозможно, поскольку срок работы конференции был ограничен пятью днями под предлогом, что оперный театр, в зале которого проходили заседания, с 9 сентября готовит открытие зимнего сезона. Письменные заявления и представления обсуждению не подлежали, а их включение в протоколы требовало одобрения председателя.

Председателю, на пост которого был избран государственный секретарь США Ачесон, поручалось решать все вопросы, связанные с порядком дня, причем его постановления не подлежали обсуждению и могли отменяться только большинством голосов. Председатель имел право призвать выступающего к порядку и даже лишить слова [1]. В правилах, навязанных Соединенными Штатами, во всей неприглядности предстала «дипломатия силы» с характерным для нее пренебрежением интересами стран и народов.

Однако план подписания договора под гром парадных речей о «новой эре» в истории Японии провалился. 5 сентября на конференции выступил глава делегации СССР А. А. Громыко. «Американо-английский проект договора,— подчеркнул он,— не удовлетворяет и не может удовлетворить ни одно государство, которое не на словах, а на деле стоит за установление прочного мира и за устранение угрозы новой войны» [2].

Делегация СССР показала, что навязываемый США договор противоречит согласованным решениям союзных держав, не гарантирует безопасность стран, пострадавших от японской агрессии, и создает условия для возрождения японского милитаризма, незаконно закрепляет пребывание иностранных вооруженных сил в Японии и расчищает путь к ее участию в агрессивных военных блоках, не обеспечивает демократических прав японского народа, нарушает законные права СССР и КНР по территориальным вопросам, игнорирует законные требования государств, пострадавших от японской агрессии, относительно репараций.

---

[1] «Conference for the Conclusion of the Treaty of Peace with Japan». Washington, 1951, p. 41—69.

[2] «Правда», 7 сентября 1951 г.

В целях заключения справедливого мира советская делегация внесла поправки к пяти статьям проекта договора и предложила включить в него восемь новых статей. 22 статьи она считала возможным принять без изменения. Советские поправки и дополнения предусматривали: урегулирование территориальных вопросов на основе международных соглашений [1]; ограничение японских вооруженных сил и военного производства размерами, необходимыми для обороны; запрещение Японии вступать в военные союзы, направленные против какой-либо страны, участвовавшей в войне против нее; вывод из страны всех оккупационных войск и запрещение содержать в ней иностранные войска [2]; свободное развитие ее мирной промышленности, внешней торговли и судоходства; допуск Японии на одинаковых правах с другими государствами к мировым источникам сырья; обязательство Японии возместить убытки странам, пострадавшим от ее агрессии, с определением размеров и источников репараций. Советский Союз требовал привлечь к подписанию договора КНР и все другие страны Азии, которые вели борьбу против агрессии японского империализма.

Советскую программу поддержали представители Чехословакии и Польши. Ее принятие превратило бы договор в основу прочного мира и независимого развития Японии. Однако, опасаясь, что советские поправки и дополнения встретят поддержку участников конференции, Ачесон не допустил их обсуждения, заявив, будто они «не относятся к повестке дня». Когда же советский представитель А. А. Громыко опротестовал это решение, проамериканское «механическое большинство» санкционировало антидемократическое постановление председателя конференции.

---

[1] Эти поправки включали следующие положения: признание Японией суверенитета КНР над Маньчжурией, Тайванем, Пескадорскими (Пэнхуледао) и некоторыми другими группами мелких островов и суверенитета СССР над южной частью Сахалина и Курильскими островами (отказ Японии от всех прав, правооснований и претензий на эти территории). Вместе с тем СССР предлагал признать суверенитет Японии над островами Рюкю, Бонин, Розарио, Волкано, Парес Вела, Маркус, Цусима и др., входившими в состав Японии до 7 декабря 1941 г., которые составляли давнишние владения Японии и которые США без всяких правооснований хотели от нее отторгнуть.

[2] Советская делегация предлагала вывести с японской земли вооруженные силы союзных держав не позже чем в течение 90 дней со дня вступления в силу договора, «после чего ни одна из союзных или соединенных держав, а также никакая другая иностранная держава не будут иметь своих войск или военных баз на территории Японии» («Правда», 7 сентября 1951 г.).

Критика американского проекта договора развивающимися государствами

Чтобы предупредить критику договора, Ачесон и Даллес перед открытием конференции лично «обрабатывали» колеблющихся делегатов из стран Азии. 31 августа был парафирован американо-филиппинский «договор об обороне», призванный, в частности, снять возражение Филиппин против перевооружения Японии. США негласно обещали Филиппинам посредничество в предстоящих переговорах с Японией о выплате репараций. От Иосида, который во главе японской делегации прибыл в Сан-Франциско 2 сентября, государственный секретарь США, ссылаясь на настроения представителей стран Азии, потребовал не высказывать недовольства по поводу репараций и до открытия заседания убедить заинтересованные страны, что Япония выполнит налагаемые на нее обязательства. Японский премьер-министр послушно провел соответствующие беседы [1].

Однако представители ряда стран Азии и Африки подняли голос протеста против заключения недемократического мирного договора. Этому во многом содействовало разоблачение его характера социалистическими странами. Представитель Египта, указывая, что проект ущемляет суверенитет Японии, предлагал исключить параграф, предусматривавший оставление на ее территории войск США. Его поддержали делегаты Сирии и Саудовской Аравии. Представитель Индонезии высказался за более определенное указание на обязанности Японии выплатить репарации и отметил, что в договоре не отражен ряд существенных вопросов. Делегат Филиппин, указывая на несправедливое решение репарационной проблемы, заявил, что договор не полностью приемлем для его страны.

Империалистические условия договора встретили отпор и других участников конференции. Однако США при поддержке союзников добились подписания договора без учета поправок или дополнений. Существенную помощь в осуществлении американских планов оказало руководство японской делегации, заявившее 7 сентября, что оно принимает проект договора.

Сан-Францисский сепаратный мирный договор с Японией 1951 г.

Церемония подписания договора состоялась 8 сентября в 12 часов дня. СССР, Польша и Чехословакия не участвовали в ней. Большинство подписавших государств не принимали прямого участия в войне против Японии. Неотъемлемой частью договора, насчитывающего 27 статей, являются две декларации и протокол о контрактах, сроках давности и ценных бумагах [2].

---

[1] *S. Yoshida.* Ibid., p. 258.

[2] АВП СССР.

Согласно статье 1 прекращалось состояние войны между Японией и другими участниками договора, которые заявляли о признании полного суверенитета японского народа над Японией. Такое заявление было включено лишь в последний вариант проекта в качестве уступки странам Азии.

Территориальные статьи предусматривали признание Японией независимости Кореи и решения Совета Безопасности о бывших японских мандатных территориях. Япония отказывалась от всяких претензий на Курильские острова, Южный Сахалин, а также Тайвань и острова Пэнхуледао, острова Спратли и Парасельские. Однако в договоре умалчивалось о возвращении этих территорий Советскому Союзу и КНР, что являлось прямым нарушением их законных прав. Смысл такого умолчания особенно очевиден в связи с принятием сенатом США незаконной «оговорки» о том, что условия договора не означают «признания за Россией каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г.», и «каких бы то ни было положений в пользу России в отношении Японии, содержащихся в Ялтинском соглашении» [1]. Вопреки согласованным решениям санкционировалась передача под управление США японских островов Рюкю, Бонин, Розарио, Волкано, Парес Вела, Маркус и Дайто.

Раздел под названием «Безопасность» санкционировал оставление американских войск в Японии на неопределенный срок. Вопреки пожеланиям многих стран договор не предусматривал ограничения японских вооруженных сил. Не было в нем и положений о демократизации и запрещении деятельности фашистских организаций. Экономические статьи наряду с приемлемыми положениями содержали условия, ущемлявшие в интересах американских монополий развитие внешней торговли и экономики Японии. Договор в принципе признавал обязанность Японии уплатить репарации, но без указания их размеров с оговоркой, что японские ресурсы якобы недостаточны для этой цели. Странам, понесшим ущерб от оккупации, предоставлялось урегулировать свои претензии путем двусторонних переговоров.

Пренебрежение США и их империалистических союзников к участникам договора выражалось и в условии, что он вступает в силу после ратификации большинством из перечисленных 11 стран (Австралия, Канада, Цейлон, Франция, Индонезия, Нидерланды, Новая Зеландия, Пакистан, Филиппины, Англия, США), при обязательном участии США. Договор грубо нарушал права тех воевавших против Японии стран, которые к нему не присоединились. Союзной державой в войне против

[1] АВП СССР.

Японии объявлялось лишь то государство, правительство которого подписало Сан-Францисский договор. Мирный договор не прекращал состояния войны между Японией и СССР, Китаем, Индией, Бирмой и рядом других государств.

Японо-американский «договор безопасности» 1951 г.

8 сентября 1951 г. через пять часов после заключения мирного договора Ачесон и Иосида в сан-францисском клубе сержантов подписали «договор безопасности». Японское правительство предоставило США право разместить в стране «и вблизи нее» вооруженные силы для «поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке и обеспечения безопасности Японии», а также «для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков в Японии», т. е. согласилось на прямое вооруженное вмешательство иностранной державы во внутренние дела своей страны. Срок действия договора не устанавливался, но подчеркивалось, что он может быть отменен лишь по желанию обеих сторон, т. е. с согласия США [1].

Договор противоречил японской конституции, закрепившей в своих статьях отказ страны от войны и применения вооруженной силы как средства разрешения международных конфликтов.

Сан-Францисский мирный договор и «договор безопасности» американская дипломатия спешила использовать, чтобы вырвать новые уступки у Японии. Под нажимом Даллеса премьер-министр Японии 24 декабря 1951 г. направил Чан Кай-ши письмо с предложением заключить «мирный договор», который был подписан в апреле 1952 г. В январе 1952 г. в Токио прибыл в качестве специального представителя президента США помощник заместителя государственного секретаря Дин Раск. В течение месяца он вел секретные переговоры с министром без портфеля Японии Кацуо Окадзаки. Подписанное 28 февраля в результате этих переговоров «административное соглашение» определило условия размещения и обслуживания в Японии более 600 американских военных объектов и баз, в пределах которых США осуществляли всю полноту власти. Раск с удовлетворением отмечал, что соглашение фактически позволяло США контролировать деятельность многих японских ведомств.

28 апреля 1952 г. сепаратный Сан-Францисский договор, «договор безопасности» и «административное соглашение» вступили в силу. Одновременно правительство США односторонним актом объявило о роспуске Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии.

Тихоокеанский пакт

18 апреля 1951 г. президент Эйзенхауэр заявил о начале консультаций с Австралией и Новой Зеландией об «эффективной взаимной помощи». На следующий же день правительства обеих стран выразили го-

[1] АВП СССР.

товность, не откладывая, начать обмен мнениями. Министр иностранных дел Англии Моррисон также поспешил одобрить американское предложение, недвусмысленно намекнув, что его правительство желало бы участвовать в предстоящих переговорах. Однако ожидавшегося им приглашения не поступило. Идея исключить Англию из союза, в котором участвовали ее доминионы, принадлежала Даллесу, немало сделавшему для ее осуществления [1].

Накануне конференции, 1 сентября 1951 г., Австралия, Новая Зеландия и США подписали в Сан-Франциско так называемый Тихоокеанский пакт, который оформил военный союз, получивший название АНЗЮС (начальные буквы английского наименования стран-участниц). Договор предусматривал консультации в случае «угрозы нападения» и совместные военные действия при «нападении» на территорию, суда и даже самолеты одной из сторон в районе Тихого океана. По его условиям учреждался Совет Тихоокеанского пакта из министров иностранных дел стран-участниц.

Относительно целей между участниками нового пакта не было полного единства взглядов. Правящие круги Австралии и Новой Зеландии разделяли точку зрения США, что АНЗЮС должен служить укреплению позиций империалистов, борьбе против освободительного движения в Азии и стран социализма. В то же время они склонны были рассматривать военный союз с США как гарантию против возобновления японской экспансии и его заключение выдвигали как условие поддержки американского проекта мирного договора с Японией. США считали АНЗЮС удобной формой объединения партнеров по этому блоку в совместных военных усилиях с Японией под своим руководством, важным элементом империалистической сан-францисской системы, основу которой составили мирный договор с Японией и японо-американский «договор безопасности».

Нарушив союзнические обязательства и элементарные нормы международного права, США добились заключения соглашений, направленных на превращение Японии в свой военный плацдарм и партнера по агрессивным маневрам на Дальнем Востоке. Сотрудничество американского империализма с японскими монополиями предоставило США ряд важных преимуществ. Известные выгоды оно принесло и определенным империалистическим кругам Японии, использовавшим поддержку США для милитаризации, борьбы против демократических миролюбивых сил внутри страны.

---

[1] *Goold-Adams.* Ibid., p. 58.

Позиция социалистических государств в отношении Сан-Францисского договора

Участвовавшие в Сан-Франциской конференции СССР, Польша и Чехословакия не подписали и осудили сепаратный Сан-Францисский договор. Они разоблачили его империалистическую сущность. 18 сентября 1951 г. правительство КНР заявило, что считает договор «незаконным и не имеющим силы», поскольку он направлен на подготовку агрессивной войны и представляет угрозу безопасности КНР и народам Азии. С заявлением о непризнании Сан-Францисского договора выступили также правительства КНДР, МНР, ДРВ.

Отказ СССР и ряда других участников Сан-Францисской конференции подписать договор выражал интернациональную солидарность со справедливой борьбой японского народа за независимость и демократию, с социалистическими странами Азии, произвольно отстраненными от участия в мирном урегулировании, представлял убедительный протест против антидемократических условий мира.

Отказ подписать Сан-Францисский договор ни в коей мере не означал враждебного отношения к Японии. Одной из важных задач своей внешней политики СССР всегда считал и продолжает считать установление с ней добрососедских отношений на основе принципов мирного сосуществования. Советская дипломатия проявила готовность содействовать укреплению суверенитета Японии и сотрудничать с ней в обеспечении мира и безопасности на Дальнем Востоке.

3. Восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией

С вступлением 28 апреля 1952 г. в силу Сан-Францисского мирного договора был распущен Союзный совет для Японии. Советское правительство не признало ликвидацию (без согласия всех его членов) органа, учрежденного по международному соглашению, и не отозвало из Токио своих представителей в Союзном совете. Наряду с протестом против односторонних действий империалистических держав в этой акции проявилось и стремление сохранить связи с Японией. Правительство Иосида отказалось признать за советскими дипломатами официальный статус, но не потребовало их выезда. Оно, однако, не только не воспользовалось возможностью поддерживать непосредственные контакты, но сохранило установленные в период оккупации Японии ограничения на торговлю с СССР и по многим вопросам поддерживало американскую политику «холодной войны» против стран социализма. Дипломатия США добивалась прекращения

всяких связей между Японией и СССР. Чуждый национальным интересам курс правящих кругов Японии встретил сопротивление демократических сил и значительной части торгово-промышленных кругов. В апреле 1954 г. в Токио была учреждена Ассоциация содействия международной торговле, объединившая представителей делового мира и общественных организаций, выступавших за развитие связей со странами социализма.

Укреплению реалистических тенденций содействовала позиция СССР. В августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР Советское правительство заявило, что всякие шаги Японии в направлении нормализации советско-японских отношений встретят поддержку. В октябре 1954 г. в совместной декларации правительства СССР и КНР еще раз подтвердили готовность «предпринять шаги с целью нормализации своих отношений с Японией» [1].

В Японии к концу 1954 г. вопрос о связях с СССР оказался в центре внутриполитической борьбы. Лидер проамериканских кругов правящей буржуазной либеральной партии премьер-министр Иосида в ноябре отправился в Вашингтон, чтобы, добившись кредитов и ряда уступок по второстепенным вопросам, сломить внутри Японии оппозицию, призывавшую форсировать торговлю с соседними странами. Но президент Эйзенхауэр ограничился обещанием изучить вопрос о «помощи» японскому народу и выделением 15 млн. долл. «на завтраки школьникам». По возвращении Иосида подвергся острой критике и после вынесения в парламенте вотума недоверия подал в отставку.

Сформированное 10 декабря правительство возглавил лидер демократической партии [2] Ицуро Хатояма. Его правительство в основном придерживалось прежнего внешнеполитического курса, но в опубликованной 12 декабря программе выразило намерение установить нормальные дипломатические и политические связи с СССР и КНР. Советское правительство без промедления выразило готовность «обсудить вопрос о практических мерах по осуществлению нормализации отношений между СССР и Японией, если правительство Японии действительно намерено предпринять шаги в этом направлении» [3]. Отсутствие упоминаний о союзе Японии с США лишало сторонников курса Иосиды возможности утверждать, будто нормализацию отношений СССР ставит в зависимость от разрыва японо-американских связей. После совещания кабинета 17 декабря представитель японского МИДа заявил, что выступление СССР «возможно послужит отправным моментом для урегулирования отношений».

[1] «Правда», 12 октября 1954 г.

[2] Создана в ноябре 1954 г. В 1955 г. либеральная и демократическая партия объединились в либерально-демократическую партию.

[3] «Правда», 17 декабря 1954 г.

Во время последовавших затем неофициальных контактов между Хатояма и исполнявшим обязанности торгового представителя СССР А. И. Домницким премьер-министр Японии дал понять, что его правительство не намерено осложнять урегулирование какими-либо предварительными условиями, в том числе по территориальному вопросу. В связи с советским предложением от 25 января начать официальные переговоры в Москве или Токио было решено продолжить обмен мнениями по этому вопросу в Нью-Йорке через представителя СССР в ООН А. А. Соболева и наблюдателя от Японии Савада [1].

Правительство Японии, однако, не решалось занять последовательно самостоятельную позицию. Все документы о контактах с СССР немедленно доводились до сведения Вашингтона, который всячески препятствовал переговорам, утверждая, будто СССР намерен «отрезать Японию от свободного мира» и «включить ее в свою орбиту». Не прекращали обструкцию и сторонники Иосиды, линию которых отстаивал министр иностранных дел Мамору Сигемицу. Уступая нажиму, правительство Хатояма в нотах от 5, 23 февраля и 9 апреля настаивало на проведении переговоров в США, с чем, учитывая характер японо-американских связей, Советское правительство не могло согласиться. Возможность срыва контактов встревожила японскую общественность. На созванной в марте сессии вновь избранного парламента противники нормализации отношений с СССР встретили отпор. В этих условиях на основе советского предложения о встрече в любом пункте третьего государства, кроме США, была достигнута договоренность о проведении официальных переговоров в Лондоне. Они начались 3 июня 1955 г. между советским послом Я. А. Маликом и японским Мацумото.

Еще в мае 1955 г. Даллес направил Хатояма послание, в котором говорилось, что «линия японского правительства на расширение экономических связей с Китаем и Советским Союзом и восстановление с ними дипломатических отношений создает у американского народа и в кругах американского конгресса впечатление, что Япония ищет сближения с коммунистическими странами. Эта позиция может стать препятствием для осуществления программы помощи Японии, разрабатываемой в настоящее время американским правительством» [2]. Нажим США, имевших сторонников в правящих кругах Японии, сказался на позиции японской стороны.

В полном соответствии с задачами переговоров советская делегация 14 июня представила проект мирного договора, который предусматривал прекращение состояния войны и восста-

[1] См. *Д. В. Петров.* Внешняя политика Японии после второй мировой войны, стр. 141, 143; «Правда», 30 января 1955 г.

[2] «Асахи», 23 мая 1955 г.

новление дипломатических отношений, развитие дружественных связей на основе мирного сосуществования, отказ от взаимных претензий, возникших в результате войны, вступление в переговоры о торговом договоре, конвенции по рыболовству и соглашении о культурном сотрудничестве. Проект предусматривал признание Японией уже осуществленного решения о возвращении Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов, от прав на которые она отказалась в Сан-Францисском мирном договоре. СССР высказал готовность пойти навстречу некоторым пожеланиям японской стороны, отказаться от репарационных претензий к Японии и поддержать ее обращение о принятии в члены ООН. В целях превращения Японского моря в море мира советская сторона предлагала, чтобы проливы, соединяющие его с океаном, были открыты для прохода лишь военных судов государств, прилегающих к нему.

Япония должна была взять обязательство не вступать ни в какие коалиции или военные союзы против любой державы, принимавшей участие в войне с Японией.

Японские представители, однако, в качестве предварительных условий обсуждения вопроса о восстановлении отношений и мирном договоре потребовали заявления СССР о согласии с японо-американским «договором безопасности», удовлетворения территориальных притязаний Японии (передачу ей Южного Сахалина и Курильских островов), согласия на нерегулируемый лов рыбы у советских берегов и др.[1] Однако японские представители не захотели обсуждать вопрос о договоре по существу. Они уделяли непомерно большое внимание вопросу о репатриации японских военнопленных из СССР, хотя она была закончена еще в начале 1950 г. и в Советском Союзе оставалась лишь небольшая группа японских граждан из числа бывших военнопленных, осужденных за военные преступления. Только 16 августа японская делегация выступила с контрпроектом мирного договора, в котором основное место занимали территориальные притязания Японии. В этом вопросе Советское правительство исходило из международных соглашений, ликвидировавших историческую несправедливость, допущенную Японией в отношении России, и восстановивших права Советского государства на Курильские острова и Южный Сахалин. Эти соглашения были признаны Японией в результате подписания акта о капитуляции в 1945 г. и Сан-Францисского мирного договора в 1951 г.

Реакционные круги Японии пытались игнорировать добрую волю Советского правительства, которое, стремясь к быстрой нормализации отношений, еще 9 августа уведомило о готовности

---

[1] См. *Л. Н. Кутаков.* Внешняя политика и дипломатия Японии, стр. 289—295.

по мирному договору передать Японии острова Хабомаи и Сикотан (из группы островов Малой Курильской гряды близ Хоккайдо). Японская делегация с удовлетворением встретила это заявление, но Сигемицу на ее запрос потребовал затянуть переговоры до его возвращения из США. Во время встречи с Сигемицу Даллес недвусмысленно намекнул, что в случае отказа Японии от территориальных притязаний к СССР США не возвратят ей Окинаву. По окончании визита Сигемицу вызвал Мацумото в Токио, что привело к перерыву переговоров. Бесплодными оказались и восемь последующих новых встреч Я. А. Малика и Мацумото в январе — марте 1956 г., хотя Советский Союз пошел навстречу многим пожеланиям Японии, в частности, отказался от требований о ее неучастии в военных союзах и о проходе через проливы, ведущие в Японское море, только военных судов стран, примыкающих к нему. В сентябре 1955 г. в беседе с японской парламентской делегацией руководители СССР подтвердили готовность учесть пожелание Японии о Хабомаи и Сикотане, если с ее стороны будет проявлено понимание советской позиции [1]. В результате, как писал японский исследователь Синобу Сейдзабуро, почти все вопросы были согласованы, но «из-за нового предложения Сигемицу о том, чтобы вопрос о принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов был передан на рассмотрение ООН, а Южные Курилы немедленно переданы Японии, уже близкие к завершению переговоры в Лондоне с марта 1956 г. оказались прерванными на неопределенный срок» [2].

Из-за затяжки переговоров Советский Союз был вынужден принять решительные меры по пресечению попыток японских промышленников использовать бездоговорное положение для хищнического рыболовного промысла в водах Дальнего Востока. Добычей лососей, идущих на нерест в реки СССР, в 1955 г. занималось 450 японских судов с сетями общей протяженностью в 6 тыс. *км*, которые выловили 1,6 млн. *ц* рыбы. В 1956 г. для этой цели предполагалось направить 600 судов. 21 марта 1956 г. Совет Министров СССР опубликовал постановление «Об охране запасов и регулировании промысла лососей в открытом море в районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке», предусматривавшее ограничение на 1956 г. улова 500 тыс. *ц* как для советских, так для граждан и организаций других стран. Контроль за его выполнением по-

---

[1] См. «Правда», 24 сентября 1955 г.

[2] Цит. по: *Д. В. Петров.* Внешняя политика Японии после второй мировой войны, стр. 156. Японский представитель настаивал на передаче Японии помимо Хабомаи и Сикотана также островов Кунашир и Итуруп.

ручался органам рыболовного надзора СССР. Временно устанавливались зоны регулируемого лова дальневосточных лососей.

Японское правительство изъявило готовность вступить в переговоры об охране рыбных ресурсов. 27 апреля в Москву прибыла делегация во главе с министром земледелия и лесоводства Коно, связанным с крупными рыболовными фирмами, а 14 мая были подписаны конвенция по рыболовству и соглашение по оказанию помощи людям, терпящим бедствия на море. Советский Союз пошел на увеличение вылова лососей японскими промышленниками. Конвенция вступала в силу одновременно с мирным договором или установлением дипломатических отношений. Стороны согласились возобновить переговоры о нормализации отношений.

В соответствии с этой договоренностью 31 июля в Москве начался третий этап переговоров, на которых Япония была представлена министром иностранных дел. Сигемицу несколько смягчил требования, но продолжал по-прежнему настаивать на передаче Японии не только Хабомаи и Сикотан, но и островов Итуруп и Кунашир. В середине августа переговоры были прерваны, в связи с отъездом министров иностранных дел на лондонскую конференцию по суэцкому вопросу. Даллес во время конференции трижды встречался с Сигемицу и прибег к грубому давлению. Он заявил, что, если по мирному договору с СССР Япония согласится признать Курильские острова и Южный Сахалин владениями Советского Союза, США навечно сохранят за собой острова Окинава (в группе островов Рюкю) и Бонин. По окончании конференции Сигемицу отказался возобновить встречи, ссылаясь на необходимость проконсультироваться с правительством. Но прежде всего он отправился в США, где как сообщала пресса, в обмен на обещание поддержать его группировку в борьбе, которая происходила в правящих кругах Японии, обязался тормозить переговоры и не уступать в территориальном вопросе. Усиливая нажим, США направили 7 сентября японскому правительству памятную записку, в которой заявляли о непризнании какого-либо советско-японского соглашения по урегулированию территориального вопроса.

Столь откровенное вмешательство вызвало возмущение прогрессивных сил Японии. Японская общественность требовала проведения переговоров с СССР. 11 сентября 1956 г. премьер-министр Японии в письме Председателю Совета Министров СССР предложил отделить решение территориальных вопросов и заключение мирного договора от других вопросов нормализации отношений и зафиксировать договоренность по уже согласованным проблемам. Советское правительство, ранее указывавшее на целесообразность восстановления отношений до разрешения

всех спорных вопросов, приняло это предложение, открыв путь к нормализации отношений.

С 13 по 19 октября 1956 г. в Москве находилась японская делегация, возглавляемая Хатояма. Трудности возникли лишь по вопросу о Хабомаи и Сикотане, поскольку руководство правящей либерально-демократической партии потребовало, чтобы Хатояма настаивал на их передаче одновременно с восстановлением дипломатических отношений, т. е. без признания прав СССР на Южный Сахалин и остальные Курильские острова, с чем Советское правительство не могло согласиться.

19 октября 1956 г. была подписана Совместная декларация, согласно которой между Японией и СССР прекращалось состояние войны, восстанавливались дипломатические и консульские отношения. Стороны подтвердили готовность разрешать споры мирными средствами, воздерживаться от угрозы и применения силы, не вмешиваться во внутренние дела друг друга, признали друг за другом право на индивидуальную или коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН. Они взаимно отказались от претензий, возникших в результате войны, включая право СССР на репарации, и обязались продолжить переговоры о заключении мирного договора. СССР согласился поддержать просьбу Японии о приеме в члены ООН, освободить и репатриировать всех осужденных в Советском Союзе японских граждан. Идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, Советский Союз подтвердил согласие на передачу ей островов Хабомаи и Сикотан после заключения мирного договора.

Московская декларация положила начало развитию советско-японских связей на основе принципов мирного сосуществования. Сразу после его ратификации СССР, как предусматривалось Декларацией, амнистировал японских военных преступников и содействовал приему Японии в ООН. 6 декабря 1957 г. был заключен первый советско-японский долгосрочный торговый договор. Исходя из принципов Декларации, правительство СССР настаивало на подписании мирного договора и на совместных усилиях по упрочению мира на Дальнем Востоке. СССР призывал Японию следовать миролюбивой политике и не допускать превращения территории страны в плацдарм развязывания ядерной войны, предлагал гарантировать ее нейтралитет путем одностороннего обязательства, совместно с США либо через ООН.

4. Американо-японский договор 1960 г.

В 1954 г. было подписано американо-японское соглашение «о взаимном обеспечении безопасности». Япония обязалась содействовать «созданию и поддержанию собственных оборонитель-

ных сил и оборонительных сил «свободного мира», а также «сотрудничать» по вопросам торговли с социалистическими странами. США же обещали поставлять Японии вооружение, расширить закупки японских товаров. Соглашение было направлено на втягивание Японии в гонку вооружений и воссоздание японской армии.

Широкие массы населения Японии требовали отказа от военного союза с США и проведения нейтралистской политики, которая, как указывала демократическая общественность, наилучшим образом обеспечила бы безопасность и упрочила международный авторитет Японии. По мере укрепления экономических и политических позиций среди японских монополий усиливалось стремление, не порывая сотрудничества с США, изменить его характер и добиться для себя более равноправного положения. Значительная их часть хотя и не поддерживала нейтралистскую политику, но выступала против крайностей военного сотрудничества с США, за проведение курса, учитывающего соотношение сил внутри страны и на международной арене.

В начале 1957 г. к власти пришло правительство Нобусукэ Киси. Оно представляло группировки, тесно связанные с США, но, чтобы ослабить протесты общественности и добиться более самостоятельной роли Японии, поставило вопрос о пересмотре «договора безопасности». Правительство при этом не только не намеревалось отказываться от союза с США, но подчеркивало, что не допустит вывода из страны американских войск и проведения нейтралистского курса.

Во время поездки в Вашингтон в июле 1957 г. Киси предложил Даллесу заключить новый «договор безопасности» сроком на пять лет с обязательством консультироваться по вопросам размещения и использования войск, расположенных в Японии. США отвергли это предложение, согласившись лишь на создание совместного «комитета безопасности», призванного создать видимость участия Японии в решении военных проблем, и на сокращение своих вооруженных сил в Японии с 90 до 50 тыс. человек. Но нараставшее движение за нейтралистскую политику заставило правительство Эйзенхауэра занять более гибкую позицию. В августе 1958 г. посол США в Токио Макартур предложил японскому правительству три возможных варианта переговоров — о предоставлении Японией военных баз в аренду США, исправлении текста существующего или о разработке нового «договора обороны». Вслед за этим в Вашингтоне, куда срочно вылетел министр иностранных дел Фудзияма, было решено заменить договор 1951 г. новым.

4 октября 1958 г. в Токио начались переговоры Фудзиямы с Макартуром. Опираясь на поддержку ультраправых в правящих кругах Японии, Макартур придерживался жесткой линии.

Фудзияма, опасаясь вызвать выступление левых сил, проявлял нерешительность. Основная борьба развернулась относительно предварительных консультаций, сферы применения и срока действия договора. По большинству вопросов, связанных с этими проблемами, Япония в конечном счете приняла условия США. Под давлением японских демократических сил участники переговоров все же вынуждены были исключить из проекта договора ряд положений, открыто ущемлявших суверенитет Японии и угрожавших вовлечением ее в военные авантюры (в частности, о распространении сферы «совместной обороны» на американские владения в западной части Тихого океана), и указать, что японские вооруженные силы предназначены лишь для обороны [1].

Когда к концу 1959 г. текст договора был согласован, бурные демонстрации протеста охватили Японию. Чтобы вылететь в Вашингтон для подписания договора, Киси пробирался на аэродром по окраинным улицам Токио в сопровождении мощного конвоя мотоциклистов, грузовиков с полицейскими и вертолета [2]. Все же 19 января 1960 г. «договор о взаимном сотрудничестве и безопасности» был подписан с японской стороны премьер-министром, с американской — государственным секретарем Гертером. В договоре (заключен сроком на 10 лет) не упоминалось о «праве» США на вмешательство во внутренние дела и предусматривалось проведение консультаций относительно вооружения и дислокации американских войск на территории Японии [3]. Но эти уступки лишь маскировали фактическую капитуляцию японских представителей.

В Японии сохранялись американские военные базы (в 1969 г.— 148, не считая Окинавы, на них насчитывалось 40 тыс. американских военнослужащих). Японское правительство согласилось «разрешить» в соответствии с обязательствами по «договору безопасности» американским атомным судам «заходить в порты Японии».

Секретное соглашение 1959 г. между начальником управления обороны Японии Мацумае и командующим 5-й воздушной армией США Бирнсом, которое продолжало действовать, предоставляло американскому командованию право использовать японскую авиацию независимо от «консультаций» по «договору безопасности». Указание о совместном «поддержании мира и безопасности на Дальнем Востоке», по разъяснению японского министерства иностранных дел, охватывавшее район к северу

---

[1] *Greene Fred.* U. S. Policy and the Security in Asia. New York, 1968, p. 92.

[2] *J. Cary.* Japan today. Reluctant Ally. New York, 1962, p. 95.

[3] «Keesing's Contemporary Archive», February 13—20, 1960, p. 1763—1765.

от Филиппин, включая побережье Китая и СССР, значительно расширяло военные обязательства Японии.

Подписание договора вызвало мощное движение протеста. К концу марта петиции против его ратификации подписали свыше 10 млн. японцев. Опасаясь открытой дискуссии, правительство в ночь на 20 мая в нарушение всех процедурных норм в течение 30 минут протащило договор через парламент, в то время как 500 полицейских вытеснили из зала представителей оппозиции. 22 мая Национальный совет борьбы против «договора безопасности» призвал не прекращать демонстрации, пока правительство не уйдет в отставку. 4 июня в грандиозной политической стачке участвовало почти 6 млн. рабочих и служащих. Но правительство Киси шло напролом, объявив об «автоматическом вступлении» договора в силу с 19 июня 1960 г., когда для участия в этой церемонии в Токио должен был прибыть Эйзенхауэр. Посол Макартур потребовал от Киси любой ценой «обеспечить порядок» в день приезда Эйзенхауэра. Со всех концов страны в Токио были стянуты полицейские. 15 июня они напали на демонстрацию у парламента. В ответ последовала всеобщая забастовка высших учебных заведений. 16 июня, когда американский президент на борту крейсера «Сент-Пол» следовал из Манилы на Тайвань, откуда ему надлежало отправиться в Токио, Киси был вынужден заявить о несвоевременности его приезда. 23 июня без объявления времени и места церемонии Япония и США обменялись ратификационными грамотами «договора безопасности». В тот же день правительство Киси заявило об отставке.

Советское правительство в памятной записке от 27 января подчеркнуло, что новое военное соглашение с США несовместимо с укреплением независимости и безопасности Японии. Правительство СССР подтвердило готовность «предоставить совместно с другими державами необходимые гарантии нейтралитета Японии». В создавшихся условиях оно было вынуждено заявить о невозможности выполнить обещание о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан, принадлежащих СССР, поскольку такой шаг расширил бы территорию, используемую по договору, направленному против СССР. Советское правительство подчеркнуло, что передача возможна только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания советско-японского мирного договора [1].

Советская дипломатия продолжала прилагать усилия, направленные на развитие деловых связей с Японией, на создание условий для дальнейшего расширения советско-японских кон-

---

[1] См. «Правда», 29 января 1960 г.

тактов, на обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке.

В начале 60-х годов во внешней политике Японии возникли новые аспекты, связанные с укреплением ее экономических позиций, конкурентной борьбой в капиталистическом мире. Японские руководители стали все настойчивее подчеркивать, как говорил в 1961 г. Икэда президенту Кеннеди, что Япония должна играть в международных отношениях «роль великой державы». Его преемник на посту премьер-министра Сато также не раз заявлял, что Япония, «став мировой державой, должна нести ответственность, которая определяется этой ролью». Серьезное давление оказывали демократические силы Японии, все решительнее выступавшие за укрепление ее международного положения, против политики, противоречащей интересам широких масс населения.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЖЕНЕВСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1954 г. ПО ИНДОКИТАЮ. СОЗДАНИЕ АГРЕССИВНОГО БЛОКА СЕАТО

1. Решение о созыве Женевского совещания

С прекращением войны в Корее перед дипломатией миролюбивых стран открылись новые возможности в борьбе за восстановление мира в Индокитае, где с 1946 г. империалистические силы Франции при поддержке США вели агрессивную войну против Демократической Республики Вьетнам, народов Лаоса и Камбоджи.

Поражение французских колонизаторов

В тяжелых оборонительных боях вооруженные силы ДРВ выросли в регулярную армию и повсеместно овладели инициативой. В 1950 г. в операциях «Ле Хопг Фонг 1» и «Ле Хонг Фонг 2», названных в честь одного из руководителей Компартии Индокитая, погибшего в тюрьме во время японской оккупации, они освободили северные пограничные районы. С этого момента, как справедливо признает большинство зарубежных специалистов, в частности крупный знаток Индокитая американский профессор Фолл, для французских колонизаторов «индокитайская война была проиграна. Тот факт, что ее безрезультатно тянули еще четыре года, свидетельствовал о недальновидности властей, пытавшихся извлечь политические результаты из безнадежной военной ситуации» [1].

В труднейших условиях в освобожденных районах правительство ДРВ проводило демократические преобразования. В борьбе за независимость крепло единство патриотических сил, которые объединились в 1951 г. в Единый национальный фронт, действовавший под руководством Партии трудящихся Вьетнама. Коренным образом изменилось международное положение ДРВ. 14 января 1950 г. президент Хо Ши Мин обратился ко всем странам мира с предложением «установить дипломатические отношения с любым правительством, уважающим право на равноправие, территориальный и национальный суверенитет Вьетнама». В ответ Советское правительство 30 января сооб-

[1] *Bernar B. Fall.* The Two Viet-Nams. A Political and Military Analysis. New York, 1966, p. 111.

щило о решении обменяться дипломатическими представителями[1]. В 1952 г. советский представитель в Совете Безопасности поддержал просьбу ДРВ о приеме в члены ООН, указывая, что ее правительство единственно законное и располагает широкой народной поддержкой. Советский Союз воспрепятствовал официальному признанию марионеточного режима Бао Дая, созданного в 1949 г. на оккупированной колониальными войсками части территории Вьетнама, отвергнув настояния представителя Франции о членстве этого режима в ООН.

Крупных успехов в борьбе за независимость добились и народы других стран Индокитая. В 1950 г. в Камбодже возник Комитет Единого национального фронта, возглавивший антиимпериалистические выступления.

Силы сопротивления Патет-Лао во главе с принцем Суфанувонгом освободили значительные районы Лаоса. Патриоты Вьетнама, Лаоса и Камбоджи на встрече 3—11 марта 1951 г. договорились о создании единого фронта народов Индокитая в борьбе за независимость.

В 1953 г. Франция заявила о признании «независимости» Лаоса, Камбоджи и баодаевского Вьетнама в качестве «присоединившихся государств». В октябре 1953 г. она заключила с Лаосом и Камбоджей договоры о дружбе и союзе, которые обеспечивали сохранение колониального контроля, несмотря на формальное признание суверенитета. Продолжались переговоры о признании на таких же условиях «полной независимости» и с баодаевским режимом. Но дипломатические маневры не обманули народы Индокитая, чьи вооруженные силы продолжали наносить удары по войскам колонизаторов и их марионеток.

Война в Индокитае тяжелым бременем легла на трудящихся Франции: к лету 1953 г. на военные операции только во Вьетнаме было израсходовано около 4 тыс. млрд. франков, людские потери превысили 100 тыс. человек. Если в 1948 г. кроме коммунистов за прекращение войны во Вьетнаме голосовали лишь 5 депутатов Национального собрания Франции, то в 1953 г. это требование вместе с депутатами от компартии одобрил еще 151 член парламента.

Вмешательство США в Индокитае

В первую годовщину начала войны во Вьетнаме американский журнал «Лайф» призывал Францию не допускать признания «независимости Вьетнама под контролем коммунистов», но предоставить ему «самостоятельность под властью некоммунистических националистов». Это соответствовало курсу правительства США, которое помогало французским колонизаторам, стремясь их руками разгромить национально-освободительное

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 41—43.

движение в Индокитае и затем утвердить там свое влияние. Еще в 1950 г. США обменялись дипломатическими представителями с королевскими правительствами Лаоса и Камбоджи, а также режимом Бао Дая, причем Дин Ачесон в переговорах с министром иностранных дел Франции Шуманом настаивал, чтобы США могли непосредственно предоставлять экономическую «помощь» и военное оборудование Лаосу, Камбодже и Бао Даю [1].

С развязыванием агрессивной войны против КНДР «помощь» США значительно возросла. К началу 1954 г. они поставили в Индокитай более 400 тыс. *т* военных материалов, в том числе 150 тыс. единиц стрелкового вооружения, 15 млн. снарядов, 150 военных судов, свыше 500 самолетов и вертолетов; на финансирование «грязной войны» в Индокитае до 1953 г. США выделили около 500 млн. долл., в 1953—1954 гг.— 885 млн., на 1954—1955 гг. запланировали предоставление 1133 млн. долл.

В качестве главного кредитора и поставщика США все глубже вмешивались в дела стран Индокитая, куда после начала войны в Корее прибыла американская военная миссия. Признанием новой роли США явился визит в Вашингтон по пути к месту назначения маршала Латтр де Тасиньи, назначенного в 1950 г. главнокомандующим французскими войсками в Индокитае. 18 июня 1952 г. Франция и США в совместном коммюнике объявили борьбу французских войск в Индокитае «неотделимой частью всемирного сопротивления свободных наций попыткам коммунистических завоеваний и подрывной деятельности». В начале 1953 г. в Вашингтон из Франции прибыли премьер-министр и министры иностранных дел, по делам присоединившихся государств и финансов. В переговорах с правительством США они обязались сделать все, чтобы, максимально усилив военную мощь в Индокитае, «уничтожить организованные коммунистические силы», а Соединенные Штаты обещали расширить материальную и финансовую «помощь» для достижения этой цели [2].

Но за «солидарностью» в агрессии скрывались глубокие противоречия. Как сообщал в начале 1952 г. английский посол в Париже Оливер Харви своему правительству, несмотря на американский нажим, в руководящих кругах Франции начинало проявляться «единодушное желание покончить с войной» в связи с ее бесперспективностью. В беседах с Ачесоном и Иденом в мае — июне 1952 г. министр иностранных дел Франции Шуман указывал, что война в Азии ослабляет позиции его страны

[1] «Conflict in Indo-China and International Repercussions. A documentary History, 1945—1955». Ed. by A. B. Coll. New York, 1956, p. 118.

[2] См. *А. А. Лаврищев.* Индокитайский вопрос после второй мировой войны. М., 1960, стр. 75—76.

в Европе и препятствует ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе. Но Ачесон отверг мысль о мирных переговорах, подчеркнув, что «США уже оплачивают треть расходов на войну» [1]. В том же году под нажимом Вашингтона французская миссия, направленная для встречи с вьетнамскими представителями в Рангун, была отозвана обратно [2].

Перемирие в Корее углубило разногласия. Демократические силы Франции все решительнее требовали переговоров. В буржуазных кругах, по выражению газеты «Комба», также считали, что «прекращение войны в Корее делает трагическим продолжение войны в Индокитае, где гибнут наши финансы, оборона метрополии и наши солдаты. Если Вашингтон ведет переговоры с Ким Ир Сеном, почему бы Парижу не начать переговоры с Хо Ши Мином». Даже «ястребы» французского колониализма испытывали растущее беспокойство в связи с тем, что война все более становится «американской операцией» и в случае успеха приведет лишь к утверждению американского влияния. США в связи с перемирием в Корее придавали особое значение раздуванию индокитайского конфликта, с тем чтобы использовать его как важный козырь в даллесовской «дипломатии на грани войны».

Во время визита в Вашингтон в начале 1953 г. министр иностранных дел Франции Ж. Бидо не без горечи говорил Даллесу: ««Корейский магазин» закрывается, а «индокитайский» остается открытым. Нужно закрыть оба магазина сразу... Мы не можем одни продолжать крестовый поход». Правительство США с тревогой восприняло эти намеки. Президент Д. Эйзенхауэр поспешил в послании конгрессу от 5 мая заверить в увеличении «помощи» «против коммунистического вторжения» в Индокитае. В начале июня в Сайгон прибыл по заданию Эйзенхауэра генерал-лейтенант О. Даниель. Поддержка США укрепила во Франции позиции сторонников жесткого курса. Образованный в июне кабинет Ланьеля, который пришел к власти в основном в результате кризиса индокитайской политики, взял курс «на выход из войны с помощью силы». 29 сентября 1953 г. в ответ на новые заверения о «помощи» окрепший духом Бидо, который сохранил свой пост в новом кабинете, обещал послу США активизировать войну и не допускать переговоров [3].

Взаимопонимание было зафиксировано в плане военных операций, названном по имени генерала Наварра, который был назначен главнокомандующим французскими войсками в Индоки-

---

[1] *A. Eden.* Full Circle. London, 1960, p. 82—84.

[2] *B. Fall.* Opp. cit., p. 123—124.

[3] *V. Bator.* Vietnam. A Diplomatic Tragedy. The Origins of the United States Involvement. New York, 1965, p. 23; *B. Fall.* Opp. cit., p. 123.

тае в мае 1953 г., но прибыл туда лишь в июле, отдав ставший традицией предварительный визит в США. Согласованный во время его визита план предусматривал удары по тылам и коммуникациям Народной армии. С помощью США намечалось значительно увеличить авиационные силы и ускорить подготовку баодаевских войск. О надеждах, которые возлагали США на «план Наварра», можно судить по учреждению президентом особого комитета содействия его выполнению, куда вошли заместители государственного секретаря и министра обороны, начальники штабов вооруженных сил США и руководитель ФБР [1]. В ноябре 1953 г. Наварра перебросил главные силы в район крепости Дьенбьенфу в северо-западном Вьетнаме, чтобы оттуда развернуть наступление против Народной армии и патриотов Лаоса. Но в результате умелых ответных операций эти планы были сорваны и французские войска оказались блокированными.

Индокитайский вопрос на Берлинском совещании

В конце октября в Национальном собрании Франции состоялись бурные прения по индокитайскому вопросу. Накануне дебатов Даллес еще раз публично заявил о поддержке военных усилий Франции. Но воздействие этого выступления даже на сторонников продолжения войны было серьезно подорвано резолюцией сайгонского «Национального собрания» от 17 октября о «полной независимости» и невозможности «участвовать во Французском союзе». В Париже в этом решении видели новое доказательство коварных замыслов США. 27 октября Ланьель, горько сетуя по поводу «печального инцидента в Сайгонском собрании», заявил о желательности контактов с целью восстановления мира, но утверждал, будто они невозможны из-за позиции ДРВ [2]. Принятая при одобрении правительства резолюция Национального собрания Франции требовала укрепить вооруженные силы «присоединившихся государств», но в то же время призывала к умиротворению в Азии путем переговоров.

В США пытались пресечь колебания правительства Ланьеля, влиятельные американские деятели высказывались против переговоров. Но даже французские «ястребы» не могли не считаться с растущим недовольством в стране и неудачами на фронтах. 12 ноября Ланьель заявил, что не исключает возможности перемирия по типу корейского без тотальной победы и безусловной капитуляции Хо Ши Мина.

В развернувшейся дипломатической борьбе важное значение имела миролюбивая инициатива ДРВ. 29 ноября шведская газета «Экспресс» опубликовала ответы президента ДРВ Хо

---

[1] *D. Eisenhower.* Opp. cit., p. 338—339.

[2] «Conflict in Indo-China and International Repercussions», p. 137, 138.

Ши Мина на запрос, сделанный ею через поверенного в делах ДРВ в Пекине, относительно предложений о переговорах, которые высказывались во французском парламенте. Указывая на ответственность колонизаторов за войну и готовность вьетнамского народа продолжать сопротивление, Хо Ши Мин подчеркнул: «Если французское правительство извлекло уроки из нескольких лет войны, желает перемирия и решения вьетнамской проблемы путем переговоров, народ и правительство Демократической Республики Вьетнам готовы обсудить французское предложение». Основой возможного перемирия ДРВ считала «действительное уважение Францией независимости Вьетнама». ДРВ согласилась и на содействие прекращению войны со стороны нейтральных стран [1]. Правительство Франции в специальном коммюнике выразило готовность рассмотреть вместе с «присоединившимися государствами» предложения ДРВ, когда они будут высказаны в официальном порядке. В послании в связи с седьмой годовщиной со дня начала войны Хо Ши Мин заявил, что, «если французское правительство желает добиться перемирия путем переговоров и если оно желает разрешить вьетнамскую проблему мирным путем, народ и правительство ДРВ готовы обсудить это».

Но государственный департамент продолжал утверждать, что «никакое перемирие невозможно». На Бермудском совещании Эйзенхауэра, Черчилля и Ланьеля (4—8 декабря 1953 г.) противоречия не были преодолены [2]. Сразу после него официальные деятели США, особенно Даллес, еще более настойчиво стали призывать к отпору «коммунистическим силам». Газеты США запестрели утверждениями, что продолжение войны «имеет жизненное значение» для США и поэтому Франции следует отказаться «искать пути к переговорам». США увеличили военные поставки Франции, дали обязательство в 1954 г. дополнительно выделить ей 385 млн. долл.

Таково было положение, когда в начале 1954 г. по инициативе Советского правительства, предложившего рассмотреть с привлечением КНР мероприятия по ослаблению международной напряженности, вопрос об Индокитае стал предметом обмена мнениями на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции. Даллес первоначально полностью отвергал переговоры с участием Китая по какому бы то ни было вопросу. Лишь после бесед с Иденом и Бидо, заявившими, что «западные страны не могут позволить себе занимать чисто отрицательную позицию перед лицом советской инициативы», он в принципе согласился на встречу министров пяти

[1] «Conflict in Indo-China and International Repercussions», p. 148, 149.
[2] *Marquis Childs.* Eisenhower: Captive Hero. New York, 1958, p. 201.

стран [1]. Однако Даллес продолжал утверждать, что переговоры об Индокитае неприемлемы для США, так как означали бы отход от политики «оттеснения коммунизма». 9 февраля государственный секретарь США уведомил Вашингтон, что давление со стороны Франции возрастает. Эйзенхауэр ответил, что обязательства, данные Соединенными Штатами, основаны на решимости Франции вести войну, т. е., по существу, предписал не допускать обсуждения индокитайской проблемы на совещании пяти держав.

Но правительство Ланьеля не могло позволить, не рискуя получить вотум недоверия, чтобы его министр приехал из Берлина без осязаемых решений о Вьетнаме. В результате гибкой тактики советской делегации, которая, несмотря на отказ министров западных стран рассмотреть все проблемы ослабления международной напряженности, поддержала предложение о проведении переговоров по ограниченному кругу проблем, Бидо, по признанию Эйзенхауэра, оказался в положении, когда ему пришлось чуть ли не умолять о включении индокитайского вопроса в повестку дня будущего совещания. Даллес остался в изоляции и вынужден был отступить.

В коммюнике об итогах берлинской встречи указывалось, что «вопрос о восстановлении мира в Индокитае» будет рассмотрен на совещании с участием КНР в Женеве, открытие которого было намечено на 26 апреля 1954 г.

2. Прекращение огня в Индокитае

Провал курса США на расширение войны

Американская дипломатия, стремясь сорвать переговоры, стала добиваться расширения индокитайской войны, обещала усилить свою «помощь» вплоть до прямого военного вмешательства.

В 1971 г. американская общественность предала гласности секретные документы Пентагона о политике США в Индокитае. Из них следует, что накануне Берлинского совещания президент Эйзенхауэр утвердил документ «О задачах Соединенных Штатов и об их курсе в отношении Юго-Восточной Азии», в котором говорилось об отрицательных последствиях «проигрыша борьбы в Индокитае» для интересов монополистических кругов США [2]. Одновременно специально созданный при президенте США комитет по Индокитаю обсуждал вопрос об отправке в Индокитай военных самолетов и обслуживающего персонала, причем заместитель министра обороны Кейс высказывался за широкое вме-

---

[1] *A. Eden.* Ibid., p. 86—89.

[2] См. «Правда», 10 июля 1971 г.

шательство, включая использование американских боевых частей [1]. В Сайгоне тем временем встретились министр обороны Франции Плевен, генеральный комиссар Англии в Юго-Восточной Азии Макдональд и руководитель управления заграничных операций США Г. Стассен, который после переговоров заверил, что «с военной точки зрения американская помощь в Индокитае достаточна, чтобы позволить генералу Наварра осуществить свои планы и добиться победы» [2]. В США создавалась обстановка военного психоза. Реакционная печать была полна сообщений о «китайском вмешательстве» и «убийствах» американских технических специалистов, плененных Народной армией, призывала усилить «американское руководство войной в Индокитае».

Французское правительство опасалось как срыва намеченного совещания, так и чрезмерной опеки США. 11 марта оно приняло решение направить в Вашингтон начальника штаба вооруженных сил генерала Эли. Ему было предписано разъяснить, что военная победа в Индокитае невозможна и из этого положения придется исходить на переговорах в Женеве. В то же время Эли должен был в связи с тяжелым положением экспедиционных войск в Дьенбьенфу просить помощи авиации США в снабжении осажденного гарнизона.

Американские «ястребы» спешили извлечь максимальные результаты из военных неудач Франции. Эли был встречен в Вашингтоне, куда он прибыл 20 марта, с плохо скрываемым ликованием. С аэродрома его доставили в резиденцию председателя объединенной группы начальников штабов США Рэдфорда, где находились Даллес и Риджуэй (к тому времени — начальник штаба армии). Выслушав Эли, Рэдфорд тут же распорядился о посылке во Вьетнам оружия с Филиппин. Когда на следующий день французский генерал вместе с Рэдфордом посетил президента США, его заверили в готовности не только нанести после официальной просьбы французского правительства бомбовый удар, но и предпринять более широкое военное вмешательство.

К политической части миссии Эли американские лидеры интереса не проявили. Даллес, которому было вручено послание французского кабинета о целях Франции в войне, уклонился от разговоров относительно Женевского совещания, но твердил о недопустимости уступок и о сохранении любой ценой «позиции силы». 22 марта он предложил французскому генералу заключить «пакт обороны Юго-Восточной Азии» с участием всех стран, которые хотят «предотвратить господство коммуни-

---

[1] См. «Правда», 29 июня 1971 г.
[2] «Правда», 23 февраля 1954 г.

зма», подчеркнув, что принципиальное согласие на такой шаг должно предшествовать вмешательству США [1].

В то время как Франция просила об «ограниченном вмешательстве» для создания более благоприятных условий к открытию переговоров, США стремились использовать ситуацию, чтобы под флагом «коллективных действий» сорвать перемирие и установить свой контроль в Индокитае. 29 марта государственный секретарь в клубе иностранной печати в Нью-Йорке призвал встретить «объединенными действиями» «угрозу распространения коммунистической системы» в Юго-Восточной Азии, не останавливаясь перед серьезным риском, который влекли такие действия [2].

Авантюристическая идея расширения войны в Индокитае, втягивания в нее других стран базировалась на предпосылке, что неудачи на фронтах снимут в правящих кругах Франции возражения против американского руководства войной. США рассчитывали при этом, что сухопутные операции по-прежнему будут вести французские и марионеточные войска, а их собственное участие ограничится действиями с воздуха и моря. После отъезда Эли по указанию Рэдфорда был разработан план операции «Ястреб», предусматривавший через 6 часов после обращения Франции налет на Вьетнам сотен американских самолетов с авианосцев «Эссекс» и «Боксер», находившихся в Китайском море, и с баз на островах Тихого океана. Самолеты должны были иметь французские опознавательные знаки и «накрыть» «ковром» двухтонных бомб позиции Народной армии у Дьенбьенфу.

Однако в правящих кругах США возникли разногласия относительно реализации планов военного вмешательства. 3 апреля Эйзенхауэр собрал на совещание лидеров сената. Рэдфорд и Даллес добивались от них содействия в проведении через конгресс резолюции о предоставлении президенту права использовать в Индокитае военно-морские и военно-воздушные силы США. В принципе сенаторы не возражали против такой меры, но в качестве предварительных условий потребовали участия в этих действиях Англии, Австралии и Новой Зеландии, официального обращения Франции за помощью, согласия вести войну до победы и нового обещания Франции признать независимость «присоединившихся государств». Президент США вынужден был согласиться с этими требованиями, и Даллесу пришлось воздержаться от представления уже подготовленного проекта резолюции [3].

[1] *V. Bator.* Opp. cit., p. 34, 35.

[2] «Conflict in Indo-China...», p. 173.

[3] «The Viet-Nam Reader. Articles and Documents on American Foreign Policy and the Viet-Nam Crises». New York, 1965, p. 57—59; *J. Beal.* Ibid., p. 207; *R. Donovan.* Eisenhower. The Inside Story. New York, 1956, p. 265.

Между тем правительство Ланьеля, исходя из обещаний, полученных Эли в США, в ночь с 4 на 5 апреля через посла в США Диллона передало просьбу о нанесении американской авиацией воздушного удара для спасения Дьенбьенфу. Элп отправил соответствующую телеграмму Рэдфорду, который стал добиваться исполнения операции «Ястреб». Действия Эйзенхауэра были связаны обещанием выполнить условия, оговоренные с лидерами конгресса. Об этом 6 апреля и был уведомлен французский посол.

Даллес добивался расширения числа участников войны. В воскресенье 4 апреля по его настоянию президент в пространном послании призвал Черчилля «срочно принять серьезные и далеко идущие решения», чтобы помочь Франции. Эйзенхауэр выступил за создание новой группировки стран, «заинтересованных в отпоре коммунистической экспансии». Президент подчеркивал, что «коалиция должна быть сильной и готовой, если необходимо, участвовать в борьбе». Он успокаивал своего коллегу заверениями, что до применения наземных войск США и Англии дело не дойдет, поскольку будет создана соответствующая обстановка для переговоров, в которых «коммунисты капитулируют» [1].

В посланиях, направленных в Лондон и Париж, госдепартамент уточнил, что речь идет о декларации (с участием «присоединившихся государств», Австралии, Новой Зеландии, Таиланда и Филиппин) о решимости действовать «путем вмешательства в индокитайскую войну» и создании «коллективной безопасности в Юго-Восточной Азии». В ожидании ответа Черчилля Даллес 5 апреля «подкрепил» свой призыв провокационным заявлением «об участии» китайского военного персонала во главе с генералом Ли Чень-ху в боевых операциях во Вьетнаме. 7 апреля Эйзенхауэр, чтобы убедить общественность в необходимости задуманных мер, провозгласил так называемую «концепцию домино», согласно которой Индокитай представлял первую в ряду стоящих фишек домино, падение которой вывело бы из строя все остальные — Таиланд, Малайю, Индонезию, Бирму, подорвало бы оборону Японии, угрожало бы Австралии и Новой Зеландии и т. д. [2]

В Европе опасные домогательства США энтузиазма не встретили: Даже правительство Ланьеля, просившее о срочном «воздушном ударе», проявляло сдержанность, санкционировав, в частности, заявление, что «французы никогда не сталкивались в Индокитае ни с одним китайцем» и что об упомянутом Даллесом Ли Чень-ху, служившем во время второй мировой войны у

[1] *D. Eisenhower.* Ibid., p. 346—347.
[2] *R. Donovan.* Ibid., p. 261.

Чан Кай-ши, после вывода гоминьдановских войск из Вьетнама в 1946 г. ничего не слышно [1]. 9 апреля Ланьель заверил Национальное собрание, что французское правительство не предпримет ничего, что связало бы свободу его действий в Женеве. Свое нежелание содействовать планам расширения числа участников войны Англия продемонстрировала в своеобразной форме: на телеграфную просьбу Даллеса о встрече «завтра» для консультации по предложениям президента США ответ был дан почти через неделю. Все же государственный секретарь спешно отправился в путь. Но в Лондоне, где Даллес был 11—13 апреля, он потерпел фиаско в попытках договориться о немедленном военном вмешательстве. Даллес вынужден был удовлетвориться упоминанием в совместном заявлении с Иденом о готовности «изучить возможности создания коллективной обороны» в Юго-Восточной Азии. При этом английский министр разъяснил, что имеется в виду лишь предварительный обмен мнениями. Правительство Франции в совместном американо-французском коммюнике от 14 апреля сочло нужным подчеркнуть, что «ничего не должно быть упущено, что может содействовать успеху Женевы», и заявило об обусловленности предполагаемых совместных мероприятий результатами предстоящего совещания.

Но американская дипломатия продолжала предпринимать попытки сорвать приближавшуюся встречу. Вечером 23 апреля во время сессии Совета НАТО в Париже, куда Даллес прибыл вместе с Рэдфордом, Бидо показал государственному секретарю только что полученное сообщение Наварра о катастрофическом положении Дьенбьенфу. Американские «ястребы» воспряли духом, и государственный секретарь заверил, что при соответствующей просьбе добьется санкции конгресса на военное вмешательство еще до открытия Женевского совещания. По свидетельству Бидо, Даллес предложил даже использовать атомные бомбы для «обороны» Дьенбьенфу. Это дикое предложение отнюдь не представляло лишь «личную» инициативу государственного секретаря. Комментируя в 1971 г. секретные документы Пентагона, американский журнал «Нэшнл ревью» писал, что в 1954 г. объединенный комитет начальников штабов США предложил министру обороны Вильсону взорвать ядерную бомбу недалеко от Хайфона [2]. Французский министр, заметив, что при ядерной бомбардировке невозможно разграничить французов и вьетнамцев, просил Даллеса ограничиться простым, авиационным ударом. В Лондоне, куда Иден выехал для консультаций, планы Даллеса вызвали еще большую тревогу. На срочном заседании в воскресенье 25 апреля кабинет министров высказался

---

[1] См. «Правда», 9 апреля 1954 г.
[2] См. «Правда», 21 июля 1971 г.

против военного вмешательства США во Вьетнаме накануне совещания в Женеве, ограничившись заверением о поддержке Франции в ходе совещания.

Соединенным Штатам ничего не оставалось, как сообщить французскому правительству о «невозможности вмешательства без поддержки союзников» и согласиться, о чем заявил 26 апреля Эйзенхауэр, с необходимостью использовать шансы Женевского совещания. Даллесовская дипломатия «на грани войны» потерпела провал, и государственный секретарь подвергся «наиболее серьезной за всю его карьеру критике» за чрезмерный авантюризм [1].

Наряду с героической борьбой вьетнамского народа решающее значение для такого исхода имела позиция СССР и других социалистических стран, единым фронтом выступивших за прекращение войны путем переговоров. Правительство КНР ответило согласием на приглашение участвовать в Женевском совещании, направленное СССР по уполномочию участников Берлинского совещания министров иностранных дел четырех держав (январь — февраль 1954 г.). Демократическая Республика Вьетнам в связи с берлинским коммюнике также выразила готовность послать делегацию в Женеву. Советское правительство настаивало на своевременном начале совещания. В заявлении МИД СССР в апреле были разоблачены провокационные утверждения государственного департамента США, будто КНР приглашена в Женеву не на равных с другими державами условиях.

Известную роль сыграли и выступления неприсоединившихся стран. Иден признал в своих мемуарах, что сдержанность Англии в отношении предложений Даллеса в значительной степени объяснялась невозможностью игнорировать мнение Индии и ряда других стран Азии — членов Содружества. Некоторые американские официальные лица считали даже, что возражения Неру против англо-американской военной акции в Индокитае оказали сильное воздействие на Англию. 24 апреля индийское правительство выдвинуло так называемые «6 пунктов» [2], которые, несмотря на непоследовательность в некоторых вопросах, содержали положительную программу мирного урегулирования в Индокитае и, как признавали официальные круги в США, были в общем «противоположны их позиции». Особое значение этим предложениям придала поддержка со стороны совещания премьер-министров Индии, Индонезии, Бирмы, Цейлона и Пакистана, открывшегося в Коломбо в апреле 1954 г. и призвавшего

---

[1] «New York Times», 4. V. 1954.

[2] *Jawaharlal Nehru.* India's Foreign Policy. New Delhi, 1961, p. 397—399.

к безотлагательному соглашению о прекращении огня на основе признания полной независимости индокитайских государств.

Предложения социалистических стран о мирном урегулировании в Индокитае

Правительство Ланьеля — Бидо рассчитывало использовать переговоры в Женеве, чтобы навязать соглашения, позволяющие удержать господство Франции в Индокитае, а если это не удастся, оправдать продолжение войны ссылками на «непримиримость коммунистов». Особые надежды оно возлагало на реакционные круги индокитайских государств, которые в страхе перед народным движением были готовы сотрудничать на неоколониалистской основе. Баодаевскому делегату предназначалось отстаивать в Женеве французские интересы от имени «свободного вьетнамского народа». Но незадачливый «император», не имея никакой опоры внутри страны, отказывался от участия в совещании, если там будут представители ДРВ. Чтобы уговорить Бао Дая, в Канны, где он постоянно пребывал, направился ланьелевский министр по делам Индокитая с посланием Бидо, Даллеса и Идена. Одновременно были начаты переговоры, завершившиеся в ходе совещания договором с баодаевцами, по которому Франция в 18-й раз объявляла о «полном и безусловном признании независимости» Вьетнама «под властью императорского правительства» взамен предоставления ей права «оборонять Вьетнам».

Не складывала оружия и американская дипломатия. 3 мая Даллес демонстративно покинул Женеву и, прибыв в Вашингтон, недвусмысленно заявил, что «вопрос об участии Соединенных Штатов в сражении, которое продолжается в Индокитае», возможно «прояснится в результате Женевского совещания». Возглавившему делегацию в Женеве Б. Смиту было предписано не поддерживать предложения о прекращении огня без принятия пункта о «международном принудительном механизме», т. е. контроле западных держав в Индокитае. Он должен был также поощрять Францию к продолжению войны. Англия несколько более реально оценивала обстановку. Иден убеждал Даллеса 30 апреля, что коммунизм нельзя отразить только военными средствами, и призывал действовать более гибкими методами, обещая «полную дипломатическую поддержку» французским усилиям и соглашаясь на совместные военные акции лишь в случае «провала переговоров» [1].

Империалистическим маневрам твердо противостояла дипломатия социалистических стран. Отстаивая свою независимость, Демократическая Республика Вьетнам добилась крупных военных успехов. Было освобождено более $^3/_4$ территории Вьетнама. Патриотические силы контролировали половину территории

[1] *A. Eden.* Opp. cit., pp. 105—106, 109—111.

Лаоса и около 1/3 — Камбоджи. «Все политические уступки, вырванные у Франции [в 1946 г.],— констатировал американский ученый Фолл,— были снова завоеваны на полях сражений в Тонкине, Лаосе и Южном Нагорье» [1]. Накануне обсуждения индонезийского вопроса в Женеве 7 мая пала крепость Дьенбьенфу. В начале совещания, которое открылось с обсуждения корейского вопроса, Бидо жаловался Идену, что «почти не располагает картами для игры». Но социалистические страны не спекулировали этими успехами. Решительно выступая против сохранения колониального контроля, они в то же время ради прекращения бедствий войны готовы были пдти на уступки. Дипломатия социалистических стран располагала поддержкой независимых государств Азии, в частности, Индии, которая с согласия всех участников была привлечена к работе совещания в качестве наблюдателя. Борьбу социалистических государств облегчали также выступления за мир в Индокитае прогрессивных сил, принявшие особый размах во Франции.

Еще до начала дискуссии Даллес и Бидо стали накалять атмосферу вокруг индокитайских дел. Бидо потребовал решить процедурные вопросы без КНР и ДРВ. Даже о судьбе военнопленных французский министр пытался вести переговоры с главой советской делегации, но получил резонный ответ, что эта проблема находится в компетенции ДРВ. Единым фронтом империалистические державы выступили против предложения ДРВ об участии в совещании представителей патриотов Лаоса и Камбоджи.

Добрая воля стран социализма помогла успешно разрешить эти вопросы. 10 мая делегация ДРВ заявила о готовности ее правительства «разрешить эвакуацию тяжелораненых из французского экспедиционного корпуса, находящихся в плену в Дьенбьенфу» [2]. ДРВ не стала также настаивать на участии в совещании сил Сопротивления Лаоса и Камбоджи, хотя королевские правительства этих стран, так же как баодаевский режим, получили приглашения. Соглашение от 5 мая о председательствовании министров иностранных дел СССР и Англии, достигнутое по советской инициативе, помешало созданию тупика по этому поводу.

Переговоры об Индокитае начались 8 мая, им было посвящено 8 открытых и большое число закрытых заседаний. Дискуссию начал Бидо, значительную часть речи посвятивший оправданию агрессии в Индокитае. Заявляя о готовности содействовать прекращению военных действий, французский министр предлагал, однако, заключить перемирие только во Вьетнаме и

---

[1] *B. Fall.* The Two Viet-Nams, p. 104, 105.

[2] «Правда», 11 мая 1954 г.

рассмотреть лишь военные вопросы, игнорируя политическое урегулирование, без которого нельзя было восстановить мир. Некоторые французские предложения давали основу для переговоров, но в целом они свидетельствовали, что правительство Ланьеля — Бидо не намеревалось идти на равноправное соглашение.

Делегацию ДРВ возглавлял заместитель премьер-министра Фам Ван Донг. 10 мая 1954 г. он выдвинул план установления мира на основе признания независимости, единства и демократического развития индокитайских государств [1]. В качестве первоочередного шага предлагалось прекратить военные действия одновременно по всему Индокитаю путем заключения между Францией и каждым из трех государств соглашений о перемирии и созданием для контроля за их выполнением комиссий из представителей воюющих сторон. Затем предстояло осуществить политическое урегулирование, предусматривавшее признание Францией независимости Вьетнама, Камбоджи и Лаоса и вывод ею своих войск; проведение в этих странах выборов для образования единых демократических правительств; признание ими экономических и культурных интересов Франции и возможности добровольного вхождения во Французский союз.

Предложения ДРВ были поддержаны КНР и Советским Союзом. Стремясь содействовать соглашению, советская делегация 14 мая предложила принять в принципе французскую рекомендацию о международных гарантиях перемирия и создать с этой целью в дополнение к комиссии сторон комиссию нейтральных стран.

Дискуссия на открытых заседаниях совещания 8—14 мая не дала никаких результатов. Проведение 17 мая закрытых узких встреч облегчило прямые контакты между делегациями ДРВ и Франции, которая до этого времени воздерживалась от них на официальных заседаниях под предлогом, что это будет означать признание ДРВ де-факто. В тот же день удалось договориться о первоочередном обсуждении военных аспектов урегулирования. Но едва начавшаяся работа была поставлена под удар требованием США о прекращении закрытых встреч. Ему предшествовало новое американское предложение Франции об интервенции во Вьетнаме, переговоры о которой посол США Диллон вел в Париже с Ланьелем, а Даллес — с французским послом Боннэ в Вашингтоне. Повествуя об этом эпизоде, Эйзенхауэр в своих мемуарах пояснял, что США боялись, как бы Франция не предпочла капитуляцию «совместным действиям», и решили заверить ее в готовности оказать военную помощь. Задуманная диверсия, однако, потерпела неудачу, в чем немалую роль сыграли

[1] «Правда», 11 мая 1954 г.

опасения Ланьеля, что его правительство немедленно падет при попытке осуществить предложение США [1].

24 мая с целью облегчить переговоры советская делегация внесла план из «пяти пунктов», который предусматривал: прекращение огня, образование зон перегруппировки войск противников, запрещение доставки подкреплений после перемирия, создание органов по контролю за этими условиями и определение гарантий их выполнения.

27 мая китайские представители, выдвинув основные принципы прекращения военных действий, предложили, чтобы гарантами соглашений выступили участники Женевского совещания [2]. В тот же день Фам Ван Донг внес дополнительные рекомендации о перегруппировке войск, которые, как признал Бидо, носили конструктивный характер.

28 мая ДРВ согласилась с тем, чтобы военные переговоры от имени сил Сопротивления Лаоса и Камбоджи вело командование Народной армии. Усилия социалистических государств позволили принять на заседании 29 мая предложение, выдвинутое Англией, о немедленной встрече представителей двух командований для изучения вопроса о размещении вооруженных сил после прекращения военных действий. Такие встречи начались 2 июня 1954 г. 31 мая советская делегация предложила образовать нейтральную комиссию по наблюдению за перемирием из представителей Индии, Чехословакии, Польши и Пакистана. Этот практический шаг к решению одного из самых спорных вопросов поддержали представители ДРВ и КНР. В принципе согласившись с созданием нейтральной комиссии, Англия предложила образовать ее в составе пяти стран Азии — участниц совещания в Коломбо.

Провал новых попыток США сорвать совещание

Несмотря на добрую волю социалистических государств, совещание топталось на месте. Б. Смит продолжал игнорировать представителей КНР и ДРВ. На закрытом заседании 25 мая он потребовал ограничиться перемирием только во Вьетнаме. Отвергая предложение о создании комиссии нейтральных государств, делегат США настаивал на том, чтобы контроль за перемирием осуществлял «надлежащий аппарат ООН», который бы располагал для этого эффективными средствами. В дискуссии на открытых заседаниях 8—10 июня Бидо утверждал, что Франция уже признала «независимость» Вьетнама, Лаоса и Камбоджи и что проведение выборов в этих государствах следует возложить на монархические правительства. Не прекращались и другие попытки торпедировать переговоры.

---

[1] *D. Eisenhower.* Opp. cit., p. 359; *A. Eden.* Opp. cit., p. 119, 120.

[2] «Правда», 28 мая 1954 г.

В начале июня по явной указке Вашингтона представитель Таиланда потребовал от Совета Безопасности назначить «комиссию наблюдателей» ООН для изучения положения в Индокитае, якобы представлявшего угрозу безопасности его страны. Глава советской делегации, выступая 8 июня, имел полное основание заявить: «Имеются факты, свидетельствующие о намерениях некоторых правительств вместо восстановления мира подготовить дальнейшее расширение войны в Индокитае и увеличение числа участников этой войны. Мы не можем не считаться с такого рода планами, к которым самое близкое отношение имеет государственный департамент США» [1].

Сторонники военных авантюр встречали растущий отпор. Во Франции 1 июня в связи с запросами депутатов-коммунистов и некоторых буржуазных партий в Национальном собрании начались дебаты о Женевском совещании. Бидо, вызванный для объяснений, заверял депутатов в стремлении к миру, но требовал усиления вооруженных сил в Индокитае, т. е. практически одобрения «политики силы». Той же линии придерживался Ланьель. 12 июня Национальное собрание выразило недоверие правительству, что представляло прямое осуждение его позиции в Женеве. Новое правительство сформировал радикал Мендес-Франс, неоднократно призывавший к прекращению «грязной войны». Ознакомившись с правительственными документами, он сделал вывод, что его предшественники вели дело к срыву совещания. Новый премьер, возглавивший и министерство иностранных дел, представляя парламенту правительственную программу, заявил, что достигнет к 20 июля достойного мира или уйдет в отставку. 19 июня он подтвердил срочно прибывшему в Париж Б. Смиту решимость Франции содействовать успеху Женевского совещания и потребовал, чтобы США удержали своего ставленника Нго Динь Дьема, назначенного к тому времени на пост премьера баодаевского правительства, «от ненужной обструкции любому почетному перемирию» [2].

Социалистические страны сделали все, чтобы закрепить наметившийся конструктивный подход. 14 июня они согласились с тем, чтобы решения нейтральной комиссии принимались большинством голосов, а не единогласно. 16 июня делегация КНР внесла предложения об одновременном прекращении военных действий в Лаосе, Камбодже и Вьетнаме, с тем чтобы при этом были учтены особые условия, существующие в первых двух государствах. На этой основе 19 июня состоялось соглашение о переговорах военных командований в Лаосе и Камбодже,

---

[1] «Правда», 9 июня 1954 г.
[2] *D. Eisenhower.* Opp. cit., p. 366.

а также о перерыве в работе Женевского совещания до урегулирования военных вопросов.

На перспективу соглашения американская дипломатия реагировала новыми попытками осложнить обстановку. 15 июня Б. Смит ознакомил Идена с телеграфным предписанием Эйзенхауэра добиваться скорейшего срыва совещания, чтобы продолжить военные действия. 19 июня Робертсон, временно заменивший Б. Смита, атаковал предложения КНР относительно переговоров по Лаосу и Камбодже, хотя Франция соглашалась с ними. Через несколько дней Даллес публично заявил, что «возможности Женевы исчерпаны». 23 июня Иден в палате общин призвал к соглашению на основе независимости Лаоса и Камбоджи, раздела Вьетнама и международных гарантий индокитайским государствам в форме, отличной от НАТО, т. е. без их включения в военный блок, чего добивались США. Речь была произнесена после встречи с Мендес-Франсом, накануне визита в Вашингтон, куда английский министр направлялся вместе с премьером Черчиллем [1].

30 июня палата представителей конгресса США специальной резолюцией запретила оказывать какую бы то ни было помощь правительствам, которые связаны договором, обязывающим «сохранять коммунистическое правление над каким-либо определенным районом Азии», что представляло демонстрацию против любого соглашения с ДРВ. Накануне возобновления переговоров Даллес заявил, что ни он, ни Б. Смит не поедут в Женеву. Опасаясь срыва совещания, Иден и Мендес-Франс потребовали свидания с Даллесом. Встреча состоялась 13 июня в Париже. Чтобы не подрывать «солидарность западного мира», государственный секретарь был вынужден направить в Женеву своего заместителя, фактически признав, что американская дипломатия не могла помешать соглашению.

Женевские соглашения 1954 г.

Последняя стадия переговоров протекала в основном в форме двусторонних контактов, начало которым было положено 23 июня встречей Мендес-Франса с Чжоу Энь-лаем в Берне, формально вне рамок совещания. Наибольшую трудность представляли вопросы о составе нейтральной комиссии, демаркационной линии, а также сроках выборов во Вьетнаме, затяжки которых добивались Франция и США.

Социалистические страны, чтобы облегчить переговоры, пошли на ряд новых уступок. 18 июля в результате их инициативы был решен вопрос о составе нейтральных комиссий. Добрая воля проявилась в согласии на временное разграничение во Вьетнаме по 17-й параллели, означавшее переход под контроль

[1] *A. Eden.* Opp. cit., p. 131; *V. Bator.* Opp. cit., p. 109—110.

французских войск значительной части освобожденных территорий, и на роспуск сил Сопротивления Камбоджи. Франции и ее союзникам, в свою очередь, пришлось отказаться от согласованного с Даллесом условия о разграничении по 18-й параллели, от сохранения опорной зоны в районе Ханоя, а также пойти на установление в Лаосе зоны перегруппировки сил Сопротивления.

В ночь на 21 июля представители Народной армии Вьетнама Та Куанг Буу и вооруженных сил Французского союза в Индокитае генерал Дельтей подписали соглашение о перемирии в отношении Вьетнама и Лаоса, а Та Куанг Буу и представитель кхмерских национальных вооруженных сил генерал Нхиек Тиулонг — в отношении Камбоджи.

Днем предстояло подписать Заключительную декларацию совещания. Но Б. Смит отказался поставить подпись под документом, одобрявшим, по его словам, «переход части Вьетнама под контроль коммунистического правительства», чем снова поставил успех совещания под вопрос. Чтобы спасти положение, председатели договорились, что декларацию вообще не станут подписывать, с тем чтобы участники совещания были перечислены в ее заголовке, а их представители высказали бы отношение к ней устно. Уклониться от такой процедуры американский делегат не решился. Он заявил, что правительство США «принимает к сведению» достигнутые соглашения, кроме пункта 13 декларации. США обязались также «воздерживаться от угрозы силой или ее применения» с целью нарушения соглашений [1].

По соглашениям о перемирии в период с 27 июля по 11 августа во всех государствах Индокитая прекращались военные действия с последующей перегруппировкой и отводом вооруженных сил в определенные зоны. Во Вьетнаме по реке Бен-Хай от устья до Бо Хо Су и далее до границы Лаоса по линии 16° 51′ северной широты устанавливалась временная демаркационная линия и демилитаризованная зона в пределах пяти километров по обе ее стороны. Отвод французских и баодаевских войск южнее, а частей Народной армии севернее этой линии завершался в течение 300 дней. Соглашения предусматривали вывод французских вооруженных сил и частей вьетнамских народных добровольцев из Лаоса и Камбоджи. До политического урегулирования силы Сопротивления Лаоса располагались в северо-восточных провинциях Фонг Сали и Сам-Нёа. Силы Сопротивления Камбоджи подлежали демобилизации. Запрещался ввод во все индокитайские государства иностранных войск, ввоз иностранного военного персонала, вооружений, боеприпасов и созда-

---

[1] АВП СССР.

ние на их территории новых иностранных военных баз. Обе части Вьетнама, Лаос и Камбоджа не должны были вступать в военные союзы. Франция обязалась уважать независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность индокитайских государств. Для наблюдения и контроля за осуществлением соглашений о прекращении военных действий в каждом из них создавались международные комиссии в составе представителей Индии, Канады и Польши под председательством индийского представителя.

В Заключительной декларации участники совещания с удовлетворением приняли к сведению соглашения о перемирии и установили, что в Лаосе и Камбодже в 1955 г., во Вьетнаме в 1956 г. должны состояться свободные выборы. Участники совещания обязались уважать суверенитет, независимость, единство и территориальную целостность индокитайских государств, не допускать вмешательства в их внутренние дела, а также консультироваться по любому вопросу, переданному им международными комиссиями, для принятия соответствующих мер (пункт 13).

Женевские решения создавали основу для восстановления мира и осуществления национальных чаяний народов Индокитая. Заключение перемирия означало фактическое международное признание ДРВ, ставшей на путь социалистического развития. Обязательство о признании независимости и невмешательства во внутренние дела индокитайских государств создавало предпосылки для полной ликвидации в них колониального контроля и не позволяло включить Лаос, Камбоджу и Южный Вьетнам в подготавливаемый империалистами военный блок. Достигнутые соглашения явились новым примером делового сотрудничества стран различных социально-экономических систем, подтвердили жизненность курса социалистических государств на мирное урегулирование спорных международных вопросов. Итоги совещания представляли крупный успех дипломатии социалистических стран, свидетельствовали об эффективности их единства.

Восстановление мира в Индокитае продемонстрировало провал дипломатии «с позиции силы», которой следовали США и правительство Ланьеля — Бидо. С нескрываемым раздражением Даллес говорил, что Женевские решения «содержат многие черты, которые нам не нравятся».

Исходя из последовательной линии КПСС на мирное сосуществование государств с различными общественными системами, Советское правительство дало высокую оценку результатам совещания, подчеркнув, что его решения, «содействуя ослаблению международной напряженности, создают тем самым благоприятные условия для урегулирования других нерешенных важ-

ных международных вопросов, касающихся не только Азии, но и Европы».

Потерпев неудачу в попытках сорвать Женевское совещание, правящие круги США стали на путь нарушения взятых обязательств. Как указывается в секретном докладе Пентагона о развязывании вьетнамской войны, через несколько дней после принятия Женевских решений Совет национальной безопасности под председательством Эйзенхауэра пришел к выводу, что они будут иметь «катастрофические последствия для влияния США в Юго-Восточной Азии», и одобрил план, который, по признанию составителей доклада, означал, что США в конечном счете взяли на себя «прямую роль в срыве женевского урегулирования» [1].

В спешном порядке в Ханой была направлена группа диверсантов под руководством полковника Лэнсдейла, агента ЦРУ, с заданием до ухода французских войск подготовить акты саботажа и диверсий, чтобы максимально затруднить деятельность правительства ДРВ. Одновременно Вашингтон принял всевозможные меры, чтобы поддержать марионеточное правительство Нго Динь Дьема и сорвать выборы с целью объединения страны, предусмотренные Женевскими решениями. Американская дипломатия форсировала также меры по сколачиванию агрессивного военного блока в Юго-Восточной Азии, рассчитывая использовать его для упрочения позиций США в этом районе и, в частности, срыва Женевских соглашений.

3. Создание агрессивного военного блока в Юго-Восточной Азии

Подготовка военного союза в Юго-Восточной Азии

Правительство Даллеса — Эйзенхауэра объявило вовлечение независимых стран Азии в военные блоки важнейшей задачей своей дипломатии. Оно стремилось укрепить позиции США путем «предоставления военной помощи туземным вооруженным силам в соответствии с политикой, рассчитанной на «войну азиатов с азиатами»» [2].

Сторонники этой программы призывали в конгрессе добиваться любыми средствами, чтобы страны Азии «несли свою долю ответственности по созданию системы международной законности и порядка» [3]. Добиваясь ее практического осущест-

---

[1] «Conflict in Indo-China...», p. 176.

[2] *Роберт Э. Осгуд.* Ограниченная война. М., 1960, стр. 271.

[3] «Congressional Record», vol. 100, part 1, p. 655.

вления. Даллес вскоре после вступления на пост государственного секретаря посетил Индию и Пакистан, где выяснял возможности заключения военного соглашения с США. В Дели он встретил отпор; в Карачи ради укрепления позиции в спорах с Индией были готовы принять военную помощь США. Американское правительство не замедлило воспользоваться этой возможностью. 19 мая 1954 г. Пакистан и США подписали соглашение о «помощи» в обеспечении взаимной безопасности.

Предоставляя оружие Пакистану, США рассчитывали вынудить и Индию пойти на сближение. В январе 1954 г. американский посол в Дели Д. Аллен получил указание провести зондаж, примет ли индийское правительство военную «помощь». 23 января Д. Неру, упомянув об этих предложениях, указал на их неприемлемость. Тем не менее Эйзенхауэр в личном послании Неру снова выразил готовность с сочувствием рассмотреть просьбу Индии о военной «помощи» [1]. Но и этот нажим не возымел действия. Несмотря на неудачу попыток навязать аналогичные двусторонние соглашения и другим нейтралистским странам, американская дипломатия взяла курс на создание военного блока в Юго-Восточной Азии. Конкретное воплощение этот курс нашел в призывах Даллеса расширить число участников войны в Индокитае.

Заручившись в апрельских переговорах 1954 г. согласием Англии и Франции изучить «возможности создания коллективной обороны», американское правительство стало добиваться скорейшей реализации своих планов. Немедленно по возвращении в Вашингтон государственный секретарь назначил на 20 апреля совещание послов «заинтересованных стран» для рассмотрения вопроса о создании союза по «обороне Юго-Восточной Азии». Однако английский посол, по указанию своего правительства, отказался присутствовать на нем. Разъясняя свою позицию, английское правительство в меморандуме от 30 апреля подтвердило готовность начать обмен мнениями по этому вопросу, но потребовало не спешить с переговорами, чтобы заручиться поддержкой входящих в Содружество стран Азии. Однако США, получив меморандум, немедленно объявили о начале формирования «системы безопасности в Юго-Восточной Азии». На напоминание встревоженного Черчилля, что Англия имела в виду лишь обмен мнениями и не пойдет на официальные переговоры до исхода женевской встречи, президент США ответил утверждением, будто достигнут значительный прогресс в консультациях с Австралией, Новой Зеландией и некоторыми странами Юго-Восточной Азии о возможности создания военной

[1] *Jawaharlal Nehru.* India's Foreign Policy. New Delhi, 1961, p. 87—93.

коалиции без Англии [1]. Этот нажим привел, по мнению представителей Форин оффис, к наиболее сильному обострению дипломатических отношений между США и Англией, чреватому также расколом Содружества [2]. Однако успеха он не имел, поскольку ни Австралия, ни Новая Зеландия не собирались брать обязательства по «коллективной обороне» Азии без участия Англии. Соединенным Штатам пришлось удовлетвориться встречей представителей военных штабов США, Англии, Франции, Австралии и Новой Зеландии, состоявшейся в Вашингтоне 3—11 июня, причем после первого дня работы ее участники заявили, что переговоры не создают никаких обязательств и предусматривают в будущем более широкий обмен мнениями со странами Юго-Восточной Азии [3].

Оттягивая соглашения о создании военного блока, английская дипломатия стремилась не связывать будущий союз с индокитайской войной, а также выиграть время для вовлечения в него государств Азии. С этой целью 23 июня А. Иден, выступая в палате общин, предложил обеспечить оборону Юго-Восточной Азии путем системы взаимных гарантий на основе соглашения, подобного Локарнскому, в котором участвовали бы также нейтралистские страны и даже КНР и ДРВ. Маневр английской дипломатии, видимо, не встретил поддержки США. Во всяком случае, в коммюнике У. Черчилля с Д. Эйзенхауэром от 28 июня о нем ничего не говорилось и поддерживалась американская концепция «коллективной обороны» Юго-Восточной Азии. Черчилль, правда, в палате общин утверждал, будто план такого «Восточного Локарно» передан на изучение англо-американской исследовательской группе, учрежденной по договоренности с Вашингтоном. Однако в ее рекомендациях от 17 июля предложения Англии не фигурировали, а лишь высказывалось пожелание об обращении к Индии, Индонезии, Бирме, Пакистану и Цейлону с призывом участвовать в конференции «по рассмотрению мер коллективной обороны Юго-Восточной Азии и юго-западной части Тихого океана».

30 июля Иден обратился с соответствующими посланиями к главам правительств этих стран. В случае отказа от приглашения он призывал в любой приемлемой форме сотрудничать с будущим военным блоком [4]. Действовал английский министр при содействии премьера Цейлона Котелавала, который после неофициального обмена мнениями с Иденом предложил выработ-

---

[1] *Eden.* Opp. cit., p. 109, 110; *Eisenhower.* Opp. cit., p. 358, 359.

[2] См. *С. М. Нестеров.* США и СЕАТО. М., 1961, стр. 40.

[3] «Collective Defence in South East Asia». London — New York, 1956, p. 2, 3.

[4] *A. Eden.* Opp. cit., p. 143, 144.

тать общую политику в отношении планируемого империалистического союза на совещании Цейлона, Индии, Пакистана, Индонезии и Бирмы. С этим планом дипломаты империалистических стран связывали немалые надежды. Еще в июне посол США в Дели Аллен утверждал, что Индия примет участие в оборонительном союзе с соседними странами, если почувствует, что руководящую роль в нем будут играть государства Востока, а США лишь «поддержат их своей мощью». Месяц спустя министр иностранных дел Австралии выдвинул в беседах с Д. Неру идею заключения двух договоров — «о мирном сотрудничестве» и «о военном союзе» стран Юго-Восточной Азии. Однако 8 августа верховный комиссар Индии в Коломбо уведомил об отклонении его правительством предложений Цейлона, поскольку сколачиваемый блок создается под предлогом защиты стран, которые не хотят этой защиты, так как он угрожает их независимости, не соответствует принципам внешней политики Индии, нарушает обязательства о невовлечении в военные союзы государств индокитайского полуострова, затрудняет взаимопонимание между капиталистическими и социалистическими странами, без чего невозможно достижение подлинной безопасности, и обостряет напряженность в Азии.

Вслед за Индией от участия в переговорах отказались Бирма и Индонезия. Их позиция позволила преодолеть колебания самого правительства Цейлона, которое не стало настаивать на встрече пяти, и 12 августа объявило, что ввиду возражений соседних стран не сможет участвовать в предстоящем совещании, хотя готово «без предубеждения продолжать изучение этого вопроса». Лишь правительство Пакистана приняло приглашение, но с оговоркой, что не берет «на себя заранее никаких обязательств участвовать в каком-либо начинании, которое может явиться результатом переговоров» [1].

14 августа 1954 г. в Вашингтоне, Лондоне и Париже было объявлено о созыве 6 сентября в Багио (позднее встреча была перенесена в Манилу) конференции министров иностранных дел для переговоров о «коллективной безопасности» в Азии. Но и на этой стадии разногласия между организаторами блока не были преодолены. Лишь 27 августа Англия и США согласились, что будущий пакт, подобно АНЗЮС, не будет содержать обязательства об автоматическом вступлении его участников в войну. Из этой формулы должны были исходить эксперты, которым предстояло собраться 1 сентября для предварительного рассмотрения проекта договора. Накануне этого дня филиппинская газета «Манила бюллетин» опубликовала секретный американский текст «пакта для Юго-Восточной Азии». Хотя вслед за

[1] *Р. Каранджия.* СЕАТО. Безопасность или угроза? М., 1957, стр. 45.

официальным протестом США президент Филиппин обвинил министра иностранных дел Гарсиа в плохом хранении документов, а пресса подняла шум об его отставке, инцидент представлял американскую инсценировку, организованную для того, чтобы поставить партнеров перед свершившимся фактом и вынудить филиппинских лидеров более твердо поддерживать США. Такой вывод подтвердила демонстративная встреча Даллеса с Гарсиа, состоявшаяся 5 сентября, в результате которой стороны договорились о «координации оборонных усилий» и мерах по развитию филиппинских вооруженных сил [1].

Манильская конференция 1954 г.

На конференции, работавшей 6—8 сентября 1954 г., были представлены США, Англия и Франция, Австралия, Новая Зеландия и только три, наиболее зависевших от США государства Азии — Филиппины, Таиланд и Пакистан. Бросалось в глаза, что английскую делегацию возглавлял лишь государственный министр Ридинг, а французскую — министр по делам присоединившихся государств Ля Шамбр, в то время как США были представлены лично Даллесом. Гласная часть конференции свелась к вступительным заявлениям глав делегаций, обнаружившим расхождения по многим вопросам. Основная работа проходила за кулисами, причем Даллес прибегал к грубому нажиму, в первую очередь на страны Азии. Когда министр иностранных дел Пакистана Зафрулла-хан, ссылаясь на условия участия в конференции, выдвинутые его правительством, попытался уклониться от подписания договора, государственный секретарь грубо одернул его, заявив, «либо вы подпишите пакт, либо лишитесь помощи США» [2].

Империалистические державы были упорны в стремлении создать военный блок, направленный против социалистических стран, для нажима на неприсоединившиеся государства и подавления национально-освободительного движения. Иден, в частности, считал, что договор на такой основе стал бы «вкладом в оборону Малайи и Гонконга и устранил аномалию исключения Англии из АНЗЮСа» [3]. Но Англия и Франция опасались связать себя условиями, которые бы облегчали американское проникновение в зоны английского и французского влияния и обязывали их безоговорочно поддерживать любые действия США. Эти опасения в известной мере разделяли Австралия и Новая Зеландия. Более глубокий характер носили противоречия между колониальными державами и странами Азии. Последние

---

[1] «Collective Defence in South East Asia». Opp. cit., p. 6.
[2] «Международная жизнь», 1954, № 2, стр. 122.
[3] *A. Eden.* Opp. cit., p. 144.

проявляли особую заинтересованность в получении экономической помощи и гарантий против восстановления колониальных порядков. Их правящие круги хотели использовать военное «сотрудничество» с западными державами для осуществления собственных претензий, но стремились ограничить обязательства, угрожавшие вовлечением в конфликт ради интересов империалистических «союзников». В обстановке обострения этих противоречий и развернулась борьба по конкретным вопросам.

В США считали проектируемый союз звеном общей военной системы против стран социализма и требовали указать, что договор направлен против «коммунистической агрессии», к которой США относили и «подрывную деятельность», т. е. любое национально-освободительное движение. По разным причинам это требование встретило возражения большинства участников конференции. Англия не могла не учитывать свои связи с КНР и опасалась еще более оттолкнуть Индию и другие страны Азии. Ее правительству, так же как французскому, приходилось считаться и с настроениями внутри страны. Пакистан настаивал на более общем толковании, поскольку не хотел, с одной стороны, вовлечения в конфликт с СССР и КНР, с другой — утраты «юридической основы» для «помощи союзников» на случай войны с Индией. Тезис «о подрывной деятельности» подвергла критике даже послушная США филиппинская делегация, предложив не допускать формулировок, подразумевающих действия против «чисто национального движения» в странах — участницах договора. Даллесу пришлось отступить, но в специальной «оговорке» США заявили, что обязательства о совместных действиях будут выполняться лишь в отношении «коммунистической агрессии», а во всех других случаях ограничатся консультациями.

Сферой действия договора США требовали считать всю Юго-Восточную Азию и западную часть Тихого океана, что означало бы предоставление военных гарантий гоминьдановцам на Тайване. Вопреки женевским обязательствам Даллес настаивал на включении в «зону защиты» Камбоджи, Лаоса и Южного Вьетнама. Участники совещания, однако, не желали брать обязательства по «обороне» Тайваня, грозившие им вовлечением в опасную авантюру. Представители стран Азии потребовали, чтобы военные гарантии распространялись лишь на участников договора. Их поддержала Англия, считая, что такая формула гарантирует помощь союзников в сохранении ее колоний, не создавая лишних осложнений с независимыми государствами Юго-Восточной Азии. Франция была обеспокоена перспективой американского проникновения под флагом «обороны индо-китайских государств»; и военный эксперт ее делегации в Маниле Жан Жувель подчеркнул, что настояния США нарушают если

не букву, то дух Женевских соглашений [1]. Приняв 21° 30″ северной широты за границу «района договора» в Тихом океане, США оставили Тайвань вне его сферы, но компенсировали себя исключением из нее Гонконга (Сянганя). Им пришлось примириться также с указанием, что обязательства по договору будут применяться за пределами территории его участников только по их единодушному согласию. Не смог Даллес включить в текст и фигурировавшее в американском проекте указание о распространении военных обязательств на Лаос, Камбоджу и Южный Вьетнам. Все же под его нажимом конференция одобрила особый протокол о согласии рассматривать нападение на эти государства как повод для совместных действий.

Таким образом в нарушение Женевских соглашений действие договора распространялось на государства Индокитая, несмотря на их отрицательное к этому отношение.

Вопреки договоренности между Англией и США, споры возникли об «автоматизме» военных обязательств. На формулировках, аналогичных Североатлантическому договору, настаивали представители Австралии и некоторые делегации стран Азии, рассчитывавшие на военную помощь в случае конфликтов с соседними государствами или внутренних осложнений. Англия и США стремились сохранить свободу действий и не создавать дополнительных осложнений в отношениях с неприсоединившимися государствами. Принятая формула о действиях для преодоления «общей опасности» в соответствии со «своими конституционными процедурами» соответствовала этим целям. В то же время она открывала возможность для уклонения от поддержки агрессивных планов, которые США пытались осуществить с помощью сколоченного ими союза. Сопротивление этим планам выразилось и в отказе участников конференции поддержать предложение Даллеса о создании «мобильных ударных сил», которые стали бы орудием американского вмешательства в Юго-Восточной Азии.

Под давлением стран Азии колониальные державы вынуждены были зафиксировать обязательство сотрудничать в целях экономического развития и заявить в декларации с громким названием «Тихоокеанская хартия» о содействии достижению мирными средствами самоуправления и независимости всеми странами, «народы которых желают этого и способны нести связанную с этим ответственность».

С помощью отдельных уступок, угроз и неприкрытого давления колонизаторам удалось сформировать военный блок в составе участников Манильской конференции. Миролюбивая фразеология и заверения в верности Уставу ООН не могли скрыть аг-

[1] *V. Bator.* Opp. cit., p. 163.

рессивный характер «Договора об обороне Юго-Восточной Азии» и сопутствующих ему документов [1]. Нацеленный в первую очередь против социалистических стран, СЕАТО [2] (организация «Договора об обороне Юго-Восточной Азии»), как стали называть новый блок, был призван и предназначен укреплять колониализм и подавлять национально-освободительное движение.

В феврале 1955 г. на первой сессии Совета СЕАТО были созданы основные органы нового блока — совет представителей и комитет военных советников с местопребыванием в Бангкоке. Руководство текущей работой в 1957 г. было поручено генеральному секретарю, пост которого занял таиландский дипломат Пот Сарасин.

Создание СЕАТО осложнило обстановку в Юго-Восточной Азии, улучшившуюся после прекращения войны в Индокитае. Резко обострились отношения нейтралистских государств с соседями, вступившими в этот блок, и его организаторами. Но расчеты империалистической дипломатии «с позиции силы» подавить независимые тенденции в политике стран Юго-Восточной Азии не оправдались. Провалу этих планов содействовали страны социализма, прогрессивные силы всего мира, решительно осудившие неблаговидные маневры.

В связи с созданием СЕАТО МИД СССР опубликовал специальное заявление. Советское правительство,— указывалось в нем,— не может рассматривать конференцию в Маниле и подписание «Договора об обороне Юго-Восточной Азии» иначе, как действия, направленные против интересов безопасности в Азии и на Дальнем Востоке и вместе с тем против интересов свободы и национальной независимости народов Азии. В совместной декларации от 12 октября 1954 г. правительства СССР и КНР решительно осудили создание военного блока в Юго-Восточной Азии, служащего империалистическим целям и направленного против безопасности и национальной независимости стран этого района, и подчеркнули готовность развивать всесторонние отношения с государствами Юго-Восточной Азии [3]. Дружественная поддержка стран социализма содействовала упрочению независимого курса во внешней политике большинства освободившихся государств, успеху борьбы колониальных и зависимых народов за свое освобождение.

---

[1] «Documents on American Foreign Relations, 1954». New York, 1955, p. 318—322.

[2] Сокращенное название по первым буквам английского названия «Договора об обороне Юго-Восточной Азии».

[3] См. «Правда», 12 октября 1954 г.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ. БАНДУНГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1955 г.

1. Становление дипломатии неприсоединившихся стран

К середине 50-х годов в Азии и Африке образовалось значительное число новых независимых государств. Упрочилась самостоятельность большинства стран, формально располагавших суверенитетом и в довоенный период. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность азиатско-африканской группы стран начинала играть заметную роль в международных отношениях.

Руководители дипломатии западных держав полагали, что освободившиеся государства автоматически станут «новыми рекрутами» империализма [1]. За попытки проявить самостоятельность в международных делах Д. Ф. Даллес поспешил объявить ряд руководителей этих стран «проводниками сильного влияния советского коммунизма» и призвал воспрепятствовать «опасным тенденциям» в их дипломатической деятельности [2]. Но вопреки усилиям колониальных держав независимая внешняя политика и дипломатия стран Азии и Африки получили дальнейшее развитие. В большинстве своем эти страны к середине 50-х годов выступили «как самостоятельная сила на мировой арене, причем объективно это в основном *сила прогрессивная, революционная и антиимпериалистическая*» [3]. Свою внешнюю политику и дипломатию их лидеры сначала стали называть нейтрализмом, позднее — неприсоединением (иногда нейтралитетом или позитивным нейтралитетом и т. п.). Все эти термины отражают в принципе одно и то же явление международной жизни, особый характер внешней политики и дипломатии развивающихся стран, отличных от империалистического и проимпериалистического курса и по многим важным вопросам сближающихся с внешнеполитическим курсом государств социалистического содружества.

---

[1] *Ch. O. Lerche.* Foreign Policy of the American People. New York, 1960, p. 347.

[2] «Congressional Record», vol. 93, part I, p. 489.

[3] «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 356.

Идеологи капиталистических стран до сих пор опровергают закономерность появления такого рода политики. Одни заявляют, будто самостоятельная позиция развивающихся стран определяется «комплексом личных взглядов» их лидеров; другие утверждают, будто освободившиеся народы не осознают необходимости «союза с Западом» против коммунизма в силу своей «незрелости»; третьи толкуют о случайных расхождениях, вызванных промахами дипломатии капиталистических государств и т. д. В действительности формирование политики и дипломатии неприсоединения объективно определялось, с одной стороны, тем, что эти государства утверждались в качестве субъекта международного права в результате крушения колониальной системы империализма и нового соотношения сил, сложившегося на мировой арене, с другой стороны, потребностями внутреннего развития освободившихся государств.

Когда на земном шаре господствовал империализм, формальной независимостью пользовались лишь некоторые государства Азии и Африки. Они не имели реальных возможностей влиять на решение мировых проблем. Только после победы Октября на первых порах небольшое число стран Востока, имевших формальную независимость, получили возможность при поддержке Советской России использовать дипломатию для защиты своих прав и суверенитета. Превращение социализма в мировую систему позволило опрокинуть режимы колониальных администраций и образовать новые независимые государства, причем даже слабые в экономическом и военном отношении страны получили объективные возможности следовать в мировых делах политике, содействующей преодолению полуфеодальной и колониальной отсталости, созданию национальной экономики. В решении этих задач были заинтересованы широкие народные массы, а под их влиянием, хотя в разной мере и не с одинаковыми целями, в поддержку такой политики выступали почти все основные классы и общественные группы за исключением сравнительно узкой прослойки связанных с империализмом кругов крупной и компрадорской буржуазии, определенной части феодально-племенной знати, состоящего на службе у колонизаторов чиновничества. В результате широкого общенародного антиколониального движения большинство новых государств отказалось подчиняться диктату империалистов, добивавшихся сохранения колониальной эксплуатации. Их правительства, чтобы обеспечить независимое развитие страны, взяли на вооружение политику и дипломатию неприсоединения. Она была связана с борьбой трудящихся за ликвидацию колониализма, за мир и демократию.

Самостоятельный внешнеполитический курс утвердился не сразу. В первые послевоенные годы буржуазно-феодальные правительства ряда этих стран еще питали иллюзии относительно

готовности империалистических держав помогать укреплению независимости и созданию современной экономики. Многие из них уклонялись от связей с миром социализма и нередко открыто поддерживали акции империалистической дипломатии.

В становлении более активной политики и дипломатии неприсоединения видную роль сыграли страны Южной, Юго-Восточной Азии, в частности Индия, которая после завоевания независимости провозгласила политику неучастия в группировках держав, содействия освобождению колоний и сближению стран Азии, дружбы со всеми великими державами, включая СССР, в отношениях с которым, как подчеркивали ее лидеры, неизбежно встанет ряд общих задач и немало общих дел [1]. Следуя такому курсу, Республика Индия «сыграла, можно сказать, новаторскую роль, как бы прокладывая путь независимой внешней политике молодых государств... стояла у истоков движения неприсоединения и содействовала формированию его прогрессивных принципов» [2], отмечал Л. И. Брежнев.

Первоначально еще слабые самостоятельные тенденции проявились в противодействии колониалистским происках в ООН и установлении вопреки нажиму империалистических держав контактов со странами социализма. Борьба за восстановление мира в Корее и Индокитае способствовала углублению происходившего размежевания с империалистами и переходу от декларативного нейтрализма при фактическом отказе от сопротивления, а иногда непротиводействия происках империалистов к более или менее последовательному отпору политике агрессии и колониального закабаления. Лидеры новых государств Азии стали открыто осуждать «холодную войну», выступать за ослабление международной напряженности, в поддержку освободительной борьбы. В ООН страны Азии и Африки с начала 50-х годов образовали особую группу, начавшую сперва эпизодически, затем регулярно встречаться для разработки общих рекомендаций [3]. По многим вопросам борьбы за мир и ликвидацию колониализма ее позиция была схожей или даже совпадала с позицией социалистических стран.

Руководители новых государств отвергли утверждения империалистических идеологов о якобы вытекающей из нейтралистского курса «обязанности» не сотрудничать с миролюбивыми международными силами. В противовес этим домыслам они стали говорить о проведении политики неприсоединения, или «позитивного нейтралитета», подчеркивая этим термином,

---

[1] *J. Nehru.* India's Foreign Policy, p. 11, 12.

[2] «Визит Леонида Ильича Брежнева в Индию». М., 1973, стр. 87.

[3] *T. Hovet.* Bloc Politics in the United Nations. Cambridge, Massachusets, 1960, p. 79—84.

что неучастие в военных союзах не означает нейтралитета в борьбе против агрессии и колониализма. Со свержением в 1952 г. феодально-компрадорского правительства Египта, эта страна также последовала в мировых делах самостоятельному и независимому курсу.

В середине 50-х годов яснее определились и некоторые характерные направления, формы и методы политики и дипломатии неприсоединения. Она выступила в защиту национальных интересов освобождающихся стран, против покушений колонизаторов, повела все более активную борьбу за ликвидацию колониализма, за сплочение афро-азиатских неприсоединившихся стран, стала оказывать более активное сопротивление империалистической агрессии, отстаивать принцип мирного сосуществования государств различных общественных систем. В то же время в корыстных интересах реакционных эксплуататорских классов некоторые освободившиеся страны выдвигали неправомерные притязания в отношении соседей, балансировали между силами прогресса и реакции на мировой арене, шли на сговор с империалистическими державами за счет трудящихся собственной страны, освободительного движения и социалистических государств. Это придавало дипломатии ряда государств Азии и Африки непоследовательный и противоречивый характер. Все же в целом именно прогрессивные черты определили международную роль дипломатии неприсоединения, которая в целом была выдвинута на гребне национально-освободительных революций и движений, сокрушавших колониальную систему империализма. Так, освободившиеся страны становились активной силой в борьбе за мир и безопасность народов, за освобождение от колониального господства.

Дипломатия неприсоединения большое значение придавала межгосударственным личным контактам, считая, как говорил лидер новой Индии Д. Неру, что такие контакты создают неофициальную атмосферу, при которой легче понять точку зрения друг друга, достичь согласия или спокойно определить расхождения[1]. Первоначально эти государства поддерживали связи преимущественно с капиталистическими державами и соседними афро-азиатскими странами. С середины 50-х годов личные контакты их лидеров с руководителями стран социализма заняли видное место в дипломатическом сотрудничестве антиимпериалистических сил.

Важная черта «дипломатии неприсоединения» — попытки содействовать компромиссному решению споров, в частности, между империалистическими и социалистическими державами.

---

[1] «Lok Sabha Debates», 1956, part II, vol. II, p. 3041.

В основном ее предложения направлялись на ограничение притязаний колониальных держав. Учитывая это, советская дипломатия с глубоким пониманием относилась к рекомендациям неприсоединившихся стран, содействовала достижению на их основе общеприемлемых соглашений.

Одной из основ дипломатии указанных стран стало неприсоединение к военно-политическим союзам. На практике этот принцип был направлен против неоколониалистского закабаления путем вовлечения развивающихся государств в агрессивные военные блоки, создававшиеся западными державами, и имел антиимпериалистическую направленность. В то же время под его прикрытием некоторые деятели этих стран пытались лавировать между основными мировыми силами — государствами социализма и империалистическими державами, в корыстных интересах местных эксплуататорских классов. Однако совпадение интересов по коренным международным проблемам, бескорыстная защита странами социализма независимости и национальных интересов развивающихся государств сдерживали развитие этой отрицательной тенденции, что содействовало выдвижению на первый план на политической арене в этих странах патриотических, прогрессивных революционно-демократических сил.

Утверждению политики неприсоединения как основного курса большинства развивающихся государств Азии и Африки способствовала деятельность многих активных участников и руководителей борьбы за освобождение своих стран. Видное место среди них принадлежало Д. Неру, выдающемуся государственному деятелю Индии, являвшемуся ее бессменным премьером и министром иностранных дел с момента завоевания независимости страны до своей смерти в 1964 г. В качестве руководителя независимой Индии Д. Неру, как отмечал А. Н. Косыгин, явился «творцом и непосредственным вдохновителем» ее миролюбивой политики[1]. Индийский премьер одним из первых осознал значение для «третьего мира» связей со странами социализма и выступил последовательным сторонником дружбы с СССР. В дипломатических переговорах, на конференциях и в личных встречах Неру проявил большое искусство в отстаивании национальных интересов Индии, мира и международного сотрудничества на основе мирного сосуществования государств различных систем. Свой вклад в развитие дипломатии неприсоединения внес также К. Менон, являвшийся верховным комиссаром (послом) в Лондоне, представителем Индии в ООН и руководителем ряда специальных миссий.

---

[1] См. «Правда», 9 июня 1964 г.

Утверждению и дальнейшему развитию антиимпериалистической позиции содействовал Г. А. Насер, возглавивший правительство Египта после свержения проимпериалистического режима короля Фарука и взявший курс на сотрудничество арабских и неприсоединившихся стран, на сближение с СССР и другими социалистическими государствами, на решительный отпор империалистической агрессии. Гамаль Абдель Насер, подчеркивается в советско-египетском коммюнике (октябрь 1970 г.), «заложил основы внешней политики, которую неуклонно проводила Объединенная Арабская Республика... и которая получила всеобщее признание и способствовала укреплению престижа и роли ОАР на международной арене» [1].

В качестве активных деятелей дипломатии неприсоединения выступили также руководители и дипломаты ряда других стран Азии, а позднее и Африки. Выдающуюся роль сыграли при этом лидер нового Цейлона Соломон Бандаранаике, президент Индонезии Сукарно, премьер, а затем президент Ганы Кваме Нкрума и ряд лидеров африканских государств — Хуари Бумедьен, Секу Туре, Мариан Нгуаби и другие.

2. Упрочение дружественных отношений между социалистическими и развивающимися государствами

С укреплением независимой внешней политики все новые государства Азии и Африки становились на путь всестороннего сотрудничества со странами социализма, отпора силам колониализма и агрессии, создания развитой национальной экономики.

Большое значение развитию взаимного сотрудничества с развивающимися странами придают СССР и другие страны социалистического содружества. Советский Союз неизменно руководствовался и руководствуется ленинскими принципами поддержки национально-освободительного движения, укрепления дружбы с молодыми независимыми государствами на основе солидарности в антиимпериалистической борьбе. В послевоенные годы эти принципы были развиты и обогащены применительно к новым условиям. XX—XXIV съезды КПСС во всей полноте раскрыли особенности развития новых государств как фактора содействия миру и борьбы с происками империализма. Советское правительство подтвердило готовность помочь в индустриализации и укреплении независимости освободившихся стран, приняло меры к расширению с ними политических, экономических и культурных контактов. Последо-

[1] «Правда», 4 октября 1970 г.

вательная политика СССР содействовала укреплению антиимпериалистического курса государств Азии и Африки, формированию по ряду вопросов единого дипломатического фронта социалистических и развивающихся государств против империализма, упрочению между ними равноправных и взаимовыгодных экономических связей. В июне 1960 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев подчеркнул, что «солидарность стран Азии и Африки и их дружба с Советским Союзом и другими социалистическими государствами превратилась в один из важнейших факторов нынешней международной жизни... Не будет преувеличением сказать, что от того, насколько крепко будет единство миролюбивых сил, в большой степени зависит решение коренных вопросов, волнующих сегодня человечество...» [1].

Советско-индийское соглашение о строительстве Бхилайского завода 1955 г.

Важной вехой в становлении этих связей явилось соглашение о строительстве с помощью СССР крупного металлургического завода в Индии. Индийская общественность, включая деловые круги, проявила большой интерес к предложениям советских представителей на сессии ЭКАДВ в 1951 г. о поставках в страны Азии капитального оборудования. В начале 1952 г. по приглашению индийского правительства СССР принял участие в Международной промышленной выставке в Бомбее. Советский павильон лишь за первые четыре дня посетили 100 тыс. человек. К директору выставки поступили десятки писем индийских фирм с запросами о приобретении советских машин и оборудования, торговая палата Бомбея выдвинула предложение о посылке в СССР торговой делегации. Такая делегация из представителей прогрессивной общественности и деловых кругов Индии во главе с профессором Гьян Чандом была направлена на международное экономическое совещание в Москву, состоявшееся в апреле 1952 г. по инициативе Всемирного Совета Мира.

Несмотря на сопротивление проимпериалистических кругов, правительство Неру в 1953 г. предложило Советскому Союзу начать торговые переговоры. В результате последовавшего обмена мнениями 2 декабря было подписано долгосрочное торговое соглашение, ставшее важной основой развития советско-индийских экономических связей.

После многих неудачных попыток договориться с фирмами США, Японии и Англии о содействии строительству предприятий тяжелой промышленности в государственном секторе Индия обратилась за помощью к Советскому Союзу. В августе 1954 г., ссылаясь на согласие советского объединения «Техно-

[1] «Правда», 23 июня 1960 г.

промэкспорт» поставить оборудование и оказать техническую помощь промышленнику Кирласкару в строительстве металлургического завода, правительство Индии высказало пожелание о сотрудничестве с СССР в создании крупного государственного металлургического предприятия. 24 сентября министр производства Индии информировал Народную палату о согласии Советского Союза удовлетворить эту просьбу [1]. В связи с его выступлением близкая правительственным кругам пресса подчеркивала исключительную быстроту ответа и выгодный характер условий, предложенных СССР.

Переговоры проходили при непрекращавшихся попытках индийских реакционеров и империалистической дипломатии сорвать соглашение. Прибывший в Дели представитель МБРР призывал уклониться от соглашения с СССР, поскольку, как он заявил, США готовы поставить Индии сколько угодно металла. Английские монополии угрожали, что после принятия советской помощи Индия перестанет «представлять интерес для иностранных вложений» [2]. Правительство Англии срочно откомандировало в Дели государственного министра торговли Лоу с предложением построить сталелитейный завод с помощью английских фирм, явно рассчитывая этим шагом укрепить позиции противников договоренности с Советским Союзом.

Провалу империалистических происков содействовала искренняя готовность СССР достичь соглашения, оперативность и гибкость советской дипломатии. Советские эксперты в короткие сроки изучили возможности строительства завода в пунктах, названных Индией, и представили исчерпывающие рекомендации [3]. СССР принял пожелания Индии об увеличении мощности завода и сроках предоставления кредита. Правительство Индии отказалось поддержать требования правых кругов о включении в соглашение пунктов о гарантиях относительно «непроникновения коммунистов» и проверке советского оборудования американскими и английскими экспертами [4].

Соглашение, подписанное 2 февраля 1955 г., предусматривало строительство государственного металлургического комбината в Бхилаи (штат Мадхья-Прадеш) производительностью 1 млн. *т* стали в год. Советские организации выполняли проектные работы, поставляли оборудование и осуществляли техническое руководство строительством, подготавливали кадры, необходимые для эксплуатации завода. СССР кредитовал строительство завода на сумму в 500 млн. руб. с оплатой из расчета

[1] «Statesman» Weekly, November 6, 1954.
[2] «Blitz», January 29, 1955.
[3] Parliamentary Debates, 1954, part I, vol. 7, col. 1953—55; 1955, part I, vol. 2, col. 1937.
[4] «Hindu», January 3, 1955; «Blitz», January 29, 1955.

2,5% в течение 12 лет. В феврале 1959 г. бхилайский завод дал первую сталь, в 1962 г. достиг установленной мощности. В 1961 г. СССР и Индия договорились о сотрудничестве в строительстве его второй очереди с доведением мощности до 2,5 млн. *т*. Строительство и эксплуатация Бхилайского комбината стали школой подготовки индийских металлургов.

Соглашение о Бхилаи явилось исходным пунктом дальнейшего плодотворного советско-индийского экономического сотрудничества, получившего широкое развитие в последующие годы. Его заключение вынудило империалистические монополии пойти на принципиальные уступки Индии по вопросу о создании национальной металлургической промышленности: фирма ФРГ «Крупп — Демаг» изменила в ее пользу условия контракта о строительстве государственного завода в Руркела, английские фирмы согласились на приемлемых условиях сотрудничать в создании аналогичного предприятия в Дургапуре.

По своему значению соглашение о Бхилаи вышло за рамки советско-индийских отношений, положив начало индустриализации развивающихся стран путем создания государственных предприятий с помощью социалистических государств. Тем самым оно знаменовало ликвидацию монополии империалистических держав на поставку оборудования и финансирование промышленного строительства, открыло перед развивающимися странами новые возможности в создании независимой экономики и проведении назревших социальных преобразований. Соглашения об экономическом сотрудничестве, аналогичные в основных чертах соглашению о Бхилаи, Советский Союз в 1955—56 гг. заключил с Афганистаном, Индонезией, Камбоджей и Цейлоном, а затем с рядом других стран Азии, Африки и Латинской Америки (Бирмой, Египтом, Сирией, Ливаном, Ираном, Йеменом, Аргентиной, Уругваем, Гвинеей, Ганой и др.). В отличие от империалистических государств Советский Союз, оказывая помощь, не ставит никаких политических условий, нарушающих суверенные права стран, которым эта помощь оказывается. Признавая далеко идущие последствия этих соглашений, американский бизнесмен и дипломат, председатель МБРР Ю. Блэк писал, что США вынуждены предоставлять помощь государствам Азии и Африки лишь потому, что коммунизм выступает там «в роли современного поборника идей эпохи просвещения — поборника научной мысли и технического прогресса, национальной независимости и демократии» [1].

---

[1] *Eugene R. Black.* The Diplomacy of Economic Development. Cambridge, Massachusetts, 1960, p. 17.

Расширение политического сотрудничества социалистических государств со странами Азии и Африки

В укреплении дружбы между социалистическими и развивающимися странами в середине 50-х годов заметную роль сыграли пять принципов мирного сосуществования (принципы «панча шила»): 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) взаимное ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимные выгоды; 5) мирное сосуществование.

Социалистические страны всегда выступали за мирное сосуществование государств с различными социально-экономическими системами. Принципы мирного сосуществования неоднократно фигурировали в договорах и соглашениях СССР с иностранными государствами еще в довоенные годы. В результате последовательной политики КПСС и Советского правительства ленинская идея мирного сосуществования государств с различным общественным строем одерживала все новые и новые победы в умах людей и в практике международных отношений.

Положения «панча шила» были зафиксированы в 1954 г. в индийско-китайском соглашении о торговле с Тибетом и затем подтверждены в переговорах в Дели, которые вел Чжоу Энь-лай с Неру во время месячного перерыва в работе Женевского совещания министров иностранных дел. Обе стороны «выразили стремление руководствоваться принципами «панча шила» во всей системе международных отношений, с тем чтобы «они стали прочной основой мира и безопасности, а страх и подозрение, существующие в настоящее время, уступили место чувству доверия» [1]. Советский Союз, естественно, приветствовал фиксацию этих положений в индийско-китайских документах и содействовал их широкому одобрению.

9 февраля 1955 г. Верховный Совет СССР в обращении к парламентам всех стран призвал добиваться, чтобы все государства строили отношения между собой на основе пяти принципов мирного сосуществования. В коммюнике о переговорах, которые Советское правительство вело в 1955—1957 гг. с правительствами Индии, Индонезии, Афганистана, Бирмы, Египта, Йемена, Либерии, Сирии и ряда других государств, неизменно выражалась решимость содействовать развитию международных отношений на этой основе. Аналогичные заявления содержались в документах о переговорах других социалистических государств со странами Азии и Африки. Их совместные дипломатические усилия содействовали дискредитации противников мирного сосуществования и превращению пяти принципов в общепризнанную норму международного права. Необходимость руководство-

[1] «Foreign Policy of India...», p. 113.

ваться ими фактически подтвердила Генеральная Ассамблея ООН, приняв по инициативе СССР на 12-й сессии в 1957 г. резолюцию о мирном сосуществовании. Отстаивание и неуклонное соблюдение пяти принципов Советским Союзом и другими странами социализма приобрело особое значение в последующие годы ввиду фактического отхода маоистских лидеров от этих принципов и проведения ими великодержавного авантюристического курса в международных вопросах.

На основе пяти принципов дальнейшее развитие получило сотрудничество между социалистическими и развивающимися странами в борьбе за мир и безопасность в Азии и на Ближнем Востоке [1].

В ответ на пожелание, высказанное Индией, Советское правительство в 1955 г. пригласило премьер-министра Неру посетить Москву. Направляясь в СССР, Неру высказал намерение договориться о сотрудничестве по международным вопросам и расширении экономической помощи, а также обменяться мнениями по конкретным проблемам укрепления мира в Азии [2]. Как свидетельствовали итоги визита, состоявшегося 7—23 июня 1955 г., Советское правительство положительно отнеслось к пожеланиям Индии. В совместном заявлении стороны подтвердили готовность строить отношения на основе мирного сосуществования, высказались за запрещение ядерного оружия и значительное сокращение вооружений обычного типа, выразили стремление развивать и укреплять двусторонние связи в экономической, культурной и научной областях. Аналогичные положения были высказаны и в заявлении от 3 ноября 1955 г., завершившем визит в СССР премьер-министра Бирмы [3].

Новым шагом в развитии связей со странами Азии явилась поездка советских руководителей в конце 1955 г. с миссией доброй воли в Индию, Бирму и Афганистан. На многотысячных митингах и собраниях общественность Индии и Бирмы выразила восхищение успехами советского народа. В свою очередь представители СССР заявили о поддержке Советским Союзом справедливой борьбы народов Азии за независимость, осудили маневры колониальных держав и заверили в готовности оказать всемерную поддержку в развитии экономики. В совместных заявлениях подтверждалась общность взглядов СССР, Индии, Бирмы и Афганистана по важным вопросам современной международной жизни, решимость содействовать ослаблению международной напряженности, осуждалась политика создания агрессивных военных блоков в Азии. Стороны выразили также

[1] О сотрудничестве социалистических и ближневосточных государств см. гл. XVI.

[2] «Free Press Journal», 23. III, «The Hindustan Times», 22. V. 1955.

[3] См. «Правда», 23 июня и 4 ноября 1955 г.

стремление всемерно развивать экономическое, культурное и торговое сотрудничество. С Индией была достигнута договоренность о расширении взаимных поставок и об организации регулярного пароходного сообщения на паритетных началах между портами СССР и Индии; с Бирмой — о проведении Советским Союзом ирригационных работ и создании некоторых промышленных предприятий с оплатой поставками риса. В виде дара бирманскому народу Советский Союз построил и оборудовал в Рангуне технологический институт. Переговоры в Кабуле закончились соглашением о советском долгосрочном кредите Афганистану в 100 млн. долл. и подписанием протокола о продлении на 10 лет советско-афганского договора 1931 г. о нейтралитете и взаимном ненападении.

Улучшение отношений с Индонезией, начало которому положили участие СССР в международной торговой ярмарке в Джакарте и поездка в Москву индонезийской экономической делегации, было закреплено в 1956 г. визитом президента А. Сукарно и подписанием соглашения о торговле и экономическом сотрудничестве с предоставлением советского кредита в 100 млн. долл. В том же году были установлены дипломатические отношения и подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве СССР с Камбоджей и Цейлоном. Эти действия Советского Союза способствовали в той исторической обстановке углублению антиколониальной борьбы народов Азии и Африки и прорыву экономической блокады, которую пытались организовать империалисты против молодых суверенных государств.

Укрепление самостоятельного курса новых государств проявилось также в расширении их связей с Польшей, Чехословакией, Венгрией, Югославией и другими социалистическими странами Европы, установлении рядом из них дипломатических отношений с МНР и контактов с ДРВ.

Развивались отношения стран Азии и с КНР. В октябре 1954 г. Пекин посетил премьер-министр Индии Д. Неру. Несмотря на отсутствие официального коммюнике, обе стороны подчеркивали благоприятные результаты переговоров. Неру информировал парламент, что лидеры КНР согласились добиваться устранения недоверия, еще существовавшего в обеих странах, и заверили в недопущении вмешательства в дела стран Азии через компартии и китайские общины [1]. В переговорах, которые вели китайские представители в 1956—57 гг. в Камбодже, Индии, Бирме, Пакистане, Афганистане, Непале и Цейлоне, руководство КНР подтвердило готовность крепить связи на основе пяти принципов мирного сосуществования. Этим

[1] Parliamentary Debates, 1954, part I, vol. 6, p. 346—347; «India News», October, 1954.

декларациям, однако, противоречили попытки руководителей КНР добиться отказа неприсоединившихся стран от содействия ослаблению международной напряженности, в частности утверждения Мао Цзэ-дуна в беседах с Неру во время пекинской встречи, будто ядерная война не очень страшна, поскольку гибель половины человечества будет оправдана крушением империализма. Индийский премьер не согласился с этим положением [1].

3. Первая конференция стран Азии и Африки

Начало сотрудничества стран Азии и Африки на мировой арене

Становление внешней политики новых государств сопровождалось неоднократными попытками координировать усилия в укреплении независимости и отпоре происками колониальных держав. В марте 1947 г. в Дели состоялась неправительственная Межазиатская конференция представителей 26 стран, в которой участвовали 8 советских азиатских республик и МНР. Ряд делегаций возглавляли видные деятели освободительного движения, в том числе будущий премьер Цейлона Соломон Бандаранаике, лидер антиимпериалистического правительства Бирмы Аунг Санг. С личным приветствием к ней обратился президент ДРВ Хо Ши Мин. Открывая конференцию, глава временного правительства Индии Д. Неру призвал к сотрудничеству стран Азии, подчеркнув, что советские республики и Монголия «быстро продвинулись вперед за жизнь нашего поколения и имеют много полезного, чтобы учить нас» [2].

Участники конференции единодушно высказались за ликвидацию колониального управления и развитие национальной экономики, но из-за разногласий о путях достижения этих целей не смогли выработать общей политической платформы и договориться о координации борьбы за независимость [3]. Решения о создании Организации межазиатских отношений и проведении новой конференции не были выполнены. Несмотря на непоследовательность ряда решений, делийская конференция предвосхитила многие прогрессивные аспекты сотрудничества развивающихся государств.

Дипломатия империалистических стран пыталась использовать стремление независимых государств Азии и Африки к

---

[1] См. «За сплоченность международного коммунистического движения». М., 1964, стр. 135.

[2] *J. Nehru.* Independence and Affer, Delhi, 1949, p. 296.

[3] «Asian relations being Report of the Proceedings and Documentation of the First Asian Relations Conference, New Delhi, March-April 1947». New Delhi, 1948, p. 36, 62, 81—85.

единству, чтобы направить их сотрудничество в проимпериалистическое русло. Когда в январе 1949 г. в связи с расширением агрессии нидерландских колонизаторов против Индонезийской республики Индия предложила провести встречу стран Азии, посол США в Дели Гендерсон потребовал не допускать резких формулировок и не упоминать о санкциях против Нидерландов. Уступая нажиму, организаторы конференции не пригласили на встречу социалистические государства Азии, но включили в состав ее участников Австралию и Новую Зеландию, что реакционная буржуазная пресса с ликованием расценила как «объединение Азии на антикоммунистической основе»[1]. Но конференция, осудив агрессию Нидерландов и поддержав требование о самоопределении индонезийского народа, подтвердила, что борьба с колониализмом представляет важнейшую основу афро-азиатской солидарности[2].

Неудачей закончился и маневр, предпринятый американской дипломатией при содействии правительства Филиппин. Предложение, с которым выступил в конце 1949 г. президент Филиппин Кирино, о созыве конференции с участием лисынмановского и чанкайшистского режимов встретило столь единодушный отпор, что государственный департамент поспешил объявить о непричастности к нему США. Филиппинские лидеры были вынуждены исключить из числа приглашенных лисынмановцев и гоминьдановцев и предложили рассмотреть лишь проблемы экономического и культурного сотрудничества[3]. Однако большинство участников конференции, состоявшейся в Багио (Филиппины) в мае 1950 г., отвергло координацию действий под империалистическим контролем и в этой области.

Борьба по вопросу о направлении сотрудничества развивающихся государств усилилась в связи со сколачиванием империалистами агрессивных блоков в Азии. В декабре 1953 г. премьер-министр Цейлона Котелавала предложил провести совещание представителей Бирмы, Цейлона, Индии, Индонезии и Пакистана. Хотя предложение было сделано в форме, приемлемой для развивающихся стран, за ним стояла империалистическая дипломатия. Котелавала, рекомендовавший себя «признанным и закоренелым врагом коммунизма», публично заявлял, что

---

[1] *В. П. Нихамин.* Очерки внешней политики Индии. 1947—1957 гг. М., 1959, стр. 42, 43.

[2] В конференции, проходившей в Дели 20—23 января 1949 г., участвовали Афганистан, Австралия, Бирма, Цейлон, Египет, Эфиопия, Индия, Ирак, Иран, Ливан, Пакистан, Филиппины, Саудовская Аравия, Сирия, Йемен и в качестве наблюдателей — Непал, Новая Зеландия, Таиланд и гоминьдановец. «Select Documents on Asian Affairs. India 1947—1950». Vol. II. External Affairs, p. 682—685.

[3] «India Quarterly», 1959, vol. V, 3, p. 216—218.

главной проблемой совещания должна быть «защита свободы» стран Азии от якобы угрожавших им «сил тоталитаризма», как он именовал социалистический мир. О планах, циркулировавших в связи с совещанием, свидетельствовал и призыв командующего пакистанским флотом заключить для «обороны Азии» военное соглашение, подобное Североатлантическому договору [1].

Руководители большинства приглашенных стран приветствовали созыв совещания, но подчеркивали, что встреча должна укрепить сотрудничество стран Азии на основе политики нейтралитета и отказа от участия в агрессивных империалистических блоках.

Переговоры пяти премьер-министров проходили в Коломбо (Цейлон) 28 апреля — 2 мая 1954 г. Они начались спором представителей Индии с Пакистаном относительно повестки дня. На требования Мохаммеда Али (Пакистан) рассмотреть кашмирский вопрос Неру предложил провести дискуссию об американской военной «помощи» Пакистану. В порядке компромисса было решено обсудить лишь проблемы, представлявшие интерес для всех участников. По большинству вопросов, по которым была высказана общая точка зрения, одержала верх антиколониалистская линия. Совещание выразило сожаление, что некоторые капиталистические страны проводят колониальную политику, и заявило о решимости строить отношения на принципах уважения суверенитета и невмешательства в дела друг друга, высказалось за запрещение ядерного оружия и прекращение войны в Индокитае. При обсуждении «проблемы международного коммунизма», на рассмотрении которой в качестве председателя настаивал цейлонский премьер, возникла острая дискуссия.

Подготовка Бандунгской конференции

Во время совещания индонезийский премьер-министр Састроамиджойо предложил договориться о созыве конференции всех стран Азии и Африки, но большинство участников переговоров сочло необходимым, чтобы инициатор предложения предварительно выяснил позицию других государств. Консультации, проведенные премьер-министром Индонезии, показали, что это предложение встретило одобрение [2]. В сентябре во время свидания в Дели главы правительств Индии и Индонезии высказались за рассмотрение вопросов, связанных с организацией конференции на новом совещании «стран Коломбо» (участники предыдущей встречи в этом го-

---

[1] *J. Kotelawala.* An Asian Prime Minister's Story. London, 1956, p. 123; «The Pakistan Times». 12, 14. I. 1954.

[2] *J. Kotelawala.* Opp. cit., p. 174, 175.

роде), которое состоялось 28—29 декабря 1954 г. в Богоре (Индонезия).

Все участники совещания высказались за созыв конференции. Провести первую конференцию стран Азии и Африки было решено в Бандунге (Индонезия).

СССР, как крупнейшая страна Азии, имел все основания участвовать в предстоявшей Бандунгской конференции. Но, как разъяснило Советское правительство, в 1954 г. в условиях, когда ее инициаторы «сообща выступали с позиций мира, разрядки международной напряженности, сплочения всех борцов за национальную свободу и прогресс», не было оснований для тревоги за судьбу конференции. Так были сорваны попытки противников антиимпериалистического единства спекулировать на этом вопросе.

На укрепление прогрессивных внешнеполитических тенденций ориентировали и цели конференции, определенные Богорским совещанием (1954 г.): содействие сотрудничеству государств Азии и Африки; изучение проблем, представлявших особый интерес для их народов, в том числе национального суверенитета, расизма и колониализма; рассмотрение вопроса о вкладе этих стран в укрепление мира. Чтобы обеспечить представительный характер конференции, было указано, что участие в ней не означает изменения в оценке статуса ее участников и что принципы управления и образ жизни отдельных стран ни в коем случае не станут предметом обсуждения на конференции [1].

Относительно участников конференции возникли разногласия. Неру настаивал на приглашении КНР и ДРВ, с руководителями которых встречался накануне совещания. Такого же мнения придерживалась Индонезия. Положительное решение этого вопроса затруднило маневры сторонников «афро-азиатского сотрудничества» под контролем империалистических держав.

Правящие круги колониальных держав встретили Богорские решения с плохо скрытой тревогой. «Не будем питать никаких иллюзий,— писал У. Липпман в «Нью-Йорк таймс»,— относительно того, что США и их союзники в Западной Европе будут на апрельской конференции не судьями, а подсудимыми». Первоначально американская дипломатия пыталась помешать встрече: все связанные с США правительства не торопились принимать приглашение, а Таиланд и Филиппины даже заявили, что отклонят его. Однако после получения согласия большинства приглашенных государств эта тактика как бесперспективная была заменена курсом на подрыв конференции изнутри, в соответствии с которым, по выражению Даллеса, проимперия-

---

[1] «Foreign Policy of India», p. 151—154.

листическим режимам предстояло «поддержать и укрепить идеалы СЕАТО» в Бандунге.

Эту задачу западная дипломатия пыталась осуществить как путем нажима, так и обещанием экономической «помощи». В феврале на первой сессии Совета СЕАТО в Бангкоке Даллес призвал расширить сферу действия этого пакта. После сессии он объехал ряд стран Азии, включая Лаос, Камбоджу и Южный Вьетнам, и повсюду подчеркивал решимость США использовать «мобильные стратегические морские и воздушные силы для удара в случае коммунистической агрессии». Поддерживая «политику силы», премьер-министр Австралии Мензис объявил о договоренности с президентом Эйзенхауэром относительно «координации планов объединенных операций в Юго-Восточной Азии», включая переброску австралийских войск американскими самолетами.

В марте совещание дипломатических представителей США в странах Азии решило добиваться от правительств, при которых они аккредитованы, чтобы те настаивали в Бандунге на ограничении повестки дня экономическими и культурными вопросами, требовали расширения связей с капиталистическими странами, противились обсуждению вопросов о колониализме, военных блоках, испытаниях ядерного оружия и т. д. [1]

Одновременно правительство США усиленно рекламировало «новую программу помощи Азии», чтобы, как писал орган американских деловых кругов «Бизнес уик», вооружить американских союзников для борьбы в Бандунге. В апреле представитель государственного департамента заявил о «готовности США разделить ответственность за улучшение положения народов Африки и Азии», а руководитель администрации заграничных операций Г. Стассен, специально посетивший Дели, предложил предоставить странам Азии кредит на региональной основе. Индийское правительство взяло на себя инициативу созыва совещания для обсуждения этого плана. Оно выступило на совещании, состоявшемся в Симле 9—13 мая 1955 г., против создания региональной организации по использованию «помощи» США [2], чем содействовало провалу попытки проимпериалистического объединения стран Азии.

Английская дипломатия препятствовала созыву азиатско-африканской конференции. «Самоуправляющаяся колония» Англии Федерация Центральной Африки была единственной из 25 приглашенных стран, которая отклонила участие в Бандунге. Посетив в марте 1955 г. ряд входящих в содружество

---

[1] «Blitz», April 9, 1954.

[2] «Congressional Record», vol. 101. part 4, p. 4537; «Commonwealth Survey», vol. I, № 12, June 15, 1955, p. 512.

стран Азии, А. Иден требовал, чтобы на Бандунгской конференции они не отходили далеко от позиций западных держав [1].

11 апреля империалистическая агентура организовала катастрофу индийского самолета «Принцесса Кашмира», на котором из Гонконга (Сянгань) в Бандунг направлялась группа членов делегации КНР. Премьер-министр Индии отметил ее «необычные обстоятельства», а авиационная компания опровергла заявление государственного департамента США о неисправности самолета. Следствие установило, что диверсия была осуществлена гоминьдановским агентом, бежавшим на Тайвань. Однако власти США не поддержали настояний Индии о выдаче преступника.

На призыв американского конгрессмена Поуэла направить в Бандунг приветствие Эйзенхауэра государственный департамент демонстративно ответил, что отношение правительства к конференции не оправдывало бы подобное обращение. Представитель ведомства Даллеса даже утверждал, будто приветствие от США передадут представители стран Азии — участники СЕАТО. О характере «приветствий», которых ожидали в Вашингтоне, можно судить по призывам американской прессы в адрес азиатских участников военных блоков противодействовать в Бандунге антиколониальным выступлениям.

Маневрам западных держав и их союзников дипломатия социалистических и азиатско-африканских стран — участниц конференции противопоставила усилия по укреплению единства в отстаивании миролюбивого антиимпериалистического курса.

Правительство Индии, конкретизируя условия, сформулированные организаторами конференции, заявило, что будет добиваться в Бандунге осуждения колониализма и расизма; осуждения участия в военных блоках; одобрения принципов мирного сосуществования и повышения роли азиатско-африканских стран в международных делах [2]. В феврале 1955 г. Неру посетил Египет, в марте — апреле в Дели побывали правительственные делегации Камбоджи и ДРВ. В совместных коммюнике участники переговоров с одобрением отозвались о нейтралистской политике государств Азии, высказали надежду, что встреча в Бандунге укрепит мир и международное сотрудничество. В конце марта премьер-министры Бирмы и Индии, обсудив перспективы конференции, согласились, что на ней не следует затрагивать внутреннее положение участвующих стран и допускать, чтобы различия в идеологии препятствовали успеху переговоров. Проездом в Бандунг Индию посетили премьер-минист-

[1] «Parliamentary Debates», 1955, part I, vol. I, col. 976; «Blitz», April 16, 1955.

[2] «Parliamentary Debates», 1955, part II, vol. 2, col. 3888—91; *J. Nehru.* India's Foreign Policy, p. 272—280.

ры Афганистана и Судана, делегации Либерии, Ливана, Сирии и Эфиопии, а главы делегаций Бирмы, КНР, Египта и Индии вели переговоры в Рангуне. Согласившись одними из первых направить без каких-либо оговорок делегации в Бандунг, ДРВ и КНР способствовали срыву расчетов противников конференции на столкновение по поводу условий, сформулированных ее организаторами.

В подготовке встречи участники Бандунга располагали поддержкой всех социалистических государств. Накануне конференции заместитель министра иностранных дел Советского Союза В. В. Кузнецов в специальном заявлении выразил уверенность, что она явится «новым шагом по пути развития сотрудничества между народами в интересах ослабления международной напряженности и поддержания всеобщего мира». Искренняя заинтересованность в успехе конференции нашла выражение в приветственных телеграммах председателей Президиумов Верховных Советов СССР и среднеазиатских советских республик с пожеланием плодотворной работы и разрешения поставленных благородных задач [1]. МНР, приветствуя конференцию в особом послании Великого хурала — высшего органа власти страны, также содействовала ее консолидации на прогрессивной основе.

Борьба на Бандунгской конференции

Созыв Бандунгской конференции явился прямым ответом на империалистическую политику вовлечения стран Азии в военные блоки. В то же время эта дипломатическая акция была закономерным следствием укрепления независимого внешнеполитического курса освободившихся государств и установления ими широких связей с социалистическими странами.

Конференция [2] открылась 18 апреля 1955 г. речью президента Индонезии А. Сукарно, призвавшего не поддаваться ложным утверждениям, будто «колониализм мертв», мобилизовать все духовные, моральные и политические силы на укрепление мира и помнить, что «Азия и Африка могут процветать, лишь сохраняя единство» [3].

Впервые в истории представители стран, угнетавшихся империализмом в течение многих десятилетий, собрались, чтобы

[1] «Правда», 17—19 апреля 1955 г.

[2] В ней участвовали Бирма, Индия, Индонезия, Пакистан, Цейлон, Афганистан, Камбоджа, КНР, Египет, Эфиопия, Золотой Берег, Иран, Ирак, Япония, Иордания, Лаос, Ливан, Либерия, Ливия, Непал, Филиппины, Саудовская Аравия, Судан, Сирия, Таиланд, Турция, ДРВ, Йемен и Южный Вьетнам. В качестве наблюдателей прибыли представитель Кипра архиепископ Макариос и бывший муфтий Иерусалима Амин аль Хуссейн.

[3] «Selected Documents of the Bandung Conference». New York, 1955, p. 3—5.

обсудить волнующие их вопросы. Одно это придавало встрече в Бандунге исключительное значение. Она явилась живым выражением исторических перемен, которые произошли в мире, свидетельством беспочвенности расчетов на сохранение и восстановление колониального господства.

Участники конференции учредили для подготовки решений комитеты: политический, по культурным и экономическим вопросам. Без осложнений была одобрена и повестка дня: 1) экономическое сотрудничество; 2) культурное сотрудничество; 3) права человека и право на самоопределение; 4) проблема зависимых народов и 5) международный мир и сотрудничество [1].

Дискуссия проходила в острой борьбе и столкновениях, создававших временами угрозу срыва конференции. Западная дипломатия делала все, чтобы, столкнув социалистические и нейтралистские страны со странами, правительства которых ориентировались на империалистические державы, содействовать такому исходу. Буржуазная пресса и радио всячески раздували действительные и мнимые противоречия между участниками конференции.

В сложившейся обстановке первоочередной задачей стран, заинтересованных в ее успехе, являлось сохранение единства. С этой целью они высказывались за рассмотрение лишь широких принципиальных вопросов, по которым было легче согласовать общую точку зрения, и за исключение из дискуссии проблем, представлявших частный интерес и тем более являвшихся предметом разногласий между кем-либо из участников. Индия, чтобы не осложнять положение, отказалась поднимать вопрос о Гоа. Делегация КНР заявила, что, имея все основания настаивать на осуждении вмешательства США в районе Тайваня и восстановлении законного статуса КНР в ООН, она не делает этого, чтобы конференция не оказалась втянутой в споры, затрудняющие соглашение [2]. Такая тактика содействовала преодолению трудностей и достижению взаимопонимания на основе мирного сосуществования и антиимпериалистического сотрудничества. Следует, однако, отметить, что, выдвигая на первый план «общность судеб и стремлений азиатско-африканских народов», руководитель китайской делегации Чжоу Энь-лай умалчивал о роли СССР и мировой системы социализма в успехе освободительной борьбы и независимого развития новых государств. Таким образом, в позиции лидеров КНР уже тогда проявлялось стремление в своих великодержавных целях изолировать страны Азии и Африки от СССР и других социалистических стран. Такая позиция облегчала маневры проимпериалистических сил на конференции.

[1] «Collective Defence in South East Asia», p. 108.

[2] «Правда», 21 апреля 1955 г.

Вечером накануне открытия конференции собрались руководители 22 делегаций. По предложению Д. Неру и К. Менона, которые опасались, что общая дискуссия усугубит разногласия, была одобрена упрощенная процедура, согласно которой вступительные речи ограничивались 20 минутами, а тем, кто имел письменный текст, рекомендовалось представить его без оглашения [1]. Однако на следующий день представитель Пакистана Мохаммед Али, не участвовавший в предварительной встрече, потребовал пересмотреть процедуру. Бирма, Индия, Индонезия и КНР подтвердили, что они отказываются от вступительных речей. Но по решению большинства была начата общая дискуссия, которая продолжалась два дня. Основная часть выступивших требовала сплочения в борьбе за мир и независимость. Глава египетской делегации Г. А. Насер призвал к соблюдению принципов ООН, прекращению политики «с позиции силы», уничтожению колониализма и сокращению вооружений. Представители Камбоджи одобрили принципы мирного сосуществования. Делегация КНР подчеркнула, что различия в идеологии и социальных системах не должны препятствовать соглашению. Она заверила в готовности КНР строить отношения со всеми азиатско-африканскими странами на основе принципов мирного сосуществования [2].

Делегации ряда стран — союзников колониальных держав использовали общую дискуссию для призывов сплачиваться для борьбы с «международным коммунизмом» и прославления неоколониалистской политики империалистических держав. Особое рвение проявил представитель королевского правительства Ирака, только что подписавшего Багдадский пакт. Ему вторил таиландский премьер Ван Вайтаякон, обрушившийся на принципы мирного сосуществования. Проимпериалистические выступления осложнили обстановку ко времени обсуждения повестки дня.

С 20 апреля работа конференции проходила на закрытых заседаниях комитетов, главным из которых являлся политический. Большую роль в преодолении возникшей напряженности играли неофициальные контакты делегаций, в особенности социалистических и неприсоединившихся стран. В частности, 22 апреля КНР и Индонезия урегулировали вопрос о двойном гражданстве проживавших в Индонезии лиц китайского происхождения. Достижение разрядки облегчило соглашение между премьер-министрами ДРВ Фам Ван Донгом и Лаоса Сасарит Катаем о добрососедских отношениях их стран на основе мирного сосуществования. ДРВ заявила, что урегулирование отно-

---

[1] *D. T. Kahin.* The Asian-African Conference, Bandung, Indonesia, April 1955. New York, London, 1956, p. 9.

[2] «Selected Documents of the Bandung Conference...», p. 21—23.

шений между королевским правительством Лаоса и Патет-Лао является их внутренним делом.

Не имея возможности открыто выступить против осуждения колониализма, сторонники проимпериалистической ориентации пытались сорвать договоренность по этому вопросу косвенным путем. Инициативу взял на себя Котелавала, призвавший «открыто осудить советский колониализм наряду с западным империализмом» [1]. Это заявление было немедленно осуждено Д. Неру, который предложил отвергнуть его и указал, что Индия поддерживает дипломатические отношения с суверенными государствами Восточной Европы, являющимися членами ООН. Вечером в неофициальных консультациях лидеры неприсоединившихся стран убедили цейлонского премьера не придавать официального характера своему предложению. Но 22 апреля группа стран, возглавляемая союзниками империалистических держав по агрессивным военным блокам, все же предложила осудить наряду с колониализмом «международные доктрины», предусматривающие применение «методов силы, проникновения и подрывной деятельности» [2]. Против подмены призыва к борьбе с колониализмом клеветой на социалистические страны и освободительное движение выступили многие политические лидеры, в том числе Д. Неру [3].

Характерно, что представитель КНР после выступления Котелавала ограничился лишь репликой о праве ответить на него позднее. Однако в речи, произнесенной на следующий день, Чжоу Энь-лай высказал лишь краткое замечание о несогласии с доктриной «нового колониализма». В специальном подкомитете, куда передали проект резолюции, была предложена компромиссная формула об осуждении колониализма в любых проявлениях, и китайская делегация так и не дала с интернационалистских позиций прямого отпора антисоветским выпадам приспешников империалистов. Не встретило осуждения с ее стороны и провокационное заявление Мохаммеда Али о том, что Советский Союз «проводит империалистическую политику».

Еще в общей дискуссии бирманская делегация предложила одобрить пять принципов мирного сосуществования как главное условие укрепления мира. Ее поддержали представители Камбоджи, Непала и ряда других стран, подчеркивавшие, что все страны Азии и Африки кровно заинтересованы в предотвращении войны [4]. Одобрить пять принципов призвали и делегации социалистических стран.

---

[1] *J. Kotelawala.* Opp. cit., p. 186, 187.
[2] *D. T. Kahin.* Opp. cit., p. 66, 67.
[3] «The India of Colonialism», p. 240.
[4] *D. T. Kahin.* Opp. cit., p. 66, 67.

Открыто выступить против них никто из участников конференции не решился. Но проимпериалистические деятели утверждали, будто практическое осуществление этих принципов невозможно из-за позиции коммунистов. В качестве предварительного условия они требовали прекращения мифического «вмешательства международного коммунизма», в частности роспуска информационного бюро коммунистических партий. Когда премьер-министр Цейлона Котелавала неофициально поднял этот вопрос перед Чжоу Энь-лаем, тот ответил, что «коминформ создан русскими и Китай не имеет к нему никакого отношения» [1]. В публичном выступлении глава китайской делегации ограничился замечанием, что обсуждение деятельности информационного бюро коммунистических партий выходит за рамки повестки дня, но заявил, что, хотя, говоря о «подрывной коммунистической деятельности», делегаты упоминали Советский Союз, китайская делегация считает, что их выпады направлены и против КНР [2].

Опасаясь, что одобрение пяти принципов свяжет руки в военном сотрудничестве с империалистическими державами, Мохаммед Али 19 апреля противопоставил им «семь пунктов». Пакистанские предложения не упоминали о «мирном сосуществовании», хотя содержали его главные положения. В то же время они включали пункт о «праве на индивидуальную или коллективную самооборону». Это положение, поддержанное заместителем премьер-министра Турции Зорлу и представителями других союзников западных держав, встретило возражения делегаций неприсоединившихся стран, которые расценили его как попытку санкционировать участие в агрессивных военных блоках. Эти делегации выступили и против предложений представителя монархического правительства Ирака о «поддержании мира с помощью силы» и создании военного «союза малых стран». Полемика становилась все более острой, и 23 апреля конференция оказалась перед угрозой срыва. В этой обстановке Чжоу Энь-лай предложил заменить термин «мирное сосуществование» словами преамбулы Устава ООН — «жить в мире совместно» и не настаивать на изложении программы международного мира и сотрудничества в пяти пунктах. Предложение египетской делегации согласиться с упоминанием в этой программе «права на самооборону» с оговоркой, что оно не должно использоваться в интересах великих держав, не оставило возможности продолжать спекуляцию на этой формуле с целью срыва согласованного решения [3].

---

[1] *J. Kotelawala.* Opp. cit., p. 186.
[2] «Asian-African Conference», p. 25.
[3] *D. T. Kahin.* Opp. cit., p. 32.

Решения Бандунгской конференции

В Заключительном коммюнике, единодушно одобренном 24 апреля, конференция призвала к развитию всестороннего экономического и культурного сотрудничества между странами Азии и Африки и оказанию с этой целью помощи друг другу. В разделе «Права человека и самоопределение» одобрялся принцип самоопределения наций и осуждалась расовая дискриминация. Участники конференции осудили «колониализм во всех его проявлениях как зло, которое надлежит быстро пресечь». В свете требования о ликвидации колониализма они высказались за самоопределение народов Алжира, Туниса и Марокко и поддержали позицию Индонезии в вопросе о возвращении ей Западного Ириана. Конференция высказалась также за разоружение и запрещение производства, испытания и применения ядерного оружия.

Особое значение имела «Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», предусматривавшая: 1) соблюдение основных прав человека и Устава ООН; 2) уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; 3) признание равенства всех рас и наций; 4) недопущение интервенции и вмешательства во внутренние дела других стран; 5) уважение права каждой страны на индивидуальную и коллективную оборону; 6) отказ от использования этого права в интересах какой-либо великой державы и нажима на другие страны; 7) воздержание от актов или угроз агрессии против территориальной целостности и независимости любой страны; 8) урегулирование международных споров мирным путем; 9) содействие взаимным интересам и сотрудничеству; 10) уважение справедливости и международных обязательств. Фактически эти положения развивали пять принципов мирного сосуществования и представляли осуждение союзов с империалистическими державами.

Несмотря на нечеткость и декларативность отдельных положений, принятые решения были ощутимым вкладом в развитие антиколониальной борьбы народов и укрепление мира. Конференция продемонстрировала решимость стран Азии и Африки бороться с колониализмом, давать отпор империалистической агрессии и развивать связи с социалистическими странами на основе мирного сосуществования. Ее историческое значение заключалось в провозглашении прогрессивной ориентации во внешней политике и сотрудничестве стран Азии и Африки. Бандунгские решения нацеливали эти страны на совместные меры по обеспечению и укреплению мира и безопасности в Азии и Африке.

Однако Бандунгская конференция обнаружила серьезные противоречия между различными странами Азии и Африки, в

основе которых лежали, с одной стороны, столкновение националистических притязаний господствующих классов различных стран, с другой — столкновение независимых и проимпериалистических тенденций в развитии некоторых государств. На конференции выявилось также, хотя тогда еще в прикрытом виде, стремление Китая установить свое влияние на страны Азии и Африки. В Индии и других странах Азии с тревогой отмечали проявившиеся в некоторых акциях китайской дипломатии претензии на гегемонию в азиатско-африканском сотрудничестве. Серьезно ослабляли положительные итоги и попытки делегации КНР использовать участие в конференции для фактического противопоставления связей с Китаем отношениям азиатско-африканских стран с другими социалистическими государствами. Развитие всех этих тенденций в политике КНР в последующем нанесло тяжелый удар антиимпериалистической борьбе азиатско-африканских государств. Но при всем этом Бандунгская конференция государств стала важной вехой в развертывании антиколониальных революций и в становлении прогрессивных тенденций дипломатии многих стран Азии и Африки.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДВУХ ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВ. БОРЬБА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПРОТИВ МИЛИТАРИЗАЦИИ ФРГ (1950—1955 гг.)

В годы, последовавшие за образованием двух германских государств, борьба двух курсов в германских делах вступила в новый этап. Решающий отпечаток на ее ход оказывали всемерное упрочение позиций и влияния социализма в Европе и в мире в целом, развертывавшаяся борьба миролюбивых сил против возрождения милитаризма и реваншизма в ФРГ. На этом этапе большая ответственность легла на дипломатию социалистических государств. От ее конструктивных предложений, твердой и принципиальной позиции, от ее умелых и искусных действий в немалой степени зависели результаты развернувшейся борьбы между двумя курсами в международной политике.

Антипотсдамский курс западных держав — США, Англии и Франции, вместе с которыми выступали империалистические силы Западной Германии, наталкивался на все более решительный отпор со стороны Советского Союза, стран народной демократии, всех прогрессивных сил. Дипломатия социалистических стран не только твердо отбивала атаки империализма на основы послевоенного мира в Европе, заложенные в Потсдамских решениях, но и выступила с цельной программой упрочения мира и безопасности в этом районе. Империалистическим планам воссоздания германского милитаризма она противопоставила конструктивные предложения, направленные на справедливое урегулирование завалов, оставшихся от войны в Европе. По инициативе Советского Союза различные аспекты этих проблем неоднократно обсуждались на международных конференциях и совещаниях, во время двусторонних переговоров между СССР и другими государствами, наконец в форме обмена нотами и заявлениями между Советским правительством и правительствами ряда стран.

1. Дипломатическая борьба после образования двух германских государств

Нью-Йоркские решения западных держав (сентябрь 1950 г.) о демилитаризации ФРГ

Правящие круги США, Англии, Франции и ФРГ стремились не допустить осуществления Потсдамских решений в ФРГ. Понимая заинтересованность в этом своих партнеров, буржуазное правительство Бонна с первых дней существования сепаратного государства стало выдвигать требования, преследовавшие цель восстановления западногерманского военно-промышленного потенциала, ремилитаризации, а также скорейшего выхода ФРГ на арену международной политики.

Западногерманские политики и дипломаты широко прибегали к таким средствам борьбы, как запугивание «коммунистической опасностью», угрозой с Востока, возможностью «вспышки германского национализма» и т. д., играли на противоречиях и разногласиях между великими державами и др.

С самого начала своей деятельности правительство ФРГ сконцентрировало внимание на скорейшем создании вооруженных сил. 3 декабря 1949 г. канцлер Аденауэр в интервью американской газете «Кливленд плейн дилер» дал понять, что правительство ФРГ было бы готово «обсудить вопрос о включении немецкого контингента в вооруженные силы европейской федерации» [1]. Характеризуя свою позицию в этот период, Аденауэр писал: «Ремилитаризация превращалась для нас в путь к достижению полного суверенитета Федеративной Республики Германии. А в этом и заключался основной вопрос нашего политического будущего» [2].

В начале 50-х годов США, Англия и Франция продолжали проводить политику, направленную на воссоздание военно-промышленного потенциала ФРГ, на ее ремилитаризацию. Их дипломатия в своей деятельности рассчитывала на то, что обстановка «холодной войны» будет благоприятствовать сплочению империалистических стран на антикоммунистической основе, превращению ремилитаризованной ФРГ в основную силу борьбы против сил демократии и социализма в Европе. В целях скорейшей ремилитаризации ФРГ монополистические круги использовали развязанную в июне 1950 г. империалистическую агрессию против КНДР. Характерно, что уже в том же месяце

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1945—1953. Stuttgart, 1965, S. 343.
[2] Ibid., S. 345; см. также «Der Tag», (West) Berlin, 10. XI. 1949.

канцлер ФРГ К. Аденауэр потребовал от трех держав разрешения на создание полицейских формирований [1]. В интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» Реймонду (август 1950 г.) Аденауэр заявил: «Вопрос о нашем участии в западноевропейских армиях должен быть разрешен быстро» [2].

29 августа 1950 г. боннское правительство направило США, Англии и Франции «Меморандум по вопросу о новых принципах взаимоотношений между Федеративной Республикой и оккупационными державами» [3]. В этом документе указывалось на то, что «в последнее время в союзных странах все чаще обсуждается возможность участия Федеративной Республики в совместной обороне Западной Европы» и что сложившееся положение якобы «возлагает на немецкий народ особые обязанности в рамках европейского сообщества» [4].

Обращаясь к предстоящему совещанию трех держав в Нью-Йорке, правительство ФРГ просило его участников принять декларацию, в которой «было бы заявлено примерно следующее:

1. Состояние войны между союзными державами и Германией прекращается.

2. На будущее целью оккупации явится обеспечение безопасности Федеративной Республики от угрозы извне.

3. Отношения между оккупационными державами и Федеративной Республикой будут в возрастающей степени регулироваться системой договоров и соглашений» [5].

Демарш Бонна дал свои результаты. В сентябре 1950 г. в Нью-Йорке состоялись совещания министров иностранных дел США, Англии и Франции (12—18 сентября) и сессия Совета НАТО, принявшие ряд новых сепаратных решений.

В опубликованном 19 сентября коммюнике указывалось, что правительства США, Англии и Франции намерены поставить вопрос о прекращении состояния войны с Германией, и в то же время подтверждалось сохранение навязанного Западной Германии «оккупационного статута». В коммюнике говорилось, что будет произведен пересмотр прежних решений о запрещении ряда отраслей германской промышленности, причем не делалось никаких оговорок о недопустимости восстановления военной промышленности. Из коммюнике следовало также, что главными вопросами совещания трех министров были воссоздание

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1945—1953, S. 347.
[2] «New York Times», 18. VIII. 1950.
[3] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1945—1953, S. 358—359.
[4] Ibid., S. 359.
[5] Ibidem.

армии, ремилитаризация ФРГ[1]. Совещание одобрило «германское участие» в «объединенных» «европейских» силах.

На сессии Совета НАТО было поручено соответствующим органам этого агрессивного блока «в самый кратчайший срок» представить рекомендации, «каким путем (Западная) Германия может внести наиболее полезный вклад в дело обороны». Принятые на сессии решения находились в явном противоречии с постановлением Потсдамской конференции. Западные страны сознательно и последовательно шли на его попрание. Это была линия на дальнейшее обострение международной обстановки.

24 октября 1950 г. премьер-министр Франции Р. Плевен огласил так называемый «план Плевена», предусматривавший формирование «европейской армии» с включением в нее контингентов из ФРГ. В сентябре 1951 г. он был официально одобрен министрами иностранных дел США, Англии и Франции на совещании в Вашингтоне. Планы вооружения ФРГ были уточнены на сессии Совета НАТО в Брюсселе (18—19.XII 1950 г.).

18 апреля 1951 г. ФРГ вместе с Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом подписали договор о создании ЕОУС — Европейского объединения угля и стали, план которого был предложен французским министром иностранных дел Р. Шуманом (9 мая 1950 г.). Создание ЕОУС (договор вступил в силу в июле 1952 г.) имело особое экономическое и военно-политическое значение для ФРГ, поскольку ее вес в этом объединении был наибольшим. Участие ФРГ в ЕОУС позволяло ей еще более быстрыми темпами наращивать свой военно-промышленный потенциал и оказывать растущее политическое давление на партнеров.

Антипотсдамский курс западных держав был направлен на срыв решения одного из важнейших вопросов послевоенных международных отношений — вопроса о завершении послевоенного мирного урегулирования в Европе.

Пражское совещание социалистических стран (октябрь 1950 г.)

Начало 50-х годов характеризовалось рядом важных выступлений дипломатии социалистических государств против антипотсдамского курса западных держав.

20—21 октября 1950 г. в Праге состоялось совещание министров иностранных дел СССР, Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии. В принятом заявлении указывалось, что сепаратные решения трех держав в Нью-Йорке не имеют законной силы. Исходя из необходимости скорейшего завершения мирного урегулирования в

---

[1] «Department of State Bulletin», N 587, 2. X. 1950, p. 530—531; «New York Times», 19. IX. 1950.

Европе, участники совещания предложили, чтобы четыре великие державы — СССР, США, Англия и Франция — заявили о том, что они не допустят ремилитаризации Западной Германии и вовлечения ее в какие-либо агрессивные планы, что они будут неуклонно проводить в жизнь согласованные в Потсдаме решения по этому вопросу. Социалистические страны предложили снять все ограничения на пути развития мирной экономики Германии и принять меры для недопущения восстановления военного потенциала. В Пражском заявлении подчеркивалась необходимость безотлагательного заключения мирного договора. Кроме того, предусматривалось создание (на паритетных началах из представителей ГДР и ФРГ) общегерманского Учредительного совета, главная задача которого заключалась бы в подготовке образования временного демократического миролюбивого общегерманского правительства. При этом имелось в виду, что указанный совет впредь до образования временного правительства должен быть привлечен к консультациям, связанным с выработкой мирного договора [1]. В заявлении указывалось, что политика США, Англии и Франции в отношении мирного урегулирования является полным разрывом с их обязательствами по союзническим соглашениям и «создает угрозу новой агрессии, новых военных авантюр в Европе». Однако западные державы не откликнулись на эти предложения. В мае и октябре 1950 г. верховные комиссары трех держав направили главнокомандующему группы советских войск (ГСВГ) письма. В них США, Англия и Франция заявили, что «необходимым шагом для объединения Германии является проведение свободных выборов под международным наблюдением» [2]. Это была их старая позиция, изложенная еще на шестой сессии СМИД в 1949 г.

В конце 1950 г. правительство СССР направило правительствам трех держав ноты, в которых высказывалось за созыв СМИД для рассмотрения вопроса о выполнении Потсдамского соглашения о демилитаризации Германии. Одновременно послам этих держав был вручен текст заявления, принятого на Пражском совещании министров иностранных дел [3].

В нотах от 15 декабря внимание трех держав вновь было обращено на нарушение ими согласованных решений, на то, что действия правительств Англии и Франции по ремилитаризации ФРГ, кроме того, противоречат англо-советскому (от 26 мая 1942 г.) и франко-советскому (от 10 декабря 1944 г.) договорам [4].

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 230.
[2] АВП СССР.
[3] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 232—233.
[4] См. там же, стр. 267—273.

В ответных нотах (датированных 22 декабря) правительства трех держав уклонялись от созыва СМИД и по-прежнему настаивали на восстановлении единства Германии «путем свободных выборов под международным контролем» [1]. Они сообщили о согласии назначить своих представителей, которые совместно с представителем СССР, не рассматривая вопросы по существу, проделали бы работу с целью «найти взаимноприемлемую основу» для созыва совещания министров иностранных дел четырех держав и рекомендовали бы своим правительствам его повестку дня [2].

Стремясь к достижению согласованного решения, Советское правительство в ноте от 30 декабря 1950 г. согласилось на проведение предварительного совещания представителей СССР, США, Англии и Франции для выработки повестки дня сессии СМИД [3]. Западные державы, по существу, были вынуждены согласиться с предложением СССР о совместном рассмотрении вопроса о демилитаризации. В упомянутой ноте подчеркивалось: «Советское правительство придает этому важное значение, поскольку осуществление демилитаризации Германии не только предусмотрено Потсдамским соглашением США, СССР, Великобритании и Франции, но и остается важнейшим условием обеспечения мира и безопасности в Европе, соответствуя также национальным интересам самого германского народа» [4].

Предварительное совещание четырех держав в Париже (март — июнь 1951 г.)

После длительных по вине западных стран проволочек было согласовано, что предварительное совещание представителей четырех держав откроется 5 марта в Париже [5]. В период переписки, предшествовавшей совещанию, усиленными темпами форсировалась подготовка создания западногерманской регулярной армии и военной промышленности ФРГ.

Работа предварительного совещания заместителей министров иностранных дел (А. А. Громыко — СССР, Ф. Джессеп — США, Э. Дэвис — Англия и А. Пароди — Франция) [6] проходила в помещении Розового дворца в Париже с 5 марта по 21 июня 1951 г.

Уже на первом заседании делегация СССР предложила следующую повестку дня сессии СМИД: 1) о выполнении четырь-

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 276.
[2] См. там же, стр. 276—277.
[3] См. там же, стр. 278.
[4] Там же, стр. 279.
[5] См. «Правда», 2 марта 1951 г.
[6] См. «Правда», 6 марта 1951 г.

мя державами Потсдамского соглашения о демилитаризации Германии и недопущении ее ремилитаризации; 2) об ускорении заключения мирного договора и в соответствии с этим о выводе оккупационных войск; 3) об улучшении обстановки в Европе и о немедленном начале мероприятий по сокращению вооруженных сил четырех держав [1].

В ходе совещания развернулась острая борьба относительно повестки дня предполагаемой сессии СМИД. По существу, речь шла о столкновении двух противоположных курсов по важнейшим проблемам послевоенных международных отношений. Советская делегация решительно настаивала на включении в повестку дня вопросов, связанных с соблюдением постановлений Потсдамской конференции. Позиция СССР была последовательной и конструктивной, а его предложения отвечали на самые актуальные вопросы, касающиеся сохранения мира и безопасности в Европе.

Дипломатия западных держав стремилась не допустить принятия советских предложений. Особенно ожесточенное сопротивление она оказала предложению об ускорении заключения мирного договора и о выводе в соответствии с этим оккупационных войск [2]. Обструкционистская, лишенная конструктивных элементов позиция США, Англии и Франции обрекла на бесплодность затянувшуюся по их вине дискуссию на предварительном совещании. Когда советская делегация принимала то или иное предложение трех держав, их авторы сразу теряли интерес к этим вопросам. Они возражали против обсуждения вопроса о безотлагательном заключении мирного договора и выводе оккупационных войск, избегали всякого упоминания о Потсдамских решениях, пытались включить в повестку дня вопросы, не имеющие отношения к рассматриваемой проблеме.

19 апреля Советское правительство направило правительствам трех держав ноту, в которой, дав оценку ходу совещания и занятых ими позиций, одновременно выразило готовность продолжить обсуждение на конструктивной основе. Однако состоявшееся 21 июня 1951 г. 74-е по счету заседание оказалось последним [3].

Позиция западных держав привела к тому, что договоренности относительно повестки дня сессии СМИД достигнуть на совещании не удалось. Тем самым они помешали созыву и самой сессии.

---

[1] См. «Правда», 6 марта 1951 г.
[2] См. «Правда», 11, 14, 24 марта 1951 г.
[3] См. «Правда», 22 июня 1951 г.

Дипломатия ГДР в борьбе за разрешение германских дел на мирных и демократических началах

ГДР предприняла ряд важных шагов для установления контактов с ФРГ. В августе 1950 г. в Берлине был созван I германский национальный конгресс, на котором были представлены патриотические силы ФРГ, 30 ноября 1950 г. правительство ГДР направило правительству ФРГ предложения о мирном разрешении наиболее злободневных вопросов (создание на паритетных началах Общегерманского учредительного совета, который мог бы начать подготовку условий для проведения свободных общегерманских выборов в Национальное собрание). 15 января 1951 г. канцлер Аденауэр отклонил идею переговоров представителей обоих правительств о создании Общегерманского учредительного совета.

30 января Народная палата ГДР в обращении к бундестагу ФРГ предложила обсудить и урегулировать все спорные вопросы, для чего провести переговоры, в которых должно участвовать равное число представителей обоих парламентов [1].

2 марта бундестагу ФРГ было передано предложение Народной палаты ГДР о том, чтобы в связи с подготовкой совещания в Париже обратиться к правительствам четырех великих держав с совместной просьбой включить в повестку дня этого совещания вопрос о подготовке и заключении мирного договора еще в 1951 г. Поскольку бундестаг уклонился от ответа, Президиум Народной палаты счел своим долгом самостоятельно направить указанную просьбу правительствам четырех держав [2].

В правительственном заявлении, оглашенном О. Гротеволем в Народной палате ГДР 14 марта 1951 г., была показана несостоятельность возражений западногерманской стороны против переговоров между ГДР и ФРГ и отмечено, что проведению общегерманских выборов должно предшествовать образование общегерманского органа, для того чтобы договориться относительно всех вопросов, которые следует разрешить для достижения единства, совместной работы над мирным договором и особенно для проведения общегерманских выборов. В заявлении подчеркивалось, что правительство и Народная палата ГДР «всегда готовы направить полномочных представителей, чтобы совместно с представителями Федеральной республики обсудить условия проведения» свободных, всеобщих, равных и прямых выборов при тайном голосовании [3]. «Я полагаю,— от-

[1] «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики. От образования ГДР (7 октября 1949 г.) до заявления о суверенитете (25 марта 1954 г.)». М., 1955, стр. 42—43.

[2] Там же, стр. 43—44.

[3] Там же, стр. 56—57.

метил премьер-министр ГДР О. Гротеволь,— что представители самого народа из всех частей Германии и от всех слоев ее населения должны сесть за один стол» [1].

3—5 июня в ГДР состоялся народный опрос, в ходе которого преобладающее большинство населения высказалось против ремилитаризации Западной Германии и за заключение мирного договора.

Однако послевоенное мирное урегулирование в центре Европы не входило в расчеты империалистических держав. В 1951 г. их дипломатия предприняла еще один маневр, направленный на срыв мирного урегулирования. 9 июля США, Англия и Франция объявили о прекращении состояния войны с Германией. Это представляло собою попытку прибегнуть к такой юридической формуле, которая одновременно позволила бы обойти мирный договор и сохранить оккупационный режим в Западной Германии, приспособив его к требованиям западных держав [2]. В заявлении министра иностранных дел ГДР, опубликованном по этому поводу 17 июля 1951 г., отмечалось, что подлинный смысл упомянутой акции состоит в устранении последних формальных препятствий на пути к скорейшему включению ФРГ в агрессивную систему НАТО и к превращению ее более быстрыми темпами в плацдарм для войны против СССР, ГДР и других стран народной демократии [3].

В ФРГ ширились преследования демократически настроенных представителей различных слоев населения, в том числе и сторонников переговоров с ГДР. Одновременно освобождались военные преступники. Правительство Аденауэра протащило 11 июля 1951 г. закон, по которому можно было подвергать уголовному преследованию организации и лиц, чья деятельность будет объявлена «опасной для государства». В 1951 г. начался антиконституционный процесс против КПГ.

15 сентября Народная палата ГДР обратилась в бундестаг ФРГ с предложением провести общегерманское совещание представителей обоих германских государств и обсудить на нем вопросы: о проведении свободных общегерманских выборов с целью создания единой демократической и миролюбивой Германии и об ускорении заключения мирного договора с Германией. При этом правительство ГДР, желая облегчить взаимопонимание и договоренность, шло на компромисс и согласилось не настаивать на паритетном составе такого совещания [4].

---

[1] «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики», стр. 60.

[2] АВП СССР.

[3] См. «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики», стр. 70.

[4] «Neues Deutschland». Berlin, 16. IX. 1951.

Конструктивная позиция ГДР, призыв ее правительства «Немцы за один стол» поставили западногерманскую дипломатию в сложное положение. 27 сентября Аденауэр объявил положение об «общегерманских выборах» (оно было одобрено бундестагом ФРГ), состоящее из 14 пунктов; в нем, однако, отвергалось предложение об общегерманских совещаниях. В положении говорилось о проведении выборов «под международной протекцией и контролем» и предлагалось, чтобы нейтральная международная комиссия под наблюдением ООН расследовала бы на месте, возможно ли проведение во всей Германии свободных выборов в существующих условиях. В письме председателю союзной верховной комиссии в Германии от 4 октября того же года канцлер ФРГ просил три правительства поставить данный вопрос перед ООН [1].

В новом заявлении Народной палаты ГДР (от 10 октября) указывалось, что многие из пунктов, названных Аденауэром, приемлемы, а по спорным могли бы быть проведены переговоры [2]. Однако западногерманская сторона не пожелала воспользоваться реальными возможностями для достижения договоренности с ГДР о проведении общегерманских выборов.

15 октября верховная комиссия трех держав ответила канцлеру ФРГ, что она одобряет инициативу федерального правительства, и сообщила, что предпримет соответствующие действия при первой подходящей возможности [3].

2 ноября правительство ГДР поручило соответствующей комиссии разработку положения о выборах. В тот же день западногерманской стороне было сообщено согласие ГДР с проведением во всех частях Германии проверки предпосылок для свободных выборов с единственным условием, что этим будет заниматься общегерманская комиссия, которая могла бы контролироваться представителями оккупационных держав. И на этот раз инициатива ГДР была оставлена в Бонне без внимания. Правительство Аденауэра пугал тот факт, что миролюбивая политика и деловые предложения Советского Союза, ГДР и других стран народной демократии находили все большую поддержку у западногерманского населения.

18 сентября 1951 г. на конференции министров иностранных дел США, Англии и Франции в Вашингтоне был принят план создания Европейского оборонительного сообщества, в соответствии с которым западногерманские контингенты должны были войти в «европейскую армию», призванную стать частью вооруженных сил НАТО. Предусматривалось, что одновременно с

---

[1] АВП СССР.
[2] «Neues Deutschland». Berlin, 11. X. 1951.
[3] АВП СССР.

созданием этой армии оккупационный статут в ФРГ будет заменен «договорными отношениями» с тремя державами. Проект «общего договора», регулирующего их отношения с ФРГ, был одобрен совещанием министров иностранных дел трех держав с участием Аденауэра 22 ноября 1951 г. в Париже.

Маневры дипломатии западных стран в ООН (ноябрь — декабрь 1951 г.)

В условиях, когда боннская дипломатия уже не могла открыто отвергать конструктивные предложения ГДР, империалистические державы решили пойти на использование послушной им машины голосования в ООН. 6 ноября 1951 г., накануне 12-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Париже, государственный секретарь США Ачесон направил генеральному секретарю ООН письмо, в котором по согласованию с Англией и Францией просил включить «в качестве дополнительного пункта, имеющего важный и срочный характер», в повестку дня сессии следующий вопрос: «Назначение беспристрастной международной комиссии под наблюдением Объединенных наций для проведения одновременного расследования в Федеративной Республике Германии, в Берлине и в советской зоне Германии для того, чтобы определить, существуют ли там условия, позволяющие провести во всех этих районах действительно свободные выборы» [1]. К обсуждению этого вопроса на Генеральную Ассамблею были приглашены представители ГДР и ФРГ.

Главной задачей дипломатии западных стран было подготовить условия для ликвидации ГДР и включения таким путем «объединенной» Германии в военные агрессивные группировки. Об этом свидетельствовала и позиция Бонна.

Отвечая на вопрос о планах включения Западной Германии в «европейскую армию», представитель ФРГ фон Брентано заявил: «Эта проблема не имеет ничего общего с вопросом о единстве Германии. Наш долг — привести всю Германию в сообщество наций и, возможно,— в оборонительную общность, чтобы сопротивляться нападению извне».

19 декабря 1951 г. Политический комитет, а на следующий день Генеральная Ассамблея механическим большинством голосов приняли навязанное империалистическими державами незаконное решение назначить международную комиссию (в составе Бразилии, Нидерландов, Исландии, Пакистана и Польши). После завершения деятельности этой комиссии предполагалось созвать совещание представителей правительств СССР, США, Англии и Франции «для обсуждения вопроса о скорейшем проведении свободных выборов» в обоих германских государствах, включая создание соответствующих условий там, где это необхо-

[1] АВП СССР.

дпмо. Это решение, противоречащее Уставу ООН, отражало стремление империалистической дипломатии уклониться от проведения подлинно демократических общегерманских выборов, узаконить вмешательство во внутреннпе дела немцев и навязать им иностранную опеку.

Советское правительство признало незаконным решение Генеральной Ассамблеи, поскольку оно противоречило Уставу ООН, в частности его ст. 107. В ноте от 9 апреля 1952 г. правительство СССР высказало мнение, что проверка могла бы быть проведена комиссией, образованной четырьмя державами, которые выполняют оккупационные функции [1]. Позднее, 23 августа, оно заявило, что наиболее эффективной была бы комиссия, образованная из самих немцев с согласия указанных держав [2]. Аналогичной позиции придерживалось правительство ГДР [3].

Правительство ПНР отклонило участие в комиссии, деятельность которой, по его мнению, была бы вмешательством во внутренние дела. Правительство ГДР с согласия советских органов воспрепятствовало въезду комиссии в ГДР.

Состоявшийся в 1950—1952 гг. обмен мнениями по вопросу об общегерманских выборах и другим, связанным с этим вопросам показал, что правящие круги западных держав не стремятся к их урегулированию.

2. Советский проект Основ мирного договора с Германией от 10 марта 1952 г.

Предложения СССР о заключении мирного договора (март 1952 г.)

В конце 1951 — начале 1952 г. активизировались действия дипломатии западных держав, направленные на скорейшее осуществление планов ремилитаризации ФРГ. Советское правительство выступило против планов создания Европейского оборонительного сообщества, указало, что создание «европейской армии» — это форма легализации германского милитаризма. Однако состоявшаяся в феврале 1952 г. в Лиссабоне сессия Совета НАТО вновь высказалась за создание «европейской армии» с участием в ней воинских контингентов ФРГ.

В создавшейся обстановке становилась, как никогда, актуальной и не терпящей отлагательств задача заключения германского мирного договора в духе решений Потсдамской конференции. Перед социалистической дипломатией стали важные

---

[1] См. «Правда», 11 апреля 1952 г.
[2] См. «Правда», 24 августа 1952 г.
[3] «Neues Deutschland», 2. XI. 1952.

задачи. Прежде всего продолжалось разоблачение (как это было сделано, например, в ноте правительства СССР от 11 сентября 1951 г.) [1] политики западных держав по ремилитаризации ФРГ. В 1952 г. социалистическая дипломатия навязала этим державам диалог по вопросу заключения мирного договора.

13 февраля 1952 г. правительство ГДР обратилось к правительствам СССР, США, Англии и Франции с просьбой ускорить заключение мирного договора с Германией [2]. Одновременно в послании правительству ФРГ была выражена надежда, что оно присоединится к предложениям ГДР, отвечающим желаниям и интересам немцев [3].

С марта по сентябрь между СССР, с одной стороны, США, Англией и Францией — с другой, имел место обмен рядом нот. Аденауэр в своих «Воспоминаниях» посвятил этому специальную главу, назвав ее «Русское нотное наступление» [4].

10 марта 1952 г. Советское правительство в нотах правительствам США, Англии и Франции предложило безотлагательно обсудить вопрос о послевоенном мирном договоре, имея в виду подготовку в ближайшее время согласованного проекта и представление его на рассмотрение соответствующей международной конференции с участием всех заинтересованных государств. По мнению правительства СССР, мирный договор должен был быть выработан при непосредственном участии общегерманского правительства. Оно заявило, что СССР, США, Англия и Франция должны рассмотреть вопрос об условиях, благоприятствующих скорейшему образованию такого правительства, выражающего волю немцев.

Одновременно Советское правительство предложило свой проект Основ такого мирного договора. В этом документе подчеркивалась небходимость ускорить заключение мирного договора, который «должен обеспечить устранение возможности возрождения германского милитаризма и германской агрессии»; обращалось внимание на то, что заключение мирного договора будет содействовать развитию единого, независимого, демократического и миролюбивого государства в соответствии с потсдамскими постановлениями. При этом указывалось, что подготовка мирного договора должна осуществляться при участии общегерманского правительства. Советский проект предусматривал вывод оккупационных войск и ликвидацию иностранных военных баз не позднее чем через год после вступления договора в силу, обеспечение

---

[1] См. «Правда», 12 сентября 1951 г.

[2] См. «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики», стр. 73—75.

[3] См. там же, стр. 75.

[4] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 63—131.

населению демократических прав, создание условий для свободной деятельности прогрессивных партий и организаций, запрещение враждебных демократии и миру организаций, освобождение Германии от обязательств политического и военного характера, вытекающих из договоров и соглашений, заключенных правительствами ФРГ и ГДР. Проект содержал обязательство будущего германского государства не вступать в коалиции и военные союзы, направленные против любого государства, принимавшего участие в войне против фашизма. Его территория определялась границами, установленными Потсдамской конференцией. Для развития мирной экономики, торговли, мореплавания, для доступа на мировые рынки не устанавливалось никаких ограничений. Кроме того, оно могло бы иметь необходимые для обороны национальные вооруженные силы. Проект предусматривал, что подписавшие мирный договор государства поддержат просьбу будущего государства о приеме в ООН [1].

Предложения СССР нашли широкий отклик у общественности, но были враждебно встречены противниками послевоенного мирного урегулирования, которые стали на путь проволочек и затягивания обсуждения предложений, внесенных Советским Союзом. Это был прежний курс на срыв мирного урегулирования, на ремилитаризацию ФРГ.

Основная борьба развернулась, как и прежде, по вопросу о том, каким должно быть новое государство — миролюбивым и демократическим государством, как предусматривали Потсдамские решения и на чем настаивали СССР, ГДР и другие социалистические страны, или ремилитаризованным государством, включенным в замкнутые военно-политические и экономические группировки империализма.

Комментируя предложения СССР, Аденауэр отмечал: «Единая Германия, создания которой требовали русские в своих нотах, нейтрализованная и построенная на основе Потсдамских соглашений,— такая Германия была для нас невозможна» [2]. Расчеты боннской дипломатии строились на том, чтобы добиться воссоздания государства, которое бы основывалось на возрожденном военно-промышленном потенциале ФРГ и на союзе ее с НАТО. Аденауэр признает, что в этом он видел «единственное средство приблизить воссоединение в условиях свободы», т. е. осуществить воссоединение путем «поглощения» ГДР [3].

В лагере западных держав развернулся оживленный обмен мнениями вокруг подготовки ответа на предложения СССР. Рассказывая о переговорах по указанному вопросу между пред-

---

[1] См. «Правда», 11 марта 1952 г.
[2] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1945—1953, S. 548.
[3] Ibid., S. 539.

ставителями трех западных держав и ФРГ в Париже, Аденауэр признавал, что им приходилось учитывать общественное мнение. «Сказать стопроцентное «нет» в ответ на советскую ноту тоже было бы неправильно... Ответная нота союзников ни в коем случае не должна создавать впечатления, будто они, чего доброго, не заинтересованы в воссоединении»[1].

В ответных нотах от 25 марта правительства США, Англии и Франции не высказались по существу советского проекта. Они заявили, что обсуждение мирного договора будет возможно после проведения «свободных выборов» и сформирования «свободного общегерманского правительства», способного принять участие в таком обсуждении. В нотах содержалось требование, чтобы предпосылки для проведения таких выборов были проверены с помощью ООН [2].

9 апреля 1952 г. Советское правительство вновь призвало западные державы приступить к рассмотрению мирного договора, вопроса о создании общегерманского правительства, о проведении свободных выборов в обоих германских государствах. Требование о назначении упомянутой в нотах международной комиссии, как противоречащее статье 107 Устава ООН, было отклонено [3]. Стремясь найти выход для скорейшего решения вопроса, Советское правительство не возражало, чтобы комиссия, образованная 4 державами, осуществила проверку наличия условий для проведения выборов.

США, Англия и Франция продолжали настаивать на своих противоречивых и несостоятельных установках. С одной стороны, они на словах признавали необходимость заключения мирного договора, создания единого государства, а с другой — на практике делали все для того, чтобы не допустить решения этих вопросов.

Двойственная политика и обструкционистская дипломатическая тактика западных держав были разоблачены в ряде документов Советского правительства, в том числе в его нотах от 24 мая [4] и 23 августа 1952 г. [5] Кроме упомянутых выше предложений оно высказалось за созыв совещания четырех держав для обсуждения на нем наиболее важных вопросов, в том числе вопроса о сроках вывода оккупационных войск. Советское правительство настаивало на участии при рассмотрении соответствующих вопросов представителей ГДР и ФРГ.

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 75.

[2] «Europa-Archiv 1952», S. 4833-4; «Keesing's Archiv der Gegenwart 1952», S. 3404A (далее: KEESA); «Department of State Bulletin», 7. IV. 1952, p. 530; «Documents on Germany 1944—1961», p. 119.

[3] См. «Правда», 11 апреля 1952 г.

[4] См. «Правда», 25 мая 1952 г.

[5] См. «Правда», 24 августа 1952 г.

Развертывавшаяся по инициативе СССР дискуссия вокруг мирного урегулирования в Европе вызвала раздражение у реакционных кругов западных стран. Испытывая определенное давление со стороны общественности, правящие круги США, Англии и Франции вынуждены были продолжать обсуждение поставленных Советским Союзом вопросов. Правительство Аденауэра, опасаясь уступок со стороны Запада Советскому Союзу, пыталось, в свою очередь, оказать нажим на своих партнеров.

Комплекс предложений, внесенных советской стороной в 1952 г. по германским делам, был отклонен тремя державами в их нотах [1]. США, Англия и Франция не решились выйти за рамки нотной переписки и сесть с Советским Союзом за стол переговоров. Они воспрепятствовали и переговорам между представителями ГДР и ФРГ, стали на путь форсирования заключения уже подготовленных ими соглашений с правительством ФРГ, направленных на углубление раскола, ускорение ремилитаризации ФРГ.

Боннский и Парижский договоры (май 1952 г.)

26 мая 1952 г. представители США, Англии, Франции и ФРГ (Д. Ачесон, А. Иден, Р. Шуман и К. Аденауэр) подписали в Бонне так называемый «общий» договор — «Договор об отношениях между Федеративной Республикой Германии и тремя державами» [2]. Он оформил отмену оккупационного статута. (Союзническая верховная комиссия была распущена, между тремя державами и ФРГ устанавливались дипломатические отношения.) Договор предоставил Западной Германии «полноту власти» во внутренней и внешней политике (ст. 1) [3]. Это, по словам Аденауэра, обеспечило ФРГ «международно-правовую предпосылку» для заключения договора о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС) [4].

Боннский договор предусматривал участие ФРГ в ЕОС, т. е. в «европейской армии», включение ее «в состав европейского со-

---

[1] См. ответные ноты США, Англии и Франции: от 13 мая («Europa-Archiv 1952», S. 4963ff; «KEESA 1952», S. 3465A; «Department of State Bulletin», 26. V. 1952, p. 817 и далее), от 10 июля («Europa-Archiv 1952», S. 5093f; «KEESA 1952», S. 3556B; «Department of State Bulletin», 21. VII. 1952, p. 92 и далее); от 23 сентября («Europa-Archiv 1952», S. 5207f; «Department of State Bulletin», 6. X. 1952, p. 517 и далее).

[2] «Vertrag über die Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und den drei Mächten. Herausgegeben v. Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung». Bonn. 1952; «Archiv des Völkerrechts», Bd. 3, 1951/1952, S. 438ff; «The American Journal of International Law», 1952, N 4, p. 701 (и далее); 1953, N 1, p. 107—114.

[3] При этом США, Англия и Франция сохранили за собой (ст. 2) права, касающиеся: а) размещения их вооруженных сил в ФРГ и защиты их безопасности, б) Берлина и в) Германии как целого, включая вопрос о ее воссоединении и мирном урегулировании.

[4] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1945—1953, S. 537.

общества, которое, в свою очередь, включено в состав развивающегося атлантического сообщества» [1]. США, Англия и Франция обеспечили себе право объявлять в ФРГ чрезвычайное положение в случае нападения на ФРГ или Западный Берлин, нарушения порядка с целью переворота или нарушения общественной безопасности. Каждый командующий наделялся правом под предлогом «непосредственной угрозы подчиненным ему вооруженным силам» принять любые меры, вплоть до «применения оружия для устранения угрозы». В тексте договора не был установлен срок его действия. США, Англия и Франция закрепили за собой право держать свои войска на территории ФРГ «до достижения мирного урегулирования и воссоединения Германии». За иностранными военными гарнизонами сохранялись многие привилегии оккупационного режима. ФРГ обязывалась возмещать до 50% валютных расходов по содержанию английских, французских и американских войск на своей территории, приобретая на соответствующие суммы вооружение в США и Англии.

На следующий день, 27 мая, министры иностранных дел Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга подписали в Париже «Договор об учреждении Европейского оборонительного сообщества». Он состоял из 132 статей, ряда протоколов и соглашений. Согласно договору, учреждалось Европейское оборонительное сообщество «наднационального характера с общими органами, общими вооруженными силами и общим бюджетом» (ст. 1). Статьи 2 и 5 предусматривали, что оно «действует в рамках НАТО и в тесном сотрудничестве с ней». В создаваемую «европейскую армию» должны были выделить: Франция — 14 дивизий, ФРГ и Италия — по 12, Бельгия, Нидерланды и Люксембург (вместе) — 5 дивизий. Эта армия поступала в распоряжение верховного командующего вооруженными силами НАТО в Европе. В Парижском договоре подробно говорилось об органах ЕОС, об их структуре, функциях и полномочиях [2].

Боннский и Парижский договоры, с точки зрения поставленных перед ними задач, были единым комплексом документов. Основное их назначение определялось задачей ремилитаризации ФРГ и включения ее в агрессивные мероприятия Запада.

В соответствии с этими договорами расширилась международно-правовая база внешнеполитической деятельности правительства ФРГ. Она укрепила политические и военные связи с западными державами-победительницами и с их помощью мог-

[1] «Archiv des Völkerrechts», Bd. 3, 1951/52, S. 438.

[2] «Documents of American Foreign Relations, 1952», New York, 1953, p. 234—248.

ла теперь широким фронтом развернуть ремилитаризацию страны. Вот почему К. Аденауэр считал, что среди подписанных документов договору о ЕОС «принадлежал абсолютный приоритет» [1]. По Боннскому договору, отмечал он далее, ФРГ «вернула себе свободу действия во всех областях. Она обрела способность вступать в договорные и союзные отношения» [2].

Боннско-парижский комплекс соглашений 1952 г. был результатом острой дипломатической борьбы между странами, подписавшими их, прежде всего между США, Англией, Францией и ФРГ. В этой борьбе США оказывали сильный нажим на своих партнеров по НАТО, особенно на Францию. Среди противников советских предложений отнюдь не было единодушия, в том числе и по ряду важных вопросов [3]. В целом же западные державы, руководствуясь эгоистическими установками, пошли на далеко идущие уступки Бонну. По оценке Аденауэра, «с образованием ЕОС ФРГ устанавливала прочную связь с Атлантическим пактом» [4].

Дипломатические акции социалистических государств осложняли реализацию проектов ремилитаризации ФРГ. Вот почему правящие круги стран — участниц ЕОС стремились возможно скорее протащить договоры через парламенты. При этом большую активность развила дипломатия США. Аденауэр не скрывал, что оказывался нажим и на Бонн. В феврале 1953 г. ряд стран Западной Европы посетил государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес. В свою очередь, дипломатия ФРГ не переставала оказывать нажим на будущих партнеров по ЕОС с целью ускорить вступление в силу Боннского и Парижского договоров. Бундестаг ФРГ первым ратифицировал (19 марта 1953 г.) эти договоры.

Включение в ЕОС ФРГ и ее обязательство выделить крупный военный контингент в «европейскую армию» было грубым нарушением постановления Потсдамской конференции 1945 г., попыткой легализовать и ускорить возрождение западногерманского милитаризма. ЕОС было нацелено против социалистических государств, демократических сил в западноевропейских странах. Советский Союз, ГДР и другие миролюбивые государства решительно осудили проект создания Европейского оборонительного сообщества.

20 марта все фракции Народной палаты и Палаты земель ГДР опубликовали совместное заявление, в котором подчеркну-

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1945—1953, S. 538.

[2] Ibid., S. 537.

[3] *Arnulf Baring.* Aussenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie Bonns Beitrag fur Europäischen Verteidigungsgemeinschavt. R. Oldenbourg Verlag. München und Wien, 1969.

[4] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1945—1953, S. 537.

ли, что ратификация Боннского и Парижского договоров «осуществлена вопреки воле немецкого народа, при насильственном подавлении его права на национальное самоопределение, в нарушение конституции и международного права, в нарушение достигнутых в Ялте и Потсдаме союзных соглашений...» [1].

В отличие от США, Англии и Франции Советский Союз твердо и последовательно отстаивал потсдамский курс, добивался урегулирования актуальных проблем, связанных с германскими делами, сохранением мира и безопасности в Европе. 15 августа 1953 г. СССР обратился к трем державам с предложением созвать в течение шести месяцев конференцию представителей четырех держав для рассмотрения вопроса о подготовке послевоенного мирного договора. Советское правительство считало, что скорейшему решению этой актуальной проблемы способствовало бы образование временного общегерманского правительства путем достижения договоренности между парламентами ГДР и ФРГ. Временное правительство должно было бы подготовить и провести свободные выборы, в ходе которых немецкий народ высказал бы свое мнение об общественном и государственном устройстве демократической Германии. На совещании предлагалось обсудить вопросы о комиссии по проверке наличия условий для осуществления выборов, о сроке вывода оккупационных войск. СССР выступил за то, чтобы в совещании при рассмотрении соответствующих вопросов участвовали представители ГДР и ФРГ.

Кроме того, правительство СССР обратилось к трем державам с призывом облегчить финансово-экономические обязательства, связанные с последствиями войны. К советской ноте был приложен упомянутый выше проект Основ мирного договора с Германией [2]. Однако США и их союзники отклонили советские предложения. В том же месяце Советский Союз предпринял новые шаги, которые способствовали упрочению позиций миролюбивого немецкого государства — ГДР, внесли вклад в урегулирование комплекса вопросов, имеющих отношение к территории бывшего рейха.

Переговоры между СССР и ГДР (август 1953 г.)

20—22 августа 1953 г. в Москве состоялись переговоры между правительствами СССР и ГДР, в ходе которых были обсуждены вопросы, касающиеся развития отношений между обоими государствами, а также другие назревшие вопросы. Результаты переговоров были отражены в совместном коммюнике и Протоколе о прекращении взимания германских ре-

[1] «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики. От образования ГДР (7 октября 1949 г.) до заявления о суверенитете (25 марта 1954 г.)», стр. 76.

[2] См. «Правда», 17 августа 1953 г.

параций и о других мерах по облегчению финансово-экономических обязательств ГДР, связанных с последствиями войны. ГДР поддержала предложение СССР о заключении мирного договора и созыве в ближайшее время мирной конференции.

Стороны заявили, что должно быть устранено ненормальное положение, при котором по истечении многих лет с момента окончания войны в Европе не имеется мирного договора. «С этой целью,— говорилось в совместном коммюнике,— должна быть созвана в ближайшее время мирная конференция, причем должно быть обеспечено участие представителей Германии на всех стадиях подготовки мирного договора, а также на мирной конференции. Для восстановления национального единства Германии на мирных и демократических началах» должно быть создано путем непосредственного соглашения между ГДР и ФРГ временное общегерманское правительство, «главной задачей которого будет подготовка и проведение общегерманских свободных выборов, в результате которых немецкий народ сам, без вмешательства иностранных государств, разрешит вопрос об общественном и государственном строе» будущего государства [1].

В ходе московских переговоров стороны согласились относительно проведения ряда политических и экономических мероприятий, направленных на оказание помощи в дальнейшем развитии народного хозяйства ГДР и в деле повышения материального благосостояния ее населения. При этом учитывалось, что ГДР за истекшие годы добросовестно выполняла свои обязательства перед Советским Союзом и что благодаря усилиям демократических сил она является «важным фактором борьбы за мир в Европе» [2].

Советское правительство приняло решение прекратить с 1 января 1954 г. взимание репараций с ГДР [3], безвозмездно передать в собственность ей находящиеся в Германии советские предприятия; сократить размеры расходов ГДР, связанные с

---

[1] «Итоги переговоров между Советским правительством и правительственной делегацией Германской Демократической Республики». М., 1953, стр. 4.

[2] Там же, стр. 5.

[3] В письме Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина премьер-министру ГДР О. Гротеволю от 15 мая 1950 г. сообщалось, что Советское правительство, по согласованию с правительством Польши, приняло решение сократить остающуюся к выплате сумму репарационных платежей (к концу 1950 г. репарационные обязательства будут выполнены в сумме 3658 млн. долл.) на 50%, т. е. до 3171 млн. долларов и, кроме того, рассрочить уплату указанной суммы. Согласно Протоколу 1953 г., ГДР освобождалась от остатка платежей в счет репараций, который составлял на 1. I 1954 г. 2537 млн. долл. (общая сумма репарационных платежей, причитающихся Советскому Союзу, была определена в 10 млрд. долл.). («Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 24—25).

пребыванием советских войск на ее территории, до суммы, не превышающей 5% доходов ее государственного бюджета; освободить ГДР от уплаты задолженности по внешним оккупационным расходам, образовавшимся с 1945 г., и от уплаты Советскому Союзу послевоенных государственных долгов [1].

В связи с обращением правительства ГДР была достигнута договоренность об освобождении от дальнейшего отбывания наказания немецких военнопленных, осужденных за преступления во время войны (за исключением лиц, совершивших особо тяжкие преступления). Стороны договорились также о преобразовании миссий в Москве и Берлине в посольства и об обмене послами [2].

Итоги переговоров были единодушно одобрены населением ГДР, они нашли положительный отклик и в прогрессивных кругах ФРГ. Советский Союз вновь продемонстрировал свой конструктивный подход к решению германских дел.

В конце 1953 — начале 1954 г. по инициативе СССР снова имел место обмен мнениями по дипломатическим каналам относительно организации встречи представителей четырех великих держав.

3. Берлинское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции

Борьба СССР за созыв совещания

В середине 50-х годов обстановка продолжала изменяться в пользу сил мира, демократии и социализма. На дальнейший ход дипломатической борьбы оказали влияние три важных события 1953 г.: провал корейской авантюры, затеянной военно-промышленным комплексом США, и контрреволюционного путча 17 июня, спровоцированного на территории ГДР империалистической реакцией, а также испытание в Советском Союзе первой в мире водородной бомбы. Это отрезвляюще подействовало на наиболее воинственные круги на Западе.

Буржуазной дипломатии было все труднее игнорировать и требования широкой общественности относительно ослабления международной напряженности, развития контактов между Востоком и Западом. Как вспоминал Аденауэр, Черчилль во время встречи с ним в Лондоне 15 мая 1953 г. говорил, что «при оценке существующего положения нельзя не учитывать тенденций в общественном мнении и настроении народов. Мы, сказал

---

[1] «Итоги переговоров между Советским правительством и правительственной делегацией ГДР», стр. 5, 7—9.

[2] Там же, стр. 6.

он, заинтересованы в том, чтобы у английского народа не создалось впечатления, будто наше правительство не предприняло всех возможных шагов в направлении разрядки напряженности» [1].

СССР продолжал борьбу за созыв совещания представителей четырех держав для рассмотрения назревших международных вопросов. В течение августа — декабря 1953 г. СССР 5 раз высказывался за созыв такого совещания. Этот вопрос рассматривался на Вашингтонской конференции министров иностранных дел США, Англии и Франции (10—14 июля 1953 г.). Результатом конференции явилась нота правительства трех держав от 15 июля 1953 г., в которой они соглашались на созыв совещания министров иностранных дел четырех держав. Однако в ноте предлагалось ограничить обсуждение вопросом о назначении комиссии по проверке наличия условий в германских государствах для выборов и в крайнем случае рассмотрением вопроса о выборах в целом. В ответных нотах Советского правительства 4 и 15 августа 1953 г. указывалось, что предложения трех держав могут привести только к ненужным и не могущим дать ничего переговорам, что с того времени, как ФРГ войдет в агрессивный Североатлантический блок, создание нового единого государства станет невозможным. В нотах вновь предлагалось обсудить германский комплекс вопросов, включая проблему восстановления единства и заключения мирного договора. Советское правительство указало на неотложные задачи, связанные с завершением послевоенного урегулирования в Европе: созыв мирной конференции для рассмотрения вопроса о мирном договоре; образование на основе соответствующей договоренности между парламентами ГДР и ФРГ временного общегерманского правительства для подготовки и проведения общегерманских свободных выборов, облегчение финансово-экономических обязательств, связанных с последствиями войны. СССР предложил рассмотреть на совещании с участием КНР мероприятия по уменьшению напряженности в международных отношениях. Хотя эта программа не встретила положительного отклика трех держав, однако они в своих нотах в сентябре 1953 г. были вынуждены заявить, что не выдвигают «никаких предварительных условий, касающихся комиссии по обследованию». В их последующих нотах указывалось, что на совещании любое из четырех правительств будет иметь возможность «изложить свои взгляды по любому из аспектов германского и австрийского вопросов...» [2]. Таким образом, советская точка зрения относительно созыва совещания министров иностранных дел 4 держав победила. В де-

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 205.
[2] «Известия», 5 ноября 1953 г.

кабре 1953 г. главы правительств США, Англии и Франции — Эйзенхауэр, Черчилль и Ланьель, встретившись на Бермудских островах, приняли советское предложение о созыве совещания министров иностранных дел.

В период подготовки совещания боннская дипломатия активизировала свою деятельность. Так, 8 июля 1953 г. Аденауэр направил письмо Даллесу, в котором требовал не допускать никаких уступок Советскому Союзу, призывал всячески «крепить единство Запада» перед лицом «коммунистической угрозы» [1]. В канун совещания правительство ФРГ направило в Берлин группу «наблюдателей» (Г. Бланкенхорн, В. Греве, Ф. фон Эккардт), поселившихся в западноберлинском отеле «Ам Цоо». Они пытались создать вокруг совещания атмосферу пессимизма, безысходности [2].

Конструктивную позицию заняла ГДР. 24 января 1954 г. ее правительство обратилось к совещанию с просьбой допустить представителей ГДР и ФРГ к участию в обсуждении дел [3]. 30 января оно направило совещанию меморандум, в котором сформулировало конкретные предложения, направленные на скорейшее мирное урегулирование и воссоединение на мирных и демократических основах [4].

Берлинское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции 1954 г.

Совещание проходило с 25 января по 18 февраля 1954 г.

По предложению советской делегации на нем были рассмотрены германская проблема и задачи обеспечения европейской безопасности, вопрос об австрийском Государственном договоре и др.

СССР выдвинул конструктивную программу урегулирования важнейших вопросов послевоенной международной жизни [5]. Его делегация подчеркнула, что комплекс вопросов, имеющих отношение к бывшему рейху, является главной нерешенной проблемой послевоенного времени. Основное внимание в советских предложениях уделялось подготовке и заключению мирного договора. На рассмотрение совещания были внесены проект Основ мирного договора, дополненный новыми статьями, отражавшими происшедшие в международной обстановке изменения, и предложения по процедуре подготовки мирного договора и созыву

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 225—226.

[2] См. *П. А. Наумов.* Бонн — сила и бессилие (Записки журналиста). М., 1965, стр. 170.

[3] См. «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики», стр. 123.

[4] Там же, стр. 143—144.

[5] «Берлинское совещание министров иностранных дел четырех держав». Документы I—VI. Приложение к журналу «Новое время», № 5—10, 1954 г.; «Правда», 26 января — 19 февраля 1954 г.

мирной конференции. Так, в проект был включен пункт о том, что на будущее государство не будут налагать каких-либо обязательств политического или военного характера, вытекающих из договоров или соглашений, заключенных ГДР и ФРГ до подписания мирного договора и воссоединения их в единое государство. СССР предложил поручить заместителям министров иностранных дел в течение трех месяцев подготовить проект мирного договора и созвать не позднее октября 1954 г. мирную конференцию для рассмотрения этого проекта. Согласно предложению СССР должно быть образовано временное общегерманское правительство, выведены оккупационные войска и проведены свободные общегерманские выборы. Временное общегерманское правительство целиком взяло бы на себя подготовку и проведение выборов. Советское правительство рекомендовало также полностью освободить страну от уплаты четырем державам послевоенных долгов, облегчить ее финансово-экономические обязательства, связанные с последствиями войны.

Делегация СССР подчеркнула, что немцы должны принять самое непосредственное участие в подготовке мирного договора. Она высказалась за проведение референдума, чтобы население могло ответить, что́ оно поддерживает — планы милитаризации или мирный договор.

Советская делегация решительно добивалась участия в работе Берлинского совещания представителей ГДР и ФРГ.

Советская делегация показала тесную связь германских дел с общим вопросом об обеспечении безопасности в Европе [1]. Она подчеркнула недопустимость того, чтобы будущее государство в целом или какая-либо часть его были вовлечены в группировку вроде Европейского оборонительного сообщества, представляющего собой военный блок одной группы европейских стран, направленный против других государств Европы. Несовместимость вовлечения, например, ФРГ в Европейское оборонительное сообщество с решением задач обеспечения безопасности в Европе была видна уже из того, что «создание такого военного блока государств не только сделает невозможным восстановление национального единства Германии, но и неизбежно поведет к серьезному усилению опасности новой войны в Европе» [2].

По глубокому убеждению Советского правительства, решение этих проблем должно отвечать требованиям обеспечения безопасности в Европе. Достигнуть этого возможно лишь в том случае, если будет создано мирное и демократическое государство, если не будет допущено возрождения его как агрессивной силы.

[1] См. «Берлинское совещание министров иностранных дел четырех держав». Документ I. Приложение к журналу «Новое время», № 5, 30 января 1954 г., стр. 2—3.

[2] Там же, стр. 4.

Только такое решение германской проблемы будет отвечать интересам народов Европы и вместе с тем коренным интересам самого германского народа [1].

Вот почему важное значение имело выдвижение Советским Союзом проекта Общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе. Проект учитывал факт существования двух германских государств и предусматривал возможность участия в предлагаемой системе и некоторых неевропейских государств.

Договор явился бы альтернативой Европейскому оборонительному сообществу. Осуществление советских предложений создало бы благоприятные условия для разрешения вопросов мирного урегулирования в центре Европы.

Выдвинутые Советским Союзом на Берлинском совещании предложения о коллективной безопасности в Европе в случае их принятия тремя державами могли бы в значительной степени содействовать и урегулированию германских дел. Поскольку предложения СССР могли сорвать или затормозить осуществление намерений империалистических держав, они не допустили принятия в Берлине согласованных с СССР постановлений. «Аргументация» при этом сводилась к следующему: «В советском плане,— писал Аденауэр,— говорилось о претворении в жизнь Потсдамских решений во всей Германии». Недовольство канцлера вызвало и требование СССР в целях недопущения иностранного вмешательства «еще до выборов полностью вывести» из обоих германских государств «оккупационные войска, за исключением ограниченных «контрольных контингентов» [2].

В Бонне не скрывали, что их больше всего беспокоило то обстоятельство, как бы не рухнули их расчеты на милитаризацию страны и включение ее в НАТО. «Основой советского плана,— негодовал Аденауэр,— оставалось положение, согласно которому воссоединенная Германия лишалась бы прав вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против какого-либо государства, которое участвовало своими вооруженными силами в войне против Германии». Отрицательно восприняли в Бонне и те положения в советском проекте Основ мирного договора, согласно которым «функции и размеры национальных германских вооруженных сил ограничивались задачами внутреннего характера, охраной границ и осуществлением противовоздушной обороны» [3].

---

[1] «Берлинское совещание министров иностранных дел четырех держав». Документ I. Приложение к журналу «Новое время», № 5, 30 января 1954 г., стр. 4—5.

[2] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 249.

[3] Ibid., S. 250.

Делегации США, Англии и Франции заняли отрицательную позицию в отношении советских предложений. Они отказались пригласить на совещание представителей ГДР и ФРГ. США считали также, что идея нейтрализации Германии означала бы ослабление их позиций в Европе. Империалистическая дипломатия вновь вытащила на свет «план Идена». На сей раз во главу угла было поставлено проведение «свободных» выборов на основе разработанного четырьмя державами избирательного закона под их контролем и в присутствии их войск, в условиях, когда ФРГ была бы участником Парижского и Боннского договоров, т. е. военного блока, направленного против ГДР и других социалистических государств. Заключение мирного договора предусматривалось на самой отдаленной стадии, т. е. отодвигалось на неопределенное время. Что касается будущего объединенного государства, то оно, по расчетам авторов плана, должно быть связано теми обязательствами, которые взяла на себя ФРГ. Этот план не мог служить основой послевоенного урегулирования в Европе. Он противоречил Потсдамскому соглашению, интересам европейской безопасности и национальным интересам самих немцев.

В конце совещания советская делегация сделала новый шаг, предложив создать общегерманские комитеты по вопросам торговли и транспорта, развития культурных, научных и спортивных связей между ГДР и ФРГ. Но даже по этому вопросу из-за отрицательной позиции трех держав не удалось достичь соглашения. На совещании министры трех держав вынуждены были согласиться, что договоры, заключенные с ФРГ, формально не будут обязательными для будущего объединенного государства. Это шло вразрез с позицией боннского правительства, которое не мыслило себе такого развития иначе, как путем распространения на это государство условий Парижского и Боннского договоров.

Итоги и значение Берлинского совещания

Ввиду обструкционистской позиции империалистических держав совещание не пришло к каким-либо согласованным решениям. Официальное коммюнике гласило: «Между четырьмя министрами состоялся всесторонний обмен мнений по германскому вопросу, по вопросам европейской безопасности, а также по австрийскому вопросу, но они не смогли достичь соглашения по этим вопросам» [1].

Государственный секретарь США Даллес на обратном пути из Берлина в Вашингтон специально сделал остановку в Кельне, чтобы лично проинформировать канцлера ФРГ о ходе сове-

[1] «Международные отношения и внешняя политика СССР. Сборник документов (1871—1957 гг.)». М., 1957, стр. 230; «Правда», 19 февраля 1954 г.

щания. Поздно вечером 18 февраля между ними состоялась беседа в аэропорту Ваан. Аденауэр поблагодарил Даллеса «за занятую им в Берлине позицию и проявленную при ее отстаивании решимость» [1]. В ходе беседы Даллес развивал точку зрения, согласно которой между территорией СССР, с одной стороны, и сильным Западом — с другой, должен возникнуть «пояс государств, обладающих известной независимостью, таких, как Польша, Чехословакия, Венгрия и Болгария. Эти страны играли бы роль буфера между объединенной и сильной Европой и Советским Союзом» [2]. Как видно, Даллес и Аденауэр обсуждали вопрос о том, как добиться ослабления социалистического содружества в целом и в первую очередь Советского Союза, как поссорить с ним другие социалистические страны. Показательно, что государственный секретарь США и канцлер ФРГ не обошли в своем обмене мнениями и вопроса об отношениях между СССР и КНР [3].

После Берлинского совещания усилия дипломатии западных держав были направлены на быстрейшую легализацию вооружения ФРГ и включение ее в НАТО. Аденауэр, оценивая политику своих будущих союзников по блоку в 1952—1954 гг., констатировал: «Уже более двух лет политика трех западных оккупирующих держав была направлена на такое укрепление международно-правового статуса Федеративной Республики Германии, которое позволило бы немцам внести свой вклад в дело обороны свободного мира. Мне было известно, что американцы твердо решили добиться этого» [4].

Берлинское совещание министров иностранных дел показало, что дипломатическую инициативу в постановке и обсуждении важнейших вопросов, связанных с германскими делами и европейской безопасностью, продолжал прочно удерживать Советский Союз. Его предложения, продиктованные доброй волей, стремлением добиться мира в Европе, привлекли внимание народов, которые все более настойчиво выступали против возрождения в центре Европы милитаризма и реваншизма. В заявлении об итогах совещания, сделанном вскоре после его окончания министром иностранных дел СССР, подчеркивалось, что решение германских дел «упирается теперь в одну основную проблему: *восстанавливать или не восстанавливать германский милитаризм*» [5]. Советское правительство призвало все европейские го-

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 259.
[2] Ibid., S. 261.
[3] Ibid., S. 264.
[4] Ibid., S. 278.
[5] «Берлинское совещание министров иностранных дел четырех держав». Документ VI. Приложение к журналу «Новое время» № 10, 6 марта 1954 г., стр. 9.

сударства отказаться от создания военных группировок, направленных друг против друга, предложило *образовать единый лагерь всех европейских государств,* стремящихся к обеспечению своей безопасности и укреплению мира в Европе [1].

Новые меры СССР по развитию отношений с ГДР, по упрочению европейской безопасности

В эти годы продолжали развиваться отношения братской дружбы между СССР и ГДР. В заявлении правительства СССР от 25 марта 1954 г. «Об отношениях между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой» говорилось: «Советский Союз устанавливает с Германской Демократической Республикой такие же отношения, как и с другими суверенными государствами. Германская Демократическая Республика будет свободна решать, по собственному усмотрению, свои внутренние и внешние дела, включая вопросы взаимоотношений с Западной Германией» [2]. Советское правительство отменило наблюдение верховного комиссара СССР за деятельностью государственных органов ГДР [3]. Оно приняло к сведению заявление правительства ГДР о соблюдении им обязательств, вытекающих из Потсдамского соглашения. В заявлении Советского правительства указывалось на несовместимость с демократическими принципами и национальными правами немецкого народа введенного США, Англией и Францией «оккупационного статута» для ФРГ, затрудняющего сближение двух германских государств.

В нотах правительства СССР правительствам трех держав от 31 марта 1954 г. выражалось его согласие на участие США в «общеевропейском договоре о коллективной безопасности в Европе». Это выбило из рук противников такого договора один из главных козырей. Кроме того, в ноте говорилось о готовности Советского правительства рассмотреть вместе с заинтересованными правительствами вопрос об участии СССР в НАТО [4]. Отрицательная реакция правящих кругов империалистических государств на последнее предложение вновь подтвердила замкнутый, агрессивный характер Североатлантического договора.

---

[1] См. «Берлинское совещание министров иностранных дел четырех держав». Документ VI. Приложение к журналу «Новое время» № 10, 6 марта 1954 г., стр. 11.

[2] «Правда», 26 марта 1954 г.

[3] За верховным комиссаром сохранялись лишь функции, связанные с «обеспечением безопасности и поддержанием соответствующих связей с представителями оккупационных властей США, Англии и Франции по вопросам общегерманского характера, вытекающим из согласованных решений четырех держав по Германии».

[4] «Правда», 1 апреля 1954 г.

В июле 1954 г. Советское правительство, желая придать начавшейся дискуссии о европейской безопасности конкретный, деловой характер, внесло предложение о созыве общеевропейского совещания, на котором был бы обсужден вопрос о создании системы коллективной безопасности. После отклонения тремя державами и этого предложения Советское правительство в августе 1954 г. высказалось за обсуждение указанного вопроса, а также германских дел на совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции. И снова советская дипломатия натолкнулась на негативную позицию трех западных держав.

4. Парижские соглашения 1954 г.

Действия дипломатии западных стран в связи с провалом планов ЕОС

Развернувшееся в Европе широкое движение против ратификации Боннского и Парижского договоров на данном этапе привело к срыву планов оформления ЕОС. 30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции 319 голосами против 264 (при 12 воздержавшихся) отвергло договор о Европейском оборонительном сообществе. Такой финал, ставивший под угрозу осуществление ремилитаризации Западной Германии и судьбу Боннского договора об отношениях между ФРГ и США, Англией, Францией, вступление в силу которого обусловливалось принятием Парижского соглашения, вызвал тревогу в НАТО, а также в Бонне. Ф. фон Эккардт отмечает, что тогда создалась «сложная и угрожающая», даже «катастрофическая» ситуация для Запада, прежде всего для ФРГ [1].

Еще накануне происшедшего события западногерманская дипломатия пыталась вмешаться в ход событий. В те дни Аденауэр проводил отпуск на курорте Бюлерхоэ (под Баден-Баденом), где его регулярно информировали по телефону обо всем происходившем во французском парламенте. Аденауэр сообщает: «Я запросил нашего посла в Париже Хаузенштейна, не следует ли мне предпринять какой-либо шаг, чтобы добиться перелома. Посол решительно отсоветовал мне что-либо предпринимать. По его мнению, это лишь ухудшило бы положение. Он был прав: повлиять на ход событий я не мог, и мне оставалось лишь ждать трагической развязки. Это были мучительные дни» [2].

1 сентября в Бюлерхоэ состоялось экстренное заседание кабинета ФРГ совместно с председателями фракций правитель-

[1] *Felix von Eckardt.* Ein unordentliches Leben. Lebenserinnerungen, S. 316, 318.

[2] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 298.

ственной коалиции, на котором обсуждались вопросы о консультациях с США и Англией в связи с создавшимся положением, «участие ФРГ в западной обороне» и т. п.

В сентябре — октябре между представителями ведущих империалистических держав происходил обмен мнениями относительно путей, которые могли бы привести в новой ситуации к решению вопроса о ремилитаризации ФРГ и включении ее в военные блоки Запада.

12—13 сентября в Бонне побывал английский министр иностранных дел А. Иден. 16 сентября сюда прибыл Даллес. Аденауэр опасался, что последующий ход событий приведет к тому, что «Германия в ближайшие полгода или год постепенно начнет поворачиваться в сторону Востока», и призывал принять срочные меры.

Улетая 17 сентября в Лондон, Даллес попросил канцлера проводить его до аэропорта, чтобы продолжить разговор в машине. Даллес попросил Аденауэра разъяснить, что он конкретно имел в виду, говоря накануне о «срочных мерах». «Я пояснил далее,— пишет Аденауэр,— что предлагаю в этой связи незамедлительно приступить к строительству казарм для будущих немецких войск, полигонов, аэродромов и т. д., а также организовать в британских и американских воинских частях как на территории ФРГ, так и в США и в Англии боевую подготовку немецких добровольцев для некоторых специальных родов войск» [1]. Государственный секретарь США обещал рассмотреть эти предложения [2].

Большую активность проявила английская дипломатия. В ходе переговоров между США, Англией и рядом других империалистических держав была достигнута договоренность созвать в Лондоне конференцию.

Лондонская (сентябрь) и Парижская (октябрь) конференции 1954 г.

Конференция девяти держав (США, Англия, Франция, Канада, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург), проходившая в Лондоне с 28 сентября по 3 октября, парафировала документы, которые предстояло подписать на следующей конференции в том же месяце в Париже. Оценивая Лондонскую конференцию, фон Эккардт пишет о ее «успехе» (с точки зрения Бонна) и воздает должное английской дипломатии, которая вывела ФРГ из «отчаянной ситуации» [3].

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 310.

[2] Ibid., S. 311.

[3] *Felix von Eckardt.* Ein unordentliches Leben. Lebenserinnerungen, S. 324. См. также: *Г. М. Свердлов.* Лондон и Бонн. Английский империализм и политика перевооружения ФРГ (1955—1963 гг.). М., 1963, стр. 62—66.

В октябре 1954 г. Советское правительство направило США, Англии и Франции ноту с предложением провести совещание четырех держав. В ноте указывалось, что, если дело дойдет до восстановления германского милитаризма и вовлечения ФРГ в агрессивные военные группировки, раскол Германии будет накрепко и надолго закреплен, а ремилитаризованная ФРГ будет угрожать миру в Европе. Однако правительства трех держав не вняли этим предостережениям.

В октябре 1954 г. в Париже состоялась новая конференция девяти государств. Она (как и предшествовавшая ей конференция в Лондоне) протекала в обстановке острой дипломатической борьбы между ее участниками, прежде всего вокруг вопроса о перевооружении ФРГ.

Делегации США и Англии при активной поддержке ФРГ стремились протащить свои планы, оказывая сильный нажим на других участников конференции. Острая дискуссия развернулась относительно размеров «вклада» ФРГ в оборону Запада. Согласно предложению Идена, этот «вклад» должен был состоять из 12 дивизий, 1350 самолетов, подразделений военно-морских сил [1]. Когда началось обсуждение пункта повестки дня «Контроль за военным производством», конференция, по словам западногерманского канцлера, вступила в «первую критическую стадию». Французский министр иностранных дел Мендес-Франс изложил детальный план создания (в рамках Брюссельского пакта) «пула вооружений» с целью координации и стандартизации производства вооружения в Западной Европе. Кроме того, французские предложения предусматривали, что «германские контингенты должны быть отделены от их базы вооружений». На Францию и других участников конференции было оказано сильное давление со стороны США и Англии, вызвавшее «решающий поворот» в работе конференции [2].

Парижские соглашения 23 октября 1954 г.

Важнейшими из Парижских соглашений, принятых 23 октября, были: об окончании оккупационного режима в ФРГ; об отношениях между тремя западными державами и ФРГ, относительно прав и обязанностей иностранных вооруженных сил и их персонала на территории ФРГ; об урегулировании вопросов, возникших в результате войны и оккупации; документы о Берлине и о пребывании иностранных вооруженных сил на территории ФРГ; документы, относящиеся к пересмотру и расширению Брюссельского договора 1948 года, к организации Североатлантического договора и др. [3]

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 331.

[2] Ibid., S. 335.

[3] «Die Pariser Verträge». Berlin 1956; «Keesing's Archiv der Gegenwart, 1954», S. 4804 ff; «Europa-Archiv, 1954», S. 7127 ff.

В нарушение постановления Потсдамской конференции указанные соглашения сняли ограничения наращивания западногерманского военно-промышленного потенциала, легализовали вооружение ФРГ, разрешив ей создание вооруженных сил в составе 12 пехотных дивизий, военно-воздушного и военно-морского флотов, включили ФРГ (а также Италию) в НАТО и в созданный, согласно Парижским соглашениям, Западноевропейский союз. Запрещая ФРГ на словах производство атомного и других видов оружия массового уничтожения, соглашения обходили молчанием возможность получения или приобретения ею такого оружия, а также производства его не на своей территории. Впоследствии «ограничения» в области вооружений, наложенные на ФРГ, не раз пересматривались.

Чтобы ввести в заблуждение общественность, в текст Парижских соглашений было включено заявление правительства ФРГ о том, что оно обязуется «никогда не прибегать к силе для достижения объединения Германии или для изменения нынешних границ» и «разрешать мирными средствами любые споры» с другими государствами. В документах, подписанных США, Великобританией и Францией и касающихся Германии, утверждалось, будто международное положение «препятствует воссоединению Германии и заключению мирного урегулирования», что германские послевоенные границы носят неокончательный характер, что правительство ФРГ якобы является единственным «представителем германского народа в международных делах». Три державы подтвердили сохранение своих «прав» и вооруженных сил в Западном Берлине.

Как отмечалось, на конференции в Париже был оформлен Западноевропейский союз (ЗЕС) — империалистический военный блок, филиал НАТО в Западной Европе. Участниками его стали Англия, Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург. Срок его действия был установлен до 1998 г. ЗЕС был создан на основе так называемого Западного союза, учрежденного по Брюссельскому договору 1948 г. об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной самообороне. Разница между названными союзами заключалась (кроме изменения ряда статей), в частности, в том, что во вновь образованный блок вошли Италия и ФРГ. Парижские соглашения создали ФРГ благоприятные условия для дальнейшего наращивания ею военно-промышленного потенциала, осуществления перевооружения и формирования массовой армии. Специальный протокол «О вооруженных силах ЗЕС» предусматривал военный «вклад» ФРГ первоначально в виде 12 дивизий, а также соответствующих контингентов военно-воздушных и военно-морских сил. В отличие от Брюссельского договора, участники которого брали на себя обязательство принимать совмест-

ные меры против возможного повторения германской агрессии, в Парижских соглашениях оно было заменено обязательством сторон «способствовать единству и поощрять постепенное объединение Европы».

Принятие Парижских соглашений усложнило и обострило международную обстановку, создало запутанный узел противоречий и в самом империалистическом лагере. Однако эти соглашения не могли изменить сложившегося после второй мировой войны соотношения сил в пользу социализма. Это то главное, что недооценивали правящие круги западных держав.

5. Борьба дипломатии социалистических государств против милитаризации ФРГ, за европейскую безопасность

Московское совещание социалистических государств 1954 г.

Советский Союз, другие социалистические государства, прогрессивная общественность убедительно показали агрессивную сущность Парижских соглашений. Борьба против них поднялась на новую ступень. Еще большее значение приобрела мобилизация народов на борьбу против возрождения германского милитаризма и подготовки новой мировой войны. Осуществление Парижских соглашений, как подчеркивалось в ноте правительства СССР правительствам европейских стран, США и КНР от 13 ноября 1954 г., «означало бы, что объединение Германии посредством проведения свободных общегерманских выборов было бы принесено в жертву теперешним планам восстановления германского милитаризма,— этого смертельного врага народов Европы, в том числе и самого германского народа».

В поте отмечалась несовместимость Парижских соглашений с духом и буквой франко-советского Договора о союзе и взаимной помощи 1944 г. и англо-советского Договора 1942 г. о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, которые предусматривали принятие совместных мер, с тем чтобы сделать невозможной новую агрессию со стороны германского милитаризма. В советском документе содержалось предупреждение, что, если Великобритания и Франция ратифицируют эти соглашения, СССР вынужден будет денонсировать договоры 1942 и 1944 гг. В ноте от имени правительств СССР, Польши и Чехословакии (с ними были проведены предварительно соответствующие консультации) предлагался созыв совещания по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе [1].

---

[1] «Правда», 14 ноября 1954 г.

Сформулированные в ноте предложения были правительствами империалистических держав отклонены. Создавшаяся ситуация в Европе потребовала от стран социалистического содружества новых решений и действенных шагов.

С 29 ноября по 2 декабря 1954 г. в Москве проходило совещание восьми европейских социалистических стран (СССР, Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия; КНР была представлена наблюдателем) по обеспечению мира и безопасности в Европе. На нем был дан развернутый анализ международной обстановки и подчеркивалось, что Парижские соглашения «значительно усилили угрозу новой войны» [1]. Эти соглашения, отмечалось на совещании, нельзя рассматривать иначе, как фактический отказ от послевоенного урегулирования в Европе.

Участники совещания заявили, что считают необходимым:

отказ от планов ремилитаризации Западной Германии и ее вовлечения в военные группировки, что устранит главное препятствие на пути воссоединения Германии на миролюбивых и демократических основах;

достижение договоренности о проведении в 1955 г. общегерманских свободных выборов и образование на этой основе общегерманского правительства [2].

Совещание отметило, что в результате принятия этих предложений станет возможным заключение германского мирного договора, являющегося важной предпосылкой для упрочения мира и безопасности в Европе. В принятой на совещании декларации подчеркивалось: «Создавшееся положение ставит в порядок дня задачу объединения усилий государств, представленных на настоящем совещании, с целью обеспечения своей безопасности. Миролюбивые государства вынуждены предпринять безотлагательные меры к тому, чтобы агрессивным силам указанного военного блока западных держав (НАТО.— *Авт.*) противопоставить объединенную мощь миролюбивых государств в интересах обеспечения своей безопасности» [3]. Декларация Московского совещания явилась выражением коллективно выработанной позиции социалистических стран по одному из важнейших вопросов послевоенных международных отношений. Московское совещание внесло новый вклад в борьбу против возрождения западногерманского милитаризма и реваншизма, за урегулирование германских дел в духе Потсдамских соглашений.

---

[1] «Московское совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. Москва, 29 ноября — 2 декабря 1954 года». М., 1954, стр. 159.

[2] Там же, стр. 154.

[3] Там же, стр. 158.

В последующие месяцы Советский Союз предпринял ряд новых важных шагов, направленных на борьбу против возрождения германского милитаризма, на создание общеевропейской системы коллективной безопасности.

Борьба СССР против возрождения германского милитаризма, за обеспечение европейской безопасности (1955 г.)

В заявлении правительства СССР от 15 января 1955 г. была показана опасность перевооружения ФРГ и ее включения в НАТО для всех народов Европы и самих немцев. В нем указывалось, что Советское правительство предлагает до конца года провести всеобщие выборы, в ходе которых население ГДР и ФРГ выразило бы свою волю относительно объединения и будущего устройства нового государства.

Чтобы облегчить достижение соглашения, Советское правительство сочло возможным, в случае согласия правительств ГДР и ФРГ, договориться об установлении соответствующего международного наблюдения за выборами. Это был шаг навстречу позициям трех держав, продиктованный стремлением СССР возможно скорее выработать взаимоприемлемые решения. Осуществление советских предложений способствовало бы восстановлению единства и в последующем заключению с новым государством мирного договора. Советское правительство предостерегало, что переговоры по этому вопросу «потеряют смысл и станут невозможными, если будут ратифицированы Парижские соглашения». Империалистические державы, правящие круги ФРГ отрицательно реагировали на предложения СССР.

В упомянутом заявлении был затронут и вопрос об отношениях между СССР и ФРГ. В нем говорилось: «Советский Союз имеет хорошие отношения с Германской Демократической Республикой. Советское правительство готово также нормализовать отношения между СССР и Германской Федеральной Республикой. В настоящих условиях нормализация отношений между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой могла бы, вместе с тем, содействовать лучшему взаимопониманию и поискам более успешных путей к решению задачи восстановления единства Германии» [1].

25 января был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией». Руководствуясь желанием упрочить дружественные отношения с ГДР и учитывая интересы населения обоих германских государств, Президиум Верховного Совета объявил о прекращении состояния войны с Германией.

---

[1] «Правда», 16 января 1955 г.

В Указе также обращалось внимание на то, что спустя десять лет после окончания военных действий Германия «находится в состоянии раскола и не имеет мирного договора» [1]. Причиной такого ненормального состояния была антипотсдамская политика США, Англии и Франции, нацеленная на ремилитаризацию ФРГ и на втягивание ее в агрессивные группировки. Ввиду этого раскол с годами еще более углубился, а подготовка и заключение германского мирного договора отодвинулись на неопределенный срок.

Новые шаги, предпринятые Советским Союзом, создали благоприятные предпосылки для конструктивного продолжения диалога между СССР, с одной стороны, и тремя западными державами — с другой, по германским делам и европейской безопасности, а также для нормализации отношений между СССР и ФРГ.

Несмотря на активную борьбу миролюбивых сил против ратификации Парижских соглашений, в том числе в самой ФРГ, империалистическим кругам удалось провести их через парламенты. Вступление Парижских соглашений в силу 5 мая 1955 г. резко изменило обстановку в Европе. Западногерманскому милитаризму и реваншизму были созданы условия для ускоренного наращивания военной мощи. ФРГ стала участницей агрессивного Североатлантического блока, своим острием направленного против социалистического содружества.

Советский Союз и другие социалистические государства вынуждены были в создавшейся обстановке пойти на осуществление ряда серьезных мероприятий. 7 мая Президиум Верховного Совета СССР денонсировал советско-английский и советско-французский договоры 1942 и 1944 гг.

С 11 по 14 мая 1955 г. в Варшаве проходило совещание представителей Советского Союза, ГДР, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии и Албании, и 14 мая был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Варшавский Договор). Это был важный шаг на пути укрепления мира и безопасности в Европе, в борьбе против осуществления опасных планов западногерманского реваншизма и его империалистических союзников.

Парижские соглашения воздвигли новые и весьма значительные препятствия на пути решения германских дел на демократической и мирной основе, поскольку возникла новая обстановка: в центре Европы окончательно оформилось в лице ФРГ государство, правящие круги которого проводили политику возрождения милитаризма.

---

[1] «Правда», 26 января 1955 г.

Женевское совещание глав правительств четырех держав (июль 1955 г.) [1]

Усилия Советского Союза и всех миролюбивых сил привели к созыву 18—23 июля 1955 г. в Женеве совещания глав правительств СССР, США, Англии и Франции.

Центральное место в работе совещания заняли проблема обеспечения безопасности в Европе, германские дела. При обсуждении их снова столкнулись две позиции: в то время как дипломатия трех держав пыталась сконцентрировать внимание на восстановлении единого империалистического, милитаристского государства, входящего в агрессивный военный блок, что означало бы угрозу для ГДР и в конечном итоге усиление опасности войны в Европе, Советский Союз добивался устранения этой опасности и недопущения милитаризации ФРГ.

Президент США Д. Эйзенхауэр, выступая на первом заседании 18 июля и затронув прежде всего германские дела, настаивал на «создании общегерманского правительства на основе свободных выборов», имея в виду включение ГДР в ФРГ, на том, что «объединенная Германия имеет право по своему усмотрению осуществлять присущее ей право коллективной самообороны» [2]. Обратило па себя внимание то, что между делегациями западных держав не было единства в этой исходной позиции. Так, представитель Франции Э. Фор заявил: «Нынешпее положение Германии не является причиной международной напряженности; в определенной степени оно является следствием последней» [3]. Несмотря, однако, на отмеченное расхождение, США, Апглия и Франция были едины в стремлении продолжать свой курс на поощрение милитаризации ФРГ. Тот же Э. Фор откровенно признал в ходе совещания, что «воссоединенная Германия по-прежнему будет входить в систему Западноевропейского союза и НАТО» [4].

Делегация СССР показала, что эти планы направлены на подрыв устоев мира и безопасности в Европе, отметив, в частности, в заявлении 18 июля, что «главным препятствием на пути объединения Германии в настоящее время являются ремилитаризация Западной Германии и включение ее в военные группировки западных держав» [5]. Представители трех держав, напротив, стремились вырвать у Советского Союза согласие на включение объединенной Германии в НАТО. Столкнувшись с твердой позицией СССР, главы трех держав согласились, что европейская

---

[1] См. об этом более подробно в гл. XIV.
[2] «Правда», 19 июля 1955 г.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

безопасность и объединение Германии — взаимосвязанные вопросы и что на первое место должен быть поставлен вопрос о европейской безопасности. Советская делегация отклонила предложение в обмен на призрачные «гарантии безопасности» включить будущее объединенное государство в агрессивную военную группировку империалистических государств, направленную против социалистических стран.

Представители США, Англии и Франции защищали Парижские соглашения о ремилитаризации ФРГ и включении ее в НАТО. Они решительно отвергали проведение новым государством (в случае объединения) политики нейтралитета, заявляя, что это государство «не может и не должно быть нейтрализовано», и не скрывали, что им нужна «перевооруженная и пользующаяся возможностью присоединиться к НАТО» Германия. Воссоединение они предлагали осуществить на основе «плана Идена», путем так называемых «свободных выборов» под иностранным, т. е., по существу, под своим контролем.

Иначе говоря, западные державы исходили из необходимости «поглощения» Западной Германией ГДР и включения объединенного по их образцу государства в свои агрессивные военно-политические блоки. Взамен они предлагали Советскому Союзу «гарантии безопасности» в форме ни к чему не обязывающих заявлений США, Англии, Франции, ФРГ и так называемого «пакта пяти».

Ясно, конечно, что эти предложения, представлявшие собой не что иное, как прямое посягательство на ГДР, на безопасность Советского Союза и всего социалистического содружества, не могли быть приняты советской стороной.

Если для западных держав германская проблема была, по словам Д. Эйзенхауэра, проблемой «объединения Германии и создания общегерманского правительства на основе свободных выборов», т. е., по существу, «поглощения» ГДР с целью включения объединенной Германии в НАТО, то Советский Союз иначе подходил к этому вопросу. Для Советского Союза германская проблема заключалась прежде всего в обеспечении мира и безопасности в Европе. Что касается объединения ГДР и ФРГ, эта проблема, как отмечала советская сторона, относилась к компетенции самих германских государств.

Еще в период обмена мнениями с западными державами о подготовке и созыве совещания Советское правительство указывало, что в результате вступления в силу Парижских соглашений создалась принципиально новая обстановка, которая не может не сказаться на подходе к урегулированию послевоенных дел в Европе. Советская сторона указывала, что в нынешних условиях нельзя объединить социалистическую ГДР с ремилита-

ризованной и интегрированной в западный военный блок ФРГ. Советская сторона отмечала, что главное в германской проблеме, существо которой заключается в обеспечении безопасности в Европе,— это предотвращение милитаризации ФРГ и устранение угрозы западногерманского милитаризма. Поэтому нельзя допускать подмены этого основного вопроса подчиненным ему вопросом о проведении выборов.

Эту же линию Советский Союз отстаивал и в Женеве.

Отметив, что «германскую проблему нельзя рассматривать вне связи с ремилитаризацией Западной Германии и ее участием в военных блоках», делегация СССР указывала, что «объединение Германии зависит от того, какими путями будет развиваться Западная Германия, превратится ли она в милитаристское государство, участвующее в военных группировках, или будет избран иной, миролюбивый путь развития, который будет соответствовать национальным интересам немецкого народа» [1] и приведет к созданию миролюбивого и демократического государства. Отметив далее противоположное развитие ГДР и ФРГ и вступление их в противостоящие друг другу группировки, советская сторона подчеркивала, что долг великих держав прежде всего всемерно содействовать установлению между ГДР и ФРГ нормальных отношений.

Обсуждение германских дел на совещании завершилось принятием директивы министрам иностранных дел, в которой говорилось: «Главы правительств, признавая свою общую ответственность за разрешение германского вопроса и за воссоединение Германии, согласились, что разрешение германского вопроса и воссоединение Германии посредством свободных выборов должно быть осуществлено в соответствии с национальными интересами германского народа и интересами европейской безопасности» [2].

Таким образом директива соединила два различных тезиса — западных держав (объединение Германии путем «свободных выборов») и тезис СССР (решение германского вопроса должно быть осуществлено в соответствии с национальными интересами немцев и интересами обеспечения европейской безопасности [3]).

Из тезиса СССР вытекало признание неправомерности как воссоединения Германии в рамках НАТО, так и насилия над населением ГДР. Не удивительно, что эта часть директивы была с удовлетворением встречена демократической общественностью

---

[1] «Правда», 20 июля 1955 г.
[2] «Правда», 24 июля 1955 г.
[3] См. «Правда», 25 июля 1955 г.

и вызвала крайнее раздражение западногерманских милитаристов и реваншистов.

В то же время западные державы активно пытались использовать против Советского Союза ту часть директивы, которая была выгодна им. Встав на путь дипломатической авантюры, правительство К. Аденауэра взяло первую часть женевской директивы (тезис западных держав) и отбросило остальное (тезис СССР), а слова «свободные выборы» истолковало в духе пресловутого «плана Идена». Таким образом оно хотело показать, что Женевское совещание будто бы пришло к выводу о том, что существо германского вопроса заключается в воссоединении Германии, что оно якобы требует проведения так называемых свободных выборов под иностранным контролем и данному вопросу принадлежит приоритет в послевоенных европейских делах. Это была грубая фальсификация, как признают даже более или менее объективные буржуазные ученые на Западе, в частности американский историк Фредерик Шуман и др.

Естественно поэтому, что советская дипломатия решительно выступила против такого произвольного истолкования принятой в Женеве директивы министрам иностранных дел, дав необходимый отпор фальсификаторам.

Выступая на совещании за урегулирование германских дел, советская делегация подчеркивала необходимость с особым вниманием относиться к мнению самих немцев. Благодаря настойчивости советской стороны была достигнута договоренность о возможности консультации четырех министров иностранных дел с представителями ГДР и ФРГ.

Правительство Аденауэра рассчитывало, что на Женевском совещании на высшем уровне западным державам удастся добиться от Советского Союза уступок, в первую очередь относительно «воссоединения» двух германских государств.

Боннская дипломатия не только самым внимательным образом следила за ходом Женевского совещания, но и пыталась вмешиваться в его работу, оказывать соответствующее воздействие на своих союзников. Аденауэр направил послания своим партнерам с призывом занимать твердые позиции. В ответ государственный секретарь США Даллес заверил канцлера, что «нет никаких оснований для беспокойства» [1].

Не прошло и дня после окончания совещания, как канцлер ФРГ направил (25 июля) письмо государственному секретарю США с выражением благодарности за его позицию на совеща-

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen, 1953—1955, S. 470, 471.

нии. В письме говорилось, что «с окончанием Женевской конференции мы вступили в новую фазу отношений между Востоком и Западом, которая является не менее опасной, чем предшествующая». «Я полагаю,— писал Аденауэр,— что сегодня, более чем когда-либо, необходимы бдительность и сотрудничество западных правительств, чтобы действенным образом противостоять этой русской тактике» [1]. Характерно, что, выступая на следующий день, 26 июля, на пресс-конференции, Даллес подтвердил занятую на Женевском совещании позицию западных держав по вопросам европейской безопасности и германским делам [2].

9 августа 1955 г. Аденауэр направил Даллесу новое письмо, в котором, возвращаясь к Женевскому совещанию, подчеркивал, что оно, кроме результатов обсуждения германских дел, было «полным успехом русских» [3].

Совещание глав правительств четырех великих держав 1955 г. явилось крупным международным событием послевоенного времени. Оно показало растущее влияние социалистической дипломатии, народных масс во всем мире на международные отношения.

Итоги совещания были подведены на сессии Верховного Совета СССР в августе 1955 г. В докладе главы Советского правительства отмечалось, что «решение германского вопроса, при наличии Парижских соглашений, следует искать на ином пути — на пути смягчения международной напряженности в Европе, на пути ликвидации существующих военных группировок государств и создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе». В докладе подчеркивалось, что межгерманские отношения «нельзя решать без участия самих немцев» [4].

В принятом Верховным Советом СССР постановлении выражалась уверенность, что Женевское совещание и директивы глав правительств четырех держав министрам иностранных дел явятся новым стимулом для дальнейшего усиления борьбы народов за упрочение мира во всем мире и что миролюбивые народы проявят должную бдительность и необходимую настойчивость для того, чтобы поставленные в Женеве задачи были воплощены в конкретные решения в интересах всеобщего мира и безопасности всех народов [5].

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 472.
[2] Ibid., S. 474.
[3] Ibid., S. 478.
[4] «Правда», 5 августа 1955 г.
[5] См. «Правда», 6 августа 1955 г.

Советская инициатива относительно установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ (июнь 1955 г.)

7 июня 1955 г. Советское правительство направило правительству ФРГ ноту с предложением провести переговоры о нормализации отношений между обоими государствами. Делегация ФРГ была приглашена с официальным визитом в Москву [1]. Это вызвало положительную реакцию в мире и среди самих немцев. Так, опрос населения в ФРГ показал, что 85% опрошенных выступало за поездку канцлера в Советский Союз [2].

Как и в течение предшествующих 10 послевоенных лет, СССР последовательно придерживался духа и буквы решений Потсдамской конференции. Установление дипломатических отношений с ФРГ, развитие взаимовыгодного делового сотрудничества между СССР и ФРГ могло бы способствовать выполнению этих решений.

Советское правительство руководствовалось тем, что этого требуют интересы мира и европейской безопасности, равно как национальные интересы народов СССР и ФРГ. От характера отношений между СССР и ФРГ во многом зависело дело упрочения мира и безопасности в Европе. Их интересам отвечало и налаживание взаимовыгодных связей в области экономики, науки, техники, культуры.

Предложив установить дипломатические отношения с ФРГ, СССР действовал как подлинно великая социалистическая держава, понимающая всю огромную ответственность перед своим народом и народами социалистического содружества за судьбы мира. Советское правительство продемонстрировало принципиальный подход, реализм и дальновидность в определении своих внешнеполитических действий. «Что касается Советского государства,— говорилось в ноте от 7 июня 1955 г.,— то, несмотря на все причиненные ему бедствия во время минувшей войны, оно никогда не руководствовалось чувством мести по отношению к германскому народу».

С международно-правовой точки зрения в рассматриваемое время создались необходимые условия для установления непосредственных отношений между СССР и ФРГ (отмена так называемого оккупационного статута для Западной Германии, хотя сохранялись и ограничения ее внешнеполитических связей; прекращение состояния войны между СССР и Германией и установление между ними мирных отношений).

Советская инициатива была поддержана другими социалистическими странами и всеми миролюбивыми и демократическими силами. Предложения СССР вызвали большой интерес и оживленно обсуждались в ФРГ, в том числе среди ее деловых кругов.

[1] См. «Правда», 8 июня 1955 г.

[2] «Der Spiegel», 1963, N 41, Beilage, S. 40.

Маневры боннской дипломатии

Правительству ФРГ понадобилось более трех недель для подготовки ответа на ноту Советского правительства. В течение этого времени Бонн вырабатывал платформу предстоящих переговоров с СССР, согласовывал свою позицию с США и другими союзниками.

13 июня К. Аденауэр прибыл в Вашингтон. В ходе состоявшейся в тот же день полуторачасовой беседы с государственным секретарем США Даллесом он подробно обсуждал «последствия», вытекающие из ноты Советского правительства, информировал американского партнера о своих планах. Излагая соображения относительно воссоединения и европейской системы безопасности, Аденауэр настоятельно подчеркнул, что нейтрализация «в любом случае неприемлема» для ФРГ [1].

В тот же день Аденауэр был принят в Белом доме президентом Д. Эйзенхауэром. Изложив точку зрения своего правительства в связи с предстоящей встречей глав правительств в Женеве, канцлер подчеркнул, что «Советам нельзя делать никаких уступок, не требуя взамен воссоединения», под которым он понимал «поглощение» ГДР. Президент США заверил, что этого ему, канцлеру, «нечего опасаться» [2].

16—17 июня К. Аденауэр присутствовал на совещании министров иностранных дел США, Великобритании и Франции в Нью-Йорке, имевшем целью согласование позиций накануне обмена мнениями с представителем СССР относительно встречи в верхах (этот обмен мнениями должен был состояться в конце июня 1955 г. в Сан-Франциско, где отмечалась 10-я годовщина основания ООН). Канцлер заявил, что «решение проблемы безопасности на основе раскола Германии невозможно», и получил в этом поддержку со стороны присутствовавших [3]. Министры иностранных дел выразили «полное доверие» намеченному на осень визиту в Москву правительственной делегации ФРГ [4].

На обратном пути из США Аденауэр остановился в Лондоне, где имел беседу с британским премьер-министром А. Иденом.

30 июня правительство ФРГ в ответной ноте выразило согласие с предложением правительства СССР «обсудить вопрос об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений между обеими странами и изучить связанные с этим вопросы». В ноте содержалось предложение, чтобы между посольствами ФРГ и СССР в Париже состоялись «неофициальные переговоры, которые должны служить выяснению этих вопросов» [5].

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 455.
[2] Ibid., S. 460.
[3] Ibid., S. 461.
[4] Ibid., S. 461—462.
[5] «Правда», 6 августа 1955 г.

Дипломатическая переписка между СССР и ФРГ (август 1955 г.)

В августе 1955 г. имел место новый тур обмена нотами между СССР и ФРГ. В ноте Советского правительства от 3 августа констатировалось согласие сторон на проведение переговоров.

По мнению Советского правительства, в ходе их можно было бы рассмотреть вопросы об установлении: 1) дипломатических отношений между СССР и ФРГ и обмене соответствующими документами; 2) торговых отношений между СССР и ФРГ и заключении торгового договора; 3) о развитии культурных связей между СССР и ФРГ и заключении с этой целью соответствующей конвенции. «Советское правительство,— подчеркивалось в ноте,— исходит из того, что установление дипломатических, торговых и культурных отношений между обеими странами не будет, разумеется, связываться ни той, ни другой стороной какими-либо предварительными условиями» [1].

В ответной ноте от 12 августа правительство ФРГ, согласившись в принципе с предложенным кругом вопросов, подлежащих обсуждению на переговорах, заявило, однако, о необходимости обсуждения и таких вопросов, как обеспечение «национального единства» и «освобождение» немцев, которые будто бы «еще задерживаются в настоящее время на территории или в сфере влияния Советского Союза или которым чинятся другие препятствия покинуть названную территорию или указанную сферу влияния» [2]. Таким образом, Бонн занял позицию выдвижения перед советской стороной предварительных условий.

В ответе Советского правительства от 19 августа говорилось, что оно, разумеется, не видит препятствий к обмену мнениями по вопросу о единстве, равно как и по другим международным вопросам, интересующим обе стороны [3].

Фон Эккардт (в 1955—1956 гг. наблюдатель ФРГ при ООН) в своих мемуарах пишет: «Аденауэру не легко давалось решение принять приглашение в Москву» [4]. Немалых трудов стоило Бонну и составление делегации, которой предстояло направиться на переговоры. Фон Эккардт рассказывает о своей беседе с глазу на глаз с канцлером накануне отъезда: «Аденауэр ехал в Советский Союз неохотно. Он знал, что его политическая свобода действий была очень ограниченной не только ввиду твердой по-

---

[1] «Правда», 6 августа 1955 г.
[2] См. «Правда», 20 августа 1955 г.
[3] Там же.
[4] *Felix von Eckardt.* Ein unordentliches Leben. Lebenserinnerungen. Econ-Verlag. Düsseldorf, Wien, 1967, S. 378.

зиции, которую Советский Союз продемонстрировал в Женеве, но и из-за наших союзников, которые рассматривали весь визит с очень смешанными чувствами. Он опасался очутиться между двумя стульями и снова многое потерять в западном мире из завоеванного со столь большим трудом, не имея возможности вернуться из России победителем» [1].

Программы для переговоров, предложенные Советским Союзом и ФРГ, существенно отличались друг от друга, так же как и их подход к определению целей и характера переговоров. В то время как СССР честно и последовательно добивался достижения нормализации отношений между обоими государствами, ФРГ рассчитывала получить от партнера по переговорам уступки по выдвигаемым ею вопросам, а в случае неудачи — сорвать предполагаемую нормализацию отношений и развитие взаимовыгодного сотрудничества.

Московские переговоры (9—13 сентября 1955 г.)

На первом заседании глава делегации СССР изложил программу урегулирования двусторонних отношений между СССР и ФРГ, упрочения мира и безопасности в Европе [2].

К. Аденауэр, выступая на этом заседании, во главу угла поставил вопрос об «освобождении» немцев, еще находившихся в заключении на территории СССР. Он заявил: «Немыслимо установить «нормальные» отношения между нашими государствами до тех пор, пока этот вопрос остается нерешенным» [3]. Затем Аденауэр изложил позицию Бонна относительно «государственного единства Германии». По его словам, не может быть «подлинной безопасности в Европе без восстановления германского единства» [4].

Продолжая настаивать на «воссоединении» в духе «плана Идена», боннская дипломатия не хотела замечать те качественные перемены, которые произошли в связи с вступлением в силу Парижских соглашений. Более того, некоторые ответственные политики ФРГ недвусмысленно заявляли, что и воссоединенное государство будет входить в империалистическую систему союзов и что в этом случае ФРГ готова предоставить Советскому Союзу «гарантии» его безопасности. Лишь тогда, когда будет достигнуто упомянутое «воссоединение», правящие круги

---

[1] *Felix von Eckardt.* Ein unordentliches Leben. Lebenserinnerungen. Econ-Verlag. Düsseldorf, Wien, 1967, S. 382.

[2] АВП СССР.

[3] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 500—501; «Правда», 10 сентября 1955 г.

[4] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 501; «Правда», 10 сентября 1955 г.

ФРГ соглашались обсудить вопрос о создании в Европе «системы безопасности».

Что касается конкретных предложений Советского правительства, то рассмотрение их, по мнению делегации ФРГ, должно было последовать за обсуждением и решением вопросов, выдвинутых ею, а именно «освобождения» немцев, еще находившихся в заключении на территории СССР, и «воссоединения».

В то время как Советский Союз не выдвигал никаких предварительных условий перед партнером, представители ФРГ обусловливали установление дипломатических, торговых и культурных отношений с СССР удовлетворением выдвигаемых ими условий. В ФРГ была развернута провокационная кампания за возвращение будто бы задерживаемых в Советском Союзе «сотен тысяч» немецких военнопленных (по заявлению Аденауэра — 130 тыс.). Советская делегация указала, что немецкие военнопленные, находившиеся в Советском Союзе, уже были освобождены и отправлены на родину. На 1 сентября 1955 г. в СССР оставалось только 9626 военных преступников из бывшей гитлеровской армии, осужденных советским судом за особо тяжкие преступления против советского народа, против мира и человечности. Они провели в заключении уже немало времени. Об облегчении их участи ходатайствовал президент ГДР В. Пик. Делегация ФРГ тоже просила облегчить их судьбы. В ходе переговоров советская делегация заявила, что все 9626 человек будут в зависимости от тяжести совершенных злодеяний либо амнистированы, либо переданы как преступники обоим германским государствам в зависимости от места проживания этих людей до войны. Стороны согласились, что вопрос о репатриации немецких граждан будет обсуждаться отдельно и независимо от вопроса об установлении дипломатических отношений. Что касается вопроса об объединении, то советская сторона указала, что он не может быть правильно разрешен без соответствующих усилий самих немцев.

В ходе переговоров развернулась дипломатическая борьба, доходившая порой до весьма острых ситуаций. Советская делегация была поставлена позицией и акциями партнера в такие условия, которые вынуждали ее на решительный отпор домогательствам и неразумным выпадам. Так, делегация СССР, руководствуясь своим интернационалистическим долгом и братскими узами дружбы с ГДР, твердо выступала в защиту ее интересов, решительно отвергла наскоки на миролюбивое немецкое государство[1]. К. Аденауэр, комментируя ход переговоров, писал, что они «приняли довольно жесткие формы», что

[1] АВП СССР.

они были «скорее похожи на открытый спор, чем на дипломатическую конференцию» [1].

Следуя ленинской традиции открытой дипломатии, делегация СССР предложила предать ход переговоров гласности.

12 сентября состоялось заседание министров иностранных дел Советского Союза и ФРГ. Предприняв новую попытку оказать нажим, фон Брентано предложил принять текст, в котором бы отмечалось, что ход переговоров «не позволяет ожидать», чтобы в течение короткого времени, находящегося еще в распоряжении делегаций, удалось договориться по обсуждаемым вопросам [2]. Представители ФРГ предложили рассматривать московские переговоры «как первый шаг к дальнейшим стараниям достичь сближения позиций обеих сторон» и поручить делегациям, которые должны быть для этой цели образованы, продолжить переговоры [3].

Министр иностранных дел СССР отказался обсуждать предложенный текст, который, по его словам, является для советской делегации неприемлемым. Он спросил, следует ли понимать заявление представителя ФРГ, что вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений между СССР и ФРГ «откладывается на какой-то неопределенный срок». Фон Брентано подтвердил, что его поняли правильно, и добавил: «Ход переговоров до настоящего времени не дает возможности для быстрого установления дипломатических отношений» [4].

В ходе состоявшегося затем заседания обеих делегаций Аденауэр поддержал выводы, которые были сформулированы в тексте, предложенном фон Брентано [5]. Как выяснилось позднее, эта позиция была выработана и согласована совместно Бонном и Вашингтоном. Вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Эйбелл писал, что за несколько дней до поездки делегации ФРГ в Москву помощник государственного секретаря США Мерчэнт посетил Аденауэра и получил от него заверение в том, что ФРГ не согласится на обмен послами с Советским Союзом, а будет настаивать на «ограниченном контакте через дипломатических агентов» [6].

Не случайно К. Аденауэр в «Воспоминаниях» замечает, что вопрос об установлении дипломатических отношений с СССР был для Бонна «в высшей степени проблематичным» [7].

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 514.
[2] АВП СССР.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 535—536.
[6] См. «Известия», 16 сентября 1955 г.
[7] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 537.

Советская делегация подчеркнула, что делегация ФРГ ставит все «с ног на голову». При этом была дана принципиальная и откровенная оценка ее позиции. Как писал впоследствии Аденауэр, он с большим трудом сдержал себя, «чтобы не встать и не покинуть зал заседания». «Продолжение дискуссии,— отмечал он,— казалось мне бессмысленным» [1]. Вскоре после этого канцлер отдал распоряжение подготовить самолеты к отлету на день раньше запланированного срока [2].

13 сентября был четвертым и последним днем переговоров. До начала переговоров в этот день канцлер получил через посла США в Москве Ч. Болена личное послание президента Эйзенхауэра. Болен сообщил: «Господин президент Эйзенхауэр понимает и признает уважительными доводы, которые побуждают господина федерального канцлера к его решениям. И он, какое бы окончательное решение ни было принято, всегда будет поддерживать господина федерального канцлера» [3]. Проявляя большую выдержку и терпение, советская делегация разъясняла канцлеру ФРГ всю несостоятельность его позиции. Она показала, что вопрос об установлении дипломатических отношений не может быть предметом политической игры и интриг, так как речь идет о самых элементарных нормах международного общения, которых обязаны придерживаться все страны. По словам политического деятеля ФРГ Герста, К. Аденауэру «пришлось не только отказаться от политики силы, но и, скрепя сердце, выслушать много серьезных поучений» [4]. Его дипломатия нажима и шантажа оказалась несостоятельной. Линия советской дипломатии победила. На второй части четвертого заседания 13 сентября 1955 г. вопрос об установлении дипломатических отношений был урегулирован [5].

Объясняя в своих мемуарах, почему им были приняты советские предложения от 7 июня, Аденауэр, по существу, раскрывает причины, побудившие его отказаться от срыва переговоров: «Если бы я не поехал в Москву, германское общественное мнение сочло бы, что... я не хочу ни мира, ни разрядки напряженности, ни воссоединения Германии, что я слишком робок, чтобы ехать в Россию. Но если бы я поехал в Москву, а переговоры не привели бы — что я считал вполне вероятным — ни к каким положительным результатам, то те же критики сказали бы, что если такой реакционер и противник русской системы, как я, ведет переговоры, то никакого успеха и добиться нельзя».

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 540.
[2] Ibid., S. 542.
[3] Ibid., S. 547—556.
[4] *В. Герст.* Федеративная Республика Германии под властью Аденауэра. М., 1958, стр. 472.
[5] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 450.

Завершение переговоров явилось новым успехом советской внешней политики.

Итоги московских переговоров и их значение

В результате обмена мнениями между сторонами на заключительной стадии переговоров было согласовано, что устанавливаются дипломатические отношения между Советским Союзом и ФРГ и что советская сторона рассмотрит в положительном плане вопрос относительно выезда из СССР еще находившихся в заключении на его территории немецких граждан. Делегации приняли заключительное коммюнике, главы правительств обменялись письмами.

В коммюнике отмечалось, что в ходе переговоров состоялся широкий и откровенный обмен мнениями по вопросам взаимоотношений между СССР и ФРГ, было достигнуто соглашение установить дипломатические отношения между обеими странами, учредить с этой целью посольства соответственно в Бонне и Москве и обменяться дипломатическими представителями в ранге чрезвычайных и полномочных послов. Обе делегации согласились в том, что установление дипломатических отношений будет служить развитию взаимопонимания и сотрудничества между СССР и ФРГ в интересах мира и безопасности в Европе.

Стороны, говорилось в коммюнике, исходят из того, что установление и развитие нормальных отношений между СССР и ФРГ «будет содействовать решению неурегулированных вопросов, касающихся всей Германии».

В подтверждение достигнутого соглашения Председатель Совета Министров СССР и федеральный канцлер ФРГ обменялись письмами.

Стороны договорились также о том, что в ближайшее время между Советским Союзом и ФРГ будут проведены переговоры по вопросам развития торговли [1].

В письмах, имевших аутентичное содержание, заявлялось, что соглашение об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ вступит в силу после утверждения Президиумом Верховного Совета СССР и согласия федерального кабинета и бундестага ФРГ [2].

В своих мемуарах К. Аденауэр утверждал, что он передал советской стороне заявление с претензиями на право представлять весь немецкий народ и изложением своей позиции по вопросу о границах [3]. Поэтому необходимо сказать, что К. Аденауэр действительно пытался вручить представителям СССР текст такого заявления, но советская сторона отказалась принять его.

---

[1] См. «Правда», 14 сентября 1955 г.
[2] См. там же.
[3] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955. S. 550.

На пресс-конференции в Москве 14 сентября 1955 г. К. Аденауэр снова предпринял абсурдную попытку представить обмен письмами об установлении дипломатических отношений как доказательство, будто его правительство представляет весь немецкий народ, заявив, что он не считает окончательными «восточные границы Германии». Но и эта неуклюжая попытка взять реванш не могла не потерпеть крушения. Она была опрокинута заявлением ТАСС от 15 сентября 1955 г. По уполномочию Советского правительства в нем было сказано, что оно рассматривает ФРГ как часть бывшей Германии и в связи с установлением дипломатических отношений считает необходимым указать, что вопрос о германских границах решен Потсдамским соглашением и ФРГ «осуществляет свою юрисдикцию на территории, находящейся под ее суверенитетом» [1].

23 сентября бундестаг единогласно одобрил предложение правительства ФРГ об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ [2]. 24 сентября Указом Президиума Верховного Совета СССР по представлению Совета Министров СССР было утверждено соглашение об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ [3].

Московские переговоры создали предпосылки для нормальных отношений между Советским Союзом и ФРГ. Политика «с позиции силы», курс на раздувание «холодной войны» в отношении социалистических государств потерпели серьезное поражение. Газета «Известия» в передовой статье отмечала: «Положительный результат, достигнутый в ходе состоявшихся в Москве переговоров, показывает, сколь плодотворен путь мирного международного сотрудничества... Политика смягчения международной напряженности, установления доверия между государствами, укрепления мира достигла нового важного успеха» [4].

Не подлежало сомнению значение московских переговоров для развития двусторонних отношений между СССР и ФРГ.

Установление дипломатических отношений, договоренность о развитии торговли, экономических и других связей между Советским Союзом и ФРГ создавали определенные предпосылки для развития отношений между ФРГ и социалистическими странами. Разумеется, указанные предпосылки могли быть реализованы лишь при том условии, если бы правительство ФРГ отбросило реваншистские расчеты и трезво подошло к оценке действительного положения, сложившегося в результате и после второй мировой войны.

---

[1] «Правда», 16 сентября 1955 г.
[2] См. «Правда», 24 сентября 1955 г.
[3] См. «Правда», 25 сентября 1955 г.
[4] «Известия», 14 сентября 1955 г.

Почему правящие круги ФРГ пошли на достижение договоренности с Советским Союзом?

Главным фактором, который сыграл решающую роль, было сложившееся соотношение сил в мире в целом и на европейском континенте в пользу мира, демократии и социализма. Это все больше понимали многие политические и военные деятели ФРГ. Вот почему в ходе московских переговоров Аденауэр вынужден был, обращаясь к делегации СССР, признать: «Имейте, пожалуйста, в виду, что мы, немцы, отдаем себе ясно отчет в том, какое географическое положение мы занимаем, и вы не можете придумать никакого лучшего фактора, который, если когда-либо будет сделана попытка развязать в Европе войну, будет говорить против этого, так как мы больше всех пострадаем от войны» [1].

Новое положение, сложившееся в результате и после второй мировой войны, требовало признания существующих реальностей, заставляло определенные империалистические круги — против их воли — становиться на путь мирного сосуществования с государствами социалистического содружества.

Внешнеполитические усилия СССР, направленные на ослабление международной напряженности, поддержанные другими миролюбивыми государствами, повсеместное требование народов, в том числе населения ФРГ, остановить гонку вооружений, урегулировать спорные и нерешенные международные проблемы — в этой обстановке середины 50-х годов правящие круги ФРГ, по существу, не могли отвергнуть мирную инициативу СССР.

На позицию правительства ФРГ оказывала воздействие заинтересованность влиятельных кругов в установлении деловых связей с СССР.

Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ свидетельствовало о правильности и реалистичности советской политики в германских делах. Этот шаг Советского правительства убедительно подтвердил реальность существования двух независимых друг от друга государств на немецкой земле, улучшил международное положение ГДР и нанес серьезный удар по тем, кто пытался «не замечать» и отрицать ее существование. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ призвано было способствовать укреплению дела мира и безопасности в Европе. Оно явилось наглядным свидетельством стремления Советского Союза жить в мире и дружбе с обоими германскими государствами и строить свои отношения с ними на основе уважения их суверенных прав и самого активного привлечения к решению германских дел. Как отмечалось

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 516.

в заключительном коммюнике, открывались благоприятные перспективы для развития сотрудничества между СССР и ФРГ, достижения их взаимопонимания на основе равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга.

В итоге московских переговоров международные позиции СССР, всего социалистического содружества еще более укрепились.

Однако правительство К. Аденауэра препятствовало развитию связей между СССР и ФРГ, продолжало свой реваншистский курс, что не могло не сказаться отрицательно на отношениях между Советским Союзом и ФРГ, и в целом на послевоенном урегулировании в Европе.

Договор об отношениях между СССР и ГДР от 20 сентября 1955 г.

Во второй половине 1955 г. между СССР и ГДР происходили переговоры, в ходе которых обсуждался широкий круг вопросов и были приняты важные согласованные решения. Правительственная делегация СССР, участвовавшая в Женевском совещании глав правительств, находилась в Берлине 16—17 и 24—27 июля 1955 г. Делегация СССР подробно информировала правительство ГДР о результатах совещания. Стороны в ходе обмена мнениями подчеркнули, что решение германских дел невозможно без участия самих немцев, без сближения между ГДР и ФРГ. Оба правительства договорились о дальнейших шагах в целях развития и укрепления дружественных отношений на основе равноправия, взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга [1]. Стороны договорились, что пришло время путем заключения двустороннего договора закрепить дружественные отношения между СССР и ГДР и создать условия для их дальнейшего развития.

С 17 по 20 сентября 1955 г. в Москве состоялись переговоры между правительственными делегациями СССР и ГДР. В результате их 20 сентября был заключен Договор об отношениях между СССР и ГДР [2]. «Договаривающиеся Стороны,— гласила статья 1,— торжественно подтверждают, что отношения между ними основываются на полном равноправии, взаимном уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела».

В соответствии с этим Германская Демократическая Республика является «свободной в решении вопросов своей внутренней и внешней политики», включая взаимоотношения с ФРГ, а также развитие отношений с другими государствами. Стороны обязались консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обоих го-

[1] См. «Правда», 28 июля 1955 г.
[2] См. «Правда», 21 сентября 1955 г.

сударств, и предпринимать все доступные меры в целях недопущения нарушения мира.

Основной целью сторон, говорилось в договоре, является «достижение путем соответствующих переговоров мирного урегулирования для всей Германии». Договор предусматривал совместные усилия Советского Союза и ГДР по обеспечению мира и безопасности в Европе, а также всестороннее взаимное сотрудничество. Затрагивался и вопрос о временном нахождении на территории ГДР с согласия ее правительства советских войск на условиях, которые определялись дополнительным соглашением (в марте 1957 г. между правительствами обеих братских стран было подписано специальное соглашение об этом).

Тогда же Совет Министров СССР постановил упразднить должность верховного комиссара СССР в Германии. В связи с тем что в ГДР проведены в жизнь постановления Контрольного совета в Германии относительно перестройки условий общественной жизни на миролюбивых и демократических началах и принимая во внимание существующее законодательство ГДР, которое делало излишним сохранение в силе указанных постановлений, Совет Министров СССР установил, что соответствующие законы, директивы, приказы и другие постановления Контрольного совета, изданные им в 1945—1948 гг. в порядке осуществления прав оккупации Германии четырьмя державами, прекращают свое действие на территории ГДР [1].

Во время переговоров в Москве была достигнута договоренность по вопросам, связанным с осуществляемыми ГДР охраной и контролем на ее границах, на внешнем обводе Большого Берлина и в Берлине, а также на пролегающих по территории ГДР коммуникациях между ФРГ и Западным Берлином. ГДР согласилась обеспечить урегулирование с соответствующими властями ФРГ всех вопросов, связанных с транзитом железнодорожного, автомобильного и водного транспорта ФРГ или Западного Берлина, их граждан или жителей, равно как и иностранных государств и их граждан [2]. В связи с этим состоялся обмен письмами между министром иностранных дел ГДР Л. Больцем и заместителем министра иностранных дел СССР В. А. Зориным.

Договор об отношениях между СССР и ГДР соответствовал национальным интересам немецкого населения, упрочению дела

[1] Это не затрагивало прав и обязательств СССР в отношении германских дел в целом, вытекающих из соответствующих решений четырех держав. На посла СССР в ГДР были возложены функции «поддержания соответствующих связей с представителями США, Англии и Франции в ФРГ по вопросам, касающимся Германии в целом, вытекающим из решений четырех держав».

[2] Кроме персонала и грузов войск США, Англии и Франции, расквартированных в Западном Берлине. Контроль за их передвижением между ФРГ и Западным Берлином остался за советскими войсками.

мира и безопасности в Европе. Премьер-министр ГДР О. Гротеволь, характеризуя значение московских переговоров в заявлении в Народной палате, подчеркнул, что Договор и проведенные в Москве переговоры вселяют уверенность, что «успехи, достигнутые в Германской Демократической Республике, и основы социализма в нашем государстве прочно обеспечены на будущее и никогда не будут поставлены под угрозу» [1].

Новым шагом в развитии дружбы и сотрудничества между СССР и ГДР было пребывание в Берлине правительственной делегации СССР в связи с празднованием годовщины образования ГДР (5—9 октября 1955 г.). Глава делегации М. А. Суслов отметил, что договор от 20 сентября 1955 г. будет способствовать ослаблению международной напряженности [2].

Дипломатическая борьба на Женевском совещании министров иностранных дел четырех держав (октябрь — ноябрь 1955 г.) [3]

Усилия Советского Союза, других социалистических государств, всех миролюбивых сил, направленные на смягчение напряженности, вызвали тревогу у реакционных монополистических кругов. Они предприняли осенью 1955 г. серию акций, которые имели своим назначением продолжение политики «холодной войны». Среди указанных акций особое место должна была занять обструкционистская позиция дипломатии США, Англии и Франции на намеченном главами правительств совещании министров иностранных дел четырех держав.

Оно состоялось в Женеве 27 октября — 16 ноября 1955 года. С самого начала работы совещания западная дипломатия предпринимала попытки не допустить достижения договоренности по обсуждаемым вопросам, прибегая к процедурному крючкотворству и бесплодным дискуссиям. С ее стороны были повторены прежние позиции. Три державы отклонили предложение советских представителей пригласить в Женеву от имени совещания глав правительств ГДР и ФРГ, чтобы заслушать их мнение по послевоенному комплексу вопросов. Западные державы воспротивились этому. Однако в Женеве продолжали находиться наблюдатели ФРГ, которые закулисно оказывали давление на делегации США, Англии и Франции с целью не допустить какого-либо прогресса в обсуждении германских дел. В первую очередь министры иностранных дел США, Англии и Франции доказывали необходимость проведения так называемых «свободных выборов». Представитель Англии от имени трех делегаций

[1] «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики (от 22 мая 1955 г. до 30 июня 1956 года)». Пер. с нем. М., 1958, стр. 290.

[2] См. «Правда», 7 октября 1955 г.

[3] См. об этом более подробно в гл. XIV.

внес план создания одного германского государства, который в своей основе повторял прежний «план Идена», с которым он выступил на Берлинской конференции 1954 г. При этом, как и раньше, представители западных держав исходили из того, что новое германское государство должно быть членом НАТО и Западноевропейского союза.

Этот план (под названием «Воссоединение Германии и безопасность») исходил из того, что якобы «без германского единства любая система европейской безопасности могла бы быть лишь иллюзорной» [1].

Стремясь ввести в заблуждение общественность, западные державы в предложенном «плане» пытались доказать, что будут «специальные гарантии в связи с воссоединением Германии» [2]. Предлагая СССР согласиться с восстановлением империалистического государства, входящего в агрессивные блоки Запада, представители США, Англии и Франции пытались маскировать свои цели рассуждениями о «гарантиях» безопасности Советского Союза. В «плане Идена» отводилось второстепенное место такому важному вопросу, от решения которого в немалой степени зависели мир и безопасность в Европе,— вопросу о послевоенном мирном урегулировании [3]. Курс дипломатии трех держав, как и прежде, сводился к тому, чтобы создать благоприятные внешнеполитические условия для скорейшей реализации Парижских соглашений, наращивания военно-промышленного потенциала ФРГ.

Министр иностранных дел СССР, выступая на совещании 28 октября, заявил, что «вопрос о европейской безопасности имеет решающее значение для всех народов Европы» [4], что «ремилитаризация Германии несовместима с обеспечением общеевропейской безопасности» [5].

Советская делегация решительно отвергла утверждения представителей западных держав, будто бы без объединения двух германских государств невозможно обеспечить безопасность в Европе. Советская сторона указывала, что дело обстоит как раз наоборот. Если будет обеспечена европейская безопасность, то тем самым будет обеспечена безопасность и для немцев и созданы благоприятные условия для решения всего комплекса германских дел [6].

Советская делегация разъясняла на совещании, что с момента Берлинской конференции 1954 г. положение существенно

---

[1] АВП СССР.
[2] «Правда», 29 октября 1955 г.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] «Правда», 17 ноября 1955 г.

изменилось. Принятие Парижских соглашений и вступление ФРГ в НАТО заблокировали пути к объединению. По мнению советской стороны, найти правильное решение в германских делах можно только при полном учете интересов других европейских народов и безопасности в Европе, а также того обстоятельства, что на территории бывшего рейха существуют два различных государства и что их воссоединение не может быть достигнуто иначе, как по их взаимному согласию. Поэтому советская делегация постоянно отмечала, что надо, чтобы представители обоих германских государств могли совместно обсудить все вопросы.

Советская делегация настаивала на участии представителей ГДР и ФРГ в обсуждении вопросов, касающихся германских дел, и призывала к тому, чтобы четыре великие державы предприняли все зависящие от них меры, способствующие созданию благоприятных условий для этого. Советские представители сделали в связи с этим целый ряд конкретных предложений, высказавшись, в частности, за вывод в трехмесячный срок с германских территорий иностранных войск, за исключением строго ограниченных контингентов, и т. д.

На заключительном заседании совещания 16 ноября руководитель советской делегации подчеркнул: «Теперь нельзя решать германский вопрос, не считаясь с фактом, что существуют два германских государства с различным общественным устройством. Не следует отрываться от реальной почвы. Совершенно очевидно, что неосуществимы попытки, направленные на то, чтобы Западная Германия поглотила Восточную Германию» [1].

Советский представитель решительно выступил против планов ремилитаризации ФРГ и возрождения империалистической Германии и «включения ее в военные группировки, направленные против СССР и других миролюбивых государств» [2].

Усилия западных держав были направлены на то, чтобы уклониться от разрешения германских дел в соответствии с «интересами европейских держав», что являлось главной мыслью директив, согласованных на Женевском совещании глав правительств четырех держав.

Ввиду позиции, занятой дипломатией США, Англии и Франции и стоявшей за их спиной ФРГ, Женевское совещание министров иностранных дел 1955 г., как и предыдущие встречи представителей четырех великих держав — ведущих членов антигитлеровской коалиции, не дали сколько-нибудь заметных конкретных результатов в урегулировании германских дел и в создании коллективной безопасности в Европе.

---

[1] «Правда», 17 ноября 1955 г.
[2] Там же.

Однако империалистической политике «с позиции силы» был нанесен еще один удар. Аденауэр оценивал «после неудачи Женевского совещания внешнеполитическую ситуацию» ФРГ как очень «сложную и полную опасностей» [1].

В этот период правительство ФРГ предпринимало все, чтобы у его империалистических союзников не было и тени сомнения относительно позиции и намерений Бонна. Аденауэр писал: «Нужно было укрепить веру в то, что мы полностью выполним обязательства, налагаемые на нас Парижскими соглашениями, проведем изменение законов, необходимое для формирования бундесвера, и осуществим вооружение в рамках НАТО» [2]. Итак, дальнейшее укрепление связей с НАТО и западными союзниками, ускоренное претворение в жизнь Парижских соглашений, новые попытки сколачивания «объединенной Европы» — таковы были основные внешнеполитические установки Бонна.

* * *

Дипломатическая борьба вокруг актуальных международных проблем, развернувшаяся в первой половине 50-х годов, показала, что Советский Союз, другие социалистические государства при поддержке миролюбивых сил во всем мире успешно противодействовали опасным планам, направленным на подрыв устоев мира и безопасности народов. Социалистическая дипломатия вносила конструктивный вклад в решение назревших международных проблем, продемонстрировала маневренность и гибкость в сочетании с твердостью и последовательностью в борьбе за мир. Тем самым она подготовила благоприятные предпосылки для дальнейшей борьбы за обеспечение мира и безопасности в Европе. Укрепление могущества Советского государства, всего социалистического содружества создавало надежную основу для новых дальнейших конструктивных шагов советской дипломатии на международной арене.

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1955—1959, S. 80.
[2] Ibid., S. 92.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

БОРЬБА СССР ЗА ОСЛАБЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СЕРЕДИНЕ 50-х ГОДОВ

Ратификация Парижских соглашений, вступление ФРГ в НАТО, усиление гонки вооружений империалистическими государствами серьезно осложняли обстановку в мире. На пути международного сотрудничества усилиями западных держав были воздвигнуты новые препятствия. В то же время все более решительными становились требования широких народных масс положить конец «холодной войне» и найти пути для обеспечения безопасности и налаживания мирного сотрудничества европейских государств.

Создавшаяся в середине 50-х годов обстановка требовала новых усилий, чтобы повернуть Европу в сторону сосуществования, найти решение волнующих ее проблем. Инициатором этого явилась советская дипломатия, которая, продолжая активно проводить свой курс на упрочение мира, выступила с целым рядом новых конструктивных предложений, содействовавших ослаблению международной напряженности.

1. Государственный договор с Австрией [1]

Дипломатическая борьба по проекту договора

Переговоры между СССР, США, Англией и Францией по австрийскому вопросу заняли почти все первое послевоенное десятилетие.

Советский Союз, выступавший за возрождение австрийской государственности и являвшийся инициатором принятия 30

[1] Австрия являлась, как отмечалось в декларации, принятой на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании от 30 октября 1943 г., одной из первых жертв гитлеровской агрессии. Хотя австрийцев призывали во время войны в ряды вермахта, а промышленно-экономический потенциал страны использовался фашистской Германией в борьбе против антигитлеровской коалиции, Австрия не существовала в то время как государство и не являлась воюющей стороной. Поэтому союзники, рассматривая Австрию в принципе как освобожденную страну, отказались от взимания с нее репараций и подписали с ней не мирный, а Государственный договор.

октября 1943 г. декларации о восстановлении свободной и независимой Австрии, последовательно и настойчиво придерживался этой позиции на всем протяжении переговоров. Однако, несмотря на все усилия советской дипломатии, добиться заключения договора с Австрией оказалось не легко. Потребовалось 33 заседания Совета министров иностранных дел, 260 встреч заместителей министров, 85 заседаний Венской комиссии [1], обсуждение австрийских дел на Берлинском совещании СССР, США, Англии, Франции 1954 г., переговоры австрийской правительственной делегации в Москве в апреле 1955 г., совещание послов четырех держав с участием австрийских представителей и, наконец, заключительная встреча министров иностранных дел в мае 1955 г., прежде чем стало возможным подписать Государственный договор с Австрией.

Империалистические круги на Западе всячески противодействовали разрешению австрийского вопроса. Они рассматривали Австрию прежде всего с военно-стратегической точки зрения, как плацдарм для борьбы против СССР и других социалистических стран. Как признает в своих мемуарах тогдашний австрийский министр иностранных дел К. Грубер, «лучшие умы американской дипломатии считали очищение Австрии большим риском» [2]. Поэтому фактически с первых же заседаний министров иностранных дел и их заместителей, посвященных австрийскому вопросу, представители западных держав стали на путь затяжки любых переговоров по австрийскому договору. С созданием НАТО они хотели добиться включения в него Австрии. Отбросив в сторону громкие фразы о суверенитете и независимости Австрии, командующий американскими войсками генерал Кларк заявил, что цели американской политики заключаются в том, чтобы превратить страну в «предмостное укрепление США против большевистского Востока» [3].

Западные державы блокировали переговоры по договору и все более открыто вели дело к ликвидации четырехсторонних контрольных органов и расколу страны, что должно было, по их мнению, устранить препятствия для перевооружения западной части Австрии и включения ее в агрессивные планы Запада.

[1] По предложению советской стороны на заключительном заседании Московской сессии СМИД 24 апреля 1947 г. было принято решение создать Комиссию из представителей четырех держав, которой поручили рассмотреть все оставшиеся несогласованными вопросы австрийского договора (оставались несогласованными 19 статей). Комиссия заседала с мая по август 1947 г. в Вене. Однако ввиду позиции представителей США согласия ни по одному из обсуждавшихся вопросов достичь не удалось.

[2] *K. Gruber.* Zwischen Befreiung und Freiheit. Wien 1953, S. 212.

[3] Цит. по: *В. Н. Белецкий.* Советский Союз и Австрия. Борьба Советского Союза за возрождение независимой демократической Австрии и установление с ней дружественных отношений. М., 1962, стр. 166.

Этой цели служил и проект так называемого «сокращенного договора», официально направленный 13 марта 1952 г. тремя западными державами Советскому правительству. Он был выдвинут тогда, когда оставались несогласованными всего-навсего 5 статей проекта Государственного договора, и свидетельствовал о том, что США не намерены были брать на себя каких-либо обязательств перед австрийским народом и полностью отказывались от целей, провозглашенных участниками антигитлеровской коалиции в отношении Австрии. «Сокращенный договор» не только не учитывал законных интересов СССР, но и не обеспечивал восстановления действительно независимого австрийского государства. Он не создавал гарантии независимости Австрии против покушений западногерманского империализма и вместе с тем открывал широкий простор для использования ее в агрессивных планах НАТО. Поскольку заранее было ясно, что СССР не пойдет на это, то подобный шаг со стороны западных держав означал не что иное, как попытку прикрыть срыв переговоров и оправдать их действия, направленные на раскол Австрии и заключение с нею сепаратных соглашений.

Односторонняя ориентация в те годы австрийских правящих кругов на западные державы создавала дополнительные трудности.

Однако решительная и настойчивая борьба советской дипломатии позволила вывести переговоры из тупика и вернуться к работе над проектом Государственного договора, открыв одновременно путь для участия в них Австрии.

С приходом в 1953 г. к власти правительства Ю. Рааба в Австрии начали более серьезно задумываться о путях выхода из создавшегося положения и с большим пониманием относиться к позиции СССР. Об этом свидетельствовал зондаж, предпринятый во второй половине 1953 г. австрийской стороной через индийского посла в Москве Менона и в беседах с советским верховным комиссаром в Вене И. И. Ильичевым. Наряду с намеками о возможности проведения Австрией политики нейтралитета новое австрийское правительство отказалось от идеи «сокращенного договора» и высказалось за возобновление работы над проектом Государственного договора. Советское правительство со своей стороны предприняло в 1953 г. ряд мер по облегчению оккупационного режима и нормализации отношений с Австрией. Оно высказалось за участие австрийских представителей в переговорах о заключении договора.

В результате договоренности, достигнутой в ходе предварительного обмена мнениями в течение лета — осени 1953 г. между СССР, США, Англией и Францией, их министры иностранных дел встретились вновь после пятилетнего перерыва 25 января 1954 г. Заседания проходили в Берлине в здании бывшего

Контрольного совета и в посольстве СССР в ГДР. По предложению советской делегации на совещание были приглашены представители Австрии.

Обсуждение австрийских дел на совещании еще раз со всей очевидностью показало, что суть вопроса заключается в том, будет ли надежно ограждена национальная независимость Австрии от посягательств агрессивных сил империализма, предотвращена угроза использования людских и материальных ресурсов страны, а также ее территории в качестве плацдарма против стран социалистического содружества.

Австрийские представители сделали в Берлине определенный шаг вперед и пытались внести свой вклад в дело достижения договоренности по государственному договору.

Министр иностранных дел Австрии Л. Фигль заявил, что его страна не намерена участвовать в военных союзах и блоках и будет делать все, чтобы «оставаться в стороне от иностранного влияния и не предоставлять военных баз иностранным державам» [1]. В беседах с советскими представителями и ряде публичных заявлений для печати австрийская сторона, по существу, высказывалась в пользу проведения политики нейтралитета.

Учитывая это, советская делегация предложила в трехмесячный срок закончить подготовку окончательного текста Государственного договора, включив в него обязательство Австрии не вступать в коалиции и военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Германии и в освобождении Австрии, а также не допускать создания на своей территории иностранных военных баз. Поскольку ремилитаризация ФРГ усиливала угрозу Австрии со стороны западногерманского милитаризма, советская делегация предлагала временно сохранить на австрийской территории после прекращения оккупации небольшие контингенты войск четырех держав до завершения германского мирного урегулирования.

Однако правящие круги США возражали против перехода Австрии на путь нейтралитета и решительно выступили против советских предложений. Они не хотели отказываться от использования Австрии в своих империалистических целях и опасались, что заключение Государственного договора затруднит дальнейшую ремилитаризацию ФРГ и усилит рост в ней нейтралистских настроений. На австрийскую делегацию было оказано соответствующее давление. После встречи 15 февраля 1954 г. Дж. Ф. Даллеса с Л. Фиглем австрийские представители перестали говорить о нейтралитете. На предложение советской

---

[1] *H. Stegler.* Österreichs Weg zur Souveränität, Neutralität, Prosperität. 1945—1959. Bonn — Wien — Zürich, [1959], S. 37.

стороны зафиксировать в договоре обязательства о недопущении вовлечения Австрии в военные блоки они не дали прямого ответа. За Л. Фигля ответил Ж. Бидо, заявивший, что «такое предложение Австрия принять не может» [1]. Когда советская делегация, идя навстречу Австрии, предложила зафиксировать данное обязательство не в Государственном договоре, а в особом документе, то Даллес прямо высказался против. Его поддержали английские и французские представители.

Поэтому в Берлине не удалось достичь урегулирования вопросов, связанных с австрийским Государственным договором.

Обмен нотами после Берлинского совещания свидетельствовал о том, что правящие круги США, Англии и Франции не проявляли заинтересованности в завершении работы над проектом Государственного договора и восстановлении свободы и независимости Австрии и проведении ею политики нейтралитета.

В конце 1954 г. те положительные сдвиги в разрешении австрийских дел, которые были достигнуты за последние полтора года, оказались снова сведенными на нет. Да и в целом обстановка в Европе опять начинала ухудшаться в связи с ратификацией Парижских соглашений.

В создавшихся условиях Советское правительство проявило в начале февраля 1955 г. смелую и решительную инициативу, чтобы разрешить австрийский вопрос. Оно предложило безотлагательно созвать совещание четырех держав и заключить Государственный договор с Австрией. Так как по вине западных держав завершение мирного урегулирования германских дел становилось все более сложным, Советский Союз, считаясь с реально складывавшейся обстановкой, а также с пожеланиями австрийской стороны, высказался за возможность вывода войск четырех держав из Австрии независимо от решения вопроса о германском мирном договоре. Однако, учитывая принятие в октябре 1954 г. в Париже решения о включении ФРГ в НАТО, Советское правительство подчеркивало, что вывод войск четырех держав из Австрии может быть осуществлен лишь при условии создания надежных гарантий ее независимости. Было прямо указано на необходимость найти такое решение, которое исключало бы возможность нового аншлюса Австрии и использование ее в империалистических целях западными державами [2]. Позиция Советского Союза создавала благоприятные условия для быстрого завершения работы по заключению Государственного договора.

Как гласило официальное сообщение австрийского правительства, оно «с большим интересом ознакомилось и подвергло

---

[1] «Правда», 14 февраля 1954 г.

[2] См. «Правда», 9 февраля 1955 г.

тщательному изучению» заявление СССР [1]. Вслед за этим канцлер Австрии Ю. Рааб, вице-канцлер А. Шерф и министр иностранных дел Л. Фигль начали зондаж у советского представителя И. И. Ильичева с целью «выяснить отдельные пункты упомянутого заявления».

25 февраля 1955 г. посол Австрии в Москве Н. Бишофф был приглашен в МИД СССР, где ему были даны официальные разъяснения к заявлению от 8 февраля 1955 г. Одновременно с советской стороны было указано, что имеется возможность продвинуть вперед решение австрийского вопроса и что достижению этой цели могли бы содействовать «предварительные переговоры между Австрией и СССР», в том числе «личный контакт с руководителями австрийского правительства», о желательности которого говорил незадолго до этого и сам канцлер Ю. Рааб.

14 марта 1955 г. Н. Бишофф передал памятную записку, в которой австрийское правительство заявляло, что оно «приветствует всякое действенное обеспечение и гарантию австрийской независимости и свободы против посягательств с любой стороны», и подчеркивало, что «Австрия не имеет намерения присоединяться к военным союзам или допускать создание на своей территории военных баз». Оно предлагало обменяться мнениями, в какой форме Австрия возьмет на себя подобное обязательство [2].

24 марта 1955 г. Н. Бишоффу был передан ответ Советского правительства, в котором отмечалось единство взглядов по основным вопросам. Одновременно было сделано устное заявление о том, что «Советское правительство приветствовало бы приезд в ближайшее время в Москву канцлера Рааба, а также других представителей Австрии» в связи с подготовкой к заключению Государственного договора.

Предложения Советского Союза были с большим удовлетворением восприняты австрийской общественностью. «Поездка в Москву,— писала газета «Нойес эстеррайх»,— может стать поворотным пунктом в истории Второй республики».

Иначе отнеслись к такому развитию событий западные державы. Их печать изобиловала всякого рода «советами» и «предупреждениями». Английский журнал «Экономист» открыто призывал 2 апреля 1955 г. канцлера Ю. Рааба отклонить приглашение о поездке в Москву. Как писали 1 апреля 1955 г. венские газеты, австрийский посол в Англии Шварценберг сообщал своему правительству, что «в Лондоне не хотели бы видеть, как Австрия даст запутать себя в двусторонние переговоры с Советским Союзом» [3].

[1] «Neues Österreich», 11. II. 1955.
[2] «Wiener Zeitung», 17. III. 1955.
[3] «Neue Wiener Tageszeitung», 1. IV. 1955.

Австрийское правительство приняло приглашение правительства СССР. Новая советская инициатива и проявленная австрийским правительством готовность пойти на двусторонние переговоры с СССР создали предпосылки для завершения переговоров по Государственному договору и перехода Австрии на путь нейтралитета. Как только в австрийском правительстве решились на поездку в Москву, события развивались дальше, по признанию западной печати, «с невиданной быстротой даже для самых больших оптимистов».

С 12 по 15 апреля 1955 г. в Москве состоялись непосредственные двусторонние переговоры между правительственными делегациями СССР и Австрии. В ходе переговоров, проходивших в духе откровенности и взаимопонимания, были урегулированы все вопросы, интересующие обе стороны. 15 апреля 1955 г. был подписан советско-австрийский (конфиденциальный) меморандум о результатах переговоров. Австрия подтверждала сделанное ею ранее заверение о том, что она не присоединится к каким-либо военным союзам и не допустит на своей территории военных баз. Она взяла на себя обязательство «постоянно придерживаться нейтралитета такого рода, которого придерживается Швейцария», о чем должно было быть заявлено в соответствующей декларации, которую она обязалась принять непосредственно после ратификации Государственного договора. Австрийское правительство обязывалось предпринять соответствующие шаги, чтобы эта декларация была принята парламентом Австрии и получила международное признание. Австрия должна была выдвинуть перед США, Англией и Францией предложение о предоставлении четырьмя державами гарантий целостности и неприкосновенности австрийской государственной территории. Австрия обязалась также принять после передачи ей Советским Союзом бывшей германской собственности «меры к тому, чтобы исключить переход этих активов в собственность иностранных граждан» [1].

В свою очередь Советское правительство заявляло о готовности безотлагательно подписать Государственный договор, признать декларацию о нейтралитете Австрии и выразило согласие с тем, чтобы «все оккупационные войска четырех держав были выведены из Австрии после вступления в силу Государственного договора не позднее 31 декабря 1955 г.» [2].

Одновременно были урегулированы и все экономические вопросы, связанные с Государственным договором.

Обе стороны заявили, что «считают желательным скорейшее заключение Государственного договора о восстановлении неза-

[1] Впоследствии этот меморандум был опубликован одновременно с текстом Государственного договора («Правда», 16 мая 1955 г.).

[2] «Правда», 16 мая 1955 г.

висимой и демократической Австрии, что должно служить национальным интересам австрийского народа и укреплению мира в Европе» [1].

Московские переговоры создали прочную основу для решения австрийского вопроса. Перед Австрией открывались благоприятные перспективы стать на путь проведения независимой, самостоятельной политики. Поэтому австрийский народ с чувством глубокого удовлетворения воспринял результаты московских переговоров. На Западе же их встретили иначе. Канцлер ФРГ К. Аденауэр, опасаясь распространения идеи нейтралитета, назвал советскую инициативу «умно рассчитанным шагом Москвы», крайне опасным для планов правящих кругов ФРГ [2], и делал все возможное, чтобы попытаться сорвать заключение Государственного договора.

Правительства США, Англии и Франции обратились к канцлеру Ю. Раабу с совместной декларацией. Будучи вынуждены признать конструктивное значение советской инициативы, они вместе с тем предложили после визита канцлера в Москву обсудить вопрос о договоре на совещании послов четырех держав [3]. Это было попыткой поставить все проблемы, связанные с договором, под свой контроль. Однако в обстановке большого подъема в Австрии, вызванного результатами московской встречи, и усиления борьбы широких народных масс за разрядку напряженности даже явные сторонники политики «с позиции силы» не осмелились открыто выступить против завершения переговоров по Государственному договору.

14 мая 1955 г. в Вене собрались министры иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, а на следующий день во дворце Бельведер состоялась торжественная церемония подписания Государственного договора. 7 июня 1955 г. Государственный договор был единогласно принят Национальным советом, а 8 июня — Федеральным советом Австрии. В тот же день канцлер Ю. Рааб, вице-канцлер А. Шерф и президент Т. Кернер подписали акт о его ратификации. 11 июня 1955 г. договор был ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР. С депонированием последней ратификационной грамоты Франции 27 июля 1955 г. договор вступил в силу. В течение последующих недель с ее территории были выведены войска четырех держав, причем Советский Союз сделал это первым [4].

[1] «Правда», 16 апреля 1955 г.

[2] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 441.

[3] См. «Правда», 7 апреля 1955 г.

[4] Договор обязал СССР, США, Англию и Францию вывести свои войска из Австрии в течение 90 дней после его вступления в силу «и по возможности не позднее 31 декабря 1955 года». В связи с этим Советское правительство приняло решение сократить численность Вооруженных Сил СССР на то их количество, которое находилось в Австрии.

Вслед за этим австрийская сторона выполнила свое обязательство придать нейтралитету Австрии силу государственного закона. Конституционный закон о нейтралитете был принят австрийским парламентом 26 октября 1955 г. Австрия стала независимой, постоянно нейтральной страной. Благодаря усилиям Советского Союза было найдено решение, которое соответствовало как делу обеспечения европейской безопасности, так и национальным интересам самой Австрии. Оценивая вклад Советского Союза в решение австрийского вопроса, канцлер Ю. Рааб заявил 21 июля 1958 г.: «Мы знаем, что этот договор мы заключили главным образом благодаря Советскому Союзу».

Государственный договор с Австрией

В отличие от Сен-Жерменского договора, навязанного Австрии после первой мировой войны державами-победительницами, которые поставили ей ультимативное требование — в течение пяти дней сообщить о ее «готовности подписать договор в таком виде, как он составлен», Государственный договор был подготовлен с учетом интересов Австрии и при ее непосредственном участии. Сен-Жерменский договор, являвшийся составной частью Версальской системы, ставил Австрию фактически полностью под иностранный контроль, и она в результате этого «никогда не располагала полным суверенитетом, а находилась только под опекой иностранных держав» [1],— отмечал А. Шерф. Государственный договор восстановил Австрию «как суверенное, независимое и демократическое государство» и создал благоприятные предпосылки для дальнейшего укрепления ее политической и экономической самостоятельности.

Оценивая значение договора, канцлер Ю. Рааб заявил: «Политики и эксперты международного права справедливо указывают на то, что Австрийская Республика еще никогда не обладала в такой степени суверенитетом и самостоятельностью, какие ей обеспечивает Государственный договор» [2]. С подписанием Государственного договора Австрия обрела полный суверенитет и получила возможность стать на путь проведения самостоятельной политики.

Государственный договор гарантировал границы Австрии и обеспечил ее безопасность от угрозы западногерманского империализма, запретив экономический и политический аншлюс в любой форме и создав надежные гарантии против его повторения.

Государственный договор подтвердил отказ стран — участниц антигитлеровской коалиции от репараций с Австрии и фиксировал передачу ей бывшей германской собственности, запре-

---

[1] «Arbeiter Zeitung», 22. V. 1955.

[2] «Правда», 16 апреля 1956 г.

тив переход этой собственности в руки иностранного капитала [1]. Он зафиксировал отказ западных держав от использования соглашений о займах, заключенных Первой республикой, которыми устанавливался контроль над ее финансами. Это создавало дополнительные гарантии экономической независимости Австрии. Провозглашенный в статье 29 принцип отказа от дискриминационной политики в торговле положил конец попыткам изоляции Австрии от Советского Союза и открыл перед ней широкие возможности для подъема экономики и тем самым для укрепления ее экономической самостоятельности.

По договору населению Австрии гарантировались демократические права и свободы. Австрия должна была также «продолжать усилия по искоренению из австрийской политической, экономической и культурной жизни всех следов нацизма» и предотвратить возрождение фашистских организаций в какой бы то ни было форме и всякую нацистскую и милитаристскую деятельность и пропаганду в стране.

Государственный договор предоставил Австрии право иметь свои национальные вооруженные силы, необходимые для обороны страны, и предусматривал ряд мер, чтобы австрийская армия не стала орудием крайней реакции, не была подчинена западногерманским милитаристам и не располагала оружием массового уничтожения.

Нейтралитет, как отмечалось в правительственном заявлении, сделанном в связи с принятием 26 октября 1955 г. парламентом Австрии Конституционного закона о нейтралитете, стал «долгосрочной основой внешней политики, призванной обеспечить навсегда мир и благосостояние нашей родине и нашему народу» [2].

Подписание Государственного договора и провозглашение Австрией нейтралитета значительно укрепило позиции сил мира и нанесло сильный удар по замыслам реакционных кругов империалистических держав, направленным на обострение обстановки в Европе и создание военных баз на чужих территориях. Оно означало победу политики мирного сосуществования

[1] Германские активы в Восточной Австрии передавались, как это было предусмотрено Потсдамскими решениями, Советскому Союзу, который за весьма умеренную компенсацию отдал их — свыше 400 различных предприятий — в собственность австрийского правительства. США, Англия и Франция также передали германские активы в западной части страны правительству Австрии.

[2] «Österreich — freies Land, freies Volk. Dokumente. Hrg. vom Bundesministerium für Unterricht». Wien, 1957, S. 89—90. 6 декабря 1955 г. СССР, США, Англия и Франция заявили о признании австрийского нейтралитета. Вслед за этим австрийский нейтралитет либо признали, либо приняли к сведению многие другие страны. По международно-правовому характеру австрийский нейтралитет можно квалифицировать как постоянный, договорный и признанный.

и международного сотрудничества над политикой «с позиции силы» и «балансирования на грани войны». С заключением Государственного договора и принятием Австрией статуса постоянно нейтрального государства перед ней открылись благоприятные перспективы для активного участия в международной жизни. Наконец, значение Государственного договора заключается в том, что он сыграл важную роль в укреплении национального самосознания австрийского народа, выбив почву из-под ног тех кругов, которые усиленно отрицали возможность самостоятельного существования Австрии и развития австрийской нации.

Урегулирование австрийского вопроса показало, что при наличии доброй воли и усилий сторон могут успешно решаться путем переговоров самые сложные международные проблемы.

2. Женевское совещание глав правительств четырех держав

Обстановка в Европе в начале 1955 г.

1955 год был годом большой дипломатической активности и крупных политических событий.

СССР и братские социалистические страны неуклонно продолжали свою линию на преодоление «холодной войны», мирное решение спорных вопросов и налаживание сотрудничества между государствами, принадлежащими к различным социально-экономическим системам.

Наряду с заключением Государственного договора с Австрией Советский Союз выступил в первой половине 1955 г. с целым рядом новых внешнеполитических акций.

В развитие программы создания в Европе системы коллективной безопасности, которая была выдвинута на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав, советская сторона весной 1955 г. конкретизировала свои предложения.

10 мая 1955 г. Советское правительство внесло новые предложения о частичном разоружении. Не дожидаясь достижения соглашения, советская сторона приняла решение 13 августа 1955 г. о сокращении численности вооруженных сил СССР на 640 тыс. человек.

2 июня 1955 г. в результате переговоров советской правительственной делегации в Белграде были восстановлены дипломатические отношения СССР с Югославией.

Улучшались отношения Советского Союза с рядом других стран. Расширялся товарооборот. Развивались культурные и научные связи.

Шел обмен мнениями с ФРГ относительно проведения переговоров с целью установления с ней нормальных дипломатических отношений (см. гл. XIII).

Нормализация отношений Советского Союза с рядом стран, его роль в ликвидации наиболее опасных международных кризисов, прежде всего в Корее, выступление Советского правительства с конкретной конструктивной программой по вопросам разоружения, обеспечения мира и налаживания широкого международного сотрудничества содействовали дальнейшему росту доверия и поддержки внешней политики СССР со стороны широких народных масс во всем мире.

Сама жизнь ставила в повестку дня вопрос о необходимости встречи на высшем уровне с целью урегулирования назревших международных проблем.

Переговоры о встрече на высшем уровне

Идея мирного урегулирования спорных вопросов и выдвинутое в январе 1955 г. Советским правительством предложение о созыве совещания в верхах становились все более популярными. Число сторонников встречи на высшем уровне быстро росло в США, Англии и Франции. Теперь даже влиятельные круги трех западных держав не могли больше полностью игнорировать волю народов к миру и взаимопониманию. Учитывая эти настроения, лейбористская партия Англии включила в канун парламентских выборов в свою платформу пункт о созыве совещания глав правительств. Стремясь «не отстать» от своего политического противника, консерваторы, находившиеся у власти, также выступили в поддержку созыва совещания глав правительств. Во Франции, где Парижские соглашения все время наталкивались на противодействие не только демократической общественности, но и части правящих кругов, после их ратификации наступило известное отрезвление. Повсеместно в Западной Европе все больше усиливались опасения, что союз Пентагона с западногерманскими реваншистами и милитаристами может вовлечь страны НАТО, помимо их желания, в крупные международные осложнения, включая и военные конфликты.

В этих условиях западные державы сочли невозможным противодействовать дальше требованию о проведении встречи руководителей четырех держав и дали наконец свое согласие на нее.

Вопросы, связанные с проведением совещания на высшем уровне, были согласованы в основном 14—15 мая 1955 г. в Вене, куда съехались министры иностранных дел четырех держав для подписания Государственного договора с Австрией.

Представители западных держав заявили, что, по их мнению, нельзя ожидать от совещания глав правительств решения таких крупных международных проблем, как германские дела,

разоружение и запрещение атомного оружия. Они считали, что совещание должно дать толчок дальнейшей работе министров иностранных дел или другим органам четырех держав, определить порядок дальнейшего обсуждения спорных международных вопросов и наметить направление этой работы. Советское правительство выступило за то, чтобы совещание проходило без определенной повестки дня, чтобы на нем могли быть обсуждены вопросы, представляющие общий интерес. Советская сторона проявляла заинтересованность в обсуждении таких вопросов, как коллективная безопасность в Европе, сокращение вооружений, запрещение атомного оружия, германские дела.

Урегулировав в ходе последующей нотной переписки практические вопросы проведения совещания [1], министры иностранных дел четырех держав окончательно согласовали последние детали, собравшись в конце июня 1955 г. в Сан-Франциско на торжества по поводу 10-й годовщины создания ООН.

Общая линия США, Англии и Франции в связи с совещанием в Женеве разрабатывалась комитетом экспертов, в который вошли также представители ФРГ. Комитет заседал в Бонне и Париже. Будучи не в состоянии помешать встрече глав четырех держав, Бонн делал все возможное, чтобы повлиять на своих западных союзников и заранее заручиться поддержкой своих требований. Прибыв в США для встречи с Дж. Ф. Даллесом, К. Аденауэр предостерегал американцев от намерения проводить в германском вопросе «более мягкий курс» и добивался обсуждения на совещании прежде всего вопроса о создании единого государства путем «поглощения» ГДР [2].

Франция не выступала открыто против плана Бонна. Но французское правительство, как отмечала западная печать, подумывало о внесении на Женевском совещании определенных конструктивных предложений. На страницах французской прессы появились сообщения, что Франция собирается выступить с проектами планов разоружения и упрочения безопасности в Европе, а также пакта о ненападении между Западноевропейским союзом и странами Варшавского Договора. Одновременно председатель Совета министров Э. Фор официально высказался за необходимость постепенного сокращения военных бюджетов и создание за счет сэкономленных средств специального фонда помощи экономически слаборазвитым странам [3].

---

[1] Обмен нотами между СССР и тремя западными державами от 10 и 26 мая, 6 и 13 июня 1955 г.

[2] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 453—456.

[3] «Le Combat», 13—14. VII. 1955.

Британский премьер-министр собирался внести предложение о таком решении проблем послевоенного урегулирования, которое означало бы насильственное присоединение ГДР к ФРГ («план Идена»). В то же время, уступая давлению общественного мнения, он намекал на возможность выдвижения идеи создания в Европе зоны разграничения и контроля вооружений в пространстве физического контакта между Востоком и Западом [1], что, по существу, означало бы шаг на пути разрядки напряженности и признания сложившихся в Европе реальностей.

Ряд видных политических обозревателей США отмечал, что представители Соединенных Штатов отправляются на Женевское совещание, ошибочно уверенные в том, что после подписания Парижских соглашений в соотношении сил и «в развитии событий произошел поворот, невыгодный коммунистическому миру» [2].

Хотя в целом западные державы выступали единым фронтом, чувствовалось, что между нами по ряду вопросов имеются существенные расхождения. Чем ближе подходил день совещания, тем больше сомнений возникало в правящих кругах США и ФРГ. Но отступать было уже поздно. Стремление народов к миру стало настолько всеобъемлющим и могучим, что игнорировать его уже стало невозможно, а бороться против него опасно.

Дипломатическая борьба на Женевском совещании [3]

18 июля 1955 г. главы правительств четырех держав встретились за столом переговоров в Женеве в здании европейского отделения ООН [4].

Цель совещания с точки зрения СССР, как отмечалось в заявлении ТАСС от 14 июня 1955 г., заключалась в достижении дальнейшего смягчения международной напряженности, создании необходимого доверия в отношениях между государствами с различными социальными системами и решении совместными усилиями назревших международных проблем.

В центре совещания стояли вопросы послевоенного урегулирования и обеспечения безопасности в Европе.

После приветственного слова генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда совещание начало свою работу.

Президент Д. Эйзенхауэр в своих воспоминаниях писал, что был потрясен росписью потолка зала заседаний. Одна из

---

[1] «Documents on Inernational Affairs. 1958». London, 1951, p. 41—43.
[2] «Business Week». 15. VII. 1955.
[3] См. также гл. XIII этой книги.
[4] Совещание проходило с 18 по 23 июля 1955 г. За это время состоялось семь пленарных заседаний, одно закрытое совещание и пять встреч министров иностранных дел.

картин изображала войну: звероподобные существа сбрасывали детей в жерла гигантских пушек. «Жуткие образы столь жестокой драмы,— писал Д. Эйзенхауэр,— напоминали участникам конференции о серьезности их задач. Это произведение искусства нельзя было назвать приятным, но оно сильно влияло, заставляя думать» [1]. Однако во вступительной речи президента США с поразительной обнаженностью была изложена весьма немилюбивая программа. В качестве «самого важного» Эйзенхауэр выдвинул предложение фактически о «немедленном присоединении» ГДР к ФРГ с последующим участием объединенной Германии в системе «коллективной обороны» как органической части НАТО. Вторым вопросом он назвал пресечение деятельности «международного коммунизма», т. е., иными словами, запрещение выступлений трудящихся капиталистических стран против гнета монополий, за демократические права и свободы. Третьим главным вопросом он считал «восстановление суверенных прав» народов Восточной Европы [2]. За этими словами скрывалось стремление к реставрации капитализма в социалистических государствах.

Премьер-министры Англии и Франции поддержали линию американской делегации. Целиком одобрив выступление Д. Эйзенхауэра, А. Иден добавил, что гарантией безопасности для Восточной Европы могло бы, по его мнению, явиться создание «демилитаризованной зоны между Востоком и Западом» [3].

Даже отдельные ссылки в выступлениях французской и английской делегаций на необходимость обеспечения безопасности народов Европы вызвали недовольство К. Аденауэра. Находившийся в Женеве специальный наблюдатель ФРГ Бланкенхорн по поручению Аденауэра настоял на срочном сепаратном совещании западных делегаций. На этой встрече было принято решение настаивать на создании одного германского государства (путем поглощения ГДР) и его включении в систему агрессивных военных блоков, а любые предложения о безопасности в Европе рассматривать только после согласия советской стороны с этим условием. По словам американского журналиста У. Липпмана, К. Аденауэр, по существу, контролировал поведение западных делегаций в Женеве [4]. Поясняя в дальнейшем позицию США, Англии и Франции, Д. Эйзенхауэр писал: «Мы имели обязательство в отношении канцлера Аденауэра и ФРГ, независимо от того, сколь безобидным ни могло бы показаться какое-либо

---

[1] *D. Eisenhower.* Mandate for Change. 1953—1956. New York, 1963, p. 514.

[2] «Правда», 19 июля 1955 г.

[3] Там же.

[4] «New York Herald Tribune», 21. VII. 1955.

советское предложение, мы были обязаны не делать ничего, что могло бы обидеть канцлера или ослабить решимость Запада» сохранить в ФРГ существующие порядки [1].

Деятельность советской делегации на Женевском совещании определялась следующим указанием правительства СССР: «Главными задачами совещания глав правительств четырех держав должны являться смягчение международной напряженности и содействие созданию необходимого доверия в отношениях между государствами. В соответствии с этим следует дело вести таким образом, чтобы совещание приняло те или иные решения, отвечающие этой цели, или хотя бы соответствующую декларацию (или заявление)». Советское правительство поручало своей делегации отводить все попытки обсудить на совещании такие вопросы, которые бы означали вмешательство во внутренние дела СССР и дружественных ему государств [2].

Советская делегация решительно выступила против воинственной политики правящих кругов США, поддержанной представителями Англии и Франции. Она отмела попытки превратить совещание в своего рода суд над силами социализма и демократии, подчеркнув, что социалистический строй в странах Восточной Европы установлен самими народами на основе их свободного волеизъявления и совещание не имеет никакого права вмешиваться во внутренние дела каких-либо стран. Вопрос о деятельности «международного коммунизма» — это вопрос о деятельности политических сил и организаций различных стран. Совещание же созвано, как отмечали представители СССР, для решения ряда вопросов межгосударственных отношений, а не отношений внутри тех или иных государств. Советская делегация выступила также против планов возрождения западногерманского милитаризма и реваншизма, которые расходились с волей подавляющего большинства немцев и представляли огромную угрозу делу мира и безопасности в Европе [3].

В противовес линии западных держав на обострение советская сторона высказалась за обсуждение на совещании вопросов о сокращении вооружений и запрещении атомного оружия, о создании системы коллективной безопасности в Европе и за рассмотрение вопросов послевоенного урегулирования в Европе. Советская делегация предлагала обсудить далее вопросы о прекращении «холодной войны» и укреплении доверия между госу-

---

[1] *D. Eisenhower.* Mandate for Change. 1953—1956. New York, 1963, p. 523.

[2] «История внешней политики СССР, часть вторая, 1945—1970 гг.». М., 1971, стр. 223.

[3] «Правда», 5, 6 августа 1955 г.

дарствами, о гарантиях безопасности и территориальной неприкосновенности государств, не присоединившихся к военным блокам, а также некоторые проблемы Азии и Дальнего Востока.

После вступительных речей была согласована повестка дня. Она включала четыре вопроса: германская проблема [1], европейская безопасность, разоружение, развитие контактов между Западом и Востоком.

В своем первом выступлении на совещании Д. Эйзенхауэр заявил, что германская проблема «должна явиться основным предметом наших переговоров здесь».

Советская сторона отметила, что урегулирование германских дел имеет огромное значение для мира.

Советская сторона предложила искать решение, «исходя из учета существующих обстоятельств», и начать с ослабления напряженности между сложившимися в Европе группировками государств.

Она исходила из того, что «смягчение напряженности в международных отношениях и создание эффективной системы безопасности в Европе» в большой степени облегчило бы решение германских дел.

Руководствуясь этим, а также интересами превращения Европы в континент мира и сотрудничества, советская делегация внесла конкретные предложения по смягчению напряженности и обеспечению европейской безопасности.

Правительство СССР указало, что наиболее правильным и надежным путем обеспечения безопасности было бы заключение Общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе (вместо существующих военных группировок), как это предлагалось в Берлине в 1954 г.

Внесенный советской делегацией проект Общеевропейского договора предусматривал, что «участниками договора могут быть все европейские государства, независимо от их общественного строя, а также Соединенные Штаты Америки, признающие цели и принимающие на себя обязательства, предусматриваемые договором» [2]. Равноправными участниками договора могли бы быть ГДР и ФРГ.

Участники договора должны обязаться воздерживаться от всякого нападения друг на друга, а также от угрозы силой, консультироваться в случае возникновения угрозы вооруженного нападения на одно или несколько государств — участников договора, предоставить подвергшимся нападению государствам

---

[1] См. гл. XIII.

[2] «Правда», 21 июля 1955 г.

помощь всеми средствами, «включая применение вооруженной силы, в целях восстановления и поддержания международного мира и безопасности в Европе» [1]. Проект договора предусматривал, что его участники не будут входить в коалиции или союзы, противоречащие целям данного договора. Намечалось осуществление широкого экономического и культурного сотрудничества договаривающихся сторон. Предполагалось, что по истечении согласованного срока с момента вступления договора в силу прекратят свое действие Варшавский Договор, Парижские соглашения и Североатлантический пакт. Срок действия договора предлагался — 50 лет [2].

Стремясь облегчить достижение договоренности, советская сторона выдвинула в дальнейшем в Женеве новое предложение — создать систему коллективной безопасности в Европе в два этапа.

Советские предложения предусматривали на первом этапе (два-три года) сохранение в силе НАТО, Парижских соглашений и Варшавского Договора, принятие входящими в них государствами обязательства воздерживаться от применения друг против друга вооруженной силы и разрешать все спорные вопросы мирным путем (предусматривался также отказ от увеличения вооруженных сил на территории других европейских государств впредь до достижения соглашения о сокращении вооружений, запрещение ядерного оружия, вывод иностранных войск с территории европейских стран). Это было бы первым шагом на пути создания системы коллективной безопасности в Европе. Участие в этом деле ГДР и ФРГ способствовало бы, по мнению советской стороны, устранению недоверия между обоими германскими государствами.

На втором этапе государства — участники соглашения должны были принять на себя в полном объеме обязательства, связанные с созданием системы коллективной безопасности. В соответствии с ними должны были, в частности, прекратить действие названные выше договоры и ликвидированы созданные на их основе группировки, которые заменила бы система коллективной безопасности. В результате такое препятствие к урегулированию германских дел, как участие ФРГ и ГДР в противоположных группировках, было бы устранено.

При обсуждении первых двух вопросов повестки дня делегации США, Англии и Франции, несмотря на известное различие в их точках зрения, выступили фактически с единых позиций. Они отказались рассмотреть по существу советский проект договора о коллективной безопасности в Европе, заявив, что

---

[1] «Правда», 21 июля 1955 г.
[2] См. там же.

можно вернуться к этому после решения вопроса о воссоединении Германии.

Внесенное А. Иденом предложение заключить договор США, СССР, Англии и Франции с объединенной Германией о безопасности являлось не чем иным, как маневром. Стремление английской делегации исключить из системы европейской безопасности страны Восточной Европы живо напоминало мюнхенскую политику, линию на «канализацию» германской экспансии на Восток. Но, к счастью для европейских народов, на пути подобной «канализации» находился СССР, его могущество, реально препятствующее осуществлению империалистических замыслов.

Подошел важный момент в работе совещания — предстояло принять решение по первым двум пунктам повестки дня, которое явилось бы исходным для последующей работы министров иностранных дел. Признать, что по вине западных держав чаяния, которые связывались народами с совещанием глав правительств, оказались обманутыми, США, Англия и Франция не могли. Поэтому они согласились с включением в совместную директиву глав правительств министрам иностранных дел пункта, поручавшего им продолжить обсуждение на специальном совещании.

По третьему вопросу повестки дня — о разоружении [1] — советской делегацией был внесен проект решения глав правительств, воспроизводящий те предложения, которые были внесены СССР на рассмотрение западных держав 10 мая 1955 г. Советская делегация отметила при этом, что правительство СССР согласилось с Англией и Францией установить определенные уровни вооруженных сил и с их предложениями о размерах этих уровней для каждой из пяти великих держав. Советская делегация внесла еще одно важное предложение: не дожидаясь заключения общей международной конвенции, на что может потребоваться время, уже на данном совещании договориться о принятии на себя его участниками обязательства не применять первыми атомного или водородного оружия против какой-либо страны. Советская делегация считала необходимым также принять решение о выводе иностранных войск с территорий европейских государств.

Однако все эти предложения не встретили поддержки. Президент США решительно выступил против конкретных планов разоружения, заявив, что приоритет должен принадлежать системе инспекции, создание и длительное применение которой должно предшествовать каким-либо шагам в области разоружения. В качестве эффективной формы такой инспекции пре-

[1] См. гл. XV.

зидент назвал взаимные аэрофотосъемки, высокопарно рассуждая об «открытом небе». В разработке плана «открытого неба» участвовал Н. Рокфеллер, занимавшийся в то время вопросами «психологической войны». План возник во время посещения им одной из баз морской пехоты США и был разработан в основном рьяными сторонниками политики «с позиции силы» генералом Грюнтером и адмиралом Рэдфордом [1]. Предполагалось, что военно-воздушные силы США получат возможность разведать наиболее важные объекты для внезапного удара с воздуха на территории СССР, а советским самолетам будет разрешено фотографировать территории европейских союзников США [2]. План «открытого неба» не имел ничего общего с разоружением.

При обсуждении вопроса о разоружении А. Иден вновь выдвинул план создания демилитаризованной зоны в Европе. Этот план имел определенные положительные стороны, так как учитывал в какой-то мере реальную обстановку и содержал предложение признать существующую разграничительную линию между социалистическим Востоком и капиталистическим Западом границей двух систем в Европе.

Недостатком британского документа было то, что в нем не содержалось мероприятий по сокращению и ограничению вооружений на инспектируемых территориях. Советская делегация высказалась за дополнение этого плана, с тем чтобы в демилитаризованной зоне полностью исключалось нахождение вооружений и вооруженных сил. Совещание приняло предложение А. Идена за основу и поручило министрам иностранных дел изучить мероприятия по созданию между Востоком и Западом зоны, «в которой размещение вооруженных сил будет производиться по взаимному соглашению» [3].

Правительство Аденауэра возражало и против этого. Оно считало, что создание зоны ограниченных вооружений может помешать процессу ремилитаризации ФРГ. Кроме того, в его планы отнюдь не входило признание реального положения, сложившегося в Европе. Правительство Аденауэра, заручившись поддержкой правительства США, оказало сильное давление на А. Идена, чтобы побудить его отказаться от своего плана.

В целом по проблеме разоружения Женевское совещание ограничилось самыми общими пожеланиями. Оно поручило министрам иностранных дел «принять во внимание работу, проделанную комиссией по разоружению, учесть мнения и предложения, выдвинутые главами правительств на этом Совещании, и

---

[1] *R. Barnet.* Who Wants Disarmament. Boston, 1961, p. 36—37; *J. Swomly.* The Military Establishment. Boston, 1964, p. 162.

[2] «New York Times», 22. VII. 1955.

[3] «Правда», 24 июля 1955 г.

обсудить, нет ли возможности для четырех правительств проявить дальнейшую полезную инициативу в области разоружения» [1].

При обсуждении последнего пункта повестки дня о контактах между Западом и Востоком было ясно, что взгляды сторон совершенно противоположны. Советский Союз рассматривал контакты как средство упрочения мирного сосуществования, западные державы — как средство «психологической войны». В выступлениях советских представителей подчеркивалась необходимость развития связей и общения между государствами в области экономики, культуры, науки и информации, не нарушая интересов, принципов и традиций этих государств. В выступлениях представителей США, Англии и Франции говорилось о «свободе» сообщений и передвижения, радиопередач, создании информационных центров для беспрепятственной и неконтролируемой соответствующими правительствами пропаганды в их странах. Они стремились расширить возможности для продвижения в социалистические страны буржуазных пропагандистских материалов. Об экономическом сотрудничестве делегации западных государств предпочитали высказываться мимоходом, умалчивая об искусственных по отношению к социалистическим странам дискриминационных ограничениях, созданных правительством США и под его влиянием и давлением распространенных на другие страны НАТО. В директивах совещания дальнейшее изучение вопроса о развитии контактов поручалось министрам иностранных дел.

По вопросам Азии и Дальнего Востока состоялся неофициальный обмен мнениями. Советские представители предложили решить вопросы о Тайване как неотъемлемой части КНР и восстановлении ее законных прав в ООН. Однако Эйзенхауэр и Даллес отклонили советские предложения. В результате этого обмена мнениями удалось лишь согласовать вопрос о китайско-американских переговорах на уровне послов. Они начались 1 августа 1955 г.

23 июля 1955 г. совещание закончило свою работу.

Ввиду позиций, занятых западными державами, не удалось достичь договоренности ни по германским делам, ни по другим обсуждавшимся вопросам. Главы правительств лишь поручили министрам иностранных дел продолжить в сентябре 1955 г. переговоры, с тем чтобы добиться решения вопроса «Европейская безопасность и Германия» и других обсуждавшихся в Женеве проблем, утвердив директиву, определявшую направление работы министров.

---

[1] «Правда», 24 июля 1955 г.

Принятая главами правительств директива представляла собой компромисс между точкой зрения западных держав и Советского Союза [1].

Советской стороне удалось добиться, чтобы вопросы европейской безопасности были поставлены на первое место. Это было значительным достижением советской делегации.

Незадолго до совещания Дж. Ф. Даллес говорил, что его правительство будет вести переговоры «с позиции силы» и поставит Советский Союз в «позицию слабости» [2]. Но эти расчеты оказались беспочвенны. Вся работа совещания показала несостоятельность методов диктата, применявшихся американской дипломатией. На совещании восторжествовали методы переговоров и взаимного согласования точек зрения, отстаиваемые советской дипломатией. Хотя стороны не смогли договориться по стоявшим в повестке дня вопросам, но в целом Женевское совещание все же привело на некоторое время к известному смягчению напряженности в отношениях между государствами.

Уже сам факт установления личного контакта между главами правительств четырех держав и их встречи после десятилетнего перерыва для обсуждения назревших международных проблем являлся определенным успехом миролюбивых сил и имел немаловажное значение. Западные державы были вынуждены вести переговоры с Советским Союзом как с равноправным партнером, в какой-то мере отойти от безоговорочного следования политике «холодной войны», что не могло не содействовать определенному ослаблению международной напряженности.

3. Дальнейшие усилия советской дипломатии по оздоровлению обстановки в мире и развитию международного сотрудничества

В 50-х годах уже в полной мере выявилась незыблемость существования двух германских государств — социалистической ГДР и капиталистической ФРГ. Проводя линию на всемерное укрепление и расширение дружественных отношений с ГДР, советская сторона в то же время выступала и за нормализацию отношений с ФРГ. Исходя из того, что нормализация отношений с ФРГ соответствовала бы интересам мира и безопасности в Европе, а также интересам всех народов, и считая, что это может оказать благоприятное воздействие на урегулирование германских дел, о чем говорилось еще в заявлении советского

---

[1] См. гл. XIII.

[2] «New York Times», 11. VII. 1955.

правительства от 15 января 1955 г.[1], СССР выразил готовность установить дипломатические отношения с ФРГ. Несмотря на противодействие Аденауэра, этот вопрос был урегулирован в ходе переговоров между правительственными делегациями СССР и ФРГ в Москве в сентябре 1955 г.[2]

Инициатива Советского Союза, которая привела к установлению дипломатических отношений между СССР и ФРГ, сопровождалась одновременно новыми шагами советской стороны по дальнейшему укреплению братских отношений с ГДР. Важную роль сыграл визит в сентябре 1955 г. в Советский Союз правительственной делегации ГДР во главе с премьер-министром О. Гротеволем. Он завершился подписанием 20 сентября 1955 г. Договора об отношениях между СССР и ГДР.

Этот договор являлся одним из важнейших событий того периода. Придав международно-правовую силу суверенитету ГДР, он открыл новый этап внешней политики немецкого миролюбивого государства. С заключением договора от 20 сентября 1955 г. отношения между СССР и ГДР получили новую, еще более прочную основу, соответствующую интересам народов обеих стран. Договор стал надежной базой дальнейшего развития этих отношений во всех областях.

Советско-финляндские и советско-норвежские переговоры

После второй мировой войны в отношениях Советского Союза и Финляндии произошли важные перемены. Они были обусловлены тем, что в политике этой северной страны восторжествовала «линия Паасикиви — Кекконена»[3] на развитие дружественных отношений с СССР, в полной мере отвечающая коренным национальным интересам народа Финляндии. Поворотным пунктом во взаимоотношениях двух государств стал советско-финляндский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный 6 апреля 1948 г. Договор был заключен на принципах взаимного уважения суверенитета и независимости, невмешательства во внутренние дела и полного равноправия сторон. Он создал прочные основы для развития подлинно добрососедских, дружественных отношений между СССР и Финляндией в политической, экономической и культурной областях и стал важным фактором укрепления мира и безопасности в северной части Европы. В договоре отмечалось, что укрепление добрососедских отношений и сотрудничества отвечает жизненным интересам СССР и Финляндии. Было при-

---

[1] См. «Правда», 16 января 1955 г.

[2] Об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ и договоре между СССР и ГДР от 20 сентября 1955 г. см. гл. XIII.

[3] Названа по имени президентов Финляндии Ю. К. Паасикиви (в 1946—1956 гг.) и У. К. Кекконена (с 1956 г.).

пято во внимание стремление Финляндии остаться в стороне от противоречий между интересами великих держав. Стороны обязались не заключать союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон.

В сентябре 1955 г. по приглашению Советского правительства в Москву прибыла финляндская делегация во главе с президентом Ю. К. Паасикиви. В результате состоявшихся переговоров был подписан протокол о продлении на 20 лет срока действия договора 1948 г. Одновременно по инициативе советской стороны было подписано соглашение об отказе СССР от установленных мирным договором 1948 г. с Финляндией прав на аренду для военно-морской базы финляндской территории Порккала-Удд. Соглашение предусматривало вывод с этой территории советских войск и безвозмездную передачу Финляндии возведенных там Советским Союзом казарменных, жилых и складских помещений, объектов связи и портового оборудования с причалами.

Инициатива СССР представляла собой миролюбивый акт, исполненный доверия к дружественной политике соседнего государства. Ю. К. Паасикиви говорил: «Этот благородный поступок является, по моему мнению, новым и, по своей вескости, убедительным доказательством мирных стремлений Советского Союза не только по отношению к своему соседу — Финляндии, но и в мировом масштабе» [1].

Пример советско-финляндской дружбы оказал большое влияние на политические настроения в Северной Европе, демонстрируя бесплодность и опасность участия некоторых из стран этой части континента в агрессивных военных блоках империалистических держав.

С 10 по 22 ноября 1955 г. в СССР находилась правительственная делегация Норвегии во главе с премьер-министром Герхардсеном. В итоге переговоров стороны «выразили свое стремление содействовать дальнейшей разрядке международной напряженности и развитию мирного сотрудничества всех народов на основе взаимного уважения независимости и суверенитета и невмешательства во внутренние дела» [2]. Важное значение имело заверение Герхардсена, что «норвежское правительство не будет содействовать политике, имеющей агрессивные цели, и не предоставит баз на норвежской территории иностранным вооруженным силам, пока Норвегия не подвергнется нападению или угрозе нападения» [3]. В последующем базы НАТО на территории Норвегии (она является участницей Североатлантического

[1] «Правда», 19 сентября 1955 г.
[2] «Правда», 16 ноября 1955 г.
[3] Там же.

договора) не были предоставлены иностранному командованию, а обслуживались и находились под норвежским руководством.

Заверение правительства Норвегии, вызвавшее ожесточенные нападки со стороны руководства НАТО, свидетельствовало о стремлении все новых стран к проведению самостоятельной национальной политики и обеспечению своей безопасности на основе общеевропейского сотрудничества.

Советский Союз на десятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН

В середине 50-х годов произошли существенные изменения в ООН. В ней отмечался процесс усиления роли и влияния социалистических и других миролюбивых государств, ослабления позиций империалистических держав. Объективной основой этих изменений являлись рост международного авторитета социалистического содружества и выход на арену мировой политики молодых национальных государств. Большое значение имели активные действия советской дипломатии в защиту мира и свободы народов, ее гибкость и дальновидность.

Стремясь сохранить за собой господствующее положение в ООН, правящие круги США и Англии в течение ряда лет блокировали прием в нее социалистических и других миролюбивых государств. Вплоть до 1955 г. из числа социалистических государств в ООН были представлены только СССР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Польша, Чехословакия и Югославия. Ко времени открытия X сессии Генеральной Ассамблеи ООН (20 сентября — 20 декабря 1955 г.) за пределами Организации оставалось 18 государств, давно добивавшихся приема в ООН: Австрия, Албания, Болгария, Венгрия, Иордания, Ирландия, Испания, Италия, Камбоджа, Лаос, Ливия, Монголия, Непал, Португалия, Румыния, Финляндия, Цейлон и Япония.

Но законсервировать такое положение в ООН Вашингтону и Лондону стало уже невозможно. Учитывая это, представитель Канады внес предложение об одновременном приеме всех 18 государств. Это встретило поддержку подавляющего большинства делегаций. Советская делегация заявила, что хотя она и имеет серьезные возражения по некоторым кандидатурам, но в интересах международного сотрудничества не будет возражать против предложения Канады.

И все же решение этого вопроса едва не было сорвано. Противники приема новых стран прибегли к услугам чанкайшиста, который подал в Совете Безопасности свой голос против приема в ООН МНР. Империалистическая дипломатия считала, что в ответ Советский Союз наложит вето на прием в ООН других государств, и таким образом не только будет заблокирован прием новых членов, но и ответственность за это можно будет взвалить на СССР. Однако советская дипломатия нашла выход.

Делегация СССР по согласованию с МНР предложила принять в ООН 16 государств, отложив прием МНР и Японии. Это предложение было поддержано большинством делегаций. Обструкционистская политика потерпела поражение. Совет Безопасности принял соответствующую рекомендацию. 14 декабря 1955 г. Генеральная Ассамблея вынесла решение о приеме в ООН 16 государств [1]. Так благодаря усилиям советской дипломатии был преодолен тупик в этом важном вопросе.

Увеличение количества членов ООН (к концу 1955 г.— 76 вместо 51 в 1946 г.) вело к утрате империалистическими державами того послушного «механического большинства», которым они располагали ранее. Эту потерю западная дипломатия рассчитывала компенсировать реформой Устава ООН, поведя атаки на принцип единогласия великих держав в Совете Безопасности. На 10-й сессии Генеральной Ассамблеи она внесла предложение о созыве всеобщей конференции по данному вопросу. Решительное противодействие советской делегации, находившее поддержку все большего числа стран, привело к тому, что сессия ограничилась решением о создании Комитета для подготовки такой конференции [2]. Комитет не приступил к работе, так как ее инициаторы поняли, что в условиях происшедших изменений в соотношении сил внутри ООН пересмотр Устава, как писала буржуазная печать, не принесет для них ожидаемых выгод [3].

Советский Союз внес на рассмотрение 10-й сессии Генеральной Ассамблеи свои предложения о разоружении [4], ранее выдвинутые им в Подкомитете ООН и на Женевском совещании глав правительств. Так как эти предложения учитывали прежнюю позицию Англии, Франции и Канады, были направлены на максимальное сближение точек зрения, представители этих стран оказались в затруднительном положении и не могли открыто выступить против советской инициативы. Тогда эту роль взяли на себя представители США, использовав в качестве дипломатического прикрытия для своей тактики по срыву советской инициативы так называемый план «открытого неба». Американская делегация вместе с представителями Англии, Франции и Канады широко афишировала его на 10-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ею был внесен проект резолюции, в котором содержалось требование предоставить в переговорах о разоружении приоритет вопросу об аэрофотосъемках. Советская

---

[1] См. ООН. ГА. Десятая сессия. Официальные отчеты. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей с 20 сентября по 20 декабря 1955 г., стр. 50.

[2] Там же.

[3] «New Statesmen and Nation», 5. XI. 1955; «Economist», 13. IV. 1957; «Foreign Policy Bulletin», 15. II. 1957.

[4] См. гл. XIX.

делегация, проявляя большую гибкость, предложила сочетать рассмотрение на этих переговорах «плана Эйзенхауэра» с решением остальных вопросов разоружения в соответствии с предложениями СССР от 10 мая 1955 г. В результате Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, в которой наряду с предоставлением приоритета плану «открытого неба» признавалась необходимость разработки плана всеобщего разоружения.

Советский Союз предложил также на 10-й сессии Генеральной Ассамблеи принять решение «О мерах по дальнейшему ослаблению международной напряженности и развитию международного сотрудничества». В советском проекте говорилось: «Генеральная Ассамблея с удовлетворением отмечает усилия государств, особенно за последнее время, направленные на ослабление международной напряженности, укрепление взаимного доверия и развитие сотрудничества между народами. В этом отношении особое значение имеет Женевское совещание Глав правительств четырех держав, Бандунгская конференция стран Азии и Африки, а также развитие контактов между руководящими деятелями государств» [1]. Проект содержал призыв «продолжить эти усилия в интересах укрепления всеобщего мира и безопасности, добиваясь дальнейшего улучшения отношений и укрепления доверия между государствами» [2].

Советский проект резолюции не только не был поддержан остальными тремя участниками встречи в Женеве, но даже встретил их неприязненное отношение. Представители западных держав навязали Генеральной Ассамблее ООН решение, согласно которому принятая ею резолюция по вопросу о разоружении исчерпывает проблему смягчения международной напряженности. С помощью открытого давления Генеральную Ассамблею вынудили подменить реальные меры по укреплению мира и развитию международного сотрудничества предоставлением приоритета плану «открытого неба», явно служившего интересам агрессивных сил. Признавая это, американская пресса открыто писала в те дни: «Мы хотим сохранить все наши вооружения, включая атомные бомбы... Мы думаем не о разоружении, а о развертывании и мобилизации» [3].

Совещание министров иностранных дел в Женеве (октябрь — ноябрь 1955 г.)

Женевское совещание глав правительств четырех держав (июль 1955 г.), а также нормализация отношений СССР с рядом стран способствовали известному ослаблению международной напряженности. Но такая перспектива сильно обеспокоила крайне правые круги в Вашингтоне, Лондоне и Бонне и встретила самое решительное

[1] «Правда», 24 сентября 1955 г.
[2] Там же.
[3] «New York Herald Tribune», 1. IX. 1955.

противодействие со стороны наиболее реакционных сил. Особенно сильную активность в этом направлении развил К. Аденауэр. Он сам признается в своих мемуарах, что его «опасения о психологическом воздействии Женевского совещания росли изо дня в день» [1].

9 августа 1955 г. через две недели после совещания глав правительств четырех держав Аденауэр пишет Дж. Ф. Даллесу длинное письмо. В нем канцлер решительно возражал против смягчения международной напряженности, изображал дело так, будто совещание было выгодно только Советскому Союзу, писал об «угрозе коммунизма» и добивался от Даллеса заверения, что США не отойдут от своей прежней политики [2].

В своем ответном письме от 15 августа 1955 г. Даллес, согласившись с Аденауэром, заявил, что за разрядку нужно потребовать «соответствующую цену у русских», и сообщил, что в этом плане США намерены оказать давление на Советский Союз [3].

Выступая 24 августа 1955 г. с большой речью в Филадельфии, Д. Эйзенхауэр фактически полностью солидаризовался с Аденауэром, заявив, что на основе статус-кво не может быть подлинного мира. Комментируя эту речь, западная печать писала, что «правительство Эйзенхауэра приняло политическое решение затормозить оптимизм, созданный в прошлом месяце совещанием большой четверки в Женеве» [4].

В такой обстановке 27 октября 1955 г. министры четырех держав начали свою работу в том же зале в Женеве, где заседали и главы правительств [5].

В июле на совещании глав правительств четырех держав благодаря настойчивости советской стороны удалось добиться, что на первое место в директиве министрам иностранных дел был поставлен вопрос о европейской безопасности. Это был, по существу, главный вопрос, который обсуждали министры в Женеве.

Указания, данные правительством СССР советской делегации, предусматривали: «При рассмотрении вопроса о безопасности в Европе делегации необходимо отстаивать то положение, что задаче установления эффективной европейской безопасности лучше всего отвечает создание системы коллективной безопасности в Европе, относительно которой Советское правительство

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1953—1955, S. 477.
[2] Ibid., S. 478—480.
[3] Ibid., S. 482.
[4] «New York Times», 25. VIII. 1955.
[5] Совещание проходило с 27 октября по 16 ноября 1955 г. В повестке дня стояли следующие вопросы: европейская безопасность и Германия, разоружение, развитие контактов между Востоком и Западом. Состоялось 17 пленарных заседаний.

внесло соответствующее предложение на Совещании глав правительств четырех держав в Женеве, и заключение с этой целью соответствующего договора. Учитывая, что это предложение не было подвергнуто рассмотрению по существу на Совещании глав правительств, делегация должна поставить вопрос о том, чтобы представители трех держав высказали свое отношение к этому предложению. При рассмотрении этого предложения необходимо исходить из того, что оно является основным предложением Советского правительства по вопросу о европейской безопасности» [1].

Руководствуясь этими указаниями, советская сторона вновь предложила обсудить проект Общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе. Хотя совещание глав правительств поручило министрам иностранных дел рассмотреть его, представители США, Англии и Франции поспешно отклонили проект. Такая же судьба постигла измененный в дальнейшем проект договора о безопасности в Европе и все последующие советские предложения по данному вопросу [2].

Делегации США, Англии и Франции проявили явное нежелание следовать по пути, согласованному главами правительств, и брали курс не на смягчение, а на обострение международной напряженности. Не случайно именно в это время Даллес в следующих словах формулирует политику правящих кругов США: «подойти на грань войны, не вступая в войну» [3]. Конечно, стремление балансировать на такой опасной грани не могло не отравлять общую политическую атмосферу.

Германские дела [4] рассматривались на совещании лишь в связи с вопросом обеспечения безопасности в Европе.

Западные державы отклонили предложения советской стороны.

Немиролюбивая позиция США, Англии и Франции еще более обнажилась в вопросе о разоружении. Проблема разоружения отодвигалась ими в сторону, на первый план выдвигался только контроль, особенно аэрофотосъемки. СССР выразил готовность дополнить свои предложения о разоружении [5] рядом

---

[1] «История внешней политики СССР, часть вторая, 1945—1970 гг.», стр. 227.

[2] Советская делегация внесла проект основных принципов Общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе и отмечала, что если западные державы еще не готовы к такому шагу, то можно было бы начать с заключения пакта безопасности для части Европы, включая оба германских государства и те европейские страны, которые пожелали бы принять участие в этом.

[3] «Life», 20. II. 1956.

[4] См. гл. XIII.

[5] Советская делегация, исходя из предложений Советского правительства от 10 мая 1955 г., выступала за неуклонное проведение в жизнь

мер контроля, выдвигавшихся западными державами. Но и к этой инициативе с их стороны не был проявлен интерес. Отвергнуто было ими и советское предложение, чтобы четыре державы торжественно обязались не применять первыми ядерное оружие.

Совещание министров иностранных дел обсудило также английское предложение о создании в центре Европы зоны ограничения и инспекции вооружений. Под давлением Бонна и Вашингтона авторы изменили свое первоначальное предложение коренным образом, сделав его открыто воинственным. Британская делегация предложила считать рубежом между Востоком и Западом не реальный водораздел между социализмом и капитализмом, а границу ГДР и Польши. Иначе говоря, под видом создания демилитаризованной зоны выдвигался все тот же план «присоединения» ГДР к ФРГ.

Несколько позднее в бундестаге ФРГ депутат Э. Менде (СвДП) говорил: «Мы были свидетелями того, как тогдашний премьер-министр Англии Иден изложил в Женеве план, предлагающий создание зоны ограниченных вооружений по обе стороны Эльбы. *Не без вмешательства федерального правительства* эта линия затем перенесена была на Одер — Нейсе» [1].

Выступая за рассмотрение первоначального английского предложения, советская делегация настаивала на том, чтобы не выдумывались какие-то искусственные «линии», а учитывались те рубежи между социалистическим Востоком и капиталистическим Западом, которые существуют в самой жизни [2]. Однако западные державы уклонились от этого и отклонили советские предложения о создании зоны ограничения вооружений.

По вопросу о развитии контактов между Западом и Востоком совещанию был предложен французский проект, который

единодушно принятых ранее решений ООН о необходимости заключения международной конвенции, предусматривающей значительное сокращение всех вооружений и запрещение атомного оружия с установлением международного контроля. До заключения общей конвенции Советский Союз предлагал, чтобы четыре державы объявили о своем отказе первыми применять атомное и водородное оружие. Советская сторона предлагала также, чтобы совещание единодушно заявило о том, что четыре державы будут воздерживаться в отношениях между собой от применения вооруженной силы и будут решать имеющиеся разногласия мирным путем.

Западные же державы пытались представить дело так, что осуществление общей программы разоружения невозможно, и предлагали ограничиться лишь установлением контроля и инспекции без принятия каких-либо мер по сокращению вооружений.

[1] «Белая книга об агрессивной политике правительства Федеративной Республики Германии», стр. 108.

[2] «Правда», 1 ноября 1955 г.

содержал определенные положительные элементы. В него был включен ряд предложений о развитии экономических, научно-технических и культурных связей между социалистическими и капиталистическими странами. Впоследствии эти предложения получили реализацию в советско-французских отношениях. Однако в проекте оставался обойденным вопрос об устранении препятствий развитию контактов, к которым относились прежде всего дискриминация США, Англией и Францией торговли с социалистическими странами. В проекте содержался ряд предложений (об изменении курса валют; организации прямого воздушного сообщения без специальных соглашений по данному вопросу; создании информационных центров, не контролируемых правительствами стран, в которых они находятся), представлявших попытку вмешательства во внутренние дела социалистических государств [1].

Советская делегация предложила изъять из проекта французского правительства все положения, далекие от цели развития контактов, и пополнить его рядом конкретных предложений о развитии экономических, научно-технических и культурных связей. Но вновь советские предложения не встретили положительного отклика.

Таким образом, ввиду позиции западных держав совещание закончилось без принятия каких-либо существенных решений. Более того, совещание министров было даже шагом назад по сравнению с совещанием глав правительств, показав, что правящие круги США, Англии и Франции по-прежнему рассчитывают на политику «с позиции силы». Западная дипломатия осталась верной себе. Ее представители не внесли на совещании никаких конструктивных предложений. Все расчеты в Вашингтоне строились на том, что Западу в конце концов удастся вынудить Советский Союз к отступлению. Советская дипломатия опрокинула эти надежды и показала полную несостоятельность политики давления и шантажа.

Совещание показало, что мирные инициативы Советского Союза становятся все более важным фактором международной жизни, оказывающим огромное воздействие на ход событий в мире. Однако совещание одновременно свидетельствовало о том, что любой шаг в направлении уменьшения международной напряженности сопряжен с немалыми трудностями и что для их преодоления нужны активизация и мобилизация усилий всех демократических и миролюбивых сил.

---

[1] «Правда», 16 ноября 1955 г.

Переговоры СССР с западными державами в 1956 г.

После совещания министров иностранных дел 1955 г. борьба двух линий в международной политике и дипломатии разгорелась с новой силой. Правящие круги США продолжали вынашивать планы «оттеснения социализма». В рождественском послании Белого дома прямо говорилось, что «освобождение» от социализма стран Восточной Европы «было, есть и останется — до тех пор, пока не будет достигнуто успеха,— основной целью внешней политики США» [1]. Такая «основная цель» таила в себе угрозу новой мировой войны. Эта цель была неразрывно связана с новой военно-стратегической доктриной США, разработанной в 1952—1953 гг. и принятой затем в качестве основы внешней политики,— доктриной «массированного возмездия». Ее суть состояла в подготовке внезапного ядерного удара по социалистическим странам. Английский военный теоретик Лиддел Гарт писал, что США прибегли к явной угрозе «осуществить стратегическую бомбардировку с использованием оружия массового уничтожения» [2].

Советское правительство противопоставило агрессивным проискам правящих кругов Запада искреннее стремление к миру и международному сотрудничеству, к дальнейшему развитию тех положительных тенденций, которые проявились в течение 1955 г. В январе 1956 г. Председатель Совета Министров СССР обратился к президенту США с посланием, в котором говорилось: «В Женеве на совещании Глав Правительств четырех держав мы все заявили о нашей готовности добиваться уменьшения международной напряженности и улучшения отношений между государствами в соответствии с принципами мирного сосуществования и делового сотрудничества» [3]. Выступая за осуществление этих принципов на деле, правительство СССР предлагало заключить договор двух стран о дружбе и сотрудничестве. К посланию был приложен соответствующий проект, первая статья которого гласила: «Договаривающиеся стороны будут развивать и укреплять в духе искреннего сотрудничества и взаимопонимания дружественные отношения между народами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки на основе равноправия, взаимного уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела» [4]. Однако советское предложение не получило должного отклика в правящих кругах США.

С 18 по 27 апреля 1956 г. в Лондоне проходили советско-английские переговоры на высшем уровне. Советская делегация

---

[1] «New York Times», 31. XII. 1955.
[2] *Liddell Hart.* Deterrent of Defence. London, 1960, p. 18.
[3] «Правда», 29 января 1956 г.
[4] Там же.

стремилась ликвидировать завалы «холодной войны» и вывести отношения двух стран на широкую дорогу добрососедства и сотрудничества. Правящие круги Англии, напротив, добивались создания таких международных условий, которые благоприятствовали бы осуществлению различных империалистических планов, в первую очередь на Ближнем Востоке. Вопрос о положении в этом районе земного шара был по предложению английской стороны поставлен на первое место в ходе обмена мнениями.

В тот период египетский народ поднялся на борьбу за национальную независимость своей страны. Завершался вывод британских войск с территории Египта. Становилось очевидным, что предстоит национализация египетским правительством компании Суэцкого канала. Английские политики и военные все более склонялись к применению оружия с целью защиты тех привилегий, которыми Англия пользовалась в компании Суэцкого канала. В переговорах с советской делегацией британский премьер-министр А. Иден заявил, что Англия имеет традиционные интересы в Египте и не остановится перед применением оружия, если возникнет угроза этим интересам [1]. На это с советской стороны было сказано, что ничто не могло бы оправдать вооруженного нападения, которое вызвало бы негодование всех миролюбивых народов. Верный своей политике борьбы за мир, Советский Союз в таком случае применил бы весь свой авторитет и все свое могущество, чтобы пресечь военное нападение.

Британский премьер-министр добивался обязательства СССР не продавать оружия Египту. Советская делегация ответила, что она согласилась бы на международное соглашение о запрещении поставок любой страной оружия государствам Ближнего и Среднего Востока. Английское правительство, поставлявшее оружие Израилю и подготовлявшее его агрессию против арабских народов, отклонило советское предложение, показав тем самым свою незаинтересованность в укреплении мира на Ближнем Востоке. Его предложение Советскому Союзу вызывалось стремлением поставить Египет в положение международной изоляции. Отказавшись стать на этот путь, Советское правительство сорвало осуществление подобных замыслов.

При обсуждении вопроса о разоружении британские представители ссылались на то, что без других держав, прежде всего Соединенных Штатов, они не могут предпринять каких-либо положительных шагов. Они согласились только, чтобы в официальном советско-английском заявлении об итогах переговоров было сказано, что стороны признают необходимость разоруже-

---

[1] The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle, p. 358.

ния [1]. К таким же общим фразам свелись и результаты обсуждения вопроса о развитии торговли между СССР и Англией, хотя советская сторона внесла конкретный план значительного расширения взаимного товарооборота.

По вопросу о дальнейшем развитии контактов было принято совместное заявление, предусматривавшее расширение культурных, научных и технических связей, обмен правительственными, муниципальными, научными и культурными делегациями, представителями театра и музыки, а также спортивными коллективами. Однако в этом заявлении не говорилось о развитии экономических связей, что обусловливалось нежеланием английской стороны отказываться от политики торговой дискриминации СССР, несмотря на безусловную заинтересованность значительной части деловых кругов Великобритании в получении советских заказов.

Английская делегация согласилась включить во вступительную часть совместного заявления признание принципа мирного сосуществования. Это было вынужденной констатацией того факта, что попытки строить отношения с СССР на основе политики «с позиции силы» терпят провал.

Парламентские выборы 1956 г. во Франции свидетельствовали о значительном полевении масс. С их настроениями не могло не считаться созданное после выборов правительство Ги Молле. Новый премьер-министр заявил о желании добиваться смягчения международной напряженности и «постоянном, непреклонном стремлении к переговорам с Советским Союзом при всех обстоятельствах и по всем проблемам» [2]. Министр иностранных дел Франции К. Пино добавил к этому, что он не согласен с «общим направлением западной политики в вопросах войны и мира», так как державы, проводящие эту политику, «делают упор на чисто военную силу». Пино призывал к пересмотру этой политики, подчеркивая, что «политика войны была отклонена. Теперь надо проводить политику мира» [3].

Речи новых французских лидеров встретили самое неприязненное отношение в Вашингтоне и Бонне. На очередной сессии Совета НАТО, состоявшейся в начале мая 1956 г. в Бонне, их принудили подтвердить верность Североатлантическому пакту и общей линии этого блока. Это существенно повлияло на позицию французских правящих кругов. С 15 по 19 мая 1956 г. в Москве проходили французско-советские переговоры. Официальное заявление об их итогах было аналогично англо-советскому заявлению, особенно в вопросах Ближнего и Среднего Востока, разоружения, торговых отношений, развития связей. Новыми

[1] См. «Правда», 27 апреля 1956 г.
[2] «Journal officiel», 1. II. 1956, p. 135—139.
[3] См. «Правда», 3 марта 1956 г.

были лишь разделы, в которых подводились итоги обсуждению вопросов экономической и технической помощи слаборазвитым странам, положения в Юго-Восточной Азии и Алжире, а также международного сотрудничества в мирном использовании атомной энергии. Во вступительной части французско-советского заявления, так же как и англо-советского, содержалось признание принципа мирного сосуществования. В обстановке роста политического и военного могущества Советского Союза как правительство Англии, так и правительство Франции оказались вынужденными включить в официальные заявления признание принципа мирного сосуществования.

* * *

Борьба Советского Союза за ослабление международной напряженности в середине 50-х годов показала народам глубокое различие между миролюбивым курсом СССР и агрессивным курсом ряда западных держав. Усилия советской дипломатии способствовали сохранению и упрочению мира, хотя в международной обстановке сохранялось много «взрывоопасного материала».

Успехи внешней политики СССР не были случайными. Они отражали нараставший процесс укрепления мировой социалистической системы и дальнейшего постепенного изменения соотношения мировых сил в пользу социализма. Советская дипломатия умело использовала эти объективные процессы в интересах укрепления мира, демократии и социализма.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПРОБЛЕМА МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕВРОПЕ. ВОПРОС О ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ (1956—1961 гг.)

После заключения Парижских соглашений и вступления ФРГ в НАТО (1955 г.), закреплявших ее классовое и государственно-политическое размежевание с ГДР, возникла принципиально новая ситуация. В результате политики западных держав и правящих кругов Бонна путь к объединению двух германских государств все более основательно блокировался. Этот вопрос стал теперь, когда на территории бывшего рейха существовали два полноправных, самостоятельных государства, прежде всего делом ГДР и ФРГ. Однако за четырьмя державами по-прежнему сохранялись вытекавшие из Потсдамских решений обязательства по обеспечению мира и безопасности в Европе и недопущению возникновения очага новой военной угрозы. Поэтому Советский Союз решительно выступал против перевооружения ФРГ, за подведение черты под второй мировой войной в Европе, за завершение мирного урегулирования в Европе, нормализацию положения в Западном Берлине.

Рассматриваемый период являлся одним из наиболее сложных и напряженных в борьбе за урегулирование германских дел и решение вопроса о Западном Берлине. Это был период чередования международной напряженности и ее ослабления, период заката даллесовской политики «отбрасывания коммунизма» и банкротства аденауэровской концепции «поглощения» ГДР. Конструктивные предложения, с которыми постоянно выступали Советский Союз, Германская Демократическая Республика и другие братские социалистические страны, были направлены на обеспечение мира и безопасности в Европе. На XX и последующих съездах Коммунистической партии Советского Союза обращалось внимание на опасные действия милитаристских и реваншистских сил, на нагнетание ими международной напряженности, на необходимость урегулирования германских дел, нормализации положения в Западном Берлине, полной ликвидации остатков второй мировой войны в Европе.

1. Борьба дипломатии стран социализма за разрядку напряженности и укрепление мира в Европе

Рост военной опасности в результате возрождения западногерманского милитаризма

Как и предупреждало Советское правительство, заключение Парижских соглашений и вступление ФРГ в НАТО привели к усилению военных приготовлений Западной Германии и активизации в ней реваншистских сил.

Вскоре после принятия Парижских соглашений «ведомство Бланка» было реорганизовано в министерство обороны ФРГ. Началось форсированное перевооружение и комплектование бундесвера. Созданная еще в 1953 г. в Союзе немецкой промышленности «рабочая группа по вопросам вооружений» была преобразована в 1955 г. в «комитет по оборонно-экономическим вопросам». Он немедленно приступил, в тесном контакте с западногерманскими монополиями, к разработке директив по развитию военной промышленности [1].

Реализация этого курса облегчалась тем, что он находил полную поддержку в Лондоне и Вашингтоне, планы которых, как следует из документов, были направлены на то, чтобы создать в течение трех-четырех лет, т. е. приблизительно к 1959 г., боеспособный бундесвер [2], или, как уточняли влиятельные политические обозреватели, «самую могучую современную армию в [Западной] Европе» [3]. Более того, правящие круги США создали в ФРГ большие запасы оружия и начали его передачу боннским властям после вступления в силу Парижских соглашений. 30 июня 1955 г. в Бонне между США и ФРГ был подписан договор о взаимной помощи. Вооружение и военное снаряжение широким потоком хлынуло в ФРГ. США и Англия обязались поставить его в течение нескольких лет на сумму в 34 млрд. марок (8950 млн. долл.). Представители бундесвера приступили с 26 июля 1955 г. к работе в штабе командования НАТО. Более двух десятков групп американских инструкторов и советников активно включились в создание вооруженных сил ФРГ. Одновременно в начале 1956 г. западногерманские офицеры прибыли на переподготовку в США.

В марте 1956 г. в конституцию ФРГ вносятся изменения, предоставлявшие исполнительной власти необходимые полномочия для ускоренного перевооружения. В июне принимается закон о

---

[1] См. «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 81.

[2] «Hearings before Committee on Foreign Relations», US Senate, 84th Congress 1st Session.

[3] «New York Times», 5. V. 1955.

всеобщей воинской повинности. Осенью того же года на пост федерального министра обороны назначается представитель крайне правого крыла ХДС/ХСС Франц-Йозеф Штраус. В одном из своих первых выступлений он заявил: «Все технические и экономические силы республики должны быть вовлечены в дело вооружения. Мы хотим для бундесвера самого эффективного и самого современного оружия» [1]. При этом Штраус открыто признавал, что оно нужно боннским милитаристам отнюдь не для мирных целей.

В 1957 г. США поставили ФРГ 70% обещанного оружия. В январе 1957 г. один из руководящих деятелей Североатлантического блока американский генерал Норстад предложил федеральному правительству представить кандидатуру от ФРГ на пост командующего сухопутными силами НАТО в Центральной Европе. Им стал с 1 апреля того же года генерал Ш. Шпейдель, служивший ранее в гитлеровском вермахте. Быстро росло число военных представителей ФРГ в различных штабах НАТО (1956 г.— 17, 1958 г.— 142 человека). Численность бундесвера достигла в 1957 г. 120 тыс. человек и в 1959 г.— 230 тыс. Из месяца в месяц увеличивались закупки новейшего вооружения за границей. К октябрю 1958 г. в ФРГ было построено уже более 200 ракетных установок для запуска ядерных зарядов [2]. Все больше развертывалось производство оружия в самой ФРГ.

Одновременно правящие круги ФРГ берут курс на получение тем или иным путем ядерного оружия. 3 апреля 1957 г. Аденауэр на пресс-конференции открыто выступает с требованием оснащения бундесвера «тактическим ядерным оружием» [3]. Критикуя инакомыслящих, в том числе видных западногерманских ученых, канцлер отверг их предостережения относительно ядерного вооружения ФРГ, заявив, что они «ничего не понимают» [4]. Через месяц, находясь в Вашингтоне, Аденауэр уже официально ставит вопрос о ядерном вооружении ФРГ. 28 мая 1957 г. он потребовал, чтобы бундесвер был оснащен «самым современным оружием» [5]. С этого времени требование предоставления ФРГ ядерного оружия становится составным элементом политики правительств, формировавшихся ХДС/ХСС.

25 марта 1958 г. бундестаг, после бурных прений, принимает резолюцию, которая давала санкции правительству на то, чтобы вооружить бундесвер атомным и ракетным оружием.

---

[1] «Коммунист», 1965, № 3, стр. 112.

[2] См. «Основные вопросы внешней политики Германской Демократической Республики». М., 1969, стр. 109.

[3] «Protokoll der Bundeskonferenz», vom 5. April 1957.

[4] «Die Welt», 13. IV. 1957.

[5] «Международная жизнь», 1962, № 3, стр. 149.

Резко растут военные расходы. Об этом свидетельствовало значительное увеличение бюджетных ассигнований на нужды бундесвера: в 1955 г.— 95,4 млн., в 1956 г.— 3404,4 млн., в 1958 г.— 7974,2 млн. марок [1].

Западногерманские империалисты стали все более откровенно выступать со своими собственными агрессивными планами, искать пути приспособить НАТО к осуществлению своих реваншистских замыслов.

Если в середине 50-х годов ФРГ удалось превзойти своих главных конкурентов — Великобританию и Францию в экономической области и выдвинуться на первое место среди капиталистических стран Европы по экономическим показателям, то теперь Бонн стремится обеспечить себе превосходство и в военной сфере и тем самым решающее влияние на разработку стратегии и тактики НАТО. Опираясь на растущий экономический и военный потенциал, западногерманские монополии стремились к тому, чтобы занять господствующее положение в Западной Европе, добиться определяющего влияния в системе военных блоков и союзов Запада и изменить результаты второй мировой войны.

Важная роль в реваншистской политике отводилась дипломатической службе (официально МИД ФРГ был создан в марте 1951 г.), в которой работало немало бывших нацистских дипломатов.

В 50-х годах ФРГ приняла активное участие в деятельности ряда замкнутых экономических и военно-политических группировок Запада (Европейский совет — с 1951 г., Европейское объединение угля и стали — 1952 г., НАТО и Западноевропейский союз — 1955 г., Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии — 1958 г. и др.). Бонн стремился использовать эти группировки в своих целях.

Агрессивный внешнеполитический курс правительства Аденауэра. «Доктрина Хальштейна»

Притязания на Западный Берлин, «поглощение ГДР», «вытеснение Советов из Восточной Европы», «отбрасывание коммунизма» — вот внешнеполитические установки, которыми неизменно руководствовались в те годы в Бонне. Более того, правящие круги ФРГ домогались, чтобы их требования ревизии итогов второй мировой войны стали непременным условием решения международных проблем и даже развития двусторонних отношений членов НАТО с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

---

[1] «Finanzbericht 1965». Bonn, S. 362—365; *Ю. Кучинский.* Так это было в действительности. Обзор двадцатилетней истории Федеративной Республики Германии. М., 1971, стр. 179.

Выступая 23 мая 1956 г. с программной речью перед членами Федерального союза немецкой промышленности в Кельне, К. Аденауэр заявил, что Советский Союз является «смертельным врагом» ФРГ и что единственной политикой по отношению к нему может быть только политика «с позиции силы» [1]. «Мы будем говорить с Советским Союзом, но только вооруженные до зубов»,— заявил он 12 октября 1956 г. в Западном Берлине [2].

Канцлеру вторил Штраус. Цель Запада заключается в том, говорил он, чтобы «иметь возможность зачеркнуть на географической карте Советский Союз». «В нужном случае,— развивал свои мысли военный министр ФРГ,— мы нанесем удар, используя все, что у нас есть, даже если нам придется пережить очень тяжелые часы, даже если риск будет смертельным» [3].

В таком же духе все шире развертывалась кампания в западногерманской прессе. «В военном отношении ФРГ, к сожалению, еще недостаточно сильна, чтобы навязать свою волю Восточной Европе,— писала 19 октября 1957 г. «Нойе рейн цайтунг».— Поэтому нужно вооружаться, вооружаться и еще раз вооружаться, нужно иметь ракеты и атомное оружие, чтобы в один прекрасный день добиться того, чего до сих пор не удалось достичь средствами политики».

Под флагом антикоммунизма в ФРГ усилился поход против прогрессивных сил. В марте 1956 г. был принят антидемократический избирательный закон. 17 августа того же года боннские власти объявили вне закона Коммунистическую партию Германии, что являлось, как отмечалось в Заявлении ЦК КПСС,— звеном «в общей цепи мероприятий, направленных на превращение Западной Германии в милитаристское государство, в опасный очаг новой войны и реакции в Европе».

Под покровительством официальных властей в стране активизировали свою деятельность многочисленные милитаристские союзы и реваншистские организации, открыто призывавшие к пересмотру границ и «поглощению» Германской Демократической Республики.

ГДР — форпост социализма на немецкой земле — вызывала особую ненависть и злобу западногерманского империализма. Его агрессивная политика нашла свое наглядное выражение в провозглашенной Бонном в декабре 1955 г. так называемой «доктрине Хальштейна» (названа так по имени тогдашнего статс-секретаря МИД ФРГ). Незаконно рассматривая себя в качестве «единственно правомочного» представителя немецкого народа в международных делах, Бонн претендовал на то, чтобы

---

[1] «Frankfurter Allgemeine», 30. V. 1956.
[2] «Neues Deutschland», 11. X. 1963.
[3] «Der Spiegel», März 1958.

выступать от имени Германии в целом. Практическое выражение «доктрина Хальштейна» находила в том, что ФРГ отказывалась от установления дипломатических отношений или разрывала их с теми государствами, которые признавали ГДР. Цель «доктрины Хальштейна» заключалась в том, чтобы изолировать ГДР и создать благоприятные внешнеполитические условия для ее «поглощения» ФРГ.

Одновременно империалистические круги ФРГ и других западных держав развернули против Германской Демократической Республики широкую по своим масштабам политическую, экономическую и идеологическую подрывную деятельность. Центром ее все больше становился Западный Берлин.

Превращение Западного Берлина в центр подрывной деятельности против ГДР и других социалистических стран

После образования двух независимых друг от друга немецких государств западные сектора Берлина в результате раскольнической политики западных держав оказались оторванными от своего естественного окружения. В пределах территории ГДР возникло особое образование в 479 *кв. км* и населением примерно 2 млн. человек, с иным социально-экономическим укладом и политическим строем — Западный Берлин.

При островном положении Западного Берлина он мог надежно обеспечить свое будущее лишь на путях мирного развития и нормализации отношений с ГДР.

Западноберлинское население выступило против незаконных попыток Бонна включить Западный Берлин в состав ФРГ, за обретение им самостоятельности и проведение политики, отвечающей интересам города и обеспечения безопасности в Европе[1]. Такие голоса все настойчивее раздавались и в западноберлинской палате депутатов. С аналогичными призывами выступали широкие слои общественности в западных странах. Однако в официальных кругах в столицах западных держав и в Бонне придерживались иной точки зрения. Там считали, что специфика положения Западного Берлина, расположенного «внутри» социалистического содружества, как нельзя лучше подходит для развертывания отсюда широкой подрывной деятельности против ГДР, СССР и других социалистических стран и нагнетания международной напряженности. Здесь обосновались разведывательные службы империалистических держав. Разбили свои штаб-квартиры многочисленные реваншистские и милитаристские организации. Развернули активную антикоммунистическую деятельность различные пропагандистские центры. Была организована специальная система с целью «экономиче-

[1] «Berlin — Brennpunkt des deutschen Schicksals». Berlin, 1960, S. 50.

ского обескровливания» ГДР. Вся жизнь Западного Берлина была поставлена на службу «холодной войне». Ежегодный ущерб, наносимый в результате этого Германской Демократической Республике, оценивался самими буржуазными учеными в 4—5 млрд. марок [1].

«Заноза в теле» ГДР (Э. Рейтер) [2], «самая значительная крепость Запада внутри коммунистической сферы» (Г. Стассен) [3], «фронтовой город», «плацдарм для проникновения на Восток» — эти и десятки других аналогичных определений получил Западный Берлин в буржуазной прессе в связи с той ролью, которая отводилась ему в глобальной стратегии империализма для борьбы с коммунизмом.

С середины 50-х годов правящие круги Бонна резко форсировали подрывную деятельность в Западном Берлине, используя его «открытую границу» с ГДР, взяв курс на превращение города в место постоянных провокаций против Германской Демократической Республики и Советского Союза.

В результате этого Западный Берлин стал местом опасной напряженности, одним из очагов «холодной войны». Здесь все чаще возникали инциденты и конфликты, чреватые серьезными последствиями. Западный Берлин все больше играл роль катализатора международной напряженности в Европе.

Борьба социалистических стран за ослабление напряженности

Усиление военных приготовлений ФРГ, обострение обстановки в связи с Западным Берлином, рост военной опасности в Европе — все это было предметом серьезного внимания братских социалистических стран. Они выступили с предложениями, направленными на то, чтобы обеспечить мир и безопасность на европейском континенте. Отправным рубежом новых предложений Советского Союза был XX съезд КПСС (февраль 1956 г.).

Съезд подвел итоги напряженной борьбы Советского Союза, ГДР и других братских социалистических стран, а также всех миролюбивых сил против возрождения западногерманского милитаризма и указал на необходимость дальнейшего усиления этой борьбы. На съезде было подчеркнуто, что состояние германских дел «не может не вызывать тревоги», прежде всего в связи с форсированием милитаризации ФРГ. Одновременно было отмечено, что в результате роста мощи СССР и других стран социалистического содружества, ставших прочным барьером против возможной агрессии западногерманских реваншистов, в результате новой расстановки сил, в том числе и на не-

[1] См. «Книга фактов о подрывной деятельности из Западного Берлина против социалистических стран». М., 1962.

[2] «Zur Lage in Westberlin». Berlin [1962], S. 11.

[3] «So sieht es in Westberlin wirklich aus». Berlin [1954], S. 8.

мецкой земле, в современных условиях имеются реальные возможности урегулирования обстановки в интересах мира и безопасности. «Создание системы коллективной безопасности в Европе, отказ от парижских соглашений, сближение и установление сотрудничества между двумя германскими государствами — таков верный путь решения германской проблемы» [1]. Попытка решать германские дела без участия немцев, без ГДР или за счет ее интересов, несомненно «обречена на поражение» [2],— говорилось в материалах съезда.

Решения XX съезда КПСС и съездов братских коммунистических партий, а также совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора в Праге (27—28 января 1956 г.), легли в основу всей дальнейшей дипломатической деятельности стран социалистического содружества, направленной на улучшение обстановки в Европе, ликвидацию нараставшей напряженности из-за Западного Берлина, на завершение германского мирного урегулирования и укрепление международного положения ГДР.

Предложения ГДР и СССР в 1956—1957 гг.

Во второй половине 50-х годов имело место дальнейшее успешное продвижение ГДР по пути строительства социализма. В 1958 г. объем ее промышленного производства увеличился по сравнению с 1949 г. в 3 раза. Больших успехов добилось сельское хозяйство. Нарастала активность ГДР на внешнеполитической арене. Как прежде, так и на данном этапе ГДР не только полностью поддерживала все шаги Советского Союза в германских делах, но и сама выступила с рядом важных предложений, которые вызвали широкий резонанс во всем мире и содействовали росту ее авторитета как суверенного социалистического государства. Еще больше возросли роль и значение ГДР как последовательного борца за мир и социализм.

18 января 1956 г. правительство ГДР предложило заключить соглашение между обоими германскими государствами об отказе от применения силы. Пропаганда войны и подготовка атомной войны с их территории должны были быть запрещены [3].

12 мая 1956 г. ГДР выступила с инициативой проведения переговоров с ФРГ по следующим вопросам: «ограничение численности армий, обязательство не вводить воинскую повинность, выступление обоих правительств за запрещение разме-

---

[1] «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I. М., 1956, стр. 30.

[2] Там же.

[3] *St. Doernberg.* Kurze Geschichte der DDR. Berlin 1968, S. 310.

щения на немецкой земле атомного оружия, борьба против любой военной пропаганды» [1].

Эти предложения были конкретизированы и расширены в заявлении правительства ГДР от 29 мая 1956 г., которое являлось развернутой программой ослабления напряженности и урегулирования германских дел. В нем говорилось: «Германская Демократическая Республика прочно утвердилась в мире. Она есть реальный факт, и никто не сможет длительное время пренебрегать ее существованием» [2]. В заявлении указывалось, что́ необходимо предпринять в интересах скорейшего мирного урегулирования и достижения сотрудничества между ФРГ и ГДР. Это — обязательство обоих германских государств не вводить воинской повинности и достижение соглашения об ограничении вооруженных сил; выступление их за запрещение размещения атомного оружия на своих территориях и против использования в подрывных целях Западного Берлина; прекращение преследования антимилитаристских и демократических организаций в ФРГ; запрещение в ФРГ деятельности милитаристских союзов и неофашистских организаций; установление в обоих германских государствах одинаковых мер наказания за разжигание военной истерии, расовую и национальную травлю; выражение обоими правительствами готовности всеми силами содействовать развитию торговых, культурных и научных связей между ГДР и ФРГ; поощрение личных контактов между депутатами органов народных представительств, представителями политических партий, обмена парламентскими делегациями [3]. ГДР подтвердила свою готовность к нормализации отношений с ФРГ и заявила, что «только путем переговоров между представителями Германской Демократической Республики и Федеративной Республики может быть достигнуто сближение» [4].

В июне 1956 г. Совет министров ГДР принял решение о сокращении численности Народной армии со 120 тыс. до 90 тыс. человек [5].

18 августа 1956 г. правительство ГДР обратилось к правительству ФРГ с предложением, чтобы оба государства выступили за заключение договора о коллективной безопасности в Европе и уменьшение численности иностранных войск на их тер-

---

[1] «Основные вопросы внешней политики Германской Демократической Республики», стр. 105.

[2] «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики. От 22 мая 1955 г. до 30 июня 1956 г.». Пер. с нем. М., 1958, стр. 127.

[3] Там же, стр. 138—140.

[4] Там же, стр. 139—140.

[5] «Основные вопросы внешней политики Германской Демократической Республики», стр. 106.

ритории, взяли на себя торжественное обязательство не применять по отношению друг к другу силы. ГДР предлагала также нормализовать отношения с ФРГ, заключив соответствующие соглашения в различных областях.

В последующие месяцы ГДР предприняла ряд новых шагов с целью противодействия военной опасности в Европе, нараставшей в результате политики правящих кругов ФРГ, высказавшись одновременно за нормализацию отношений между обоими государствами.

В январе 1957 г. 30-й пленум ЦК СЕПГ, исходя из неизбежности длительного существования двух сложившихся на немецкой земле государств и необходимости коренных демократических преобразований в ФРГ, преодоления там империализма и милитаризма, как предпосылки для их объединения, выступил с инициативой создания конфедерации. В качестве органа конфедерации предлагалось создать на паритетных началах Общегерманский совет [1].

Опираясь на указание пленума, правительство ГДР в опубликованном 27 июля 1957 г. документе обосновало идею создания германской конфедерации на основе международно-правового договора [2]. В тот же день его текст был вручен председателем Совета министров ГДР О. Гротеволем главам дипломатических представительств, аккредитованных при правительстве ГДР. В нем излагался план создания добровольного и равноправного союза двух существующих германских государств, к которому мог бы присоединиться на основе принципов мирного сосуществования и Западный Берлин. В рамках конфедерации ГДР и ФРГ проводили бы общую политику в таких вопросах, как неучастие в военных блоках, запрещение пропаганды войны, отказ от производства, приобретения и размещения на немецкой земле ядерного оружия, вывод иностранных войск, торговые, транспортные, культурные вопросы и т. д.

Выдвинутые в течение 1956—1957 гг. предложения были наглядным выражением готовности ГДР искать пути для нормализации отношений между обоими германскими государствами в интересах мира и безопасности, побудить Бонн пойти наконец на переговоры, без которых нельзя было думать серьезно о решении каких-либо вопросов, интересующих обе стороны.

Боннское правительство враждебно встретило все эти предложения. В заявлении от 23 января 1958 г. оно отклонило также инициативу ГДР о создании конфедерации [3]. В. Греве, поясс-

[1] *St. Doernberg.* Kurze Geschichte der DDR, S. 331—332.

[2] «Neues Deutschland», 28. VII. 1957.

[3] *Siegler.* Wiedervereinigung und Sicherheit Deitschlands vierte Auflagen. 1960, S. 200.

ния причины такой позиции, откровенно отмечал, что предложенная правительством ГДР конфедерация «не дает Федеративной Республике шансов на то, чтобы постепенно ассимилировать» ГДР [1].

Ввиду возрастания угрозы атомного вооружения ФРГ борьба с этим все больше выдвигалась на передний план во внешней политике ГДР.

3 апреля 1957 г. в правительственном заявлении ГДР были вновь повторены неоднократно выдвигавшиеся ею предложения, центральным пунктом которых был отказ обоих германских государств от размещения и производства атомного оружия. Позже ГДР, стремясь к достижению соглашения, эти предложения уточняла и развивала.

2 сентября 1957 г. ГДР обратилась к прибалтийским государствам с призывом превратить Балтийское море в море мира [2].

5 октября министр иностранных дел ГДР Л. Больц в телеграмме председателю 12-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН присоединился к предложению ПНР о создании в Центральной Европе безатомной зоны.

11 декабря Народная палата ГДР обратилась к бундестагу ФРГ с призывом открыть путь к созданию в Центральной Европе безатомной и безракетной зоны. 22 января 1958 г. О. Гротеволь предложил провести в обоих германских государствах опрос относительно включения их в безатомную зону [3].

Советский Союз поддержал все шаги, предпринятые в течение 1956—1957 гг. ГДР с целью обуздания западногерманского милитаризма, разрядки напряженности, нормализации отношений между обоими германскими государствами и решительно отверг различного рода происки империалистических сил, спекулировавших насчет «возможного изменения позиции СССР» по германским делам или какой-либо «торговли» за счет интересов ГДР. Так, советская сторона опровергла заявление министра иностранных дел ФРГ Г. Брентано, что в связи с обменом послами между ФРГ и СССР от Советского правительства следует ожидать готовности на переговоры с западными державами «о воссоединении Германии». В заявлении ТАСС от 2 марта 1956 года была повторена позиция, изложенная советской делегацией на Женевском совещании, и еще раз подчерк-

---

[1] *Wilhelm G. Grewe.* Deutsche Aussenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart, 1960, S. 288.

[2] «Основные вопросы внешней политики Германской Демократической Республики», стр. 107—108.

[3] Там же, стр. 109.

нуто, что в условиях, когда на немецкой земле сложились два суверенных государства, получивших международное признание, единственным путем к объединению являются прямые переговоры между ними. СССР не может решать какие-либо вопросы, касающиеся ГДР, и вести за нее переговоры, но он готов оказать необходимое содействие в нормализации отношений между обоими германскими государствами [1].

Правительство ФРГ направило Советскому правительству два меморандума (7 сентября 1956 г. и в апреле 1957 г.), в которых в качестве основы для воссоединения Германии вновь предлагался «план Идена» (в варианте, предложенном США, Англией и Францией на Женевском совещании министров иностранных дел 28 октября 1955 г.), фактически предусматривавший ликвидацию ГДР.

Этот план противоречил Потсдамским соглашениям, задаче обеспечения европейской безопасности, национальным интересам населения ГДР и ФРГ. Поэтому он был отвергнут Советским Союзом. В ноте от 22 октября 1956 г. Советское правительство заявило о необходимости изменения агрессивного курса ФРГ, ведущего к превращению Западной Германии в очаг новой военной опасности, и нормализации отношений между ФРГ и ГДР [2].

Так называемая Шенебергская декларация, провозглашенная 29 июля 1957 г. по согласованию между тремя западными державами и ФРГ и содержавшая требование «поглощения» ГДР и вхождения «объединенной» таким образом Германии в НАТО [3], была разоблачена и решительно отвергнута в заявлении МИД СССР от 3 августа 1957 г.[4]

Советское правительство в ноте правительству ФРГ от 7 сентября 1957 г. подчеркнуло, что как бы правящие круги ФРГ ни старались уйти от этого, они все равно рано или поздно должны будут признать необходимость переговоров между двумя германскими государствами. «Что касается четырех великих держав, то их долг состоит, разумеется, прежде всего в том, чтобы всемерно поддерживать усилия германского народа, направленные на создание единого демократического миролюбивого германского государства путем переговоров между ГДР и ФРГ». В ноте обращалось внимание Бонна на предложения правительства ГДР от 27 июля 1957 г. о создании конфедерации [5].

---

[1] См. «Правда», 2 марта 1956 г.

[2] См. «Правда», 24 октября 1956 г.

[3] «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung» vom 30. Juli 1957, S. 1301—1302.

[4] См. «Правда», 3 августа 1957 г.

[5] См. «Правда», 9 сентября 1957 г.

Руководствуясь интересами мира и исходя из своей ответственности за обеспечение мирного развития на немецкой земле, Советский Союз решительно выступал совместно с ГДР и другими братскими странами против атомного вооружения ФРГ. В беседе посла СССР в ФРГ А. А. Смирнова с канцлером К. Аденауэром 25 апреля, в ноте Советского правительства от 27 апреля и в письме советского посла канцлеру ФРГ от 4 мая 1957 г. содержались серьезные предостережения Советского Союза. В Обращении Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 г. к бундестагу ФРГ указывалось на опасные последствия осуществления решения об оснащении армии ФРГ атомным и ракетным оружием, равно как и планируемого размещения на территории ФРГ иностранных атомных и ракетных баз. Верховный Совет СССР предупредил ФРГ, что ее попытки стать на путь военных авантюр были бы равносильны национальному самоубийству [1].

Активная борьба Советского Союза против возрождения западногерманского милитаризма и его планов снискала ему симпатии самых широких слоев немецкого населения, содействовала дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества между СССР и ГДР. Во время состоявшихся двусторонних переговоров между СССР и ГДР в июле 1956 г., а также в январе и августе 1957 г. был разрешен целый ряд важных вопросов их взаимных отношений. В адрес агрессивных кругов Запада было сделано решительное предупреждение, что любые враждебные действия против ГДР получат немедленный отпор.

Эта политика находила полную поддержку и одобрение также других стран социалистического содружества и народов всего мира. Совещание представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1957 г. высказалось в поддержку миролюбивых усилий ГДР. В принятой на совещании Декларации подчеркивалось, что в борьбе против западногерманского милитаризма и реваншизма, угрожающих миру, «особенно велика роль Германской Демократической Республики — первого в истории Германии государства рабочих и крестьян, которому участники Совещания выражают свою солидарность и полную поддержку» [2].

ГДР все более прочно утверждала свои позиции, как оплот миролюбивых сил на немецкой земле, как важный фактор мира и безопасности в Европе.

---

[1] См. «Сборник основных актов и документов Верховного Совета СССР по внешнеполитическим вопросам. 1956–1962». М., 1962, стр. 62.

[2] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 8.

Борьба СССР, ГДР и других социалистических стран за смягчение напряженности

Гонка вооружений, усиление агрессивного курса западных держав, наглядно проявившегося в их интервенции в Египте, перевооружение ФРГ и рост в ней реваншизма, обострение обстановки из-за Западного Берлина серьезно осложняли положение в мире и усиливали международную напряженность. В этих условиях Советский Союз и братские социалистические страны предприняли новые совместные шаги, направленные на достижение ослабления напряженности и урегулирование путем переговоров назревших международных проблем с учетом реально сложившегося в мире, в том числе в Европе, положения. Важное место среди них занимали предложения относительно завершения мирного урегулирования германских дел и решения вопроса о Западном Берлине.

10 декабря 1957 г. и 8 января 1958 г. Советское правительство предложило созвать совещание руководящих деятелей «государств — участников Североатлантического союза и Организации Варшавского Договора, а также некоторых стран, не входящих в упомянутые группировки», для рассмотрения вопросов, связанных с ослаблением международной напряженности. При этом Советское правительство указывало, что прекращение «холодной войны» и расширение международного сотрудничества благоприятно сказались бы и на германских делах, без урегулирования которых невозможен прочный мир в Европе.

Поскольку многие вопросы, предлагавшиеся на рассмотрение на таком совещании, имели «прямое отношение и к Федеративной Республике Германии», то аналогичное послание было передано через советского посла в Бонне А. А. Смирнова канцлеру ФРГ [1].

В течение последующих месяцев с советской стороны были даны, в том числе по дипломатическим каналам, дополнительные разъяснения позиции Советского Союза. В частности, в своей памятной записке от 28 февраля 1958 г. правительству США Советское правительство высказалось за обсуждение на совещании в верхах вопроса о послевоенном мирном урегулировании в Центральной Европе, предложив привлечь с этой целью также представителей обоих немецких государств.

В апреле 1958 г. в связи с торговыми переговорами с ФРГ туда выехала советская делегация, возглавляемая первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном. Советская сторона полагала, что этот визит мог быть использован для делового обмена мнениями по широкому кругу вопросов, прежде всего связанных с подведением черты под второй мировой войной в Европе.

[1] См. «Правда», 11 января 1958 г.

Но западные державы и ФРГ продолжали настаивать на обсуждении прежде всего проблемы «воссоединения Германии».

Предложения Советского Союза активно поддержали страны — участницы Варшавского Договора, принявшие на совещании Политического консультативного комитета в Москве 24 мая 1958 г. специальную Декларацию о международном положении и мерах по ослаблению международной напряженности [1].

Одновременно братские социалистические государства выступили с рядом других предложений, направленных на разрядку международной напряженности и нормализацию обстановки в Европе.

Правительство ПНР в течение 1958 г. неоднократно выступало с предложением о создании в Центральной Европе безатомной зоны, которое было выдвинуто им на Генеральной Ассамблее ООН 2 октября 1957 г. и получило большую поддержку.

ГДР в течение 1958 г. внесла ряд предложений с целью нормализации отношений с ФРГ. V съезд СЕПГ (июль 1958 г.) высказался за завершение германского мирного урегулирования. 5 сентября правительство ГДР обратилось с нотой к четырем державам, решительно настаивая на подписании германского мирного договора. ГДР предлагала СССР, США, Англии и Франции создать из их представителей комиссию для проведения консультаций относительно подготовки такого договора. Одновременно оно предложило правительству ФРГ создать из представителей обоих германских государств другую комиссию с целью рассмотрения вопросов, связанных с подготовкой мирного договора [2].

Советское правительство поддержало новую инициативу ГДР. В нотах, направленных им 18 сентября правительствам США, Англии и Франции, оно выразило надежду, что эти державы, со своей стороны, поддержат предложения ГДР и предпримут необходимые шаги для их реализации. Одновременно оно обратилось по этому вопросу и к правительству ФРГ [3].

Однако западные державы упорно продолжали свой нереалистический, опасный для дела мира курс, что нашло, в частности, свое отражение в форсировании перевооружения ФРГ, обострении напряженности в Европе, курсе на срыв европейского мирного урегулирования. В своих ответных нотах США, Англия и Франция отклонили предложения, сделанные в сентябре 1958 г. ГДР и СССР. Одновременно они вместе с Бонном предприняли маневр, рассчитанный на то, чтобы попытаться как-то снять с себя ответственность за срыв мирного урегулирования в Европе. Бундестаг и бундесрат ФРГ приняли резолю-

[1] См. «Правда», 27 мая 1958 г.
[2] См. «Правда», 7 сентября 1958 г.
[3] См. «Правда», 20 сентября 1958 г.

цию, в которой содержался призыв создать так называемую рабочую группу из представителей четырех великих держав «для подготовки совместных предложений по урегулированию германской проблемы». Резолюция предусматривала, чтобы эта группа была создана «на будущем международном совещании глав правительств или независимо от этого». 9 сентября федеральное правительство направило правительствам четырех держав памятную записку по этому вопросу. Но речь шла в ней отнюдь не о мирном урегулировании в Европе, а о так называемой проблеме «воссоединения» двух германских государств в ее боннской интерпретации.

США, Англия и Франция поддержали эту акцию федерального правительства. В записке США Советскому правительству 30 сентября в качестве «предварительного условия переговоров о мирном договоре выдвигалось объединение Германии и создание всегерманского правительства» [1]. Это означало, что мирное урегулирование отодвигалось на неопределенный срок, что они не исходили из конкретной сложившейся обстановки и не желали иметь дело с реально существующими германскими государствами и правительствами.

Реваншистские силы ФРГ наращивали темпы военных приготовлений, изо дня в день активизировали провокационную деятельность в Западном Берлине. Бонн отклонил предложение правительства ПНР о создании безатомной зоны в Центральной Европе. Аденауэр категорически высказывался вообще против каких-либо демилитаризованных зон на европейском континенте [2].

Остались без последствий обращение Верховного Совета СССР к бундестагу (31 марта 1958 г.) и высказанные во время визита А. И. Микояна в ФРГ (весной 1958 г.) предложения Советского правительства. Правительство Аденауэра отвергло сделанное Советским Союзом 15 июля 1958 г. предложение о заключении договора о дружбе и сотрудничестве европейских государств.

Аденауэр упорно твердил своему окружению и союзникам ФРГ, что «сейчас не нужны никакие переговоры с СССР, так как время работает на нас. Федеративная Республика будет в военном отношении вместе со своими партнерами все более сильной, и тогда Россия будет готова на «разумные» переговоры (т. е. капитуляцию под давлением Запада.— *Авт.*). При этом можно будет добиться того, что советские солдаты покинут Германию, а американские смогут остаться» [3].

Имевшие место время от времени заявления канцлера о го-

[1] АВП СССР.
[2] «Die Welt», 8. IX. 1958.
[3] «Die Welt», 8. X. 1963.

товности к переговорам с Советским Союзом были лишь тактическим ходом, данью настроениям широкого общественного мнения. Точно таким же маневром было и назначение весной 1958 г. вместо В. Хааса послом в СССР Ганса Кроля, который проявлял несколько более трезвый подход к оценке обстановки в Европе.

Все громкие фразы канцлера о желании «жить в мире с Россией», как и направление в Москву Кроля, имели на деле целью дезориентировать общественное мнение, отвлечь внимание народов от агрессивных замыслов западногерманских империалистов и их опасных военных приготовлений.

Военные приготовления ФРГ усиливались. Быстро росла западногерманская военная промышленность. Почти половина потребностей бундесвера покрывалась ФРГ уже за счет собственного производства. В апреле 1958 г. сессия Совета НАТО одобрила подготовленный Норстэдом при участии генералов бундесвера план «МС-70», который предусматривал увеличение вооруженных сил этого союза до 30 дивизий и оснащение их тактическим ядерным оружием.

Хотя ключ от хранилищ ядерных боеголовок американцы сохраняли у себя, но в случае создания чрезвычайного положения они соглашались на использование атомного оружия совместно с бундесвером. Бонн активно домогался от США заключения соглашения, которое должно было приоткрыть ФРГ двери для получения от них атомной информации. Агрессивность милитаристских кругов Бонна возрастала.

Этот открыто реваншистский, агрессивный курс ФРГ все более углублял ров и обострял отношения между обоими немецкими государствами, подрывал основы европейской безопасности, усиливал напряженность в центре Европы, которая сказывалась на обстановке в мире в целом. Основным пунктом этой напряженности все больше становился Западный Берлин.

Новая инициатива СССР с целью нормализации положения в Западном Берлине и завершения германского мирного урегулирования на рубеже 1958—1959 гг.

Учитывая «возрастание военной опасности со стороны Федеративной Республики Германии,— отмечалось на XXI съезде КПСС,— Советский Союз выдвинул ряд новых предложений по германскому вопросу» [1]. Эти предложения заключались в требовании безотлагательного завершения германского мирного урегулирования и решении вопроса о Западном Берлине. Они были поставлены Советским правительством в нотах правительствам трех западных держав от 27 ноября 1958 г. и 10 января 1959 г.

---

[1] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС». М., 1959, стр. 65.

Наиболее остро обстановка складывалась в то время в первую очередь из-за Западного Берлина, откуда все больше усиливалась подрывная деятельность и все шире осуществлялись различные незаконные акции реакционных кругов ФРГ, открыто посягавших на этот город, что превратило его в опасный очаг напряженности. В связи с этим Советское правительство после консультаций с правительством ГДР предложило ликвидировать создавшееся здесь ненормальное положение и привести статус Западного Берлина в соответствие с реально сложившимся положением дел.

В качестве конкретной основы для решения данного вопроса в советской ноте от 27 ноября выдвигалось предложение о превращении Западного Берлина «в самостоятельную политическую единицу» типа нейтрального вольного города, «в жизнь которого не вмешивалось бы ни одно государство, в том числе и ни одно из существующих двух германских государств». Предусматривалось, что четыре державы, как и оба германские государства, взяли бы на себя обязательства уважать особый статус Западного Берлина. Советское правительство заявило о своей готовности «начать переговоры» с правительствами заинтересованных государств по данному вопросу, подчеркнув, что оно стремится к тому, чтобы решение было достигнуто в спокойной обстановке, без спешки и ненужных трений, с максимально возможным учетом интересов заинтересованных сторон [1].

Однако на Западе началась бешеная кампания против советских предложений. Империалистические силы пытались представить их как «диктат», «ультиматум» и «угрозу», а Советский Союз обвинить в создании «нового международного кризиса». Тон этой кампании задавали боннские реваншисты, стремившиеся всячески дискредитировать советскую инициативу и во что бы то ни стало помешать каким-либо переговорам между западными державами и СССР. Провоцируя западные державы, Аденауэр заявил 27 ноября 1958 г., т. е. в день вручения нот правительства СССР, что США, Англия и Франция «отвергнут» советские предложения [2]. Прибыв на несколько дней в Западный Берлин, он призвал 4 декабря западные державы к «твердости» [3], а затем настойчиво пытался запугать мировое общественное мнение тем, что «советское выступление

---

[1] См. «Правда», 28 ноября 1958 г. Одновременно Советское правительство направило ноту правительству ГДР, предложив провести переговоры между обеими странами для подробного рассмотрения вопросов, связанных с Западным Берлином.

[2] «Die Welt», 28. XI. 1958.

[3] «Bulletin des Presse- und Informationamtes der Bundesregierung» vom 6. Dezember 1958, S. 2241.

в отношении Берлина представляет собой угрозу всеобщему миру» [1] и т. п.

Поскольку империалистические круги грубо извращали позицию Советского Союза, в заявлении ТАСС от 12 декабря было подчеркнуто, что никто не думает покушаться на свободу Западного Берлина, и указано на готовность советской стороны вместе с другими державами дать гарантии соблюдения статуса этого города и невмешательства в его политическую и экономическую жизнь [2].

Правительство ГДР со своей стороны заявило, что оно не собирается вмешиваться во внутренние дела Западного Берлина и готово обеспечить ему на основе обычно принятых в международной практике соглашений беспрепятственные связи с внешним миром.

Однако западные державы в своих ответных нотах от 31 декабря отклонили советские предложения, как якобы неприемлемые. Надеясь уйти от обсуждения конкретных вопросов и добиться своих целей, США, Англия и Франция высказались «за расширение рамок переговоров» [3] и поиски решения поставленных советской стороной вопросов «в более широких рамках переговоров о разрешении германской проблемы, а также проблем европейской безопасности».

5 января 1959 г. государственному секретарю Дж. Даллесу была вручена памятная записка Советского правительства, в которой давались дополнительные разъяснения советской позиции. В ней отмечалось, что в послевоенное время Советское правительство неоднократно предлагало западным державам выработать и заключить германский мирный договор. В памятной записке Советское правительство заявило, что нельзя дальше откладывать решение этого вопроса и указывало на основные положения, которые мог бы содержать германский мирный договор. Советское правительство поставило в известность США, что оно имеет в виду в ближайшее время внести на рассмотрение проект мирного договора и выражало надежду, что они с должным вниманием отнесутся к этому [4].

Относительно Западного Берлина в памятной записке говорилось, что положение, сложившееся вокруг него, вызывает серьезную озабоченность Советского правительства, поскольку он стал очагом постоянной напряженности, источником трений и конфликтов, которые таят в себе угрозу сохранению мира

---

[1] «Politisch-soziale Korrespondenz», 30. Dezember 1958.
[2] См. «Правда», 12 декабря 1958 г.
[3] *H. Speier.* Die Bedrohung Berlins. Eine Analyse der Berlin — Krise von 1958 bis heute. Köln — Berlin, 1961, S. 22.
[4] «Dokumentation der Zeit» (Berlin), 1971, N 21, S. 3.

в Европе и во всем мире. Советская сторона указывала, что вопрос о нормализации положения в Западном Берлине поставлен перед государствами самой жизнью и чем скорее будут найдены пути к его решению, тем больше выиграет дело мира. Отметив, что правительство СССР хотело бы урегулировать вопрос на разумной основе, без ущемления законных интересов и престижа любого из заинтересованных государств, советская сторона предлагала сделать это согласованно и разработать меры, обеспечивающие беспрепятственные связи города с внешним миром и невмешательство в его внутренние дела. Чтобы укрепить уверенность в стабильности положения Западного Берлина, предлагалось согласовать соответствующие международные гарантии.

Предложения, касающиеся германского мирного урегулирования, были конкретизированы в нотах Советского правительства от 10 января 1959 г. США, Англии, Франции, ГДР, ФРГ, а также странам, принимавшим участие своими вооруженными силами в войне против гитлеровской Германии. К нотам был приложен проект мирного договора [1].

Советский проект был основан на союзнических соглашениях военного и послевоенного времени, прежде всего на решениях Потсдама. Его главная идея — навсегда исключить возможность повторения агрессии, обеспечить мир и безопасность в Европе. Основная характерная черта советского проекта заключалась в том, как отмечал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, что он давал надежную безопасность «как бывшим жертвам гитлеровской агрессии, так и самому немецкому народу» [2].

Советским проектом предусматривался вывод в короткий срок после заключения мирного договора всех иностранных войск с немецкой земли, неучастие Германии в военных блоках, направленных против одного из основных участников бывшей антигитлеровской коалиции.

Проект содержал положения о свободе деятельности демократических партий, но в то же время предусматривал запрещение деятельности всякого рода фашистских, милитаристских и реваншистских партий и организаций, учитывая,

---

[1] Проект договора состоял из введения (в нем обосновывались необходимость заключения мирного договора и его цели) и шести частей, насчитывающих 48 статей. Часть I включала политические и территориальные постановления, часть II — постановления, относящиеся к восстановлению единства Германии. Части III—IV содержали военные и экономические статьи. Часть V касалась репараций и реституций. В части VI формулировались заключительные постановления («Правда», 11 января 1959 г.).

[2] «Правда», 16 мая 1959 г.

что она всегда имела самые пагубные последствия для страны.

Предлагаемый в проекте договора объем вооружений и вооруженных сил был вполне достаточным для обеспечения обороны. Содержавшиеся в проекте договора запрещение средств массового уничтожения, в частности ядерного оружия и его носителей, фактически не шло дальше того, что уже было установлено Парижскими соглашениями.

Советские предложения по Западному Берлину были включены в качестве составной части в проект договора. При этом советская сторона была далека от того, чтобы считать внесенные ею предложения окончательными и неизменными, исключающими какие-либо дополнения, изменения или коррективы.

Поскольку в буржуазной печати не только продолжалась, а еще больше усилилась начатая после опубликования советской ноты от 27 ноября 1958 г. кампания с целью дискредитировать проект СССР, то как в публичных заявлениях, так и в беседах на различных уровнях советские представители отмечали, что Советский Союз стремится решить комплекс германских дел и вопрос о Западном Берлине на согласованной с западными державами основе, с учетом интересов всех заинтересованных сторон и необходимости укрепления дела мира.

Одновременно Советский Союз, считая, что в решении поднятых вопросов может быть полезным содействие беспристрастной стороны, поддерживающей хорошие отношения как с СССР, так и с ФРГ, сделал через австрийского посла в Москве Н. Бишоффа дополнительные разъяснения. С советской стороны было сказано, что, по ее глубокому убеждению, нынешняя политика Бонна абсолютно бесперспективна и не отвечает собственным интересам ФРГ. Через посла было заявлено, что при существующем положении и соотношении сил у ФРГ имеется лишь один путь в будущее — это мирное развитие, а не атомное вооружение и участие в военных приготовлениях. Что касается ГДР, подчеркивалось советской стороной, то она пользуется полной поддержкой постоянно крепнущего содружества социалистических стран, и реваншистские круги ФРГ исходят из явно нереалистических предпосылок, если надеются в сложившейся обстановке не считаться с этим непреложным фактом. В заключение с советской стороны отмечалось, что если бы руководящие деятели ФРГ действительно заботились об интересах немцев, то они должны были бы отстаивать необходимость заключения мирного договора и могли бы воспользоваться для этого опытом Австрии.

Новая инициатива Советского Союза в германских делах, выступление Советского правительства с конкретными предло-

жениями относительно германского мирного урегулирования и нормализации положения в связи с Западным Берлином открывали путь для успешного разрешения этого вопроса в интересах обеспечения мира и безопасности в Европе, в интересах обеспечения мирного будущего самих немцев.

2. Женевское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции с участием представителей ГДР и ФРГ (май — август 1959 г.)

Подготовка совещания

Предложения Советского Союза на рубеже 1958—1959 гг. относительно германского мирного урегулирования и Западного Берлина приковали к себе внимание мировой общественности и вызывали широкие отклики все большего числа государственных и политических деятелей многих стран мира. В столицах трех западных держав стали раздаваться все чаще трезвые голоса, призывавшие Запад, как это сделал 4 января 1959 г. лидер демократов в сенате М. Мэнсфилд, «отказаться от своих негибких идей», пойти на переговоры и выступить со своими собственными конструктивными предложениями, в большей степени учитывающими реально существующее в мире положение [1].

Причиной роста таких настроений на Западе было дальнейшее изменение соотношения сил в пользу мира, демократии и социализма.

С запуском Советским Союзом в 1957 г. первых искусственных спутников Земли становился все более ясным провал военных доктрин и стратегических установок Запада. Западная пресса теперь открыто писала, что с тех пор, когда советские спутники стали описывать орбиты вокруг земного шара, «западным наблюдателям стало ясно, что нужно отказаться от всех надежд принудить русских простым военным превосходством к отступлению» [2].

Характеризуя международную обстановку в середине 50-х годов, Аденауэр писал: «Я считаю бесспорным, что Советскому Союзу удалось в данном случае совершить глубокий прорыв фронта общественного мнения. Постоянные визиты и контрвизиты, которыми обмениваются Советский Союз и бесчисленные другие страны, явно принесли Советскому Союзу пропаган-

---

[1] «Dokumentation der Zeit» (Berlin), 1971, N 21, S. 3—4.
[2] «Die Welt», 15. X. 1963.

дистский и психологический успех, который нельзя недооценивать...» [1]

Как признавали и буржуазные исследователи, «политика силы Даллеса потерпела поражение» [2].

В высказываниях самого Дж. Даллеса, особенно по германским делам, стала проявляться большая, чем прежде, осторожность и известный реализм при оценке положения. Он выступает в начале 1959 г. с заявлением о том, что американская политика считается с фактом существования на немецкой земле двух государств и что признание или непризнание ГДР — это только вопрос политической целесообразности. Еще в ноябре 1958 г. он впервые заявил, хотя и с известными оговорками, что США не возражали бы, чтобы контроль на коммуникациях между Западным Берлином и ФРГ осуществляли власти ГДР [3]. В январе 1959 г. Дж. Даллес признал также, что «свободные выборы» не обязательный и не единственный путь решения германских дел [4].

Более реалистическую позицию заняло в то время правительство Великобритании, проявившее понимание необходимости проведения переговоров с целью предотвращения конфликта.

Стали происходить известные сдвиги и в ФРГ. Если руководство ХДС/ХСС по-прежнему стояло на старых позициях, то СДПГ и СвДП выступили за переговоры западных держав с Советским Союзом.

В Вашингтоне, Лондоне и Париже не могли игнорировать советскую инициативу и ставшее почти повсеместным требование о переговорах с Советским Союзом с целью мирного решения назревших международных проблем. Западные державы были вынуждены в создавшихся условиях начать обмен мнениями с советской стороной о проведении таких переговоров, давно предлагавшихся Советским Союзом.

Первым практическим шагом в указанном направлении со стороны западных держав была поездка в конце января 1959 г. в Москву премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана и министра иностранных дел С. Ллойда. В результате бесед была достигнута договоренность о необходимости проведения переговоров между заинтересованными сторонами по комплексу германских дел и вопросу о Западном Берлине.

Вслед за этой поездкой началось согласование через дипломатические каналы практических вопросов, связанных с организацией переговоров между четырьмя великими державами.

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1955—1959, S. 125.
[2] «Die Welt», 17. X. 1963.
[3] *H. Speier.* Die Bedrohung Berlins..., S. 76.
[4] Ibid., S. 77.

В феврале 1959 г. Дж. Даллес в последний раз приезжает в Бонн, чтобы информировать правительство ФРГ о создавшейся обстановке и итогах поездки Г. Макмиллана и С. Ллойда в Москву. Даллес сообщил Аденауэру, что Макмиллан занимает «более мягкую» позицию, чем США, и не желает, чтобы из-за Западного Берлина дело дошло до серьезного конфликта [1]. Канцлер настаивал на том, чтобы если уж и состоятся переговоры, то затянуть их, связать неприемлемыми для СССР требованиями и сорвать, взвалив вину за неудачу на советскую сторону.

После отъезда Даллеса Аденауэр разразился серией заявлений, напоминавших худшие времена «холодной войны». Выступая 17 февраля перед парламентской фракцией своей партии, он категорически высказался против так называемой «политики гибкости», призвал западные державы вести переговоры с СССР «с позиции силы». По его указанию командующий бундесвером потребовал в своем выступлении 26 февраля 1958 г. в Штутгарте, чтобы «вооруженные силы НАТО были увеличены с 20 до 30 дивизий для обеспечения успехов в переговорах». Одновременно представители правительства К. Аденауэра усилили свою активность, чтобы сорвать переговоры. Но все их происки оказались безуспешными.

30 марта 1959 г. Советское правительство в ноте трем западным державам констатировало, что между ними достигнуто согласие приступить к обсуждению назревших международных проблем на совещании министров иностранных дел и в последующем на совещании в верхах [2].

Так в результате усилий Советского Союза было согласовано проведение совещания министров иностранных дел в качестве этапа на пути ко встрече глав правительств и созданы необходимые условия для делового обсуждения назревших проблем. Новая советская инициатива на рубеже 1958—1959 гг. проложила путь к новому совещанию министров в Женеве.

На Западе также все более громко раздавались критические замечания в адрес правящих кругов ФРГ и лично Аденауэра. Чувствовалось, что даже в правящих кругах западных держав

---

[1] «Der Spiegel», 1963, N 41, S. 47.

[2] Советский Союз в нотах от 2 марта 1959 г. предлагал провести встречу на самом высоком уровне. Если правительства западных держав еще не готовы принять участие в таком совещании, отмечала советская сторона, предлагалось провести совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции, Польши и Чехословакии с участием представителей ГДР и ФРГ («Правда», 3 марта 1959 г.). Западные державы в нотах от 26 марта сообщили о своем согласии на проведение совещания министров иностранных дел четырех держав («Правда», 31 марта 1959 г.).

были не только недовольны, но даже озабочены бескопечной обструкционистской политикой федерального правительства. Резко возросло недовольство позицией Аденауэра и в самой ФРГ. Как признают даже такие реакционные публицисты, как П. Зете, «практически вместе с 1958 годом закончилась эра Аденауэра», хотя полностью это проявилось только 13 августа 1961 г.[1] Аденауэр, чувствуя все более сильную изоляцию и недовольство его курсом, после долгих колебаний наконец объявил, что он собирается отказаться от поста канцлера и, используя предстоящие президентские выборы, пересесть в президентское кресло.

Последние недели перед совещанием в Женеве прошли под знаком активной подготовки к нему обеих сторон. В выработке совместной позиции социалистических государств большое значение имело состоявшееся 27—28 апреля 1959 г. в польской столице совещание министров иностранных дел стран — участниц Варшавского Договора. На нем состоялся обмен мнениями в связи с предстоящими в Женеве переговорами. Совещание показало полное единодушие его участников в оценке международного положения и в подходе к решению назревших вопросов в интересах укрепления мира и обеспечения безопасности народов[2].

Линия западных держав согласовывалась на ряде совещаний, проведенных ими в апреле 1959 г. 2—4 апреля в Вашингтоне состоялось заседание Совета министров стран НАТО, с 13 по 23 апреля в Лондоне заседала так называемая рабочая группа США, Англии, Франции и ФРГ. 29—30 апреля в Париже состоялось совещание их министров иностранных дел. Его участники подтвердили свои «права» в отношении Западного Берлина и высказались за заключение мирного договора лишь после проведения общегерманских выборов[3]. Такая позиция заранее осложняла предстоящие переговоры в Женеве.

Работа Женевского совещания 1959 г.

10 мая министры иностранных дел четырех держав — А. А. Громыко (СССР), К. Гертер (США), С. Ллойд (Англия) и Кув де Мюрвиль (Франция) — собрались в Женеве[4].

Еще накануне совещания советская сторона поставила вопрос об участии в нем представителей ГДР и ФРГ, чему, одна-

---

[1] «Die Welt», 17. X. 1963.

[2] См. «Правда», 29 апреля 1959 г.

[3] «Europa-Archiv», 1959, S. D232; «Documents on American Foreign Relations», 1959, Doc. N 43, p. 257.

[4] Совещание проходило с 11 мая по 20 июня и затем, после перерыва, продолжалось с 13 июля по 5 августа 1959 г. За это время состоялось 25 пленарных заседаний и целый ряд так называемых узких заседаний и встреч министров иностранных дел.

ко, упорно сопротивлялись западные державы и Бонн. Будучи вынужденными согласиться затем на это, западные державы пытались навязать унизительный порядок участия в совещании представителей обоих немецких государств, предлагая, чтобы они разместились на местах для прессы, имели ограниченное право голоса и могли выступать лишь по просьбе одной из четырех держав.

Делегация ФРГ во главе с министром иностранных дел Брентано не только полностью поддержала эти предложения своих западных коллег, но и выступила с «инициативой» не считать немецкий язык рабочим языком совещания.

Единственной делегацией, которая последовательно боролась за то, чтобы на совещании был слышен голос представителей двух немецких государств, была делегация Советского Союза. В результате настойчивости советской стороны все же удалось добиться, что делегации обоих немецких государств заняли место в зале заседаний за столами, которые примыкали к круглому столу четырех держав [1], и получили равные возможности для изложения своей позиции по обсуждаемым вопросам [2].

При переходе к обсуждению вопросов, включенных в повестку дня, западные державы внесли так называемый «комплексный план», известный также под названием «план Гертера», или, как демагогически называли его авторы, «план мира». Он охватывал широкий круг различных проблем, касавшихся не только германских дел и Западного Берлина, но и вопросов, связанных с разоружением и европейской безопасностью, каждый из которых сам по себе представлял уже достаточно сложную проблему. Некоторые из этих вопросов совещание было вообще не компетентно решать. Кроме того, перечисленные проблемы были поставлены в такую зависимость друг от друга, которая делала невозможным достижение договоренности. Как справедливо отмечала 15 мая 1959 г. английская газета «Дейли телеграф», этот план «включает в себя почти все предложения, по которым вот уже в течение 10 лет невозможно было достичь соглашения с Россией».

«Комплексный план», внесенный 14 мая представителями США от имени западных держав, предусматривал четыре этапа, в течение которых они предлагали провести предусмотренные ими обширные и абсолютно нереальные мероприятия.

---

[1] Но по настоянию западных держав не вплотную, а на расстоянии в один карандаш.

[2] Стремясь подчеркнуть само нежелание встречаться на совещании с представителями ГДР, Брентано отказался присутствовать на заседаниях и отсиживался все время в резиденции своей делегации. Поэтому делегацию на заседаниях возглавлял посол ФРГ в Вашингтоне В. Греве.

Решение всех проблем ставилось фактически в зависимость от «воссоединения Германии» путем так называемых «свободных выборов», что являлось основой этого плана. Это свидетельствовало об игнорировании западными державами реальной обстановки на немецкой земле, без учета которой нельзя было вообще думать о каком-либо прогрессе в решении германских дел. Предложения западных держав по Западному Берлину (от 14 мая 1959 г.) в рамках «комплексного плана» также связывались с «воссоединением Германии» и рядом других вопросов. Они предусматривали отрыв от ГДР ее столицы и объединение ее на основе так называемых «свободных выборов» с Западным Берлином, восстановление четырехстороннего контроля в городе и обеспечение «свободы доступа» к нему [1].

Если советские предложения по Западному Берлину исходили из необходимости избежать болезненной ломки сложившегося там уклада жизни и не давали кому-либо односторонних выгод, то предложения западных держав были далеки от того, чтобы учитывать реальное положение. Они были пронизаны стремлением решать эту проблему за счет других, прежде всего за счет ГДР.

Мероприятия Запада «по европейской безопасности» преследовали фактически одну цель — обеспечить сохранение американских войск в Европе.

Так же нереалистически ставился и вопрос о разоружении, неправомерно связываемый с решением других проблем.

Каждая из проблем, включенных в «комплексный план», была достаточно сложна сама по себе и требовала немалых усилий для своего разрешения, а западные державы тесно сплели их все вместе. При этом К. Гертер неоднократно заявлял, что «все части плана связаны между собой и он должен рассматриваться как целое» [2]. В связи с этим корреспондент газеты «Дейли телеграф» справедливо указывал, что трудно представить себе, какого рода «полезные переговоры с русскими... можно вести на основе этого плана».

Давая оценку плану Гертера, А. А. Громыко отмечал, что этот план не отвечает основным задачам, которые стоят перед совещанием, а лишь уводит в сторону от их решения. Более того, в своем плане западные державы фактически предлагают

---

[1] Более подробно предложения западных держав по Западному Берлину были изложены в выступлении Гертера на пленарном заседании 25 мая 1959 г. Они состояли из семи пунктов и по существу конкретизировали, как и в какие сроки должны быть осуществлены предлагаемые ими мероприятия по Берлину. При этом реализация внесенных Гертером предложений прямо ставилась в зависимость от выполнения «комплексного плана» в целом.

[2] АВП СССР.

Советскому Союзу содействовать поглощению ГДР Федеративной Республикой Германии, отрыву от ГДР ее столицы и распространению оккупационного режима на весь Берлин [1]. Считая главной задачей совещания подведение черты под второй мировой войной в Европе, А. А. Громыко указывал, что оно должно заняться прежде всего германским мирным урегулированием и Западным Берлином. Одновременно советская делегация отмечала, что «в задачу... совещания входит также подготовка согласованных предложений относительно времени, места созыва и возможной повестки дня совещания глав правительств» [2].

Делегации СССР и ГДР показали несостоятельность позиции западных держав, которые во главу угла ставили проблему воссоединения, являющуюся прежде всего делом обоих германских государств, а заключение мирного договора отодвинули на неопределенное время. Советская сторона, поддержанная представителями ГДР, поставила на обсуждение участников совещания проект германского мирного договора, а также изложила позицию по вопросу о Западном Берлине.

Ход переговоров показал конструктивный подход социалистической дипломатии, ее стремление к достижению взаимоприемлемой договоренности по обсуждаемым проблемам.

Западная дипломатия перед лицом ясных и реалистических предложений СССР и ГДР заняла оборонительную позицию, избрав тактику оговорок, возражений, обструкции и проволочек. С самого начала работы совещания стало очевидным, что западные державы не заинтересованы ни в заключении мирного договора, ни в достижении соглашения по Западному Берлину.

Тем не менее советские представители стремились сосредоточить внимание совещания на решении конкретных вопросов о путях нормализации положения в Западном Берлине и мерах обеспечения разрядки в отношениях между ГДР и ФРГ, а также поэтапного урегулирования интересующих их проблем.

10 июня советская делегация после консультаций с ГДР внесла компромиссное предложение, предусматривавшее временное урегулирование на основе заключения соглашения о временном статусе Западного Берлина и создание общегерманского комитета для подготовки мер по сближению обоих немецких государств, объединению Германии и подготовке мирного договора. Советские предложения предусматривали сохранение неизменным положение трех западных держав в Западном Берлине на определенный срок (на время работы общегерманского комитета, которое советская сторона вначале предлагала

[1] «Правда», 19 мая 1959 г.
[2] «Правда», 14 мая 1959 г.

ограничить одним годом) при условии достижения по нему соглашения о временном урегулировании на основе следующих принципов: сокращение западными державами до символических размеров численности их войск и вооружений в Западном Берлине; прекращение с его территории враждебной пропаганды против ГДР и других социалистических стран; ликвидация там подрывных центров; неразмещение в нем ядерного и ракетного оружия. В случае заключения такого соглашения Советский Союз и ГДР были готовы на сохранение связей Западного Берлина с внешним миром в таком виде, как они существовали в то время. Это соглашение должно было быть новым временным статусом для Западного Берлина. Временный статус мог быть гарантирован четырьмя державами, а также в приемлемой для всех форме — ГДР. К гарантиям могла быть привлечена и ООН. Для наблюдения за выполнением соглашения о временном статусе Западного Берлина предлагалось создать наблюдательный орган из представителей четырех держав [1].

Правительство ГДР официально заявило о согласии обеспечить беспрепятственные мирные связи Западного Берлина с внешним миром.

Идя навстречу западным державам и желая облегчить достижение договоренности, советская делегация 22 июля высказалась за «параллельное» обсуждение вопроса о временном статусе Западного Берлина и о создании общегерманского комитета.

Но представитель ФРГ В. Греве решительно выступил против. Он, в частности, категорически отвергал идею создания на паритетных началах общегерманского комитета, пытаясь изобразить его как «инструмент сохранения раскола» страны и «установления коммунистической системы во всей Германии» [2].

Продолжая обсуждение, совещание на завершающей стадии рассматривало в основном вопросы, относящиеся к временному статусу Западного Берлина, которые были внесены в ходе обмена мнениями обеими сторонами.

США, Англия и Франция признавали, что положение в Западном Берлине является ненормальным, что он не входит в состав ФРГ и на него не распространяется компетенция западногерманских властей. В то же время они возражали против превращения Западного Берлина в вольный город и ликвидации там оккупационного режима, а соглашались лишь на поиски какого-то временного урегулирования. Последние свои предло-

---

[1] «Правда», 11 июня 1959 г.

[2] «Dokumentation der Genfer Aussenministerkonferenz», Bd. II. Bonn, 1959, S. 91, 93.

жения западные державы внесли 28 июля. При условии сохранения за ними «права пребывания» в Западном Берлине, обеспечения им «беспрепятственного доступа» к нему «в соответствии с процедурами, которые существовали в апреле 1959 г.», и свободы передвижения между Западным Берлином и столицей ГДР они были готовы «ограничить общую численность их войск в западных секторах имевшимся там числом»; время от времени «рассматривать возможность сокращения этих войск, если это позволят события»; не размещать в нем атомное оружие и ракетные установки; избегать деятельности в Западном Берлине или в отношении его, «которая могла бы нарушить общественный порядок или серьезно затронуть права и интересы или вылиться во вмешательство во внутренние дела других». Для разрешения возможных споров по «доступу» они предлагали создать четырехстороннюю комиссию, которая могла бы в случае необходимости консультироваться с «немецкими экспертами». Функции наблюдения за выполнением пункта «о взаимных мерах по недопущению пропаганды» (под этим имелась в виду также «подрывная деятельность в целом») предлагалось возложить на генерального секретаря ООН, который должен был осуществлять их с помощью специального аппарата на месте [1]. В целом это повторяло предложения, сделанные западными державами 16 июня 1959 г., за исключением того, что теперь они предлагали заключить соглашение на 5 лет (а не на период до воссоединения Германии) и включили положение о привлечении генерального секретаря ООН для наблюдения «за ограничением пропаганды и подрывной деятельности в обеих частях города» [2].

Советская сторона положительно отнеслась ко многим предложениям западных держав, касавшихся временного статуса Западного Берлина. «Позиции обеих сторон,— как говорилось в коммюнике об итогах совещания,— по ряду вопросов сблизились» [3]. В целом вырисовывались контуры возможного соглашения. Однако не удалось достичь единства взглядов по основному вопросу — о юридической базе пребывания западных держав по истечении срока действия временного соглашения, поскольку США, Англия и Франция были против замены непризнаваемого современным международным правом «права победителя», на что они упорно претендовали, какой-либо другой договорной основой. «Это было главным вопросом, разделяющим нас»,— отмечал А. А. Громыко. Хотя советская сторона заявила, что в течение действия временного соглашения по За-

---

[1] АВП СССР.
[2] «Dokumentation der Zeit», 1971, N 21, S. 15—16.
[3] «Правда», 6 августа 1959 г.

падному Берлину, а также в ходе переговоров, которые должны быть проведены по его истечении для нового рассмотрения вопроса, «со стороны Советского Союза не будет предпринято односторонних действий», представители западных держав продолжали упорствовать на своих позициях.

3 августа между СССР и США был окончательно согласован вопрос об обмене официальными визитами на высшем уровне. Считая, видимо, нецелесообразным заключать накануне такой встречи какое-либо соглашение, западные державы внесли предложение прервать совещание министров.

Значение Совещания в Женеве 1959 г.

Совещание в Женеве было наглядным свидетельством того, что политика «с позиции силы» непригодна к решению спорных и неурегулированных международных вопросов, что в США, Англии и Франции усиливаются позиции кругов, более трезво оценивающих обстановку и подходящих более реалистически к решению международных проблем. Заявления Стивенсона, Боулса, Хэмфри, Гарримана, Макмиллана и других известных западных государственных и политических деятелей свидетельствовали о том, что в условиях изменения соотношения сил на международной арене часть влиятельных кругов западных держав начинала более серьезно задумываться над вопросами войны и мира, понимать бесперспективность политики «холодной войны», необходимость определенного пересмотра своего внешнеполитического курса и поисков путей решения спорных вопросов путем переговоров.

Совещание в Женеве было наглядным выражением влияния этого процесса на позиции западных держав. Оно знаменовало собой, как отмечал в своем выступлении в Женеве 13 мая 1959 г. А. А. Громыко, «первый шаг в деле возобновления после длительного перерыва сотрудничества четырех держав за столом совещаний в целях решения важнейших международных вопросов». При этом весьма показательно, что западные державы вынуждены были согласиться на переговоры, по существу, на базе советских предложений.

Дипломатия западных держав оказалась вынужденной на Женевском совещании пойти на признание известных реальностей, в частности факта существования на немецкой земле двух суверенных государств. Министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль говорил 14 мая: «Я вполне согласен признать тот факт, что Германия разделена и что, если хотите, имеется две Германии. Есть Восточная Германия и есть Западная Германия» [1]. К. Гертер вынужден был заявить на совещании, что ни одно из существующих ныне на немецкой земле государств

[1] АВП СССР.

не может претендовать на представительство всех немцев и выступать от имени всей Германии.

Западные державы не смогли воспрепятствовать участию в совещании представителей ГДР, что явилось результатом настойчивых усилий СССР, требований широких кругов общественности. Впервые за послевоенные годы на международном совещании прозвучал голос немецких представителей при обсуждении комплекса германских дел. Иными словами, США, Англия и Франция были вынуждены признать ГДР де-факто. Участие в совещании представителей ГДР было выражением серьезного укрепления ее международных позиций и авторитета. Совещание подтвердило, что для урегулирования вопросов, затрагивающих жизненные интересы немцев, необходимо участие в нем обоих германских государств. Это означало, что начинал пробивать себе дорогу более реалистический курс в вопросе о завершении послевоенного мирного урегулирования в Европе. Женева свидетельствовала о том, что без ГДР не могут быть обсуждены и решены вопросы, связанные с германскими делами.

На совещании в Женеве были сделаны серьезные попытки сблизить позиции государств по важнейшим международным вопросам. Хотя между участниками совещания оставались существенные разногласия, в том числе по главным принципиальным проблемам, прежде всего по германским делам и Западному Берлину, но оно сделало шаг на пути к их решению. Совещание, в частности, продвинулось вперед в направлении реалистического подхода к урегулированию вопросов, касающихся Западного Берлина. Была, например, «достигнута договоренность относительно того круга вопросов, касающихся Западного Берлина, которые должны быть включены в соответствующее временное соглашение», и того, что «соглашение должно быть ограничено определенными временными рамками».

Наконец, участники совещания пришли к единодушному мнению о решении интересующих их вопросов мирным путем.

Тем самым совещание в Женеве сыграло позитивную роль в деле достижения некоторой разрядки напряженности и поисков путей решения спорных вопросов, подготовив почву для дальнейшего обмена мнениями между четырьмя державами на самых различных уровнях. Идея переговоров постепенно пробивала себе дорогу.

Министры «условились доложить» о результатах совещания своим правительствам и договорились, что «вопрос о дате и месте возобновления работы совещания будет урегулирован через дипломатические каналы» [1].

---

[1] «Правда», 6 августа 1959 г.

После совещания в Женеве противники разрядки международной напряженности снова активизировали свою деятельность. Возглавил эту кампанию, как обычно, К. Аденауэр, который после смерти Дж. Даллеса изменил свое решение об уходе с поста канцлера, заявив, что в такой сложной обстановке он «не может передать» руководство ФРГ в другие руки.

Несмотря на усилившиеся после совещания в Женеве происки со стороны реваншистских кругов Бонна и новое оживление крайних сил в США, Советский Союз активно вел борьбу за скорейший созыв совещания в верхах с целью поисков решения тех вопросов, по которым не смогли договориться министры иностранных дел.

3. Дипломатические акции после Женевского совещания

Советско-американская встреча на высшем уровне (сентябрь 1959 г.)

Советское правительство неоднократно подчеркивало, что установление прочных дружественных отношений между двумя крупнейшими державами — СССР и США имело бы огромное значение для укрепления мира и безопасности народов, для ослабления международной напряженности. В 1956 г. правительство СССР предложило США заключить договор о дружбе и сотрудничестве. Но в то время инициатива Советского Союза не встретила должного понимания и поддержки в правящих кругах США. СССР продолжал предпринимать новые шаги для улучшения советско-американских отношений. В сентябре 1959 г. состоялся визит в США председателя Совета Министров СССР. Важное место во время встречи главы правительства СССР и президента США занял вопрос о мирном урегулировании в центре Европы и о Западном Берлине.

Советская сторона настойчиво призывала американцев к решению этих проблем на согласованной основе, к заключению германского мирного договора и ликвидации ненормального положения в Западном Берлине. Поскольку было ясно, что США не готовы к этому, то американскому президенту было заявлено от имени Советского правительства, что можно было бы пойти по пути заключения временного соглашения.

Президент США Д. Эйзенхауэр признавал, что положение в Западном Берлине ненормально и его надо «исправить», и высказался в том плане, что США не собираются держать там «вечно» свои войска. Но Д. Эйзенхауэр уклонялся от того, чтобы принять на себя какие-либо конкретные обязательства. Убедившись, однако, в обоснованности позиции Советского Союза, американский президент вынужден был дать свое согла-

сие продолжить усилия с целью достижения взаимоприемлемых решений [1]. Была достигнута договоренность о том, что переговоры о Западном Берлине должны быть возобновлены, но для них не устанавливался какой-либо ограниченный по времени срок. Во время переговоров с президентом Д. Эйзенхауэром была достигнута договоренность об организации в мае 1960 г. встречи глав правительств четырех держав.

Подготовка к совещанию в верхах и срыв его США

Согласие США на совещание в верхах с с целью обсуждения назревших международных проблем, в том числе вопроса о Западном Берлине, усилило борьбу двух направлений в американской правящей верхушке. Такие политические деятели, как Г. Трумэн, Д. Ачесон, в известной степени Диллон и стоящие за ними силы, фактически стали на точку зрения Аденауэра, выступив, по существу, вообще против переговоров с Советским Союзом. Однако часть правящих кругов США, учитывая настроения широких народных масс и общественности различных стран, исходила из необходимости пойти на переговоры с СССР в расчете на то, что им удастся отстоять свои позиции. Отражая в какой-то мере точку зрения этих кругов, сенатор Дж. Кеннеди говорил 9 декабря 1959 г. в беседе с главным редактором журнала «Харпер»: «Я бы сказал, что шансы на окончательное решение берлинского вопроса являются весьма неопределенными. Однако я думаю, что мы могли бы достичь с ним (СССР.— *Ред.*) модус-вивенди».

19—21 декабря 1959 г. в столице Франции состоялось совещание представителей США, Англии, Франции и ФРГ. В нем участвовали Д. Эйзенхауэр, Ш. де Голль, Г. Макмиллан, К. Аденауэр и их министры иностранных дел. Они обсудили вопрос о дате и месте совещания в верхах между Востоком и Западом, а также проект ноты Советскому Союзу. Как писал Аденауэр, серьезные расхождения возникли при рассмотрении темы «Германия и Берлин»: «Эйзенхауэр, первым взявший слово, пространно изложил свои соображения, которые находились в прямом противоречии с требованиями ни в коем случае не изменять правовую основу нынешнего статуса Берлина. В частности, он сказал, что права западных держав в Берлине не настолько важны, чтобы общественность за пределами Германии считала их нарушение достаточным поводом для вооруженного вмешательства. Да и вообще, спросил он, что станется с Берлином, если русские, отступив сейчас, в скором времени предпримут против него новые шаги? Точно так же, по его словам, не смогли бы западные державы оказать противодействие и заключению Советским Союзом эвентуального мирного дого-

[1] См. «Совместное советско-американское коммюнике». «Правда», 28 сентября 1959 г.

вора с ГДР, поскольку они ведь сами заключили мирный договор с Федеративной Республикой» [1].

С резкими возражениями выступил Аденауэр. Он пытался убедить участников совещания в том, что с Женевой покончено [2] и что нельзя соглашаться с предложениями СССР [3]. По словам Аденауэра, «в ответ Д. Эйзенхауэр заявил, что поскольку он не находит поддержки своих взглядов у партнеров, он присоединяется к их точке зрения» [4].

Однако в действительности все выглядело далеко не так, как это пытается представить в своих мемуарах канцлер. Грубые домогательства Бонна вызывали постоянно усиливавшееся недовольство широких кругов в западных странах, даже известной части их правящей верхушки.

Поэтому, когда в начале 1960 г. Аденауэр выразил президенту США «беспокойство по поводу того, что любое даже временное соглашение о Западном Берлине может подорвать там позиции Запада», американская сторона довольно сдержанно реагировала на это. Более того, в ряде официальных заявлений в последние месяцы 1959 г. и первые месяцы 1960 г. Вашингтон, по существу, отклонил указанные выше соображения Бонна как «необоснованные претензии на определение политики США».

В начале февраля 1960 г. состоялось совещание Политического консультативного комитета стран — участниц Варшавского Договора, в ходе которого имел место обстоятельный обмен мнениями по германским делам. Участники совещания приветствовали достижение договоренности о созыве совещания на высшем уровне [5].

Накануне предполагавшейся встречи четырех держав глава правительства СССР нанес в конце марта 1960 г. визит во Францию. Во время бесед советская и французская стороны исходили из окончательного характера германских границ, установленных после второй мировой войны. Президент Франции Ш. де Голль подтвердил сделанное им осенью 1958 г. заявление о том, что немцы не должны «ставить под сомнение нынешние границы на западе, востоке, севере и юге». Обе стороны высказались за нормализацию положения в связи с Западным Берлином. В беседе 1 апреля де Голль отметил, что у правительств Франции и СССР нет непримиримых противоречий по германскому вопросу.

---

[1] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1959—1963. Fragmente, S. 24—25.

[2] Имеется в виду Женевское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции 1959 г.

[3] *K. Adenauer.* Erinnerungen. 1959—1963. Fragmente, S. 25—26.

[4] Ibid., S. 26.

[5] См. «Правда», 5 февраля 1960 г.

Однако реакционные круги на Западе нагнетали атмосферу пессимизма в связи с приближающимся совещанием, стремились не допустить плодотворного его исхода.

Поучая западные державы, Аденауэр говорил: «Мы должны и дальше постоянно проводить прямолинейную политику, вместо того чтобы предаваться близоруким утопиям и иллюзиям» [1]. В апреле он писал в американском журнале «Лайф», что на предстоящем совещании на высшем уровне Запад «не имеет права отступить ни на один шаг» [2].

Одновременно канцлер и члены его кабинета совершили в начале 1960 г. поездки в США, Англию, Францию и ряд других стран, стремясь во что бы то ни стало сорвать совещание и не допустить переговоров западных держав с Советским Союзом. Характеризуя эту позицию правительства Аденауэра, «Франкфуртер рундшау» писала весной 1960 г.: «Внешняя политика К. Аденауэра зиждится на представлении и предположении, что между Западом и Востоком... не может быть и не должно быть никакого взаимопонимания. Эта политика оспаривает возможность разумных переговоров с Советским Союзом, она усматривает уже в самом факте переговоров капитуляцию» [3].

Чем ближе было совещание в верхах, тем больше нервничали в Бонне, тем громче раздавались на Западе голоса тех, кому была не по нутру разрядка международной напряженности.

Выступая 18 января 1960 г. на собрании руководящих органов ХДС в Эссене, Аденауэр пугал присутствующих «страшной опасностью» и уверял, что она «исходит не только из Москвы, но также из... Лондона и даже Вашингтона», где склонны предпринять на встрече в верхах попытку урегулировать ряд назревших международных вопросов с Советским Союзом.

Все более активизировались силы, которые стремились во что бы то ни стало сорвать совещание и снова отбросить мир к временам самой острой конфронтации.

В США крайне правые круги усилили антисоветскую кампанию и наскоки на правительство за его «мягкость». Под их давлением позиция Вашингтона начинает ожесточаться. Немаловажной причиной этого было и стремление в самой правящей верхушке США преодолеть свои разногласия на путях нового обострения обстановки.

Заместитель государственного секретаря США Диллон выступил 20 апреля фактически со своего рода ультиматумом к СССР, потребовав «вывода советских войск из Восточной Евро-

---

[1] «Die Welt», 21. XII. 1959.
[2] «Life», 11. IV. 1960.
[3] «Frankfurter Rundschau», 14. IV. 1960.

пы» и «предоставления народам Европы права на самоопределение» [1].

Д. Эйзенхауэр поддержал К. Гертера и Диллона, заявив, что в их выступлениях изложена политика США.

В то же время американское руководство принимает решение о возобновлении подземных ядерных испытаний.

Все это были не отдельные изолированные явления, а звенья одной цепи мероприятий по срыву совещания в верхах, результат «линии на обострение», которую взяли правящие круги США под давлением ультраправых. Эту линию поддержал Аденауэр во время своего визита в США весной 1960 г.

Кульминационным пунктом в деле срыва совещания в верхах было вторжение 1 мая 1960 г. в воздушное пространство СССР американского самолета-разведчика «Локхид У-2», сбитого советскими ракетчиками. Официальные представители США сначала пытались отрицать преднамеренный характер полета, но вскоре Эйзенхауэр был вынужден это признать.

Накануне ожидаемой встречи в верхах, 15 мая, в Париже состоялись переговоры между ведущими деятелями США, Англии, Франции и ФРГ, которые обнаружили серьезные различия в их позициях. Правительство К. Аденауэра стремилось осложнить саму возможность возобновления контактов по важнейшим международным вопросам.

16 мая на предварительной и единственной встрече глав правительств США, Англии, Франции и СССР в Париже, когда из действий американского президента стало ясно, что правительство США не готово принести извинения за вторжение «У-2» в пределы воздушного пространства Советского Союза, без чего совещание не могло состояться. Советская сторона внесла предложение отложить его до более благоприятного времени [2]. Западные державы в своем коммюнике, принятом 18 мая 1960 г. прежде всего благодаря позиции Франции, фактически присоединились к советскому предложению, заявив о своей готовности принять участие в переговорах с Советским Союзом об урегулировании важных международных проблем «в любое подходящее время в будущем».

В связи с вопросом о совещании на высшем уровне в Париже ГДР в меморандуме, направленном правительствам четырех держав, изложило свою точку зрения относительно завершения германского мирного урегулирования и ликвидации ненормального положения Западного Берлина, внеся конкретные предложения, направленные на ослабление международной напряженности, в том числе на немецкой земле. В нотах

---

[1] Цит. по: *H. Speier.* Die Bedrohung Berlin, S. 85.

[2] «Правда», 17 мая 1960 г.

Советскому правительству от 2 и 30 июня, 8 и 26 июля, в заявлении от 5 сентября 1960 г. правительство ГДР уточнило свои предложения.

В октябре 1960 г. СССР, ГДР, Польша и Чехословакия в совместном заявлении указали на активизацию милитаристской и реваншистской деятельности в ФРГ. Они призвали народы и правительства всех государств совместными усилиями отразить угрозу миру, исходящую от западногерманского милитаризма и реваншизма, не допустить оснащения бундесвера ракетно-ядерным оружием и сделать все необходимое для решения комплекса германских дел и обеспечения мира и безопасности народов Европы [1].

Учитывая начавшуюся в США во второй половине 1960 г. избирательную кампанию, Советское правительство не форсировало в тот период вопрос о германском мирном урегулировании, Западном Берлине и новой встрече в верхах, а делало все возможное, чтобы избежать дальнейшего осложнения обстановки, тем более, что со стороны нового претендента в президенты Джона Кеннеди наряду с повторением избитых стереотипов антикоммунистического характера было сделано немало довольно трезвых заявлений. В ноябре 1960 г. он победил на выборах и сменил в Белом доме Д. Эйзенхауэра. Но программа Дж. Кеннеди и действия его администрации были противоречивы и непоследовательны. Это наглядно проявилось, в частности, на состоявшейся в 1961 г. встрече в Вене.

Подготовка к советско-американской встрече в верхах

После прихода Дж. Кеннеди в Белый дом некоторые из ближайших друзей и советников президента побуждали его выступить с собственной инициативой в германских делах. Друг президента сенатор республиканец Д. Купер, вернувшись из Москвы, советовал Дж. Кеннеди, чтобы новое правительство взяло в свои руки инициативу и предложило Советскому Союзу переговоры по Западному Берлину с известным учетом позиции советской стороны. В этом духе высказывался и Э. Стивенсон, указывавший на то, что назрело время, чтобы положить «новое начало в направлении обеспечения мира». Председатель сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайт «настоятельно призывал нового президента, заявить, что берлинскую ситуацию следует изменить и самому проявить соответствующую инициативу».

Требования положить конец ненормальному и опасному положению, создавшемуся в связи с Западным Берлином, еще более настойчиво раздавались в самых различных кругах обще-

---

[1] См. «Правда». 11 октября 1960 г.

ственности. Фельдмаршал Б. Монтгомери в интервью с американским радиообозревателем Э. Мерроу высказал 6 февраля 1961 г. мнение, что «пора вывести все иностранные войска из Берлина».

Но более влиятельные среди правящих кругов США сторонники «неизменного курса в вопросе о Берлине», к числу которых в первую очередь относились государственный секретарь Д. Раск, консультант по «русским делам» Болен, бывший государственный секретарь Д. Ачесон, к советам которого прислушивался Дж. Кеннеди, заявляли, что «любой компромисс по берлинскому вопросу серьезно ослабит позиции канцлера ФРГ Аденауэра и союз НАТО в целом».

Поэтому в вопросе германского мирного урегулирования и Западного Берлина Дж. Кеннеди фактически придерживался позиций прежнего кабинета. Когда на пресс-конференции 1 февраля 1961 г. президента спросили, означает ли тот факт, что в его послании о положении страны среди названных им критических районов «не упоминаются Западный Берлин и Германия», какую-то перемену положения и изменение США оценки этого положения, то он ответил: «Нет, моя точка зрения и, я полагаю, точка зрения правительства Соединенных Штатов, а это та же самая точка зрения, которую высказывало прежнее правительство,— остается неизменной. Наша точка зрения по поводу Берлина не изменилась» [1].

На пресс-конференции 25 января 1961 г. Кеннеди заявил, однако, что нужно использовать возможность уменьшения напряженности «традиционным путем» [2]. Два дня спустя Э. Стивенсон дополнил это заявление, сказав, что президент будет приветствовать возможность познакомиться с главой Советского правительства [3].

Вместе с тем в те дни в Пентагоне и Белом доме все более форсированно вырабатывались проекты усиления гонки вооружений и вмешательства во внутренние дела других стран, а разведка США активно работала над планами выступления против кубинской революции.

В целом правящие круги США все же считали необходимым избегать дальнейшего обострения отношений с Советским Союзом из-за германских дел, чтобы не увеличивать опасность ядерного конфликта. Этому вопросу был посвящен ряд совещаний, которые проходили в государственном департаменте и Белом доме. В них принимали участие Дж. Кеннеди, Д. Раск, А. Гарриман, У. Ростоу, Ч. Болен, Д. Кеннан, специально выз-

---

[1] «Правда», 3 февраля 1961 г.
[2] «New York Times», 26. I. 1961.
[3] «New York Times», 28. I. 1961.

ванный из Москвы посол США Л. Томпсон, а также целый ряд политических и военных советников американского президента. Как можно судить по последующим публикациям, Дж. Кеннеди в принципе не возражал против совещания в верхах, но считал предпочтительнее созвать его после того, как советско-американские отношения станут более нормальными.

Получив инструкции сообщить указанные выше соображения советской стороне и объяснить, что представляет собой «философия» нового правительства в вопросах отношений между Востоком и Западом, а также вручить главе Советского правительства личное послание президента, Л. Томпсон выехал в конце февраля в Москву [1]. Это послание Л. Томпсон передал 9 марта 1961 г. [2] Оно положило начало дальнейшей советско-американской переписке по основным вопросам международного положения.

После заявлений посла США по особым поручениям А. Гарримана от 8 марта и представителя государственного департамента П. Уайта от 10 марта 1961 г. появились сообщения, что новое американское правительство не считает себя связанным предложениями прежнего правительства по Западному Берлину. Не совсем ясное заявление Д. Раска от 9 марта было истолковано в прессе как отказ США от ранее внесенных ими предложений по Западному Берлину. В связи с этим временный поверенный в делах США в Москве Фриирс сделал по поручению государственного департамента официальные разъяснения. Он информировал МИД СССР, что такого рода сообщения не соответствуют действительности. Смысл заявлений Д. Раска сводился к тому, сказал он, что правительство США изучает в настоящее время германский вопрос, включая и положение в Западном Берлине.

Советская сторона с пониманием отнеслась к пожеланиям правительства США дать ему время разработать свою позицию как по этим вопросам, так и по проблеме разоружения.

В то же время она считала, что нельзя бесконечно затягивать урегулирование германских дел. В заявлении, принятом на заседании Политического консультативного комитета стран — участниц Варшавского Договора в Москве 28—29 марта 1961 г., подчеркивалось, что в интересах обеспечения мира крайне необходимо устранение остатков второй мировой войны путем заключения мирного договора с обоими германскими государствами и в связи с этим обезвреживание очага опасности в Западном Берлине [3].

---

[1] «Figaro», 24. VI. 1961.
[2] См. «Правда», 10 марта 1961 г.
[3] См. «Правда», 31 марта 1961 г.

Одновременно Советским Союзом были предприняты меры, чтобы разъяснить Бонну свою позицию и улучшить отношения между СССР и ФРГ. 17 февраля 1961 г. посол Советского Союза в Бонне вручил канцлеру памятную записку Советского правительства. В ней отмечалось, что правительство СССР постоянно «стремилось к всестороннему улучшению отношений с Федеративной Республикой», состояние которых «всегда имело огромное значение для судеб мира в Европе», и считает, что вопрос о германском мирном договоре — это «сейчас главное в советско-западногерманских отношениях, и придает его безотлагательному решению самое первостепенное значение». При этом в памятной записке указывалось, что «советская позиция попрежнему не исключает и возможности временного урегулирования вопроса о Западном Берлине» до заключения упомянутого мирного договора, имея в виду, однако, что заранее будет установлен строго обусловленный срок заключения такого договора. Если же по истечении заранее обусловленного времени не удастся заключить мирного договора с обоими государствами,— говорилось в записке,— то Советский Союз оставляет за собой право, вместе с другими государствами, которые пожелают, принять соответствующие меры по урегулированию отношений с ГДР. В случае же согласия Бонна на завершение мирного урегулирования советская сторона выразила готовность также «в любое время вступить в соответствующие переговоры с правительством Федеративной Республики» [1].

Но, как и прежде, эта инициатива не нашла понимания в правящих кругах ФРГ. Близкая к правительству газета «Франкфуртер альгемайне» сообщала в корреспонденции из Бонна: «Федеральное правительство отклоняет содержащиеся в этом меморандуме предложения по решению германского и берлинского вопросов так же, как оно отклонило советский проект мирного договора от 10 января 1959 года» и отвергает какие-либо «односторонние переговоры» [2].

Газета «Франкфуртер рундшау» отмечала, что Бонн против любых переговоров о воссоединении и мирном договоре, вообще «против какой-либо инициативы Востока в германском вопросе». «Единственное чувство, которое мог вызвать этот меморандум в соответствующих правительственных учреждениях, — это раздражение по поводу того, что теперь поневоле нужно составлять ответ. Советские соображения относительно того, чтобы были выдвинуты ответные предложения, не будут приняты» [3].

---

[1] «Правда», 4 марта 1961 г.
[2] «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 22. II. 1961.
[3] «Frankfurter Rundschau», 23. II. 1961.

Реакционные правящие круги Бонна не только отклоняли советские предложения, но и всячески стремились помешать тому, чтобы Запад пошел на переговоры с Советским Союзом по вопросу о германском мирном урегулировании и Западном Берлине, или, в крайнем случае, навязать западным державам свою явно неприемлемую для переговоров позицию.

Хотя Бонну и удалось в какой-то степени повлиять на США, но сорвать советско-американскую встречу на высшем уровне, которая была уже согласована, он оказался не в состоянии. Но эта встреча несколько отодвинулась в результате имевшей место в апреле 1961 г. американской интервенции на Кубе и связанного с этим обострения международной обстановки.

Встреча в Вене глав правительств СССР и США (1961 г.)

В соответствии с предварительной договоренностью 19 мая 1961 г. одновременно в Москве и в Вашингтоне было объявлено о встрече 3—4 июня Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева и президента США Дж. Кеннеди. Местом встречи была избрана столица нейтральной Австрии. Рамки встречи были согласованы в результате продолжительного обмена мнениями через дипломатические каналы и четко очерчены в официальном сообщении. Эта встреча, как следовало из официального сообщения, не имела целью ведение переговоров или достижение соглашения по основным международным проблемам, которые затрагивают интересы других стран. Ее цель заключалась в установлении первого личного контакта между главой Советского правительства и американским президентом и проведении обмена мнениями по основным проблемам, затрагивающим отношения между обеими странами.

Центральное место в обмене мнениями занимали проблемы разоружения, германское мирное урегулирование и Западный Берлин.

4 июня президенту США была передана памятная записка по вопросу о германском мирном урегулировании и Западном Берлине. Советская сторона высказалась за их скорейшее решение. Джону Кеннеди было разъяснено, что Советский Союз намерен добиваться заключения германского мирного договора. Беседа носила откровенный характер и затянулась дольше, чем намечалось. Но прийти к единому мнению не удалось.

Разошлись позиции сторон и при обсуждении проблем разоружения.

Хотя американский президент впервые признал, что «силы США и СССР равны», он пытался, несмотря на это, оказать давление на Советский Союз и заставить его отказаться от подведения черты под второй мировой войной в Европе. Советская сторона отмечала, что даже если согласиться с заявлением президента Соединенных Штатов о «равенстве сил СССР и США»,

то и тогда явно неразумно грозить Советскому Союзу. Поскольку признается равенство, то из этого надо делать надлежащие выводы.

Но стороны сумели договориться в принципе о поддержании мирного независимого Лаоса и уважении его нейтралитета, а также согласились поддерживать контакты по всем вопросам, представляющим интерес для них и для всего мира, т. е., по существу, исходили из необходимости урегулировать их мирным путем. Однако события в Европе приняли в последующие месяцы далеко не такой оборот, который бы содействовал этому.

Обострение империалистическими кругами международной обстановки летом 1961 г.

После встречи глав правительств СССР и США в Вене крайне правые политические деятели США, такие, как Д. Ачесон, пытались при поддержке Бонна подтолкнуть Дж. Кеннеди на проведение более агрессивного воинственного курса в Европе, в частности в германских делах. Так, Д. Ачесон доказывал президенту необходимость объявления в США состояния «национальной опасности» и призыва в армию миллиона резервистов. Однако Дж. Кеннеди более трезво подходил к ситуации, которая складывалась в центре Европы. Занимая, из-за сопротивления военно-промышленного комплекса, в вопросе о заключении германского мирного договора и нормализации положения в Западном Берлине позицию, тормозившую создание на европейском континенте основ прочного мира, он, однако, не решился на меры, которые предлагал ему Д. Ачесон. 19 июля 1961 г. на заседании Национального совета безопасности точка зрения Дж. Кеннеди о том, что США не должны отбрасывать в сторону переговоры как средство ведения международных дел, победила [1].

Понимая авантюристичность и опасность замыслов Бонна и не желая выпускать из своих рук один из важнейших рычагов давления на своих союзников, каким являлось обладание ядерным оружием, президент США не пошел и в этом вопросе навстречу домогательствам ФРГ. «Соединенные Штаты не дадут ядерное оружие ни одной стране»,— неоднократно отмечал Дж. Кеннеди в беседах со своим ближайшим окружением и подчеркивал, что он «с большим недовольством принял бы к сведению тот факт, что Западная Германия приобретет свой собственный атомный потенциал» [2].

Но Кеннеди уступил в ряде вопросов американским и западногерманским «ультра». В ответных нотах трех держав от 17 июля советские предложения относительно германского мир-

---

[1] См. *Анат. Громыко.* 1036 дней президента Кеннеди. М., 1969, стр. 184.
[2] «Der Spiegel», 1963, N 26, S. 21.

ного урегулирования и Западного Берлина были отклонены [1]. Более того, правительство США, по существу, выступило с угрозами в адрес Советского Союза в случае «односторонних действий» СССР [2]. Еще более резкое заявление было сделано президентом США 25 июля в его выступлении по телевидению.

В это же время Дж. Кеннеди запросил у сената одобрения дополнительных ассигнований на военные цели в размере 3,4 млрд. долл. и потребовал увеличения американской армии с 870 тыс. до 1 млн. человек, а также авиации и флота. Один за другим последовали призывы в американские вооруженные силы. Все новые подразделения перебрасывались на европейский континент. Среди определенных кругов США начали раздаваться даже призывы к превентивной войне против социалистических стран [3].

Все это, естественно, подстегивало правителей ФРГ, усиливавших военные приготовления. Численность бундесвера, составлявшая в 1958 г. приблизительно 200 тыс. человек, увеличилась до 390 тыс. При этом особенно быстро готовились командные кадры. Если в 1957 г. 75% всех инструкторов в военно-воздушных силах ФРГ были американцы, то в 1961 г. их уже полностью заменили немцы. Военные ограничения снимались одно за другим. Новейшее ракетное вооружение поступало во все большем объеме из США. В 1961 г. бундесвер имел на своем вооружении ракеты «Серджент», «Онест-Джон», «Матадор», «Нике», «Геркулес» и различные другие. В начале 1961 г. ФРГ разрешили строительство военных судов водоизмещением до 6 тыс. *т*. Постоянно росло влияние ФРГ в НАТО. Численность ее представителей в различных органах этой организации возросла с 17 человек в 1956 г. до 1200 в 1961 г. Правительство Аденауэра решительно противилось каким-либо переговорам о мирном урегулировании и Западном Берлине, подталкивая Запад усилить нажим на Советский Союз, чтобы заставить его отступить, хотя бы «даже ценой военного столкновения». Бонские стратеги все еще питали иллюзии, что путем так называемой «полицейской акции» или «малой войны» можно будет молниеносно захватить ГДР, поставить Советский Союз перед совершившимся фактом и вынудить его под угрозой ядерной войны примириться с этим. На съезде СДПГ в мае 1962 г. ее председатель В. Брандт, давая оценку этой обанкротившейся политике Аденауэра, отмечал, что Бонн был фактически все время одержим идеей, что «его собственная сила побудит

---

[1] АВП СССР.

[2] «Europa-Archiv 1961», S. 445-D 452. «Documents on American Foreign Relations», 1961, Doc. N 20, p. 141—149; «Department of State Bulletin», 7. VIII. 1961, p. 224—230.

[3] «New Yorker», 6. VIII. 1961.

когда-нибудь Советы бросить зону, как горячую картошку»[1], т. е. отказаться от поддержки ГДР.

Летом 1961 г. печать ФРГ развернула широкую провокационную кампанию, открыто угрожая ГДР и выступая с подстрекательскими призывами к сопротивлению и подготовке контрреволюционного путча.

Одновременно шла практическая подготовка такого рода акции против ГДР. Полагая, что день ее осуществления близок, боннские милитаристы уже не скрывали своих агрессивных замыслов и все более настойчиво требовали их поддержки со стороны США.

В начале июня состоялось совещание Ф.-Й. Штрауса с генералитетом бундесвера, а затем две его встречи с командующим вооруженными силами НАТО генералом Норстэдом, на которых министр обороны ФРГ пытался убедить американцев в том, что настало время совместными усилиями ликвидировать ГДР[2]. Вскоре стало известно о новом решении — увеличить вооруженные силы НАТО с 22 до 30 дивизий[3]. 7 июля правление ХДС/ХСС опубликовало заявление, в котором открыто провозглашало своей официальной целью «освобождение» ГДР[4]. Через день генерал Хойзингер с провокационной целью заявил, что семь дивизий бундесвера готовы «незамедлительно выполнить любую миссию»[5].

14 июля 1961 г. министр обороны ФРГ Штраус, заручившись сочувствием Норстэда, отправляется в США, чтобы добиться активизации политики «отбрасывания коммунизма» и поддержки авантюристических планов Бонна. В беседах с президентом Дж. Кеннеди и его ближайшим окружением, в частности с Р. Макнамарой и Д. Раском, он пытался убедить их в том, что «восстание» в ГДР созрело и Федеративная Республика без труда сможет овладеть ею. Штраус пытался представить вмешательство Бонна в дела ГДР не как агрессию, а как «полицейскую акцию во внутригерманском конфликте». Утверждая, что Парижские соглашения-де признают ФРГ «единственным законным представителем всего немецкого народа», министр заявлял, что США должны поддержать ФРГ и под угрозой применения ядерного оружия заставить Советский Союз отказаться от какого-либо вмешательства во «внутригерманский конфликт»[6]. В кругу близких к нему лиц Штраус даже угрожал тем на Западе, кто не склонен оказывать безоговорочной под-

[1] «Die Welt», 28. V. 1962.
[2] «Unsere Zeit», 1962, N 1, S. 16.
[3] «Der Tagesspiegel», 11. VII. 1961.
[4] «Süddeutsche Zeitung», 12. VII. 1961.
[5] «Neue Zürcher Zeitung», Fernausgabe, 30. VII. 1961.
[6] «Unsere Zeit», 1962, N 1, S. 12.

держки реваншистским планам Бонна: «Сначала мы внесем наш военный вклад в НАТО. Но когда бундесвер будет приведен в готовность, тогда мы поговорим с безмозглыми последователями Москвы и апостолами разрядки напряженности на действительно немецком языке и покажем им, кто фактически руководит НАТО» [1].

Усиливалась и подготовка контрреволюционного путча в ГДР [2]. Из ФРГ в Западный Берлин срочно доставлялись специально подготовленные террористы и диверсанты. Из них создавались особые ударные группы, которые должны были быть переброшены через границу в столицу ГДР, чтобы спровоцировать «беспорядки» и создать возможность для открытого вмешательства боннских реваншистов [3]. В Западном Берлине приступили к комплектованию добровольческих военизированных частей для ведения гражданской войны. Резко активизировалась деятельность разведки ФРГ и ее агентуры против ГДР. В директиве «Генеральное задание всем» она открыто ориентировала своих агентов на «возможность возникновения войны» и заранее давала им на этот случай необходимые указания. В ГДР стали засылаться провокационные листовки с целью вызвать волнения населения. Сманивание и вербовка подрывными империалистическими центрами специалистов ГДР принимали все более широкие масштабы. Диверсии и провокации следовали одна за другой. Особенно заметно они возросли в столице ГДР. 7 августа выходящая в ФРГ «Рейнише меркур», стремясь подготовить западную общественность к возможным «неприятностям», пишет, что ГДР является «опасностью для мира» и подобно котлу, «находящемуся под большим давлением пара, может взорваться в любой момент», давая понять, что пора перейти к активным действиям. Такие же подстрекательские материалы, как по команде, появились в «Резерве», «Бундесвере», «Визире» и других органах буржуазной печати ФРГ.

Западногерманский журнал «Шпигель», характеризуя создавшееся летом 1961 г. положение, писал 7 июля, что правительство Аденауэра «всегда предпочитает вооружение переговорам», а затем прямо признавал, что со стороны боннских милитаристов миру угрожает непосредственная опасность «насильственной ревизии» итогов второй мировой войны. «Вне всякого сомнения, в Федеративной Республике сегодня осуществляют власть люди,— отмечал в своих воспоминаниях Макдермотт, занимавший в то время пост политического советника английского коменданта в Западном Берлине,— которые, если

[1] Цит. по: «Проблемы мира и социализма», 1961, № 9, стр. 22.
[2] «Unsere Zeit», 1962, N 1, S. 19.
[3] «Unsere Zeit», 1962, N 1, S. 19.

говорить откровенно, не испытывают никакого восторга в отношении демократии и некоторые из них выступают за применение военной силы с целью осуществления объединения Германии», т. е. захвата ГДР [1].

Таким образом, подрывная деятельность против ГДР усилилась в то время настолько, что она не могла быть оценена иначе, как непосредственная подготовка агрессии. Характеризуя создавшееся положение, резолюция XXII съезда КПСС по Отчетному докладу ЦК КПСС отмечала, что империалисты создали опасную ситуацию в центре Европы, угрожая войной в ответ на предложение Советского Союза и других миролюбивых стран покончить с остатками второй мировой войны, заключить мирный договор и нормализовать положение Западного Берлина [2].

Все это до предела накалило международную обстановку. В любой момент мог вспыхнуть крупный конфликт, последствия которого было трудно предвидеть, тем более что сами боннские политики типа Градля, разразившегося вызывающей статьей в газете «Ост-Вест-Курир», открыто признавали, что в результате осуществления ФРГ планов «поглощения» ГДР западные державы могут быть вовлечены в войну «до того, как они это поймут сами».

Такое развитие событий начинало беспокоить даже влиятельные круги западных держав, которые несли ответственность за создавшееся положение в результате своего постоянного попустительства боннским реваншистам. В кругах близких к президенту США усилились опасения, что если события будут так развиваться и дальше, то можно вообще упустить контроль над положением и оказаться втянутыми боннскими «ультра» в конфликт, который при сложившемся соотношении сил не сулил Западу ничего хорошего. Всем этим в известной мере был обеспокоен и сам американский президент [3]. Поэтому публичные заявления Дж. Кеннеди и Д. Раска становятся в эти дни более осторожными и взвешенными. Ряд видных американских политических деятелей выступил даже с призывом принять меры, чтобы в какой-то мере осадить боннских милитаристов.

На совещании министров иностранных дел трех западных держав и ФРГ в Париже 5—6 августа Д. Раск высказался за то, чтобы осенью пойти на переговоры с СССР, и спрашивал, «какую цену» за это хочет получить Бонн.

Выступление Дж. Кеннеди 10 августа на пресс-конференции также было более сдержанным по сравнению с его речами в

[1] *G. McDermott.* Berlin — Success a Mission? London, 1963, p. 116.

[2] См. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. III. М., 1962, стр. 211.

[3] «Der Spiegel», 1966, N 34, S. 26.

предыдущие месяцы. Он, по существу, высказался за мирное урегулирование вопроса о Западном Берлине, заявив, что «должны быть использованы все имеющиеся средства, чтобы установить, может ли быть достигнуто мирное решение» [1].

На Западе даже стали высказывать мнение о необходимости принять соответствующие меры на границе с Западным Берлином, чтобы предотвратить возможность возникновения здесь серьезного конфликта, который мог бы быть спровоцирован «ультра», и вообще «более четко разграничить сферы интересов и ответственность сторон». 30 июля сенатор Фулбрайт заявил, что он не понимает, почему ГДР не закроет границу с Западным Берлином, на что она имеет, по его мнению, полное право [2].

Такие взгляды, отражавшие растущее на Западе понимание послевоенных реальностей в Европе, не были единичными.

В правящих кругах западных держав шла борьба между наиболее агрессивными кругами и теми, кто более трезво смотрел на факты и не хотел идти на риск широкого военного конфликта ради авантюристических амбиций боннских милитаристов.

Создавшаяся обстановка настоятельно требовала от социалистических стран новой инициативы, чтобы предотвратить нараставшую угрозу миру и отрезвить сторонников «жесткого курса». Только энергичные меры могли охладить воинственный пыл милитаристов в ФРГ и их покровителей. Неуклонное укрепление социалистического содружества, дальнейшее изменение соотношения сил в пользу социализма создавали необходимые предпосылки, чтобы дать решительный отпор боннским «ультра» и их союзникам, обезвредить новую «пороховую бочку» [3], каковой все больше становился Западный Берлин, обеспечить неприкосновенность ГДР и сохранение мира в Европе. Такой вехой, которая имела огромное значение для дела мира и безопасности в Европе, стало 13 августа 1961 г., когда ГДР в тесном контакте с братскими социалистическими странами осуществила назревшие и вполне оправданные мероприятия по усилению охраны и контроля на границе с Западным Берлином.

* * *

Европа вступала в 60-е годы. Хотя над европейским континентом в результате политики правящих кругов западных держав и ФРГ и их империалистических союзников летом 1961 г. снова сгустились тучи, было очевидно, что в мире дуют ветры,

---

[1] «Правда», 11 августа 1961 г.
[2] «New York Times», 3. VIII. 1961.
[3] «Unsere Zeit», 1962, N 1, S. 81.

способные очистить от них небо. Предложения СССР и других социалистических стран, их последовательная и настойчивая борьба за урегулирование назревших международных проблем, конкретные практические шаги с целью обуздания западногерманского милитаризма и реваншизма создавали важные предпосылки для борьбы за разрядку на последующем этапе, для достижения поворота в сторону развития отношений мирного сосуществования, взаимовыгодного сотрудничества между всеми европейскими государствами.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ (1952—1958 гг.)

Колониалистская сущность дипломатии стран НАТО на Ближнем и Среднем Востоке

В 50-х годах Ближний и Средний Восток не раз становился одним из тех районов, где агрессивные действия империалистов создавали опасную обстановку.

Дипломатические службы капиталистических стран соперничали в этом районе из-за так называемых «преимущественных интересов», однако основное направление их деятельности состояло в подготовке плацдарма новой войны, в борьбе против национально-освободительных движений, в попытках воспрепятствовать установлению сотрудничества между странами этого района и мировой системой социализма.

Империалистические политики не скрывали характера своего особого «интереса» к государствам Ближнего и Среднего Востока, расположенным «у самого порога России». Вырабатывая совместно с государственным департаментом линию американской политики в этом районе на послевоенный период, Объединенный комитет начальников штабов США отметил, что «близость важных советских промышленных объектов явно указывает на необходимость удержания Соединенными Штатами Восточного Средиземноморья и всего района Среднего Востока», а также, что «нефтяные запасы Ирана, Ирака и Ближнего Востока имеют огромное значение и могут быть жизненно важными» на случай войны. «Следовательно,— резюмировали американские военные руководители,— в стратегических интересах удержать влияние и вооруженные силы Советского Союза как можно дальше от нефтяных запасов Ирана, Ирака, Ближнего и Среднего Востока» [1]. Обосновывая в марте 1951 г. в комиссии палаты представителей конгресса США «необходимость» американского военного присутствия на Средиземном море, начальник штаба военно-морского флота США Шерман говорил: «Значение Средиземного моря состоит в том, что оно является

[1] «Foreign relations of the United States», vol. VII. Washington, 1969, p. 530—531.

путем, по которому военно-морские, воздушные и сухопутные силы могут быть глубоко продвинуты в сердце великих земельных массивов Европы, Азии и Африки. Средиземное море важно потому, что оно предоставляет возможность держать вооруженные силы США в боевой готовности в любой из средиземноморских стран»[1]. (Организаторы НАТО намеревались превратить весь большой район между Средиземным морем и Персидским заливом в военную зону этого блока, выходящую на берега Индийского океана, который также должен был стать «милитаризованным озером Запада».)

В результате длительного господства колонизаторов страны Ближнего и Среднего Востока оказались в трудном положении. Так, в начале 50-х годов государственный секретарь США Ачесон признавал в своих воспоминаниях наличие в этих странах «многочисленного обездоленного и нищего пролетариата и малочисленного и продажного правящего класса, поддерживаемого иностранцами, рвущимися к эксплуатации бесценных источников, таких, как нефть или канал...»[2]. Политическое и экономическое давление оставалось одним из важных инструментов дипломатии НАТО на Ближнем и Среднем Востоке. США «стали партнерами продажных и реакционных политических сил, действующих на континенте... Мы поддерживаем нашей военной силой, а также нашим влиянием самые порочные элементы в Азии»,— констатировал в августе 1951 г. в журнале «Лук» вернувшийся из поездки по странам Востока член Верховного суда США Дуглас.

Действия империалистических государств вызывали законную тревогу у народов Ближнего и Среднего Востока.

Развитие национально-освободительной борьбы арабских народов в начале 50-х годов

Развитие национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке в начале 50-х годов происходило в условиях углубления общего кризиса капитализма, обострения борьбы империалистических держав за нефть Ближнего и Среднего Востока и за господство над этим районом мира.

В 1951—1952 гг. египетский народ вел вооруженную борьбу против английских оккупационных войск в зоне Суэцкого канала, а в июле 1952 г. антифеодальная, антиимпериалистическая революция положила начало развитию Египта по новому пути. В Ираке прошли массовые антиимпериалистические и антиправительственные демонстрации. Вспыхнули антианглийские восстания в княжествах и протекторатах Южной Аравии

[1] Congressional Record, Procuding and Debates of the 82 Congress, vol. 97, March 5, 1951, № 39, p. A 1214.

[2] *Dean Acheson.* Present at the Creation. My Years in the State Department. New York, 1969, p. 600.

и Омане. Волна забастовок в 1950—1952 гг. охватила Кувейт и Бахрейн; в 1953 г. бастовали рабочие «Басра петролеум компани» и рабочие и служащие нефтяной компании «Арамко» в Саудовской Аравии.

Полную противоположность политике и дипломатии империализма представляла политика и дипломатия СССР и молодых социалистических государств Восточной Европы, направленная на создание прочных основ мира и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке и укрепление национального суверенитета всех стран этого района. Под давлением движения широких народных масс правительства ряда стран Ближнего и Среднего Востока все чаще выступали в поддержку предложений Советского Союза в ООН, направленных в защиту коренных интересов арабских народов, в защиту мира и безопасности.

Мероприятия СССР по развитию отношений с его южными соседями. Советско-афганское сотрудничество

Важным фактором укрепления мира в районе Ближнего и Среднего Востока явилось дальнейшее развитие в послевоенные годы добрососедских отношений между СССР и Афганистаном. Был урегулирован пограничный вопрос в духе взаимного согласия, с учетом пожеланий афганской стороны. Граница между Афганистаном и СССР общей протяженностью в 2346 *км*, более чем наполовину (около 1250 *км*) проходит по рекам Пяндж и Амударья. 13 июня 1946 г. в Москве было подписано соглашение, которое устанавливало прохождение советско-афганской государственной границы на реках по тальвегу. (В тех местах, где нельзя было определить его положение, граница устанавливалась посередине главного фарватера.) В результате соглашения эти реки были открыты для афганского судоходства и для использования их водных ресурсов на нужды орошения афганских земель. В телеграмме премьер-министра Афганистана Шах Махмуда Советскому правительству по случаю подписания соглашения говорилось, «что этот акт дружбы и справедливости со стороны Союза Советских Социалистических Республик вызвал положительный и дружественный отклик в народе Афганистана в отношении народа и правительства Союза Советских Социалистических Республик» и «будет содействовать еще большему развитию и укреплению счастливо существующих отношений между обеими странами» [1].

В 1947—1948 гг. были проведены работы по демаркации советско-афганской границы. Успешно развивались советско-афганские торговые связи и экономическое сотрудничество. С 1954 г. Советский Союз занял первое место во внешней торговле Афганистана.

[1] «Советско-афганские отношения 1919—1969 гг.». М., 1971, стр. 102.

Империалистические круги Запада пытались помешать развитию афгано-советских отношений. Нью-йоркский буржуазный журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» откровенно писал, что «американские дипломаты в Кабуле по стратегическим и политическим соображениям стремятся предупредить укрепление взаимоотношений между Афганистаном и Москвой». Спекулируя на переживавшихся Афганистаном в послевоенные годы экономических трудностях, США в январе 1952 г. потребовали в качестве условия своей «помощи» прекращения им торговых и экономических связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Угроза не имела эффекта. Правительство Афганистана заверило Советский Союз, что афганская территория не будет использована в целях, враждебных СССР.

Развитие добрососедских отношений с СССР способствовало укреплению внешнеполитических позиций Афганистана.

Урегулирование пограничных и финансовых вопросов между СССР и Ираном

В конце 40 — начале 50-х годов Советское правительство проявило инициативу, направленную на улучшение отношений с Ираном, предложив урегулировать пограничный вопрос.

11 июня 1953 г. советский посол в Тегеране посетил иранского премьер-министра Мосаддыка и передал ему пожелание Советского правительства урегулировать с Ираном все спорные вопросы о советско-иранской границе, с учетом интересов иранской стороны. Сославшись на то, что «Иран занят борьбой с Англией», Мосаддык ответил послу, что «настоящий момент является неподходящим» для урегулирования пограничных разногласий, но обещал, что иранское правительство «примет советское предложение к рассмотрению». Правительство Мосаддыка предложило, чтобы кроме пограничного вопроса были в первую очередь урегулированы финансовые претензии Ирана к Советскому Союзу. 18 июля 1953 г. министр иностранных дел СССР заявил иранскому послу в Москве о готовности Советского правительства урегулировать как пограничный вопрос, так и вопрос о взаимных финансовых претензиях [1].

2 декабря 1954 г. в Тегеране было подписано соглашение об урегулировании пограничных и финансовых вопросов между СССР и Ираном [2]. Выступая в иранском парламенте, шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви заявил в связи с этим, что «подписанием на взаимовыгодных условиях ирано-советского договора

---

[1] АВП СССР.

[2] См. «Международная жизнь» № 5, 1955, стр. 139—144.

по пограничным вопросам был положен конец существовавшим в течение 150 лет нашим разногласиям с северным соседом».

В 1955—1957 гг. была проведена демаркация и редемаркация государственной границы между СССР и Ираном, протянувшейся более чем на 2500 *км*. 14 мая 1957 г. в Москве был подписан Договор о режиме советско-иранской границы, о порядке урегулирования пограничных инцидентов и конфликтов [1].

Урегулирование пограничных вопросов с Ираном имело важное политическое значение. Оно показало возможность решения всех возникающих в отношениях между двумя странами вопросов в духе дружелюбия, равноправия и взаимных интересов, если к этому проявляется обоюдное искреннее стремление. В 1955—1957 гг. произошел обмен визитами парламентских делегаций Ирана и Советского Союза. С 25 июня по 13 июля 1956 г. состоялся государственный визит шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви в СССР. Выступая на приеме в Кремле, шах говорил о том, что ленинская политика СССР в отношении Ирана является политикой равенства прав и справедливости, и выразил стремление иранского правительства и народа к развитию дружбы и искренних добрососедских отношений между обеими странами. Шах заявил также, что иранское правительство не вступило и не вступит в группировки, имеющие агрессивный характер по отношению к Советскому Союзу.

Империалистические державы, стремясь воспрепятствовать установлению добрососедских отношений между Ираном и Советским Союзом, оказывали на иранское правительство сильный нажим. В январе 1958 г. Тегеран посетил государственный секретарь США Даллес, который «рекомендовал шаху пересмотреть политику иранского правительства по отношению к Советскому Союзу». В такой обстановке правительство Ирана уклонилось в то время от ответа на предложение СССР о расширении советской технической помощи. Несмотря на эти трудности, советско-иранские отношения в последующие годы развивались как и прежде на основах добрососедства.

Дружественная позиция СССР в отношении Турции

Империалистические круги США сколачивали агрессивный блок у южных границ Советского Союза. Они поддерживали реакционные силы Турции, препятствовали улучшению ее отношений с СССР. На Турцию была распространена «программа Трумэна», а в 1952 г. она стала членом НАТО. В 1953 г. Советское правительство предприняло важные шаги по нормализации советско-турецких отношений, ухуд-

[1] Договор вступил в силу с 20 декабря 1962 г., когда в Тегеране состоялся обмен ратификационными грамотами.

шившихся в период второй мировой войны и в первые послевоенные годы.

Летом 1953 г. от имени правительства СССР турецкому послу в Москве было сделано следующее заявление: «Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о проливах, то Советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции. Таким образом Советское правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции» [1].

Патриотические турецкие круги приветствовали это проявление доброй воли, хотя стоявший тогда у власти режим Баяра — Мендереса оказался неспособным предпринять ответные позитивные шаги, а дипломатия НАТО продолжала противодействовать турецко-советскому добрососедству.

Договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве государств — членов Арабской лиги

В конце 1949 — начале 1950 г. страны — члены Арабской лиги провели переговоры о мерах по укреплению своей обороны и налаживанию экономической взаимопомощи. 13 апреля 1950 г. проект такого договора был одобрен Политическим комитетом, а затем и советом Арабской лиги. При этом Арабская лига подверглась давлению со стороны американских и английских дипломатов в Каире, добивавшихся включения в проект договора статей, отвечающих интересам империалистических кругов. «Это давление было столь сильным, что контакты имели место днем и ночью»,— заявил на заседании египетского парламента министр иностранных дел Мохаммед Салахеддин-бей [2]. Однако нажим не возымел желаемого действия, и тогда, стремясь воспрепятствовать объединению усилий арабских стран, направленных на обеспечение их развития и укрепления обороны, правительства США, Англии, Франции выступили 25 мая 1950 г. с совместной декларацией, в которой попытались присвоить себе право контролировать отношения между арабами и Израилем, внешние связи арабских стран и распоряжаться их вооружением. Инициатором Тройственной декларации было правительство США [3].

---

[1] «Правда», 19 июля 1953 г.

[2] «La Bourse Egyptienne», 31. V. 1950.

[3] *John C. Campbell.* Defence of the Middl East. New York, 1960, p. 85, 342. *Dean Acheson.* Present at the Creation, p. 562—563.

Советское правительство осудило Тройственную декларацию как грубейшее вмешательство империалистов в дела стран Ближнего и Среднего Востока.

Отвергая декларацию, Египет, Сирия, Ливан, Саудовская Аравия, Йемен, Ирак и Иордания выступили 6 июня 1950 г. с совместным ответом, в котором заявили, что «они не допустят никакого действия, которое наносило бы ущерб их суверенитету или независимости» [1].

17 июня 1950 г. представители Египта, Йемена, Ливана, Саудовской Аравии и Сирии подписали Договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве между государствами Арабской лиги. Основывавшийся на принципах Арабской лиги и Устава ООН, этот договор, как говорилось в его преамбуле, имел целью укрепить отношения между арабскими государствами и их независимость и обеспечить сотрудничество для совместной обороны и поддержания безопасности и мира. Участники договора обязывались решать взаимные спорные вопросы, а также споры с другими государствами мирными средствами и объявляли, что будут рассматривать любой акт вооруженной агрессии против одного из государств, подписавших договор, как агрессию против всех их [2]. Для координации межарабских военных усилий и совместной обороны, укрепления оборонных сил арабских государств образовывались Совет совместной обороны и Постоянный военный комитет. Предусматривалось создание экономического совета из числа министров, занимающихся экономическими проблемами стран — участниц договора. Позднее к совету присоединились Ирак и Иордания. Договор вступил в силу 22 августа 1952 г. [3] Несмотря на отдельные недостатки, он был шагом на пути к установлению между арабскими странами сотрудничества в духе их общих национальных интересов.

---

[1] *Muhammed Khalil.* The Arab States and Arab League, a Doc. Record, Vol. II, p. 621—623.

[2] Йеменская оговорка к этой статье договора гласила, что под понятие агрессии не подпадает вовлечение в военные действия арабской страны по ее договорным обязательствам или в связи с пребыванием на ее территории иностранных войск.

[3] Текст см. M. Khalil, vol. II, p. 101—105. Ратификационные грамоты были представлены: Сирией — 13 октября 1951 г.; Египтом — 22 ноября 1951 г.; Иорданией — 13 марта 1952 г.; Ираком — 7 августа 1952 г.; Саудовской Аравией — 19 августа 1952 г.; Ливаном — 24 декабря 1952 г.; Йеменом — 11 октября 1953 г.

Англо-египетские переговоры по Суэцкому вопросу. Агрессивные действия британского империализма против Египта

Для оказания нажима на страны Ближнего и Среднего Востока империалистические силы использовали английскую военную базу на Суэцком канале. К началу 50-х годов она занимала площадь более чем в 1400 *кв. км.* На ней, вопреки условиям англо-египетского договора 1936 г., было размещено около 90 тыс. английских солдат, а также сотни боевых самолетов, танков, артиллерия. Здесь были военные аэродромы, танкодромы, казармы и склады всех видов снабжения, употреблявшегося для военных нужд британских войск, расположенных на Среднем Востоке, между Ливией и Персидским заливом, между Кипром и Кенией. К базе относились причалы Порт-Саида, Суэца, а также ряд портов на канале и на Красном море, которыми египетское правительство было лишено возможности пользоваться даже для снабжения своей страны продовольствием [1]. В кругах НАТО не скрывали, что английская военная база на Суэцком канале расширялась и укреплялась в конце 40 — начале 50-х годов специально на случай войны.

Поскольку в 1956 г. истекал срок действия англо-египетского договора, по которому Англия получила «право» на размещение британских гарнизонов в зоне Суэцкого канала, английская дипломатия добивалась от Египта согласия на сохранение этой базы. Когда англо-египетские переговоры 1946—1947 гг. зашли в тупик, Бевин рекомендовал египетскому министру иностранных дел «начать переговоры по военным вопросам, чтобы договориться по политическим».

28 января 1950 г. состоялась встреча Бевина и Салахеддина — британского и египетского министров иностранных дел, во время которой Бевин уверял своего собеседника, что-де вовсе не важно, чтобы между Египтом и Англией был «письменный договор, но имеет существенное значение, чтобы здесь было взаимное доверие» [2]. В июне 1950 г. возобновились англо-египетские переговоры. Начальник имперского генерального штаба фельдмаршал В. Слим, который вел эти переговоры, запугивал премьер-министра Нахас-пашу «коммунистической опасностью». Он говорил, что «если страны от Европы до Среднего Востока присоединятся к Соединенным Штатам и Великобритании, то положение изменится и станет возможным отвратить опасность от Среднего Востока». Слим намекал на возможное

---

[1] «Le Journal d'Egypte», 1. II. 1951.

[2] «Ministry of Foreign Affairs (Eg.). Records of Conversations, Notes and Papers exchanged between the Royal Egyptian Government and the United Kingdom Government (March 1950 — November 1951)», Cairo, 1951, p. 4.

участие Турции в таком военном союзе и настаивал на «интеграции» вооруженных сил Египта и Англии [1].

Нахас-паша не возражал против обсуждения вопроса о будущем военном сотрудничестве с Великобританией в целях обороны Египта «в пределах его собственных границ», но под давлением демократических сил страны выдвигал в качестве предварительного условия полную эвакуацию всех британских войск из Египта.

Это не устраивало Лондон; Слим заявил, что «уход британских войск из Египта имел бы гибельные последствия для холодной войны против России... Наши союзники в Америке подумают, что мы дезертировали» [2]. Вывести свои вооруженные силы с египетской территории Англия отказалась.

8 октября 1951 г., после семнадцати месяцев бесплодных переговоров, египетское правительство в результате усилившихся требований общественности страны внесло в парламент предложение о расторжении англо-египетского договора 1936 г. и англо-египетских конвенций, подписанных 19 января и 10 июня 1899 г. относительно «совместного» управления Суданом.

13 октября 1951 г. послы США, Англии, Франции и Турции в Каире совместно обратились к египетскому правительству с предложением об «организации обороны Среднего Востока» (АМЕДО). В его основу был положен американский проект [3]. Обращение состояло из двух документов. В первом, основном, говорилось, что США, Англия, Франция и Турция приглашают Египет стать «членом-основателем средневосточного командования на основе равенства и партнерства с другими членами-основателями», и сообщалось, что Австралия, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз «выразили свою заинтересованность в обороне этого района и в принципе дали согласие в ней участвовать». В случае, если бы Египет принял это предложение, Англия обещала пойти на «замену» англо-египетского договора 1936 г. и на отзыв из Египта тех британских войск, которые не будут сохранены в рамках союзного средневосточного командования «по соглашению между египетским правительством и правительствами других стран — членов-основателей». Особый пункт четырехстороннего предложения предусматривал, что АМЕДО будет связана с НАТО. Второй документ — так назы-

---

[1] «Records», p. 7—12.

[2] Тогда же, летом 1950 г., посетивший Иран начальник штаба наземных сил США Коллинз запугивал своих иранских собеседников «неминуемым началом третьей мировой войны» («Второй всемирный конгресс сторонников мира». М., 1951, стр. 464).

[3] *A. Eden.* Full Circle, p. 227.

ваемое «техническое приложение» — предусматривал, что Египет разместит на своей территории штаб-квартиру этого командования, а британская военная база в зоне Суэцкого канала «будет формально передана египтянам, имея в виду, что она одновременно станет союзной базой, подчиненной средневосточному командованию» [1].

В связи с усилившимися происками империалистов в стране ширились выступления в защиту национальной независимости. В этой обстановке 15 октября египетское правительство отвергло предложения четырех держав. В тот же день египетский парламент единогласно утвердил законопроекты о денонсации договора 1936 г. и соглашений с Англией относительно Судана [2].

Реакция империалистических государств на эти решения была резко враждебной. 15 октября 1951 г. английское правительство заявило, что оно будет игнорировать законы египетского парламента. В тот же вечер британские броневики ворвались в Порт-Саид и открыли беспорядочную стрельбу по прохожим; затем последовало неспровоцированное нападение английских солдат на мирных жителей в Исмаилии. 16—17 октября английские вооруженные силы заняли Порт-Саид, Исмаилию, Эль-Кантару, Суэц, захватили все средства переправы через канал. Британские войска стали расстреливать антиимпериалистические демонстрации египтян. Лицемерно заявляя о своих «союзных обязательствах» в отношении Египта, английское правительство фактически начало необъявленную войну против Египта и египетского народа. К ноябрю 1951 г. английские войска заняли пятую часть египетской территории. Численность оккупационных войск достигла 100 тыс. солдат. Английская агрессия вызвала гневное возмущение египетского народа, начавшего партизанскую борьбу с захватчиками. Египетские рабочие, обслуживавшие английскую военную базу, отказались работать на оккупантов. Заявив протест против действий английских войск, египетское правительство отозвало из Лондона своего посла и военную миссию.

Нажим со стороны империалистов продолжался. 17 октября 1951 г. государственный секретарь США Дин Ачесон сделал заявление, что правительство США удивлено тем, что «столь важные предложения», которые были сделаны Египту четырьмя державами, были отвергнуты египетским правительством «без тщательного и должного размышления, которого они заслуживают». Ачесон дал далее понять, что правительство США ожидает, что Египет «пересмотрит это решение и признает, что его

---

[1] Полный текст см: «American Foreign Policy. Basic Documents 1957», vol. II, p. 2180—2182.

[2] См. «Новейшая история арабских стран». М., 1968, стр. 399.

собственные интересы будут удовлетворены присоединением к другим нациям свободного мира в целях обеспечения безопасности района Среднего Востока». Правительство Соединенных Штатов, заключил Ачесон, рассматривает решение Египта о расторжении договора 1936 г. и соглашений о Судане «как не имеющие значения». 24 октября главнокомандующий вооруженными силами южного сектора НАТО американский адмирал Керни угрожал, что его флот, располагающий атомными бомбами, готов, отправляясь с баз, расположенных в Италии, нанести удар по Египту.

Премьер-министр Черчилль заявил в ноябре 1951 г. в палате общин, что «Великобритания намерена сохранять за собой свои права по англо-египетскому договору, разумеется используя в этих целях не больше сил, чем это необходимо».

Советское правительство резко осудило агрессивные действия держав НАТО, направленные против интересов арабских народов на превращение стран Ближнего и Среднего Востока в плацдарм для вооруженных сил Североатлантического блока, на создание условий для постоянного вмешательства во внутренние дела этих стран. 21 ноября 1951 г. Советское правительство обратилось к правительствам Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Израиля с нотами, в которых показало, что план создания «средневосточного командования» не имеет ничего общего с интересами поддержания мира и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке и с национальными интересами государств этого района, что осуществление этого плана привело бы к их оккупации войсками НАТО. Советское правительство подчеркнуло свою неизменную доброжелательность в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, борющихся за свою независимость, и дало положительную оценку позиции, занятой Египтом в отношении планов средневосточного командования. Правительство СССР также обратилось с нотами к правительствам США, Великобритании, Франции и Турции, в которых заявило, что оно не может пройти мимо новых агрессивных планов НАТО вблизи границ Советского Союза [1].

В арабских странах восприняли эти демарши Советского правительства как поддержку борьбы за освобождение из-под колониальной зависимости. 28 января 1952 г. в печати были опубликованы новые ноты правительства СССР инициаторам агрессивных планов на Ближнем и Среднем Востоке, в которых еще раз было выражено непреклонное стремление Советского Союза к поддержанию и укреплению мира в этом районе земного шара.

Сопротивление арабских народов и последовательная дипломатическая поддержка со стороны СССР и других социали-

[1] См. «СССР и арабские страны». М., 1961, стр. 103—108.

стических стран способствовали провалу планов «средневосточного командования» — этой попытки привязать Ближний и Средний Восток к военной колеснице НАТО.

Развитие советско-арабских отношений

В начале 50-х годов советско-арабские отношения получили свое дальнейшее развитие. Расширились советско-арабские торговые связи, были заключены торговые и платежные соглашения между СССР и Египтом (1953 г., 1954 г.), Сирией (1955 г.), Ливаном (1954 г.). Советский Союз стал оказывать арабским странам помощь в деле подготовки национальных кадров и в освоении новой техники, в том числе в использовании атомной энергии в мирных целях. Дипломатические миссии Египта, Сирии и Ливана в Москве и советские миссии в Каире, Дамаске и Бейруте были преобразованы в посольства. Последовательная защита Советским Союзом дела мира и национальной независимости народов создала условия для развития советско-арабского сотрудничества на международной арене. Осенью 1951 г. на VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители Египта, Сирии, Саудовской Аравии, Йемена, а также Афганистана поддержали внесенные советской делегацией предложения о предотвращении войны и заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Советский Союз поддержал справедливую борьбу за освобождение, которую в те годы вели народы Туниса, Алжира, Марокко, Ливии, Судана и стран Аравийского полуострова.

В начале 1950 г. поверенного в делах СССР в Каире посетил министр двора короля Йемена Хиляли и от имени йеменского правительства предложил продлить срок действия советско-йеменского Договора о дружбе (Договора в Санаа).

Империалистические маневры в связи с национализацией иранской нефти

1 мая 1951 г. в Тегеране был издан Закон о ликвидации концессионного соглашения с Англо-иранской нефтяной компанией (АИНК) и о национализации всех предприятий этой компании. Сообщая об этом, иранский премьер-министр Мосаддык заявил, что отныне для Ирана открыта богатейшая сокровищница, у врат которой долгие годы лежало страшное чудовище — АИНК. Действительно, компания бесконтрольно распоряжалась самым большим природным богатством Ирана — его нефтью. За полвека деятельности эта компания дала Англии (ей принадлежало 59% акций) по самой скромной оценке 700—800 млн. ф. ст. прибыли (она «вложила в дело» менее 20 млн. ф. ст.). За это же время Иран получил около 105 млн. фунтов[1]. АИНК создавала до-

[1] См. *Л. Элвелл-Саттон.* Иранская нефть. К истории «политики силы». М., 1956, стр. 110.

черние предприятия за пределами Ирана, который остро нуждался в средствах. На конец 1950 г. ей принадлежало 59 таких компаний.

На предприятиях АИНК в Иране работало более 100 тыс. человек. Компания имела свои аэродромы, радиостанции, железную дорогу, порты, морской и воздушный транспорт, свою полицию.

Сразу же после войны в Иране началось движение за ликвидацию хищнического господства этой огромной нефтяной монополии, против вмешательства британского империализма во внутренние дела страны. Не устраивало всесилие АИНК и американские нефтяные монополии [1]. Посол США в Тегеране советовал премьер-министру Каваму ас Салтане пересмотреть концессионное соглашение с АИНК с целью создания американо-иранской или англо-американо-иранской нефтяной компании и заявил о готовности США выкупить английскую долю акций АИНК [2].

Следуя настоятельным призывам патриотических сил страны, иранское правительство летом 1948 г. пригласило правление АИНК начать переговоры о пересмотре условий концессионного соглашения 1933 г. в соответствии с принятым в Иране 22 октября 1947 г. Законом о восстановлении национальных прав Ирана в отношении его природных богатств. На этом этапе переговоров иранская сторона поставила лишь вопрос о пересмотре порядка платежей АИНК в пользу Ирана. Переговоры между АИНК и иранским правительством начались в Лондоне в августе 1948 г. и закончились подписанием 17 июля 1949 г. так называемого «дополнительного соглашения» к основному концессионному договору 1933 г. АИНК обязывалась выплатить Ирану единовременно 5 млн. ф. ст., на 50% увеличить отчисления с каждой экспортированной тонны иранской нефти, рассмотреть вопрос о продаже Ирану нефтепродуктов на 25% дешевле мировых цен.

---

[1] Американский обозреватель Д. Пирсон писал, что при президенте Трумэне в государственном департаменте США было трудно найти ответственного чиновника, «который не был бы так или иначе связан с нефтяными монополиями и который был бы застрахован от возможных упреков в личной заинтересованности»: государственный секретарь Ачесон — совладелец юрисконсультской фирмы, которая ведет дела «Стандард ойл оф Нью-Джерси», заместитель государственного секретаря Дэвид Брюс — семейные связи с владельцами «Галф ойл корпорейшн»; глава отдела планирования политики Поль Нитце связан через жену с нефтяной династией Праттов и т. д. («Правда», 23 января 1953 г.). Эти, как их называл Д. Ф. Даллес, «защитники первой линии обороны жизненных интересов Соединенных Штатов» осуществили в начале 50-х годов одно из самых широких дипломатических наступлений американских нефтяных монополий на Среднем Востоке.

[2] См. *М. С. Иванов*. Новейшая история Ирана. М., 1965, стр. 132.

Законные требования иранского правительства вызвали недовольство британских правящих кругов. В английской печати началась кампания угроз по адресу Ирана, вновь были подняты из архивов проекты создания у южных иранских границ «нефтяного арабского эмирата». Усилилась деятельность английской агентуры среди ханов и шейхов на юге Ирана. В воды Персидского залива были направлены британские военные корабли. Последовало заявление Форин офиса о том, что Иран «не имеет права» расторгнуть концессионное соглашение 1933 г.

Но события развивались неотвратимо, 30 декабря 1950 г. было объявлено, что по новому соглашению между «Арабиэн-Американ Ойл Компани» («Арамко») и саудовским правительством — впервые на Ближнем и Среднем Востоке — прибыль будет делиться пополам [1]. Это сообщение нанесло новый удар по АИНК.

Уступая требованиям народа в защиту национальных интересов Ирана, правительство страны взяло из меджлиса «дополнительное соглашение». 15 марта 1951 г. меджлис и 20 марта сенат единогласно проголосовали за закон о национализации нефтяной промышленности Ирана. 1 мая 1951 г. был принят закон об осуществлении национализации нефтяной промышленности. Все активы АИНК, согласно закону, передавались иранскому правительству (концессионерам гарантировалась компенсация).

Английское правительство пыталось противодействовать осуществлению Ираном его суверенных прав. 19 мая 1951 г. английский посол в Тегеране вручил иранскому министру иностранных дел ноту, в которой говорилось, что британское правительство не признает за правительством Ирана право аннулировать концессионный договор с АИНК, считает этот договор сохраняющим силу до 1993 г. и предлагает начать переговоры относительно условий нового концессионного соглашения [2]. В водах Персидского залива стали сосредоточиваться английские военные корабли, на иранской территории были высажены английские войска. Английский министр иностранных дел Моррисон выступил в палате общин с заявлением о том, что правительство Англии будет считать своим правом применить эти войска для «защиты своих подданных», если иранское правительство не обеспечит «охрану закона и порядка» [3]. Было объявлено эмбарго на вывоз английских товаров в Иран, проводились меры финансового давления. Из Абадана был выведен весь

[1] *S. H. Longrigg.* Oil in the Middle East, Oxf. Press, 1954, p. 210. Дин Ачесон, бывший в то время государственным секретарем США, заметил по этому поводу, что АРАМКО «любезно преподнесла в дар то, что она не могла удержать» (*Dean Acheson.* Present at the Creation, p. 506).

[2] См. «Правда», 21 мая 1951 г.

[3] «Parliamentary Debates. House of Commons Series», vol. col.

нефтеналивной флот, английским транспортным фирмам дали указание не заключать соглашений на перевозку нефти из Ирана. Правительство Англии обратилось с «жалобой» на Иран в Международный суд в Гааге. Но этот суд 22 июля 1952 г. признал себя некомпетентным рассматривать жалобу, касающуюся внутренних дел страны.

Заслуживает внимания политика Вашингтона в данном вопросе. Подрыв позиций Англии в Иране был одной из стратегических задач американских монополий, стремившихся к мировому господству, однако национализация иранской нефти явилась грозным предупреждением и для американских монополий, подчинивших себе нефтяные ресурсы в других странах Азии, Африки и Латинской Америки. Американское правительство не намеревалось поддерживать национально-освободительное движение в Иране. По свидетельству Ачесона, когда Мосаддык при встрече с Трумэном «пытался добиться от президента США финансовой помощи для борьбы с британскими империалистами», Трумэн ему отказал: «Наша помощь,— сказал он,— не предназначена для этих целей». «Западная Европа не может позволить себе потерять Англо-иранскую нефтяную компанию. Подобная потеря нанесла бы ущерб европейской экономике и резко сократила бы военный потенциал Запада»,— писал орган американских биржевиков «Бизнес уик» [1]. Когда стало очевидным, что меджлис проголосует за национализацию, в Вашингтоне (9—19 апреля 1951 г.) состоялись совещания представителей Форин офис и государственного департамента, на которых обсуждался вопрос о выработке «общей политики» правительств обеих стран в отношении Ирана [2]. Иранские послы — в Вашингтоне Энтезам и в Лондоне Сохейли — тщетно протестовали против попыток Англии и США решать иранские дела за народ и правительство Ирана. Защищая государственные интересы своей страны против подрывной деятельности британских дипломатических и консульских представителей в Иране, иранское правительство закрыло в январе 1952 г. все девять консульств Англии и 27 октября 1952 г. разорвало с ней дипломатические отношения. Как указал в своем заявлении министр иностранных дел Ирана Фатеми, сотрудники британского посольства в Тегеране занимались подготовкой заговора против безопасности и независимости Ирана. Такой шаг со стороны Ирана нанес удар по позициям британского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. В октябре 1951 г., вспоминал впоследствии А. Иден, «мы оказались вне Ирана, мы потеряли Абадан; повсюду на Среднем Востоке наше влияние было силь-

[1] «Business Week», 17. III. 1951.

[2] Цит. по: *А. В. Башкиров.* Экспансия английских и американских империалистов в Иране. М., 1954, стр. 196.

но поколеблено; волнения в Египте предвещали дальнейшие потрясения»[1]. Вслед за угрозой применить военную силу, экономическим нажимом и жалобой в международный суд английское правительство обратилось в Совет Безопасности, пытаясь протащить через этот орган ООН решение о создании «международной» (на деле англо-американской) компании для эксплуатации иранской нефти. СССР, Индия и Югославия выступили в Совете Безопасности в поддержку Ирана.

В английской литературе содержится немало высказываний по поводу «двойной дипломатии» США в вопросе об иранской нефти. США действительно и в данном случае вели «традиционную игру магнатов нефти», направленную на установление гегемонии американских монополий. Когда иранское правительство попыталось найти свои пути сбыта нефти, США заставили его отказаться от уже заключенных сделок на поставку нефти в Чехословакию, Польшу, Венгрию под угрозой прекратить оказание финансовой и военной помощи Ирану[2]. В декабре 1952 г. Иден и Ачесон договорились о передаче управления иранской нефтяной промышленностью «международной корпорации», состоящей из нескольких американских компаний, АИНК и «Ройял датч-шелл». Это было прямым антииранским сговором, который лег в основу всех дальнейших переговоров английских и американских представителей с Ираном и определил судьбу правительства Мосаддыка.

Мосаддык вполне устраивал американцев, когда он подрывал английские позиции в Иране. Однако, когда переговоры с ним закончились провалом, Эйзенхауэр, который, по свидетельству Идена, «был одержим страхом перед коммунистическим Ираном», согласился на устранение Мосаддыка. Этот последний еще находился в США, его принимали высшие должностные лица американской администрации, а Иден и Даллес уже условливались об его устранении, о том, чтобы «не поддерживать Мосаддыка на плаву»[3]. «Мы сочли невозможным иметь дело с Мосаддыком»,— заявил 13 июля 1953 г. Даллес членам палаты представителей конгресса США. Комментируя эти слова государственного секретаря, «Нью-Йорк пост» писала: «Правительство Мосаддыка падет еще в этом году... Он будет свергнут, вероятно, армией... имеющей... особенно тесные связи с Соединенными Штатами»[4]. В Тегеран срочно возвратился посол США Гендерсон, который при первой же встрече с Мосаддыком

---

[1] *A. Eden.* Full Circle, p. 198.

[2] См. «Международные отношения после второй мировой войны», т. II. М., 1963, стр. 168; «Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке». М., 1966, стр. 368.

[3] *A. Eden.* Full Circle, p. 212—213.

[4] «New York Post», 13. VII. 1953.

потребовал от него уйти в отставку и предупредил, что США всеми мерами будут препятствовать его пребыванию у власти [1]. Мосаддык с возмущением отказался, но в ночь на 19 августа его правительство было свергнуто.

В американской печати неоднократно указывалось, что истинным автором переворота в Иране и удаления правительства Мосаддыка было ЦРУ. «Агенты Центрального разведывательного управления США сыграли ключевую роль в свержении Мосаддыка,— писала «Нью-Йорк таймс» спустя много лет.— Операцией ЦРУ руководил Кермит Рузвельт, внук президента Теодора Рузвельта» [2].

При американском посредничестве в начале декабря 1953 г. были восстановлены англо-иранские дипломатические отношения, и уже самый факт обращения Идена к Даллесу с просьбой пояснить через Гендерсона иранскому правительству, что Англия желает «восстановить отношения как можно быстрее», был симптоматичен. Параллельно шли англо-американские переговоры о распределении акций будущего консорциума, т. е. о том, кто будет распоряжаться иранской нефтью. Четырехмесячные переговоры закончились подписанием 10 апреля 1954 г. в Лондоне соглашения о создании Международного консорциума по сбыту иранской нефти (МНК). В него вошли: АИНК («Бритиш петролеум») — 40%; англо-голландская «Ройял датчшелл» — 14%; пять крупнейших американских компаний («Стандард ойл компани оф Нью Джерси», «Стандард ойл компани оф Калифорния», «Сокони вакуум ойл компани», «Тексас ойл компани» и «Галф ойл корпорейшн») получили 40% (каждая по 8%) [3] и французская «Компани франсез де петроль» — 6%. Вслед за тем представители только что созданного консорциума направились в Тегеран, где при активном содействии американского и британского послов добились от иранского правительства подписания 19 сентября 1954 г. сроком на 25 лет [4] соглашения, по которому МНК получал в свои руки добычу нефти на юге Ирана и право торговли иранской нефтью на мировом рынке. В английской печати и парламенте много говорили о том, что с подписанием этого соглашения начался «новый этап уничтожения влияния и престижа Англии на Среднем Востоке». Борьба Ирана за использование своих богатств в соответствии с интересами национального развития продолжалась.

[1] «Ханданиха» (на перс. яз.), 22. VIII. 1953 г.

[2] «New York Times», 6. III. 1967.

[3] Впоследствии из «американского пакета» была выделена доля в 5% для девяти так называемых «независимых» американских нефтяных монополий.

[4] Текст соглашения см.: «Международная жизнь», 1955, № 7, стр. 146—159.

Создание Багдадского пакта и обострение обстановки на Ближнем и Среднем Востоке

Вскоре после прихода к власти в США республиканской администрации новый государственный секретарь Дж. Даллес совершил ознакомительную поездку по странам Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Рассказывая о своих впечатлениях по американскому радио и телевидению 1 июня 1953 г., Даллес отметил, что большинство народов Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии «с подозрением относятся к колониальным державам и к Соединенным Штатам»[1]. Даллес был явно разочарован тем, что в арабских странах не испытывают, как он выразился, чувства опасения перед «советским коммунизмом».

В середине декабря 1954 г. в Дамаске состоялось совещание послов США в странах Ближнего и Среднего Востока. Почти одновременно в Бейруте совещались британские дипломатические представители в этом районе. Как сообщалось в печати, целью этих совещаний была разработка мер, направленных на быстрейшее создание замкнутой военной группировки, которая явилась бы мостиком, связывающим НАТО и СЕАТО. Отказ большинства арабских стран от участия в планируемой военной группировке не остановил английских и американских дипломатов. В начале января 1955 г. турецкий премьер-министр Мендерес совершил поездку в Ирак и некоторые арабские страны, пытаясь договориться об их участии в военных союзах империалистических государств.

Впрочем, уговаривать премьер-министра Ирака, ставленника британского империализма Нури Саида, не было необходимости, и 13 января 1955 г. в Багдаде было опубликовано турецко-иракское коммюнике о намерении правительств этих стран заключить соглашение в целях «организации обороны Среднего Востока». Через два дня Мендерес вел в Бейруте переговоры с ливанским правительством, во время которых предлагал Ливану и другим арабским странам присоединиться к Атлантическому пакту и турецко-иракскому договору[2]. Сославшись на свои обязательства в Арабской лиге, ливанское правительство отвергло это предложение. Однако сообщение о переговорах Мендереса с Нури Саидом и президентом Ливана К. Шамуном вызвало тревогу в арабских кругах.

22 января 1955 г. в Каире было созвано срочное заседание совета Арабской лиги. Египет открыто выступил против турецко-иракского договора. Его выступление поддержала Саудовская Аравия. Иракская делегация отстаивала свою позицию.

---

[1] Текст этого заявления см.: AFP, vol. II, p. 2169—2175.

[2] *Camille Chamoun.* Crise au Moyen Orient. Paris, 1963, p. 268.

В поисках компромисса египетское правительство направило своего министра национальной ориентации майора Салеха Салема в Бейрут, Дамаск и Багдад с поручением доказать опасность, создаваемую турецко-иракским договором делу арабского единства и национальным интересам арабских стран.

На совещании представителей Египта, Сирии и Ливана, состоявшемся в кабинете Шамуна, было решено направить для переговоров с иракским правительством делегацию этих трех стран под председательством ливанского премьер-министра Сами Сольха, чтобы во имя солидарности арабского фронта уговорить иракское правительство отложить на четыре месяца подписание договора с Турцией и дать время для дополнительных консультаций между арабскими странами.

Нури Саид отклонил это предложение. 24 февраля 1955 г. турецко-иракский договор о взаимном сотрудничестве и обороне, образовавший основу Багдадского пакта, был подписан.

Английская дипломатия пыталась перехватить у США инициативу в руководстве ближневосточными делами; 4 апреля 1955 г. в Багдаде был подписан договор о присоединении к этому пакту Англии. В тот же день между Англией и Ираком было подписано специальное соглашение, по которому воздушное пространство Ирака, его аэродромы и территория предоставлялись в распоряжение Англии. В иракские вооруженные силы были направлены английские инструкторы. Иден, стоявший у колыбели Багдадского пакта, надеялся, «что он перерастет в своего рода НАТО для Среднего Востока» [1]. 23 сентября 1955 г. к пакту присоединился Пакистан, а 3 ноября 1955 г.— Иран. Так был создан агрессивный военный блок, направленный против национальных интересов стран Ближнего и Среднего Востока, призванный защитить интересы колонизаторов.

16 апреля 1955 г. Министерство иностранных дел СССР выступило с заявлением о безопасности на Ближнем и Среднем Востоке, разоблачающим политику империалистических держав, направленную на создание агрессивных военных группировок. В заявлении указывалось, что «не имея возможности установить и сохранить свое господство старыми способами, эти державы пытаются втянуть страны Ближнего и Среднего Востока в агрессивные блоки под тем фальшивым предлогом, будто это отвечает нуждам обороны...» [2]

Попытки империалистов распространить Багдадский пакт на другие страны потерпели неудачу.

---

[1] *A. Eden.* Full Circle, p. 220.

[2] «СССР и арабские страны», стр. 117.

Агрессивный, империалистический курс правящих кругов Израиля

«Мы должны с энтузиазмом бороться как путем завоевания, так и на дипломатическом поприще, чтобы создать израильскую империю, в которую должны войти все земли, расположенные между Нилом и Евфратом». Это заявление, сделанное в 1950 г., т. е. на второй год существования государства Израиль, одним из его основателей, премьер-министром Бен Гурионом, выражает целенаправленность израильской внешней политики [1], ее подчиненность агрессивным планам сионизма, враждебность делу мира и безопасности на Ближнем Востоке и несоответствие интересам укрепления международных позиций самого Израиля.

Экспансионизм в отношении своих соседей, поддержка колониалистских агрессивных планов империалистических государств и пренебрежение к Уставу и решениям ООН — характерные черты израильской дипломатии, не раз подвергавшейся за это осуждению со стороны реалистически мыслящих кругов общественности Израиля.

В 1950 г. Израиль поддержал агрессию США в Корее, подобно тому как впоследствии выступил на стороне США в их войне против вьетнамского народа. Проведение враждебной политики по отношению к СССР и другим странам социалистического содружества явилось органической частью всей политики правящих кругов Израиля. Они выступили в пользу агрессивных военных блоков НАТО, Багдадского пакта, а также различных проектов «средиземноморской обороны» и т. п., которые не раз вынашивались в НАТО.

Реакционные монополистические силы поддерживают Израиль, как плацдарм империалистического, колониалистского влияния на Ближнем Востоке. США и другие западные державы финансировали Израиль, вооружали и оснащали израильскую армию современной военной техникой, оказывали поддержку Израилю на международной арене. А Тель-Авив «отрабатывает» это, усердно выполняя отведенную ему роль и ради собственных экспансионистских устремлений.

Нарушая решения ООН и свое собственное обязательство по подписанным в 1949 г. соглашениям о перемирии, Израиль захватил арабский порт Ум-Шаршар на берегу Акабского залива Красного моря и превратил его в военную базу (Эйлат). Вопреки решениям ООН израильские экстремисты изгнали сотни тысяч палестинских арабов с родной земли. Нарушение Израилем линии перемирия с арабскими государствами и провоцирование им вооруженных конфликтов стали повседневным явле-

[1] См. *И. Беляев, Т. Колесниченко, Е. Примаков.* «Голубь» спущен. М., 1968, стр. 44.

нием. Империалистические державы использовали нападения отрядов израильских вооруженных сил на сопредельные арабские государства для военно-политического давления на них. Так, беседуя с Насером в Каире осенью 1955 г., помощник государственного секретаря США Аллен пытался запугать его перспективой войны Израиля против Египта, во время которой якобы «израильские войска могут дойти до Каира» [1].

Израильская дипломатия развернула активные действия, пытаясь дискредитировать независимый курс внешней политики независимых арабских государств. Она выступала против финансирования иностранными государствами осуществления Асуанского проекта. Когда в 1954 г. американская дипломатия пыталась заигрывать с руководящими кругами Египта и начала переговоры об американской «помощи», израильскую дипломатию поддержала разведка. Израильским агентам в Каире и Александрии было поручено поджечь помещения представительств крупных американских фирм, здания местных филиалов Информационной службы США (ЮСИС), заложить бомбу в посольство США в Каире. Провокация готовилась как антиамериканское выступление «египетских националистов» и имела целью скомпрометировать правительство Насера в глазах общественного мнения и конгресса США. Провал этой операции привел к правительственному кризису в Израиле.

Оборонительные союзы арабских государств и укрепление нейтрализма в их внешней политике

Политика нейтрализма и неприсоединения отражала особенности социально-политического развития арабских стран, вставших на путь самостоятельного политического развития.

В 1952 г. в Египте был свергнут прогнивший режим короля Фарука. Патриотически настроенные офицеры египетской армии взяли власть в свои руки, а затем провозгласили республику.

В июне 1954 г. президентом Республики Египет был избран Гамаль Абдель Насер. Правительство Насера заняло активную антиимпериалистическую позицию, стало проводить политику нейтралитета и неучастия в военных блоках. Оно выступило инициатором межарабских оборонительных союзов, призванных укрепить сопротивление молодых арабских государств империалистической политике, защитить их против экспансионистской политики Израиля. 20 октября 1955 г. Египет и Сирия заключили договор о взаимной помощи на случай нападения агрессора на одну из этих стран. В начале 1956 г. соглашение об обороне было подписано Сирией с Ливаном и Иорданией, 21 апреля 1956 г. было заключено соглашение в Джидде о совместных ме-

[1] См. *К. Иванов, З. Шейнис.* Государство Израиль, его положение и политика. М., 1958, стр. 55.

рах по отражению агрессии между Египтом, Саудовской Аравией и Йеменом [1]. В мае аналогичное соглашение подписали Египет и Иордания.

Проявлением стремления арабских стран к независимому внешнеполитическому курсу была высылка из Иордании английского генерала Глабба, с 1939 г. командовавшего «Арабским легионом». Девять арабских стран участвовали в работе Бандунгской конференции в апреле 1955 г. Три арабские страны — Марокко, Алжир и Тунис,— которые тогда еще не приобрели независимости, были представлены в Бандунге неофициальными делегациями.

В 1954 г. было подписано англо-египетское соглашение о выводе британских войск из Египта и ликвидации военной базы Англии на египетской территории. В условиях нового соотношения сил, складывавшегося на мировой арене, укрепления социализма, роста национально-освободительного движения английские колонизаторы были вынуждены удовлетворить справедливые требования Египта. 18 июня 1956 г. последний английский солдат покинул египетскую землю. Закончилась 74-летняя английская оккупация Египта.

В сентябре 1955 г. были подписаны соглашения о поставках Египту (по его просьбе) оружия Советским Союзом, Чехословакией, Польшей. Это укрепляло международное положение Египта, его способность к сопротивлению империалистам. В Каир срочно был направлен помощник государственного секретаря Аллен, наделенный чрезвычайными полномочиями, вплоть до предъявления Египту ультиматума с требованием отказаться от получения оружия из социалистических стран. Советское правительство поддержало позицию Египта, опубликовав специальное заявление, в котором подчеркивалось, что «каждое государство имеет законное право заботиться о своей обороне и покупать для своих оборонительных нужд оружие у других государств на обычных коммерческих условиях и никакое иностранное государство не имеет права в это вмешиваться» [2].

Борьба вокруг проблемы строительства Асуанской плотины

Стремясь к освобождению страны из-под влияния империалистических сил, правительство Насера взяло курс на ускоренное развитие национальной экономики, связав эти планы с проектом строительства на реке Нил выше города Асуан высотной плотины с мощной гидроэлектростанцией и созданием разветвленной оросительной системы. Сообщение об этом намерении

[1] См. «Международная жизнь», 1956 г., № 8, стр. 157—159.
[2] «Правда», 2 октября 1955 г.

египетского правительства вызвало интерес финансовых монополий капиталистических стран; по предварительным расчетам, только в иностранной валюте на нужды строительства могло потребоваться около 400 млн. долл. В печати заговорили о проектах создания международного консорциума из американских, английских, французских, западногерманских и других банков и фирм для строительства Асуанской плотины. Надеясь хорошо заработать, представители мировых финансовых корпораций направляли в Египет исследовательские и технические миссии. Правительство Египта начало переговоры о финансировании Асуанского проекта с правительствами США и Англии, которые пытались использовать их для давления на внешнеполитический курс страны. По просьбе английского правительства посол США в Каире Кеффэри заявил, что США не предоставят Египту никакой помощи до достижения соглашения египетского правительства с Англией относительно суэцкой военной базы. В ходе переговоров с правительствами США, Англии и правлением Международного банка реконструкции и развития (МБРР) о предоставлении займа для строительства Асуанской плотины, занявшие весь 1955 г. и начало 1956 г., от Египта потребовали прекращения экономических связей с социалистическими странами и передачи МБРР контроля над египетскими финансами и внешней торговлей. При этом и США, и Англия, и МБРР отказывались от кредитования всего проекта в целом, обещали предоставление лишь ежегодных кредитов. Египетское правительство отклонило эти требования. Оно продолжало осуществлять независимый внешнеполитический курс, развивать свои связи с социалистическими странами. В результате США и Великобритания были вынуждены пойти на уступки. 16 декабря 1955 г. государственный департамент опубликовал сообщение о том, что США и Англия, а также МБРР предоставят кредит Египту. По свидетельству заместителя государственного секретаря Роберта Мэрфи, этот план финансирования был разработан государственным департаментом США совместно с МБРР и при консультациях с английским правительством [1]. Вслед за тем Каир посетил президент МБРР Юджин Блэк, уточнивший условия строительства и займа. В начале июля 1956 г. египетский посол в Вашингтоне Ахмед Хусейн [2]

[1] В феврале 1956 г. МБРР официально согласился предоставить Египту заем в сумме 200 млн. долл. при условии, что 70 млн. долл. будут предоставлены в виде «помощи» со стороны США и Англии. Это решение империалистических держав было продиктовано стремлением использовать «помощь» для оказания политического нажима.

[2] Выходец из богатой египетской помещичьей семьи, воспитанник американского университета, Хусейн был сторонником самого широкого сотрудничества Египта с США и не считал нужным скрывать свое недоброжелательное отношение к социалистическим странам.

вылетел в Каир за полномочиями на подписание соглашения. Вернувшись 17 июля в США, Хусейн заявил о принятии египетским правительством англо-американских условий займа.

Отправляясь 19 июля к Даллесу, чтобы официально уведомить его о своих полномочиях на подписание соглашения, Хусейн меньше всего ожидал того сюрприза, который приготовил ему руководитель американской дипломатии. В оскорбительной форме Даллес заявил Хусейну, что США «отзывают свои предложения» об оказании помощи на строительство Асуанской плотины. Даллес сказал при этом, что такое решение правительством США принято в связи с получением Египтом экономической и иной помощи от Советского Союза и других социалистических стран и что через некоторое время оно может быть пересмотрено, когда отношения между Египтом и США «улучшатся». Когда Хусейн покинул Даллеса, то он узнал, что официальное коммюнике о его беседе с государственным секретарем США, содержащее сообщение об отказе США в кредитах Египту, было передано в печать прежде, чем началась эта встреча [1]. На другой день аналогичное сообщение было сделано египетскому послу в Лондоне со стороны Форин офиса. Неожиданность и резкость отказа должны были сделать этот удар для Египта особенно чувствительным. Вопрос об отказе от финансирования строительства Асуанской плотины был решен Даллесом и его союзниками в духе политики «с позиции силы» и «холодной войны» [2]. Жизнь показала, что это решение было столь же порочным, как и сама политика «с позиции силы».

Национализация компании Суэцкого канала

В январе 1956 г. исполнилось сто лет с того времени, когда египетский хедив Мохаммед Саид паша утвердил представленный ему Ф. Лесепсом устав «Всеобщей компании Суэцкого морского канала». Вырытый по территории Египта руками египетских феллахов и всегда являвшийся неотъемлемой частью Египта [3], Суэцкий канал был источником огром-

---

[1] *J. R. Beal.* Opp. cit., p. 258.

[2] *J. R. Beal*, Opp. cit., p. 258, 260. С призывами отказаться от финансирования египетских планов экономического развития к правительству США обращались представители различных реакционных сил — иракский премьер-министр Нури Саид, правительство Израиля, израильское лобби в конгрессе США и др.

[3] О том, что Суэцкий канал является «неотъемлемой частью Египта», говорилось также и в англо-египетском договоре 1936 г. и в подписанном в октябре 1954 г. англо-египетском соглашении об эвакуации английских войск из зоны канала. В меморандуме, направленном от имени английского правительства в смешанный апелляционный суд в апреле 1939 г. в связи с разбирательством дела, касавшегося компании Суэцкого канала, говорилось: «Компания является юридическим лицом, национальность и сама природа которого египетские. Никакая другая концепция не может быть правомерной. Компания подчиняется законам Египта».

ных доходов для акционеров компании, среди которых не было ни одного египтянина (44% акций составляли собственность английского правительства). Расходы компании на поддержание судоходства по каналу в годы после второй мировой войны составляли десятую часть ее доходов, а Египет получал всего 7% общих прибылей компании, и то лишь после 1949 г. Хотя акции англо-французской компании не котировались на бирже, эксперты определяли их стоимость (по тогдашнему курсу) в 70 млн. египетских фунтов: ее доходы в 1955 г. составили 34,5 млн. египетских фунтов (т. е. более 3% по отношению к национальному доходу Египта), а распределенная прибыль — 10,7 млн. Компания давно перестала быть предприятием только по эксплуатации канала; на средства, полученные в Египте, она превратилась в одну из крупнейших мировых инвестиционных (холдинговых) компаний. В то время как Египет, нуждавшийся в средствах для своего развития, оставался вне сферы инвестиционной политики компании, около 45 млн. египетских фунтов было вложено ею в виде долгосрочных инвестиций в США, Англии, Канаде, Франции и в иностранные ценные бумаги. Компания была тесно связана с крупнейшими мировыми монополистическими объединениями и финансовыми группами. Ее руководство олицетворяло личные связи монополий с верхушкой дипломатических служб колониалистских государств; Англия, Франция, США, Нидерланды были представлены в административном совете компании своими кадровыми дипломатами, которые после завершения официальной карьеры переходили с посольских постов в правления и директораты банков и компаний, занятых эксплуатацией сырьевых ресурсов стран Азии и Африки. Эти лица, не считая других сотрудников аппарата компании (среди них почти не было египтян), обеспечивали в компании интересы Форин офис, британского адмиралтейства, французского МИДа, госдепартамента и других специальных служб и ведомств западных держав. С развитием морского судоходства из года в год росло значение Суэцкого канала, как одной из важнейших мировых транспортных артерий. В 1955 г. по нему было перевезено более 46% всего мирового экспорта нефти, а грузооборот канала за 1930—1955 гг. возрос более чем в 3 раза. Однако компания не считалась с изменениями, происходившими в мировом судостроении, тормозила реконструкцию канала, не производила работ по благоустройству портов, к чему ее обязывало соглашение с египетским правительством. Являясь важнейшим бастионом колониализма в Египте, компания чувствовала себя государством в государстве. «Компания была крупным центром английского шпионажа на Среднем Востоке... Она имела своих соглядатаев и слуг в различных политических пар-

тиях, широко использовала тайные средства и взятки»[1]. Руководители компании готовили почву для того, чтобы навязать Египту в той или иной форме продление концессии, срок которой истекал в 1968 г. В конце 40 — начале 50-х годов между Лондоном, Парижем и Вашингтоном при активном участии ведомств иностранных дел других стран — участниц НАТО велись секретные переговоры о средствах нажима на Египет с целью воспрепятствовать переходу Суэцкого канала под египетское национальное управление.

26 июля 1956 г., выступая по случаю годовщины свержения короля Фарука на многотысячном митинге в Александрии, президент Насер объявил, что правительство Республики Египет приняло решение национализировать «Всеобщую компанию Суэцкого морского канала» и возложило управление службы движения по каналу на автономный египетский орган, подчиненный правительству. Акционерам и держателям учредительных акций национализированной компании было обещано законное возмещение[2]. Президент заявил, что доходы от эксплуатации Суэцкого канала отныне станут служить интересам экономического развития независимого Египта, тогда как прежняя компания лишь выполняла роль инструмента политического порабощения и экономической эксплуатации египетского народа. Египетское правительство дало заверения в том, что после национализации Египет будет соблюдать ранее принятые им международные обязательства относительно судоходства по каналу[3].

Декрет египетского правительства о национализации компании Суэцкого канала был смелым историческим решением, полностью отвечавшим основным нормам современного международного права и вытекавшим из суверенного права государств и народов самостоятельно распоряжаться в своих интересах естественными богатствами, подтвержденным в декабре 1952 г. специальной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН.

Лондонская конференция 1956 г.

Национализация компании Суэцкого канала была использована правящими кругами империалистических держав для военно-политической диверсии против Египта. «Политика английского и французского правительств с самого начала суэцкого кризиса имела целью уничтожить египетский режим и силой навязать англо-французское решение суэцкого вопроса»,— писал хорошо осведомленный лондонский еженедельник «Обсервер»[4]. Колониалистские круги в Лондоне надеялись таким

---

[1] «Канал ас Суэс. Хакайк ва васанк». (Суэцкий канал. Факты и документы). На араб. яз. Каир, 1956, стр. 185.

[2] Эти компенсации были выплачены к началу 1966 г.

[3] См. «Международная жизнь», 1956 г., № 9, стр. 156.

[4] «Observer», 4. XI. 1956.

образом «дать хороший урок» пришедшим в движение народам британских колоний и протекторатов, и в Париже рассчитывали «ударом по Каиру подавить Алжир». За океаном Даллес говорил о «необходимости наказать Египет» и о «невозможности» оставить Суэцкий канал «под ничем не ограниченным контролем какого бы то ни было египетского правительства».

Утром 27 июля А. Иден отдал приказ британскому генеральному штабу «разработать соответствующий военный план» и в тот же день телеграфировал Д. Эйзенхауэру о необходимости «применить силу». Иден просил Эйзенхауэра направить в Лондон эмиссара, чтобы «установить общую позицию вместе с Великобританией и Францией». В качестве своего представителя Эйзенхауэр направил в Лондон заместителя государственного секретаря Мэрфи. Уже на первой встрече С. Ллойда, французского министра иностранных дел Пино и Мэрфи Ллойд заявил, что английское правительство «решило быть готовым применить силу в случае необходимости». В тот же вечер состоялась «неофициальная» встреча Мэрфи с британским министром финансов Г. Макмилланом (в годы второй мировой войны Мэрфи и Макмиллан одно время были соответственно британским и американским политическими советниками при генерале Эйзенхауэре в районе Средиземноморья). На встрече присутствовал также бывший (в 1944—1945 гг.) верховный союзный командующий средиземноморским театром военных действий генерал Александер. «У меня не осталось сомнения в том, что британское правительство верит, что Суэц был задачей, которая могла быть решена только с помощью силы, и я не был удивлен этой реакцией, потому что она не казалась мне неоправданной»,— вспоминал Мэрфи. Ему было сказано также о полном совпадении взглядов по суэцкому вопросу французского и британского правительств.

1 августа в Лондон прибыл Даллес, а на следующий день было опубликовано совместное заявление министров иностранных дел США, Англии и Франции, в котором оспаривалась законность национализации компании Суэцкого канала и говорилось, что в интересах свободы судоходства по каналу следует принять меры для установления в условиях международного режима «формы управления Суэцким каналом». Не считаясь с тем, что египетское правительство 1 августа официально заявило правительствам всех государств мира, что национализация компании Суэцкого канала никоим образом не отразится на соответствующих международных обязательствах Египта и что Египет будет полностью соблюдать свободу судоходства в Суэцком канале, предусмотренную конвенцией 1888 г., три правительства предложили собрать 16 августа 1956 г. конференцию

24 государств[1] для «рассмотрения мер по обеспечению дальнейшего функционирования канала». Английское правительство отвело предложение о созыве этой конференции в Женеве, на нейтральной почве, и потребовало проведения ее в Лондоне.

3 августа приглашение участвовать в этой конференции было передано министру иностранных дел СССР[2].

В заявлении Советского правительства от 9 августа 1956 г.[3] говорилось, что оно считает решение правительства Египта о национализации компании Суэцкого канала вполне законным действием, вытекающим из суверенных прав Египта, и указывало, что нет никаких оснований проявлять какое-либо беспокойство относительно судоходства по каналу, тем более что Египет может обеспечить нормальное судоходство в не меньшей степени, чем какая-либо частная акционерная компания. Советское правительство осудило позицию правительств Англии и Франции в отношении Египта как несовместимую с принципами Устава ООН попытку применить силу против страны, осуществляющей свои суверенные права. Советское правительство отметило, что намечаемая в Лондоне конференция по существу является «конференцией группы стран, являющихся держателями акций компании Суэцкого канала, с группой стран, произвольно подобранных этими главными держателями акций компании», и что она созывается в обход ООН и в нарушение положений конвенции 1888 г. Правительство СССР, страны — участницы конвенции 1888 г., заявило, что, руководствуясь интересами мирного решения вопроса, оно направит своего представителя на конференцию и считает необходимым участие в ней таких стран, как Австрия, Албания, Бирма, Болгария, Венгрия, ГДР, КНР, Ливан, Ливия, Марокко, Польша, Румыния, Саудовская Аравия, Сирия, Судан, Тунис, Финляндия, Чехословакия, Югославия.

На Лондонской конференции (16—23 августа 1956 г.) со всей остротой проявились две принципиально различные линии в решении спорных международных вопросов. Поставив под сомнение правомочность египетского правительства национализировать компанию Суэцкого канала, империалистические круги США, Англии и Франции умышленно пытались связать вопрос о национализации компании Суэцкого канала с вопросом о сво-

---

[1] США, Англия, Франция, Египет, Италия, Нидерланды, Испания, Турция, СССР, Цейлон, Дания, Эфиопия, ФРГ, Греция, Индия, Индонезия, Бирма, Иран, Япония, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Португалия, Швеция.

[2] *J. R. Beal.* Opp. cit., p. 266.

[3] См. «Правда», 10 августа 1956 г.

боде судоходства по каналу. Они прибегли к экономическому нажиму на Египет. Правительства Англии и Франции заморозили стерлинговые счета Египта и наложили секвестр на активы компании Суэцкого канала. Такие же меры приняло правительство США. Правительства Англии и Франции продолжали военные приготовления с целью дальнейшего нажима на Египет с помощью военной силы.

Советский Союз, другие социалистические страны, большинство афро-азиатских государств и все другие миролюбивые силы выступили в поддержку справедливой позиции Египта.

«План Даллеса»

Первым на конференции выступил Даллес. Его речь содержала нападки на египетское правительство, выражала осуждение Соединенными Штатами решений Египта о национализации компании Суэцкого канала. Даллес выдвинул свой план организации управления каналом, который не вызывался ни интересами международной торговли, ни обеспечением свободы судоходства. По «плану Даллеса»: 1) управление Суэцким каналом должно быть возложено на международное правление, в котором был бы «представлен» также и Египет; 2) по соответствующему соглашению Египет имел бы право на «справедливый доход» от судоходства по каналу; 3) должно было быть заключено соглашение о выплате «справедливой компенсации» бывшей компании; 4) «право Египта на справедливый доход и размеры компенсации компании» подлежали решению арбитражной комиссии, назначенной международным судом.

Представитель СССР на Лондонской конференции осудил «план Даллеса» как противоречащий принципам ООН и положениям международного права, предусматривающим недопустимость вмешательства во внутренние дела государств и как попытку изъять часть египетской территории из-под египетского государственного суверенитета [1]. Делегация СССР выступила за мирное решение суэцкого вопроса.

23 августа 1956 г. делегация СССР заявила, что единственным путем разрешения вопроса о Суэцком канале, отвечающим современным условиям и духу времени, является признание суверенитета Египта как полного хозяина Суэцкого канала. Решение это должно учитывать экономические и политические интересы египетского народа. В то же время оно должно обеспечивать свободу судоходства для всех государств, пользующихся каналом [2].

Против «плана Даллеса» выступили делегации большинства развивающихся государств, представленных на конференции.

---

[1] «Известия», 18 августа 1956 г.
[2] «Известия», 24 августа 1956 г.

В конце концов было принято единственное решение: поручить председателю конференции передать правительству Египта полные протоколы Лондонской конференции [1].

«Под занавес» конференции и вне ее рамок представитель Новой Зеландии «в качестве жеста вежливости» сообщил о намерении правительств 17 государств [2] направить в Каир делегацию во главе с премьер-министром Австралии Мензисом для проведения с египетским правительством переговоров на основе «плана Даллеса». Миссия Мензиса была своего рода «дипломатическим десантом западных держав в Каире, чтобы заставить египетское правительство принять «план Даллеса»». Миссия пробыла в Каире с 3 по 9 сентября. Мензис безуспешно пытался запугать египетского президента [3]. Египетское правительство не поддалось угрозам миссии Мензиса, «подкрепленной» высадкой на Кипре английских и французских парашютистов и сосредоточением здесь военно-морских и военно-воздушных сил Англии и Франции. 10 сентября правительство Египта предприняло новый шаг к урегулированию суэцкого вопроса мирным путем. Оно направило всем заинтересованным в свободе судоходства по Суэцкому каналу государствам ноту с предложением создать орган для ведения переговоров, в котором были бы представлены разные точки зрения, высказанные государствами, пользующимися Суэцким каналом. Поддержанные 25 странами, эти предложения были отвергнуты Англией, Францией и США, а в то же время государственный департамент США разрабатывал проект «ассоциации пользователей каналом». «Ассоциация» должна была взять на себя «координацию судоходства по Суэцкому каналу» и взимание сборов за проход судов через канал, иными словами, оформить захват канала империалистами. Совещание «ассоциации пользователей каналом» было созвано в Лондоне 15 сентября.

С осуждением планов «ассоциации» и в пользу решения суэцкого вопроса мирным путем выступили руководящие государственные деятели Индии, Индонезии, Сирии, Саудовской Аравии, Ирака и других государств [4].

В заявлении Советского правительства 16 сентября 1956 г. говорилось, что план трех держав нельзя расценивать иначе, как опасную провокацию, ведущую к тому, чтобы «еще больше обострить обстановку вокруг Суэцкого канала и искусственно соз-

---

[1] См. «Правда», 25 августа 1956 г.

[2] Австралия, Дания, Эфиопия, Франция, Англия, Норвегия, Иран, Италия, Япония, Нидерланды, Новая Зеландия, ФРГ, Пакистан, Португалия, Швеция, Турция, США.

[3] *Robert Gordon.* Menzies Speech is of Time. London, 1958, p. 81—181.

[4] См. «Суэцкий вопрос и империалистическая агрессия против Египта». М., 1957, стр. 81.

давать инциденты, которые можно было бы использовать как повод для применения силы против Египта». Советское правительство указало, что СССР, как великая держава, не может стоять в стороне от суэцкого вопроса и что любое нарушение мира в районе Ближнего и Среднего Востока не может не затрагивать интересов безопасности Советского Союза [1]. Ведя двойную игру, подстрекая своих английских и французских союзников к решительным действиям против Египта и не желая обострять отношения с арабскими странами, США выступили с заявлением о том, что они «не собираются силой пробивать себе дорогу через канал».

15 сентября президент Египта Насер заявил, что если какое-либо судно войдет в Суэцкий канал без разрешения египетских властей, то это будет рассматриваться как нарушение суверенитета Египта. «Египет будет защищать канал,— сказал президент.— Мы готовы бороться за него».

Суэцкий вопрос в Совете Безопасности

23 сентября 1956 г. представители Англии и Франции в ООН вручили председателю Совета Безопасности обращение своих правительств включить в повестку дня Совета вопрос о действиях Египта, положивших конец «системе международного управления Суэцким каналом» [2]. На следующий день египетское правительство потребовало рассмотреть в Совете Безопасности вопрос о действиях Англии и Франции, создающих серьезную угрозу всеобщему миру и международной безопасности и являющихся вопиющим нарушением Устава ООН [3].

Совет Безопасности рассматривал суэцкий вопрос с 26 сентября по 13 октября, но уже 1 октября в Лондоне собралось совещание 18 государств — сторонников «плана Даллеса», присвоившее себе название «третьей Лондонской конференции». На нем было провозглашено основание «ассоциации пользователей Суэцкого канала», приготовившейся взять в свои руки управление этим водным путем. Такой шаг имел целью повлиять на ход обсуждения суэцкого вопроса в Совете Безопасности. Выступивший на первом заседании Совета Безопасности министр иностранных дел Англии Ллойд внес объединенный англо-французский проект резолюции, в котором предлагалось осудить национализацию компании Суэцкого канала и восстановить прежние права пользователей Суэцким каналом [4]. Даллес поддержал требование представителей Англии и Франции.

---

[1] См. «Правда», 16 сентября 1956 г.

[2] «Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Одиннадцатый год. Дополнение за июль, август и сентябрь 1956 года», стр. 32.

[3] См. там же.

[4] См. там же, стр. 3—4.

Представитель Египта раскрыл в своем выступлении враждебный независимому развитию Египта характер политики империалистических держав и несостоятельность утверждений о незаконности национализации компании Суэцкого канала. «Мы,— заявил он,— отказываемся не от переговоров, а от диктата и высказываемся за создание специального органа приемлемого масштаба для ведения переговоров о мирном урегулировании вопроса».

Советский делегат поддержал справедливое дело Египта, отметив, что со времени национализации компании Суэцкий канал работает бесперебойно, что «египетская администрация канала доказала не только эффективность своего управления, но и подтвердила на деле незыблемость принципа свободы судоходства по каналу» [1].

Даллес заявил, что США будут голосовать за англо-французский проект [2]. 12 октября состоялось совещание с участием министров иностранных дел Египта, Англии и Франции, на котором Египет представил конкретные предложения, открывавшие путь к компромиссу. Однако 13 октября на открытом заседании Совета Безопасности С. Ллойд и К. Пино под предлогом «конкретизации» общих принципов внесли предложение, повторявшее «план Даллеса». Представители Советского Союза и Югославии выступили против, и англо-французский проект не был принят; Совет Безопасности одобрил лишь «6 принципов» [3], подтверждавших необходимость уважения египетского суверенитета и свободу прохода через канал.

«Я вскоре узнал,— писал Иден в своих мемуарах,— что Советское правительство расценивает итоги обсуждения в ООН как победу Египта и самого Советского Союза. В этом оно было, несомненно, право».

Тройственная агрессия против Египта

«Пусть никто не обманывается. Обращение в ООН — это процедура, а не курс политики» — так лондонская «Дейли экспресс» характеризовала действительное назначение этого дипломатического шага правительств Англии и Франции на другой день после их обращения в Совет Безопасности.

С самого начала суэцкого кризиса правительства Англии и Франции планировали применение вооруженной силы против Египта. А. Иден признавал в своих мемуарах: «Правительство твердо решило, что наши кровные интересы в этом районе должны быть гарантированы, если потребуется, посредством воен-

[1] «СССР и арабские страны», стр. 215.

[2] См. «Совет Безопасности. Официальные отчеты, 738 заседание, 9 октября 1956 г.», стр. 7—8.

[3] «СССР и арабские страны», стр. 230.

ных действий... С самого начала мы должны были подготовиться поддержать наши интересы военной акцией». Роль застрельщика агрессии отводилась правительству Израиля, с которым правящие круги Англии и Франции вели секретные переговоры о выработке совместного плана вооруженной интервенции. Вопрос о совместном нападении на Египет обсуждался еще летом 1955 г. между французским министром обороны Буржес-Монури и его израильским коллегой Пересом.

Тройственная агрессия против Египта отвечала коренным интересам монополий США на Ближнем Востоке. США фактически подталкивали Англию, Францию и Израиль на войну против Египта.

Администрация Эйзенхауэра избегала одного — она не хотела связывать себе руки непосредственным участием в агрессии, рассчитывала заработать на компрометации своих партнеров по НАТО в глазах мирового общественного мнения, и прежде всего общественного мнения в арабских странах. Позиция США ободряла сторонников антиегипетской интервенции. А. Иден впоследствии писал, что Даллес 1 октября 1956 г. уведомил англичан и французов, что США «не исключают применения силы» [1].

Англо-французский военный подкомитет собрался 29 июля, а 31 июля в Лондон прибыл офицер генерального штаба Франции со списком воинских частей, которые предназначались для участия в экспедиции против Египта. 1 августа французские парашютные части в Алжире получили приказ в пятидневный срок подготовиться к десанту против Египта. Во главе всех операций был поставлен английский генерал. Между министерством национальной обороны Франции и Тель-Авивом была установлена прямая связь. Генеральный директор министерства обороны Израиля 16 раз летал в Париж для переговоров о поставках оружия и координации планов военных действий [2]. Генеральные штабы Франции и Израиля согласовали план военных действий против Египта, который 15 октября был доложен Идену от имени Ги Молле французским генералом Шалле. «Прекрасная идея»,— сказал Иден об этом плане [3].

16 октября 1956 г. в Париже встретились Иден и Ги Молле. Встреча была настолько секретной, что, кроме министров иностранных дел — Пино и Ллойда, на нее не был допущен даже британский посол в Париже Джебб. На этой встрече был утвержден план нападения на Египет. По сообщениям американской печати, Вашингтон был поставлен в известность об этих планах. Когда военная подготовка была в основном закончена, то в во-

---

[1] *A. Eden.* Full Circle, p. 438.
[2] См. «Политика Франции в Азии и Африке», М., 1965, стр. 120, 121.
[3] Там же, стр. 122.

сточной части Средиземного моря насчитывалось 185 боевых кораблей, не считая мощного транспортно-десантного соединения, свыше тысячи англо-французских военных самолетов, несколько бронетанковых дивизий, 5 отдельных бригад, 13 отдельных полков, 2 армейские артиллерийские группы и другие воинские соединения. В водах Персидского залива находились 7 английских военных кораблей, 3 военных корабля были в Адене [1].

22 октября С. Ллойд летал во Францию, где в пригороде Парижа участвовал в секретной встрече с премьер-министром Израиля Бен-Гурионом [2]. На этой встрече были окончательно согласованы планы нападения на Египет. В конце октября в Израиль была переброшена французская авиация. Как рассказывали французские пилоты, базировавшиеся на Тель-Авив и Хайфу, они еще до начала военных действий совершали разведывательные полеты над Сирией и Иорданией, обстреливали с воздуха египетские части на Синайском полуострове, совершали налеты на египетские аэродромы, в том числе на аэродром в Луксоре [3].

22 октября в Иордании состоялись парламентские выборы, на которых победили противники Багдадского пакта и сторонники тесного союза Иордании с Египтом и Сирией. Через день после выборов Иордания присоединилась к оборонительному союзу с Сирией и Египтом. Этот факт был использован израильским правительством как повод для объявления всеобщей мобилизации.

В ночь с 29 на 30 октября 100-тысячная армия Израиля внезапно вторглась в Египет.

30 октября в Лондон прибыли Ги Молле и Пино. После их совещания с Иденом и Ллойдом дипломатические представители Израиля и Египта были вызваны в Форин офис, где им вручили совместный англо-французский ультиматум [4]. И агрессору, и жертве агрессии в этом ультиматуме одинаково предлагалось, не позднее чем через 12 часов, прекратить военные действия, отвести свои воинские части на 10 миль от Суэцкого канала и согласиться на оккупацию английскими и французскими войсками ключевых позиций в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце. В случае отклонения этих условий правительства Англии и Франции угрожали вооруженной интервенцией. Израильское правительство, войска которого в это время уже захватили Си-

---

[1] См. «Суэцкий вопрос...», стр. 93.

[2] Nutting. No end of a lesson. The Story of Suez, London, 1967, p. 101.

[3] *M. et S. Bromberger.* Les secrets de l'expedition d'Egypte. Paris, 1957, p. 30.

[4] «Documents on the Suez Crisis». London Royal Institute of International Affairs, 1957, p. 25, 85.

найский полуостров, но были еще в 200 *км* от канала, приняло ультиматум, который, по существу, поощрял его продолжать наступление. Египет этот ультиматум отклонил.

В тот же день в Нью-Йорке Совет Безопасности начал разбирательство вопроса об израильской агрессии против Египта. Французский делегат, выполняя секретное соглашение с Израилем, пытался воспрепятствовать обсуждению этого вопроса. Советский представитель заявил, что Совет Безопасности должен принять меры к тому, чтобы пресечь израильскую агрессию и добиться немедленного вывода иностранных войск с египетской территории[1]. На советское предложение Англия и Франция наложили вето, США воздержались при голосовании.

Французская и английская авиация подвергла Каир, Порт-Саид, Исмаилию и другие египетские города массированной бомбардировке.

31 октября 1956 г. Советское правительство выступило с заявлением по поводу вооруженной агрессии против Египта, потребовало прекращения агрессии и вывода войск интервентов с его территории. Советский представитель в Совете Безопасности разоблачил маневры англо-французской дипломатии, пытавшейся затянуть рассмотрение вопроса, чтобы позволить агрессорам расправиться с Египтом. 1 ноября 1956 г. собралась Чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН для рассмотрения вопроса об агрессии Англии, Франции и Израиля против Египта. 2 ноября Генеральная Ассамблея, несмотря на противодействие Англии, Франции и Израиля, призвала Египет и Израиль отвести все войска за линию перемирия. Однако правительства Англии и Франции отвергли рекомендации Генеральной Ассамблеи и заявили, что они будут продолжать военные действия против Египта. Израильское правительство усиленно готовило агрессивные действия и против других своих арабских соседей. 4 ноября 1956 г. Генеральная Ассамблея приняла внесенный 19 странами Азии и Африки проект резолюции, в котором подтверждалась резолюция Генеральной Ассамблеи от 2 ноября и содержался новый призыв о немедленном прекращении военных действий против Египта. На следующий день правительство Канады предложило создать с согласия заинтересованных государств контингент вооруженных сил ООН, чтобы обеспечить прекращение военных действий.

Правящие круги США на словах отмежевывались от действий своих союзников, на деле продолжали снабжать их нефтью и предоставили Англии заем — 500 млн. долл.

---

[1] См. «СССР и арабские страны», стр. 236—237.

5 ноября соединенные силы Франции и Англии высадились в Порт-Саиде, начали оккупацию зоны Суэцкого канала. В этот критический момент, вечером 5 ноября 1956 г., Советское правительство направило главам правительств Англии, Франции и Израиля послание с требованием прекратить вооруженную агрессию. В послании выражалась решимость СССР всеми мерами «восстановить мир на Востоке» [1]. Одновременно Советское правительство обратилось к президенту США с предложением о сотрудничестве, с тем чтобы пресечь агрессию, использовав военно-морской флот США, военно-морской флот и авиацию СССР. Однако правительство США не приняло советские предложения. Советский Союз обратился в Совет Безопасности с призывом принять резолюцию о прекращении, в течение 12 часов, военных действий и выводе в трехдневный срок с территории Египта войск интервентов. СССР предлагал оказать вооруженную и другую помощь Египту, если агрессоры не выполнят в указанный срок требования Совета Безопасности.

Советское предупреждение подействовало, агрессия была остановлена, а когда агрессоры попытались оттянуть вывод своих войск, последовало сообщение ТАСС о том, что если Франция, Англия и Израиль не выведут своих войск с территории Египта, то «соответствующие органы Советского Союза не будут препятствовать выезду советских граждан — добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за его независимость» [2].

22 декабря 1956 г. вывод из Египта английских и французских войск закончился. 7 марта 1957 г. были выведены войска Израиля.

Тройственная агрессия провалилась.

Советско-арабские отношения после суэцкого кризиса

Тройственная агрессия еще раз показала народам арабских стран, что только Советский Союз и государства социалистической системы являются их искренними и надежными друзьями и соратниками в борьбе за достижение полной национальной независимости. Отношения Советского Союза с арабскими странами приобрели более тесный характер; значительно продвинулось вперед экономическое сотрудничество СССР с Египтом, Сирией и другими независимыми арабскими государствами. Были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Египтом, между СССР и Сирией, соглашение о советско-египетском культурном сотрудничестве, торговое советско-тунисское соглашение, начала развиваться торговля СССР с Марокко.

[1] «СССР и арабские страны», стр. 259.
[2] Там же, стр. 266.

Стали складываться личные контакты между руководящими деятелями СССР и независимых арабских стран. 23 октября 1958 г. в Москве, в ответ на обращение правительства ОАР, было объявлено, что Советское правительство, исходя из дружественных отношений между СССР и ОАР и желая оказать ей помощь, согласилось взять на себя обязательство участвовать в строительстве первой очереди Асуанской плотины. Было подписано соглашение об оказании Советским Союзом экономической и технической помощи ОАР в строительстве первой очереди высотной Асуанской плотины [1]. СССР согласился предоставить кредит для оплаты расходов по поставкам машин и оборудования и таких материалов, которыми не располагает ОАР, в сумме до 400 млн. руб.

Неоколониалисты пытались сорвать это соглашение. За четыре дня до его подписания правительство ФРГ объявило о гарантиях западногерманским фирмам на сумму 200 млн. марок для финансирования ими Асуанского проекта. С предложениями о финансировании строительства выступили также итальянские фирмы. Но правительство и народ ОАР избрали путь равноправного, свободного от политических и военных условий, основанного на взаимном уважении сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Новые маневры западных держав в конце 50-х годов

«Доктрина Даллеса — Эйзенхауэра»

5 января 1957 г. президент США Д. Эйзенхауэр обратился к конгрессу со специальным посланием о политике Соединенных Штатов в странах Ближнего и Среднего Востока [2]. Как и другие подобные выступления Эйзенхауэра, это послание изобиловало выпадами против Советского Союза и «международного коммунизма». Оценивая положение в этом районе как критическое и указав, что в нем находится «$^2/_3$ известных в настоящее время мировых запасов нефти» и что Ближний Восток «обеспечивает ворота между Европой, Азией и Африкой», президент потребовал от конгресса разрешить ему использовать на Ближнем и Среднем Востоке вооруженные силы США, когда он сочтет это необходимым, не испрашивая, как это предусмотрено американской конституцией, разрешения конгресса США в каждом отдельном случае. Выступая 14 января 1957 г., Даллес заявил, что

[1] См. «СССР и арабские страны», стр. 683—688.

[2] «United States Policy in Middle East. September 1956 — June 1957. Documents. Department of State Publication. 6505». Washington, 1957, p. 15—23.

эта новая доктрина не была предварительно согласована с Англией и Францией, что США не намерены привлекать своих партнеров по НАТО к сотрудничеству при осуществлении своей программы [1]. В основе доктрины лежал тезис о том, что на Ближнем и Среднем Востоке в результате подрыва влияния Англии и Франции образовался некий «вакуум», который должны заполнить США, чтобы не допустить сюда «коммунистического» проникновения.

Послание Эйзенхауэра было воспринято в мировых кругах как провозглашение программы установления господства США над странами Ближнего и Среднего Востока. Советский Союз решительно осудил эту неоколониалистскую программу. В опубликованном 13 января 1957 г. заявлении ТАСС говорилось, что выступление Эйзенхауэра «противоречит принципам и целям ООН и таит в себе серьезную угрозу миру и безопасности в районе Ближнего и Среднего Востока». Советский Союз, указывалось в заявлении, стремясь оказать содействие народам, борющимся за укрепление своей национальной независимости, выражает готовность развивать с ними всестороннее сотрудничество на принципах полного равноправия и взаимной выгоды [2].

Состоявшиеся в январе и феврале 1957 г. в Каире совещания президента Египта Насера, короля Саудовской Аравии Сауда, короля Иордании Хусейна и премьер-министров Сирии Асали и Иордании Набулси единодушно отвергли эту доктрину [3]. Ливан, во главе которого тогда стоял президент К. Шамун, участники агрессивного Багдадского пакта Ирак, Иран и Турция, а также Израиль поддержали «доктрину Даллеса — Эйзенхауэра». Согласие Ливана с целями доктрины было в июле 1958 г. использовано американским правительством как формальное основание для высадки американских войск на его территории.

Предложения СССР об укреплении мира на Ближнем и Среднем Востоке

Стремясь к сохранению мира на Ближнем и Среднем Востоке, Советское правительство в обращении 11 февраля 1957 г. к правительствам США, Англии и Франции, как к постоянным членам Совета Безопасности ООН, предложило проект «Основных принципов Декларации правительств СССР, США, Англии и Франции по вопросу о мире и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке и невмешательстве во внутренние дела стран этого района». Этот проект предусматривал обязательство велпких держав следовать в

---

[1] «United States Policy in Middle East. September 1956 — June 1957. Documents». Department of State Publication. 6505. Washington, 1957, p. 30—38.

[2] См. «Правда», 13 января 1957 г.

[3] См. «Правда», 2 марта 1957 г.

своей политике в этом районе следующим принципам: 1) сохранение мира и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке и урегулирование спорных вопросов исключительно мирными средствами на основе метода переговоров; 2) невмешательство во внутренние дела стран Ближнего и Среднего Востока; уважение суверенитета и независимости этих стран; 3) отказ от всяких попыток вовлечения этих стран в военные блоки с участием великих держав; 4) ликвидация иностранных баз и вывод иностранных войск с территории стран Ближнего и Среднего Востока; 5) взаимный отказ от поставок оружия странам Ближнего и Среднего Востока; 6) содействие экономическому развитию стран Ближнего и Среднего Востока без предъявления каких бы то ни было при этом политических, военных и иных условий, несовместимых с достоинством и суверенитетом этих стран[1]. В советском предложении говорилось, что эта Декларация была бы открыта для присоединения любого заинтересованного в мире и безопасности государства, желающего строить свои отношения со странами Ближнего и Среднего Востока на основе упомянутых принципов.

Западные державы отказались поддержать новую мирную инициативу СССР. 11 марта 1957 г. США, Англия и Франция направили Советскому правительству ответы на его ноты от 11 февраля 1957 г., в которых отстаивали свою политику замкнутых агрессивных военных блоков[2].

Выступая за мирное урегулирование, Советское правительство 19 апреля 1957 г. предложило правительствам США, Англии и Франции в качестве первого шага в направлении оздоровления обстановки на Ближнем и Среднем Востоке договориться о заявлении четырех держав с осуждением применения «силы как средства решения неурегулированных проблем этого района, так как это находится в грубом противоречии с принципами Устава ООН»[3]. Советское правительство выразило готовность рассмотреть соображения правительств этих государств по поставленным вопросам, однако империалистические державы не согласились с этим, не выдвинув никаких предложений, направленных на нормализацию обстановки в районе Ближнего и Среднего Востока.

3 сентября 1957 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко вручил послам США, Англии и Франции ноту Советского правительства. В советской ноте отмечалось серьезное обострение обстановки в этом районе в результате проводимой империалистическими державами политики сколачивания военных

---

[1] См. «СССР и арабские страны», стр. 308.
[2] См. «Известия», 21 апреля 1957 г.
[3] «СССР и арабские страны», стр. 319—331.

блоков. Нота обращала внимание на агрессию Великобритании против народа Омана, на позорные факты бомбардировки английскими самолетами городов и сел Йемена, на усиление подрывной деятельности и открытого вмешательства США, Англии и Франции во внутренние дела арабских государств. Советское правительство,— говорилось в ноте,— по-прежнему считает, что в качестве первого шага в направлении оздоровления и нормализации обстановки в этом районе явилось бы выступление четырех держав с заявлением об осуждении применения силы как средства решения неурегулированных вопросов и об отказе от вмешательства во внутренние дела Ближнего и Среднего Востока [1]. Советское правительство предложило созвать в мае 1958 г. совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции о мерах по ослаблению напряженности на Ближнем и Среднем Востоке [2].

Империалистический заговор против Сирии

Осенью 1957 г. усилилась угроза независимости Сирии со стороны империалистических сил. На сирийских границах сосредоточивались иностранные войска, в воды восточной части Средиземного моря вошли корабли 6-го военного флота США. Происходило очередное давление на Сирию с целью заставить ее примкнуть к Багдадскому пакту.

В конце лета 1957 г. специальный представитель госдепартамента США Гендерсон посетил Турцию, Ирак, Иорданию и Ливан. Он обсуждал с правительствами этих стран подготовленный в США план вооруженной интервенции, направленный на свержение законного сирийского правительства и насильственное изменение порядков в этой стране. Гендерсон пугал своих собеседников «угрозой» развития Сирии по «коммунистическому» пути и побуждал их участвовать в антисирийском походе.

В арабских столицах миссия Гендерсона не увенчалась успехом. Ему, однако, удалось договориться с правительством Мендереса — Зорлу. В самой Сирии в августе 1957 г. был раскрыт антигосударственный заговор, нити которого вели в посольство США в Дамаске.

Советское правительство, все социалистические государства, независимые арабские страны и другие миролюбивые силы выступили в защиту независимости Сирии. Сирия официально выразила «благодарность правительству и народу Советского Союза за решительную позицию дружественной поддержки Сирии... в период, когда над Сирией нависла угроза агрессии в связи с иностранным заговором против независимости и территориальной целостности Сирийской Республики» [3].

[1] «СССР и арабские страны», стр. 349—358.
[2] См. «Известия», 6 мая 1958 г.
[3] «СССР и арабские страны», стр. 453—454.

Предостерегая премьер-министра Мендереса от участия в антисирийской интервенции, Советское правительство подтвердило свое искреннее стремление руководствоваться в отношениях с Турцией принципами полного уважения территориальной целостности, суверенитета и независимости турецкого государства, вести курс на добрососедство и дружественное сотрудничество в интересах укрепления мира и безопасности на Ближнем Востоке.

Правительство СССР предложило, чтобы в случае нарушения мира на сирийской границе и нападения на Сирию государства — члены ООН немедленно оказали Сирии вооруженную помощь для пресечения агрессии. Советский Союз заявил, что он готов своими вооруженными силами участвовать в подавлении агрессии и наказании нарушителей мира [1].

В заявлении ТАСС 19 октября 1957 г. указывалось, что СССР примет все необходимые меры к тому, чтобы оказать помощь жертве агрессии. При обсуждении сирийской жалобы на 12-й сессии Генеральной Ассамблеи Советский Союз поддержал Сирию и призвал ООН принять решительные меры к предотвращению агрессии.

Советские демарши не только облегчили положение Сирии, но и помогли предотвратить участие Турции в безрассудной антисирийской авантюре.

Империалистическая агрессия против арабских стран в 1958 г.

В ночь на 14 июля 1958 г. в Ираке произошел революционный переворот, проимпериалистический режим Нури Саида был свергнут, страна объявлена республикой. Новое правительство заявило о своем намерении «проводить арабскую политику», «следовать во внешнеполитических делах принципам Бандунга».

Ответом правительств США и Англии на события в Багдаде была высадка 15 июля 1958 г. американских войск в Ливане и 17 июля английских парашютистов в Иордании. Как признал английский премьер-министр Макмиллан, английская интервенция в Иордании была предпринята с согласия и при одобрении США [2].

Твердая позиция Советского Союза помешала колонизаторам добиться подавления революции в Ираке. 16 июля 1958 г. СССР заявил о своем официальном признании Иракской Республики. Правительство СССР выступило с заявлением, осуждающим американскую интервенцию в Ливане и английскую в Иордании, решительно потребовав ее пресечения. Представитель СССР в ООН А. А. Соболев внес на рассмотрение Совета

---

[1] См. «Известия», 19 октября 1957 г.

[2] «House of Commons», vol. 591, N 144, col. 1449.

Безопасности конкретные предложения о немедленном выводе войск интервентов из Ливана и Иордании. Советское правительство обратилось к президенту США и главам правительств Англии (Макмиллану), Франции (де Голлю) и Индии (Неру), а также к генеральному секретарю ООН с предложением созвать 22 июля 1958 г. в Женеве или в ином любом месте совещание глав правительств с участием генерального секретаря ООН «для того, чтобы принять меры к прекращению возникшего военного конфликта» [1], и для выработки рекомендаций относительно разрешения мирным путем проблем Ближнего и Среднего Востока.

Неру положительно отнесся к этой идее Советского правительства и сообщил в своем ответе, что правительство Индии уже призвало правительства США и Великобритании вывести войска из Ливана и Иордании [2].

Французское правительство в принципе положительно отнеслось к предложению о созыве совещания по вопросу о Ближнем Востоке, но высказалось за то, чтобы «позволить» ООН продолжать заниматься этим вопросом. Эйзенхауэр и Макмиллан пытались оправдывать совершенную их правительствами интервенцию и отклонили советское предложение, сославшись на возможности Совета Безопасности.

Дальнейшая переписка глав правительств СССР, США, Англии и Франции по этому вопросу не привела к конкретным позитивным результатам. Тогда СССР выступил с инициативой созыва чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения вопроса о выводе американских войск из Ливана и английских из Иордании. Внесенный 7 августа 1958 г. на рассмотрение Совета Безопасности советский проект резолюции по этому вопросу предусматривал осуждение интервентов. Представители США и Англии воспрепятствовали принятию этого проекта, но не смогли помешать созыву чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи. 8 августа 1958 г. эта сессия была созвана. 12 августа 1958 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, возглавлявший советскую делегацию на чрезвычайной сессии, направил генеральному секретарю ООН для распространения среди участников Ассамблеи проект резолюции «О немедленном выводе войск США из Ливана и войск Великобритании из Иордании», состоявший всего из двух оперативных пунктов: рекомендовать правительствам США и Великобритании «незамедлительно вывести их войска» и поручить генеральному секретарю ООН наблюдение за выводом этих войск и за положением на границах Ливана и Иордании [3].

[1] «СССР и арабские страны», стр. 541.
[2] См. «Известия», 22 июля 1958 г.
[3] См. «СССР и арабские страны», стр. 629.

С трибуны Генеральной Ассамблеи с оправданием позиции США выступил Эйзенхауэр, заявивший, что США «сохраняют за собой право» на политические акции и в других частях света[1]. 21 августа 1958 г. делегации 10 арабских стран внесли предложение о выводе американских и английских войск с Ближнего Востока и с обращением ко всем странам — членам ООН «действовать строго в соответствии с принципами взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета друг друга, ненападения, строгого невмешательства во внутренние дела друг друга». Хотя чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи приняла этот проект[2], правительства США и Англии пытались затянуть вывод своих войск из Ливана и Иордании. В июле — августе 1958 г. заместитель государственного секретаря США Мэрфи вел переговоры с ливанскими политическими деятелями о кандидатуре на пост президента Ливана и формировании нового ливанского правительства.

Советский Союз и другие социалистические страны подняли на 13-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о незамедлительном выводе интервенционистских войск из Ливана и Иордании. В октябре 1958 г. была завершена эвакуация американских войск из Ливана, а 2 ноября — английских вооруженных сил с территории Иордании. 10 декабря 1958 г. ливанское правительство объявило о том, что не считает себя больше связанным «доктриной Даллеса — Эйзенхауэра». Так провалились попытки империалистических сил взять реванш за Суэц.

Кризис Багдадского пакта и СЕНТО

24 марта 1959 г. правительство Иракской Республики официально заявило о выходе Ирака из Багдадского пакта[3]. 25 июля 1959 г. оставшиеся участники этого блока решили переименовать его в Организацию Центрального договора — СЕНТО. Как пояснялось в опубликованном по этому поводу коммюнике, это название было выбрано, поскольку СЕНТО объединяет «страны, занимающие район между НАТО и СЕАТО». Руководящие органы пакта еще раньше были переведены из Багдада в Анкару.

Поражение тройственной агрессии против Египта, бесславный конец американской интервенции в Ливане и английской в Иордании, растущее национально-освободительное движение

---

[1] См. «Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея, 733 пленарное заседание 13 августа 1958 г.», стр. 10.

[2] См. «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея, 746 пленарное заседание 21 августа 1958», стр. 743. Текст: «Организация Объединенных Наций. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей. Доп. № 1 (A/3905)», Нью-Йорк. 1237 (ES—III), стр. 1.

[3] «Арбаат-ашер Таммуз», 24. III. 1959 г.

арабских народов шаг за шагом вскрывали несостоятельность политических и военно-стратегических концепций, положенных в основу СЕНТО. В Иране, Пакистане и Турции стали усиливаться критические выступления по адресу СЕНТО, как организации, враждебной национальным интересам этих стран.

Стремясь спасти эту организацию, США подписали 5 марта 1959 г. в Анкаре двусторонние военные соглашения с Турцией, Ираном и Пакистаном. Государственный департамент США подготовил текст этих соглашений в нарочито туманных выражениях. Было оговорено, что они вступают в силу без обсуждения и ратификации в парламентах. Эти соглашения открывали для США возможность осуществлять военно-стратегические мероприятия на территориях трех стран, использовать их в качестве своего плацдарма [1].

Анкарские соглашения оформили превращение СЕНТО в придаток американской политики, но не смогли укрепить эту организацию. В начале 60-х годов СЕНТО вступил в полосу затяжного кризиса.

Попытки агрессивных кругов империалистических держав с помощью интервенции удержать и расширить свои позиции в этом районе земного шара натолкнулись на сопротивление народов, опиравшихся на поддержку Советского Союза, всех стран социалистического содружества.

Однако империалисты своими провокационными действиями продолжали обострять положение на Ближнем и Среднем Востоке. В этом направлении вопреки интересам страны действовала также проимпериалистическая сионистская правящая верхушка Израиля.

---

[1] Полный текст этих соглашений см. *В. Прокофьев.* Агрессивный блок СЕНТО. М., 1963, стр. 101—103.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИКА США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ. МЕЖАМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1946—1962 гг.)

1. Политика США в Латинской Америке в первые послевоенные годы

Политика США в странах Латинской Америки в послевоенный период являлась важной составной частью общей стратегии, направленной на достижение политического и экономического руководства миром. Правящие круги США, опираясь в этом районе на буржуазно-помещичью олигархию, стремились в обстановке крушения колониализма подавить национально-освободительное движение в латиноамериканских странах, помешать развитию их отношений с социалистическими государствами, превратить Латинскую Америку в зону своего исключительного господства и надежный военно-стратегический плацдарм. «Латинская Америка в качестве союзника Соединенных Штатов в случае новой всеобщей войны,— отмечалось в то время в одном из документов госдепартамента,— может сделать гораздо больше, чем только снабжать нас стратегическими материалами. Она может помочь охранять линии коммуникаций и морские пути, включая Панамский канал. Латинская Америка, как это было во время II мировой войны, может предоставить нам военно-воздушные и военно-морские базы и войска, обученные применению унифицированного вооружения... Можно полагать, что некоторые из стран Латинской Америки станут в недалеком будущем нашими сильными союзниками» [1].

«Латинская Америка является районом мира, имеющим жизненно важное значение для Соединенных Штатов,— писал Д. Эйзенхауэр,— это обширная арена потенциальных ресурсов, и ее вес в мировом балансе сил становится все более важным» [2].

Усилия дипломатии США в этот период были направлены на сколачивание в Западном полушарии под флагом антикоммунизма военно-политического блока латиноамериканских госу-

---

[1] «The Department of State, Report to the President, United States — Latin American Relations», Department of State Publication 5290, Washington, 1953, p. 4.

[2] *Dwight D. Eisenhower.* The White House Years. Mandate for Change.., p. 420.

дарств под эгидой США. Такой блок должен был стать началом создания в послевоенный период системы агрессивных блоков в целях борьбы с силами социализма, демократии и социального прогресса, национально-освободительным движением угнетенных народов. США намеревались использовать замкнутую группировку стран Западного полушария в качестве своего политического орудия на международной арене, в частности в ООН и других международных организациях.

Монополии США стремились закрепить за странами Латинской Америки роль важнейшей сферы приложения американского капитала и рынка сбыта своих товаров. Национальная ассоциация промышленников США, Совет внешней торговли США, Национальная ассоциация планирования, другие организации и представители крупного бизнеса США выступали с требованиями обеспечения благоприятных условий для все растущего проникновения американских монополий в экономику латиноамериканских стран и полного подчинения их внутренней и внешней политики.

Монополистический капитал США практически поставил под свой непосредственный контроль деятельность внешнеполитического ведомства США в Латинской Америке. Представитель крупнейшей финансовой династии США Н. Рокфеллер в 1944—1945 гг. занимал впервые учрежденную должность помощника государственного секретаря США по делам Латинской Америки. Помощником государственного секретаря США по межамериканским делам стал Клейтон, владелец обширных хлопковых плантаций в Латинской Америке. «Администрация Трумэна,— писал в одной из своих публикаций бывший сотрудник государственного департамента США профессор Д. Дозер,— незамедлительно начала... осуществлять со все возраставшей агрессивностью программу, направленную на поощрение частных американских капиталовложений в страны Латинской Америки» [1].

В большинство латиноамериканских стран были назначены послы США, которые, по свидетельству американского буржуазного историка Слейтера, являлись «консервативными деятелями, связанными с интересами бизнеса США» [2].

---

[1] *Donald Marquand Dozer.* Are We Good Neighbours? Three Decades of Inter — American Relations, 1930—1960. University of Florida Press, Gainesville, Florida, 1959, p. 244.

[2] *Jerom Slater.* The OAS and United States Foreign Policy. Ohio State University Press, Columbus, Ohio, 1967, pp. 7—8, 17.

К их числу относились послы США в Аргентине Джордж Мессершмит, Джеймс Брюс, Стэнтон Гриффис, Эллсворт Банкер; Флетчер Уоррен — в Венесуэле; Томас Уилан — в Никарагуа; послы США на Кубе Артур Гарднер и Эрл Смит и др.

Под защитой американской администрации резко усилилась экспансия частного капитала США в Латинской Америке, проходившая в обстановке острой конкурентной борьбы с монополиями других империалистических держав. В годы второй мировой войны США добились полной ликвидации экономического влияния держав «оси» в этих странах [1] и значительно потеснили Англию и Францию. Прямые частные капиталовложения Англии — основного конкурента США — сократились с 4542 млн. долл. в 1939 г. до 3575 млн. долл. в 1946 г. и 2547 млн. долл. в 1948 г.

Устранение одних и ослабление других конкурентов помогло монополиям США основательно укрепить свои позиции в экономике латиноамериканских государств. Прямые частные инвестиции США в Латинской Америке возросли с 2771 млн. долл. в 1940 г. до 3000 млн. долл. в 1946 г., 4735 млн. долл. в 1950 г. и 8730 млн. долл. в 1958 г. [2]

Экономическое проникновение США в страны Латинской Америки, приведшее к установлению контроля монополий США над важнейшими отраслями их экономики, с одной стороны, и вызвавшее рост экономических трудностей этих стран — с другой, активно использовалось американской дипломатией для политического и военного подчинения своих южных соседей, для ограничения их национального суверенитета, навязывания им необходимого США внешнеполитического курса.

С 1950 г. государственный департамент США стал систематически созывать региональные совещания американских послов в странах Южной Америки и отдельно в странах Центральной Америки и бассейна Карибского моря для обсуждения вопросов, связанных с осуществлением целей США на латиноамериканском континенте.

Целям внешней политики США в Латинской Америке соответствовали и методы ее осуществления. С. Уэллес, занимавший в период второй мировой войны пост заместителя государственного секретаря США, признавал в 1946 г., что США в послевоенный период «стали демонстрировать все признаки явного намерения использовать подавляющую мощь, чтобы диктовать на-

---

[1] Прямые инвестиции трестов Германии в Латинской Америке, конфискованные в период войны, составляли в 1940 г. 969 млн. долл. Западногерманский частный капитал вновь стал заявлять о себе в странах Латинской Америки к концу 50-х годов. В 1958 г. частные инвестиции ФРГ в их экономике составили 160 млн. долл. (United Nations, The International Flow of Private Capital, 1956—1958, New York, 1959, p. 33.

[2] «U. S. Department of Commerce, American Direct Investments in Foreign Countries — 1940», Washington, 1942, p. 23; «Survey of Current Business», September 1958; «Survey of Current Business», September 1959.

родам суверенных американских государств, что им следует и чего не следует делать при решении своих внутренних проблем» [1].

Вмешательство США во внутренние дела латиноамериканских республик возрастало, широко использовались при этом организация государственных переворотов, насаждение в Латинской Америке диктаторских режимов, представлявших интересы земельной олигархии, кругов проимпериалистической компрадорской буржуазии, реакционной военщины, высшего духовенства. Эти диктатуры, полностью ориентировавшиеся в своей политике на США, обеспечивали условия для дальнейшей экономической и политической экспансии американских монополий, служили орудием подавления национально-освободительного движения.

Прямое вмешательство во внутренние дела латиноамериканских государств проявилось в навязывании США правительствам этих стран большого числа неравноправных двусторонних соглашений военно-политического и экономического характера. Вместе с тем Соединенные Штаты продолжали активно практиковать «многостороннюю дипломатию», т. е. действовать в рамках межамериканской системы, используя идеи так называемой панамериканской «общности», «единства» и «солидарности» и опираясь на поддержку зависимых от США военных диктаторских и феодально-компрадорских режимов в Латинской Америке. Проводя выгодные им решения в межамериканских органах и прикрываясь этими решениями, внешнеполитическое ведомство США использовало межамериканскую систему в качестве инструмента определения внешней политики стран Латинской Америки, орудия «коллективного вмешательства» во внутренние дела своих южных соседей и борьбы с национально-освободительным движением на континенте.

Важным средством в руках американской дипломатии явились также программы военной и экономической «помощи» латиноамериканским странам, официальной целью которых провозглашалось поддержание в них экономической и политической «стабильности» и «статус-кво», что подразумевало сохранение зависимости от североамериканских монополий и проведение угодной для США политики в международных делах.

---

[1] *Sumner Welles.* Where Are We Heading? New York, 1946, p. 201.

2. Борьба национально-прогрессивных сил Латинской Америки против экспансии США

Экспансионистская политика США в Латинской Америке встречала постоянное, все растущее сопротивление со стороны прогрессивных демократических сил латиноамериканских стран, которые вели борьбу за экономическую независимость, за проведение самостоятельного внешнеполитического курса. «Широкие массовые движения,— писал бывший председатель Коммунистической партии США Уильям Фостер,— возникшие после второй мировой войны как выражение общего кризиса капитализма и принявшие в Европе и Азии высшую форму — форму коренных революций, не могли не вызвать отклика и в странах Латинской Америки» [1].

Разгром во второй мировой войне фашизма, осуществленный при решающей роли СССР, победа социалистических революций в ряде стран Европы и Азии, создание и укрепление мировой системы социализма, прогрессирующий распад колониальной системы империализма в Азии и Африке, рост сил демократии во всем мире способствовали развертыванию антиимпериалистической борьбы народов Латинской Америки за национальные интересы и суверенные права.

В латиноамериканских государствах под воздействием этих внешних факторов и по мере развития национального промышленного производства, продолжавшегося в послевоенный период, росли и крепли антиимпериалистические силы.

Рабочий класс Латинской Америки, являющийся последовательным борцом против империализма, укрепил свое влияние в общественно-политической жизни этих стран и все более выдвигался в качестве руководителя борьбы народных масс континента. В антиимпериалистическое движение активно включались крестьянство, демократическое студенчество, передовая интеллигенция, радикальные мелкобуржуазные слои.

Укрепились экономические и политические позиции национальной буржуазии.

В издании «Отношения между Соединенными Штатами и странами Латинской Америки», подготовленном сенатской комиссией по иностранным делам конгресса США, отмечалось, что в период «холодной войны» Соединенные Штаты сталкивались с большими трудностями в реализации своих планов в Латинской Америке из-за «явной несовместимости» целей, стоявших перед США, с одной стороны, и перед латиноамериканскими республиками — с другой. В этом документе говорилось, что

[1] *Уильям З. Фостер.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 635.

«страны Латинской Америки отдавали предпочтение решению своих внутренних социально-экономических проблем» [1].

На межамериканских конференциях и совещаниях все большее число латиноамериканских стран, несмотря на сильный нажим США, придерживалось позиции, продиктованной интересами развития их национальной экономики и необходимостью соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела.

Установлением в июне 1946 г. дипломатических и консульских отношений между Советским Союзом и Аргентиной в основном завершился проходивший в 1942—1945 гг. первый этап процесса нормализации дипломатических отношений между СССР и большинством стран Латинской Америки.

В августе 1946 г. в Москве был подписан советско-уругвайский договор о дружбе, торговле и мореплавании. Начали складываться благоприятные перспективы для развития торговых связей СССР с Чили, Мексикой, Бразилией и другими странами.

3. «Доктрина Ларрета». «План Трумэна» о стандартизации вооружения. Рио-де-Жанейрский пакт 1947 г.

Составной частью дипломатии Вашингтона в Латинской Америке была деятельность, направленная на создание легальных возможностей для вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, вплоть до использования вооруженной силы, подавления национально-освободительных выступлений широких слоев населения этих стран и подчинения внутренней и внешней политики этих государств целям США. Правящие круги США рассчитывали приспособить для решения этих задач межамериканскую систему и навязать латиноамериканским республикам механизм «коллективного вмешательства» во внутренние дела стран континента, проводящих неугодную США политику, под предлогом так называемой защиты «демократии».

С этими замыслами США было связано выдвижение вскоре после окончания войны министром иностранных дел Уругвая Э. Родригесом Ларрета предложения о коллективном вмешательстве американских республик в дела любого государства континента, которое «нарушает права человека и принципы демократии». Этот план, получивший название «доктрины Ларрета», был сформулирован в нотах, разосланных 21 ноября 1945 г. МИДом Уругвая правительствам всех латиноамериканских государств и США.

---

[1] «United States — Latin American Relations. Senate, 86th Congress, 2nd Session, Document 125». Washington, 1960, p. 35—36.

Как писал Самнер Уэллес, «это предложение Уругвая повсюду рассматривалось как инспирированное Соединенными Штатами» [1]. Государственный секретарь США Бирнс объявил о «безусловном присоединении» США к предложению Уругвая [2]. В бюллетене государственного департамента США прямо признавалась возможность применения вооруженной силы в рамках осуществления предложения Уругвая [3].

«Доктрина Ларрета» была с возмущением встречена национально-прогрессивными силами в Латинской Америке, справедливо усмотревшими в ней попытку США легализовать идею межамериканской коллективной интервенции.

Только хунта Р. Бетанкура в Венесуэле, а также правительства Коста-Рики и Панамы поддержали это предложение. Однако министр иностранных дел Панамы Р. Альфаро в ответе уругвайскому министру иностранных дел специально оговорил, что планируемое коллективное вмешательство «не должно включать использование вооруженной силы» [4].

Правительства таких ведущих латиноамериканских государств, как Аргентина, Бразилия, Мексика, Колумбия, Чили, Перу, Эквадор и других, официально заявили об отказе поддержать эту доктрину, как нарушающую принцип невмешательства во внутренние дела.

В феврале 1946 г., когда предложение Уругвая еще обсуждалось в межамериканских сферах, государственный департамент США опубликовал меморандум «О положении в Аргентине», получивший название «Синей книги». Он означал грубое вмешательство во внутренние дела Аргентины и был направлен на то, чтобы не допустить победы на президентских выборах Хуана Доминго Перона, выступавшего в период избирательной кампании с заявлениями в защиту национального суверенитета и самостоятельного экономического развития Аргентины. Не случайно поэтому министр иностранных дел Аргентины Хуан Коук решительно отверг «доктрину Ларрета» как открывающую возможность вмешательства США во внутренние дела Аргентинской республики. Министр иностранных дел Бразилии Льяо Велозо, отказавшись поддержать предложение Уругвая, также заявил о недопустимости вмешательства во внутренние дела других стран. Подобные опасения Бразилии имели достаточно веские основания, поскольку посол США в Рио-де-Жанейро Адольф Берли публично выступал в то время с нападками в адрес правительства президента Жетулио Варгаса [5].

---

[1] *Sumner Welles.* Where Are We Heading? p. 226.
[2] «U. S. Department of State Bulletin», 2. XII. 1945.
[3] «U. S. Department of State Bulletin», 13. I. 1946.
[4] «La Estrella de Panama», 4. XII. 1945.
[5] *Donald M. Dozer.* Are We Good Neighbours..., p. 214—215.

Столь категорическое и массовое осуждение в Латинской Америке «доктрины Ларрета» вынудило дипломатию США активизировать разработку нового плана в отношении латиноамериканских стран.

Свое законченное выражение этот план получил в законопроекте президента США Г. Трумэна «О стандартизации вооружения, унификации обучения и организации армий американского континента», внесенном президентом в конгресс США 6 мая 1946 г. Вашингтонская дипломатия привлекла Межамериканский совет обороны (МСО) к составлению плана, рассчитывая выдать его как результат рекомендаций военных представителей латиноамериканских стран. Еще в октябре 1945 г. МСО под нажимом военного ведомства США представил на рассмотрение правительств латиноамериканских государств рекомендации по стандартизации вооружений, организации армий и их обучения, которые незамедлительно были официально поддержаны администрацией США [1].

Фактически речь шла о попытке создать единые постоянные межамериканские вооруженные силы под эгидой Пентагона в качестве орудия подавления антиимпериалистических движений на латиноамериканском континенте. Как писал в то время председатель Коммунистической партии Аргентины Викторио Кодовилья, Соединенные Штаты «посредством стандартизации вооружений («план Трумэна») стараются подчинить своему контролю национальные армии стран Латинской Америки» [2].

Планом Трумэна предполагалось провести оснащение вооруженных сил стран Латинской Америки стандартным вооружением, производимым в США, ввести единую систему организации их армий, прохождения обязательной военной службы, подготовки командного состава под руководством военных миссий США, унифицировать всю военную политику и тактические доктрины, создать постоянный военный орган из председателей генеральных штабов всех американских государств.

План Трумэна первоначально был одобрен в 1946 г. комиссиями по иностранным делам обеих палат конгресса США, но конгресс в целом не принял каких-либо решений в связи с этим законопроектом. После повторного внесения президентом США в конгресс в мае 1947 г. этот план был отложен и больше не обсуждался. «План Трумэна» натолкнулся на резко отрицательную реакцию общественно-политических и правительственных кругов латиноамериканских стран, отдававших себе отчет в том, что единственным результатом его осуществления «явился бы

---

[1] «United States — Latin American Relations», p. 36—37.

[2] *Victorio Codovilla.* Resistira la Argentina al imperialismo Yanki, Buenos Aires, 1948, p. 372.

переход всей военной машины стран Западного полушария в распоряжение США»[1]. «Из плана президента Трумэна,— отмечал первый секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая Родней Арисменди,— можно было сделать следующие выводы: в момент наступления мира он приступил к созданию гигантской, чудовищной и фантастической военной машины. В момент самого искреннего стремления народов к независимости и суверенности он предложил превратить целое полушарие, половину всей воды и суши, в лагерь вооруженных сил Соединенных Штатов с приданными им двадцатью колониальными армиями... Потребности национальной обороны латиноамериканских стран будут подчинены эгоистической политике США, направленной к укреплению их мощи и достижению их стратегических целей в международной политике»[2].

Энергичные усилия американской дипломатии в этот период были направлены на созыв межамериканской конференции министров иностранных дел стран Латинской Америки с целью заключения межамериканского договора о «взаимной помощи» под фальшивым предлогом защиты от «внеконтинентальной опасности». Подготовка к проведению конференции началась сразу же после принятия Чапультепекского акта 1945 г., предусматривавшего необходимость заключения договора об «обороне» Западного полушария. Однако противодействие ряда ведущих латиноамериканских стран позволило вашингтонской дипломатии созвать конференцию лишь в 1947 г. Межамериканская конференция «по обеспечению мира и безопасности на американском континенте» проходила в Рио-де-Жанейро с 15 августа по 2 сентября 1947 г.

Государственный секретарь США Маршалл, возглавивший делегацию США на конференции, предварительно разослал проект военного межамериканского договора о «взаимной помощи» послам стран Латинской Америки в Вашингтоне. Но это не избавило американскую дипломатию от противодействия со стороны Аргентины, Мексики, Венесуэлы, Кубы, Эквадора, Боливии и ряда других стран. На конференции выявились серьезные разногласия между США и рядом латиноамериканских стран по повестке дня конференции и по обсуждаемым вопросам. Делегации Аргентины, Мексики, Кубы, Боливии предложили обсудить вопрос об оказании экономической помощи латиноамериканским республикам и принятии мер для разрешения их экономических проблем. Кубинская делегация выступила за включение в «договор об обороне Западного полушария» пункта, направленного

---

[1] *Уильям З. Фостер.* Очерк политической истории Америки, стр. 650.
[2] *Родней Арисменди.* Вторжение доллара в Латинскую Америку. М., 1948, стр. 24, 26.

против «экономической агрессии», продиктованного необходимостью защиты экономической независимости латиноамериканских государств от экспансии американских монополий. Обсуждение предложений экономического характера делегации США удалось отложить до межамериканской конференции 1948 г. в городе Боготе.

Неприемлемым для США было также предложение, внесенное делегациями Гватемалы, Уругвая и Венесуэлы, направленное против установления реакционных диктаторских режимов в Латинской Америке.

Член американской делегации сенатор Ванденберг заявил, что «спорные вопросы» могли бы помешать главной цели — заключению межамериканского договора о «взаимной помощи» и что их следовало бы рассмотреть на последующих межамериканских конференциях [1].

Сконцентрировав все усилия на одобрении конференцией пакта о «взаимной помощи» и оказав сильный нажим на своих южных соседей, Соединенные Штаты добились его заключения 2 сентября 1947 г. (договор вступил в силу 3 декабря 1948 г.). Подписание Рио-де-Жанейрского пакта означало создание военно-политического союза, отвечавшего далеко идущим целям империализма США. Это было первое звено в системе агрессивных военно-политических блоков, созданных империалистическими силами после завершения второй мировой войны и, по признанию официальных представителей США, прообраз Североатлантического пакта [2].

«Межамериканский договор о взаимной помощи», состоящий из преамбулы и 26 статей, подтвердил зафиксированное в Чапультепекском акте положение о том, что «вооруженное нападение со стороны любого государства на одно из американских государств будет рассматриваться как нападение на все американские государства...» [3] (ст. 3). Все страны-участницы должны в случае такого нападения на американское государство оказать последнему помощь в отражении нападения в границах установленной ими «зоны безопасности». «Зона безопасности», определяющая границы действия договора, превышает 900 миль и включает не только американские страны, но и обширную территорию по обе стороны американского континента, охватывающую Гренландию, Аляску, британские, нидерландские и французские колониальные владения, часть Арктики и Антарктики (ст. 4).

---

[1] *Jerom Slater.* The OAS and United States Foreign Policy, p. 36.

[2] «U. S. Department of State Bulletin», November 23, 1953.

[3] *James W. Gantenbein.* The Evolution of our Latin-American Policy, A Documentary Record. Columbia University Press, New York, 1950, pp. 823—824.

Агрессивный характер Рио-де-Жанейрского пакта определялся и тем, что он предусматривал возможность прямого вмешательства США во внутренние дела латиноамериканских республик для борьбы с освободительным и революционным движением. «Если неприкосновенность или целостность территории, или суверенитет, или политическая независимость любого американского государства,— говорится в статье 6 договора,— будут нарушены агрессией, не представляющей собой вооруженного нападения, или внеконтинентальным или внутриконтинентальным конфликтом, или любым другим фактом или ситуацией, которые могут угрожать миру Америки, консультативный орган должен немедленно собраться с целью согласования мер, которые должны быть приняты в случае агрессии, чтобы оказать помощь жертве агрессии, или, во всяком случае, мер, которые должны быть приняты для общей обороны и для сохранения мира и безопасности континента» [1].

Ссылки этой статьи на такие неопределенные категории, как «ситуации», «угрожающие миру Америки», и т. п., позволяли политикам США интерпретировать как агрессию любые антиимпериалистические выступления в Латинской Америке и требовать применения предусмотренных договором санкций. Эти санкции, которые консультативный орган правомочен принять, включают: «отзыв глав дипломатических миссий; разрыв дипломатических отношений; разрыв консульских отношений; полное или частичное прекращение экономических отношений или железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных и телефонных или радиотелеграфных связей; применение вооруженной силы» (ст. 8).

Аргентина, возглавлявшая на конференции оппозицию использованию Рио-де-Жанейрского пакта в качестве орудия вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, внесла предложение, поддержанное Венесуэлой и Перу, о необходимости решения внутриконтинентальных конфликтов «исключительно мирными средствами» [2].

США, учитывая широкий резонанс, который вызвало аргентинское предложение среди латиноамериканских стран, были вынуждены согласиться на включение в статью 7 договора положения о том, что в случае конфликта между американскими государствами другие участники пакта «будут стремиться разрешить конфликт мирными средствами», но тут же свели на нет это положение, оговорив, что мирное посредничество не должно наносить ущерба «праву на самооборону» и что, если мирное по-

---

[1] *James W. Gantenbein.* The Evolution of our Latin-American Policy..., p. 825.

[2] *Jerom Slater.* The OAS and United States Foreign Policy, p. 33—34.

средничество потерпит неудачу, должны быть применены санкции [1].

Дипломатии США удалось отклонить другое предложение Аргентины, настаивавшей на применении принципа единогласия при принятии решений, связанных с выполнением Рио-де-Жанейрского пакта. Это предложение было направлено на то, чтобы сохранить свободу принятия решений при возникновении конфликтов и воспрепятствовать вмешательству США во внутренние дела своих южных соседей [2].

Стремясь обойти Совет Безопасности ООН, США на конференции в Рио-де-Жанейро отвергли попытки Мексики, Аргентины и ряда других латиноамериканских стран добиться включения положения о необходимости разрешения Совета Безопасности ООН на принятие санкций и мер, предусмотренных договором.

Тем не менее Мексике, Аргентине и ряду других стран, несмотря на нажим делегации США, удалось отклонить ее требование об автоматическом применении вооруженной силы в случае вооруженного нападения вне «зоны безопасности» (нападение на американские войска в других частях света, на самолет или пароход американского государства, находящийся вне «зоны безопасности» и т. д.), что давало бы возможность США любой конфликт, спровоцированный американской военщиной, считать «агрессией» против всех латиноамериканских государств [3]. Страны Латинской Америки добились включения в пакт важной для них статьи (ст. 20), предусматривающей, что никакое американское государство без его согласия не будет принуждаться к применению своих вооруженных сил на основании статьи 8 договора [4].

Договор о «взаимной помощи» противопоставлял межамериканскую систему Организации Объединенных Наций и находился в прямом противоречии с ее Уставом.

Принятие Рио-де-Жанейрского пакта явилось важным этапом в осуществлении планов государственного департамента и военного ведомства США, связанных с созданием в рамках межамериканской системы военно-политического блока и механизма «коллективного вмешательства» во внутренние дела латиноамериканских стран. Вступление в силу межамерикан-

[1] *James W. Gantenbein.* The Evolution of our Latin-American Policy, p. 825.

[2] Согласно договору, решения консультативного органа принимаются большинством в $^2/_3$ голосов и становятся обязательными для всех стран — участниц договора (ст. 17).

[3] В случае такого нападения вне «зоны безопасности» предусматриваются лишь консультации стран — участниц пакта.

[4] *James W. Gantenbein.* The Evolution of our Latin-American Policy, p. 827.

ского пакта, как указывалось в заявлении МИД СССР от 29 января 1949 г., обеспечивало «нужное правящим кругам США влияние в отношении подавляющего большинства этих государств» [1].

«Межамериканский договор о взаимной помощи» настолько отвечал интересам «глобальной стратегии» и политики «с позиции силы» империализма США, что государственный секретарь США Дин Ачесон назвал выполнение связанных с ним обязательств «одним из важнейших направлений внешней политики нашей страны» [2].

4. IX межамериканская конференция в Боготе и принятие Устава ОАГ (1948 г.)

Стремясь добиться окончательного превращения Панамериканского союза в военно-политическую организацию и осуществления внешней политики стран Латинской Америки в соответствии с курсом Вашингтона, дипломатия США приложила большие усилия по подготовке к созыву очередной, IX межамериканской конференции. Конференция проходила в городе Боготе с 30 марта по 2 мая 1948 г. Центральным пунктом повестки дня была реорганизация Панамериканского союза, переименованного в Организацию американских государств (ОАГ), и принятие Устава ОАГ — основного пакта межамериканской системы, рекомендованного Чапультепекским актом 1945 г. В повестку дня конференции входили также вопросы о межамериканском экономическом сотрудничестве; о деятельности межамериканских специализированных организаций; юридические, политические, социальные и культурные вопросы.

В состав делегации США, самой многочисленной, входили государственный секретарь США Маршалл (глава делегации), министр финансов Снайдер, министр торговли Гарриман, председатель правления Экспортно-импортного банка США Мак-Мартин и др. Делегации латиноамериканских стран возглавлялись министрами иностранных дел.

На межамериканской конференции в Боготе произошло столкновение различных внешнеполитических тенденций.

Соединенные Штаты добивались при реорганизации Панамериканского союза максимального усиления военно-политической направленности в деятельности ОАГ, создания так называемой юридической основы для борьбы с левыми силами, преследования прогрессивных демократических организаций в латиноамериканских странах, превращения ОАГ в орудие вме-

[1] «Правда», 29 января 1949 г.

[2] «Address by Dean Acheson, Secretary of State, before Pan American Society of the United States, New York, 19. IX. 1949», «U. S. Department of State Bulletin», 26. IX. 1949.

шательства во внутренние дела этих стран под флагом «антикоммунизма», осуществления империалистической политики США на латиноамериканском континенте.

Государства Латинской Америки, в которых национально-прогрессивные, патриотические круги занимали достаточно сильные позиции, требовали, чтобы ОАГ была органом, предназначенным прежде всего для решения задач социально-экономического развития стран-участниц, были против преобладания военно-политического аспекта в деятельности этой организации, добивались закрепления в Уставе ОАГ принципов невмешательства во внутренние дела и уважение государственного суверенитета стран — членов ОАГ.

Уже на первом заседании конференции 30 марта 1948 г. государственный секретарь США Маршалл предложил обсудить вопрос о «подрывной деятельности», якобы направленной из-за рубежа, против «институтов мира и безопасности американских республик». Предложение о принятии на конференции антикоммунистической декларации было поддержано рядом стран, в которых существовали реакционные режимы (Бразилия, Чили, Доминиканская Республика, Никарагуа, Парагвай).

Против принятия антикоммунистической декларации выступили Мексика, Гватемала, Венесуэла, Эквадор и некоторые другие страны. Делегация Гватемалы, в свою очередь, выступила на конференции с осуждением диктаторских антидемократических режимов в Латинской Америке и внесла предложение зафиксировать в Уставе ОАГ положение о том, что американские государства не будут признавать «антидемократические режимы», нарушающие «права человека» и представляющие угрозу «единству, солидарности и миру» на континенте [1]. США отвергли это предложение.

На конференции в Боготе под нажимом делегации США была принята фальшивая декларация «О защите демократии», проникнутая духом «холодной войны» и имевшая целью развязать на континенте антикоммунистическую истерию, оправдать вмешательство США во внутренние дела своих южных соседей под предлогом «борьбы с коммунизмом».

Участники конференции одобрили 30 апреля 1948 г. Устав ОАГ, положения которого отразили противоречивые точки зрения Соединенных Штатов, с одной стороны, и большинства латиноамериканских стран — с другой. (Устав ОАГ вступил в силу 13 декабря 1951 г.)

Вашингтонской дипломатии удалось включить в Устав ОАГ основные положения Рио-де-Жанейрского пакта (статьи 24—25); декларировать создание в рамках ОАГ Консультативного

[1] *Jerom Slater.* The OAS and United States Foreign Policy, p. 242.

комитета обороны в качестве военного органа, призванного осуществлять «договор о взаимной обороне Западного полушария» (статьи 44—47); создать систему межамериканских органов, наделенных надгосударственными исполнительными функциями (межамериканские конференции, Совет ОАГ и др.) для вмешательства во внутренние дела стран-участниц, связать латиноамериканские страны обязательным характером принимаемых по линии ОАГ решений внешнеполитического плана, что должно было обеспечить установление контроля США над внешнеполитическим курсом латиноамериканских республик — членов ОАГ. Этому способствовало и то обстоятельство, что любой конфликт между США и какой-либо латиноамериканской республикой должен был решаться в ОАГ, контролируемой Соединенными Штатами.

Вместе с тем страны Латинской Америки добились включения в Устав ОАГ положений, защищающих принципы невмешательства в их внутренние дела, содержащих запрещение «применять или стимулировать принудительные меры экономического и политического характера в целях повлиять на суверенную волю другого государства и извлечь из этого какие-либо выгоды», объявляющих территорию государств «неприкосновенной, не могущей быть объектом военной оккупации» (статьи 15—17) [1].

Однако закрепление принципа невмешательства в статьях 15—17 Устава ОАГ 1948 г., содержавших прогрессивные и демократические нормы, подрывалось статьей 19 Устава, навязанной США. В ней говорилось, что «меры, принимаемые для поддержания мира и безопасности в соответствии с действующими договорами, не являются нарушением принципов, указанных в статьях 15 и 17» [2]. Известно, что основным таким «действующим договором» является агрессивный договор 1947 г., направленный на вмешательство во внутренние дела латиноамериканских республик и воспрепятствование прогрессивным социально-экономическим и политическим переменам на континенте.

Делегациям латиноамериканских стран удалось включить в принятый конференцией в Боготе 30 апреля 1948 г. Американский договор о мирном разрешении споров («Боготский пакт») статьи, предусматривающие отказ от агрессии, мирное урегулирование спорных вопросов, определяющие процедуру мирного разрешения таких вопросов путем оказания добрых услуг и посредничества, судебных и арбитражных решений. Соединенные Штаты с самого начала добивались пересмотра «Боготского пакта» и вместе с некоторыми странами Латинской Америки не ратифицировали его. Пакт так и не вступил в силу.

[1] *James W. Gantenbein.* Opp. cit., p. 855—871.
[2] Ibid.

Значительные разногласия на межамериканской конференции в Боготе возникли между США и многими латиноамериканскими государствами в связи с обсуждением вопроса о принятии Боготского экономического соглашения, направленного на стимулирование проникновения американского частного капитала в экономику стран Латинской Америки [1]. Соглашение предусматривало принцип «равных возможностей» в экономических взаимоотношениях стран-участниц, отвечавший интересам США; «поощрение» и «справедливое обращение» с иностранным частным капиталом; оплату любой экспроприации «по справедливой цене» и «в надлежащей и эффективной форме» (соответственно статьи 3, 22, 25).

Осудив американский проект экономического соглашения, министр иностранных дел Аргентины Брамуглиа заявил на конференции: «Страны Латинской Америки не должны возвращаться к колониальной системе, в условиях которой в них видят только поставщиков сырья» [2].

Отрицательное отношение подавляющего большинства латиноамериканских стран к этому экономическому соглашению выразилось в том, что оно было подписано ими на конференции со многими оговорками и ратифицировано (в период 1948—1951 гг.) лишь Коста-Рикой, Гондурасом и Панамой. Из-за оппозиции латиноамериканских республик соглашение не вступило в силу [3].

5. Консультативное совещание министров иностранных дел американских государств в Вашингтоне (1951 г.). Военные соглашения США с латиноамериканскими странами

Создав военно-политический блок в Западном полушарии, монополистические силы США перешли в дальнейшее наступление против национально-прогрессивных сил на латиноамериканском континенте.

Государственные военные перевороты, инспирированные разведкой США, произошли в Чили и Никарагуа (1947 г.), Перу и Венесуэле (1948 г.), Колумбии (1949 г.). Компартии были объявлены вне закона в семи странах региона, во многих странах была запрещена деятельность прогрессивных профсоюзов. В 1951 г. диктаторские военные режимы существовали

---

[1] *Donald M. Dozer.* Are We good Neighbours, p. 244.

[2] «Fundamentos», La Habana, N 78, 1948. p. 310.

[3] «Tratados u Convenciones Interamericanos», Union Panamericana, Washington, 1954, p. 45.

в большинстве латиноамериканских государств. Под нажимом США разорвали дипломатические отношения с СССР Бразилия и Чили (1947 г.), Колумбия (1948 г.), Венесуэла и режим Батисты на Кубе (1952 г.).

Для экономического и политического проникновения в страны Латинской Америки Соединенные Штаты использовали так называемую «техническую помощь» в соответствии с «четвертым пунктом» программы президента США Г. Трумэна, провозглашенной им 20 января 1949 г. в конгрессе США. Эта программа была направлена на стимулирование притока частного капитала США в экономику латиноамериканских государств. После провозглашения программы «технической помощи» правительство США стало заключать с правительствами латиноамериканских стран двусторонние соглашения, предусматривавшие создание «смешанных» комиссий по осуществлению этой программы, которые грубо вмешивались во внутренние дела этих стран, добиваясь создания более благоприятных условий для экономической и политической экспансии США. «Четвертый пункт» программы Трумэна, по признанию официальных кругов США, явился «мощным оружием американской дипломатии» [1].

Однако дипломатии Вашингтона не удалось преодолеть сопротивление ряда латиноамериканских стран, в первую очередь Аргентины, Мексики и Гватемалы, выступавших с позиций защиты национального суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела.

США добивались поддержки агрессии против КНДР странами Латинской Америки и их непосредственного участия в агрессивных действиях в Корее. Представители режима Батисты и Эквадор голосовали в Совете Безопасности за резолюцию, незаконно санкционировавшую в 1950 г. интервенцию империалистических сил в Корее. Государственный секретарь США Д. Ачесон сделал 16 декабря 1950 г. заявление о том, что США в связи с «чрезвычайным положением» желают проконсультироваться с другими членами «межамериканского содружества» по вопросу «координации совместных усилий, которые вызываются создавшейся обстановкой» [2].

20 декабря 1950 г. Совет ОАГ по предложению представителя США принял решение о созыве консультативного совещания министров иностранных дел американских государств. Д. Ачесон 23 января 1951 г. направил министрам иностранных дел стран — членов ОАГ приглашение участвовать в совещании, в котором его созыв обосновывался необходимостью обсуждения «взаимных проблем», возникших перед странами полушария

[1] «The Department of State Bulletin», 25. XII. 1950.
[2] «New York Times», 17. XII. 1950.

в чрезвычайной обстановке, якобы созданной «международным коммунизмом» [1]. На обсуждение совещания выносились вопросы о «политическом и военном сотрудничестве в целях обороны Америки и предупреждения и отражения агрессии», об «укреплении внутренней безопасности американских республик» и об «экономическом сотрудничестве в условиях чрезвычайного положения».

Соединенные Штаты, стремясь обеспечить «единодушие» на совещании, направили своих эмиссаров к югу от Рио Гранде. В начале февраля 1951 г. в латиноамериканские страны вылетел Г. Бенетт — администратор по осуществлению «четвертого пункта» программы Трумэна, посетивший Эквадор, Боливию, Чили, Аргентину, Парагвай, Бразилию, Венесуэлу, а также ряд центральноамериканских республик. В конце февраля — начале марта 1951 г. в Бразилии, Уругвае, Аргентине и Чили побывал помощник государственного секретаря США по межамериканским делам Миллер.

В начале консультативного совещания, открывшегося в г. Вашингтоне 26 марта 1951 г., американской дипломатии удалось навязать его участникам правило процедуры, согласно которому любые дополнения к повестке дня совещания могли быть приняты лишь при условии единогласия стран-участниц. Тем самым США получили возможность не допустить обсуждения на нем нежелательных для себя вопросов. Председатель совещания Д. Ачесон незамедлительно воспользовался этим правилом и ответил отказом на предложение представителя Гватемалы обсуждать «все проблемы, с которыми сталкиваются страны Западного полушария».

Консультативное совещание в Вашингтоне проходило при закрытых дверях и закончилось 7 апреля 1951 г. принятием «Заключительного акта», объединившего ряд резолюций об усилении борьбы с демократическими силами (резолюция «Усиление внутренней безопасности»), дальнейшей координации «военного сотрудничества» и «военного планирования совместной обороны» (резолюция «Межамериканское военное сотрудничество»), увеличении производства стратегических материалов «в целях обороны» и т. д.

Однако Соединенным Штатам не удалось навязать на совещании резолюцию «Подготовка обороны американских республик и поддержка действий, предпринятых Объединенными Нациями» в том виде, в каком она была внесена ими и поддержана Бразилией, Колумбией, Кубой, Парагваем и Уругваем. Вокруг этой резолюции развернулась основная борьба на сове-

[1] «Fourth Meeting of Consultation of Ministers of Foreign Affairs, Proceedings, Pan American Union». Washington, 1951, p. 5.

щании, поскольку ее одобрение означало бы, по существу, создание репрессивных межамериканских вооруженных сил и использование национальных воинских частей по усмотрению США вне Западного полушария, на корейском и других театрах военных действий. Аргентина, Мексика и Гватемала, выступившие против американского проекта этой резолюции, внесли ряд поправок, которые оставляли за каждой латиноамериканской стороной право самой определять нужды национальной обороны и свободу действий при решении вопроса о выделении войск для «обороны» Западного полушария и их использования ООН. Принятая совещанием указанная резолюция с учетом внесенных поправок гласит:

«1. Каждая из американских республик должна немедленно изучить свои ресурсы и определить, какие шаги она может предпринять, с тем чтобы внести свой вклад в дело обороны Западного полушария и усилий ООН по поддержанию коллективной безопасности для того, чтобы достигнуть цели и задачи, изложенные в резолюции «Объединение в целях поддержания мира», принятой Генеральной Ассамблеей ООН.

2. Каждая из американских республик *без нанесения ущерба национальной самообороне* [1] должна оказать особое внимание развитию и поддержанию воинских частей в системе своих национальных вооруженных сил, таким образом обученных, оснащенных и организованных, чтобы эти части *в соответствии с конституционными нормами и в такой степени, в какой, по мнению правительства, ей позволяют ее возможности,* могли бы непосредственно быть доступны: 1) для обороны Западного полушария и 2) для несения службы в качестве соединения или соединений Объединенных Наций в соответствии с резолюцией «Объединение в целях поддержания мира» [2].

При подписании «Заключительного акта» Аргентина специально оговорила, что посылка аргентинских войск за пределы страны будет зависеть от соответствующего решения Национального собрания и «волеизъявления аргентинского народа» [3].

Не поддержав США на совещании в Вашингтоне в их попытках сколотить экспедиционный корпус из воинских частей латиноамериканских стран для использования против корейского народа, страны Латинской Америки подтвердили эту свою позицию и в июле 1951 г.

Министерство иностранных дел Чили 13 сентября 1951 г. официально заявило, что Чили ни при каких обстоятельствах

---

[1] Подчеркнутые нами слова являются поправками Аргентины, Мексики и Гватемалы к проекту американской резолюции.

[2] «Fourth Meeting of Consultation of Ministers of Foreign Affairs...», p. 238.

[3] Ibid., pp. 265—266.

не пошлет войска за пределы своей территории. Об отказе предоставить войска в распоряжение ООН для использования вне национальных территорий заявили правительства Мексики и Венесуэлы. Президент Гватемалы Хакобо Арбенс 1 марта 1952 г. информировал генерального секретаря ООН о том, что «состояние экономики Гватемалы не позволяет ей выделить какие-либо войска в распоряжение ООН». Во время встречи с государственным секретарем США Д. Ачесоном (1952 г.) в Рио-де-Жанейро президент Бразилии Жетулио Варгас ответил отказом на требование направить бразильские войска в Корею [1]. Из латиноамериканских стран только одна Колумбия направила в Корею батальон солдат и фрегат. Другие страны ограничились посылкой в Корею продовольствия (Куба — 2 тыс. *т* сахара и 10 тыс. галлонов спирта; Эквадор — 500 *т* риса), медикаментов (Мексика и Венесуэла), одежды (Перу и Уругвай) или полностью отказались участвовать в корейской войне (Аргентина, Гватемала и др.)

Стремясь связать страны Латинской Америки более твердыми обязательствами в области «военного сотрудничества» (чем те, которые вытекали из решений IV консультативного совещания министров иностранных дел стран — членов ОАГ), правящие круги США стали на путь заключения с ними двусторонних соглашений «о взаимной военной помощи». Конгресс США в 1951 г., после начала войны в Корее, выделил 38 млн. долл. на оказание прямой военной «помощи» латиноамериканским республикам на основе закона 1951 г. о «взаимном обеспечении безопасности» [2].

Военная «помощь» латиноамериканским странам оказывалась лишь при условии подписания ими двусторонних соглашений с США, предусматривающих ряд обязательств, ведущих к подчинению этих стран военно-политическим целям Соединенных Штатов.

В 1952—1958 гг. США навязали тринадцати странам Латинской Америки двусторонние пакты «о взаимной военной помощи», предусматривающие предоставление им военной «помощи» в виде прямых бесплатных поставок вооружения и снаряжения, закупки оружия и снаряжения в США, учреждения военных, военно-морских и военно-воздушных миссий Соединенных Штатов для наблюдения за осуществлением соглашений и обучения вооруженных сил этих стран [3]. Военная

---

[1] *Donald M. Dozer.* Are We Good Neighbours..., p. 328—329.

[2] «United States — Latin American Relations...», p. 39.

[3] Такие военные соглашения, сохраняющие силу в настоящее время, были подписаны США в 1952 г. с Эквадором, Бразилией, Колумбией, Перу, Уругваем, Чили; в 1953 г.— с Доминиканской Республикой; в 1954 г.— с Никарагуа и Гондурасом; в 1955 г.— с Гватемалой и Гаити;

«помощь» Соединенных Штатов своим южным соседям была направлена на усиление их военно-политической зависимости от США, установление контроля над их вооруженными силами, осуществление репрессивных действий против освободительных движений на континенте.

Правительства латиноамериканских стран, согласно двусторонним военным пактам с США, имеющим почти аутентичное содержание, подтверждают «свои военные обязательства, принятые по многосторонним и двусторонним соглашениям и договорам, участником которых являются Соединенные Штаты». Они обязуются «принимать все возможные меры, необходимые для укрепления своей обороноспособности», «содействовать производству и передаче стратегического сырья, в котором будут нуждаться Соединенные Штаты», и сотрудничать с США в ограничении торговли с социалистическими странами [1]. Эти соглашения существенным образом ограничивали суверенитет латиноамериканских государств, вовлекали их в гонку вооружений.

В Латинской Америке развернулось движение протеста против двусторонних военных соглашений с США. В это движение активно включились комитеты сторонников мира, созданные во всех латиноамериканских странах после проведения в городе Мехико в 1949 г. континентального конгресса в защиту мира. Правительство Мексики под давлением демократических политических партий и широкой общественности отказалось взять на себя кабальные обязательства, вытекавшие из предложенного Соединенными Штатами проекта военного соглашения [2]. В феврале 1952 г. Мексика прервала переговоры с США о заключении такого пакта. Не помогло и направление в Мексику в мае 1953 г. начальника штаба армии генерала Лоутона Коллинза и командующего военно-воздушными силами США генерала Хойта Ванденберга, пытавшихся оказать нажим на мексиканские власти и навязать этой стране двустороннее военное соглашение [3]. Из-за широкого сопротивления в Бразилии и Уругвае двусторонние военные пакты были ратифицированы лишь год спустя после их подписания.

в 1958 г.— с Боливией. Правительство революционной Кубы в 1960 г. расторгло двустороннее военное соглашение с США, заключенное режимом Батисты в 1952 г.

[1] «U. S. Department of State Bulletin», 3. III. 1952.

[2] *Walter Daniels.* Latin America in the Cold War. New York, 1952, p. 56.

[3] «Latin America Today», vol. 3, N 10, New York, October 1953, p. 1.

6. Подъем движения за национальные интересы в Латинской Америке и интервенция в Гватемале (1954 г.)

Рост антивоенных настроений в Латинской Америке — составная часть демократических освободительных выступлений широких народных масс континента. Подъем антиимпериалистического движения в начале 50-х годов происходил во многих латиноамериканских республиках.

В Боливии в апреле 1952 г. произошло народное вооруженное восстание, покончившее с реакционной военной диктатурой, властью горнопромышленной и помещичьей олигархии. Под давлением вооруженных рабочих и крестьянства новое правительство Паса Эстенсоро, отражавшее интересы национальной буржуазии, национализировало в октябре 1952 г. оловянные рудники, принадлежавшие английским и американским монополиям «Патиньо», «Хохшильд» и «Армайо», объявило в 1953 г. о проведении аграрной реформы, провозгласило всеобщее избирательное право.

В Бразилии усилилась забастовочная борьба трудящихся, развивалось широкое народное движение в защиту нефти и других природных богатств от иностранных монополий. В октябре 1953 г. правительство Жетулио Варгаса в результате народных требований приняло декрет о создании государственной нефтяной компании «Петробраз», монополизировавшей добычу и переработку нефти в стране.

В Чили в 1951 г. был создан Фронт народа Чили, объединивший коммунистов и социалистов, к которому впоследствии присоединился ряд других партий демократического направления. В Колумбии борьба крестьян за землю приобрела форму вооруженного партизанского движения. В Гондурасе весной 1954 г. вспыхнула крупнейшая в истории Центральной Америки забастовка сельскохозяйственных рабочих на плантациях «Юнайтед фрут компани». В Аргентине, Мексике, Перу, Эквадоре и других странах региона развивалось забастовочное движение трудящихся, росли выступления крестьян за землю, усиливались требования проведения самостоятельной внешней политики.

В отношении Боливии, Аргентины, Бразилии, Мексики и других стран Латинской Америки США широко прибегали к методам экономического и политического нажима.

Бурные события происходили в Гватемале. В этой стране народное демократическое движение, развивавшееся с 1944 г., приняло в 1952—1954 гг. характер антифеодальной и антиимпериалистической революции [1]. Такой переход был обусловлен укреп-

[1] «El Camino guatemalteco del progreso, el bienestar y la independencia nacional», Programa del Partido guatemalteco de Trabajo, Guatemala, 1952, p. 7—8.

лением в Гватемале сил национального освобождения, ростом антиимпериалистической борьбы рабочего класса, крестьянства, средних слоев населения. Вслед за образованием в 1949 г. Коммунистической партии Гватемалы (с 1952 г.— Гватемальская партия труда) были созданы прогрессивные Национальная конфедерация крестьян Гватемалы (1950 г.) и Всеобщая конфедерация трудящихся (1951 г.), поддерживавшие демократическое патриотическое правительство президента Хакобо Арбенса, одержавшего победу на президентских выборах 1950 г.

Гватемальское правительство под давлением народа выступило за преобразование Гватемалы в экономически независимое государство, за проведение самостоятельного внешнеполитического курса. Оно осуществило ряд социально-экономических мероприятий, ограничивших господство помещиков и монополий США. Правительство Х. Арбенса не допустило американские компании к разработке гватемальской нефти, отказалось расширить концессии «Юнайтед фрут компани», стремилось ограничить деятельность морганов ской компании «Эмпреса электрика де Гватемала». Гватемала не ратифицировала Рио-де-Жанейрский пакт 1947 г. В стране было принято прогрессивное трудовое законодательство. В 1952—1954 гг. проводилась аграрная реформа, имевшая целью «ликвидировать феодальную собственность в деревне» и «подготовить почву для индустриализации Гватемалы» [1]; она осуществлялась при участии самих крестьян, объединенных в местные аграрные комитеты. 100 тыс. крестьянских семей в Гватемале получили землю (4000 тыс. *га*, включая 159 тыс. *га* необрабатываемых земель, принадлежавших «Юнайтед фрут компании»). Дальнейший ход социально-экономических преобразований был прерван империалистической агрессией против этой страны.

Открыто вмешиваясь во внутренние дела Гватемалы, государственный департамент США в августе 1953 г. вручил послу Гватемалы в Вашингтоне памятную записку, в которой заявлялся протест против экспроприации гватемальским правительством согласно закону об аграрной реформе части земель «Юнайтед фрут компани». Тем самым дипломатия США стремилась придать международный характер вопросу, входившему во внутреннюю компетенцию гватемальских властей.

Несмотря на то что преобразования в Гватемале не выходили за рамки буржуазно-демократических реформ, ее правительство было охарактеризовано официальными кругами США как находящееся «под коммунистическим влиянием», а сама страна объявлена «форпостом международного коммунизма». В октябре

---

[1] «Ley de Reforma Agraria», Decreto numero 900. Guatemala, 1952.

1953 г. помощник государственного секретаря США по межамериканским делам Джон М. Кэбот сделал враждебное и клеветническое в отношении Гватемалы заявление о том, что «ни один режим, открыто играющий на руку коммунистам, не может рассчитывать на наше позитивное сотрудничество» [1].

Опасаясь, что «опасному примеру» Гватемалы, ставшей на путь национального освобождения, последуют другие латиноамериканские государства, империалистические силы США приступили к подготовке вооруженной интервенции против Гватемалы с целью свержения ее законно избранного правительства и ликвидации демократических завоеваний народных масс. Удар по гватемальским патриотическим силам имел своей целью укрепление позиций США и в других странах континента. Профессор истории Пенсильванского университета Артур Уайтейкер писал в октябре 1953 г. о «сильном ухудшении» отношений между США и странами Латинской Америки, о распространении в этих странах «опасного национализма» и отмечал, что Соединенные Штаты «подошли к сильнейшему кризису в межамериканских отношениях, который может обрушиться на нас в ближайшие годы, в любой момент, если мы быстро не примем надежных мер» [2].

29 января 1954 г. правительство Х. Арбенса опубликовало документы о подготовке интервенции против Гватемалы, вскрывшие участие влиятельных сил США и гватемальской реакционной эмиграции в организации вооруженного нападения на Гватемалу. Эти документы, а также предпосланное им заявление правительства Гватемалы обвиняли «правительство Севера» (т. е. Соединенных Штатов) в руководстве подготовкой на территории Никарагуа и Гондураса интервенционистских сил, возглавлявшихся гватемальским эмигрантом полковником К. Кастильо Армасом [3].

Дипломатия США использовала против Гватемалы Организацию центральноамериканских государств (ОЦАГ), созданную в октябре 1951 г. на конференции министров иностранных дел этих государств в городе Сан-Сальвадоре. В связи с этим Гватемала в апреле 1953 г. вышла из ОЦАГ. При активном участии американской дипломатии в июне 1953 г. в городе Манагуа (Никарагуа) состоялось совещание стран — членов ОЦАГ, на котором была принята антигватемальская резолюция, обязывав-

---

[1] *Dwight D. Eisenhower.* The White House Years. Mandate for Change, 1953—1956. Heinemann. London, 1963, p. 422.

[2] «Current History», October 1953, p. 32.

[3] «La Democracia Amenazada. El Caso de Guatemala», publicaciones de la secretaria de propaganda y divulgacion de la presidencia de la República Guatemala. Febrero de 1954.

шая членов этой организации «принять меры по борьбе с международным коммунизмом» [1]. Диктаторские военные режимы Центральной Америки, зависимые от США, активно включились в подготовку интервенции в Гватемале.

В целях прикрытия готовившейся вооруженной агрессии против Гватемалы дипломатия США воспользовалась X межамериканской конференцией, проходившей в г. Каракасе с 1 по 28 марта 1954 г., чтобы провести резолюцию по вопросу о так называемом «вмешательстве международного коммунизма в дела американских республик», направленную против антиимпериалистического движения на континенте. Этот вопрос по требованию представителей США был включен Советом ОАГ в ноябре 1953 г. в повестку дня указанной конференции. «Стратегия США в Каракасе, — писала американская газета «Сент-Луис пост диспетч»,— состояла в том, чтобы как можно больше изолировать Гватемалу от остальных латиноамериканских стран и создать условия, при которых позднее могли бы быть предприняты более решительные действия» [2]. Представители США стремились на конференции осудить политику правительства Гватемалы как «прокоммунистическую» и санкционировать от имени ОАГ вмешательство во внутренние дела этой страны.

Гватемала, Мексика, Боливия, Бразилия и другие страны выступили в Каракасе с требованиями первоочередного решения их экономических проблем, предложив ряд резолюций, осуждавших политику США в этой области. Представитель Аргентины Родольфо Муньос внес резолюцию, призывавшую положить конец колониализму в Западном полушарии, которая, несмотря на сопротивление США, была единогласно принята латиноамериканскими республиками. Одобрение этой резолюции, по словам «Нью-Йорк таймс», поставило «в неблагоприятное положение» Соединенные Штаты, которые «в одиночестве» выступили против нее [3].

Однако государственному секретарю США Д. Ф. Даллесу, прибывшему на конференцию, удалось добиться принятия в Каракасе интервенционистской антикоммунистической резолюции № 93 под названием «Декларация солидарности в целях сохранения политической целостности американских государств против вмешательства международного коммунизма». Эта резолюция была внесена Даллесом 6 марта и одобрена 26 марта 1954 г. Она, как свидетельствовал американский дипломат Джон Дрэйер, была принята «под сильным нажимом со стороны Соединенных Штатов, несмотря на нежелание многих латиноамерикан-

---

[1] «El Imparcial». Guatemala, 17. VIII. 1955.
[2] «St. Louis Post Dispatch», 14. III. 1954.
[3] «New York Times», 17. III. 1954.

ских правительств и открытую оппозицию ряда других» [1]. «Латиноамериканские страны, — отмечал далее Дрэйер, — в общем были обеспокоены потенциальной опасностью резолюции, как основания для вмешательства Соединенных Штатов» [2]. В этих условиях вашингтонская дипломатия прибегла к грубому экономическому давлению на своих южных соседей, добиваясь поддержки ими декларации. Так, США пригрозили Эквадору, что откажутся от предоставления обещанного ранее кредита в 12 млн. долл., если Эквадор будет голосовать против американского проекта резолюции [3]. Вашингтон в срочном порядке объявил об оказании помощи Боливии в виде поставок пшеницы на сумму 3 млн. долл., после чего боливийский делегат на конференции заявил о намерении голосовать за эту резолюцию [4].

Резолюция № 93, навязанная США своим южным соседям, пыталась оправдать вмешательство во внутренние дела стран Латинской Америки идеологическими мотивами, открыто нарушала основополагающие принципы современного международного права и преследовала цель воспрепятствовать прогрессивным социально-экономическим и политическим изменениям, происходящим в Латинской Америке.

Эта резолюция, официально охарактеризованная как «внешнеполитическая декларация», объявляла «угрозой суверенитету и политической независимости американских государств» так называемое «господство в политических институтах любого американского государства или контроль над ними со стороны международного коммунистического движения», к которому ее авторы причисляли все прогрессивные силы, и призывала в этих случаях к «созыву консультативного совещания для рассмотрения вопроса о принятии мер в соответствии с существующими договорами» [5]. Под «существующими договорами» дипломатия США подразумевала прежде всего применение Рио-де-Жанейрского пакта 1947 г. к Гватемале или любой другой латиноамериканской стране, ставшей на путь национального освобождения, санкций, вытекающих из этого пакта, вплоть до вооруженной интервенции.

Против принятия резолюции в Каракасе голосовала гватемальская делегация. Министр иностранных дел Гватемалы Гильермо Ториэльо разоблачил на конференции агрессивные действия США в отношении его страны и охарактеризовал аме-

---

[1] *John G. Dreier.* The Organization of American States and the Hemisphere Grisis. New York, 1962, p. 52.

[2] Ibid., p. 53.

[3] «Tribuna Popular». Guatemala, 25. IV. 1954.

[4] «New York Times», 17. III. 1954.

[5] «Tenth Interamerican Conference. Final Act», Pan American Union. Washington, 1954, p. 94—95.

риканскую резолюцию как орудие вмешательства во внутренние дела Гватемалы и других латиноамериканских государств [1]. Воздержались от голосования делегации Мексики и Аргентины, выступившие в защиту принципа невмешательства во внутренние дела государств. «Мексика не может отдать свой голос в поддержку предложения Соединенных Штатов,— заявил на конференции мексиканский делегат Роберто Кордоба,— ибо в том виде, в каком оно отредактировано, это предложение может привести к тому, что любая из наших стран станет объектом интервенции, которой американские государства не должны подвергаться ни отдельно, ни вместе взятые» [2].

Мексиканская делегация внесла поправку к американскому проекту резолюции, поддержанную Аргентиной и Уругваем, в которой предлагалось подтвердить принципы свободы политического самоопределения народов и невмешательства во внутренние дела американских государств. Однако представители США добились отклонения этой поправки. Но делегация США не смогла предотвратить внесения рядом латиноамериканских республик оговорок в отношении резолюции № 93 при подписании заключительного акта межамериканской конференции. Такие оговорки зафиксировали делегации Уругвая, Эквадора, Боливии и Гаити, заявившие о своей приверженности принципу невмешательства и «праве каждого народа самому избирать форму правления» и заранее осудившие возможность использования этой резолюции против Гватемалы [3].

Используя декларацию, принятую на X межамериканской конференции, в США резко активизировалась враждебная деятельность по отношению к Гватемале, подготовка вооруженной агрессии против этой страны.

Пытаясь предотвратить иностранное вооруженное вмешательство, президент Гватемалы Х. Арбенс в конце мая 1954 г. выступил с предложением провести встречу между ним и президентом США Д. Эйзенхауэром для «смягчения напряженного положения в Центральной Америке». Однако государственный секретарь США Даллес 8 июня 1954 г. на пресс-конференции отверг это предложение [4].

Президент США Эйзенхауэр 24 мая 1954 г. провел совещание с лидерами конгресса, на котором информировал их о запланированных правительством шагах в отношении Гватемалы:

---

[1] *Гильермо Ториэльо.* Битва за Гватемалу. М., 1956, стр. 228—250.

[2] Там же, стр. 99.

[3] *E. Ramirez Novoa.* La Falsa del Panamericanismo y la Unidad Indoamericana, Buenos Aires, 1955, p. 178, 199—200.

[4] «Tribuna Popular», I. VI. 1954; «Department of State for the press», N 310, BVI 1954.

блокаде военно-морским флотом США побережья Гватемалы, чтобы не допустить ввоза гватемальским правительством вооружения из других стран, и о необходимости созыва консультативного совещания министров иностранных дел американских республик для рассмотрения «последующих мер» [1]. Предложение о созыве такого совещания рассматривалось Советом ОАГ, и его открытие было намечено на 7 июля 1954 г. в городе Рио-де-Жанейро [2].

Блокировав гватемальское побережье, США одновременно подписали двусторонние военные соглашения с Гондурасом и Никарагуа и по воздушному мосту направили в эти страны большое количество оружия и снаряжения, предназначенного для интервентов. Первоначальная партия такого оружия, по признанию Эйзенхауэра, состояла из 50 *т* винтовок, пистолетов, пулеметов и боеприпасов [3].

Никарагуа в мае 1954 г. разорвала дипломатические отношения с Гватемалой; правительство Гондураса закрыло гватемальские консульства в Копане, Пуэрто-Кортесе и Сан-Педро-Суле, чтобы скрыть подготовку американских наемников во главе с Кастильо Армасом к вторжению в Гватемалу. Обучением этих наемников на тренировочных базах руководил американский полковник Карл Стадер.

Как свидетельствовали в 1964 г. американские журналисты Дэвид Уайз и Томас Росс в книге «Невидимое правительство», «гватемальская операция» возглавлялась заместителем директора Центрального разведывательного управления США Фрэнком Визнером, а ее главной военной силой была авиация ЦРУ.

15 июня 1954 г. Даллес публично заявил, что он «верит в желание и способность гватемальского народа навести порядок в собственном доме» [4]. 18 июня 1954 г. интервенты из Гондураса через территории, принадлежавшие «Юнайтед фрут компани», вторглись в Гватемалу. Самолеты американского производства, прилетавшие из Никарагуа и зоны Панамского канала и управляемые американскими летчиками, бомбили гватемальские города.

Непосредственная помощь США силам вторжения продолжалась и в ходе вооруженной интервенции в Гватемале. Как поведал в своих мемуарах Д. Эйзенхауэр, в Белом доме 22 июня

---

[1] *Dwight D. Eisenhower.* The White House Years. Mandate for Change..., p. 424.

[2] *John G. Dreier.* The Organization of American States and the Hemisphere Crisis..., p. 54.

[3] *Dwight D. Eisenhower.* The White House Years. Mandate for Change..., p. 424.

[4] «New York Times», 16. VI. 1954.

1954 г. состоялось совещание президента США с государственным секретарем США Д. Ф. Даллесом, директором ЦРУ Алленом Даллесом и помощником государственного секретаря США по межамериканским делам Генри Холлэндом. На этом совещании обсуждался вопрос о предоставлении Армасу дополнительных бомбардировщиков «Р-51». Аллен Даллес заявил, что без этого шансы отрядов Кастильо Армаса на успех «равны нулю». Д. Эйзенхауэр поддержал шефа ЦРУ. «Поставка самолетов,— говорилось в этих мемуарах,— была немедленно осуществлена, и Кастильо Армас достиг прогресса в своих действиях» [1].

В связи с начавшейся агрессией министр иностранных дел Гватемалы Г. Ториэльо обратился 18 июня 1954 г. в Совет Безопасности ООН с просьбой принять меры для прекращения интервенции, обвинив правительства США, Гондураса и Никарагуа в грубом вмешательстве во внутренние дела Гватемалы. Однако представитель США Г. Лодж, занимавший пост председателя Совета Безопасности, на заседании Совета 20 июня 1954 г. выдвинул тезис об «отсутствии внешней агрессии», выдавая интервенцию США за выступление «гватемальцев против гватемальского правительства», и всячески стремился не допустить обсуждения вопроса о подлинных организаторах этой интервенции. Соединенные Штаты инспирировали в Совете Безопасности предложение представителей Бразилии и Колумбии, непостоянных членов Совета, о передаче обращения Гватемалы на рассмотрение Организации американских государств, чтобы сорвать принятие в ООН мер в защиту Гватемалы.

Представитель СССР в Совете Безопасности С. К. Царапкин в своем выступлении подчеркнул, что в данном случае имеет место акт прямой иностранной агрессии против государства — члена ООН. Он показал, что дело идет об агрессии против Гватемалы, и отклонил предложение Бразилии и Колумбии, заявив, что государственный департамент США планирует использовать ОАГ, чтобы «свести свои счеты с Гватемалой» [2]. В защиту Гватемалы активно выступил также представитель Польши.

Совет Безопасности ООН единогласно одобрил резолюцию, в которой призвал «немедленно прекратить все действия, могущие привести к кровопролитию», и предлагал «всем членам Объединенных Наций воздержаться, в соответствии с духом Устава, от содействия подобным действиям» [3].

---

[1] *Dwight D. Eisenhower.* The White House Years. Mandate for Change..., p. 425—426.

[2] «Совет Безопасности ООН. Официальные отчеты, 675-е заседание, 20. VI. 1954 г.», Нью-Йорк, 1954, стр. 12.

[3] ООН. ГА. Девятая сессия. Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи за период с 16 июля 1953 г. по 15 июля 1954 г., стр. 58.

Поскольку вооруженная интервенция против Гватемалы продолжалась, правительство Гватемалы 22 июня 1954 г. вновь обратилось в Совет Безопасности ООН, потребовав созыва чрезвычайного заседания Совета для принятия немедленных мер к прекращению агрессии и выполнения резолюции Совета Безопасности от 20 июня 1954 г.

Министр иностранных дел Гватемалы Г. Ториэльо в тот же день направил Советскому правительству телеграмму, в которой обратился с просьбой, чтобы «правительство СССР, которое всегда решительно выступало против агрессии и в защиту принципов Объединенных Наций, оказало в качестве члена Совета Безопасности ООН свои добрые услуги и воспользовалось правами, предоставленными ему статусом Совета Безопасности, для того чтобы этот высокий орган на новом заседании использовал свой авторитет с целью добиться эффективного выполнения решения Совета Безопасности от 20 июня и принятия соответствующих мер по наблюдению за выполнением этого решения». В ответе Советского правительства министру иностранных дел Гватемалы говорилось: «Правительство СССР, питающее чувства глубокой симпатии к народу Гватемалы, отстаивающему свободу и независимость своей родины, отнеслось с полным пониманием к просьбе, изложенной в Вашей телеграмме, и дало указание советскому представителю в ООН принять все зависящие от него меры в целях обеспечения выполнения решения Совета Безопасности от 20 июня».

По требованию представителя СССР Совет Безопасности 25 июня 1954 г. вторично собрался на заседание для рассмотрения обращения Гватемалы. Однако представитель США Г. Лодж, опираясь на голоса представителей Бразилии, Колумбии, Турции и гоминьдановца, воспрепятствовал обсуждению этого вопроса.

Открытое вмешательство США во внутренние дела Гватемалы выразилось также в подготовке государственного переворота в этой стране. Посол США в Гватемале Д. Перифуа способствовал организации заговора в рядах гватемальских вооруженных сил против правительства, при котором он был аккредитован.

Американский посол сыграл большую роль в координации планов развертывания антиправительственной подрывной деятельности внутри Гватемалы с планами проведения вооруженной интервенции извне. Перифуа предложил мятежным военным лидерам (министру без портфеля полковнику Э. Монсону, министру обороны Анхелю Санчесу и др.) отстранить президента Х. Арбенса от власти между 25 и 27 июня 1954 г. В результате выступления заговорщиков Х. Арбенс 27 июня 1954 г. был вынужден уйти в отставку, власть в стране захватила военная

хунта, вступившая в переговоры с главарем интервентов Армасом. Эти переговоры, проходившие при участии Перифуа, завершились созданием 1 июля 1954 г. объединенной военной хунты.

По сведениям зарубежной печати, администрация Д. Эйзенхауэра была готова начать высадку в Гватемале регулярных американских вооруженных сил в случае поражения отрядов интервентов и срыва антиправительственного заговора. «Американские морские пехотинцы,— как свидетельствовал американский историк Норман Бэйли,— были переброшены из Пуэрто-Рико в район Ямайки для оказания помощи силам вторжения. Им был отдан приказ осуществить высадку в Пуэрто-Барриос (гватемальский порт.— *Авт.*), если Кастильо Армас и Перифуа потерпят неудачу» [1].

В результате свержения правительства Х. Арбенса госдепартамент США счел излишним проведение консультативного совещания министров иностранных дел стран — членов ОАГ с целью применения репрессивных санкций по отношению к Гватемале. В Вашингтоне отдавали себе отчет в том, что созыв этого совещания в новых условиях мог быть использован рядом латиноамериканских стран для осуждения интервенции в Гватемале. Совет ОАГ на своем заседании 2 июля 1954 г. принял решение отложить созыв консультативного совещания «на неопределенное время», что означало фактический отказ от его проведения [2].

США пытались осуществлять свое вмешательство и в других латиноамериканских странах. Неоднократно предпринимались попытки свергнуть правительство Паса Эстенсоро в Боливии. 24 августа 1954 г. в Бразилии произошел военный переворот, в результате которого военная хунта отстранила от власти президента Ж. Варгаса, покончившего жизнь самоубийством. Однако широкое демократическое и антиимпериалистическое движение в защиту конституции и национальных богатств Бразилии помешало навязать этой стране военную диктатуру и добиться ликвидации государственной монополии на нефть. Объектом империалистического давления в этот период являлись также Аргентина и другие страны южноамериканского континента.

---

[1] *Norman A. Bailey.* Latin America in World Politics, New Jersey, 1967, p. 97.

[2] Ibid.

Падение правительства Х. Д. Перона в Аргентине. Южноатлантический пакт

Внешняя политика Аргентины в послевоенный период, на которую сильное влияние оказывали группировки, выступавшие в защиту интересов национальной буржуазии, вызывала открытое недовольство монополистических кругов США.

Правительство президента генерала Хуана Доминго Перона отражало интересы группировок национальной аргентинской буржуазии, заинтересованных в самостоятельном экономическом развитии страны и укреплении влияния Аргентины в Южной Америке.

Правительство Перона национализировало (за выкуп) у иностранного капитала железные дороги, воздушный транспорт, портовые сооружения, телефонную сеть. Оно приняло в 1949 г. новую конституцию, установившую монополию государства над минеральными ресурсами и источниками энергии, создало Институт содействия товарообмену, который контролировал весь экспорт и большую часть импорта страны. В Аргентине был ограничен вывоз прибылей иностранными компаниями, разрабатывались планы промышленного развития страны.

Аргентина в Организации американских государств оказывала сопротивление диктату США. Она не ратифицировала Устав ОАГ, отказалась поддержать декларацию, принятую на X межамериканской конференции. Правительство Перона выступило инициатором создания экономического и политического союза стран Южной Америки. 21 февраля 1953 г. между Аргентиной и Чили был заключен договор («пакт Сантьяго»), сформулировавший принципы аргентино-чилийского экономического сотрудничества. В 1953 г. к этому договору присоединились Парагвай и Эквадор, в 1954 г.— Боливия.

Режим Перона пошел на расширение торгово-экономических связей с СССР и другими социалистическими странами. В 1953 г. между СССР и Аргентиной было подписано торговоплатежное соглашение (первое в истории торговых связей СССР со странами Латинской Америки), а в мае — июле 1955 г. была проведена промышленная выставка Советского Союза, которую посетило 1200 тыс. человек.

Экспансионистские круги в США осуществляли постоянное экономическое и политическое давление на Аргентину, вели подрывную деятельность внутри страны, опираясь на оппозиционные Перону олигархические и военные круги.

Монополии Соединенных Штатов воспользовались значительными экономическими трудностями Аргентины, в создании которых сами участвовали, чтобы заставить правительство Пе-

рона пойти на уступки и сближение с США ради получения американской экономической «помощи».

В 1955 г. в нарушение конституции было заключено соглашение с американским нефтяным трестом «Стандард ойл оф Калифорния» о разведке этим трестом аргентинской нефти. Отступление президента Перона перед американским нажимом подорвало его позиции.

В период с 16 по 22 сентября 1955 г. в Аргентине произошел государственный переворот, отстранивший президента Перона от власти и поставивший Аргентину в положение «прямого и необходимого партнера Соединенных Штатов» [1].

Временное правительство генерала Арамбуру упразднило националистическую конституцию 1949 г., отменило ограничения на вывоз прибылей иностранным капиталом, отказалось от государственной монополии в области внешней торговли. Аргентина вступила в Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития. В конце 1955 г. Аргентину посетили помощник государственного секретаря США по межамериканским делам Г. Холлэнд и президент Экспортно-импортного банка США Во. Вслед за этим визитом последовало предоставление Аргентине Экспортно-импортным банком США займов на общую сумму 160 млн. долл.

Аргентина в начале 1956 г. ратифицировала Устав ОАГ и присоединилась к межамериканской декларации 1954 г. Правительство Арамбуру восстановило военно-воздушную миссию США, деятельность которой была запрещена Пероном.

Государственный департамент и военное ведомство США, делая ставку на Аргентину, в 1956—1957 гг. предприняли попытки заключения Южноатлантического пакта по типу НАТО в качестве регионального военно-политического блока под американским контролем. Они решили использовать заключение Южноатлантического блока как средство для дальнейшего военного проникновения США в Латинскую Америку, подавления национально-освободительного движения на континенте.

Формально предложение о подписании Южноатлантического пакта (САТО) исходило от Аргентины. Правительство Арамбуру 31 июля 1956 г. обратилось к правительствам Бразилии и Уругвая с инициативой созыва совещания военных представителей для подготовки «основ организации обороны» Южной Атлантики [2]. Однако фактическим инициатором этого дела явились США. «Хотя Соединенные Штаты не будут принимать активного участия в работе этого совещания,— сообщало агент-

---

[1] *Norman A. Bailey.* Latin America in World Politics. New York, 1967, p. 59.

[2] «ABC», Madrid, 1. VI. 1957.

ство Ассошиэйтед Пресс,— не вызывает сомнения, что оно одобрено североамериканцами» [1].

Как писала газета «Нью-Йорк таймс», Аргентина в ходе подготовки военного совещания предлагала в рамках САТО создать объединенное военное командование, осуществить стандартизацию вооружений, совместное патрулирование морского побережья, провести унификацию тактики по американскому образцу [2]. В переговорах по созыву совещания принял участие также Парагвай.

Во второй половине мая 1957 г. в соответствии с аргентинским предложением в городе Буэнос-Айресе состоялось секретное совещание представителей вооруженных сил Аргентины, Бразилии, Уругвая и Парагвая по вопросу о создании Южноатлантического пакта. Это совещание проходило при закрытых дверях. На нем в качестве наблюдателя присутствовал председатель Межамериканского совета обороны (МСО) американский генерал Шеперд. Выступая 15 мая 1955 г. на первом открытом заседании, Шеперд заявил о необходимости выработки «более детальных планов обороны континента» [3]. Совещание закончилось принятием 18 резолюций, содержание которых не было обнародовано. В заключительном коммюнике, принятом 30 мая 1957 г. участниками совещания, содержалось обращение к Межамериканскому совету обороны рекомендовать странам — членам МСО разработать планы, связанные с «межамериканским мореплаванием, которые способствовали бы лучшему выполнению общего военного плана обороны американского континента» [4].

Однако на совещании в Буэнос-Айресе не был подписан Южноатлантический пакт, заключение которого было его первоначальной целью. Этому воспрепятствовало сопротивление широких слоев населения латиноамериканских стран. Так, в Аргентине против заключения Южноатлантического пакта выступили не только коммунистическая партия, но и партия непримиримых радикалов, прогрессивно-демократическая партия, католическая организация «Федеральный союз» и др. В Уругвае с заявлениями протеста против проведения совещания в Буэнос-Айресе и планов создания САТО выступили коммунистическая партия, социалистическая партия, Всеобщий союз трудящихся, эрреристская партия и другие организации.

В то же время определенные круги в США стремились укрепить связи ОАГ и НАТО.

---

[1] «El Excelsior», Mexico, 15. V. 1957.
[2] «New York Times», 30. XII. 1956.
[3] «La Nacion», Buenos Aires, 16. V. 1957.
[4] «La Nacion», Buenos Aires, 31. V. 1957.

Предложение о «контактах» и «взаимосвязи» между этими организациями было официально сделано в начале 1958 г. генеральным секретарем НАТО Спааком.

Однако Совет Организации американских государств, рассмотревший в марте — апреле 1958 г. предложение Спаака, отклонил его, подчеркнув, что ОАГ и НАТО имеют «различную природу»: задачи, которые выполняет ОАГ (экономические и политические), не вяжутся с военным характером НАТО [1]. Такое решение ОАГ было принято латиноамериканскими странами вопреки давлению со стороны США.

Рост национально-освободительного движения в странах Латинской Америки вынудил правящие круги США в конце 50-х годов приступить к выработке более гибких методов осуществления своей политики. Столкнувшись с падением диктаторских режимов в Перу (1956 г.), Колумбии (1957 г.), Венесуэле (1958 г.), определенные круги в США стремились осуществить мероприятия, направленные на сохранение и укрепление в новых условиях позиций США в Латинской Америке и другими методами.

Одним из них явилось проведение Панамской конференции глав государств Латинской Америки и США, которая состоялась с 21 по 23 июля 1956 г. в городе Панаме. На конференции по предложению президента США было принято решение о создании межамериканской комиссии представителей президентов с целью разработки рекомендаций для превращения ОАГ в «более эффективный инструмент по осуществлению совместных усилий в экономической, финансовой, социальной и технической областях». Выработкой таких рекомендаций занималась указанная комиссия на своих трех заседаниях — в сентябре 1956 г., январе 1957 г. и в апреле — мае 1957 г. в Вашингтоне.

Однако, как показали итоги работы межамериканской комиссии представителей президентов, США удалось провести ряд выгодных им решений (рекомендации о стимулировании частных капиталовложений и др.), а предложения об укреплении ОАГ в «экономической, технической и социальной» областях остались благими пожеланиями.

Соединенные Штаты в целях демонстрации «нового подхода» к Латинской Америке присоединились, после периода первоначального сдержанного отношения, к «панамериканской операции», выдвинутой в 1958 г. президентом Бразилии Кубичеком, которая предусматривала разработку коллективных мер по восстановлению так называемой «межконтинентальной солидарности», в том числе по установлению «справедливой» основы эко-

[1] Consejo de la Organizacion de los Estadoa Americanos, «Acta de la Session ordinaria celebrada el 2 de abril de 1958», Washington, 1958, p. 54.

номических отношений между США и странами Латинской Америки.

В 1958 г. страны Латинской Америки посетил брат президента США Мильтон Эйзенхауэр, который представил свои рекомендации американскому президенту, состоявшие в предложениях не афишировать поддержку диктаторских режимов, укреплять «сотрудничество» по линии ОАГ, «стабилизировать» торговые отношения [1].

Поиски путей пересмотра латиноамериканской политики США особенно усилились после победы кубинской революции 1959 г.

8. Враждебный курс США в отношении Кубы

Развитие внешнеполитических событий в Латинской Америке проходило в обстановке усиливающегося экономического, политического, идеологического проникновения, а в ряде случаев и вооруженного вмешательства американской военщины. Тактическое обрамление политики США в этом районе менялось — то это был план Д. Кеннеди «Союз ради прогресса» с его либерализованными формами экспансии, то «доктрина Джонсона», вновь подтвердившая «право» Вашингтона на прямое военное вмешательство в дела латиноамериканских республик,— ее существо оставалось прежним: укрепление позиций монополий Соединенных Штатов в латиноамериканском районе. Руководящие круги США были вынуждены учитывать широкий размах антиимпериалистической освободительной борьбы на континенте, своим острием направленной против американского империализма.

После победы кубинской революции 1959 г. основным направлением внешней политики определенных кругов США в Латинской Америке стала борьба против государства, провозгласившего своей целью строительство социализма. Американская дипломатия использовала широкий арсенал средств борьбы, включая антикубинские маневры в Организации американских государств, с тем чтобы попытаться расправиться с Кубой руками латиноамериканских стран, используя их экономическую и политическую зависимость от США. Реакционные силы США прибегали к политическому шантажу, организации контрреволюционных заговоров и экономической блокады Кубы. Под влиянием оголтелых реакционеров — «ястребов» — американские правящие круги в отдельные периоды шли на такие

[1] «U. S. News and World Report», 16. I. 1959.

шаги против Кубы, которые приводили к опасному накалу международной напряженности, ставили мир перед лицом острых политических кризисов.

Попытки США изолировать Кубу на американском континенте. Установление экономической блокады. Военное нападение на Кубу

В середине 1959 г., после неудачных попыток повернуть кубинскую революцию на «безопасные рельсы», американский империализм начал стягивать и организовывать силы для борьбы против Кубы. Была поставлена задача подавить кубинскую революцию. Прежде всего американская дипломатия прибегла к испытанному пути — использованию Организации американских государств. На пятом (Сантьяго, Чили, август 1959 г.) и седьмом (Сан-Хосе, Коста-Рика, август 1960 г.) консультативных совещаниях министров иностранных дел латиноамериканских государств, созванных по инициативе США, были предприняты настойчивые попытки сколотить единый антикубинский фронт.

Подготовка этих совещаний проводилась по «классическому» для отношений США с латиноамериканскими странами образцу. Жесткий нажим на их правительства, пропагандистская обработка общественности сочетались с обещаниями предоставить экономическую «помощь». Так, накануне пятого совещания США объявили о предоставлении странам Латинской Америки 450 млн. долл.[1], а накануне седьмого — 600 млн.[2] Во время пропагандистской кампании предпринимались попытки «доказать», что мероприятия революционного кубинского правительства (национализация собственности американских монополий и др.) нарушают «базовые» принципы ОАГ. На основании этого навязывался вывод о «несовместимости» революционной Кубы с межамериканской системой, т. е. предпринималась попытка отделить Кубу от остальной Латинской Америки, политически изолировать ее. Развивающееся сотрудничество Советского Союза с Кубой представлялось как «вмешательство» СССР во внутренние дела кубинского государства, угроза для всего континента. 1 августа 1960 г. Вашингтон представил Межамериканскому комитету мира меморандум: «Ответственность кубинского правительства за увеличение международной напряженности в Западном полушарии», а 10 августа опубликовал материал, содержавший список «неправомерных» действий кубинского правительства в отношении собственности американских граждан на Кубе[3]. Империалистические круги США зло-

[1] *Julius W. Pratt.* A History of United States Foreign Policy. New Jersey, 1965, p. 535.

[2] Ibid., p. 536.

[3] Стоимость собственности американских монополий на Кубе оценивалась в 1 млрд. долл.

стно и преднамеренно нагнетали обстановку вражды вокруг Кубы, пытались запугать страны Латинской Америки «коммунистической угрозой».

В марте 1960 г. была организована поездка по латиноамериканским странам президента США Д. Эйзенхауэра. В беседах с руководящими деятелями этих стран Эйзенхауэр акцентировал их внимание на «кубинской опасности», доказывал необходимость совместных мер против Кубы. После возвращения в Вашингтон президент США выразил надежду, что ОАГ, «действуя в согласии с торжественно данными обязательствами, предпримет такую коллективную акцию, которая будет необходима» [1].

Усилия Вашингтона, по существу, не имели успеха. Решения пятого и седьмого консультативных совещаний носили компромиссный характер, не включали жестких требований США о коллективных санкциях. Принятая на седьмом совещании так называемая Декларация Сан-Хосе содержала главным образом общие положения. Правда, под нажимом делегации США в текст Декларации был включен пункт о «несовместимости» межамериканской системы «ни с какой формой тоталитаризма» [2]. По замыслу американской дипломатии, такой пункт должен был создать «правовую» основу для последующих решений или действий против Кубы. Было включено положение, предписывающее ОАГ отклонять любую форму «внеконтинентального вмешательства» на американском континенте. Вместе с тем делегации США не удалось включить в Декларацию упоминания о Кубе. При подписании Декларации глава американской делегации К. Гертер заявил, что, по мнению делегации США, принятый текст «представляет собой ясное указание на правительство Кастро на Кубе» [3]. Но этот обходный маневр Гертера не получил поддержки. Мексиканский делегат министр иностранных дел М. Тельо, например, подчеркнул, что Декларация составлена в общих выражениях и не «представляет собой осуждение или угрозу в отношении Кубы, чьи стремления к социальной справедливости и улучшению экономического положения встречают большие симпатии правительства и народа Мексики» [4]. Толкование Гертера отвергли и многие другие участники совещания.

В Латинской Америке ширилось движение солидарности с революционной Кубой, и руководящие деятели стран района, определяя свою позицию по кубинскому вопросу, не могли с

---

[1] *Альфредо Варела.* Куба революционная. М., 1962, стр. 271.

[2] «The Department of State Bulletin», 12.IX. 1960.

[3] *George With.* The United States and Inter-American Relations. New York, 1964, p. 46.

[4] Ibid., p. 46.

этим не считаться. Американский буржуазный историк Джордж Уайт писал, что «Куба в это время становилась для всего полушария символом усилий маленькой страны, сбросившей экономический империализм и политическую опеку своего большого соседа...» [1]

Вашингтон начал осуществлять меры по установлению экономической блокады Кубы. 6 июля 1960 г. Эйзенхауэр аннулировал 95% квоты на закупки кубинского сахара [2], были введены ограничения на поставки из США Кубе нефти, промышленного оборудования и других товаров. На свет была вытащена «доктрина Монро», для того чтобы «осудить» «вмешательство» Советского Союза в дела Республики Куба, представить в искаженном свете внешнюю политику Кубы и характер ее внутриполитического развития. Куба стала объектом различных диверсий и провокаций.

Наиболее агрессивно настроенные политические деятели США настаивали на необходимости занять более жесткую позицию в отношении Кубы, а также тех латиноамериканских стран и американских союзников по военно-политическим блокам, которые не проявляли стремления присоединиться к экономической блокаде и другим враждебным шагам против этого государства. Правительство Эйзенхауэра включило в закон о предоставлении «помощи» иностранным государствам, принятый 2 сентября 1960 г., оговорку, предусматривающую прекращение «помощи» любой стране, которая будет помогать Кубе в военном или экономическом отношении. Перед союзниками по НАТО, в частности Канадой, а также перед Японией был поставлен вопрос о «солидарных» действиях — сокращении закупок кубинского сахара и прекращении поставок «стратегических материалов» на Кубу [3].

Этим же целям оказать влияние на страны Латинской Америки и союзников США по военным блокам служил опубликованный в Вашингтоне «документ» о «фактах», касающихся отношений между Кубой и Соединенными Штатами. В нем тенденциозно трактовались события, происшедшие после кубинской революции 1959 г., предпринималась попытка возложить на правительство Кубы ответственность за напряженность американо-кубинских отношений. 13 октября 1960 г. этот «документ» был передан в ООН для рассылки его членам организации [4].

В этих условиях правительство Кубы обратилось в ООН с

---

[1] *George With.* Opp. cit., p. 50.

[2] *J. Pratt.* Opp. cit., p. 535.

[3] «Куба. Историко-этнографические очерки». М., 1961, стр. 133.

[4] «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Пятнадцатая сессия» (A/4537, 13 октября 1960 г.).

просьбой принять меры по пресечению враждебных действий США против суверенного кубинского государства — члена ООН. Твердую поддержку кубинскому демаршу оказал Советский Союз. Выступая в Совете Безопасности, советский представитель вскрыл факты прямого вмешательства во внутренние дела независимой Республики Куба, что являлось явным нарушением ее государственного суверенитета [1]. Представитель СССР решительно отверг попытку США оправдать свои действия против Кубы домыслами о «коммунистической угрозе» Западному полушарию и заявил, что политика Советского Союза в отношении Республики Куба основывается на принципах невмешательства и уважения национального суверенитета этой страны [2]. Правда, западным державам удалось протащить решение о передаче кубинского обращения для рассмотрения в ОАГ [3], но обсуждение кубинской жалобы в Совете Безопасности имело большое политическое значение. Оно помогло показать общественному мнению всех стран существо враждебных и незаконных действий империалистических сил США в отношении Кубы.

18 октября министр иностранных дел Кубы Р. Роа направил генеральному секретарю ООН письмо с просьбой включить в повестку дня XV сессии Генеральной Ассамблеи вопрос: «Жалоба революционного правительства Кубы, касающаяся различных планов агрессии и актов вмешательства, совершаемых правительством Соединенных Штатов против Республики Куба с явным нарушением ее территориальной неприкосновенности, суверенитета и независимости и угрозой международной безопасности и миру» [4]. Просьба кубинского правительства была поддержана Советским Союзом и другими социалистическими странами. Однако американской делегации путем закулисных маневров удалось сколотить большинство вокруг резолюции, предусматривающей рассмотрение жалобы Кубы не на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи, а в Первом комитете. Представители США уклонялись от широкого обсуждения поставленного Кубой вопроса.

Американское правительство усиливало проведение репрессивных мер против Кубы, и прежде всего экономического давления. В конце 1960 г. были приняты решения об аннулировании квоты на кубинский сахар, о прекращении технической помощи, а затем и о фактически полном эмбарго на торговлю

[1] «Объединенные Нации. Совет Безопасности. Стенограмма выступлений на русском языке на 876 заседании» (S/pv. 876, July 19, 1960, p. 10).

[2] Там же.

[3] «Объединенные Нации. Совет Безопасности. S/pv. 4395».

[4] «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Пятнадцатая сессия (A/4543, 18 октября 1960 г.)».

США с Кубой [1]. Эти меры создали серьезные трудности для кубинской экономики. Однако главный замысел парализовать кубинскую экономику не удался. Страны социалистического содружества приняли действенные меры для срыва экономической блокады Кубы. В конце 1960 г. в Москве был подписан ряд советско-кубинских соглашений. Советский Союз выразил готовность закупить 2,7 млн. *т* кубинского сахара, в случае если США осуществят угрозу не закупать сахар на Кубе.

На митинге в Большом Кремлевском Дворце, посвященном пребыванию в СССР кубинской делегации во главе с президентом Кубы О. Дортикосом Торрадо, 20 сентября 1961 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев заявил: «Общность взглядов наших стран по важнейшим международным вопросам вновь торжественно подтверждена... Плечом к плечу с другими миролюбивыми государствами, крепко взявшись за руки, как товарищи и братья, идут наши страны в авангарде великого движения человечества против атомной смерти, за мирное сосуществование...» [2]

В конце 1960 г. появились доказательства того, что реакционные круги США взяли курс на подготовку вооруженного нападения на Кубу. В американских политических кругах стали открыто обсуждать различные варианты этой акции. Наиболее агрессивные силы предлагали использовать «классический» для политики США в этом районе путь — направить на Кубу морскую пехоту. Объединенная группа начальников штабов рекомендовала президенту Эйзенхауэру «использовать морскую пехоту и парашютистов, чтобы оккупировать весь остров» [3]. Другая часть политических кругов предлагала «гватемальский вариант», т. е. интервенцию под флагом ОАГ. Однако в Вашингтоне понимали, что оба варианта связаны с большими осложнениями. О своей поддержке Республики Куба заявил Советский Союз. Латиноамериканские страны не проявляли готовности включиться в военную акцию против Кубы. В этой обстановке был сделан выбор «подходящего» варианта — вооруженное нападение с использованием отрядов кубинских эмигрантов, контрреволюционеров.

В ноябре 1960 г. группа американских военных кораблей была направлена к кубинскому побережью под предлогом «защиты» Никарагуа и Гватемалы от «возможного нападения» со стороны Кубы [4]. Это была прикрывающая операция. На никарагуанской и гватемальской территориях ЦРУ развернуло организацию, оснащение и тренировку вооруженных отрядов кубин-

[1] *J. Pratt.* Opp. cit., p. 535.
[2] «Правда», 21 сентября 1961 г.
[3] «Правда», 19 июля 1960 г.
[4] *E. Lieuwen.* U. S. Policy in Latin America. New York, 1965, p. 96.

ских контрреволюционеров «для проектируемого нападения» [1]. План операции, получивший кодовое название «операция Плутон», сводился к тому, что эти отряды должны захватить плацдарм на Кубе. Сразу же должно было быть провозглашено «новое кубинское правительство», которое обратится за помощью к США, и эта помощь ему немедленно будет оказана.

3 января 1961 г. Эйзенхауэр подписал декрет о разрыве дипломатических и консульских отношений США с Кубой [2]. Механизм подготовки вооруженного нападения на Кубу был пущен на полный ход.

Не был существенно изменен курс на военное вторжение и после прихода в Белый дом президента Д. Кеннеди. Правда, новая администрация стала больше внимания уделять идеологической и пропагандистской подготовке операции. 13 марта 1961 г. Д. Кеннеди, выступая перед латиноамериканскими послами, аккредитованными в Вашингтоне, заявил о своем намерении вернуться к политике «доброго соседа» в отношении Латинской Америки и провозгласил программу экономического «подъема» стран района в «сотрудничестве» с США (получившую позже название «Союз ради прогресса»). Намерение администрации Кеннеди выступить с широкой и привлекательной на первый взгляд инициативой входило составной частью в кампанию по обработке латиноамериканского и мирового общественного мнения накануне военной акции против Кубы.

3 апреля государственный департамент США опубликовал «Белую книгу» о Кубе. Содержащиеся в книге «факты», по замыслу США, должны были дискредитировать кубинское правительство, активизировать контрреволюционные элементы на Кубе, лишить эту страну морально-политической поддержки в Латинской Америке. В «Белой книге» недвусмысленно выражалась решимость США оказать «свою полную поддержку будущему демократическому правительству Кубы» [3]. Этот «документ» был направлен членам ОАГ и передан генеральному секретарю ООН для рассылки членам ООН.

Утром 17 апреля 1961 г. началось осуществление военной акции против Кубы. Однако тщательно подготовленная операция вторжения потерпела полную неудачу. Всего три дня понадобилось кубинским вооруженным силам для того, чтобы полностью разгромить отряды наемников, высадившиеся в заливе Кочинос на Плайя-Хирон. Попытки «ястребов» в США заставить правительство предпринять прямую интервенцию амери-

---

[1] *J. Pratt.* Opp. cit., p. 538.
[2] «The Department of State Bulletin», 23. I. 1961, p. 103, 104.
[3] «Cuba» (Department of State, publ. 7171). Washington, 1961, p. 8.

канскими военными силами успеха не имели. Президент Кеннеди не решился пойти на риск, трезво оценив возможные тяжелые последствия такого шага для США и всеобщего мира. Он был вынужден заявить, что «США не намерены совершать военную интервенцию на Кубу» [1].

«Союз ради прогресса»

Развитие кубинской революции, общий подъем освободительной борьбы латиноамериканских народов заставили руководящие круги США провести пересмотр тактических средств своей политики в Латинской Америке, искать для нее более гибкие формы. Правительство Д. Кеннеди провозгласило политику «новых рубежей» в Латинской Америке. Вокруг Д. Кеннеди сложилась группа видных деятелей демократической партии: У. Фулбрайт, У. Морзе, Р. Хэмфри и другие, которые, так же как и президент, считали, что политику США надо сделать более привлекательной для стран Латинской Америки.

Руководящие круги США попытались проанализировать объективные экономические и политические процессы в Латинской Америке, причины углубляющегося кризиса в отношениях между США и странами района, силу воздействия кубинского примера на латиноамериканские народы и на основе этого анализа разработать широкий комплекс мер, направленных на сохранение и укрепление позиций Соединенных Штатов. Так в Вашингтоне родилась новая программа — «Союз ради прогресса».

Программа предусматривала увеличение размера экономической «помощи» США странам Латинской Америки. Д. Кеннеди заявил, что Соединенные Штаты намерены выделять на цели программы около миллиарда долларов в год. Замыслы Вашингтона становились более ясными, когда стало определяться, что ассигнования по программе будут направляться главным образом в те области экономики латиноамериканских стран, где прямо или косвенно хозяйничают монополии США. Получатели этих ассигнований должны были взять обязательство расходовать их на закупки товаров и услуг в США; существенная часть средств шла на финансирование американской программы «Продовольствие для дела мира». Иначе говоря, большая доля ассигнований предназначалась для субсидирования американской промышленности и сельского хозяйства и для обеспечения сбыта их продукции. Кроме того, латиноамериканские страны обязывались представить свои планы экономического развития на утверждение Вашингтона, создавать благоприятные условия для иностранных капиталовложений, гарантировать от национали-

[1] «Известия», 22 апреля 1961 г.

зации собственность иностранных монополий. Для полноты характеристики программы «Союз ради прогресса» следует добавить, что американские ассигнования примерно равнялись $^1/_4$ прибылей, которые монополии США выкачивали в то время из Латинской Америки [1].

По существу, программа «Союз ради прогресса» имела целью создать дополнительные возможности для усиления, в новых условиях, экономического, политического и иного проникновения США в страны Латинской Америки, нейтрализовать влияние кубинской революции на американском континенте, помешать росту национально-освободительного движения. С ее помощью пытались втянуть страны этого района в борьбу против революционной Кубы. Подлинные цели программы США тщательно камуфлировались звучными призывами к равноправному сотрудничеству, заявлениями об увеличении помощи для экономического и социального развития латиноамериканских стран.

Программа «Союз ради прогресса» была обсуждена и принята на конференции Экономического и Социального совета ОАГ в августе 1961 г. в уругвайском городе Пунта-дель-Эсте. Заключительный акт конференции — «Хартия Пунта-дель-Эсте» содержал положения об экономических и социальных мероприятиях, которые должны были предприниматься в осуществление программы. В качестве официальной цели экономического развития ставилось обеспечение роста национального дохода на 2,5% в год.

Программа Кеннеди первоначально встретила поддержку в правящих кругах некоторых латиноамериканских стран. Но по мере того как становилось очевидным, что «Союз ради прогресса» не внесет существенных экономических и социальных изменений в Латинской Америке, популярность программы падала.

Наращивание враждебных акций против Кубы. Подготовка к новой вооруженной агрессии

С помощью открытого нажима правящим кругам США удалось добиться того, что большинство стран — членов ОАГ разорвало дипломатические отношения с Кубой [2]. США взяли курс на созыв нового межамериканского совещания, с тем чтобы навязать там решения о коллективных санкциях против Республики Куба.

[1] По данным ряда буржуазных экономистов, США выкачивали ежегодно из стран Латинской Америки по различным каналам — прибыли на капиталовложения, проценты на займы, за счет неэквивалентности цен на промышленные (из США) и сырьевые (из латиноамериканских стран) товары, прибыли от фрахта и страхования — более 4 млрд. долл. (по состоянию на 1965 г.).

[2] Венесуэла, Колумбия, Перу, Парагвай, Гватемала, Никарагуа, Гаити, Сальвадор, Гондурас, Панама и Коста-Рика.

В августе 1961 г. перуанское правительство выступило с идеей созыва консультативного органа ОАГ для рассмотрения вопроса о «внеконтинентальной опасности Западному полушарию в связи со сложившимся положением на Кубе» [1]. Не осталось незамеченным, что «перуанская» инициатива была проявлена месяц спустя после поездки президента Перу М. Прадо в Вашингтон и обещаний США предоставить Перу ассигнования в рамках «Союза ради прогресса». 9 ноября колумбийское правительство официально предложило созвать восьмое консультативное совещание министров иностранных дел для рассмотрения «угроз миру и политической независимости американских государств, могущих возникнуть в результате вмешательства внеконтинентальных держав и направленных на раскол американской солидарности» [2]. Колумбийское предложение предусматривало созыв совещания на основе статьи 6 Межамериканского договора о взаимной помощи, что открывало путь для принятия «коллективных санкций» против Кубы. Так готовился новый тур антикубинского наступления.

Госдепартамент США опубликовал еще одну «Белую книгу» с разного рода измышлениями в отношении Кубы. Правительствам стран Латинской Америки был направлен секретный меморандум, в котором Вашингтон энергично настаивал на необходимости применения против Кубы «коллективных санкций», включая разрыв дипломатических отношений.

Однако и на новом, восьмом консультативном совещании министров иностранных дел, которое состоялось в январе 1962 г. в Пунта-дель-Эсте (Уругвай), делегация США встретилась с серьезными трудностями. Ряд стран континента — Бразилия, Мексика, Чили и др.— отказались принять выдвинутый Соединенными Штатами план «коллективных санкций», включая разрыв дипломатических отношений всеми членами ОАГ с Кубой, и он не был одобрен. США пришлось довольствоваться резолюцией, в которой осуждалось «вмешательство или угроза вмешательства внеконтинентальных коммунистических держав в дела этого полушария» и подтверждались обязательства американских государств «строго придерживаться принципов региональной организации». Ударной частью резолюции было указание на то, что «позиция нынешнего правительства Кубы, которое официально объявило себя марксистско-ленинским правительством, несовместима с принципами и целями межамериканской системы» [3] и на этой основе оно исключалось из участия в ОАГ. Пункт об исключении Кубы из ОАГ вызвал серьезные возраже-

---

[1] «Politica International» (Habana). 1963, N 1, p. 171.
[2] «Congressional Record», vol. 108, p. 204—205.
[3] «Department of State Bulletin», 19. II. 1962.

ния ряда делегаций, за него отказались голосовать представители Мексики, Бразилии, Аргентины, Чили, Боливии и Эквадора [1].

После совещания воинствующие силы США повели дело к дальнейшему накаливанию обстановки в Карибском бассейне. Над Республикой Куба собирались грозовые тучи. Создалась крайне опасная ситуация, разразился так называемый «карибский кризис», поставивший мир на грань мировой войны.

[1] «New York Times», 1. II. 1962.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

КАРИБСКИЙ КРИЗИС 1962 г.

1. Подготовка в США обострения обстановки в Карибском море

Одним из самых острых и самых опасных послевоенных международных кризисов был карибский кризис 1962 г., или, как его еще называют иногда на Западе, особенно в США, «кубинский», «ракетный». Этот кратковременный международный кризис таил в себе колоссальную опасность для дела всеобщего мира.

О событиях, предшествовавших ему и сопровождавших его, уже немало сказано и написано. Американские буржуазные дипломаты, политики, ученые и журналисты по-своему и весьма односторонне интерпретируют дипломатическую борьбу тех дней. Можно упомянуть работу «Тринадцать дней» сенатора Р. Кеннеди [1], мемуары помощников Дж. Кеннеди А. Шлезингера [2] и Т. Соренсена [3], в которых дается тенденциозная трактовка истории карибского кризиса. В периодической печати США все еще дебатируется вопрос о том, что «приобрела и потеряла» Америка в результате этого кризиса. К карибскому кризису часто обращаются американские ученые-международники при анализе теории международных отношений, международных конфликтов и кризисов. При этом они зачастую пользуются извращенной версией истории карибского кризиса. Характерной чертой этой версии является попытка представить действия правительства Дж. Кеннеди в тот период в выгодном свете. Все это делает особенно важным всесторонний и объективный анализ событий осени 1962 г.

Международная обстановка летом и осенью 1962 г. была крайне неустойчивой. Пентагон расширял свою интервенцию в Южном Вьетнаме. Над Тихим океаном проводились в атмосфере испытания ядерного оружия. Из-за отказа боннского правительства Аденауэра признать послевоенные реальности в Европе обстановка здесь была также весьма напряженной. Наряду с

[1] *R. F. Kennedy.* Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Crisis. New York, 1969.

[2] *A. M. Schlesinger.* 1000 Days. John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965.

[3] *Th. Sorensen.* Kennedy. New York, 1965.

этим проходили переговоры по разоружению, имел место обмен мнениями по европейским проблемам между СССР и США. Наметилось даже некоторое сближение их позиций по проблеме ликвидации наследия второй мировой войны. Но отдельные позитивные тенденции все же не давали тогда основания надеяться, что в американской внешней политике восторжествует реализм в подходе к важнейшим международным проблемам.

Особенно опасными выглядели действия империалистических кругов США в районе Карибского моря. Американский внешнеполитический курс в отношении Кубы был, как и ранее, направлен на тайную подготовку новой агрессии против этой страны. Уроки поражения в заливе Кочинос в апреле 1961 г. американские реакционеры постарались забыть. Конгресс США даже принял решение, по которому американское правительство брало на себя обязательство «любыми средствами, какие бы ни потребовались, вплоть до применения оружия», бороться против Кубы [1].

На юге США, во Флориде, Центральное разведывательное управление подкармливало и финансировало кубинских контрреволюционеров. Реакционные американские круги инспирировали антикубинскую кампанию в стране, с помощью прессы раздували миф о «советской угрозе» в Европе и за ее пределами, сознательно нагнетая тем самым международную напряженность.

В то же время в Вашингтоне пытались поставить под сомнение законность оборонительных мероприятий, осуществлявшихся правительством народной Кубы. 4 сентября 1962 г. президент в специальном заявлении выдвинул жесткие условия в отношении того, что, по мнению правительства США, могло и чего не могло предпринимать правительство Кубы для укрепления своей обороноспособности. В этом заявлении, нарушавшем нормы международного права, содержались угрозы в адрес Кубы в случае невыполнения ею американских требований [2]. Таким образом, внешняя политика США преследовала цель форсировать «борьбу с коммунизмом» в Западном полушарии вообще и с народной Кубой в частности. В стране наращивались приготовления к агрессии против Кубы, усиливалась разнузданная антикубинская пропаганда. Было мобилизовано 150 тыс. резервистов. Продолжались попытки организовать экономическую блокаду острова.

Советский Союз 11 сентября 1962 г. призвал правительство США «проявить благоразумие, не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно раз-

[1] «Внешняя политика СССР». М., 1968, стр. 230.

[2] Statement by the President Kennedy, September 4, 1962 («Department of State Bulletin», September 24, 1962, p. 450).

вяжет войну». В советском заявлении намечался реальный путь к нормализации обстановки в районе Карибского моря. «Вместо того, чтобы накаливать атмосферу такими действиями, как мобилизация резервистов, равносильная угрозе начать войну,— говорилось в заявлении ТАСС,— было бы куда более разумно, если бы правительство США, проявив мудрость, сделало бы добрый жест — установило бы дипломатические и торговые отношения с Кубой, о желательности чего недавно заявлялось со стороны кубинского правительства» [1]. Президент Кеннеди 13 сентября 1962 г. в своем заявлении оставил без ответа предложения Советского Союза о путях нормализации американо-кубинских отношений. Перечислив акции, предпринятые против Кубы Организацией американских государств (ОАГ) под большим давлением дипломатии США, президент заявил: «Если Соединенные Штаты когда-либо сочтут необходимым предпринять военные действия против коммунизма на Кубе, то все поставленное коммунистами оружие и технические советники не смогут изменить последствия или существенно оттянуть время для достижения такого результата» [2]. Заявление от 13 сентября содержало также ряд «успокоительных», но двусмысленных фраз. Так, одна из них гласила: «Мы никогда не начнем агрессии в этом полушарии, но и не позволим ее появления» [3].

Устремления правящих кругов США приобретали откровенно воинственный характер. В ОАГ и других региональных латиноамериканских организациях инспирировалась развернутая антикубинская деятельность. В этой связи можно отметить коммюнике, принятое на состоявшемся 2 и 3 октября в Вашингтоне совещании министров иностранных дел и специальных представителей латиноамериканских государств. В нем утверждалось, что Куба якобы превращается «в вооруженную базу для коммунистического проникновения в Америку...» [4]. Участники встречи вопреки фактам заявляли об угрозе со стороны Кубы «единству американских государств и их демократическим институтам» и о необходимости «принять против нее специальные меры индивидуального и коллективного порядка» [5]. Так под маской борьбы против «коммунистической интервенции» в Латинской Америке готовилось империалистическое вмешательство в дела Кубы. 3 октября 1962 г. конгресс США при-

[1] «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год». М., 1963, стр. 362.

[2] Statement by the President, September 13, 1962 («Department of State Bulletin», October 1, 1962, p. 481—482).

[3] Ibid., p. 482.

[4] «Communiqué of the Informal Meeting of American Foreign Ministers and Special Representatives. Washington, October 2—3, 1962» («Department of State Bulletin», October 22, 1962, p. 599).

[5] Ibid., p. 600.

нял резолюцию, призывавшую правительство США предпринять меры против Кубы, которая «ставит под угрозу безопасность США» [1].

В условиях обострения обстановки в районе Карибского моря, вызванного планами и акциями империалистических кругов США в отношении Кубы, Советское и кубинское правительства в полном соответствии с нормами международного права еще летом 1962 г. достигли договоренности об укреплении обороноспособности Кубы. На остров были доставлены в оборонительных целях ракеты среднего радиуса действия. Это была акция, направленная на то, чтобы оказать противодействие новым попыткам агрессии против кубинского народа. 8 октября 1962 г. президент Кубы О. Дортикос, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, заявил: если США дадут эффективные гарантии, что они не совершат военного нападения на Кубу и не будут помогать другим странам пытаться вторгнуться на остров, Кубе незачем будет осуществлять меры по укреплению своей обороноспособности. Правящие круги США, однако, никак не реагировали на это заявление [2] и продолжали усиливать свои военные базы в районе Карибского моря. ЦРУ плело вокруг Кубы сеть заговоров и диверсий.

Хорошо известно, что составной частью агрессивной глобальной стратегии империализма США после второй мировой войны стала политика окружения СССР и других социалистических стран густой сетью наступательных военных баз. Многие из них создавались в непосредственной близости от границ Советского Союза, причем имели бомбардировочную авиацию дальнего действия, а позднее и ракеты. Также хорошо известно, что Советское правительство в интересах сохранения мира и обеспечения безопасности народов неоднократно обращалось к США с предложениями ликвидировать иностранные военные базы, размещенные на чужих территориях. Но эти предложения отклонялись. В свете этого ясна полная беспочвенность обвинений в адрес Советского правительства в том, что своими «односторонними действиями» оно якобы вызвало карибский кризис. Корни кризиса следует искать не здесь. Они кроются не только в политике «кризисной дипломатии» 1962 г., но и в самом существе послевоенной внешнеполитической стратегии военно-промышленного комплекса в США, в политике «с позиции силы» на международной арене, в упорных попытках подорвать безопасность других народов. Даже в американской буржуазной лите-

[1] Joint Resolution of the U. S. Congress: «Public Law» 87—733, approved October 3, 1962.

[2] U. Thant to Premier Fidel Castro. October 26, 1962 («Documents on American Foreign Relations, 1962», Ed. by R. Stebbins. New York, 1963, p. 404).

ратуре время от времени появляются заявления, проливающие свет на действительные причины кризиса и действий США против революционной Кубы. Так, профессор Ф. Грин признает, что «политические корни ракетного кризиса объясняются решением правительства Кастро направить Кубу по пути глубокой социально-экономической революции...» [1].

Обстановка в районе Карибского моря становилась все более напряженной. Над Кубой, грубо попирая нормы международного права, то и дело появлялись американские самолеты-разведчики «У-2». Полеты этих самолетов лишний раз доказывали, что ЦРУ и Пентагон накапливают информацию для возможной наступательной акции против кубинского народа. Президент Кеннеди не только знал об этих полетах, но и, основываясь на тенденциозной информации ЦРУ и некоторых своих советников, непосредственно их санкционировал. 14 октября 1962 г. очередной «У-2» нарушил воздушное пространство Кубы [2]. Им была произведена аэрофотосъемка кубинской территории. После того как самолет вернулся на базу, начались обработка и изучение разведывательных данных, которые свидетельствовали, как сообщалось, о дальнейшем укреплении обороноспособности Кубы, ее военного потенциала, в том числе ракетного. Об этих данных доложили руководителям ЦРУ и Пентагона, а затем известили специального помощника президента М. Банди. Характерно, что последний не стал сразу докладывать по этому поводу Кеннеди. Рано утром 16 октября между Банди и представителями американской разведки имела место обстоятельная беседа [3]. Признание решающей роли ЦРУ в разжигании карибского кризиса содержит, в частности, книга Ф. Грина «Внешняя политика 60-х годов. Проблемы и инструменты» [4]. Только после тщательного инструктажа сотрудников ЦРУ Банди явился к президенту и торопливо изложил версию ЦРУ. Кеннеди не нашел в этом сообщении ничего необычного. В ответ на вопрос президента: «Что это все означает по существу?» — Банди стал доказывать, что обнаруженные ракеты могут быть использованы в «наступательных целях» против США [5].

Кеннеди, конечно, понимал, как писал впоследствии Т. Соренсен, что появление на Кубе ракет среднего радиуса действия не могло изменить баланса сил между СССР и США, основывающегося главным образом на межконтинентальных стратегиче-

---

[1] «Foreign Policy in the Sixties. The Issues and the Instruments». Ed. by R. Hilsman and R. Good, Baltimore, 1965, p. 128.

[2] *Th. Sorensen.* Opp. cit., p. 672.

[3] Ibid., p. 673.

[4] «Foreign Policy in the Sixties. The Issues and the Instruments», p. 128.

[5] *A. M. Schlesinger.* Opp. cit.. p. 80.

ских ракетах. В книге «Тринадцать дней» Р. Кеннеди, вспоминая о царивших тогда в политической верхушке США настроениях, признавал, что в окружении президента было распространено мнение, что советские ракеты на Кубе «не вносят изменений в соотношение сил» [1]. Примерно к этому же выводу пришел в книге «Современная военная стратегия» бывший заместитель помощника министра обороны США по вопросам международной безопасности М. Гальперин. Он пишет, что правительство США в период карибского кризиса руководствовалось больше политическими, чем военными, соображениями [2].

Во второй половине октября, еще до того, как разразился кризис в районе Карибского моря, Пентагон запланировал военные «учения». Они служили маскировкой для сосредоточения во Флориде и на других американских военных базах вблизи Кубы большого количества войск [3]. Для участия в «маневрах» прибыло 40 тыс. морских пехотинцев, причем 5 тыс. из них дислоцировались непосредственно на Кубе, на базе Гуантанамо. В боевой готовности находились 82-я и 101-я воздушнодесантные дивизии. Во Флориде была сосредоточена 100-тысячная армейская группировка, которая в любую минуту могла осуществить вторжение на Кубу. Было мобилизовано 14 тыс. резервистов для обслуживания самолетов транспортной авиации. В сентябре и октябре в конгрессе США подготавливался специальный законопроект, одобренный 23 октября 1962 г. [4]. Он предусматривал, что США перестанут оказывать «помощь» странам, которые будут продавать Кубе вооружение и товары «стратегического значения или будут перевозить эти товары на Кубу». Все это имело целью ослабить обороноспособность Кубы.

В целях разработки планов действий по отношению к Кубе администрация Кеннеди провела ряд совещаний. Первое из них было созвано в Белом доме 16 октября в 11 час. 45 минут [5]. В специальной директиве президент потребовал сохранения в тайне обсуждаемых планов. За встречей в Белом доме последовало совещание в госдепартаменте. В 18 часов 30 минут Кеннеди созывает еще одно совещание, на этот раз снова в Белом доме. Узкая группа доверенных лиц, на которую опирался президент при выработке своей политической линии в те дни, состояла из вице-президента Л. Джонсона, государственного сек-

---

[1] *R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 31.

[2] *M. H. Halperin.* Contemporary Military Strategy. London, 1968, p. 41—42.

[3] *A. M. Schlesinger.* Opp. cit., p. 803.

[4] The Foreign Aid and Related Agencies Appropriation Act, Fiscal Year 1963: «Public Law», 87—872, approved October 23, 1962 «Documents on American Foreign Relations, 1962». Ed. by R. Stebbins, p. 373—374.

[5] *Th. Sorensen.* Opp. cit., p. 674.

ретаря Д. Раска, министра обороны Р. Макнамары, министра юстиции Р. Кеннеди, генерала Тэйлора, а также его помощников и советников: Маккоуна, Диллона, Стивенсона, Банди, Соренсена, Болла, Гилпатрика, Томпсона, А. Джонсона, Ачесона и Ловетта [1]. Американские «ястребы» предложили Кеннеди осуществить воздушный налет на Кубу с целью уничтожения оборонных объектов, складов и аэродромов. Раздавались требования покончить с Кубой путем вторжения с моря американского десанта. Кое-кто считал необходимым провести серию массированных налетов силами в 500 самолетов [2]. Все это были откровенно агрессивные планы. Чрезвычайно интересно в психологическом отношении следующее признание Р. Кеннеди. Слушая эти воинственные предложения, он во время совещания передал президенту записку: «Я теперь знаю, что чувствовал Тодзио, когда он планировал Пёрл-Харбор». Среди советников Дж. Кеннеди имелись и люди более уравновешенные. Они отвергали точку зрения тех, кто выступал за прямую агрессию, считая такой путь слишком опасным для США. «Немедленное вторжение на Кубу могло спровоцировать войну (между СССР и США.— *Авт.*), которую ядерное сдерживающее средство было призвано предотвратить»,— писал впоследствии видный американский международник Дж. Стоссинджер [3]. Довольно осторожную позицию занимал бывший посол США в СССР Томпсон. Сторонником осмотрительного курса был и брат президента, Р. Кеннеди [4]. Однако Пентагону и ЦРУ все же удалось добиться согласия президента на усиление американской базы Гуантанамо.

Об отношении США к своим союзникам по НАТО во время нарастания кризисной ситуации можно сказать, что те попросту игнорировались, даже на самом высоком уровне. Решение о такой позиции было принято президентом уже на первых секретных совещаниях. Оно продемонстрировало главам западноевропейских государств, что США в острейших критических ситуациях вырабатывают свой курс действий без их согласия и даже ведома. Ссылка на «необходимость» сохранения в секрете агрессивных планов и осуществления их втайне от своих главных союзников не могла развеять после карибского кризиса даже среди многих проамерикански настроенных западноевропейцев тягостное чувство недоумения в отношении действий США. Разумеется, в официальных заявлениях в дни кризиса буржуазные правительства Западной Европы солидаризировались с прави-

---

[1] *A. M. Schlesinger.* Opp. cit., p. 802.

[2] По этому вопросу см.: *Th. Sorensen.* Opp. cit., p. 675; *A. M. Schlesinger.* Opp. cit., p. 804.

[3] *J. G. Stoessinger.* Tho Might of Nations. World Politics in Our Time. New York, 1969, p. 166.

[4] *A. M. Schlesinger.* Opp. cit., p. 803.

тельством Кеннеди. Но это была дежурная позиция, на деле скрывавшая глубокую обеспокоенность политикой Вашингтона, что отразилось затем и на усилении противоречий в НАТО.

Итак, в столице США фабриковался международный кризис. Впоследствии Р. Кеннеди вспоминал, что ряд советников президента «как будто терял даже хладнокровие и способность трезво оценивать ситуацию» [1]. Американские «ястребы» упорно требовали начать прямую агрессию против Кубы. В конце концов президент Кеннеди пришел к выводу, что широкая агрессия американского флота, армии и авиации против усиленной в оборонном отношении Кубы была бы слишком рискованной для США [2]. Основные политические советники высказались в конечном итоге в пользу морской блокады. Кеннеди поддержал этот план, представлявший собой нарушение норм международного права и Устава ООН. 18 октября президент образовал две секретные группы (подкомитеты) из числа тех, кто принимал участие в разработке стратегии кризиса. Обеим группам была дана директива представить в Белый дом детальный план осуществления как воздушного налета на Кубу, так и морской блокады [3].

18 октября состоялась встреча министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с президентом Кеннеди. Она широко комментировалась в американской печати в период карибского кризиса, а после убийства Кеннеди в 1963 г.— во всякого рода мемуарной литературе, в том числе и в работе Р. Кеннеди. Основная цель всех этих комментариев — затушевать истинный характер беседы и выдумать еще один предлог для того, чтобы оправдать противоречащие нормам международного права действия правительства США осенью 1962 г. в отношении Кубы и Советского Союза. Между тем известно, что, когда в период обострения международной обстановки в районе Карибского моря возникали возможности дипломатического урегулирования кризисной ситуации, правительство Кеннеди длительное время отказывалось их использовать. Это касается в основном раннего, «скрытого» периода подготовки Вашингтоном карибского кризиса. В то время правительство США сознательно отвергало различные дипломатические средства, с помощью которых можно было предотвратить конфликт.

В первой половине октября 1962 г. президент Кеннеди и его главные дипломатические советники и не думали обращаться к серьезной дипломатии для разрешения проблем, связанных с усиливавшейся обороноспособностью Кубы. Так, большая часть беседы президента Кеннеди с А. А. Громыко 18 октября 1962 г.

[1] *R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 31.
[2] *Th. Sorensen.* Opp. cit., p. 683.
[3] Ibid., p. 688.

была посвящена не «кубинской проблеме», а другим важным международным вопросам, в первую очередь германскому мирному урегулированию и нормализации на этой основе положения в Западном Берлине. Кубинский вопрос был поднят во время этой беседы советской стороной. Причем внимание президента было обращено на следующие обстоятельства: уже в течение длительного времени в США ведется активная антикубинская кампания. Очевидно, за ней стоит определенная политика американского правительства. США предпринимают явные усилия блокировать торговлю Кубы с другими государствами. Этот путь может привести к опасным последствиям для всего человечества, чего, как уверены в СССР, не желает ни один народ, в том числе и американский. Внимание президента было также привлечено к тому, что в США раздаются призывы к агрессии против Кубы и ответственные лица пытаются оправдывать агрессивные акции и опасные авантюры [1].

Во время беседы президенту Кеннеди было сказано, что решение подавляющего числа международных проблем является результатом заявлений и переговоров между государствами, в которых правительства излагают позиции по тем или иным вопросам [2]. Американскому президенту тем самым ясно давалось понять, что если у США есть какие-либо «претензии» к Кубе или Советскому Союзу, то необходимо разрешить их мирными средствами. Это заявление советского представителя также было оставлено президентом Кеннеди без внимания. Такой тактики он продолжал придерживаться даже после того, как ему были объяснены причины, по которым СССР оказывает помощь Кубе в укреплении ее обороноспособности. Президенту было заявлено, что в условиях, когда в США раздувается антикубинская кампания и проводятся враждебные акции против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей в трудный для нее час помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя [3]. Президенту Кеннеди было также сказано, что 60-е годы XX в.— не середина XIX в., не времена раздела колоний и не та пора, когда жертва агрессии могла подать свой голос только через недели, а то и через месяцы после нападения на нее. Решение правительства США призвать в армию дополнительно 150 тыс. резервистов было охарактеризовано как чрезвычайно опасная акция, рассчитанная на обострение международной напряженности [4]. Итак, до

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

сведения американского президента было недвусмысленно доведено, что правительства СССР и Кубы опасаются военного нападения на Кубу и что в этих условиях Советский Союз не сможет бездействовать. Помощь Советского Союза Кубе содействует только укреплению обороноспособности и ее экономики. Обучение советскими специалистами кубинцев обращению с оружием, предназначенным для обороны их страны, не является угрозой ни для кого [1].

В ходе беседы президент признал, что летом 1962 г. кубинский вопрос «стал действительно серьезным». Он высказал беспокойство по поводу того, что СССР быстрыми темпами осуществляет поставки оружия Кубе [2]. Далее Кеннеди заявил, что у его правительства нет планов нападения на Кубу. Он, однако, сказал: «Я как президент сдерживаю тех американцев, которые являются сторонниками вторжения на Кубу» [3]. «Я не знаю, куда все это может нас привести»,— заметил он по поводу обстановки в районе Карибского моря. Однако создавалось впечатление, что он вел тогда дело к военной конфронтации между США и СССР, хотя все действия Советского Союза на Кубе находились в полном соответствии с международным правом и суверенными правами СССР и Кубы.

Кеннеди не поднимал вопрос о советских ракетах на Кубе, ограничиваясь лишь общими заявлениями о том, что из-за действий Советского правительства положение в районе Карибского моря «неожиданно ухудшилось». При этом президент имел в виду укрепление обороноспособности Кубы в самом широком плане. Тогда внимание Кеннеди вновь было обращено на то, что суть вопроса сводится к тому, быть или не быть кубинскому правительству готовым отразить попытки нового вторжения на Кубу и предпринять ли шаги для защиты страны от агрессии. Министр иностранных дел СССР заявил, что Советское правительство откликнулось на призыв Кубы о помощи только потому, что этот призыв преследовал цель устранить нависшую над Кубой угрозу [4]. Если Советский Союз и помогает кубинцам обращению с оружием, предназначенным для обороны, то это положение никак не может расцениваться как угроза для США. Кеннеди в ответ повторил, что у США нет планов вторжения на Кубу, а он стремится к тому, чтобы не допустить действий, которые привели бы к войне, если только такие действия не будут вызваны другой стороной. Далее президент зачитал сделанное им 4 сентября 1962 г. официальное заявление по кубин-

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

скому вопросу, в котором давалась американская интерпретация положения на Кубе.

Из всего вышесказанного вытекает, что в беседе с министром иностранных дел СССР 18 октября 1962 г. президент США Кеннеди ни разу прямо не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия среднего радиуса действия. Следовательно, ему и не мог быть дан ответ, есть ли такое оружие на Кубе или нет[1]. Более того, можно считать, что президент Кеннеди сознательно вводил советскую сторону в заблуждение, скрывая истинные намерения правительства США в отношении Кубы и подчеркивая отказ правительства США от планов нападения на Кубу в то самое время, когда в строжайшей тайне группа приближенных к нему лиц рассматривала различные варианты вторжения на остров американских вооруженных сил. В своих действиях они исходили из традиционных основ империалистической дипломатии: создавать покров строжайшей секретности в ходе назревания острых международных проблем; действовать, исходя только из корыстных интересов, активно используя в качестве рычага давления на своего противника военно-стратегическую обстановку и методы политического шантажа. Все эти элементы «кризисной дипломатии» были применены правящими кругами США в ходе карибского кризиса.

Нельзя не подчеркнуть еще раз, что военные акции империалистических сил США по организации ракетных баз на чу-

---

[1] В книге Р. Кеннеди «Тринадцать дней» дается крайне тенденциозная трактовка данной беседы президента США с министром иностранных дел Советского Союза. Как отмечал впоследствии Т. Соренсен, «Роберт Кеннеди лично продиктовал рукопись будущей книги осенью 1967 года на основе личных дневников и воспоминаний...» (из краткого вступления Соренсена к рукописи Р. Кеннеди, опубликованной в ноябрьском номере журнала «Mc Call» за 1967 г.). Воспоминания Р. Кеннеди об этой беседе расплывчаты и неточны. Он утверждает, например, будто бы «в начале беседы Громыко заявил, что Соединенные Штаты должны перестать угрожать Кубе» (*R. F. Kennedy*. Opp. cit., p. 40). На самом деле беседа началась с обсуждения европейских проблем. Это, кстати, признают в своих мемуарах Шлезингер и Соренсен. Далее Р. Кеннеди пишет, что после того как в ходе беседы президент зачитал свое заявление от 4 сентября 1962 г., в котором указывалось «на серьезные последствия, могущие возникнуть, если Советский Союз разместит на Кубе ракеты или другое наступательное оружие... Громыко заверил его, что этого никогда не произойдет и что Соединенные Штаты не должны тревожиться» (ibid, p. 41). Такое изложение беседы Р. Кеннеди совершенно не соответствует действительности. Президент действительно зачитал в конце беседы свое заявление от 4 сентября. Но он же сам после беседы сказал Соренсену, что А. А. Громыко «не реагировал на прочитанное мною заявление» (см. *Th. Sorensen*. Opp. cit., p. 691). Следовательно, версия Р. Кеннеди, на которую наложила отпечаток пропагандистская антисоветская кампания, развернутая в США в период карибского кризиса и после него, не выдерживает критики.

жих территориях носили в плане их общей военно-политической стратегии действительно агрессивный характер, в то время как все шаги СССР по укреплению безопасности Кубы имели чисто оборонительный характер.

18 октября 1962 г. состоялась также беседа А. А. Громыко с государственным секретарем США Д. Раском. В ходе ее американский дипломат, утверждая, что США не намерены осуществить вооруженное вторжение на Кубу, заявил, что остров превратился в военный плацдарм для «наступления против США и Латинской Америки» [1]. Внутренний режим на Кубе был охарактеризован Раском как не соответствующий интересам безопасности Западного полушария. Раск далее пространно говорил об «общности интересов» стран Западного полушария. Не затрагивая непосредственно «доктрины Монро», он, по существу, пытался ее защищать, подчеркивая «солидарность» всех стран Западного полушария и «общность» интересов их безопасности. Особое неудовольствие Раска вызвало то, что на Кубе появилось советское оружие. Впрочем, он, как и президент Кеннеди, не спрашивал советского представителя о наличии ракет на Кубе. На все высказанные Раском «опасения» ему был дан полный ответ. А. А. Громыко заявил, что Куба вынуждена была сделать необходимые выводы из факта вторжения на остров контрреволюционеров, подготовленных американцами и вооруженных на их средства. Раску было также сказано, что если у Вашингтона есть какие-либо претензии к Кубе, например материальные, то США вправе вступить с кубинцами в контакт для их урегулирования [2]. Раск не ответил на это замечание.

Затем между советским и американским представителями произошел весьма знаменательный разговор по поводу американских военных баз за пределами США, находящихся в непосредственной близости от границ СССР. Раску было сказано, что он, очевидно, не будет отрицать наличие американских военных баз и многочисленных военных советников в Турции и Японии, не говоря уже об Англии, Италии и некоторых других странах Западной Европы, а также Азии и Африки. Значит, США могут иметь военные базы в указанных странах, заключают с этими государствами военные договоры, а СССР не имеет права оказывать помощь Кубе в развитии ее экономики и в укреплении ее обороноспособности? [3] Раск заявил, что Советский Союз «преувеличивает» роль американских военных баз за границей. В ходе дальнейшей беседы американский представитель, по существу, уклонился от обсуждения вопроса о том, в каких

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] Там же.

странах имеются американские ракеты и ядерное оружие. По его словам, кроме территории самих США, они имелись только в трех странах. На замечание А. А. Громыко о том, что Англия находится в числе таких стран, Раск ответил утвердительно, так как этот факт был широко известен и этого не скрывал сам Лондон. Советским представителем было обращено внимание американского дипломата на то, что с рядом стран США имеют военные договоры и что эти страны связаны обязательствами допускать различные виды оружия США на свою территорию в любое время. Раск на это замечание тоже ничего не ответил. Очевидно, он, когда дело коснулось военной стратегии и тактики США, предпочитал хранить в глубокой тайне вопросы, связанные с американскими базами вокруг СССР. Следовательно, у него не было оснований ожидать, что другая сторона вдруг начнет обсуждать с представителями США проводимые ею мероприятия по укреплению обороны дружественной страны.

Тот факт, что к осени 1962 г. целый ряд важнейших международных проблем того времени не был еще решен дипломатическим путем, ставил на повестку дня вопрос об использовании всех возможных средств мирного урегулирования международных споров, включая встречи на высшем уровне между главой Советского правительства и президентом США. Советское правительство, следуя принципам ленинской миролюбивой политики, через министра иностранных дел Советского Союза 18 октября 1962 г. передало Дж. Кеннеди предложение о такой встрече для урегулирования спорных международных проблем и рассмотрения вопросов, вызывающих расхождения между СССР и США [1]. Президент положительно реагировал на это предложение Советского Союза. Он лишь заметил, что хотел бы на такой встрече обсудить проблемы без формальной повестки дня и без выделения конкретных вопросов, подлежащих обсуждению.

В тот же день Томпсон на обеде у Раска заявил послу СССР в США А. Ф. Добрынину, что в Белом доме хотели бы отложить встречу в верхах. По мнению американской стороны, встреча в ноябре 1962 г. носила бы неподготовленный характер и вряд ли привела бы к положительным итогам. Президент, заявил Томпсон, считает, что такие встречи имеют исключительно важное значение и здесь недопустима неудача. А Дж. Кеннеди стремится к тому, чтобы вторая его встреча с представителями Советского правительства «дала конкретный результат» [2]. Не отрицая полностью возможность встречи на высшем уровне с представителями СССР, американская сторона откладывала ее

---

[1] АВП СССР.
[2] Там же.

па неопределенное время. В этом эпизоде особенно ярко проявилось отсутствие у американского руководства желания разобраться в обстановке и решить назревавшую проблему мирными, дипломатическими средствами; оно предпочитало «кризисную дипломатию».

Разработка линии правительства США в планируемой кризисной ситуации продолжалась в Вашингтоне и после того, как президент Кеннеди 19 октября, покинув американскую столицу, направился на полтора дня в западные штаты для участия в избирательной кампании. Скорее всего это был отвлекающий маневр. Тем временем представители ЦРУ и Пентагона вновь стали настаивать на бомбардировке Кубы. Они утверждали, что все другие меры были бы «явно недостаточными». «Теперь или никогда!» [1] — требовали сторонники «горячей войны». Однако все большее число советников президента начинали приходить к выводу о катастрофических последствиях такого шага для США. Об этом прямо заявили на одном из секретных совещаний Р. Кеннеди и Т. Соренсен [2]. Государственный секретарь США Д. Раск предпочитал в основном отмалчиваться. Роберт Кеннеди впоследствии даже утверждал: Раск с тревогой заявил, что американские военные, какие бы доводы они ни выдвигали, «в конечном итоге отстаивают внезапное нападение очень большой страны на очень маленькую страну» [3].

Среди советников президента образовались, таким образом, две группы, каждая из которых отстаивала свою точку зрения по поводу того, какие военные силы должны быть использованы в задуманном кризисе, в каком объеме и в какой последовательности. Одни выступали за морскую блокаду, другие — за прямую агрессию с помощью военно-воздушных, военно-морских и сухопутных войск [4]. Требование воздушного массированного налета было вновь выдвинуто группой «ястребов», когда президент возвратился из «избирательной поездки» в Белый дом. На прямой агрессии настаивали члены комитета начальников штабов. Начальник штаба ВВС генерал К. Лимэй «решительно спорил с президентом, утверждая, что военное нападение необходимо» [5]. За воздушное нападение на Кубу высказался и бывший государственный секретарь Д. Ачесон [6]. Один из членов комитета начальников штабов призывал применить ядерное оружие [7]. Президент Кеннеди в конце концов согласился с пред-

---

[1] *A. M. Schlesinger.* Opp. cit., p. 806.
[2] Ibid.
[3] *R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 38.
[4] *A. M. Schlesinger.* Opp. cit., p. 807.
[5] *R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 36.
[6] Ibid., p. 38.
[7] Ibid., p. 48.

ложением о морской блокаде. Он лишь заменил в текстах документов, как-то «оправдывавших» готовящуюся агрессивную акцию, слово «блокада» на более спокойное, по его мнению, слово «карантин» [1]. Правительство США, таким образом, стало на путь открытого нарушения норм международного права.

Днем 22 октября Дж. Кеннеди информировал бывших президентов Гувера, Трумэна и Эйзенхауэра о планируемых им акциях. Он также срочно организовал встречу с 20 самыми влиятельными членами конгресса США [2]. На этой встрече сенатор Рассел потребовал, чтобы на Кубу было осуществлено прямое вторжение [3]. Вечером 22 октября, за час до того, как президент Кеннеди должен был выступить с обращением к американскому народу, государственный секретарь Раск пригласил к себе А. Ф. Добрынина. Раск сразу же заявил советскому послу, что имеет инструкцию не отвечать на какие-либо вопросы по тексту обоих документов и не комментировать их. Далее Раск передал Добрынину личное послание президента Кеннеди главе Советского правительства от 22 октября, а также текст обращения президента к американскому народу [4]. После ознакомления с этими документами американскому государственному секретарю было заявлено, что правительство США намеренно создает опасный кризис [5]. Внимание американского дипломата было обращено на то, что США, по существу, отказались от переговоров по всем вопросам, поднятым в выступлении президента, когда имели место советско-американские двусторонние встречи. Раск ничего не ответил на это замечание. И дело здесь было вовсе не в инструкции, а в том, что ему просто нечего было сказать... Ведь всего за несколько дней до этого он сам не стал развивать в беседе с министром иностранных дел СССР тему об американских военных ракетных базах вблизи границ Советского Союза и не задал никакого вопроса о «советских базах» на Кубе. В 19 час. по вашингтонскому времени президент Кеннеди зачитал по телевидению заявление, стремясь оправдать действия своего правительства [6]. Начался карибский кризис.

---

[1] *Th. Sorensen.* Opp. cit., p. 695.

[2] *A. M. Schlesinger.* Opp. cit., p. 812; *Th. Sorensen.* Opp. cit., p. 702.

[3] *A. M. Schlesinger.* Opp. cit., p. 812.

[4] В книге Р. Кеннеди выборочно излагается ряд мест из переписки между президентом США и главой Советского правительства, которая имела место между 22 и 26 октября (*R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 79—81).

[5] АВП СССР.

[6] «Documents on American Foreign Relations, 1962». Ed. by R. Stebbins, p. 374—380.

2. Дипломатические усилия СССР по ликвидации кризиса

К 22 октября 1962 г. правительство США сконцентрировало в районе Карибского моря крупные соединения военно-морского флота (183 единицы), военно-воздушных сил, парашютистов и морскую пехоту. В боевую готовность были приведены американские войска в Западной Европе. В воздух были подняты бомбардировщики (50% от общего их числа) стратегической авиации [1]. Подводные ядерные лодки с ракетами «Поларис» заняли оперативные позиции, угрожая социалистическим странам [2]. Мир стоял у порога термоядерной войны. Р. Кеннеди признал спустя несколько лет, что 22 октября он отправился спать, полный беспокойства и ужаса [3].

Для того чтобы хоть как-нибудь «легализовать» свои противоречащие международному праву акции в отношении Кубы и СССР, госдепартамент США срочно организовал 23 октября заседание в Вашингтоне Совета ОАГ, на котором была принята резолюция, оправдывающая действия правительства США. Резолюция призывала латиноамериканские страны «использовать военную силу» против Кубы [4]. 23 октября в 19 часов 6 минут (по Гринвичу) президент Кеннеди подписал «прокламацию 3504», объявлявшую, что «карантин» Кубы устанавливается с 14 часов 24 октября 1962 г. Прокламация включала в «наступательное оружие» не только ракеты типа «земля — земля», но и бомбардировщики. Министерству обороны было дано указание претворить директиву президента в жизнь [5].

23 октября советское посольство посетил брат президента, Р. Кеннеди. Он заявил, что его визит продиктован личными соображениями и что он не имеет поручений от президента [6]. Затем он стал излагать американскую версию о том, что лично президент Кеннеди считает себя введенным в заблуждение. На вопрос А. Ф. Добрынина, почему американское правительство, прежде чем встать на путь, чреватый военным конфликтом между СССР и США, не обратилось к Советскому правительству для разъяснения обстановки, Р. Кеннеди не дал вразумительного ответа. С советской стороны была выражена надежда, что

[1] «Внешняя политика СССР». М., 1968, стр. 232.

[2] *J. G. Stoessinger.* Opp. cit., p. 166.

[3] *R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 55—56.

[4] «Documents on American Foreign Relations, 1962». Ed by R. Stebbins, p. 380—383.

[5] Ibid., p. 383—384.

[6] Это заявление Р. Кеннеди не соответствовало действительности. Он явился в советское посольство по прямому поручению президента Кеннеди, чтобы установить контакт с советской стороной и еще раз попытаться объяснить акции правительства США. Об этом Р. Кеннеди рассказал позже в своей книге «Thirteen Days» (p. 63).

правительство США все же трезво оценит положение и не прибегнет к действиям, которые могут привести к катастрофе.

Р. Кеннеди, являвшийся одним из самых влиятельных членов американского кабинета, в беседе во время посещения советского посольства не счел возможным обговорить конкретные пути урегулирования кризиса. Однако чувствовалось, что он явно озабочен создавшимся положением. Покидая посольство, Р. Кеннеди еще раз подтвердил план осуществления морской блокады Кубы. Советским послом при этом было заявлено, что меры, предпринимаемые США в открытом море, нарушают международные нормы свободы судоходства и являются незаконными [1].

23 октября 1962 г. Советское правительство сделало заявление, в котором установление США морской блокады Кубы расценивалось как «беспрецедентные агрессивные действия». Внимание правительств других стран обращалось на то, что империалисты США готовы «толкнуть мир к пропасти военной катастрофы». «Народы всех стран,— отмечалось далее в заявлении,— должны ясно представлять себе, что, идя на такую авантюру, Соединенные Штаты Америки делают шаг на пути к развязыванию мировой термоядерной войны». В заявлении подчеркивалось также, что «если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар». Правительству США предлагалось принять неоднократно вносившиеся советские предложения о ликвидации военных баз, находящихся на иностранных территориях в различных частях света. Советское правительство поставило в ООН вопрос о срочном созыве Совета Безопасности для рассмотрения вопроса «О нарушении Устава ООН и угрозе миру со стороны Соединенных Штатов Америки» [2].

В период карибского кризиса шла интенсивная переписка по дипломатическим каналам между главой Советского правительства и президентом США. Советская сторона искала путь к мирному урегулированию вызванного США кризиса, чреватого угрозой всеобщему миру. В письме на имя президента от 23 октября 1962 г. Председатель Совета Министров СССР отметил, что оружие, находящееся на Кубе, независимо от того, к какому классу оно относится, предназначено только для целей обороны. Заявление президента США от 22 октября было охарактеризовано как неприкрытое вмешательство во внутренние дела Кубы, СССР и многих других государств. Была выражена надежда, что американское правительство проявит благоразумие и откажется от проводимых им необдуманных действий,

[1] АВП СССР.

[2] «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год». М., 1963, стр. 399—405.

которые могут привести к самым катастрофическим последствиям для мира во всем мире [1].

24 октября посольство США сообщило ответ американского президента на письмо главы Советского правительства. В нем снова делалась попытка возложить вину за возникновение карибского кризиса на Советский Союз. Вместе с тем президент США высказал беспокойство по поводу возможного дальнейшего развития событий. Он выражал надежду, что США и СССР проявят реализм и не предпримут шагов, еще более затрудняющих возможность держать события под контролем. В своем письме Кеннеди сообщал также, что установленный США карантин вступил в силу в 14 час. по гринвичскому времени 24 октября [2].

В ответном письме Председателя Совета Министров СССР от 24 октября было отмечено, что действия правительства США носят ультимативный характер, рассчитанный на то, чтобы запугать Советский Союз [3]. Американского президента призывали хладнокровно, не давая воли эмоциям, оценить сложившееся положение [4]. Менее чем через сутки Кеннеди дал ответ на это письмо главы Советского правительства, в котором пытался интерпретировать последовательность событий летом и осенью 1962 г. таким образом, чтобы оправдать свои действия по отношению к Кубе. Меры, предпринятые для укрепления обороноспособности Кубы, заявил Кеннеди, «требовали ответных действий, о которых я объявил». Вместе с тем Кеннеди выразил сожаление по поводу ухудшения отношений между СССР и США. Однако он все еще выдвигал надуманную версию о том, что только односторонние действия Советского правительства могут восстановить существовавшее ранее положение [5].

В период карибского кризиса американская дипломатия развернула в ООН большую активность, основной целью которой было оправдать агрессивные действия США против СССР и Кубы. 23 октября под председательством представителя СССР В. А. Зорина состоялось заседание Совета Безопасности. В повестку дня заседания были включены внесенный Советским Союзом вопрос о нарушении Устава ООН и угрозе миру со стороны США, запрос кубинского правительства об агрессивных действиях США против Кубы, а также письмо США. Зал заседаний Совета Безопасности был заполнен дипломатами и публикой до отказа. Первым на этом заседании выступил американский делегат Э. Стивенсон, предусмотрительно записавший-

[1] АВП СССР.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

ся в список ораторов еще 22 октября, во время выступления Кеннеди по радио и телевидению. Вся его речь свелась к попытке оправдать установление морской блокады Кубы правительством США. Затем Стивенсон представил в Совет Безопасности американский проект резолюции, в котором выдвигались требования о вывозе с Кубы советских ракет и направлении на Кубу наблюдателей ООН «для обеспечения выполнения настоящей резолюции». Только в случае выполнения этих требований США соглашались не проводить мер по карантину [1]. Был в американском проекте резолюции и пункт о том, чтобы СССР и США в срочном порядке обсудили вопрос о мерах по устранению существующей угрозы безопасности Западного полушария и миру во всем мире и представили об этом доклад Совету Безопасности. Таким образом, в указанном проекте резолюции, хотя и в завуалированной, демагогической форме, намечался отход от прежней, крайне воинственной позиции США в вопросе о путях разрешения карибского кризиса. Представитель Кубы в своем выступлении показал, что агрессивные действия США против Кубы, создавшие угрозу всеобщему миру, являются продолжением и усугублением враждебной в отношении Кубы политики, которая проводится правящими кругами США после победы Кубинской революции. Эти действия представляют собой прямое вмешательство во внутренние дела Кубы, грубое нарушение Устава ООН и общепризнанных норм международного права.

В выступлении представителя СССР были приведены многочисленные факты подобных действий США против Кубы за последнее время и показано, что правительство США, вместо выяснения путем переговоров и личных контактов, в частности во время недавней встречи министра иностранных дел СССР с президентом США, неясных для него действий СССР, предприняло противоречащие общепризнанным международным нормам односторонние агрессивные акции в Карибском море, которые поставили мир перед угрозой термоядерной войны. СССР выдвинул конкретные предложения о немедленном прекращении этих агрессивных действий и призвал вступить в переговоры с целью нормализации обстановки и предотвращения угрозы возникновения войны.

24 октября состоялось очередное заседание Совета Безопасности, на котором развернулась горячая дискуссия о положении в районе Карибского моря. В ней приняли участие делегации Венесуэлы, Англии, Румынии, Ирландии, Франции, Чили, ОАР, Ганы, а также исполнявший обязанности генерального секретаря ООН У Тан. Представитель Румынии полностью поддер-

[1] «Documents on American Foreign Relations, 1962», p. 383.

жал позицию Советского Союза и Кубы, осудивших угрозу миру со стороны США [1]. Представители ОАР и Ганы в ходе дискуссии поддержали право Кубы самостоятельно избирать свой политический режим и осуществлять необходимые меры обороны в целях отстаивания своей свободы и территориальной целостности. Они подчеркнули, что действия США по установлению блокады Кубы являются нарушением принципа свободы морей и угрожают миру и всеобщей безопасности. Гана и ОАР внесли свой проект резолюции, призывавший США, Кубу и СССР разрешить конфликт путем мирных переговоров [2]. Совершенно иной была позиция государств — членов НАТО. Ее определяли военно-блоковые интересы и нажим, который правительство США оказало на них. Английский представитель А. Дин поддержал агрессивные действия против Кубы и СССР. Понимая, очевидно, ту большую опасность, которую несет Англии наличие на ее территории нацеленных на СССР американских ракет, А. Дин одновременно высказался в пользу переговоров между заинтересованными сторонами. За переговоры высказался и французский представитель Р. Сейду. Поскольку ОАГ под нажимом США заняла антикубинскую позицию, представители Венесуэлы и Чили в Совете Безопасности поддержали предложение Стивенсона. Представитель Ирландии Эйкен призвал к мирному урегулированию возникшего кризиса путем переговоров. Принимавший участие в заседании Совета Безопасности У Тан зачитал текст своего послания Советскому правительству и правительству США, в котором содержалось пожелание, чтобы все втянутые в конфликт стороны встретились и обсудили ситуацию [3]. Он заявил также, что готов оказать необходимые услуги и находится в распоряжении обеих сторон. После окончания заседания 45 афро-азиатских стран выразили поддержку предложению У Тана. Но его позиция вызвала недовольство Стивенсона, который сообщил исполняющему обязанности генерального секретаря, что Дж. Кеннеди еще не принял решения об ответе на обращение [4].

Советское правительство в ответ на призыв У Тана «воздержаться от любых действий, которые могут обострить положение и принести с собой риск войны», заявило, что принимает это предложение [5]. Так как международная ситуация в связи с затяжкой правительством США ответа по существу на первое послание У Тана продолжала обостряться, последний 25 октября направил СССР и США новые послания, в которых еще раз

[1] U. N. Document S/5187, October 23, 1962 (ed. cit.).
[2] U. N. Document S/5190, October 24, 1962 (ed. cit.).
[3] U. N. Document S/PV. 1024, October 24, 1962 (ed. cit.).
[4] АВП СССР.
[5] «Внешняя политика Советского Союза...», стр. 410.

поставил вопрос о выработке основы для соглашения, направленного на урегулирование проблемы мирным путем в соответствии с Уставом ООН [1]. В телеграмме на имя Председателя Совета Министров СССР У Тан просил дать инструкции советским судам, «уже находящимся на пути в Кубу, держаться в стороне от района перехвата», чтобы избежать столкновения с кораблями Соединенных Штатов во время обсуждения различных вариантов возможного соглашения [2]. У Тан призвал также президента США дать инструкции соответствующим организациям об избежании непосредственного столкновения с советскими кораблями.

Второе послание У Тана США без ответа не оставили. Они согласились принять меры, исключающие столкновение американских и советских судов. Кеннеди сделал это против воли «ястребов», которые требовали от него, чтобы действия американских военных кораблей распространились за пределы зоны карантина, в открытом океане. Явной целью этих требований было спровоцировать столкновение между американскими и советскими судами. Как впоследствии отмечал Т. Соренсен, по этому вопросу произошла «острая стычка с представителями военно-морских сил» [3]. Тон ответа Дж. Кеннеди на письмо У Тана уже значительно отличался от его выступления по телевидению, когда президент угрожал Кубе и СССР морским карантином. «Я получил Ваше сегодняшнее послание,— писал он У Тану.— Я по-прежнему понимаю и приветствую Ваши усилия, направленные на достижение удовлетворительного решения. Я понимаю и разделяю Вашу озабоченность по поводу необходимости проявлять большую осторожность впредь до начала обсуждения» [4]. Кеннеди обещал У Тану, что американские военные корабли в Карибском море сделают все возможное, чтобы избежать непосредственного столкновения с советскими судами. В письме к У Тану Кеннеди снова утверждал, что «наступательное оружие» СССР на Кубе якобы угрожает миру [5]. Американский президент вновь извращал здесь причину конфликта, которая заключалась в агрессивности и авантюристичности внешней политики империалистических сил США.

25 октября состоялось новое заседание Совета Безопасности. На нем Стивенсон зачитал ответ Дж. Кеннеди на повторное обращение У Тана. Советским представителем, в свою очередь, было оглашено ответное письмо Советского правительства [6]. На

---

[1] «Document on American Foreign Relations, 1962», p. 389—391.
[2] «Внешняя политика Советского Союза...», стр. 412.
[3] *Th. Sorensen.* Kennedy. New York, 1965, p. 710.
[4] «Documents on American Foreign Relations, 1962», p. 391.
[5] Ibid.
[6] См. «Внешняя политика Советского Союза...», стр. 410—419.

заседании американский представитель вновь пытался оправдать действия США в районе Карибского моря, являющиеся нарушением Устава ООН. Стивенсон старался выдать агрессивные действия США, предпринятые в обход ООН, как согласованные действия Организации американских государств. Советский представитель В. А. Зорин разоблачил несостоятельность таких утверждений, отметив, что агрессивные действия, которые начали США, натолкнулись на отпор народов и большинства государств — членов ООН [1]. Представители ОАР и Ганы предложили прервать заседание Совета Безопасности, с тем чтобы позволить заинтересованным сторонам при содействии У Тана провести необходимые переговоры. Это предложение было принято Советом Безопасности.

Тактика правящих кругов США во время карибского кризиса свидетельствует о том, что они в октябре 1962 г. в своих действиях в значительной мере стремились использовать политический шантаж. Склонность американской дипломатии к довольно широкому использованию политического шантажа в послевоенной стратегии и тактике была тесно связана с тем, что рамки применения реальной, военной силы американским империализмом по мере укрепления оборонного потенциала социалистических стран, и прежде всего СССР, сужались. Это не означало, что воинствующие силы США не шли на применение военной силы путем использования «классических» видов вооружения. Достаточно напомнить о событиях в Корее, Лаосе, Вьетнаме, Доминиканской Республике, на Кубе, чтобы убедиться в этом. Что касается, однако, прямой военной конфронтации с Советским Союзом, то США стремились ее избегать, хотя Пентагон и ЦРУ часто высказывали свое несогласие с таким курсом. Американские президенты принимали это к сведению, но на прямое военное столкновение все же не решались.

В послевоенный период приемы и методы тактики политического шантажа внимательно изучались в американских научно-исследовательских институтах, занимающихся международными проблемами. Американские теоретики полагали: для того чтобы эта тактика была действенной, ей на помощь должны быть призваны средства массовой информации и дезинформации. Причем, в тот момент, когда заканчивался секретный этап операции по подготовке к тому или иному эпизоду в «войне нервов». Так было и в период карибского кризиса.

После того как спала пелена секретности, окутывавшая подготовку к карибскому кризису, с помощью массовых средств информации началось сильное психологическое давление в нужном для правительства США направлении на американское об-

[1] АВП СССР.

щественное мнение, на союзников США по военным блокам, развивающиеся страны и, конечно, на Советский Союз. На специальном инструктаже для представителей печати министр обороны США Р. Макнамара даже заявил, что США не остановятся перед потоплением советских судов, доставлявших на Кубу оружие «наступательных видов» [1]. Подобного рода высказывания быстро «просачивались» в печать, на радио и телевидение, которые активно нагнетали тревожную атмосферу, предсказывая скорую «пробу сил». Конечно, тактика политического шантажа не исчерпывала собой сложившееся положение. Р. Кеннеди признал позднее, что «президент Кеннеди наметил курс событий, привел их в движение, но уже не мог контролировать их» [2]. Решающую роль в том, что события были поставлены под контроль, сыграло Советское правительство. Заслуга же президента Кеннеди состоит в том, что он в конце концов устоял перед давлением «ястребов», призывавших к войне с Кубой и Советским Союзом.

25 и 26 октября обстановка продолжала накаляться. 26 октября глава Советского правительства направил президенту США ответ на его письмо от 25 октября. В нем подчеркивалось, что народы социалистических стран, а также все прогрессивное человечество хотят мира, рассматривают войну как бедствие, а не как игру и средство для достижения политических или других целей и тем более не как самоцель [3]. Американскому президенту было еще раз разъяснено, что его аргументы относительно «наступательного оружия» на Кубе не имеют под собой почвы, а решение США о карантине Кубы совершенно справедливо приравнено к пиратским мерам [4]. Далее в письме содержались конкретные предложения, которые позднее в значительной мере легли в основу урегулирования карибского кризиса. «Давайте нормализуем обстановку»,— предлагалось американскому президенту. Если бы президент и правительство США дали заверения, что США не осуществят нападение на Кубу и сдержат от таких действий других, то международная обстановка быстро изменилась бы к лучшему [5]. Вместе с тем было твердо заявлено, что если США установили карантин в качестве первого шага к развязыванию войны, то у СССР ничего другого не остается, как принять этот вызов [6].

Характерно, что Р. Кеннеди в своей книге «Тринадцать дней» дает ряд выдержек (в прямой и косвенной форме) из по-

---

[1] АВП СССР.
[2] *R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 71.
[3] АВП СССР.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

слания советской стороны от 26 октября [1]. Он, однако, не приводит высказывания о том, что Советский Союз будет вынужден принять военный вызов США, если таковой будет ему навязан американской стороной. Это положение советского послания от 26 октября свидетельствовало о твердости Советского Союза перед лицом агрессивных действий империалистических сил США. Вместе с тем эта твердость, как видно из послания, сочеталась с гибкостью. Недаром Р. Кеннеди впоследствии признал, что в советском послании содержались «зачатки какого-то компромисса, какого-то соглашения», и это вселило в него чувство оптимизма [2].

Правительство Кубы, как известно, также предприняло шаги к тому, чтобы искать мирные пути урегулирования карибского кризиса. Оно положительно реагировало на акции исполняющего обязанности генерального секретаря ООН. 26 октября У Тан направил Фиделю Кастро послание, в котором призвал Кубу внести свой вклад в дело сохранения мира «в нынешних критических обстоятельствах» [3]. 27 октября премьер-министр Кубы дал ответ, в котором отмечалось, что Куба готова обсудить все, что будет необходимо, относительно ее разногласий с Соединенными Штатами и сделать в сотрудничестве с ООН все от нее зависящее, чтобы разрешить существующий кризис. Вместе с тем в послании содержалось справедливое замечание о том, что Куба решительно отвергает действия, нарушающие ее суверенитет, каковым является и морская блокада — акт насилия и войны. Правительство Кубы сообщило, что оно было бы готово принять предлагаемые У Таном условия, «если только в то же самое время правительство Соединенных Штатов воздержится в период переговоров от угроз и агрессивных действий против Кубы, включая морскую блокаду нашей страны». Это была справедливая и четкая позиция. Ф. Кастро выразил также готовность внимательно рассмотреть любое новое предложение У Тана и пригласил его посетить Кубу для того, чтобы обсудить на месте вопросы, связанные с карибским кризисом [4]. У Тан высоко оценил миролюбивую политику кубинского правительства и в своем ответе Фиделю Кастро дал согласие приехать на остров, чтобы «продолжить наши общие усилия по мирному урегулированию проблемы» [5].

Поздно вечером 27 октября советского посла в США А. Ф. Добрынина пригласил к себе Р. Кеннеди. Беседа с послом велась наедине. Р. Кеннеди заявил: кубинский кризис продол-

[1] *R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 86—91.
[2] Ibid., p. 90.
[3] «Documents on American Foreign Relations, 1962», p. 404.
[4] Ibid., p. 405.
[5] Ibid., p. 405—406.

жает быстрыми темпами обостряться. Далее он рассказал, что из-за сбитого над Кубой американского разведывательного самолета на его брата со стороны Пентагона оказывается сильное давление. Затем он выразил опасение, что если начнется война, то в ней погибнут миллионы американцев. Правительство США, заявил он, стремится избежать этого. Он далее высказал мнение, что уверен в таком же стремлении Советского Союза. Промедление с поисками выхода из кризиса связано с большой опасностью и риском. Р. Кеннеди заметил, что в США среди высокопоставленных генералов много глупых голов, которые так и рвутся, чтобы подраться. Он не исключил возможности того, что ситуация может выйти из-под контроля, а это повлечет за собой непоправимые последствия. Р. Кеннеди заявил также, что, по мнению президента, подходящей базой для урегулирования карибского кризиса могли бы явиться советские предложения от 26 октября и ответное письмо американской стороны. Правительство США готово дать заверения, что никакого вторжения на Кубу не будет и все страны Западного полушария — в этом он уверен — готовы дать аналогичные заверения [1].

Советский посол поднял вопрос о необходимости ликвидировать американские ракетные базы в Турции. Р. Кеннеди не отклонил такой возможности. Он заметил, что подобное решение может быть принято НАТО, и далее заявил: «Президент Кеннеди уже давно стремится вывезти эти ракеты из Турции и Италии. Некоторое время назад он распорядился об удалении этих ракет, и мы считаем, что вскоре после окончания нынешнего кризиса эти ракеты будут вывезены [2]. Это было уже вполне определенное обещание в дополнение к основному согласию правительства США дать гарантии о невторжении на Кубу.

В ходе беседы Р. Кеннеди настойчиво возвращался к одной теме: время не терпит, нельзя его упускать. С этими словами он и расстался с советским послом, оставив ему номер прямого телефона в Белый дом и заметив, что почти все время проводит вместе с президентом. Таким образом, Дж. Кеннеди и его ближайшее окружение, встретив твердую, но в то же время гибкую позицию Советского правительства, отказались от ультимативных требований, изложенных президентом США 22 октября, и взяли курс на поиск компромиссной основы для ликвидации карибского кризиса. Советскому послу в США было дано поручение сообщить американской стороне, что соображения, высказанные по просьбе президента Кеннеди, встретили в Москве положительный отклик [3].

---

[1] АВП СССР.
[2] *R. F. Kennedy*. Opp. cit., p. 108—109.
[3] АВП СССР.

27 октября в официальном послании Советского правительства были выдвинуты компромиссные предложения, которые и послужили основой для урегулирования кризиса. СССР согласился вывезти с Кубы ракеты, которые США считали «наступательными», но при обязательном условии, что американское правительство согласится уважать неприкосновенность границ Кубы и обязуется не осуществлять в отношении ее агрессии [1]. В Вашингтоне реакция на советское послание была противоречивой. Противники ликвидации кризиса настаивали на том, что США не должны соглашаться с требованием СССР о вывозе американских ракет из Турции [2]. Отражением такого рода агрессивных настроений стало заявление Белого дома от 27 октября 1962 г., в котором делалась попытка доказать, что проблемы безопасности Западного полушария и проблемы безопасности Европы не взаимосвязаны и что карибский кризис должен быть урегулирован, прежде чем можно будет взяться за решение других проблем [3]. Таким образом, публично американское правительство не хотело обсуждать вопрос о ликвидации ракетных баз США в Турции. В то же время, как отмечает Р. Кеннеди, в конфиденциальном порядке этот вопрос обсуждался, и президент Кеннеди принял принципиальное решение о вывозе американских ракет из Турции.

Советские предложения от 27 октября были в высшей степени справедливыми. Это вынуждены признать и многие видные американские исследователи карибского кризиса. Так, Дж. Стоссинджер в своей работе «Могущество государств» пишет, что советские предложения «выглядели разумными, они отражали широко распространенное среди нейтралов мнение, что обе стороны должны пойти на компромисс и пожертвовать чем-то. Такая позиция широко поддерживалась в ООН, и ряд видных западных комментаторов, например Липпман, приветствовали ее» [4].

Основные советники президента к 27 октября уже были хорошо осведомлены о настроениях Дж. Кеннеди. В результате к вечеру того же дня в Вашингтоне было подготовлено ответное послание Советскому правительству, где президент США дал заверения об отказе от вторжения на Кубу, а также обещал быстро отменить карантин [5]. Но даже в тот момент некоторые представители Пентагона все еще внушали президенту Кеннеди, что не следует идти на компромисс. Р. Кеннеди приводит, например, следующий факт: «В то памятное воскресное утро,

[1] «Внешняя политика Советского Союза...», стр. 416.
[2] *R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 101—102.
[3] «Documents on American Foreign Relations, 1962», p. 396.
[4] *J. G. Stoessinger.* Opp. cit., p. 167—168.
[5] «Внешняя политика Советского Союза...», стр. 418.

когда русские сообщили, что они вывезут свои ракеты, один высокопоставленный военный советник рекомендовал, чтобы Соединенные Штаты в понедельник в любом случае перешли к наступательным действиям». И далее: «Президента Кеннеди крайне тревожила неспособность военных видеть дальше ограниченной военной области» [1].

28 октября Советское правительство направило правительству США новое послание, в котором подтвердило свою готовность выполнять взятые на себя обязательства в связи с карибским кризисом и вместе с тем заявило, что СССР будет продолжать оказывать Кубе помощь в борьбе против агрессии [2]. 28 октября президент Кеннеди сделал заявление, в котором обещал, что США, после того как будет полностью ликвидирован карибский кризис, уделят большое внимание «проблеме предотвращения гонки вооружений и ослабления международной напряженности». Далее Дж. Кеннеди выступил за достижение соглашения о нераспространении ядерного оружия, о запрещении ядерных испытаний и предложил немедленно начать переговоры по этим проблемам в «конструктивном духе» [3].

1 ноября 1962 г. в Гавану для обмена мнениями с правительством Кубы по проблеме карибского кризиса вылетел первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. Направляясь на Кубу, он остановился в Нью-Йорке, где у него состоялась беседа о путях ослабления международной напряженности с У Таном, а также с Э. Стивенсоном. На Кубе в ходе обмена мнениями между А. И. Микояном и Фиделем Кастро были согласованы точки зрения о мирном урегулировании карибского кризиса. В течение первой половины ноября по дипломатическим каналам и через ООН шел обмен мнениями по поводу ликвидации остатков вызванного США кризиса. Переговоры проходили, во-первых, путем обмена устными заявлениями между советской и американской сторонами и, во-вторых, в ходе бесед между американским представителем Д. Макклоем и первым заместителем министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецовым.

В ходе имевших место советско-американских контактов по урегулированию карибского кризиса президент Кеннеди и другие американские официальные лица неоднократно проявляли непоследовательность при решении проблем, связанных с возникшей по их же вине острой ситуацией. Они, например, пытались, выходя за рамки достигнутой ранее договоренности, произвольно толковать термин «наступательное оружие»; всячески

---

[1] *R. F. Kennedy.* Opp. cit., p. 119.
[2] «Правда», 29 октября 1962.
[3] «Documents on American Foreign Relations, 1962», p. 402.

усложняли вопрос о том, какую форму следует придать договоренности, в соответствии с которой США брали на себя обязательство не совершать агрессии против Кубы. Все это отражало острую борьбу в политических кругах США, где экстремисты, недовольные достигнутым компромиссом, стремились если не сорвать его, то, во всяком случае, свести к такому положению, которое давало бы США преимущества. Несмотря на это, президент Кеннеди все же в основном продолжал придерживаться уже достигнутой договоренности. 16 ноября он высказался в пользу того, чтобы американские заверения были официально оформлены [1]. США предстояло зафиксировать обязательство не нападать на Кубу и удерживать от этого другие страны Западного полушария, а также прекратить блокаду Кубы. В результате сложной дипломатической борьбы, в ходе которой Советское правительство заняло инициативную и гибкую позицию, основные проблемы карибского кризиса были решены. 20 ноября президент Кеннеди объявил на пресс-конференции о снятии карантина. 21 ноября Советское правительство дало указание ракетным войскам межконтинентального и стратегического назначения перейти от полной боевой готовности к нормальной боевой подготовке и деятельности. В стратегической авиации также было отменено состояние боевой готовности [2].

Что касается принятия согласованных заявлений СССР и США в ООН, которые как бы подводили итог выполнению взаимных обязательств сторон (выдвинутых в посланиях глав правительств СССР и США), то американская сторона всячески затягивала доведение этого дела до конца. Для оправдания такой позиции приводились рассуждения о том, будто бы СССР «отступил» от ряда своих обязательств, например в вопросе о проверке. Наряду с этим Дж. Кеннеди в принципе высказался за продолжение работы над текстами деклараций и предложил ускорить представление американской стороне советского текста [3]. Таким образом, удалось достичь согласия о том, что урегулирование карибского кризиса должно быть оформлено в виде деклараций трех сторон — СССР, Кубы и США,— которые представляются на одобрение Совету Безопасности.

Оставалось согласовать тексты деклараций [4]. Американские представители, однако, стали настаивать на том, чтобы декларации не подлежали одобрению Советом Безопасности, а были просто «зарегистрированы» в ООН. Вскоре стало ясно, что пра-

---

[1] АВП СССР.
[2] «Внешняя политика Советского Союза...», стр. 427.
[3] АВП СССР.
[4] Там же.

вительство США приняло решение затянуть, а затем и сорвать переговоры о выработке деклараций. Для оправдания такого хода событий перед мировой и американской общественностью в печати США инспирировался с ведома президента ряд статей близких к Белому дому журналистов, которые снова в извращенном виде преподносили события, предшествовавшие карибскому кризису. В частности, в журнале «Saturday Evening Post» была опубликована статья «Белый дом во время кубинского кризиса». В ней всячески превозносилась деятельность президента Кеннеди во время карибского кризиса и резко критиковался представитель США в ООН Э. Стивенсон, который, как заявлялось, еще в начале кризиса был сторонником переговоров с СССР, а не «решительного» курса, чреватого военным столкновением. Делалась также попытка вновь обвинить СССР в том, что его представители «вводили американского президента в заблуждение». Эти шаги были предприняты с явной целью осложнить переговоры в Нью-Йорке по вопросу об обязательстве США не вторгаться на Кубу.

7 января 1963 г. представитель СССР на переговорах по урегулированию карибского кризиса В. В. Кузнецов и представитель США в ООН Э. Стивенсон обратились с совместным письмом к генеральному секретарю ООН У Тану. Они отметили, что, хотя обоим правительствам «не удалось разрешить все проблемы», связанные с карибским кризисом, они считают, что «достигнутая степень согласия между ними по урегулированию кризиса» делает ненужным оставление данной проблемы в повестке дня Совета Безопасности ООН. Далее в письме говорилось: «Правительства Соединенных Штатов Америки и Советского Союза выражают надежду, что предпринятые в связи с кризисом действия по предотвращению угрозы войны приведут к разрешению других разногласий между ними и к общему ослаблению напряженности, которая могла бы быть причиной сохранения угрозы войны» [1].

«После Плайя-Хирон упорное стремление империалистов решить вооруженным путем кубинский вопрос вызвало карибский кризис,— говорил Первый секретарь ЦК Компартии Кубы Ф. Кастро,— в результате которого правительство Соединенных Штатов, после того, как оно поставило мир на грань ядерной катастрофы, было вынуждено пойти на компромисс, взять на себя обязательство не нападать на Кубу, что вместе с твердой позицией и решительной поддержкой со стороны Советского Союза явилось важной гарантией безопасности нашей страны» [2].

[1] «Documents on American Foreign Relations, 1963», p. 369.

[2] «Визит Леонида Ильича Брежнева в Республику Куба». М., 1974, стр. 21.

Однако и в начале 1963 г. все еще имели место попытки со стороны «бешеных» толкнуть правительство США на новые авантюристические действия против Кубы и СССР. На своей пресс-конференции 7 февраля 1963 г. президент Кеннеди признал, что правительство США «каждый месяц получает сотни сообщений» об обстановке в районе Карибского моря, которые не соответствуют действительности. Он подтвердил, что даже ряд членов конгресса США поставляют такую «информацию», одновременно отказываясь сообщать о ее источниках. «Мы не можем основывать решение вопросов войны и мира, исходя из слухов или сообщений, которые не затрагивают существо проблемы...» — констатировал президент [1]. Далее Дж. Кеннеди прямо заявил критикам деятельности его правительства, что он не верит в то, что Советский Союз хочет «большой войны» [2]. Официальные заявления американского президента о невторжении на Кубу показали, что США в своей внешней политике вынуждены учитывать итоги переговоров между правительствами СССР и США в конце 1962 г.

[1] «Documents on American Foreign Relations, 1963», p. 370.
[2] Ibid., p. 373.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ
(1945—1963 гг.)

Проблемы разоружения после окончания второй мировой войны

После окончания второй мировой войны вопрос о разоружении стал одной из самых насущных проблем международной жизни. С этого времени важные встречи представителей государств или конференции, посвященные обсуждению международных дел, не обходились без того, чтобы на них не затрагивались те или иные аспекты проблемы разоружения. Дипломатии различных государств и блоков встретились на переговорах по разоружению, и почти всегда по поведению страны на этих переговорах можно было составить довольно четкое представление о ее принципиальном отношении к вопросам войны и мира.

Как покончить с накоплением средств массового уничтожения и тем самым ограничить возможность возникновения и ведения новых войн? Этот вопрос приобрел особую актуальность после взрыва первых американских атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки, унесших и искалечивших в одно мгновение около четверти миллиона человеческих жизней. Появление в середине 50-х годов нового средства доставки атомного и водородного оружия к цели — ракет, способных в считанные минуты доставить смертоносный груз к объекту бомбардировки, произвело подлинную революцию в средствах ведения войны и сделало еще более настоятельным необходимость ограничения гонки вооружений. Широкие слои общественности повсюду все более решительно выступали за разоружение.

Важнейшим фактором, который привел к развертыванию борьбы за решение этого вопроса, явился рост могущества и международного авторитета Советского Союза.

Разоружение не может быть навязано силой одним государством другому, если речь не идет о победителе и побежденном. Только в результате переговоров, поисков взаимоприемлемых соглашений и компромиссов может быть ограничено и приостановлено создание и накопление орудий войны. Поэтому борьба за разоружение происходит в различных общественно-

политических сферах, в частности в области дипломатической. Во внешнеполитической программе Советского Союза и в деятельности его дипломатии после второй мировой войны борьба за разоружение заняла одно из центральных мест. Естественными союзниками СССР в этом вопросе стали социалистические государства, правительства и общественность других миролюбивых стран.

США сразу же после окончания войны, опираясь на свою экономическую и военную мощь, взяли курс на то, чтобы обеспечить за собой мировую гегемонию, и поэтому не проявили никакой заинтересованности в разоружении. Особые расчеты в проведении такой политики США строили на том, что в течение некоторого времени они были единственным в мире обладателем атомного оружия. Однако под давлением общественного мнения американские правящие круги пытались создать видимость, будто они готовы согласиться на ограничение этого вида вооружений. Советский Союз в основу своей политики в области разоружения поставил задачу добиться запрещения атомного оружия и использования атомной энергии только в мирных целях на благо народов.

За осуществление этой задачи Советский Союз развернул активную и последовательную борьбу.

Важным событием в послевоенной истории переговоров по вопросам разоружения было Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г. На нем при содействии Советского Союза было принято решение рекомендовать Генеральной Ассамблее ООН учредить Комиссию по атомной энергии. Комиссия должна была заняться подготовкой предложений о том, как обеспечить запрещение атомной бомбы и направить использование атомной энергии исключительно на мирные цели [1].

24 января 1946 г. первая сессия Генеральной Ассамблеи постановила учредить Комиссию ООН по атомной энергии из 12 членов (11 государств — тогдашних членов Совета Безопасности плюс Канада как производитель расщепляющихся материалов) и поручила ей разработать предложения об «исключении из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения», и о «контроле над атомной энергией в объеме, необходимом для обеспечения использования ее только в мирных целях» [2].

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы, 1945 год». М., 1949, стр. 164—166.

[2] «Объединенные Нации. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой части первой сессии с 10 января по 14 февраля 1946 г.», Лондон, 1946, стр. 9.

В июне 1946 г. Комиссия ООН по атомной энергии официально приступила к работе.

«План Баруха» — орудие «атомной дипломатии» США

Однако обеспечить выполнение возложенных на Комиссию задач оказалось невозможным. Делегации прибыли на переговоры с разными целями и инструкциями. 14 июня 1946 г. американская делегация на заседании Комиссии по атомной энергии извлекла из своего портфеля проект установления международного контроля над атомной энергией. Эти предложения получили известность как «план Баруха», поскольку они были изложены в выступлении представителя США в Комиссии — Бернарда Баруха [1]. (Впоследствии они были развиты и конкретизированы в трех меморандумах, внесенных американской делегацией в Комиссию.) Весьма примечательно, что американский план международного контроля над атомной промышленностью и сырьем для нее был выдвинут крупным представителем деловых кругов США, «человеком Моргана», который во время двух мировых войн специализировался на мобилизации промышленности для военных целей [2]. Американский бизнес пристально следил за шагами своей дипломатии на начавшихся переговорах. Барух был тем деятелем, который пользовался доверием определенных деловых кругов США. Еще в сентябре 1939 г. в интервью газете «Нью-Йорк геральд трибюн» он заявил, что для обеспечения руководящей роли в мире Соединенным Штатам необходимо иметь сильную армию и новейшее «смертоносное оружие» [3]. Спустя много лет сам Барух после появления на свет плана, названного его именем, похвалялся, что президент Трумэн доверял ему вести переговоры с русскими по атомной энергии по собственному усмотрению.

«План Баруха» предусматривал «интернационализацию» всего атомного производства, запрещение всем государствам создавать национальную атомную промышленность и владеть атомными предприятиями. В нем предлагалось учредить международный орган по атомной энергии, наделенный обширными правами. В его компетенцию входило развитие и использование атомной энергии на всех этапах, начиная с сырьевых материалов и включая:

«1. Административное руководство или владение всей деятельностью в области атомной энергии, являющейся потенциально опасной для международной безопасности.

---

[1] Текст «плана Баруха» см. в сборнике документов «50 лет борьбы СССР за разоружение». М., 1967, стр. 200—207.

[2] См. *Д. Аллен.* Атомный империализм. М., 1952, стр. 36.

[3] *М. Гусев.* Борьба Советского Союза за сокращение вооружений и запрещение атомного оружия. М., 1951, стр. 24.

2. Право контролировать, инспектировать и разрешать все другие виды деятельности в атомной области.

3. Обязанность содействовать полезному использованию атомной энергии.

4. Ответственность за научные исследования и развитие».

Основой основ «плана Баруха» было создание системы «контроля над применением атомной энергии путем установления различных форм собственности, владения, разрешений, эксплуатации, наблюдения, изысканий и управления через посредство компетентного персонала». Международный орган должен был получать и хранить всю информацию о мировых запасах урана и тория и обеспечить за собой «владение» ими. Только под руководством этого органа могли производиться геологическая разведка, добыча, обработка и распределение ядерного сырья.

Власть его распространялась еще дальше. «Международный орган,— заявил Барух,— должен осуществлять полный административный контроль над производством расщепляющихся материалов. Это значит, что он должен контролировать и эксплуатировать все заводы, производящие расщепляющиеся материалы в опасных количествах, и что ему должна принадлежать собственность и контроль над продукцией этих заводов». Понятие «опасное количество» расщепляющихся материалов должно было определяться решением Международного органа. Он же предоставлял лицензии на мирное применение этих материалов в какой бы то ни было отрасли хозяйства и на исследовательскую работу в атомной области.

Выступая перед одной из комиссий сената США, директор крупной американской компании «Монсанто кемикл» Томас заявил: «По нашему проекту мы получаем весь русский уран в распоряжение международной организации. Все радиоактивные материалы всего мира будут находиться в ведении организации и прежде всего у нас. В России будет группа геологов, ведущих разведку по всей территории и собирающих сведения относительно наличия урана» [1]. (Разумеется, помимо этих сведений, международные контролеры получали бы данные о десятках других отраслей промышленности и энергетики инспектируемой страны, которые тесно связаны с атомным производством.)

Передача во владение Международного органа оборудования, аппаратуры, сырья и других материалов должна была производиться по стадиям, начиная с добычи сырья. Затем контроль распространялся на промышленное производство и только после этого на взрывчатые вещества. Таким образом, контроль над имевшимися у США расщепляющимися материалами и

[1] «Правда», 21 ноября 1953 г.

атомными бомбами предполагалось установить в последнюю очередь, после «интернационализации» всего атомного производства в мире, т. е. фактически после подчинения его только США.

Поскольку США располагали в то время в ООН и в Комиссии по атомной энергии механическим большинством голосов, они рассчитывали на безраздельное господство в Международном органе и бесконтрольное управление им. Персонал Международного органа должен был набираться по признаку «установленной компетентности, а также, насколько это возможно, и по принципу международного представительства». США явно имели в виду, используя свое политическое и экономическое влияние, укомплектовать персонал главным образом американцами, а также персоналом из стран — союзниц США.

Все это, однако, казалось кое-кому в Соединенных Штатах еще недостаточным для утверждения своей монополии в атомном производстве, и они хотели закрепить за всесильным Международным органом право на исследования в области атомного оружия. «Международному органу,— говорилось в их плане,— должно быть предоставлено безраздельное и исключительное право производства изысканий, относящихся к атомным взрывчатым веществам». Такая привилегия якобы нужна была этому органу для эффективного осуществления контрольных функций. Вместе с тем прекращение производства ядерного оружия, являвшееся в то время монополией США, откладывалось на неопределенный срок и обставлялось многочисленными условиями. Представитель США заявил, что, «прежде чем какая-либо страна будет готова отказаться от каких-либо важных орудий войны, ей нужно дать что-то большее, чем слова убеждения. Она должна иметь гарантию безопасности не только против правонарушителей в атомной области, но также и против тех, кто может неправомерно пользоваться другими орудиями войны, как-то: бактериологическими и биологическими препаратами и газами, а может быть,— и почему нет — и против войны вообще». Еще во время работы Комиссии по атомной энергии 10 июля 1946 г. Трумэн телеграфировал Баруху: «Я придерживаюсь мнения, что ни при каких обстоятельствах мы не должны выбрасывать за борт свое оружие до тех пор, пока мы не будем уверены, что весь остальной мир не может вооружиться против нас» [1]. Таким образом, свой отказ от атомного оружия США, по сути дела, ставили в зависимость от полного разоружения всех других государств.

Еще в начале 1946 г. заместитель государственного секретаря США Ачесон и ряд других лиц, принимавших участие в под-

[1] *B. Baruch.* The Public Years. New York, 1960, p. 373—374.

готовке предложений, оглашенных Барухом, писали: «План вовсе не требует, чтобы Соединенные Штаты прекратили производство атомных бомб ни после того, как он будет предложен, ни после учреждения международного органа... Это решение, когда бы оно ни было принято, сопряжено с соображениями высшей политики, затрагивающими нашу безопасность, и должно быть одобрено нашим правительством согласно его конституционной процедуре» [1].

Не принимая на себя никаких обязательств по атомному разоружению, США вместе с тем предлагали разработать систему «наказаний» за нарушения условий контроля другими странами. Вполне естественно, что предлоги для такого наказания могли быть самыми разными, а мера наказания могла иметь весьма широкий диапазон — от экономических санкций до применения оружия.

С помощью «плана Баруха» правительство США хотело перекроить по своей воле Устав ООН. Ссылаясь на то, что наказание должно приводиться в действие незамедлительно, США предлагали отказаться в будущем Международном органе от принципа единогласия пяти держав — постоянных членов Совета Безопасности, от их согласованных действий при решении такой крупнейшей международной проблемы, каковой являлось ядерное разоружение. Американские политики рассматривали принцип единогласия великих держав как нежелательное препятствие и на пути полного подчинения Соединенным Штатам международной организации по атомной энергии.

Пользуясь своим тогдашним положением монополиста в области производства атомного оружия, Соединенные Штаты хотели сколотить своего рода международный сверхкартель по использованию атомной энергии с участием всех государств мира, в котором США, как обладатели контрольного пакета акций, играли бы роль всесильного босса, распоряжающегося атомным сырьем и производством на всем земном шаре. Заняв такое положение и обязав другие страны не создавать собственное ядерное оружие, США в то же время стремились сохранить в неприкосновенности свои ядерные арсеналы. Они рассчитывали навязать свой план другим государствам, и прежде всего Советскому Союзу, с помощью грубого нажима, который только внешне был прикрыт миролюбивой фразеологией.

В те годы американские представители нимало не стеснялись в выборе средств давления даже во взаимоотношениях со своими ближайшими союзниками. Когда в конце 1946 г. перед

---

[1] «A Report on the International Control of Atomic Energy prepared for the Secretary of State's Commitee on Atomic Energy by a Board of Consultants». Washington: Government's printing office, 1946, p. VI.

голосованием в Комиссии по атомной энергии английский представитель А. Кадоган заикнулся было в разговоре с Барухом, что он имеет инструкции не поддерживать выдвинутый США проект резолюции, то Барух в присутствии многих свидетелей заявил ему, что он найдет такие слова осуждения в адрес Англии, по сравнению с которыми слова «предательский Альбион» будут звучать похвалой [1]. После этого Кадоган проголосовал за американское предложение.

За дипломатией США в тот период так и закрепилось название «атомной дипломатии». Основу ее составляла временная монополия американской военщины на атомную бомбу. Ядерное оружие для определенных кругов США было средством проведения их антисоветского курса. Еще летом 1945 г., накануне первого испытательного взрыва американской атомной бомбы, президент США Трумэн, по свидетельствам очевидцев, имея в виду русских, хвастливо заявил: «Если она взорвется,— а я думаю, что так и будет,— то у меня в руках появится дубинка против этих парней» [2].

«План Баруха» рассматривался империалистическими кругами США как важный политический инструмент обеспечения их гегемонии в мире.

Борьба СССР за запрещение атомного оружия

Выступая искренне и последовательно в защиту мира, советская дипломатия вела настойчивую борьбу по разоблачению милитаристской политики империалистических сил, их обструкционистской тактики на переговорах по разоружению. Одновременно Советский Союз стремился утвердить справедливые и приемлемые для всех стран принципы разоружения. Советские предложения о прекращении гонки вооружений были решающим вкладом в общую борьбу миролюбивых сил против милитаризма.

Делегации СССР в ООН и на других переговорах по разоружению стремились направить дискуссии в конструктивное русло, которое вело бы к кардинальному и эффективному решению обсуждаемой проблемы. На заседании Комиссии по атомной энергии 19 июня 1946 г. Советский Союз внес два конкретных предложения: проект «Международной конвенции о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения», а также предложение об организации работы Комиссии по атомной энергии. Выдвигая проект конвенции, представитель СССР А. А. Громыко заявил: «Не может быть действенной и эффективной система мира, если открытие путей использования атом-

[1] *B. Baruch.* Opp. cit., p. 379.

[2] *M. Amrine.* The Great Decision. New York: G. P. Putnew's Sons, 1964, p. 161.

ной энергии не будет поставлено на службу человечеству и не будет применяться только в мирных целях. Использование этого открытия только в интересах подъема благосостояния народов и расширения научных и культурных горизонтов будет способствовать укреплению дружественных отношений между ними» [1].

В противоположность «плану Баруха» советский проект конвенции о запрещении производства и применения атомного оружия предусматривал конкретные обязательства ее государств-участников:

1) не применять ни при каких обстоятельствах атомного оружия;

2) запретить производство и хранение этого оружия;

3) уничтожить в трехмесячный срок, считая со дня вступления в силу конвенции, весь запас готовой и незаконченной продукции атомного оружия [2].

Нарушения этих обязательств предлагалось объявить «тягчайшим международным преступлением против человечества», наказуемым в самом суровом порядке по законам, которые должны были принять участники конвенции.

Советские предложения находились в полном соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 24 января 1946 г., предлагавшей исключить атомную бомбу из арсеналов государств. Однако сама конвенция мыслилась Советским Союзом только как начало тех мероприятий, которые в конечном итоге должны были полностью предотвратить использование атомной энергии во вред человечеству. Делегация СССР в Комиссии по атомной энергии заявила по поручению своего правительства, что за этим актом должны последовать другие шаги, обеспечивающие строгое соблюдение обязательств, взятых по конвенции, в том числе и такая важная мера, как «установление системы контроля за соблюдением конвенции и принятие решений в отношении санкций против незаконного использования атомной энергии» [3]. Впоследствии по всем этим вопросам советские представители дали детально разработанные предложения.

Второй документ, предложенный Советским Союзом, касался практической организации работы Комиссии по атомной энергии. Он предусматривал учреждение двух комитетов, которые, являясь вспомогательными органами Комиссии, должны были заняться всесторонним рассмотрением проблемы атомной

[1] «Известия», 21 июня 1946 г.

[2] «Организация Объединенных Наций. Комиссия по атомной энергии», Документ АЕС 7, см. также «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 208—210.

[3] «Известия», 21 июня 1946 г.

энергии и разработкой рекомендаций для Комиссии во исполнение решений Генеральной Ассамблеи и других органов ООН. Один из комитетов должен был рассматривать меры по предотвращению военного использования атомной энергии, а другой — вопросы обмена научной информацией в атомной области с целью содействия мирному применению энергии атома [1].

Таким образом, советский проект конвенции о запрещении производства и применения атомного оружия и американский «план Баруха» явились исходными рубежами в дискуссии между СССР и США по ядерному разоружению. Они отражали две противоположные линии в мировой политике: СССР выступал за полный запрет и уничтожение ядерного оружия, США стремились любыми средствами сохранить в своих руках это оружие. 14 декабря 1946 г. на второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН голосами всех участвовавших в ее работе 54 делегаций была принята важная резолюция относительно принципов, определяющих общее регулирование и сокращение вооружений. В ней подчеркивалась необходимость скорейшего регулирования и сокращения вооружений и вооруженных сил, а также содержалась рекомендация Совету Безопасности ООН незамедлительно приступить к разработке мероприятий, обеспечивающих достижение этой цели. Наличие сильных антивоенных настроений во всем мире обеспечило принятие этого полезного решения: даже самые закоренелые противники разоружения не решились открыто выступить против него.

Что же касается вопроса о ядерном разоружении, то первоначально на Генеральной Ассамблее было внесено два различных проекта — советский и американский. Но в ходе дискуссии советская дипломатия проявила гибкость и стремление к поискам взаимоприемлемых решений. Делегация СССР согласилась не настаивать на голосовании своего проекта и заявила о готовности взять за основу американский, хотя последний и страдал рядом недостатков. Для их устранения советская делегация предложила некоторые поправки. Позиция Советского Союза была направлена на предотвращение раскола в Ассамблее по вопросу об основных принципах разоружения. В результате было принято решение, в котором еще раз подтверждалась настоятельная задача запрещения и изъятия из национальных вооружений атомного оружия. Генеральная Ассамблея рекомендовала, чтобы «Совет Безопасности ускорил рассмотрение проекта конвенции или конвенций по созданию международной системы контроля и инспекции, причем эти конвенции будут включать запрещение атомного и всех других основных

[1] См. «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 198—199.

видов оружия, которые могли бы применяться в настоящее время и в будущем для массового уничтожения, а также контроль над атомной энергией в объеме, необходимом для обеспечения использования ее только в мирных целях» [1].

Эта резолюция явилась одним из немногих позитивных документов по вопросам разоружения, появившихся в то время на свет в стенах ООН. С 1947 г. определенные силы в США начали все более открыто проводить линию на развязывание и обострение «холодной войны». Олицетворением этой политики явились «доктрина Трумэна» и «план Маршалла». США непримиримо выступали против любых мер по запрещению ядерного оружия.

В июле 1947 г. в рабочем комитете Комиссии по атомной энергии обсуждались предложения Советского Союза, которые предусматривали необходимость безотлагательной разработки конвенции о запрещении атомного оружия. Представитель Англии на заседании 7 июля заявил, что он безоговорочно принимает следующий тезис: «Все атомное оружие должно быть уничтожено, а содержащееся в нем ядерное горючее — использовано в мирных целях». Делегаты Канады, Бразилии и некоторых других стран поддержали заявление английского представителя. С его мнением согласилось большинство членов комиссии.

Однако, несмотря на это, проект резолюции, фактически повторявший лишь то, что было сказано многими участниками дискуссии, был отклонен [2]. Против него резко выступили американские представители. Стремясь обеспечить сохранение атомной монополии США, они оказали нажим на своих союзников и заставили их отступить от своих предложений.

Для протаскивания выгодных им идей Соединенные Штаты использовали большинство голосов, которыми они располагали в те годы в ООН. Так, в ноябре 1948 г. американская делегация, приведя в движение машину голосования, добилась принятия резолюции об одобрении «плана Баруха», который после этого в речах представителей западных стран стал именоваться «планом ООН» [3]. Однако никакие вывески не могли прикрыть и изменить существа предложений Соединенных Штатов. Позиция американской дипломатии создавала такое положение,

[1] «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 213.

[2] В проекте резолюции говорилось: «Комитет согласился, что договор или договоры, или конвенция, или конвенции должны предусматривать уничтожение запасов готового атомного оружия, используя ядерное горючее, содержащееся в нем, только в мирных целях. Что касается времени, когда уничтожение атомного оружия будет осуществлено, то это должно быть обсуждено позднее».

[3] «Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея», документ A/Res (191/III).

при котором обсуждение проблемы разоружения все больше увязало в болоте бесплодных словопрений.

Длительное время большое внимание участников дискуссий в ООН было приковано к вопросам контроля за запрещением атомного оружия. И здесь с первых шагов вскрылись непримиримые противоречия между двумя сторонами, которые порождались не случайными факторами, а глубоким различием в целях, которые ставили перед собой эти стороны.

Советский Союз считал, что международный контроль должен обеспечить выполнение договоренности о прекращении производства ядерного оружия. Руководствуясь этим соображением, он внес 11 июня 1947 г. документ под названием «Предложения относительно контроля над атомной энергией», который дополнял советскую конвенцию о запрещении атомного оружия [1]. Даже краткое знакомство с этим документом дает представление о том, как далеко шел Советский Союз по пути распространения международного контроля над деятельностью государств в атомной области в целях предотвращения использования атомной энергии для создания орудий войны.

Согласно советскому проекту, контроль должен был устанавливаться «одновременно над всеми предприятиями, занятыми добычей атомного сырья и производством атомных материалов». Для его осуществления в рамках Совета Безопасности предлагалось учредить контрольный орган — Международную контрольную комиссию по атомной энергии. Инспекторы этой комиссии имели право доступа на любое предприятие по добыче, производству и хранению атомного сырья и материалов, а также по эксплуатации атомной энергии. Правительства должны были предоставлять контролерам любые отчетные сведения о деятельности атомных предприятий. Контрольный орган представлял на рассмотрение Совета Безопасности, как главного органа по поддержанию международного мира и безопасности, рекомендации о мерах по наказанию нарушителей конвенции о запрещении атомного оружия.

Однако представители США и некоторых других западных стран ополчились против предложений Советского Союза и отклонили их весной 1948 г. во время дискуссии в Комиссии по атомной энергии [2].

Стремясь полностью подчинить Соединенным Штатам атомное производство всех стран, американские дипломаты выдвинули концепцию так называемого «управленческого контроля»,

---

[1] «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 219—222.

[2] «ООН. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет. Третий год. Специальное дополнение. Третий доклад Совету Безопасности», док. AEC 31 Rev. 1, стр. 24.

согласно которой руководство атомной промышленностью всех государств должно было находиться в руках всесильного якобы «наднационального» международного органа. Они добились включения этого предложения во второй доклад Комиссии по атомной энергии Совету Безопасности, в котором заявлялось, что этому органу предоставляются «права собственности на опасные средства производства» и на «ядерное горючее и исходные материалы» [1]. Американские требования предусматривали наделение контрольного органа такими правами и функциями, которые противоречили предусмотренным в Уставе ООН полномочиям Совета Безопасности, нарушали суверенные права государств. «Что касается меня,— писал Барух,— то я полагал, что наступило время, когда необходимо отрешиться от фетиша национального суверенитета... Вполне естественно, что международный контроль над атомной энергией связан с отказом от части суверенитета в пользу высшего суверенитета — международного порядка» [2]. Разумеется, что Советский Союз не мог согласиться с такой концепцией и допустить иностранное вмешательство в свои внутренние дела.

В дискуссиях, происходивших на заседаниях Комиссии по атомной энергии, проявилась одна особенность, с которой в дальнейшем пришлось сталкиваться не один раз на переговорах по разоружению: представители США и других западных стран отказывались фактически от тех своих предложений, которые в интересах договоренности принимал Советский Союз. До 11 июня 1947 г., когда СССР изложил свой план контроля над атомной энергией, они неоднократно заявляли, что необходима международная инспекция. Однако после внесения советских предложений они круто изменили свою позицию, стали принижать роль инспекции и всячески превозносить эффективность «управленческого контроля». Разумеется, такой подход блокировал всякую возможность соглашения.

В противоположность этому советская дипломатия искала пути компромиссного решения вопросов, которое не требовало бы ни от одной из сторон неоправданных или непосильных уступок и не служило бы орудием вмешательства во внутренние дела государств. На третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 г. советская делегация внесла предложение о том, чтобы Ассамблея рекомендовала Совету Безопасности и Комиссии по атомной энергии разработать проекты конвенции о запрещении атомного оружия и об установлении эффективного

---

[1] «ООН. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет. Второй год. Специальное дополнение. Второй доклад Совету Безопасности», док. AEC/26.

[2] *Baruch B.*, opp cit., p. 373.

международного контроля над атомной энергией. Оба соглашения, как указал Советский Союз, должны быть подписаны и введены в действие одновременно.

В Комиссии по атомной энергии представители США и других западных стран неоднократно выражали пожелание, чтобы Советский Союз согласился на одновременное введение контроля с запрещением атомного оружия. Новое советское предложение шло навстречу этому положению. Казалось, открывались перспективы на выход из тупика, однако достижение соглашения не входило в расчеты США и их союзников, и поэтому они выставили заведомо неприемлемое требование о том, что запрещение и ликвидация ядерного оружия если и будут вообще когда-нибудь осуществлены, то только после создания системы контроля. Так уже в первые послевоенные годы западная дипломатия выдвинула свое пресловутое исходное требование «сперва — контроль, а потом — разоружение».

В результате позиции США и их союзников обсуждение проблемы ядерного разоружения в ООН не давало положительных результатов. Вместе с тем оно убедительно показало, что механическим большинством голосов нельзя навязать Советскому Союзу и другим миролюбивым странам тех планов, которые были разработаны стратегами «атомной дипломатии». Не заинтересованные во взаимоприемлемом решении спорных международных вопросов западные державы в конце концов взяли курс на то, чтобы свернуть работу Комиссии по атомной энергии. В конце июля 1949 г. состоялось последнее заседание Комиссии, на котором США и другие западные страны, несмотря на возражения советской делегации, провели решение о прекращении ее работы.

Конец «атомной монополии» США. Комиссия ООН по разоружению

На первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 г. Советский Союз выступил за всеобщее сокращение вооружений и вооруженных сил, как обычных, так и ядерных.

Для обеспечения международного контроля за разоружением СССР предложил создать под эгидой Совета Безопасности две комиссии: одну — по контролю за выполнением решений о сокращении вооружений, а другую — по контролю за запрещением использования атомной энергии в военных целях.

28 декабря 1946 г. на имя генерального секретаря ООН поступило письмо представителя СССР в Совете Безопасности А. А. Громыко с предложением образовать комиссию из представителей стран — членов Совета, которая разработала бы практические мероприятия по всеобщему регулированию и сокращению вооружений и вооруженных сил под международным контролем. Это не устраивало США и их западных союзников,

и после напряженных дебатов, используя послушное им большинство голосов, они добились в феврале 1947 г., чтобы обычные вооружения были выделены в особую категорию и рассматривались в так называемой Комиссии ООН по вооружениям обычного типа [1]. Вскоре обнажилась подоплека этого маневра западной дипломатии. Она выступала против одновременного запрещения атомного оружия и сокращения обычных вооружений. В отношении атомного оружия ею демагогически провозглашался лозунг атомного разоружения. Под прикрытием «плана Баруха» американские монополии стремились прибрать к своим рукам все мировое атомное производство. Что касается обычных вооружений, то и здесь западные страны не желали связывать себя даже устными декларациями относительно возможности разоружения.

На первых же заседаниях Комиссии по вооружениям обычного типа представители США, Англии и Канады стали говорить о том, что никакого сокращения вооружений и быть не может, пока не будет разработана и создана «система безопасности». В понятие такой «системы» западные страны включали урегулирование самого широкого круга политических и военных вопросов, начиная от заключения мирных договоров с Германией и Японией и кончая созданием вооруженных сил ООН.

Со своей стороны Советский Союз добивался того, чтобы Комиссия сразу же приступила к разработке практических шагов по всеобщему регулированию и сокращению обычных вооружений с одновременным решением проблемы запрещения атомного оружия и других средств массового истребления людей. На это было направлено предложение о плане работы Комиссии, внесенное СССР 21 мая 1947 г. [2]

Американские, английские и другие западные дипломаты пытались увести Комиссию по вооружениям обычного типа на путь общих и бесплодных дискуссий, которые только внешне походили бы на переговоры о разоружении, а по сути дела прикрывали бы продолжающуюся гонку вооружений. Об этом весьма красноречиво говорил один из первых документов США, представленных на рассмотрение Комиссии, в котором вместо реальных мер по сокращению вооружений предлагалось рассматривать вопрос о каких-то общих принципах регулирования вооружений и вооруженных сил, способах осуществления «международного контроля» и т. п. [3] В предложениях США ни слова

[1] См. «Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности», документ S/268 Rev. I.

[2] «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 218.

[3] См. «ООН. Совет Безопасности. Комиссия по вооружениям обычного типа. 1947», док. S/C 3/12 Annex B.

не говорилось о связи сокращения обычных вооружений с запрещением атомного оружия, хотя только с учетом этого фактора могла быть обеспечена равная безопасность для различных государств, т. е. то непременное условие, на котором должны строиться любые соглашения по ограничению вооружений и разоружению.

На второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1947 г.) СССР выступил с предложением о мерах против военной пропаганды и поджигателей новой войны. В нем говорилось о необходимости запретить под страхом уголовного наказания ведение в любой форме пропаганды войны и принять меры по пресечению такой пропаганды, как общественно опасной деятельности, угрожающей жизненным интересам и благополучию народов. На основе этого предложения в ноябре 1947 г. была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающая «любую форму ведущейся в любой стране пропаганды, имеющей целью или способную создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии».

На третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 г. представители США и Англии отклонили советское предложение рекомендовать пяти постоянным членам Совета Безопасности в качестве первого шага в деле сокращения вооружений и вооруженных сил сократить все наличные сухопутные, морские и воздушные силы на $^1/_3$ в течение одного года. СССР предлагал также одновременно запретить атомное оружие. Советская делегация предусмотрела установление строгого контроля за проведением в жизнь своего предложения с помощью международного контрольного органа, учреждаемого в рамках Совета Безопасности ООН, которому должны были быть представлены полные официальные данные о состоянии вооружений и вооруженных сил пяти государств — постоянных членов Совета Безопасности. Западные страны не противопоставили советским предложениям сколько-нибудь конкретные проекты сокращения обычных вооружений и вооруженных сил и открыто пошли на срыв делового обсуждения этого вопроса. На третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН США и их союзники, используя машину голосования, добились принятия резолюции, которая вместо предложений о сокращении армий и вооружений в основном ограничивалась тем, что рекомендовала Комиссии ООН по вооружениям обычного типа заняться решением вопроса о сборе информации относительно численности их вооруженных сил и размеров вооружений государств.

Так из-за позиции США и их союзников не дало результатов обсуждение поставленного Советским Союзом важного вопроса о запрещении атомного оружия и сокращении на $^1/_3$ вооружений и вооруженных сил государств — постоянных членов

Совета Безопасности. Характерно, что в принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи резолюции не было и тени намека на возможность компромисса между позициями противостоящих сторон. Комиссия по вооружениям обычного типа просуществовала до августа 1950 г., так и не приняв ни одного сколько-нибудь существенного решения.

Осенью 1949 г. произошло событие, которое оказало решающее влияние на соотношение сил в мире: 25 сентября 1949 г. было опубликовано сообщение ТАСС о том, что Советский Союз открыл секрет атомного оружия, и он имеет в своем распоряжении это оружие. Наступил конец монополии США на этот вид новейших вооружений, что неизбежно означало крах «атомной дипломатии».

Конец 40-х и начало 50-х годов были отмечены мощным подъемом движения сторонников мира во всех странах, лозунгом которого стало «мир и разоружение». В 1950 г. Всемирный конгресс сторонников мира принял Стокгольмское воззвание, которое подчеркивало, что «правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества и должно рассматриваться как военный преступник» [1]. 500 млн. человек всех континентов подписали воззвание, в котором говорилось: «Мы требуем безусловного запрещения атомного оружия как оружия устрашения и массового уничтожения людей».

В эти же годы западные государства продолжали усиленно нагнетать международную напряженность и раздувать гонку вооружений. Это было временем разгара «холодной войны»: в 1949 г. был создан агрессивный Североатлантический блок; в 1950 г. развязана империалистическая агрессия в Корее; военные расходы государств — членов НАТО на военные цели только за 1949—1953 гг. увеличились с 18,5 млрд. долл. до 65,5 млрд. долл.

Правящие круги капиталистических стран игнорировали конкретные предложения СССР, направленные на ослабление международной напряженности и достижение договоренности по вопросам разоружения. На четвертой сессии Генеральной Ассамблеи осенью 1949 г. Советский Союз предложил, чтобы пять великих держав заключили пакт по укреплению мира. СССР выступил также за упразднение военных блоков и ликвидацию иностранных военных баз на чужих территориях.

Эти предложения не были приняты западными странами.

Благожелательный отклик во всем мире вызвал представленный Советским Союзом на пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 1950 г. проект «Декларации об устранении

[1] См. «Известия», 1 апреля 1950 г.

угрозы новой войны и об укреплении мира и безопасности народов». Этот документ призывал осудить и запретить проводившуюся в ряде стран пропаганду новой войны, а виновных привлекать к ответственности. Советская программа настаивала на «запрещении атомного оружия и установлении строгого международного контроля за точным и безусловным осуществлением этого запрещения». Правительство, которое первым применит ядерное оружие, должно быть объявлено военным преступником. В предложениях СССР выражалось пожелание, чтобы пять великих держав заключили между собой пакт о ненападении, договорились о сокращении в течение 1950 г. на $^1/_3$ своих вооружений и вооруженных сил, с тем чтобы вопрос о дальнейшем сокращении вооруженных сил был поставлен на обсуждение одной из ближайших сессий Генеральной Ассамблеи [1].

Рост могущества и политического авторитета Советского Союза и всего социалистического содружества, очевидный крах монополии США на атомное оружие, растущая активность всех миролюбивых сил вынуждали США и другие западные страны менять дипломатическую тактику на переговорах по разоружению.

В январе 1952 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании при Совете Безопасности Комиссии ООН по разоружению, которая заменила собой Комиссию по атомной энергии и Комиссию по вооружениям обычного типа [2]. Хотя резолюция Ассамблеи и не была полностью удовлетворительной, по мнению Советского Союза, однако в целом образование единого органа по разоружению в рамках ООН было положительным шагом, поскольку переговоры по вопросам запрещения атомного оружия и вооружений обычного типа сосредоточивались в одном месте.

Изменение тактической линии капиталистических держав проявилось в том, что они перестали говорить только об «изучении» вопроса о регулировании и сокращении вооружений и вооруженных сил, а начали выступать с некоторыми конкретными предложениями, которым они стремились придать видимость конструктивности. США, Англия и Франция выдвинули в Комиссии по разоружению 28 мая 1952 г. идею о том, чтобы установить максимальный потолок численности вооруженных сил для США, СССР и Китая в пределах от 1 млн. до 1,5 млн. человек, а для Англии и Франции — от 700 тыс. до 800 тыс. человек [3].

---

[1] См. «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 245—246.
[2] ООН. Док. A/Res/502/VI.
[3] См. «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 251—254.

По существу, эти предложения ничего не давали для практического решения вопроса. Главный их порок состоял в том, что они были полностью оторваны от проблемы запрещения атомного оружия[1]. Несмотря на то что США утеряли свою монополию на атомное оружие и Советский Союз создал это оружие, Соединенные Штаты, которые раньше начали его производство, временно сохраняли преимущество в ядерных вооружениях. В этих условиях Советский Союз не мог пойти на такое решение вопроса, при котором уравнивалась бы численность вооруженных сил СССР и США и оставались бы нетронутыми американские ядерные арсеналы.

США продолжали курс на гонку атомных вооружений. 31 января 1950 г. президент США Трумэн заявил о том, что он дал указание «продолжать работу над всеми видами атомного оружия, включая так называемую водородную или сверхбомбу»[2]. Но и здесь империалистические круги США постигла неудача. Советский Союз в августе 1953 г. провел испытание водородной бомбы. Расчеты правящих кругов США, направленные на сохранение господствующих позиций в военной ядерной области, вновь потерпели провал.

В этих условиях американская дипломатия оказалась вынужденной внести изменения в свою позицию по вопросам ядерного разоружения, с тем чтобы сделать ее более привлекательной для мировой общественности. Учитывая, что многолетние попытки навязать другим странам «план Баруха» не дали никаких результатов, представители Соединенных Штатов 8 декабря 1953 г. выдвинули в Генеральной Ассамблее ООН программу под громким названием «Атом в пользу мира». Суть ее сводилась к тому, чтобы государства согласились передать какую-то «количественно небольшую» часть из накопленных расщепляющихся материалов особому «международному фонду» под эгидой ООН для использования их в мирных целях[3].

Новый американский план не предусматривал решения вопроса о ядерном разоружении или хотя бы о запрещении применения ядерного оружия. Далеко не все накопленные атомные материалы должны были пойти на мирные цели: из огромных запасов этих материалов только какая-то часть предназначалась для передачи на мирное использование, а вся остальная масса могла по-прежнему направляться на изготовление ядерных зарядов и накопление их запасов. В заявлении Советского

---

[1] См. «Борьба Советского Союза за разоружение (1946—1960 гг.)». М., 1961, стр. 161.

[2] «Documents on Disarmament. 1945—1949», Washington, 1958, p. 232.

[3] См. «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 260—265.

правительства от 22 декабря 1953 г. были детально проанализированы все аспекты новых предложений США и указано, что Советский Союз будет и впредь добиваться «признания необходимости запрещения атомного оружия, вместе с установлением международного контроля за этим запрещением, и безоговорочного отказа от применения этого оружия» [1].

В эти годы Советский Союз еще больше активизировал борьбу за разоружение. Делегации СССР, УССР, БССР в Генеральной Ассамблее ООН и в Комиссии по разоружению выдвигали новые конструктивные предложения, которые встречали широкую поддержку миролюбивой общественности.

Советская дипломатия успешно использовала в интересах мира те шаги, к которым вынуждены были прибегать в пропагандистских целях США и их союзники. Вот один из наглядных эпизодов, иллюстрирующих это.

В июне 1954 г. в подкомитете Комиссии ООН по разоружению, созданном по решению Генеральной Ассамблеи (апрель 1954 г.) из представителей СССР, США, Англии, Франции и Канады, английская и французская делегации внесли совместный меморандум [2]. На словах в этом документе (впервые за все время переговоров по этому вопросу) предусматривалось полное запрещение атомного оружия и изъятие его из вооружений. Кроме того, признавалась необходимость сокращения вооруженных сил и вооружений до согласованных норм. Однако с такими важными положениями, которые объективно как будто сближали позиции сторон, соседствовало старое и неприемлемое для СССР требование об установлении международного контроля до начала осуществления каких-либо шагов по разоружению. Западные страны, очевидно, хотели получить пропагандистский выигрыш от подновления своей платформы и одновременно застраховать себя от того, чтобы брать на себя слишком далеко идущие обязательства по разоружению.

Для западной дипломатии было полной неожиданностью выступление советской делегации на девятой сессии Генеральной Ассамблеи 30 сентября 1954 г. с заявлением о готовности принять англо-французский меморандум за основу для обсуждения вопроса о разоружении. Советский Союз, разумеется, внес некоторые коррективы в этот документ, предложив, в частности, ввести международный контроль одновременно с началом процесса разоружения, а также запретить и изъять все ядерные вооружения не позже осуществления мер по сокращению обычных вооружений [3].

---

[1] «Известия», 22 декабря 1953 г.

[2] См. «ООН. Комиссия по разоружению. Подкомитет Комиссии по разоружению. Первый доклад». Док. ДС/53, приложение 9.

[3] См. «Известия», 2 октября 1954 г.

Смелый шаг советской дипломатии поставил в трудное положение западные страны. Они вынуждены были в конце концов после неофициальных переговоров с советской стороной пойти на представление совместного с ней проекта резолюции по разоружению, который 4 ноября 1954 г. был единогласно принят Генеральной Ассамблеей ООН [1]. Впервые после 1946 г. западные державы оказались вынужденными одобрить вместе с Советским Союзом резолюцию, в которой говорилось, что международная конвенция о разоружении должна предусматривать значительное сокращение вооружений и вооруженных сил, а также полное запрещение применения и изготовления ядерного оружия и всех видов оружия массового уничтожения под эффективным международным контролем.

Резолюция предлагала Комиссии ООН по разоружению вновь созвать свой подкомитет и продолжить поиски соглашения по разоружению с учетом как предложений СССР, так и предложений других держав.

Конечно, все эти постановления были еще очень далеки даже от самых скромных реальных шагов в области разоружения. Однако вынужденное для США и их союзников признание некоторых общих справедливых принципов, на которых должны разрабатываться конкретные соглашения по разоружению, послужило Советскому Союзу в дальнейшем опорным пунктом для борьбы с теми, кто сопротивлялся решению этого жизненно важного вопроса.

Таким образом, за первые 10 послевоенных лет на переговорах по разоружению ввиду негативной позиции США и других западных стран не было достигнуто никаких сколько-нибудь осязаемых результатов, которые затормозили бы гонку вооружений. Напротив, раздуваемая империалистическими силами эта гонка с каждым годом набирала все более быстрые темпы. Вместе с тем благодаря активной и твердой линии Советского Союза на решение проблемы разоружения, инициативным выступлениям советской дипломатии в ООН и на других международных форумах в пользу мероприятий по ослаблению гонки вооружений международные переговоры по этой проблеме фактически ни на один год не прерывались. Более того, постепенно, шаг за шагом западные страны — участницы этих переговоров вынуждены были втягиваться в детальное рассмотрение конкретных мер и проектов по разоружению.

---

[1] «Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея», документ A/Res/808/IX/.

От лондонского подкомитета к Комитету 18-ти. Советские предложения о всеобщем и полном разоружении

Главная черта международной обстановки, сложившейся к середине 50-х годов, состояла в том, что, несмотря на довольно длительный период обострения «холодной войны», которая в разных районах мира нередко переходила в открытые военные столкновения, народы добились серьезных успехов в борьбе против империалистических сил. В 1953 г. было подписано перемирие в Корее. В следующем году были прекращены военные действия колонизаторов в Индокитае; за народами Вьетнама, Лаоса и Камбоджи впервые была признана независимость.

В этой обстановке, вселявшей надежду на ослабление напряженности, особую тревогу вызывала продолжавшаяся гонка вооружений. Прогрессивные силы все более настойчиво выдвигали требования об осуществлении реальных мер по ограничению производства вооружений, особенно ядерных. Негативная позиция западных стран, и прежде всего США, в вопросах разоружения подвергалась резкой критике. Правящие круги США, используя политические и пропагандистские маневры, пытались укрепить свои позиции на мировой арене. С этой целью они дали понять, что якобы занялись серьезным пересмотром своей политики в отношении разоружения. Президент Эйзенхауэр впервые в истории американской администрации учредил пост специального помощника президента США по вопросам разоружения. На эту должность был назначен Г. Стассен, приравненный по рангу к членам кабинета.

В конце февраля 1955 г. в Лондоне в Ланкастер-хаузе вновь собрался учрежденный за год до этого подкомитет Комиссии ООН по разоружению в составе СССР, США, Англии, Франции и Канады.

Проанализировав сложившуюся на переговорах ситуацию и обобщив выступления участников подкомитета, Советское правительство 10 мая 1955 г. выступило с широкой программой разоружения, охватывающей как сокращение обычных вооружений, так и запрещение атомного оружия. В историю послевоенных переговоров по разоружению эта программа вошла совершенно особой и примечательной главой. Она вызвала большой политический резонанс во всем мире, а капиталистические державы поставила в трудное положение, заставив их прямо и четко ответить на вопрос, выступают ли они «за» или «против» принятия действенных мер по прекращению гонки вооружений.

Советский Союз предложил заключить Международную конвенцию относительно сокращения вооружений и запрещения атомного оружия. Стремясь к достижению соглашения, он согласился со многими предложениями, которые были представ-

лены до этого западными державами. В первую очередь он принял сформулированную США, Англией и Францией идею установления уровней вооруженных сил пяти великих держав. Советская сторона сделала это не только в принципе, но и дала согласие на конкретные цифры, названные западными странами, а именно на то, чтобы численность вооруженных сил СССР, США и Китая была ограничена пределом до 1—1,5 млн. человек, а Англии и Франции — до 650 тыс.[1]. При этом, как это предлагалось и западными странами, сокращение вооруженных сил должно было производиться двумя этапами в течение 1956—1957 гг.— по 50% на каждом этапе.

В советской программе от 10 мая 1955 г. принимались также и многие из предложений западных стран в области ядерного разоружения. В частности, идя навстречу пожеланиям своих партнеров, Советский Союз предусмотрел в своих предложениях, что впредь до вступления в силу соглашения о полном запрещении атомного оружия в течение первого этапа, который должен был длиться один год, государства берут обязательство не применять ядерное оружие, которое считают для себя запрещенным. Исключения из этого правила могут быть допущены в целях обороны против агрессии, когда будет принято соответствующее решение Совета Безопасности. Отходя от своего первоначального требования о полном и незамедлительном запрещении применения ядерного оружия, Советский Союз создавал основу для достижения компромисса с западными державами.

Согласно советским предложениям в начале второго этапа разоружения, намеченного на 1957 г., должно было быть прекращено производство атомного и водородного оружия. Советский Союз принял во внимание соображения о необходимости сочетания мер по запрещению атомного оружия с соответствующими шагами по сокращению вооруженных сил и обычных вооружений. С этой целью предусматривалось, что ликвидация ядерного оружия начнется одновременно с сокращением на последние 25% согласованных размеров вооруженных сил и вооружений обычного типа.

В советской программе излагались детальные мероприятия по контролю за разоружением, которые были разработаны с учетом многолетних дискуссий по этой проблеме. Предлагалось учредить международный контрольный орган, который уже на первом этапе проведения мероприятий по разоружению пользовался бы правом получения от государств необходимых сведений о выполнении обязательств по сокращению вооружений и

---

[1] См. «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 287—298.

вооруженных сил, а также правом беспрепятственного доступа к материалам законодательных и исполнительных органов государств, касающимся их бюджетных ассигнований на военные нужды. В дальнейшем, на втором этапе, этот орган мог бы осуществлять контроль, в том числе инспекцию на постоянной основе, в объеме, который необходим для обеспечения выполнения государствами конвенции о сокращении вооружений и запрещении атомного оружия. С целью предупреждения внезапного нападения одного государства на другое международный контрольный орган должен был иметь на территории всех соответствующих государств на взаимных началах контрольные посты в крупных портах, на железнодорожных узлах, автомагистралях, аэродромах.

Таковы были общие черты советской программы разоружения, которая, по словам известного специалиста по этим вопросам английского лейбориста Ф. Ноэль-Бейкера, явилась «поворотным пунктом» в послевоенных переговорах по разоружению [1]. Советский Союз, пойдя навстречу предложениям западных стран об уровнях численности вооруженных сил и порядке проведения мер по запрещению ядерного оружия, открыл перспективу к достижению договоренности. Разумеется, для реализации появившихся возможностей нужно было еще одно непременное условие — готовность к соглашению со стороны западных стран.

Однако решительная и крупная по своим масштабам инициатива Советского Союза наткнулась на нежелание западных держав пойти на достижение соглашения. Сославшись на предстоявшее в июле 1955 г. совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции, они прервали дискуссию в Лондонском подкомитете.

Весьма симптоматично, что как в Лондоне, так и в Женеве американские представители довольно пространно рассуждали на тему о том, что компромиссного соглашения о сокращении вооружений достичь практически якобы нельзя. Причина этого, по их утверждениям, заключалась в том, что будто бы существовавшие средства контроля не позволяли обнаруживать случаи тайного сокрытия ядерного оружия. Исходя из этого, США предлагали отложить на будущее всякие попытки сократить вооружения и запретить ядерное оружие. Вместо этого они настаивали на том, чтобы заняться разработкой мер по наблюдению за вооружениями и обмену военной информацией. Таким путем дипломатия США, по сути дела, обрекала на неудачу переговоры по разоружению.

---

[1] *Ph. Noel-Baker.* The Arms Race. London, 1958, p. 21.

Свое наиболее последовательное и конкретное выражение этот курс американского правительства нашел в шумно разрекламированном плане «открытого неба», с которым выступил президент Эйзенхауэр на совещании глав правительств в Женеве. Единственно, что предусматривалось этим предложением, было предоставление Советскому Союзу и Соединенным Штатам права производить взаимную аэрофотосъемку своих территорий. Кстати, США, разбросавшие свои военные базы далеко за пределами собственных национальных границ, отнюдь не имели в виду возможность фотографирования с воздуха этих баз, хотя было хорошо известно, что они нацелены против СССР. Американский специалист в области разоружения Д. Моррей отмечал, что «главным лицом, которое выиграет от принятия предложения об «открытом небе», будет агрессор... Как много он получил бы с помощью информации относительно объектов своего нападения и тем самым сделал свою внезапную атаку эффективной, а потому и безопасной для самого себя» [1].

Советские представители в дискуссиях по разоружению, стремясь достичь соглашения, пытались использовать и это предложение США, включив его в комплекс мероприятий по предотвращению внезапного нападения. Однако никаких положительных результатов добиться в этом направлении не удалось. «Открытое небо» интересовало военные круги США лишь как средство получения разведывательных данных.

Осенью 1955 г. на заседаниях 10-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители США попытались вообще снять с обсуждения советские предложения от 10 мая 1955 г. На этой сессии с проектом резолюции по разоружению выступила Сирия. Она призвала Комиссию ООН по разоружению и ее подкомитет продолжить рассмотрение как «женевских», так и «доженевских» предложений по разоружению (т. е. как «плана открытого неба», внесенного США на совещании глав правительств в Женеве, так и советской программы от 10 мая 1955 г.). Действуя от имени западных стран, на сирийскую резолюцию обрушился делегат Австралии [2]. В ходе разгоревшейся полемики Соединенным Штатам с помощью механического большинства голосов удалось добиться того, чтобы сирийский проект не был поставлен на голосование.

Отсутствие прогресса в переговорах по разоружению из-за негативной позиции США не могло не волновать правительства и народы многих государств. В мае 1957 г. представитель Индии

---

[1] *J. P. Morry.* From Yalta to Disarmament. Cold War Debate. New York, 1961, p. 233.

[2] United Nations General Assembly. 10-th session. Official Records. (Dec. 16, 1955), p. 472.

направил ноту генеральному секретарю ООН, в которой он выразил растущее беспокойство неприсоединившихся государств по поводу безрезультатности работы Комиссии по разоружению и ее подкомитета [1].

В этой обстановке весной 1957 г. Г. Стассен подготовил специальный меморандум по проблемам, обсуждавшимся в Лондонском подкомитете, и с ведома Эйзенхауэра в конце мая 1957 г. передал его в двустороннем порядке советскому представителю. Этот документ, касавшийся частичных мер разоружения, в ряде пунктов содержал конструктивные идеи. Поэтому советская сторона в своей памятной записке, переданной представителю США в начале июня 1957 г., ответила на него положительно. Казалось, что наметилось сближение позиций. Однако реакция Вашингтона на принятие его предложений была совершенно неожиданной. Даллес дал указание прервать неофициальные контакты с советской делегацией. Американская делегация в Лондоне заявила, что ее меморандум «не существует с точки зрения переписки между двумя правительствами». Г. Стассен подал в отставку. Соединенные Штаты попали в весьма неловкое положение.

Десять лет спустя Эйзенхауэр в своих мемуарах рассказал, в чем было дело. Узнав о меморандуме Стассена, премьер-министр Англии Макмиллан направил срочную депешу в Белый дом. Глава английского правительства, которое готовило тогда испытательные взрывы своих ядерных бомб, выразил Эйзенхауэру негодующий протест. Он заявил, что если США будут договариваться о разоружении с Советским Союзом, то Англия, Франция и ФРГ навсегда будут вынуждены отказаться от права «защищать себя» с помощью ядерного оружия [2]. В своем ответе, не рискуя идти на обострение межсоюзнических отношений, Эйзенхауэр заверил Макмиллана, что меморандум Стассена не имел официальной силы и открыто дезавуировал своего представителя. Этот инцидент оказался весьма характерным. Он показал, что США в то время не имели сколько-нибудь серьезных намерений вести с Советским Союзом результативный диалог по разоружению.

Даллес, выступая 22 июля 1957 г. по американскому радио и телевидению, заявил: «Нет никакой практической возможности обеспечить уничтожение ядерного оружия. Поэтому мы должны строить свои планы, исходя из предположения, что страны, которые сейчас располагают ядерным оружием, используют его в

---

[1] Документ Комиссии ООН по разоружению — ДС. Supp. 1957, стр. 52.

[2] *D. Eisenhower.* The White House Years. Waging Peace. 1956—1961. New York, 1965, p. 473.

войне»[1]. При такой позиции Соединенных Штатов, столь откровенно заявленной главой их дипломатического ведомства, разумеется, нельзя было рассчитывать на какой-либо прогресс на переговорах по разоружению. Лондонский подкомитет безрезультатно закончил свое существование.

Перед лицом негативной позиции США и их союзников по НАТО Советский Союз предпринимает новые усилия с целью активизировать обсуждение и решение проблемы разоружения. В сентябре 1959 г. Советское правительство внесло на рассмотрение 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН план всеобщего и полного разоружения, которое должно было быть осуществлено тремя этапами в течение трех лет. План этот предусматривал роспуск всех вооруженных сил и уничтожение всех видов вооружений, т. е. разоружение в его наиболее полном виде.

Официальные представители западных стран не могли замолчать советской инициативы[2].

После рассмотрения на Ассамблее советский план был передан на детальное изучение в так называемый Комитет 10 государств по разоружению. Этот новый орган, заменивший Лондонский подкомитет, был создан летом 1959 г. в результате переговоров между правительствами СССР, США, Англии и Франции. В его состав вошли пять социалистических государств (СССР, Польша, Чехословакия, Болгария, Румыния) и пять западных стран (США, Англия, Франция, Италия и Канада). На таком паритетном представительстве двух групп государств в органе по разоружению настоял Советский Союз, который выступал за справедливый принцип равноправного участия представителей двух военно-политических группировок в решении вопросов разоружения, непосредственно затрагивавших их оборонительный потенциал.

Однако Комитет 10-ти просуществовал недолго — менее полугода. Его работа была сорвана западными державами, которые заняли откровенно обструкционистскую позицию в отношении разработки каких-либо проектов соглашения о всеобщем и полном разоружении. Советский план они отклоняли, а своих предложений, которые вели бы к той же цели, не представили. В результате Советский Союз и другие социалистические страны оказались вынужденными прекратить свое участие в органе,

---

[1] «U. S. Department of State, Bulletin», vol. 37. (Aug. 12, 1957), p. 267—271.

[2] Даже такой политический деятель, как У. Черчилль, назвал выдвинутый Советским Союзом план полного разоружения «поразительным». «Цель, которую он провозгласил,— сказал Черчилль,— это та цель, к которой должны стремиться все страны и их лидеры» («Борьба Советского Союза за разоружение 1946—1960 гг.», стр. 283).

который становился ширмой для отказа западных стран от делового рассмотрения проблемы разоружения.

В 1960 г. новый президент США Д. Кеннеди обратился с личной просьбой к Советскому правительству временно отложить рассмотрение вопросов разоружения по существу, в связи с необходимостью для новой американской администрации заняться пересмотром своей позиции по разоружению. В марте 1961 г. на второй части 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел СССР А. А. Громыко сообщил о решении советской стороны пойти навстречу просьбе США.

По инициативе Кеннеди летом 1961 г. особым решением конгресса было создано Агентство по контролю над вооружениями и разоружению, во главе которого был поставлен У. Фостер, не раз занимавший видные посты в американском правительстве. Под его началом свыше двухсот дипломатов и других специалистов занялись разработкой новой позиции США по разоружению.

Первым результатом возобновившихся советско-американских контактов явился документ под названием «Совместное заявление СССР и США о согласованных принципах для переговоров по разоружению», который был внесен обеими странами в сентябре 1961 г. на рассмотрение 16-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и одобрен ею [1]. «Согласованные принципы» были разработаны на переговорах, проходивших вначале в Вашингтоне, а потом в Москве. Ценным было прежде всего содержавшееся в нем признание необходимости достижения соглашения по всеобщему и полному разоружению. В совместном заявлении о принципах содержались важнейшие положения из советского плана разоружения (уничтожение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, ликвидация всех средств доставки ядерного оружия и иностранных военных баз и т. д.).

Советская сторона реалистически расценивала этот документ. А. А. Громыко в выступлении на 16-й сессии Генеральной Ассамблеи заявил, что «Советское правительство не считает возможным умолчать о том, что в ходе переговоров не было преодолено коренное разногласие — должна ли речь идти о разоружении и контроле за разоружением,— повторяю — *контроле за разоружением,* за всеобщим и полным разоружением,— или же о контроле над вооружениями» [2].

В ходе 16-й сессии Ассамблеи был решен вопрос об органе для переговоров по разоружению. В результате длительных дискуссий было решено создать Комитет 18 государств по разору-

---

[1] ООН. Документ A/4879.

[2] «Правда», 28 сентября 1961 г.

жению, который на многие годы стал основным форумом для рассмотрения вопросов разоружения. Речь о новом органе по разоружению зашла еще во время двусторонних советско-американских переговоров в Вашингтоне и в Москве. После провала Комитета 10-ти в 1960 г. Советское правительство пришло к выводу, что отсутствие результатов в его работе в немалой степени зависело от того, что в нем не принимала участие одна из основных групп государств современного мира, а именно неприсоединившиеся страны.

Правительство США первоначально выступило против привлечения этих стран к переговорам по разоружению. В конце концов принципиальная линия Советского Союза вынудила США пойти на справедливое решение вопроса о составе органа для этих переговоров. 16-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила согласованное между СССР и США предложение о составе Комитета по разоружению, членами которого стали Бирма, Болгария, Бразилия, Великобритания, Индия, Италия, Канада, Мексика, Нигерия, ОАР, Польша, Румыния, США, СССР, Франция, Чехословакия, Швеция и Эфиопия [1]. Таким образом, полноправными участниками переговоров наряду с пятью социалистическими и пятью западными странами благодаря настойчивой позиции Советского Союза стали 8 неприсоединившихся государств.

Новому комитету Генеральная Ассамблея рекомендовала безотлагательно провести переговоры с целью достижения «соглашения о всеобщем и полном разоружении под эффективным международным контролем».

Комитет 18-ти собрался на свое первое заседание во Дворце Наций в Женеве 14 марта 1962 г. С самого начала было достигнуто понимание о том, что в Комитете 18-ти все вопросы должны решаться только согласованно.

Важным элементом организации работы Комитета 18-ти было то, что представители СССР и США были назначены его постоянными сопредседателями (председательствующие на заседаниях каждый раз менялись в порядке английского алфавита, как и в других органах ООН). Сопредседатели должны были оказывать помощь другим членам Комитета в организации работы Комитета 18-ти, подготовке его докладов Генеральной Ассамблее и т. д.

Первая страница деятельности Комитета 18-ти открылась новой важной инициативой советской дипломатии, которая выступила с проектом договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем.

---

[1] ООН. Док. A/Res. 1722 (XVI).

Советский проект основывался на глубоко продуманной системе мероприятий, реализация которых в намечавшийся срок (четыре года) привела бы к ликвидации армий, вооружений и военной машины всех государств, т. е. ко всеобщему и полному разоружению.

Важнейшая черта советского проекта, которая делала его притягательным для всех сторонников разоружения,— это радикальное устранение с первых шагов разоружения возможности развязывания войны с применением ядерного оружия. Уничтожение на первом этапе ракет, их стартовых площадок, бомбардировщиков, надводных и подводных судов и всех других средств, предназначенных для переброски ядерных бомб и зарядов к цели, лишило бы любое государство возможности вести ядерную войну. Одновременная ликвидация иностранных военных баз, вывод иностранных войск с чужих территорий и существенное сокращение вооруженных сил и обычных вооружений резко уменьшили бы опасность возникновения новой войны.

На втором этапе советский проект предусматривал запрещение, прекращение производства и полное уничтожение ядерного и всех других видов оружия массового уничтожения. Осуществление этих мер привело бы к полному устранению возможности возникновения ракетно-ядерного конфликта.

На третьем этапе должны были быть завершены слом военной машины государств, роспуск и ликвидация армий, уничтожение вооружений. В распоряжении государств остались бы лишь небольшие соединения милиции (полиции), необходимые для охраны границ и поддержания внутреннего порядка, и ограниченные воинские контингенты, вооруженные легким стрелковым оружием, которые были бы предоставлены в распоряжение Совета Безопасности для осуществления в случае необходимости операций по поддержанию международного мира. На каждом из этапов, как первоначально предусматривал советский проект, производство вооружений должно сокращаться соответственно сокращению численности вооруженных сил.

Все мероприятия по разоружению в советском проекте договора от начала до конца сопровождались эффективными мерами контроля, достаточными для проверки выполнения договора. Международной контрольной организации и международным инспекторам с самого первого этапа предоставлялась возможность проверять осуществление всех без исключения мероприятий по разоружению. «Советский Союз,— подчеркнул А. А. Громыко в своем выступлении в Комитете 15 марта 1962 г.,— хочет иметь надлежащие гарантии того, что согласованные обязательства по разоружению неукоснительно выполняются, что не существует лазеек для того, чтобы втайне ковать оружие агрессии, в то время как уже начался процесс все-

общего и полного разоружения» [1]. Однако А. А. Громыко вновь подчеркнул, что Советский Союз готов согласиться на инспекцию разоружения, но не вооружений.

Рассматривая всеобщее и полное разоружение как наплучшую гарантию мира и безопасности, Советский Союз учел мнение некоторых государств и предусмотрел в своем проекте определенные мероприятия по обеспечению международного мира и безопасности как в ходе осуществления разоружения, так и по его завершении, включая создание международных вооруженных сил. Создание институтов по поддержанию безопасности государств, по мнению Советского Союза, может и должно иметь место в рамках ООН.

Советский проект договора вызвал живой интерес и одобрение у неприсоединившихся государств, представленных в Комитете 18-ти.

Делегация США прибыла на сессию Комитета фактически с пустыми руками и ничего не могла противопоставить позиции Советского Союза, кроме своих старых, неприемлемых предложений. Только спустя месяц после начала переговоров, 18 апреля 1962 г., США внесли на рассмотрение их участников так называемую «Схему основных положений договора о всеобщем и полном разоружении в условиях мира во всем мире» [2].

В американской схеме, как и в советском проекте договора, предусматривалось, что разоружение должно осуществляться тремя этапами. На первом этапе продолжительностью в три года производится сокращение на 30% определенных категорий вооружений, в том числе средств доставки ядерного оружия. На втором этапе, также в три года, вооружения, включая средства доставки ядерного оружия, сокращались бы еще на 35% от их первоначального уровня. На третьем этапе, продолжительность которого в американской схеме не определялась, вооруженные силы и вооружения государств были бы сокращены до уровней, «необходимых для поддержания внутреннего порядка», а также для «предоставления контингентов в состав международных вооруженных сил ООН».

С первого взгляда бросался в глаза порок такого подхода к решению проблемы разоружения. Он заключался в том, что постепенное (процентное) сокращение всех видов оружия, в том числе и ракетно-ядерного, сохраняло на длительное время опасность развязывания атомной войны. Кроме того, предлагая Советскому Союзу сократить уже на первом этапе разоружения на 30% число его межконтинентальных ракет, США выступали

---

[1] «Правда», 16 марта 1962 г.

[2] ООН. Доклад США для Комиссии ООН по разоружению. Документ ENDC/30 от 18 апреля 1962 г.

против ликвидации иностранных военных баз и вывода иностранных войск с чужих территорий. Такой подход вел к предоставлению односторонних преимуществ Соединенным Штатам.

В американской схеме ни на первом, ни на втором этапах разоружения не предусматривалось запрещения ядерного оружия и ликвидации его запасов. Более того, США заявили, что они не исключают возможности оставления ядерного оружия в распоряжении так называемых международных вооруженных сил ООН, которые, по замыслу США, обладали бы правом вмешиваться во внутренние дела суверенных государств.

Выступая с предложениями об ограниченных мероприятиях по разоружению, США настаивали в то же время на установлении всеобъемлющего контроля. По их замыслу с самого начала разоружения должен был быть установлен контроль не только над вооруженными силами и вооружениями, которые ликвидировались, но и над той их частью, которая на первом и втором этапах не подвергалась сокращению. Фактически это означало установление контроля над вооружениями, а не над разоружением.

Вокруг двух предложений по вопросу о всеобщем и полном разоружении — советского и американского — в Комитете 18-ти развернулись длительные дебаты. В интересах сближения позиций советская делегация неоднократно вносила существенные изменения и дополнения в свой проект. Однако это не принесло практических результатов: слишком велика была принципиальная разница в подходе двух стран к проблеме полного разоружения.

Более плодотворным оказалось обсуждение в Комитете частичных мер разоружения, осуществление которых могло содействовать ограничению гонки вооружений и ослаблению международной напряженности. Среди таких мер первое место занял вопрос о прекращении испытаний ядерного оружия.

Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия 1963 г.

С начала 50-х годов движение за прекращение испытательных взрывов ядерного оружия приобрело массовый характер. На сотнях митингов и демонстраций в странах всех континентов принимались резолюции, в которых выдвигалось требование запретить опасные эксперименты с ядерным оружием, отравлявшим окружающую человека среду вредоносной радиоактивностью. Парламенты Японии, Индии и многих других государств настаивали на том, чтобы положить конец ядерным испытаниям. Проходившая в апреле 1955 г. в Бандунге конференция стран Азии и Африки призвала хотя бы на время отказаться от ядерных испытаний.

Первым из государств, обладающих ядерным оружием, которое выступило с требованием о прекращении испытаний, был

Советский Союз. В своем заявлении от 10 мая 1955 г., внесенном в подкомитет Комиссии ООН по разоружению, он предложил, чтобы все государства, которые располагали атомными и водородными бомбами, взяли обязательство «прекратить испытания этих видов оружия» [1].

В столицах капиталистических государств эта идея поддержки не нашла. «Мы не имеем иного пути,— утверждал тогда в своем послании конгрессу США президент Эйзенхауэр,— кроме как по-прежнему укреплять наше самое эффективное средство сдерживания вооруженной агрессии — мощь наших ядерных арсеналов» [2].

Длительные переговоры, проходившие в разных органах и на разных уровнях в 1955, 1956 и 1957 гг., не давали результатов. США и Англия даже отказывались принять советское предложение о том, чтобы приостановить ядерные взрывы временно, на два-три года. Обсуждение всей проблемы заходило в тупик, а число проводимых атомных испытаний нарастало. Чтобы найти выход из этого положения, Советский Союз пошел на смелый, решительный шаг, который дал переговорам новый импульс.

31 марта 1958 г. по предложению Советского правительства Верховный Совет СССР принял решение «прекратить производство в Советском Союзе испытаний всех видов атомного и водородного оружия» [3].

Получив обращение Советского правительства с призывом последовать его примеру, Вашингтон и Лондон оказались в весьма сложном положении. Они попытались прибегнуть к своему излюбленному средству саботажа соглашений о разоружении и вновь подняли вопрос о контроле. Маневр этот по замыслу был несложен и рассчитан на то, что советская сторона еще раз отвергнет предложение западных держав («сперва контроль, а потом договоренность о мере разоружения»), и дело с прекращением испытаний не сдвинется с места. Однако предположения США и Англии не оправдались: в интересах скорейшего прекращения испытаний Советский Союз дал согласие на проведение специальной встречи ученых-экспертов для рассмотрения методов обнаружения ядерных взрывов. Видимо, для американского правительства это было столь неожиданным, что государственный секретарь США Даллес поспешил публично разъяснить, что успешный исход совещания экспертов еще не будет означать принятия обязательства покончить с испытаниями ядерного оружия [4].

---

[1] «Известия», 11 мая 1955 г.
[2] «New York Times», 18. I. 1955.
[3] «Правда», 1 апреля 1958 г.
[4] «New York Times», 18. VI. 1958.

На совещание, проходившее в женевском Дворце Наций с 30 июня по 21 августа 1958 г., съехались ученые из четырех социалистических стран (СССР, Польша, Чехословакия, Румыния) и четырех западных стран (США, Англия, Франция, Канада) [1].

Советские ученые изложили в Женеве своим коллегам обширный и глубоко обоснованный материал, который доказывал, что современная аппаратура и методы обнаружения взрывов позволяют надежно контролировать соглашение о прекращении ядерных испытаний. Большое впечатление на совещании и далеко за его пределами произвело сообщение советской делегации о том, что советские наблюдательные станции, расположенные на расстоянии 5—6 тыс. *км* от американских атомных полигонов, с высокой точностью зафиксировали взрывы, которые были проведены США в апреле 1958 г. [2]

Ученые США, Англии и других западных держав также привели немало убедительных соображений и фактов о возможности обнаружения ядерных взрывов. Правда, довольно часто их выводы отражали политические мотивы, подсказанные кругами, которые не были заинтересованы в прекращении ядерных испытаний. Американские эксперты попытались, например, выдвинуть необоснованное требование о создании международной контрольной сети из 650 контрольных постов, что более чем в 3 раза превышало число постов, которое в конечном итоге было согласовано на совещании экспертов — 160—170 постов [3].

Проходившее в обстановке серьезных и конструктивных дискуссий совещание экспертов дало обнадеживающие результаты. Вопреки утверждениям противников прекращения ядерных испытаний оно показало, что нет никаких неразрешимых технических проблем контроля за выполнением соглашения. С помощью современных чувствительных приборов, которые регистрируют акустические и сейсмические волны, обнаруживают и анализируют радиосигналы и радиоактивные продукты, можно эффективно следить за тем, как государства выполняют обязательство не производить ядерные взрывы.

---

[1] В делегацию СССР входили лауреаты Нобелевской премии академики Н. Н. Семенов и И. Е. Тамм, академики М. А. Садовский, Е. К. Федоров и др. Представительным был и состав других делегаций (США — такие ученые с мировым именем, как Э. О. Лоуренс, Г. Бете, Р. Ф. Бахер; Англии — Дж. Кокрофт и У. Пенни). Следует отметить, что начиная с Женевского совещания по прекращению ядерных испытаний для послевоенных переговоров по разоружению вообще стало характерным участие наряду с дипломатами научных или военных специалистов.

[2] «Правда», 29 июля 1958 г.

[3] Доклад совещания экспертов по изучению методов обнаружения нарушений возможного соглашения о приостановке ядерных испытаний. Женева, 20 августа 1958 г. Документ EXP/NUC 128.

Таким образом, в результате успешного завершения совещания экспертов открывался путь к соглашению. Но западные страны весьма недвусмысленно дали понять, что к достижению политической договоренности о запрещении испытаний они не готовы. Президент Эйзенхауэр в туманной форме заявил, что его правительство согласно «принять во внимание» рекомендации совещания экспертов[1]. Однако правительство США не сделало ясного заявления о том, что оно возьмет рекомендации экспертов за основу для соглашения. Когда же в Женеве политики сменили ученых и в октябре 1958 г. за столом переговоров заняли места представители трех ядерных держав — США, СССР и Англии[2], американская сторона фактически дезавуировала своих научных экспертов, заявив, что контрольная сеть, разработанная ими вместе со специалистами других стран, является «недостаточной». Вслед за этим США выставили завышенные и не обоснованные научно требования в области контроля, которые серьезно затормозили дальнейший ход переговоров.

Постепенно, месяц за месяцем совещание трех превращалось в своего рода постоянный институт, а решение вопроса о прекращении ядерных взрывов не двигалось с места. Журналисты иронизировали, что дискуссии по прекращению ядерных испытаний стали такой же неотъемлемой частью женевского колорита, как и знаменитый пятидесятиметровый фонтан, привлекающий к себе взоры многочисленных туристов. Представители США препятствовали достижению прогресса в переговорах, настаивая на такой системе контроля, которая ставила бы Советский Союз в явно неравноправное положение.

Хотя благодаря настойчивости советской делегации за два года переговоров удалось согласовать довольно значительную по объему часть будущего соглашения (17 статей и 2 приложения), однако ключевые вопросы оставались нерешенными. На многие компромиссные предложения советской стороны американские представители либо затягивали свой ответ, либо не отвечали вовсе. Возглавлявший в течение ряда лет английскую делегацию М. Райт впоследствии вспоминал: «Американская делегация на переговорах подолгу оказывалась неспособной к продвижению вперед, подобно яхте без попутного ветра... В течение 1959 и 1960 гг. администрация Эйзенхауэра не смогла принять решение об изменении явно неприемлемой американской позиции, отрицающей равноправие двух ядерных сторон в

---

[1] «Documents on Disarmament (1945—1959)», vol. 11, Washington, Department of State. 1960, p. 1112.

[2] Французское правительство, готовившееся реализовать свой план создания «ударных ядерных сил», не приняло участия в переговорах.

контрольной комиссии по наблюдению за выполнением соглашения о прекращении испытаний». По словам Райта, «эта медлительность в принятии решений была отражением то затихавшей, то обострявшейся борьбы между сторонниками и противниками договора в течение последних полутора лет правления администрации Эйзенхауэра» [1].

С приходом к власти правительства Кеннеди в американскую позицию на переговорах в Женеве были внесены некоторые изменения. По инициативе нового президента весной 1961 г. из американских предложений по прекращению испытаний были устранены наиболее одиозные требования, которые порой не разделялись даже союзниками США. Однако в правящих кругах Вашингтона большим весом все еще пользовались те, кто ратовал за продолжение ядерных взрывов и требовал, чтобы президент «не шел на уступки». По такому принципиальному и спорному вопросу, как прекращение ядерных испытаний под землей, США по-прежнему занимали непримиримую позицию, настаивая на неоправданно большом числе инспекций на местах.

В сентябре 1961 г. в ответ на вызванный империалистическими державами кризис вокруг так называемого «берлинского вопроса» Советский Союз был вынужден предпринять некоторые шаги по укреплению своей обороноспособности, в том числе провести несколько испытаний своих ядерных взрывных устройств. Достаточно хорошо было известно, насколько США опередили СССР по числу ядерных взрывов. Однако, несмотря на это, американские военно-промышленные круги использовали вполне закономерные действия Советского Союза, предпринятые в защиту своей безопасности, как предлог для новых мощнейших серий ядерных испытаний, которые были проведены в конце 1961 г. и в первой половине 1962 г. сперва под землей, а потом и в воздухе.

США возобновили испытания, хотя за несколько дней до начала взрывов в одной из бесед министр обороны Р. Макнамара говорил государственному секретарю Д. Раску, что «в них на самом деле не было никакой необходимости». Премьер-министр Англии Макмиллан адресовал президенту США «личное письмо», в котором призывал американское правительство воздержаться от новых ядерных испытаний, подогревающих гонку вооружений, и, созвав совещание на высшем уровне, договориться с Советским Союзом о конкретных мерах разоружения, в том числе и о прекращении испытаний.

В конце 1962 г. Советский Союз сделал новую попытку достичь соглашения с западными державами о запрещении всех

---

[1] *M. Wright.* Disarm and Verity, London, 1964, p. 120, 121.

ядерных испытаний. К этому времени (что имело немаловажное значение) фактически были сняты с повестки дня разногласия по поводу прекращения взрывов в атмосфере, космосе и под водой. США и Англия были вынуждены признать, что прогресс науки и техники дал возможность приостановить такие взрывы без всякого международного контроля, о котором трудно было договориться. Оставался спорным лишь вопрос о контроле за прекращением подземных ядерных испытаний.

Советская дипломатия предложила компромиссную основу для решения проблемы. Она обратила внимание на то, что 30 октября 1962 г. в беседе в Нью-Йорке с первым заместителем министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецовым представитель США в Комитете 18-ти посол А. Дин заявил, что, по мнению правительства США, на территории Советского Союза было бы достаточно проводить ежегодно 2—4 инспекции на местах для контроля за прекращением подземных ядерных взрывов. Приняв это во внимание, Советский Союз изъявил готовность пойти на 2—3 инспекции [1].

С этим предложением вновь возродилась надежда на соглашение. Однако ее довольно быстро развеяла американская сторона. Вопреки заявлению А. Дина, ею официально было предложено ежегодно проводить 8—10 инспекций на советской территории. Вскоре А. Дин «по личным мотивам» подал в отставку со своего поста представителя США в Комитете 18-ти [2].

Последовавший за этим в Нью-Йорке конфиденциальный советско-американский обмен мнениями не оставил никаких сомнений, что США на отказ от подземных ядерных взрывов не пойдут. В таких условиях Советское правительство решило добиться хотя бы ограниченного соглашения и договориться с западными странами о прекращении ядерных взрывов в атмосфере, под водой и в космическом пространстве, которые вызывали наибольшее загрязнение окружающей человека среды [3].

По предложению СССР в середине июля 1963 г. для выработки проекта договора о частичном запрещении ядерных испытаний в Москве встретились специальные полномочные представители трех правительств. От СССР в них участвовал министр иностранных дел А. А. Громыко, от США — заместитель государственного секретаря А. Гарриман, от Великобритании — министр по делам науки лорд Хэйлшэм.

Переговоры проходили с 16 по 25 июля 1963 г. В эти дни в адрес их участников ежедневно поступали сотни писем от пра-

---

[1] См. «Правда», 21 января 1963 г.

[2] *A. Dean.* Fest Ban and Disarmament, New York and London, 1966, pp. 41—42.

[3] См. «Правда», 3 июля 1963 г.

вительств, общественных организаций и частных лиц многих стран с пожеланием успеха и призывом как можно скорее достичь соглашения.

25 июля 1963 г. московские переговоры завершились парафированием текста договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой. 5 августа он был подписан в торжественной обстановке в Кремле А. А. Громыко, Д. Раском и министром иностранных дел Великобритании лордом Хьюмом. Одновременно договор был также открыт для подписания в Вашингтоне и Лондоне. Такая процедура подписания в этих столицах была согласована, с тем чтобы позволить присоединиться к соглашению всем без исключения государствам независимо от их членства в ООН или факта признания со стороны других государств [1].

Полностью запрещая ядерные испытания в трех средах, Московский договор, кроме того, предусматривал обязательство не проводить такие подземные взрывы, которые наносили бы международный ущерб, вызывая радиоактивные осадки за национальными границами страны, производящей испытание.

Заключение договора явилось наглядным свидетельством того, что при наличии доброй воли можно урегулировать самые сложные вопросы. Приветствуя договор, премьер-министр Индии Д. Неру отметил, что это соглашение является «поворотным пунктом в современной истории» и «открывает путь к разоружению и обеспечению мира во всем мире». В ближайшие же месяцы к договору присоединилось около 100 государств. 10 октября 1963 г. договор вступил в силу.

Серьезный успех длившихся почти пять лет переговоров по прекращению испытаний ядерного оружия внушал надежду на то, что разоружение — цель реально достижимая. Заключение Московского договора, в разработке которого такую важную роль сыграла советская инициатива, содействовало укреплению авторитета советской внешней политики и дипломатии на международной арене.

В последующие годы в ООН и в Комитете по разоружению советская сторона выступала за запрещение экспериментальных ядерных взрывов в четвертой среде, не охваченной Московским договором,— под землей. Но достижение договоренности блокировали западные представители, которые настаивали на установлении международной инспекции за выполнением соглашения, хотя существовавшая сейсмическая аппаратура позволяла обнаруживать подземные ядерные взрывы с помощью националь-

---

[1] В дальнейшем такая процедура послужила примером для подписания других многосторонних соглашений, в частности, Договора о нераспространении ядерного оружия.

ных средств. Государственный департамент США действовал в интересах Пентагона, которому нужны были все новые и новые взрывы для совершенствования ядерного оружия, продолжения гонки вооружений. Спустя несколько лет после вступления в силу Московского договора председатель Комитета начальников штабов генерал Э. Уилер на вопрос одного из корреспондентов о том, поддерживает ли он идею запрещения подземных испытаний, ответил: «Нет, потому что это воспрепятствовало бы продолжению нами программы подземных испытаний, которая очень важна для поддержания наших ядерных сил на должном уровне». Американские дипломаты, разумеется, умалчивали о том, о чем открыто говорили их генералы.

В целом заключение Московского договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия явилось таким событием в послевоенной дипломатии, которое придало более конструктивный и деловой характер переговорам по разоружению и послужило стимулом к заключению целой серии последующих соглашений, направленных на ограничение гонки вооружений.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

РАЗВИТИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (1950—1960 гг.)

1. Расширение взаимных связей социалистических государств

Внешнеполитическое сотрудничество стран социализма

К 50-м годам сложилась в основных чертах мировая социалистическая система, которая быстро укреплялась в политическом, экономическом и военном отношении; стремительно росли ее авторитет и влияние на мировые дела.

В социалистических государствах происходили крупные социально-экономические преобразования. Быстрыми темпами шел процесс превращения в прошлом в большинстве своем промышленно отсталых, аграрных стран в развитые индустриальные государства. Осуществлялось дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народов братских стран.

Огромное значение для обеспечения неприкосновенности социалистического содружества, повышения его обороноспособности, для отпора агрессивным поползновениям империализма и сохранения всеобщего мира имели достижения Советского Союза в науке и технике, освоении термоядерного оружия, крупные успехи в области ракетостроения.

Мировая социалистическая система становилась решающим фактором общественного развития. Между входящими в нее государствами складывались отношения нового типа, не имевшие до сих пор прецедента в мировой практике. Они основываются на принципах социалистического интернационализма, братской дружбы, сотрудничества, всесторонней бескорыстной взаимопомощи, полного равноправия, невмешательства во внутренние дела друг друга, сплоченности и единства.

Установление таких отношений облегчается общностью политического строя социалистических государств, их идеологии, конечных целей и задач по строительству развитого социалистического общества и защите его от посягательств извне, совместной борьбой за мир, свободу и безопасность народов.

Укрепление политического, идейного, экономического единства стран социалистического содружества является задачей первостепенной важности, стоящей перед дипломатией этих

стран. От единства действий социалистических государств в значительной степени зависят ход и результаты социалистического и коммунистического строительства, борьбы между демократией и реакцией, социализмом и капитализмом, между силами мира и сторонниками войны. «Все, что ослабляет единство социалистических стран,— отмечал в интервью корреспонденту газеты «Известия» член Политбюро ЦК ПОРП, министр иностранных дел Польши С. Ольшовский,— препятствует и нашей борьбе за мир, снижает ее эффективность, ослабляет антиимпериалистический фронт» [1].

В 50-е годы непрерывно крепло, развивалось и совершенствовалось внешнеполитическое сотрудничество социалистических государств, наряду с упрочением всех других форм взаимоотношений между ними. Важную роль в укреплении единства и сплоченности социалистических стран играют договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также постоянные связи и контакты, взаимные визиты на разных уровнях в целях обмена мнениями, проведение консультаций, выработка общей согласованной линии, совещания, коллективные акции, внешнеполитическое, экономическое и культурное сотрудничество на базе полного равноправия и взаимного уважения [2].

30 января 1950 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Демократической Республикой Вьетнам. В том же году ДРВ была признана и другими социалистическими странами.

Продолжали развиваться дипломатические связи европейских социалистических стран с Монгольской Народной Республикой. 4 апреля 1950 г. правительства СССР и МНР приняли решение о преобразовании миссий СССР и МНР соответственно в Улан-Баторе и Москве в посольства. 20 апреля 1950 г. были оформлены дипломатические отношения между МНР и Болгарией [3]. За короткое время были налажены дипломатические связи Монголии со всеми братскими социалистическими странами.

Вскоре после образования КНР, 14 февраля 1950 г. был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Обе стороны обязались совместно предпринимать все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии.

---

[1] «Известия», 20 апреля 1972 г.

[2] См. гл. IV.

[3] См. «Външна политика на Народна Република България», т. I (1944—1962 гг.). София, 1970, стр. 155.

Обе стороны обязались также не заключать какого-либо союза и не участвовать в коалициях, а также в действиях или мероприятиях, направленных против другой договаривающейся стороны [1].

Согласно статьям 4 и 5 Договора Советский Союз и КНР согласились консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим их общие интересы, в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия, взаимных интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, развивать и укреплять экономические и культурные связи, оказывать всякую возможную экономическую помощь и осуществлять необходимое экономическое сотрудничество [2].

Одновременно стороны договорились, что Советское правительство безвозмездно передаст правительству КНР все свои права по совместному управлению Китайской Чанчуньской железной дорогой и что советские войска будут выведены из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур, а сооружения в этом районе будут переданы правительству КНР [3].

Кроме того, стороны обменялись нотами по поводу решения Советского правительства передать безвозмездно правительству КНР имущество, приобретенное советскими хозяйственными организациями у японских собственников в Маньчжурии [4].

Договор и другие советско-китайские соглашения заложили прочную основу для развития отношений дружбы и сотрудничества между двумя странами, укрепления суверенитета и экономики КНР. Союз между СССР и КНР стал надежной гарантией безопасности КНР, крупным вкладом в дело укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире.

В сентябре — октябре 1954 г. был сделан новый важный шаг в направлении укрепления советско-китайской дружбы и международных позиций КНР. В совместной Декларации правительств СССР и КНР, подписанной в Пекине, констатировалось полное единство взглядов «как в области развивающегося всестороннего сотрудничества между обоими государствами, так и по вопросам международного положения». Стороны заявили о своем стремлении консультироваться друг с другом всякий раз, когда будут возникать вопросы, затрагивающие их общие интересы, с целью согласования действий, направленных на обеспечение безопасности обоих государств, поддержание мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза, 1950 год», стр. 59.
[2] См. там же, стр. 60.
[3] См. там же, стр. 61—62.
[4] См. там же, стр. 57—58.

В ходе переговоров было достигнуто соглашение о выводе советских воинских частей из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур и о переходе этой базы с сооружениями в этом районе в полное распоряжение КНР [1]. Вывод советских войск был завершен в мае 1955 г.

Правительства СССР и КНР договорились также о передаче КНР с 1 января 1955 г. советской доли участия в смешанных советско-китайских обществах [2]. Кроме того, Советское правительство согласилось предоставить правительству КНР долгосрочный кредит в сумме 520 млн. руб. и поставить дополнительно оборудование для строившихся с помощью СССР предприятий стоимостью свыше 400 млн. руб.

Объективные потребности дальнейшего развития революции, вступление Китая на социалистический путь, а также угроза со стороны империализма диктовали КНР необходимость установления самых тесных дружественных связей с СССР и другими странами социализма, которые могли оказать китайскому народу необходимую политическую, военную и экономическую поддержку и помощь.

VIII съезд КПК (1956 г.) определил в качестве первостепенной задачи в области внешней политики необходимость «продолжать укреплять и усиливать вечную и нерушимую братскую дружбу с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии».

Однако во второй половине 50-х годов в КНР значительно усилилась деятельность правых, антисоциалистических сил. Поворот в политике Китая, начавшийся в конце 50-х годов, отход руководства КПК от позиций марксизма-ленинизма, от дружбы и сплоченности с Советским Союзом и другими социалистическими государствами противоречил жизненным интересам китайского народа, подрывал единство социалистических государств, всего мирового революционного движения, означал измену принципам пролетарского интернационализма. Мао Цзэдун и его окружение стали на путь все более открытого проведения великодержавного шовинистического внешнеполитического курса.

Социалистические государства предприняли шаги к улучшению и развитию дружеских отношений с Югославией, которые были нарушены в 1948—1949 гг. Нормализация дипломатических связей между СССР и ФНРЮ началась в 1953 г., когда по предложению Советского правительства был произведен обмен послами. В октябре 1954 г. Советское правительство сообщило послу Югославии, что в целях улучшения отношений и укреп-

---

[1] См. «Правда», 12 октября 1954 г.
[2] Там же.

ления дружественных связей между народами обеих стран приняты меры к тому, чтобы обеспечить должное освещение в печати и по радио вопросов, относящихся к Югославии[1]. 5 января 1955 г. стороны подписали торговое и платежное соглашение.

27 мая — 2 июня в Белграде и на острове Бриони состоялись переговоры между правительственными делегациями СССР и ФНРЮ, завершившиеся подписанием советско-югославской Декларации, в которой оба правительства подтвердили взаимное стремление к нормализации отношений и развитию сотрудничества на основе уважения суверенитета, независимости, территориальной неприкосновенности, равноправия и невмешательства во внутренние дела. Стороны высказались за признание и развитие «мирного сосуществования между народами вне зависимости от идеологических различий и различий в общественном устройстве»[2]. В Декларации констатировалось единство взглядов обеих сторон по ряду принципиальных вопросов международного развития и намечалась программа экономического и культурного сотрудничества ФНРЮ и СССР.

В январе 1956 г. Советский Союз и Югославия заключили соглашение о предоставлении кредитов ФНРЮ, а в мае 1956 г.— Конвенцию о культурном сотрудничестве.

В июне 1956 г. в СССР прибыла правительственная делегация ФНРЮ во главе с президентом страны И. Броз Тито. В результате переговоров 20 июня в Москве было подписано совместное заявление правительств СССР и ФНРЮ. В нем подчеркивалось сходство позиций двух стран по важнейшим международным проблемам и выражалось обоюдное стремление к дальнейшему развитию дружественных отношений. Была принята Декларация об отношениях между КПСС и Союзом коммунистов Югославии, в которой подтверждалась необходимость строить и расширять контакты и связи между двумя партиями на основе принципов марксизма-ленинизма[3]. Происходил процесс нормализации отношений между ФНРЮ и другими социалистическими государствами. В 1953 г. Югославия обменялась посланниками с Венгрией и послами с Болгарией, были возобновлены дипломатические отношения между Албанией и ФНРЮ (на уровне посланников). В 1954 г. ФНРЮ произвела обмен послами с Румынией и Польшей, а также с другими социалистическими странами. Был подписан ряд соглашений о товарообороте и платежах, о научно-техническом сотрудничестве, о культурных связях и т. д. Некоторые страны, например Польша, предоставили ФНРЮ кредиты на оплату поставок машин и

[1] АВП СССР.
[2] «Правда», 3 июня 1955 г.
[3] См. «Правда», 21 июня 1956 г.

оборудования. Широкие размеры приобрел обмен делегациями на разных уровнях. К 1956 г. межгосударственные и дипломатические связи Югославии с европейскими социалистическими странами вступили в нормальную колею.

Свое удовлетворение по поводу нормализации отношений с ФНРЮ выразили участники заседания Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора, проходившего в Праге в конце января 1956 г.[1]

Выступая на сессии Верховного Совета СССР 13 декабря 1962 г. И. Броз Тито отметил развитие отношений между Советским Союзом и Югославией «в направлении дружеского сотрудничества как в области наших двусторонних отношений, так и в области внешней политики». Далее И. Броз Тито указал, что «визит Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Брежнева и сопровождавших его товарищей в Югославию в сентябре 1962 года во многом способствовал лучшему взаимопониманию и упрочению дружбы между нашими народами»[2].

Особое внимание социалистические страны уделяли укреплению политических и экономических позиций ГДР[3]. Этот вопрос был предметом обсуждения Пражского совещания министров иностранных дел социалистических государств (октябрь 1950 г.).

Дальнейшему развитию дружественных отношений между ГДР и Польшей способствовал подписанный 6 июня 1950 г. в польском городе Згожельце Договор о демаркации польско-германской государственной границы, установленной Ялтинским и Потсдамским соглашениями. Она была признана нерушимой границей мира и дружбы, не разделяющей, а объединяющей оба народа. Демаркация ее завершилась 27 января 1951 г.

В августе 1953 г. правительства СССР и ГДР договорились о преобразовании своих миссий соответственно в Берлине и Москве в посольства.

В результате состоявшихся в Москве в сентябре 1955 г. переговоров между правительственными делегациями СССР и ГДР был подписан 20 сентября «Договор об отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой». Договор подтверждал, что отношения между обоими государствами «основываются на полном равноправии, взаимном уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела». В нем отмечалось, что «в соответствии с этим Германская Демократическая Республика является

---

[1] См. «Правда», 29 января 1956 г.

[2] *Иосип Броз Тито.* Избранные статьи и речи, М., 1973, стр. 243—244.

[3] Подробнее см. гл. XIII.

свободной в решении вопросов своей внутренней и внешней политики, включая взаимоотношения» с Федеративной Республикой Германии, а также развитие отношений с другими государствами. Договор предусматривал взаимные консультации по важнейшим международным вопросам. Председатель Совета Министров ГДР О. Гротеволь в речи 6 октября 1955 г. заявил, что «Московский договор является историческим документом и актом мира величайшего значения» [1].

25 декабря 1955 г. в Пекине был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между ГДР и КНР. Оба государства заявили, что они будут участвовать во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и безопасности народов, консультироваться по всем важным вопросам, затрагивающим интересы двух государств, укреплять и расширять дружественные отношения, оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь, развивать экономическое, научное, научно-техническое сотрудничество, культурные связи.

Развитие экономического сотрудничества

Укрепление единства социалистических государств было связано с преодолением ряда возникавших известных трудностей. Наряду с объединяющими социалистические страны факторами существовали также и значительные различия и особенности национального, исторического, культурного, психологического и иного порядка, унаследованные от прошлого. Строительство социализма определяется общими закономерностями, проявляющимися в различных формах, отвечающих конкретно-историческим условиям, национальным особенностям каждой страны. Отношения между социалистическими государствами развиваются с учетом всех этих факторов.

Важное значение для достижения прочного единства имело сокращение разрыва в уровне развития экономики социалистических государств, ликвидации унаследованной многими из них от капитализма экономической отсталости. Эта задача была не из легких и не поддавалась решению в короткие сроки. Но исходя из интересов социалистического содружества, экономически более развитые государства шли на известное ограничение своих потребностей в капиталовложениях, оборудовании и сырье, прилагали максимум усилий, чтобы помочь братским странам создать современную крупную индустрию и механизировать сельское хозяйство.

Огромная помощь была оказана социалистическим государствам Советским Союзом, который в 50-е годы продолжал в широких масштабах поставлять им машины, сырье, продовольст-

[1] «Dokumente zur Außenpolitik der Regierung der Deutschen Demokratischen Republik». Berlin, 1956, S. 44.

вие, предоставлять кредиты для оплаты товаров, лицензии, техническую документацию, оказывать научное и техническое содействие в реконструкции их народного хозяйства, направлять специалистов для участия в строительстве предприятий, монтаже и эксплуатации оборудования, помогать в подготовке национальных кадров. Так, Президент Чехословакии А. Запотоцкий в речи на митинге в Москве в январе 1957 г. отмечал, что в 1951—1956 гг. Чехословакия за счет ввоза из СССР удовлетворяла свои потребности в железной руде на 74%, меди — на 70, никеля — почти на 90, алюминия — на 70, нефти — на 81% [1]. Половину всего чехословацкого импорта зерна составляли поставки из Советского Союза. Сходное положение имело место в торговле СССР с Болгарией, ГДР, Польшей и другими социалистическими странами.

Руководствуясь принципами социалистического интернационализма, Советский Союз оказывал китайскому народу необходимую поддержку в строительстве социализма. Несмотря на серьезные трудности послевоенных лет, Советское правительство предоставило КНР в 1950 г. крупный заем в размере 300 млн. ам. долл. на льготных условиях [2].

В 1954 г. Китай получил от СССР новые кредиты в размере 520 млн. руб. В 1953—1954 гг. Советский Союз согласился оказать КНР техническое содействие в строительстве и реконструкции 156 крупных промышленных предприятий. Общая стоимость поставляемого советского оборудования только по этим объектам составила около 5,6 млрд. руб.[3]

В апреле 1956 г. Советский Союз подписал с Китаем новое соглашение, в соответствии с которым взял на себя обязательство оказывать помощь в строительстве в КНР еще 55 промышленных предприятий. Общая стоимость поставляемого КНР оборудования и других видов советской технической помощи составила около 2,5 млрд. руб.[4]

Огромное значение помощи Советского Союза для индустриализации КНР признавалось в то время самими китайскими руководителями. Мао Цзэ-дун в телеграмме от 15 сентября 1953 г. отмечал, что экономическая и техническая помощь СССР «будет иметь чрезвычайно важное значение для индустриализации Китая, для постепенного перехода Китая к социализму, а также

---

[1] «Советско-чехословацкие отношения. 1945—1960 гг.». М., 1972, стр. 319.

[2] См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами». Вып. XIV. М., 1957, стр. 223.

[3] См. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. I. М., 1956, стр. 13.

[4] См. «Правда», 8 апреля 1956 г.

для укрепления сил лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом» [1]. По признанию руководителей КПК предприятия, построенные в КНР при содействии Советского Союза, стали «костяком китайской промышленности». «Помощь Советского Союза в экономическом строительстве нашей страны,— писала в то время «Жэньминь жибао»,— как в количественном отношении, так и по своим масштабам не имеет прецедента в истории». Большую помощь в индустриализации Китая, развитии различных отраслей его народного хозяйства оказывали ГДР, Польша, Чехословакия и другие социалистические страны. Так, например, ГДР осуществляла техническое содействие в строительстве 41 промышленного объекта [2].

Чжоу Энь-лай, выступая на VIII Всекитайском съезде КПК в сентябре 1956 г., заявил: «Следует также отметить, что в процессе осуществления в нашей стране первого пятилетнего плана великий Советский Союз и страны народной демократии оказали нам огромную помощь. В этот период Советский Союз предоставил нам кредиты на льготных условиях, оказал помощь в проектировании 205 промышленных объектов и в поставках для них большей части оборудования, направил к нам много замечательных специалистов, а также оказал большую техническую помощь в других областях. Страны народной демократии также оказали нам большую помощь в области оборудования, материалов и технических сил. Специалисты Советского Союза и стран народной демократии, работающие в нашей стране, внесли выдающийся вклад в наше социалистическое строительство. Мы хотим воспользоваться этим случаем, чтобы выразить свою глубокую благодарность Советскому Союзу и странам народной демократии за эту сердечную, братскую помощь» [3].

Однако, как показали дальнейшие события, если преобладающая часть КПК и трудящиеся Китая видели в поддержке мирового социализма ключ к социалистическому переустройству китайского общества, то маоисты, как стало ясно теперь, и тогда руководствовались прежде всего националистическими соображениями. Они рассчитывали использовать прогресс, связанный с развитием КНР по социалистическому пути в союзе с СССР и другими братскими странами, для осуществления своих гегемонистских планов.

Соглашения об оказании экономической и научно-технической помощи были подписаны Советским Союзом со всеми социалистическими странами. К началу 1956 г. им были предо-

---

[1] «Правда», 18 сентября 1953 г.

[2] См. *М. С. Капица.* КНР: два десятилетия — две политики. М., 1969, стр. 98.

[3] «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая». М., 1956, стр. 124—125.

ставлены кредиты на общую сумму в 21 млрд. руб. на максимально благоприятных условиях. С помощью СССР строились к началу 1956 г. 391 предприятие и свыше 90 отдельных цехов и установок [1].

Большой вклад внес Советский Союз в восстановление разрушенного во время империалистической агрессии в Корее (1950—1953 гг.) народного хозяйства КНДР, поставив ей безвозмездно оборудование и другие товары на сумму 1 млрд. руб. Помощь Советского Союза и других социалистических стран КНДР позволила ей в кратчайшие сроки устранить экономические последствия войны, в результате чего уже в 1955 г. был превзойден довоенный уровень производства.

СССР предоставил также безвозмездно 400 млн. руб. на развитие народного хозяйства ДРВ.

Значительную взаимную помощь оказывали и другие социалистические страны. В частности, европейские социалистические государства предоставили КНДР на восстановление пострадавшей от военных действий экономики безвозмездно 900 млн. руб.

Подчеркивая значение экономических связей между МНР и Советским Союзом Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбал говорил, что «опираясь на растущую братскую помощь Советского Союза наша страна создала ряд новых отраслей промышленности и сельского хозяйства» [2]. «По соглашению о дальнейшем расширении экономического сотрудничества между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой, подписанному в феврале 1960 г. в Москве предусматривается оказание нам Советским Союзом новой большой помощи в годы третьей пятилетки» [3]. В 1960 г. были также заключены торговые и экономические соглашения МНР с ГДР, Польшей, Румынией, Чехословакией.

Крепло и расширялось всестороннее экономическое сотрудничество между государствами социалистического содружества. Так, Чехословакия поставляла с оплатой в кредит машины и оборудование Польше, Венгрии, Албании, Румынии, КНДР, Болгарии и другим братским странам. Подобную помощь оказывали друг другу и остальные социалистические государства. Во внешней торговле страны социализма перешли от единовременных и краткосрочных соглашений к экономическим отношениям долговременного характера на прочной и стабильной основе.

---

[1] См. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. I, стр. 13.

[2] *Юмжагийн Цеденбал.* Избранные статьи и речи, т. II. М., 1962, стр. 313.

[3] Там же, стр. 199.

В 1950 г. было заключено советско-чехословацкое экономическое соглашение на пятилетний срок. В феврале 1951 г. Чехословакия подписала аналогичное соглашение с ГДР, а в апреле 1951 г. с Польшей.

Успешно развивалось сотрудничество между социалистическими государствами также на многосторонней основе.

В условиях непрекращающихся попыток империалистических сил подорвать экономическое строительство стран социализма большое значение имело создание и развитие мирового социалистического рынка, что способствовало усилению интеграционных процессов в экономике братских стран, расширению специализации и кооперирования производства, наиболее рациональному использованию сырья, производственных ресурсов и мощностей.

Важную роль в экономическом сплочении социалистических государств, развитии широкого сотрудничества между ними играет созданный в 1949 г. Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), в задачу которого входит укрепление и совершенствование взаимодействия национальных экономик, координация развития взаимосвязанных отраслей народного хозяйства, организация рационального разделения труда и наиболее эффективного использования экономических возможностей отдельных стран в интересах ускорения построения в них социализма.

В сентябре 1950 г. в СЭВ была принята ГДР, а в июне 1962 г.— МНР, что придало ему еще более представительный характер и расширило сферу его действия.

2. Борьба социалистической дипломатии против происков империализма, за упрочение мира

Усиление империалистической политики «холодной войны»

Развивающееся быстрыми темпами социалистическое содружество стало мощным барьером на пути империалистической экспансии, защитой, оплотом и надеждой всех угнетенных и эксплуатируемых наций. Народы в своей борьбе против империализма и реакции, за свободу и независимость опираются на эффективную моральную, политическую, экономическую и дипломатическую поддержку социалистических государств. Уже в 50-х годах экономическая и военная мощь стран социалистического содружества настолько возросла, что стал на практическую почву вопрос об обуздании империалистической агрессии. Растущие успехи социалистических государств, быстрое укрепление их политической и оборонной мощи, неуклонное усиление их влияния на международные

дела, мощное воздействие на развитие революционного и национально-освободительного движения вызывало ярость империалистов, не желавших примириться с утратой своих позиций, своего политического и экономического господства.

В начале 50-х годов появился ряд империалистических доктрин, направленных против социалистических стран и дела всеобщего мира.

Одной из них явилась доктрина «освобождения» стран социализма. Характеризуя точку зрения Д. Даллеса по этому вопросу, известный американский журналист С. Сульцбергер писал: «Говоря об «освобождении», он имел в виду, что Соединенные Штаты готовы, если необходимо, силой поддержать любую контрреволюцию в Восточной Европе» [1].

В начале 1953 г. конгресс США принял предложенную Д. Эйзенхауэром резолюцию, в которой выражалась надежда на «освобождение» народов социалистических стран [2].

Наиболее реакционные круги США призывали к тому, чтобы на первом этапе сократить «коммунистический район», ограничив его пределами СССР, а затем попытаться ликвидировать и Страну Советов.

В программе консервативного правительства Англии в начале 50-х годов открыто ставилась задача реставрации капитализма в социалистических странах.

Весной 1955 г. в США была разработана «программа политического наступления на мировой коммунизм», которой предусматривалась, в частности, подготовка кадров «для руководства операциями сопротивления, для пропаганды, подрыва, проникновения» в социалистические страны.

Впоследствии Д. Даллес дополнил доктрину «освобождения» доктриной «массированного возмездия» или «устрашения», которая должна была основываться на подавляющем превосходстве сил.

Капиталистические державы применяли все средства, чтобы достичь своих целей. Они пытались организовать экономическую блокаду социалистических государств, развернули кампанию лжи и клеветы, усилили шпионско-диверсионную деятельность, систематически провоцировали пограничные конфликты, окружили страны социализма кольцом военных баз, создали ряд враждебных им блоков и союзов, поощряли рост реваншизма в ФРГ и ее ремилитаризацию, рассчитывая использовать эту страну как ударную силу в борьбе против социалистического содружества.

---

[1] *C. Sulzberger.* What's wrong with U. S. Foreign Policy, New York, 1959, p. 101.

[2] «Departament of State, Bulletin», 2. III. 1953, p. 354.

Западные государства широко применяли методы дипломатического шантажа и давления на социалистические страны. Правительство США, стремясь запугать Болгарию, разорвало с ней в 1950 г. дипломатические отношения. В 1954 г. были закрыты три консульства Польши в США. В ноте от 1 марта 1954 г. польское правительство решительно протестовало против подобных незаконных действий и со своей стороны заявило о закрытии миссий США в Польше [1]. Подобные шаги предпринимались и в отношении других социалистических стран. Правительство Англии придерживалось сходной политики в этом вопросе. Империалистические силы активизировали деятельность, направленную на ухудшение отношений между социалистическими государствами и ФРГ и некоторыми другими западными странами.

Враги социализма пытались использовать ООН и другие международные организации для вмешательства во внутренние дела стран социализма. Так, в этих целях при ООН вначале была создана Балканская комиссия, а с конца 1953 г. Балканская подкомиссия. Болгарское правительство заявило, что не признает эту подкомиссию, созданную в нарушение принципов и Устава ООН, не допустит ее на свою территорию и не окажет ей никакого содействия [2].

Капиталистические державы пытались воздействовать на социалистические страны также методами экономического давления. Фактически империалистические силы США и их союзники объявили экономическую войну социалистическим государствам. В 1951 г. США заявили о том, что право наибольшего благоприятствования «не будет распространяться» на Польшу и Венгрию, аннулировали торговые договоры с СССР, Чехословакией, Болгарией, Румынией, Польшей и Венгрией, сократили торговые операции, отменили таможенные льготы для социалистических стран, ввели различные ограничения финансового характера. Для целей экономической войны капиталистическими государствами был создан специальный координационный комитет (КОКОМ). В 1952 г. 11 западных стран подписали соглашение об эмбарго на торговлю с социалистическими государствами.

В результате этих действий торговля между социалистическими и капиталистическими странами резко сократилась. Например, объем товарооборота между Польшей и США уменьшился в 1954 г. в 2,5 раза по сравнению с 1947 г. Сильно сократились также научно-технические связи.

---

[1] См. «Очерки истории Народной Польши». М., 1965, стр. 402.
[2] См. «История на България», т. II. София, 1955, стр. 971.

Большие надежды возлагали и возлагают империалисты на идеологическое проникновение, подрыв социалистического общества с помощью своей пропагандистско-идеологической машины и правооппортунистических, националистических, контрреволюционных элементов внутри социалистических государств. В этих целях в 50-х годах западные разведцентры пытались использовать политические, экономические и культурные связи, научные симпозиумы и конференции, дипломатические представительства западных держав. С Запада засылалась антисоциалистическая литература. Печать, десятки радиостанций извергали потоки лжи и клеветы. С провокационной целью запускались воздушные шары с листовками в страны Восточной Европы.

Буржуазные идеологи и политики активно пытаются опорочить отношения нового типа, сложившиеся между социалистическими странами, посеять разногласия между ними, разжечь антисоветские настроения. Особую ненависть вызывает у них принцип социалистического интернационализма, который они стремятся всячески скомпрометировать в глазах общественного мнения.

Буржуазные реакционные пропагандисты всячески изощряются в клевете по поводу сущности экономических отношений между социалистическими странами.

Убедительно разоблачил клеветников с трибуны 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Я. Кадар: «*Как... осмеливаются клеветать на отношения Венгрии с Советским Союзом, если бурное развитие моего народа за последние 15 лет стало возможным не в последнюю очередь благодаря многосторонней и бескорыстной, социалистической по своему духу экономической и культурной помощи Советского Союза?...* В рамках советско-венгерских торговых связей более 80% поставок Советского Союза в Венгрию составляют сырье, электроэнергия и полуфабрикаты. Более 80% венгерских поставок в Советский Союз составляют готовые промышленные изделия» [1].

Западные политики шли на прямое извращение фактов. Известно, например, провокационное заявление в то время государственного секретаря США Д. Ачесона, которое он сделал в Национальном клубе печати в Вашингтоне 12 января 1950 г. В нем он пытался в фальшивом виде представить добрососедскую политику Советского Союза в отношении КНР и подверг «сомнению» суверенитет МНР, хотя она существовала к тому времени как самостоятельное и независимое государство уже несколько десятков лет и поддерживала дипломатические отношения с СССР и КНР. Эти утверждения, не содержавшие в

[1] *Янош Кадар.* Избранные статьи и речи. М., 1964, стр. 26—27.

себе ни грана правды, имели единственную цель — посеять рознь между СССР и КНР [1].

Наряду с этим в рассматриваемый период велась усиленная обработка общественного мнения в капиталистических странах. На головы обывателей обрушилась лавина измышлений о «коммунистической угрозе», о планах «захвата» западных стран Советским Союзом, об «экспорте революции» и т. д., с тем чтобы создать подходящий психологический фон для гонки вооружений, сколачивания военных блоков, агрессивных действий против социалистических государств.

Империалистическая реакция развернула активную шпионско-диверсионную, подрывную деятельность против содружества стран социализма.

Социалистические государства наряду с дипломатическими демаршами предпринимали меры по пресечению этой преступной деятельности, вылавливали и обезвреживали иностранных разведчиков и их пособников. Был раскрыт ряд заговорщических подпольных организаций. Неоднократно высылались из социалистических стран дипломаты западных государств, изобличенные в подрывной деятельности.

Чехословацкое правительство вынуждено было аннулировать соглашение о культурном сотрудничестве с Великобританией, которая использовала свои культурные организации в ЧСР, например Информационный центр, в шпионских целях.

Империалисты открыто демонстрировали свое намерение вести шпионско-диверсионную деятельность против социалистических стран и грубо вмешиваться в их внутренние дела. В октябре 1951 г. в США был принят закон «О взаимном обеспечении безопасности» с поправкой Керстэна, в соответствии с которой предусматривалось ежегодное ассигнование на эти цели 100 млн.долл. Согласно поправке, эти суммы предназначались для поддержки «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, а также в Германской Демократической Республике и других странах», и «для лиц, бежавших из этих стран или районов», либо «для сформирования из этих лиц подразделений вооруженных сил, поддерживающих организацию Североатлантического договора...» [2].

Обосновывая эту поправку, Керстэн прямо говорил, что предусматриваемые ею средства будут использоваться для свержения законных правительств в социалистических странах с помощью подпольных организаций.

Утверждение конгрессом США закона «О взаимном обеспечении безопасности» не имело прецедента в истории.

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 35—37.
[2] «О событиях в Венгрии. Факты и документы». М., 1957, стр. 269.

Советский Союз и другие социалистические страны резко протестовали против бесцеремонного попрания норм международного права и нормальной практики межгосударственных взаимоотношений.

«Этот закон,— говорилось в заявлении правительства Румынии,— является явным доказательством агрессивной политики, проводимой правительством Соединенных Штатов по отношению к румынскому народу, и открытым и циничным вмешательством во внутренние дела РНР».

Чехословацкое правительство направило по этому поводу ноту протеста правительству США, в которой охарактеризовало принятие закона как акт вмешательства во внутренние дела ЧСР.

Министр иностранных дел Болгарии Минчо Нейчев обратился 2 декабря 1951 г. к председателю шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН с меморандумом, в котором этот закон квалифицировался как грубое вмешательство во внутренние дела Болгарии, как агрессивная акция против мира и миролюбивых стран [1].

Социалистическая дипломатия вела активную борьбу против попыток империалистов вмешиваться во внутренние дела социалистических государств. В марте 1953 г. социалистические страны внесли в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН следующий пункт: о вмешательстве во внутренние дела других государств путем подрывной шпионской деятельности в отношении СССР, Чехословакии, Китайской Народной Республики и других народно-демократических стран. При этом представители социалистических стран привели многочисленные факты и примеры такого вмешательства, разоблачили враждебный делу мира характер пресловутого закона «О взаимном обеспечении безопасности».

Империалистические стратеги не имели в виду ограничиваться только пропагандой и подрывной деятельностью. Наиболее агрессивно настроенные круги в империалистических странах разрабатывали планы военных столкновений с социалистическим содружеством. При этом не исключалась возможность открытия военных действий и вторжения в ту или иную социалистическую страну.

Сотрудник посольства США в Париже Лоу писал в своих воспоминаниях о влиятельных силах в правящих кругах Вашингтона, которые всерьез подумывали «о превентивной войне». По существу, на этих же позициях стояли и многие другие

---

[1] «Външна политика на Народна Република България». Сборник от документи и материали в 2 тома, т. I (1944—1962). София, 1970, стр. 169—170.

западноевропейские политики, хотя и не объявляли об этом официально.

Чувствуя поддержку, подняли голову милитаристы и реваншисты. В ФРГ, а также в Западном Берлине действовало огромное количество их союзов и обществ и обосновались также десятки шпионско-диверсионных центров, действовавших против ГДР и других социалистических государств [1].

В целях усиления военной мощи НАТО в течение 1950—1953 гг. США предоставили этой организации большое число самолетов, кораблей, танков, орудий и другого вооружения.

Одновременно правительства империалистических стран резко увеличили ассигнования на военные нужды. В конце 1950 г. на шестой сессии НАТО было принято решение о создании объединенных вооруженных сил НАТО. Верховным главнокомандующим ими был утвержден генерал Д. Эйзенхауэр.

Политика социалистических стран — политика мира и сотрудничества

Внешняя политика социалистических государств строилась на совершенно противоположных основах.

В соответствии с ленинскими принципами они ведут активную борьбу за ослабление международной напряженности, прекращение гонки вооружений, за отказ от войны как средства национальной политики, за установление прочного мира на земле, за свободу и суверенитет всех народов, больших и малых, за полную ликвидацию позорной системы колониализма, развитие отношений между государствами на основе равноправия и невмешательства во внутренние дела.

Социалистическая дипломатия на протяжении всего рассматриваемого периода предпринимала активные усилия в интересах всех народов в целях быстрейшего и правильного решения таких важных проблем, как ликвидация очагов войны на Востоке, германские дела, разоружение, запрещение атомного оружия, создание системы коллективной безопасности в Европе и т. д.[2]

Социалистические государства решительно выступили за политику мирного сосуществования между странами с различными социальными системами, за то, чтобы все споры между ними разрешать путем переговоров и учета взаимных интересов, а не военными средствами. При этом социалистические страны выступили не только за ослабление напряженности между государствами, но и за развитие всестороннего взаимовыгодного сотрудничества, укрепление дружественных связей, взаимопонимания и доверия между ними. Советский Союз и другие со-

---

[1] *S. Doernberg.* Kurze Geschichte der DDR. Berlin, 1969, S. 231.

[2] См. также соответствующие главы (I, XIII, XIV, XV).

циалистические страны неоднократно открыто заявляли о своем намерении твердо придерживаться курса на мирное сосуществование государств с различными социальными системами. В программе Социалистической единой партии Германии по этому поводу говорится: «Социалистическая единая партия Германии руководствуется в своей политике ленинским принципом мирного сосуществования государств с различным общественным строем».

Курс на мирное сосуществование проводит в своей практической деятельности дипломатия Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии, Монголии, Югославии и др. Эта политика получила одобрение всего мирового коммунистического движения. В заявлении, принятом на Московском совещании представителей коммунистических и рабочих партий в 1960 г., отмечается: «Политика мирного сосуществования отвечает коренным интересам всех народов... Эта политика способствует укреплению позиций социализма, росту престижа и международного влияния социалистических стран, повышает авторитет и влияние коммунистических партий в капиталистических странах. Мир — верный союзник социализма, ибо время работает на социализм, против капитализма» [1].

Пропаганда войны и какие бы то ни было действия, направленные на ее развязывание, запрещены в Советском Союзе и других социалистических государствах в законодательном порядке. Законы о защите мира были приняты в НРБ и Польше (в декабре 1950 г.), в Румынии (в 1950 г.), а также в других государствах социалистического содружества.

Вместе с тем дипломатия Советского Союза и других социалистических стран отнюдь не придерживалась оборонительной тактики. Она вела активное мирное наступление против агрессивных происков империализма, за мир.

Эта задача облегчалась тем обстоятельством, что среди империалистических держав обострялись противоречия. Политическая действительность середины XX в. вновь подтверждает ленинские слова о двух тенденциях в отношениях империалистических государств: «одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим...» [2].

Социалистическая дипломатия умело использует межимпериалистические противоречия, содействует развитию второй тенденции в отношениях между капиталистическими государствами Запада, с тем чтобы ослабить их натиск на социалистические страны, сорвать их стратегические и тактические планы.

[1] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1964, стр. 61.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 332.

Обострение положения на Дальнем Востоке

Не ограничившись угрозами и провокациями, империалисты уже в начале 50-х годов приступили к активным военным действиям против социалистических государств. Такая попытка сломить социалистический строй при помощи грубой военной силы была предпринята в Азии. Империалистическая агрессия в Корее (1950—1953 гг.) резко обострила международную обстановку и вызвала угрозу возникновения мировой войны. Борьба за прекращение войны в Корее стала важнейшей задачей Советского Союза и других социалистических стран [1].

Мощная поддержка КНР и КНДР была оказана Советским правительством, которое перебросило в северо-восточные провинции Китая несколько авиационных дивизий. На случай ухудшения обстановки Советский Союз готовился также отправить в Корею пять дивизий в целях оказания помощи КНДР по отражению империалистической агрессии.

Из Советского Союза для армии КНДР и китайских добровольцев поступило большое количество оружия, боеприпасов, транспортных средств и т. д. В КНДР находились советские военные советники [2].

Эффективная помощь социалистических стран КНДР, их согласованные выступления на международной арене (в ООН и др.) вынудили США ограничить, а затем и прекратить военные действия в Корее. Решающей причиной неудач сторонников и вдохновителей войны в Корее, заставившей их отказаться от реализации планов широкого нападения на Китай, явилась огромная политическая и военная мощь СССР, его готовность выполнить свои обязательства по договору с КНР. Это вынуждены были признать впоследствии и сами американские генералы. Когда министру обороны США Д. Маршаллу был задан в сенатской комиссии вопрос относительно возможности бомбардировок Маньчжурии, если бы существовала уверенность, что СССР не вмешается в эту войну, он ответил: «Если бы с гипотетической точки зрения не было никакой опасности советского вмешательства, я бы сказал, что, конечно, упомянутые вами бомбардировки начались бы почти немедленно» [3].

Прекращение войны в Корее явилось крупным успехом внешней политики Советского Союза и других социалистических стран. В результате их усилий был потушен опасный очаг войны, грозивший перерасти в мировой конфликт.

Стала очевидна несостоятельность американских доктрин «освобождения» и «отбрасывания». Хотя военная машина США

---

[1] Об этом см. также гл. IX.

[2] См. *М. С. Капица.* КНР: два десятилетия — две политики. М., 1969, стр. 36—37.

[3] «New York Times», 9. V. 1951.

была развернута на полную мощность, целей, которые ставились в Корее, она не достигла.

По признанию бывшего министра обороны и государственного секретаря США Маршалла, в Корее был уничтожен миф об американском военном могуществе.

Провал вылазки реакции против ГДР (1953 г.)

Потерпев поражение в открытом столкновении на Дальнем Востоке, империалисты решили прощупать прочность позиций социализма в Европе. Для этой цели была избрана ГДР.

В начале 50-х годов различные реваншистские организации в ФРГ развернули активную деятельность: создавались союзы, проводились съезды и слеты; все это широко освещалось в печати. Претензии западногерманской реакции полностью поддерживались правительством Аденауэра, которое само стояло на реваншистских позициях. Канцлер Аденауэр официально заявил в бундестаге ФРГ, что «федеральное правительство... не признает государственной границы по Одеру — Нейссе и... не может примириться» с существованием ГДР. В июне 1952 г. Аденауэр выдвинул требование об «освобождении» ГДР. С подобными поджигательскими идеями выступали и некоторые другие официальные лица ФРГ.

Реваншистский шабаш в ФРГ развивался при активной поддержке и одобрении империалистов Запада. Реакционные круги ФРГ они рассматривали как силу, способную и желающую добиваться «освобождения» Восточной Европы.

В июне 1953 г. в Западный Берлин прибыли представители разведок западных держав, чтобы на месте проверить подготовку к выступлению. Среди них находились шеф разведки США Аллен Даллес, генерал Риджуэй. Туда же прилетели западногерманские реваншисты, а также политический деятель Кайзер, чтобы руководить операциями непосредственно из этой части Берлина [1].

16 и 17 июня тысячи фашистских головорезов организованными группами двинулись из Западного Берлина через секторные границы в столицу ГДР, разбрасывали листовки, поджигали здания в центре Берлина, разбивали стекла, двери, ломали мебель, рвали знамена ГДР, призывали к свержению рабоче-крестьянского правительства.

Реакционные политические деятели империалистических держав не считали нужным скрывать свои намерения. Боннский статс-секретарь Тедик в выступлении в Кобленце прямо заявил, что целью путча была реставрация капитализма в ГДР [2].

---

[1] *S. Doernberg.* Kurze Geschichte der DDR. S. 236—237.
[2] Ibid., S. 238.

Однако эти планы потерпели быстрый и сокрушительный провал. Трудящиеся ГДР под руководством Социалистической единой партии Германии оказали решительный отпор происка международной и внутренней реакции.

Советский Союз, по просьбе правительства ГДР, оказал ему помощь в восстановлении нормальной обстановки. Провокаторы, не имевшие под собой сколько-нибудь массовой базы, вынуждены были капитулировать в течение нескольких часов. Тем самым была предотвращена возможность вторжения воинских частей империалистических держав и опасность возникновения нового очага войны.

Борьба социалистической дипломатии за прекращение войны в Индокитае

Одновременно с войной в Корее Соединенные Штаты усилили агрессивные действия против Китая, расширили военную и материальную поддержку колониалистским кругам Франции, пытавшимся подавить борьбу народов Индокитая за свою свободу и независимость. После прекращения военных действий в Корее на очередь встал вопрос о восстановлении мира в Индокитае. В результате усилий Советского Союза на Берлинском совещании министров иностранных дел в январе 1954 г. было принято решение о проведении в Женеве совещания министров иностранных дел пяти великих держав для урегулирования проблем Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии [1].

На Женевском совещании 1954 г. в результате негативной позиции западных держав не было достигнуто никакого соглашения по Корее.

Советский Союз и КНР поддержали предложение делегации ДРВ о признании независимости Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, объединении каждого из этих государств путем проведения свободных выборов и создания единых правительств.

После длительных переговоров и под влиянием поражений французских колонизаторов в Индокитае делегация Франции была вынуждена согласиться на мирное урегулирование в этом районе. 20 и 21 июля 1954 г. были подписаны соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже и выводе французских войск с их территории.

В заключительной декларации предусматривалось дальнейшее политическое урегулирование во Вьетнаме на основе его независимости, единства и территориальной целостности. Проведение всеобщих выборов намечалось в течение 1955 г. в Камбодже и Лаосе и на июль 1956 г. во Вьетнаме. Была установлена демаркационная линия между ДРВ и Вьетнамом несколько юж-

---

[1] См. также гл. XI.

нее 17-й параллели. В дальнейшем южновьетнамские власти сорвали проведение свободных выборов.

Соглашения по Индокитаю явились крупным успехом борьбы народов этого района за свободу и независимость при политической и дипломатической поддержке социалистических государств. Они упрочили независимый суверенный статут ДРВ.

3. Заключение Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (14 мая 1955 г.)

Борьба социалистических стран против ремилитаризации ФРГ, за безопасность в Европе

После подписания в октябре 1954 г. Парижских соглашений о ремилитаризации ФРГ и вхождении ее в НАТО угроза безопасности социалистических стран значительно возросла. Широкое распространение в ФРГ реваншистско-милитаристских настроений, в том числе и в правящей верхушке, роль, которую играли в политической жизни страны бывшие нацисты и офицеры вермахта, делали особенно опасным ее перевооружение.

В связи с этим повысилось значение борьбы за укрепление единства социалистических стран, за европейскую безопасность, против милитаризации ФРГ.

Правительство СССР предложило провести в Москве или Париже совещание по вопросу о коллективной безопасности в Европе. Западные державы отнеслись к этому предложению отрицательно.

В совещании, которое проходило в Москве с 29 ноября по 2 декабря 1954 г., приняли участие представители СССР, Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании. На совещании политика западных держав в отношении ФРГ подверглась осуждению.

Его участники констатировали, что Парижские соглашения значительно усилили угрозу новой войны. Глава румынской делегации Киву Стойка заявил: «На данном этапе, когда руководящие круги США, Англии и Франции совместно с германскими реваншистскими милитаристами приступили к созданию военно-агрессивной группировки на базе возрождения вермахта, европейские миролюбивые государства не могут уже ограничиться только принятыми ими до сих пор мерами для обеспечения своей обороны... Румынское правительство согласно с тем, что это требует от государств, участвующих в Совещании, принятия совместных мер в области организации вооруженных сил и командования, а также других мер, направленных на обеспечение мир-

ного труда наших народов, целостности границ наших стран, их защиты от возможной агрессии» [1].

Участники совещания приняли Декларацию, в которой отмечалось, что «создавшееся положение ставит в порядок дня задачу объединения усилий государств, представленных на настоящем Совещании, с целью обеспечения своей безопасности. Миролюбивые государства вынуждены предпринять безотлагательные меры к тому, чтобы агрессивным силам указанного военного блока западных держав противопоставить объединенную мощь миролюбивых государств в интересах обеспечения своей безопасности» [2].

Правительства СССР, Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании предупредили западные страны, что ратификация Парижских соглашений «будет представлять собой акт, направленный против сохранения мира и на подготовку новой войны в Европе» и в этом случае страны — участницы совещания предпримут «совместные мероприятия в области организации вооруженных сил и их командования, равно как и другие мероприятия, необходимые для укрепления своей обороноспособности» [3].

В декабре 1954 г. совещание представителей парламентов Польши, Чехословакии и ГДР еще раз обратилось к западноевропейским парламентам с призывом не ратифицировать Парижские соглашения.

В марте 1955 г. правительства СССР, Чехословакии, Польши, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании в соответствии с принятой на совещании Декларацией провели консультации относительно коллективного договора восьми стран о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также о создании объединенного командования.

Однако западные державы не вняли голосу разума. 5 мая 1955 г. Парижские соглашения вступили в силу. 7 мая ФРГ стала членом Западноевропейского союза, а 9 мая была принята в Североатлантический блок.

Подписание Варшавского Договора

В связи с этим с 11 по 14 мая 1955 г. в Варшаве состоялось совещание восьми стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. Его участники высказались за создание европейской системы коллективной безопасности. Учитывая усиление опасности новой войны ввиду создания в Европе военной группировки — Западноевропейского союза с участием

---

[1] «Московское совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе». М., 1954, стр. 107.

[2] Там же, стр. 158.

[3] Там же.

ремилитаризуемой ФРГ, представители Албании[1], Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии обсудили и подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, получивший впоследствии название Варшавского.

В преамбуле договора подтверждается стремление его участников к созданию системы коллективной безопасности в Европе с участием всех европейских государств, независимо от их общественного строя. Вместе с тем отмечается, что ратификация Парижских соглашений усиливает опасность войны, создает угрозу безопасности миролюбивых государств и требует от них необходимых мер по обеспечению их безопасности и сохранению мира в Европе.

В статье 1 договора зафиксированы обязательства подписавших его государств «воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения и разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не ставить под угрозу международный мир и безопасность».

В договоре (ст. 2) указывается, что его участники заявляют о своей готовности участвовать «во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение международного мира и безопасности», и «будут добиваться принятия, по соглашению с другими государствами, которые пожелают сотрудничать в этом деле, эффективных мер к всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения».

Стороны договорились (ст. 3) «консультироваться между собой по всем важным международным вопросам, затрагивающим их общие интересы», и «безотлагательно консультироваться между собой всякий раз, когда, по мнению любой из них, возникнет угроза вооруженного нападения на одно или несколько государств — участников Договора».

Согласно положениям статьи 4, «В случае вооруженного нападения в Европе на одно или несколько государств — участников Договора со стороны какого-либо государства или группы государств каждое государство — участник Договора... окажет государству или государствам, подвергшимся такому нападению, немедленную помощь, индивидуально и по соглашению с другими государствами — участниками Договора, всеми средствами, какие представляются ему необходимыми, включая применение вооруженной силы».

В договоре предусматривалось (ст. 5) создание Объединенного Командования вооруженными силами стран — участниц

[1] В 1968 г. Албания объявила о своем выходе из организации Варшавского Договора.

Варшавского Договора. В нем также указывается, что стороны будут принимать и «другие согласованные меры, необходимые для укрепления их обороноспособности».

В договоре (ст. 6) было зафиксировано решение сторон о создании Политического консультативного комитета «в целях осуществления предусматриваемых настоящим Договором консультаций между государствами — участниками Договора и для рассмотрения вопросов, возникающих в связи с осуществлением настоящего Договора».

Стороны договорились (ст. 7) «не принимать участия в каких-либо коалициях или союзах и не заключать никаких соглашений, цели которых противоречат целям настоящего Договора».

Участники Варшавского Договора обязались «действовать в духе дружбы и сотрудничества в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между ними, следуя принципам взаимного уважения их независимости и суверенитета и невмешательства в их внутренние дела» (ст. 8).

В договоре констатируется (ст. 9), что он «открыт для присоединения других государств, независимо от их общественного и государственного строя, которые выразят готовность путем участия в настоящем Договоре способствовать объединению усилий миролюбивых государств в целях обеспечения мира и безопасности народов».

Договор остается в силе в течение 20 лет. Для тех участников договора, которые не заявят о денонсации договора за год до истечения этого срока, он будет оставаться в силе в течение следующих 10 лет. При этом отмечалось, что «в случае создания в Европе системы коллективной безопасности и заключения с этой целью Общеевропейского Договора о коллективной безопасности, к чему неуклонно будут стремиться Договаривающиеся Стороны, настоящий Договор утратит свою силу со дня вступления в действие Общеевропейского Договора». В соответствии со статьей 10 договор вступил в силу 4 июня 1955 г.[1]

Значение Варшавского Договора

На Варшавском совещании подчеркивалось, что Договор не направлен против какого-либо другого государства, а открыт для всех, кто захочет объединить свои усилия в деле защиты мира.

Договор был одобрен социалистическими странами. В частности, правительство КНР заявило о своей полной солидарности с принятыми в Варшаве решениями и о их поддержке.

---

[1] «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами». Вып. XVII и XVIII. М., 1960, стр. 29—33.

Польская газета «Трибуна люду» писала о Варшавском совещании, что «оно имеет огромное значение. Мы сильнее, чем когда-либо: мы чувствуем, что с нами непобедимая сила».

Генеральный секретарь РКП Н. Чаушеску на пресс-конференции в Праге в 1968 г. сказал, что «сотрудничество стран — участниц Варшавского договора отвечает интересам всех социалистических стран» [1].

Важной особенностью Варшавского Договора является то, что по своему характеру, целям и задачам он является сугубо оборонительным договором, преследующим цель обеспечение мира и безопасности в Европе и во всем мире, и в этом его коренное, принципиальное отличие от агрессивного пакта НАТО.

Стремление к созданию системы коллективной безопасности, охватывающей все европейские государства, также является существенной чертой Варшавского Договора, отличающей его от Североатлантического пакта, в основе которого лежит разделение Европы на блоки.

Участники Варшавского Договора решительно выступают за сокращение вооружений и запрещение атомного оружия, в то время как целью НАТО является сохранение гонки вооружений.

Создание Варшавского Договора было связано с необходимостью оградить мирный труд народов социалистических государств, укрепить их безопасность, создать систему совместной обороны социалистического содружества. Отныне защита каждой социалистической страны — участницы Договора от империалистической агрессии во всех ее формах, обеспечение неприкосновенности своих границ стала их коллективным делом.

Заключение Договора оказало положительное влияние на развитие политического и военного сотрудничества стран-участниц, имело своим результатом дальнейшее значительное расширение связей, контактов, практики консультаций между ними по всем линиям.

Социалистические страны выступают против разделения мира на военные блоки, но до тех пор пока будет существовать Североатлантический блок и агрессивные империалистические круги будут покушаться на мир во всем мире, участники Варшавского Договора, сохраняя бдительность, будут укреплять свою обороноспособность.

---

[1] *Николае Чаушеску.* Румыния по пути завершения социалистического строительства, т. 3. Бухарест, 1969, стр. 428.

Первое (Пражское) заседание Политического консультативного комитета (1956 г.)

Напряженная обстановка в Европе требовала дальнейших совместных действий социалистических государств. 27—28 января 1956 г. руководители партий и правительств стран — участниц Варшавского Договора провели первое совещание Политического консультативного комитета (ПКК), чтобы обсудить европейские проблемы и наметить меры по укреплению мира и безопасности в Европе. На заседании присутствовал также в качестве наблюдателя представитель КНР. Были рассмотрены актуальные вопросы международной жизни и принята декларация, в которой констатировалось «полное единодушие» этих стран «в оценке как международного положения в целом, так и положения, сложившегося в Европе».

Государства — участники Варшавского Договора заявили о своей готовности сотрудничать со всеми другими странами «в проведении мер, направленных на укрепление европейской безопасности и на устранение угрозы новой войны в Европе». В качестве шага в этом направлении они предложили создать систему «коллективной безопасности в Европе, которая заменила бы существующие в Европе военные группировки».

В связи с тем, что империалистические державы продолжали усиливать свой военный потенциал, вели подготовку к новой войне, государства — участники Варшавского Договора рассмотрели и утвердили положение об объединенном командовании и решили организационные вопросы, связанные с деятельностью Объединенных вооруженных сил этих стран.

Участники совещания приняли предложение делегации ГДР о том, что после создания национальной народной армии ГДР ее вооруженные контингенты будут включены в Объединенные вооруженные силы [1].

Заседание ПКК в Праге явилось важным шагом по пути укрепления политического и военного сотрудничества европейских социалистических государств. Оно положило начало систематическим многосторонним консультациям и обмену мнениями на высшем уровне по проблемам, интересующим эти страны.

Важные вопросы, направленные на укрепление братского сотрудничества социалистических стран, мира и безопасности в Европе, рассматривались и на последующих совещаниях ПКК.

---

[1] См. «Правда», 29 января 1956 г.

4. Контрреволюционный мятеж в Венгрии в 1956 г.

Новые агрессивные замыслы империализма

Империалистические силы, продолжая попытки атаковать мировой социализм, вынашивали планы отторжения государств Восточной Европы от социалистического содружества. Правда, в Европе они не решались развязать военные действия с применением своих вооруженных сил, как это было сделано в Корее, но активно использовали все другие возможности для подрыва социалистической системы в широких масштабах. В США в 1955 г. существовал специальный план враждебных акций против социалистических государств. Планом предусматривалась подготовка кадров «для руководства операциями сопротивления, для пропаганды, подрыва, проникновения» в страны Восточной Европы. Автор плана Дэвид Сарнов писал: «Нам нужна сеть школ и университетов, занимающихся подготовкой кадров для холодной войны... Могла бы быть создана своего рода академия политической войны» [1].

Руководители американской внешней политики не скрывали, что ставят перед собой задачу ликвидации социалистического содружества. 30 декабря 1955 г. президент Эйзенхауэр вновь подтвердил, что «освобождение» социалистических стран «было, есть и будет до достижения успеха главной целью внешней политики Соединенных Штатов» [2]. Правда, на этот раз он говорил уже о их «мирном» «освобождении».

Под влиянием неудач, постигших внешнюю политику госдепартамента, стали пересматривать свои тактические замыслы и ее вдохновители. Д. Даллес считал возможным примириться с пребыванием коммунистов у власти в странах Восточной Европы, но призывал «оторвать» этих коммунистов «от Москвы».

Враги социализма извне не жалели усилий, пытаясь разжечь националистические настроения, посеять рознь между социалистическими странами, подорвать их изнутри. В «национальном коммунизме» империалисты видели мину, которая может разрушить единство социалистических государств.

Однако, как бы ни варьировались формы и методы борьбы империализма против социалистических государств, его конечная стратегическая цель — ликвидация социалистического содружества, раздробление его на составные части с последующим перерождением общественной системы в этих странах — оставалась неизменной.

Правящие круги на Западе не оставили своих агрессивных замыслов «поглощения ГДР». Вот как характеризовал сущность

---

[1] «О событиях в Венгрии. Факты и документы». М., 1957 г., стр. 268.
[2] «New York Times», 31. XII. 1955.

политики реакционных кругов Бонна американский публицист У. Липпман: «Германский канцлер ведет игру за довольно высокую ставку: за решение германской проблемы на предъявляемых им условиях, за Германию, воссоединенную в границах, более широких, чем те, которые определены в Потсдаме, за Германию, воссоединенную под эгидой его правительства и его партии...» Реваншисты надеялись достичь своей цели путем изоляции ГДР на мировой арене, непризнания ее другими странами как независимого и суверенного государства. Так родилась и «доктрина Хальштейна». Однако жизнь скоро опрокинула эти, построенные на песке, планы [1].

Летом и осенью 1956 г. контрреволюционные элементы пытались спровоцировать беспорядки в Польше, но потерпели быстрое поражение.

В связи с агрессией западных держав и Израиля против Египта (суэцкий кризис) [2] они предприняли попытку отвлечь внимание и силы СССР, других социалистических государств от разыгравшихся на Ближнем и Среднем Востоке событий, обеспечить беспрепятственное осуществление в этом районе своих планов и поэтому форсировали свои действия против стран социализма.

Подготовка контрреволюционного мятежа против ВНР

В октябре 1956 г. внутренняя контрреволюция и международная реакция спровоцировали мятеж в Венгрии с целью ликвидировать исторические завоевания трудящихся, достигнутые за время существования народно-демократического строя.

Подготовка к путчу велась в западных странах на протяжении ряда лет. Шеф ЦРУ А. Даллес на закрытом заседании сенатской комиссии по иностранным делам в Вашингтоне 12 ноября 1956 г. признал, что ему «было известно» заранее о венгерских событиях [3].

Империалистические разведки длительное время засылали в Венгрию своих агентов — шпионов, диверсантов, создавали подпольные контрреволюционные группы, содержали фашистские и полуфашистские организации реакционных венгерских эмигрантов за рубежом. Множество таких организаций подвизалось и за океаном. «Союз американских венгров», «Венгерский национальный комитет», «Содружество венгерских борцов» и др., во главе которых стояли заклятые враги венгерского народа, вели активную борьбу против социалистической Венгрии.

---

[1] См. гл. XV.
[2] См. гл. XVI.
[3] См. «О событиях в Венгрии. Факты и документы». М., 1957, стр. 71.

Широкую деятельность по подготовке мятежа развернули также реакционные венгерские эмигрантские организации в ФРГ и ряде других капиталистических стран. Они сколачивали вооруженные отряды, которые обеспечивались необходимым оружием. По заявлению советского представителя В. В. Кузнецова на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3 декабря 1956 г., общая численность отрядов, составленных из реакционных венгерских эмигрантов, составила около 11 тыс. человек [1].

При этом буржуазная пресса и официальные лица на Западе не считали даже нужным особенно маскировать эти приготовления. Летом 1956 г. конгресс США в дополнение к 100 млн. долл., ассигнуемых ежегодно на финансирование подрывной деятельности против социалистических стран, выделил еще 25 млн. долл.

Американские газеты откровенно сообщали, что эти деньги предназначаются для «финансирования действий, подобных тем, которые привели к беспорядкам в Познани» [2].

Государственный секретарь США Д. Даллес 27 октября 1956 г. (спустя четыре дня после начала событий в Венгрии), выступая в штате Техас, публично призвал к замене существующего венгерского правительства другим.

Влиятельные круги ФРГ также внесли свою лепту в подготовку контрреволюционного путча в Венгрии. В частности, по мнению газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан», важную роль в этом деле сыграла организация бывшего гитлеровского генерала Гелена [3].

При подготовке путча представители вооруженных сил западных держав в ФРГ обещали оказать мятежникам материальную помощь, включая грузовики и самолеты для доставки в Венгрию людей и оружия.

По свидетельству гамбургской газеты «Вельт ам зоннтаг», официальные круги ФРГ также занимались переправкой оружия в Венгрию [4]. Шведская газета «Ню даг» со ссылкой на журнал «Дер шпигель» сообщила, что Красный Крест ФРГ под видом «помощи» направил в Венгрию большую партию ручных гранат [5].

По воздушной линии Вена — Будапешт под предлогом «доставки пожертвований» перебрасывались также люди и оружие. Для координации всей этой работы в Австрии был создан Международный комитет «помощи», во главе которого стал американский генерал Доновен. О том, как собирался Доновен «по-

---

[1] См. «О событиях в Венгрии. Факты и документы». М., 1957, стр. 65.
[2] «Внешняя политика СССР», стр. 38.
[3] См. «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 86.
[4] Там же, стр. 73.
[5] Там же, стр. 77.

могать» венгерскому народу, можно судить по его ответу на вопрос одного из американских корреспондентов, должны ли в США содействовать тому, чтобы бои в Венгрии продолжались. «Конечно, мы должны»,— заявил без обиняков генерал [1]. Венгерским контрреволюционерам с помощью западных держав удалось забросить в Венгрию сотни фашистов, а также оружие, боеприпасы, листовки и т. д. [2]

В самой Венгрии представители западных разведок снабдили мятежников радиопередатчиками для поддержания связи с радиостанцией «Свободная Европа».

В Будапеште и других городах страны появились эмиссары с Запада, которые пытались повлиять на ход событий и оказывали помощь мятежникам.

Так, по сообщению газеты «Руде право» (4 ноября 1956 г.), в Будапешт 2 ноября прибыл депутат парламента ФРГ князь Губерт фон Левенштейн, который связался с контрреволюционерами, выступал по венгерскому радио с подстрекательскими призывами [3].

В результате всех этих контрреволюционных действий возникла угроза социалистическим завоеваниям венгерского народа.

Разгром контрреволюции в Венгрии

Воспользовавшись ошибками, допущенными в осуществлении внутренней политики в Венгрии, мятежники увлекли за собой часть населения, захватили ряд важных позиций и установили на несколько дней в столице и ряде других городов режим разнузданного фашистского террора. Они громили заводы, общественные здания, расстреливали и вешали коммунистов и других патриотов на улицах Будапешта. Распоясавшиеся фашистские банды вели дело к свержению народно-демократического строя, ликвидации всех завоеваний венгерского народа, разгрому его авангарда — Венгерской партии трудящихся и установлению кровавой фашистской диктатуры.

Председатель венгерского Совета министров Имре Надь сдавал контрреволюции одну позицию за другой. По его распоряжению венгерские войска прекратили огонь против мятежников. Он незаконно провозгласил «нейтралитет» Венгрии под «покровительством» великих держав. В конечном итоге события вышли из-под контроля правительства Надя, и оно, по существу, распалось. В стране воцарился хаос.

Западные державы продолжали активное вмешательство во внутренние дела Венгрии. Работающая под контролем ЦРУ радиостанция «Свободная Европа» координировала действия мятежников, подстрекала к бандитским налетам на правитель-

[1] См. «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 90.
[2] Там же, стр. 65.
[3] Там же, стр. 75.

ственные учреждения и т. д. 2 ноября правительство США выразило готовность предоставить венгерской контрреволюции заем в 20 млн. долл. Создавался очаг военной опасности в Европе, направленный против венгерского народа, народов СССР и других социалистических стран.

В этой обстановке наиболее преданные социалистической Венгрии коммунисты, стойкие венгерские патриоты решили взять дело спасения страны в свои руки. Заместитель премьер-министра венгерского правительства Янош Кадар сформировал новое Революционное рабоче-крестьянское правительство, которое поставило своей задачей сохранение демократических завоеваний венгерского народа, защиту народно-демократического строя. Для этого нужно было прежде всего разгромить фашистских путчистов. 4 ноября 1956 г. вновь образованное правительство Венгрии попросило Советский Союз оказать венгерскому народу помощь в организации отпора контрреволюции [1].

Выполняя свой интернациональный долг перед трудящимися Венгрии и всех социалистических стран, Советское правительство дало указание советским войскам оказать помощь силам социализма в Венгрии в подавлении контрреволюционного мятежа и установлении порядка.

В результате совместных действий верных народной власти военных соединений, вооруженных отрядов трудящихся и частей Советской Армии путчисты были вскоре разгромлены.

Трудящиеся Венгрии при поддержке советских войск устранили угрозу отхода Венгрии от социалистического пути развития. Международная реакция потерпела и здесь серьезное поражение.

Известно, что империалистические круги рассматривали мятеж в Венгрии как начало широкого наступления на социалистические страны. В частности, в случае успеха антисоциалистических сил они имели в виду дать сигнал также к выступлениям в ГДР. При этом не исключалась возможность вооруженной интервенции войск НАТО. Некоторые боннские политики открыто заявляли, что, если произойдут волнения в ГДР, не следует ожидать, что ФРГ и НАТО останутся пассивными [2].

События в Венгрии вновь с предельной ясностью подтвердили, что успешное развитие каждой социалистической страны, ее независимость и безопасность теснейшим образом зависят от прочности ее связей с другими государствами социалистического содружества, от их братского единства. *«Благодаря единству социалистического лагеря,*— отмечал Я. Кадар в 1957 г.,— *благодаря его единодушной поддержке в тяжелый период контррево-*

---

[1] См. «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 11.

[2] *S. Doernberg.* Kurze Geschichte der DDR. Berlin, 1969, S. 317.

люционного нападения в прошлом году Венгерская Народная Республика смогла устранить опасность, создавшуюся для самого ее существования» [1].

Братская солидарность социалистических государств в период контрреволюционного мятежа в Венгрии явилась новым ярким примером их верности принципам социалистического интернационализма. Все социалистические государства единодушно одобрили и высоко оценили действия по подавлению контрреволюционного мятежа в Венгрии.

В те дни китайская газета «Жэньминь жибао» писала (5 ноября 1956 г.): «Позиция Советского Союза по отношению к венгерским событиям — совершенно правильная позиция пролетарского интернационализма... венгерский народ оказался бы рабом фашизма, если бы Советский Союз в ответ не протянул ему дружескую руку» [2].

В заявлении ЦК СЕПГ от 6 ноября 1956 г. говорится, что, оказав помощь венгерскому народу в защите его завоеваний, «Советский Союз внес большой вклад в дело мира» [3].

В опубликованном 25 ноября 1956 г. совместном румыно-венгерском коммюнике отмечается, что «нерушимое единство социалистических стран, вытекающее из идеологии пролетарского интернационализма, является верной гарантией независимости и мирного развития румынского и венгерского народов, а также других народов, составляющих великую семью социалистических стран» [4].

Первый секретарь ЦК БКП Т. Живков в речи на митинге в Софии в ноябре 1956 г. сказал: «Мы приветствуем доблестных советских воинов, второй раз оказавших братскую помощь венгерскому трудовому народу» [5].

В советско-румынском заявлении от 3 декабря 1956 г. указывается: «Правительственная делегация РНР рассматривает согласие Советского правительства на оказание помощи Венгерскому революционному рабоче-крестьянскому правительству, по его просьбе, для пресечения кровавого разгула реакционных сил, как выполнение Советским Союзом своего интернационального долга перед трудящимися Венгрии и других социалистических стран» [6].

Горячо одобрили действия Советского Союза по разгрому контрреволюции в Венгрии французские, итальянские, английские, бразильские коммунисты, члены коммунистических и ра-

[1] *Янош Кадар.* Избранные статьи и речи (1957—1960 гг.). М., 1960, стр. 55.
[2] Цит. по: «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 205—206.
[3] Там же, стр. 210.
[4] Там же, стр. 195.
[5] *Тодор Живков.* Избранные статьи и речи, т. I. М., 1965, стр. 90—91.
[6] Цит. по: «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 196.

бочих партий многих других стран, трудящиеся, прогрессивные силы во всем мире.

Советский Союз и другие братские страны оказали венгерскому народу большую материальную, в том числе и безвозмездную, помощь в целях быстрейшего преодоления вызванных контрреволюцией экономических трудностей. В частности, СССР решил поставить Венгрии в 1957 году пшеницу, фуражное зерно, железную руду, уголь, прокат, нефть и ряд других необходимых товаров на общую сумму 1010 млн. руб., предоставил ей кредит в размере 750 млн. руб., в том числе 200 млн. руб. в свободно конвертируемой валюте, согласился отсрочить погашение обязательств на сумму свыше 150 млн. руб., освободил Венгрию от уплаты задолженности за переданное ей советское имущество [1]. Значительную помощь оказали Венгрии Польша, Чехословакия, ГДР, Болгария, Румыния и другие социалистические государства.

Борьба социалистических стран против дипломатического вмешательства некоторых западных держав во внутренние дела Венгрии

Потерпев поражение в своих происках против Венгрии, правящие круги некоторых западных государств попытались взять реванш дипломатическим путем. Еще в ходе путча президент США Д. Эйзенхауэр обратился 4 ноября 1956 г. к правительству СССР с посланием, в котором настаивал на немедленном выводе советских войск из Венгрии [2]. Естественно, Советское правительство в ответном послании от 7 ноября 1956 г. отклонило вмешательство США в дела, являвшиеся исключительной компетенцией Советского и венгерского правительств [3].

Одновременно дипломатия западных стран, используя свой механический перевес в голосах, навязала обсуждение так называемого «венгерского вопроса» Организации Объединенных Наций. При этом преследовалась цель использовать ООН как орудие для вмешательства во внутренние дела Венгрии, создать политические затруднения правительству и народу ВНР, раздуть как можно больше пламя «холодной войны» и вызвать дальнейшее обострение международной обстановки.

Впервые «венгерский вопрос» рассматривался Советом Безопасности ООН 28 октября 1956 г., затем на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1956 г. США удалось протащить на сессии 9 ноября свое предложение о выводе советских войск из Венгрии и о допуске в нее «наблюдателей ООН».

---

[1] «Советско-венгерские отношения. 1948—1970 гг.». М., 1974, стр. 108—109.

[2] См. «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 237.

[3] См. там же, стр. 238.

Разумеется, венгерское правительство не могло согласиться с подобным ущемлением его суверенных прав. В заявлении от 28 октября 1956 г. оно объявило, что венгерские события являются внутренним делом Венгрии, и выразило протест против незаконного включения «венгерского вопроса» в повестку дня заседания Совета Безопасности [1].

4 ноября 1956 г. правительство ВНР направило телеграмму генеральному секретарю ООН Д. Хаммаршельду с протестом против продолжающегося обсуждения этого «вопроса» в ООН [2].

По поручению Советского правительства представитель СССР на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН В. В. Кузнецов решительно поддержал протест венгерского правительства [3]. Советский представитель в своем выступлении 9 ноября 1956 г. подчеркнул, что советские войска в Венгрии находятся на законном основании, в соответствии с Варшавским Договором и по просьбе законного правительства ВНР. В. В. Кузнецов заявил, что проект резолюции, внесенный представителями некоторых западных стран, направлен «на расширение и углубление вмешательства во внутренние дела Венгрии» и что советская делегация будет голосовать против него, как и против других подобных резолюций. Советский представитель потребовал снять так называемый «венгерский вопрос» с повестки дня сессии Генеральной Ассамблеи ООН, как противоречащий Уставу ООН и подрывающий авторитет этой организации [4]. Он осудил также недостойные попытки западных делегаций лишить полномочий представителя ВНР на Генеральной Ассамблее ООН.

В связи с резолюцией ООН о выводе советских войск из Венгрии и о допуске «наблюдателей ООН» на ее территорию исполняющий обязанности министра иностранных дел ВНР 12 ноября 1956 г. направил генеральному секретарю ООН телеграмму, в которой указывалось, что «любая резолюция Генеральной Ассамблеи, касающаяся внутриполитического положения в Венгрии, представляет собою вмешательство в венгерские внутренние дела и противоречит положениям статьи 2 Устава, пункт 7». В телеграмме вновь подтверждалось, что «только Венгерское правительство и Советское правительство компетентны вести переговоры по поводу вывода советских войск из Венгрии», которые находятся в стране по просьбе венгерского правительства, в связи с чем направление в ВНР представителей ООН ничем не оправдано [5].

---

[1] «Правда», 30 октября 1956 г.
[2] См. «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 236.
[3] См. там же, стр. 240.
[4] См. там же, стр. 243—245.
[5] См. там же, стр. 246.

Однако это не отбило у некоторых политиков Запада желания вмешиваться не в свои дела.

В ноябре генеральный секретарь ООН Д. Хаммаршельд, отнюдь не придерживавшийся объективной позиции, заявил, что он «согласен» лично посетить Будапешт. На это венгерское правительство 15 ноября ответило, что его представитель готов встретиться с Д. Хаммаршельдом в Риме. Генеральный секретарь ООН не пожелал встречаться в столице Италии. 16 ноября он объявил, что отклоняет это предложение и что назначает комитет для расследования вопроса о «иностранном вмешательстве в Венгрии» [1].

На очередной, XI-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1956 г. западные страны вновь протащили вопрос о «событиях в Венгрии» в повестку дня сессии.

Ввиду непрекращающегося вмешательства западных держав в дела Венгрии Советское правительство 12 декабря 1956 г. предложило включить в повестку дня XI-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в качестве важного и срочного, вопрос: «О вмешательстве США во внутренние дела стран народной демократии и об их подрывной деятельности против этих государств». В Объяснительной записке отмечалось, что хотя вопрос о подрывной деятельности США и их вмешательстве во внутренние дела других стран обсуждался на шестой и седьмой сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, эта деятельность не только не прекратилась, а еще более активизировалась. Как показывают многочисленные факты, говорилось в этом документе, она имеет своей целью подрыв политического строя социалистических государств и осуществляется в самых разнообразных формах, а именно: массовая засылка агентов для проведения шпионской и диверсионной работы, ежегодные ассигнования конгрессом США средств на содержание подрывных организаций и диверсионных групп как на территории социалистических государств, так и за их пределами, подстрекательская деятельность американских радиостанций, обращения и послания ответственных деятелей Запада к народам социалистических стран с призывами к свержению существующего в них политического строя и т. д. Такая враждебная деятельность, отмечалось в записке, является грубым нарушением Устава ООН, ведет к обострению международной обстановки. Долгом ООН является принять срочные меры к прекращению подрывной деятельности и вмешательства США во внутренние дела других государств [2].

Инициатива советской делегации сыграла важную роль в разоблачении враждебной делу мира и народов социалистиче-

---

[1] АВП СССР.

[2] См. «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 293—294.

ских стран деятельности империализма. Однако, опираясь на механическое большинство в ООН, западные державы продолжали вносить предложения и проекты резолюций, направленные против социалистических государств, и в частности против Венгрии. В результате усилий западных держав и при пособничестве им генерального секретаря ООН Хаммаршельда 10 января 1957 г. был создан так называемый «Комитет пяти» (по расследованию положения в Венгрии) в составе Австралии, Цейлона, Дании, Туниса и Уругвая [1].

Этот неблаговидный маневр в духе «холодной войны» не принес лавров западным дипломатам. «Комитет пяти» прекратил свое существование, так и не развернув никакой деятельности. Правительство ВНР направило ноту протеста генеральному секретарю ООН, в которой квалифицировало создание «Комитета» как незаконное вмешательство во внутренние дела, заявило, что не допустит его представителей на территорию Венгрии.

Представители СССР и других социалистических стран вели борьбу за то, чтобы «венгерский вопрос» был вообще снят с повестки дня. Глава делегации СССР В. В. Кузнецов в своем выступлении на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 9 января 1957 г. заявил, что постановка «венгерского вопроса» отнюдь не способствует нормализации обстановки в Венгрии и явно рассчитана на то, чтобы отравить международную атмосферу, «что в корне противоречит целям и задачам ООН» [2].

Западная дипломатия в течение ряда лет сохраняла в повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН «венгерский вопрос», используя его для поддержания международной напряженности и раздувания антисоветской, антисоциалистической пропаганды.

В советско-венгерской правительственной декларации 28 марта 1957 г. говорилось, что постановка и обсуждение этого вопроса в ООН серьезно подрывают престиж этой организации и являются грубым вмешательством во внутренние дела Венгрии, а также в вопросы, относящиеся к компетенции правительств Венгрии, СССР и других стран — участниц Варшавского Договора. В ней отмечалось, что пребывание советских войск в Венгрии в соответствии с Варшавским Договором диктуется сложившимся международным положением, когда существует агрессивный Североатлантический блок, когда ремилитаризуется ФРГ и в ней активизируются реваншистские силы, когда империалистические силы США и других стран НАТО содержат многочисленные войска и базы вблизи границ социалистических стран, ведут против этих стран подрывную работу [3].

[1] ООН ГА. Одиннадцатая сессия. Пленарное заседание 636, 10 января 1957 г.

[2] «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 295.

[3] См. «Советско-венгерские отношения. 1948—1970 гг.». М., 1974, стр. 112.

5. Борьба социалистических государств за дальнейшее укрепление своего единства, за мир и коллективную безопасность

Новые тактические приемы дипломатии западных стран

Вторая половина 50-х годов ознаменовалась новыми крупнейшими достижениями Советского Союза в развитии науки и техники. 27 августа 1957 г. было опубликовано сообщение ТАСС об испытании в Советском Союзе сверхдальней межконтинентальной баллистической ракеты, а 4 октября и 14 октября с территории СССР впервые в мире были запущены в космос искусственные спутники Земли.

Таким образом, был развеян миф об заокеанской «неуязвимости», потерпела крушение идея ядерно-ракетного превосходства, на которой строились все расчеты при провозглашении доктрины «массированного возмездия». Это означало, что политика «с позиции силы» оказывалась несостоятельной.

По поводу советских научно-технических достижений бывший министр авиации США Т. Финлеттер писал: «Запуск двух русских спутников осенью 1957 г. открыл новую эру в послевоенной истории... Я не знаю никакого события со времени русской революции 1917 г., которое бы так изменило к худшему... позиции силы нашей страны» [1].

Мысль о том, что времена былого господства империалистических сил безвозвратно миновали и что война не сулит им победных лавров, разделялась и другими западными политическими деятелями.

«Неограниченные цели и полная победа в войне более недостижимы»,— заявил бывший государственный секретарь США Д. Ачесон.

Еще более определенно высказался по поводу провала стратегических планов Запада американский публицист С. Сульцбергер: «Везде или почти везде мы и наши принципы, по-видимому, терпят провал... Сейчас мы словно в темном лесу, из которого не знаем, как выйти» [2].

Во влиятельных политических кругах Запада зрело убеждение, что политика лобового натиска является неэффективной и должна быть дополнена новыми тактическими планами и концепциями, которые содействовали бы укреплению позиций капиталистической системы, «эрозии», «размягчению», «размыванию» социалистического содружества. При этом конечные

---

[1] *T. Finletter.* Foreign Policy: the Next Phase. New York, 1958, p. 1, 23.

[2] *C. Sulzberger.* What's wrong with U. S. Foreign Policy. New York, 1959, p. 17.

цели оставались неизменными, но средства их достижения становились более гибкими.

Таким образом, вместо обанкротившейся политики блокады, изоляции, насильственного «освобождения» социалистических стран политики западных стран склонялись к необходимости проводить иной, более гибкий курс. При этом ставились задачи, далекие от истинной заботы об укреплении взаимопонимания между государствами в интересах мира.

Важным фактором, противодействовавшим этой политике, препятствовавшей нормализации отношений, разрядке международной напряженности, явился последовательно миролюбивый внешнеполитический курс Советского Союза и других социалистических стран. Благодаря их усилиям были достигнуты определенные сдвиги по урегулированию отношений между социалистическими и капиталистическими государствами.

США в 1960 г. восстановили принцип наиболее благоприятствуемой нации в торговле с Польшей. В том же году возобновлены дипломатические отношения с Болгарией. Правительство США отменило запрет на поездки в Венгрию, договорилось с Румынией о программе культурного обмена [1].

В конце 50 — начале 60-х годов между ПНР и США был заключен ряд экономических соглашений, главным образом о закупке в кредит американской сельскохозяйственной продукции и оборудования. В 1959 г. Польша подписала Конвенцию о культурном сотрудничестве с Францией, а в 1960 г.— новые торговые соглашения с Англией и Италией.

Все более явственно стала проявляться линия на нормализацию экономических, культурных, а затем и дипломатических отношений с социалистическими странами также со стороны влиятельных кругов ФРГ.

Однако наметившиеся положительные изменения в международной обстановке империалистические силы, заинтересованные в продолжении «холодной войны», пытались использовать для осуществления старого курса новыми тактическими средствами.

В своей политике «наведения мостов» западные державы осуществляли по отношению к отдельным социалистическим странам индивидуальный, дифференцированный подход. Западная пропаганда акцентировала внимание на исторических, экономических, политических, национальных особенностях развития различных социалистических государств, всячески пытаясь подчеркнуть их, выпятить на передний план. Она стремилась посеять рознь между странами социализма, содействовать раз-

---

[1] *J. Campbell.* American Policy toward Communist Eastern Europe: the Cheices Ahead, Minneapolis, 1965, p. 89.

витию антисоветских и антисоциалистических настроений в социалистических государствах.

Дальнейшее сплочение социалистических государств

Однако линия на раскол социалистического содружества, на отрыв социалистических государств друг от друга, и прежде всего от Советского Союза, путем политического и экономического проникновения, раздувания национальных особенностей, дифференцированного подхода к отдельным странам также не принесла ожидаемых успехов политическим деятелям империалистических стран.

Во второй половине 50-х годов сотрудничество, взаимопонимание и дружба между социалистическими странами продолжали развиваться, все более укреплялись и совершенствовались формы взаимоотношений между ними.

Особенно широкий разносторонний характер приобрели политические связи между государствами, заключившими Варшавский Договор. Совместное обсуждение крупных вопросов международной жизни, выработка общей согласованной линии стали нормой в практике их внешнеполитической деятельности.

Постепенно сложились различные формы рассмотрения проблем и поисков коллективных решений. Вопросы обсуждались на заседаниях Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора, на совещаниях министров иностранных дел и их заместителей, представителей социалистических государств в ООН и в других международных организациях. Широко осуществлялись также двусторонние переговоры и консультации на различных уровнях по актуальным политическим проблемам. По существу, социалистическая дипломатия второй половины 50-х годов стала коллективной дипломатией.

На международной арене социалистические страны добивались все более заметных успехов. Неуклонно росли их авторитет и влияние. Фактически без социалистических государств и тем более против них уже нельзя было решать внешнеполитические проблемы мирового значения.

В декабре 1955 г. Албания, Болгария, Венгрия, Румыния после долгих проволочек были приняты в члены ООН, что явилось большой победой социалистической дипломатии, на протяжении ряда лет боровшейся за прием в ООН и другие международные организации этих государств, укрепило позиции социалистических стран во внешнеполитической области.

В интересах дальнейшего развития дружественных отношений между социалистическими государствами на равноправной основе Советское правительство предложило упразднить смешанные акционерные общества с участием советских капиталов, созданные в ГДР, Болгарии, Венгрии, Румынии на базе бывших немецких активов. Имущество этих обществ было безвозмездно

передано соответствующим странам. В течение 1954—1956 гг. этот процесс был завершен. В свое время смешанные общества сыграли важную роль в развитии национальных экономик ГДР, НРБ, ВНР, РНР. С советской стороны были вложены значительные средства в расширение предприятий, принадлежавших обществам; они были реконструированы и оснащены новейшим советским оборудованием, советские инженеры и рабочие передавали накопленный ими опыт местным кадрам.

С 1956 г. произошли существенные изменения в деятельности СЭВ. Возникли и развились более сложные и совершенные формы экономических отношений — взаимопроникновение производственных структур, специализация и кооперирование производства, координация народнохозяйственных планов на основе социалистического разделения труда, что представляет собой качественно новое явление, новый этап в развитии экономического сотрудничества государств, возможный только в условиях социализма.

Объединяя свои усилия, страны — члены СЭВ создали ряд крупных организаций и предприятий на многосторонней основе. К ним относятся, например, нефтепровод «Дружба», объединенные энергосистемы «Мир», институт СЭВ по стандартизации и др.

Важным шагом в направлении организационного совершенствования экономических связей между странами явились решения седьмой сессии СЭВ в Берлине в мае 1956 г. о создании комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которой было поручено разрабатывать рекомендации по вопросам перспективного развития отраслей производства социалистических государств.

Во второй половине 50-х годов социалистические страны стали практиковать совместное использование финансовых и сырьевых ресурсов в целях более интенсивного развития производства путем долевого участия в капиталовложениях. Так, например, Чехословакия в 1958 г. предоставила Польше кредиты в размере 250 млн. крон на развитие угольной промышленности, 180 млн. крон — на расширение добычи серы, которые погашаются поставками этого сырья. Подобные целевые кредиты и совместное участие в инвестициях имели место со стороны СССР, ГДР, Польши и т. д.

Социалистическая дипломатия продолжала наращивать усилия по укреплению единства социалистического содружества, смягчению напряженности в Европе, укреплению доверия и сотрудничества между европейскими государствами и обеспечению прочного мира на континенте.

Большое значение для дальнейшей консолидации социалистических государств имела Декларация Советского правитель-

ства от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

В Декларации указывается, что незыблемой основой внешней политики СССР было и остается мирное сосуществование, укрепление дружбы и сотрудничества между всеми государствами. В Декларации отмечается, что взаимоотношения между социалистическими странами строятся «на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. Это не только не исключает, но, напротив того, предполагает тесное братское сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического содружества в экономической, политической и культурной областях» [1].

События, развернувшиеся в конце 1956 г., потребовали широкого обсуждения их социалистическими государствами на двусторонней и многосторонней основе, рассмотрения мер по укреплению дружбы и сотрудничества, предотвращению каких бы то ни было недоразумений, которые могли бы осложнить отношения между ними.

Конец 1956 года, 1957 год были временем весьма активной дипломатической деятельности социалистических государств, когда состоялась целая серия встреч между их представителями на высшем уровне.

Эти переговоры, в ходе которых обсуждались актуальные вопросы международных и двусторонних отношений, имели большое значение для сплочения социалистических стран. Было вновь подтверждено единство взглядов социалистических государств по всем рассматривавшимся проблемам. При этом стороны подписали ряд важных соглашений экономического характера, о статусе советских войск, временно расположенных на территории других стран, и т. д. Так, в результате переговоров между Польшей и СССР в ноябре 1956 г. Советский Союз согласился поставить ПНР в 1957 г. 1400 тыс. *т* зерна, а также предоставить ей долгосрочный кредит в сумме 700 млн. руб. для оплаты советских товаров.

Были сформулированы также принципы, определяющие статус советских войск, временно находящихся на территории Польши (советско-польское заявление 18 ноября 1956 г.). В соответствии с этими принципами в декабре 1956 г. стороны подписали Договор, в котором указывалось, что численность и расположение советских войск в Польше определяются по соглашению правительств обеих стран и что их пребывание ни в чем не может нарушать суверенитет Польского государства.

---

[1] «Правда», 31 октября 1956 г.

На встрече руководящих деятелей СССР, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Румынии, состоявшейся 1—4 января 1957 г. в Будапеште, ее участники пришли к единодушному выводу, что усилиями трудящихся Венгрии, при помощи советских войск, была устранена угроза уничтожения народно-демократического строя и установления фашистской диктатуры, дан решительный отпор попыткам империалистических кругов подорвать единство социалистического лагеря. Участники встречи одобрили положения Декларации Советского правительства от 30 октября 1956 г., выразили единодушное убеждение в том, что она «полностью отвечает интересам укрепления дружественных отношений между социалистическими странами...».

Социалистические государства, говорится в сообщении о встрече, полны решимости «сорвать попытки агрессивных кругов, направленные на дальнейшее обострение международной обстановки, на усиление гонки вооружений, на разжигание военного психоза». Участники встречи выразили уверенность, что «все социалистические государства еще больше сплотятся, будут отстаивать свое нерушимое единство, давать отпор всем попыткам, направленным на расшатывание и ослабление социалистического лагеря» [1].

Весьма важное значение для дальнейшего развития братских отношений между СССР и Венгрией имели советско-венгерские переговоры в марте 1957 г., в результате которых Советский Союз обязался поставить Венгрии большое количество продовольствия, сырья и оборудования, предоставил ей крупные кредиты, освободил ее от уплаты задолженности. В принятой делегациями 28 марта 1957 г. Декларации говорится, что «Стороны в ближайшем будущем проведут переговоры по вопросам пребывания советских воинских частей на территории Венгрии, определения их численности, состава и дислокации и заключат соглашение, определяющее правовой статус советских войск, временно расположенных на территории Венгерской Народной Республики». Вскоре (27 мая 1957 г.) такое соглашение было подписано [2].

Продолжали также расширяться договорные отношения между другими социалистическими странами. В частности, 27 марта 1957 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Чехословакией и КНР, а 8 апреля — между Чехословакией и МНР.

Большое значение для укрепления единства и сплоченности социалистических стран, мирового революционного движения,

---

[1] См. «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 176—180.

[2] «Советско-венгерские отношения. 1948—1970 гг.». М., 1974, стр. 112, 135—142.

для мобилизации всех демократических сил на борьбу за мир и социализм имели совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических государств 14—16 ноября 1957 г. и представителей коммунистических и рабочих партий 64 стран 16—19 ноября 1957 г.

В Декларации Совещания коммунистических и рабочих партий социалистических стран подтверждалось, что ленинский принцип мирного сосуществования двух систем «является незыблемой основой внешней политики социалистических стран и надежной основой мира и дружбы между народами».

Свои взаимоотношения, указывалось в Декларации, «социалистические страны строят на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. Это — важные принципы, однако они не исчерпывают всей сущности отношений между социалистическими странами. Неотъемлемой частью их взаимоотношений является братская взаимопомощь. В этой взаимной помощи находит свое действенное проявление принцип социалистического интернационализма» [1]. Участники совещания отметили, что сплоченность и единство социалистических стран являются надежной гарантией национальной независимости и суверенитета каждой из них. «Для упрочения братских отношений и дружбы между странами социализма необходима марксистско-ленинская интернационалистическая политика коммунистических и рабочих партий, воспитание всех трудящихся в духе сочетания интернационализма с патриотизмом, решительная борьба за преодоление пережитков буржуазного национализма и шовинизма. Все вопросы взаимоотношений между социалистическими странами могут полностью разрешаться путем товарищеского обсуждения на основе неукоснительного соблюдения принципов социалистического интернационализма».

Тайваньский кризис 1958 г.

Между тем в результате агрессивных действий империалистов вновь резко обострилась обстановка на Дальнем Востоке.

2 декабря 1954 г. между правительством Эйзенхауэра и режимом Чан Кай-ши был подписан «Договор о взаимной безопасности», которым предусматривалось размещение сухопутных, морских и военно-воздушных сил США на Тайване и островах Пэнхуледао «для их обороны».

Опираясь на поддержку США, чанкайшисты усилили свои провокации против КНР, нападали на суда, следовавшие в китайские порты. На Дальнем Востоке назревала угроза нового военного конфликта.

[1] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 10.

Кульминационным пунктом этой политики явился тайваньский кризис летом 1958 г. 4 сентября 1958 г. правительство США, вразрез со своими прежними декларациями, заявило, что Тайвань, а также острова Куэмой и Мацзу не являются частью КНР.

В этот критический момент решающую роль сыграла позиция Советского Союза, верного политике тесной дружбы и всесторонней поддержки КНР.

Конкретным выражением этого явились, в частности, подписанные 23 апреля 1958 г. советско-китайский договор о торговле и мореплавании, а 8 августа 1958 г. соглашение об оказании технической помощи в строительстве и расширении 47 промышленных предприятий и электростанций. Соглашением предусматривалась безвозмездная передача Советским Союзом КНР лицензий и технической документации, необходимой для организации производства на этих предприятиях [1].

В связи с агрессивными действиями США и чанкайшистов в Тайваньском проливе Советское правительство решительно осудило эту политику в отношении острова Тайвань.

В совместном советско-китайском коммюнике от 3 августа 1958 г. говорилось, что любые агрессивные действия встретят решительный отпор со стороны СССР и КНР.

7 сентября 1958 г. Председатель Совета Министров СССР направил президенту США послание, в котором указывалось, что Советский Союз, верный своему долгу, «сделает все для того, чтобы совместно с народным Китаем отстоять безопасность обоих государств, интересы мира на Дальнем Востоке, интересы мира во всем мире» [2]. Это оказало отрезвляющее воздействие на сторонников военных авантюр.

В письме китайских руководителей от 6 ноября 1958 г. давалась высокая оценка роли СССР в предотвращении империалистической агрессии: «Китайский народ получил мощную поддержку советского народа в борьбе против американского империализма, который захватил китайскую территорию Тайвань и вторгся в Тайваньский пролив. Китайский народ выражает за это глубокую благодарность» [3].

Борьба социалистических стран за смягчение международной напряженности

Руководствуясь в своей деятельности ленинскими принципами в области внешней политики, социалистические государства, несмотря на противодействие империалистов, упорно и настойчиво вели борьбу за мир, за смягчение международной напряженности, решение спорных вопросов мирным путем, прекращение гонки вооруже-

[1] См. «Известия», 12 августа 1958 г.
[2] См. «Правда», 9 сентября 1958 г.
[3] «Правда», 7 ноября 1958 г.

ний, развитие дружественных отношений между всеми странами.

Важную инициативу проявило польское правительство, которое в октябре 1957 г. внесло на рассмотрение 12-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН план создания безатомной зоны в Центральной Европе. Согласно этому плану, ФРГ, ГДР, Польша, Чехословакия должны были взять на себя обязательства не производить, не накапливать, не ввозить для собственных целей и не разрешать размещение на своей территории ядерного оружия всех типов, а также оборудования и устройств для его обслуживания.

ГДР и Чехословакия заявили о поддержке польского плана. Советский Союз выразил согласие взять на себя обязательство не ввозить в безатомную зону ядерное оружие, если США, Франция и Англия будут действовать таким же образом.

Однако западные державы отклонили польское предложение под тем предлогом, что это приведет «к нарушению равновесия сил» в Европе. Госдепартамент США прямо заявил о своем отрицательном отношении к польскому плану.

Ввиду этого польское правительство в ноябре 1958 г. внесло в него некоторые коррективы. Оно предложило вначале провести в зоне сокращение обычных вооружений. Но и эти поправки были отклонены западными странами.

Тем не менее польский план оказал значительное влияние на позицию ряда капиталистических стран и сыграл положительную роль в борьбе за разоружение.

В 1958 г. социалистические государства предприняли новые шаги в целях смягчения международной напряженности и укрепления мира в Европе. Дополнительно к ранее проведенному, начиная с 1955 г., сокращению своих вооруженных сил в общей сложности на 2477 тыс. человек, они решили сократить соответственно вооружения, военную технику и военные расходы.

Советский Союз по согласованию с правительствами РНР и ВНР к осени 1958 г. вывел свои войска из Румынии, а также сократил на одну дивизию численность советских вооруженных сил в Венгрии.

24 мая 1958 г. в Москве собрались руководители восьми государств — участников Варшавского Договора на очередное заседание ПКК, с тем чтобы обменяться мнениями по актуальным международным проблемам и наметить дальнейшие меры по укреплению мира в Европе и развитию мирного сотрудничества между государствами. На заседании присутствовали в качестве наблюдателей представители КНР.

Участники совещания осудили действия воинствующих кругов США, организовавших полеты военных самолетов США с

атомными и водородными бомбами на борту в направлении границ СССР. Эта неслыханная в мирное время практика, говорится в Декларации восьми государств, граничит с прямой провокацией и грозит человечеству ракетно-атомной войной.

Государства — участники Варшавского Договора высказались за ликвидацию всех военных блоков и группировок. При этом, учитывая, что «западные державы не готовы распустить созданные ими военные группировки и создать вместо них эффективную систему коллективной безопасности в Европе», социалистические страны предложили «заключить пакт о ненападении между странами — участницами Варшавского Договора и Североатлантического пакта» сроком на 25 лет.

В июле 1958 г. Советское правительство выступило с новой инициативой, направленной на укрепление мира в Европе. Оно предложило правительствам европейских государств заключить договор о дружбе и сотрудничестве, участниками которого могли бы стать все страны Европы, а также США. В соответствии с договором все государства должны были бы развивать дружеские отношения между собой, уважать суверенитет и территориальную целостность, не вмешиваться во внутренние дела друг друга, консультироваться в случае возникновения угрозы миру в Европе.

Однако западные державы отклонили это миролюбивое конструктивное предложение, которое могло бы стать хорошей основой для превращения Европы в зону мира, спокойствия и сотрудничества между расположенными на этом континенте странами.

Весной 1959 г. группа европейских социалистических государств внесла важные предложения относительно урегулирования некоторых сторон германских дел.

Этот вопрос рассматривался, в частности, на совещании стран — участниц Варшавского Договора 27—28 апреля 1959 г. в Варшаве. Состоялся обмен мнениями по поводу предстоявших в Женеве переговоров между государствами Востока и Запада по вопросам, касающимся германских дел.

В Коммюнике совещания отмечалось, что нельзя вопрос о послевоенном урегулировании в центре Европы и о Западном Берлине связывать с другими проблемами или ставить его в зависимость от их решения.

Государства — участники совещания выразили свою непреклонную решимость продолжать борьбу за дело мира во всем мире и уверенность в том, что в настоящее время имеются условия для того, чтобы не допустить войны и обеспечить прочный мир на земле [1].

[1] «Известия», 29 апреля 1959 г.

25 июня 1959 г. Советское правительство выступило с предложением о создании безатомной и безракетной зоны на Балканах и в районе Адриатики. При этом Советское правительство заявило о своей готовности стать вместе с другими ядерными державами гарантом этой зоны. Правительства Югославии, Албании, Румынии и Болгарии поддержали советскую инициативу и заявили о своем согласии считать себя частью безатомной и безракетной зоны [1].

В ноте болгарского правительства Греции по этому вопросу подчеркивалось важное значение достижения соглашения по объявлению Балканского полуострова зоной без ракетных и атомных баз, зоной, свободной от атомного и ракетного оружия.

Однако правительства США, Англии и Франции, а также Турции и Греции отвергли и это конструктивное предложение.

Советский Союз в интересах мира предпринял также в одностороннем порядке новое сокращение своих вооруженных сил.

В этот период продолжались политические контакты, встречи и переговоры между государственными деятелями Востока и Запада.

На совещании ПКК в Москве 4 февраля 1960 г. отмечалось, что неослабные усилия государств — участников Варшавского Договора, «направленные на прекращение гонки вооружений, устранение опасных очагов международных конфликтов, ликвидацию «холодной войны», встречают все более широкую поддержку народов мира и приносят свои положительные плоды».

На совещании были обсуждены проблемы международной жизни, состоялся обмен мнениями по таким важным вопросам, как всеобщее и полное разоружение и послевоенное урегулирование в центре Европы.

Представители стран — участниц совещания согласовали свои дальнейшие действия по закреплению и развитию некоторых позитивных моментов, наметившихся в обстановке того времени.

Совещание приняло Декларацию государств — участников Варшавского Договора, в которой отмечалось, что «имеются благоприятные предпосылки для плодотворных переговоров по разоружению». Оно призвало государства — членов НАТО ответить на одностороннее сокращение вооруженных сил Советского Союза сокращением своих вооруженных сил.

Участники совещания подтвердили «свое неуклонное стремление к улучшению отношений между государствами Востока и Запада, укреплению доверия между ними, развитию всех

[1] См. «50 лет борьбы СССР за разоружение», стр. 394—395.

форм международного сотрудничества». Они заявили, что «готовы в любое время подписать пакт о ненападении с государствами — членами НАТО».

Страны — участницы совещания отметили, что «в наше время у государств нет и не может быть более великой и более благородной задачи, чем содействовать обеспечению прочного мира на земле» [1].

Состоявшийся обмен мнениями показал единодушие участников совещания в оценке международного положения. В работе совещания принимали участие наблюдатели от КНР, КНДР и МНР.

Важнейшие проблемы современности были рассмотрены на совещании представителей коммунистических и рабочих партий 81 страны в ноябре 1960 г. в Москве. Коммунисты всего мира подтвердили свою неуклонную решимость бороться за укрепление мира. Участники совещания подписали Заявление, в котором нашел дальнейшее выражение и развитие тезис о важности сплочения социалистических государств и о их исторической ответственности за судьбы каждого из них и всего содружества в целом. *«Объединенные силы социалистического лагеря,* — говорится в Заявлении совещания,— *надежно гарантируют каждую социалистическую страну от посягательств со стороны империалистической реакции»* [2]. Совещание подтвердило верность коммунистов идее мирного сосуществования.

* *
*

50-е годы были периодом бурных событий, непрерывных происков империалистов против социалистических и других миролюбивых стран, сопровождавшихся крупными военными конфликтами и выступлениями реакции в Европе и Азии, крахом захватнических планов и агрессивных доктрин империализма.

Поражение вылазок реакционных, антисоциалистических сил в ГДР, Польше, Венгрии, провал агрессивных замыслов империализма в отношении Индокитая, Кореи, Китая, против революционной Кубы означали успех сил мира и социализма.

В сложной обстановке того времени, когда ледяные ветры «холодной войны» угрожали поколебать устои мира, а человечество оказывалось не раз на грани военной катастрофы, социалистическая дипломатия, руководствуясь марксистско-ленинским учением, умело используя противоречия между империалистическими державами, проявляя большую выдержку, искусство и настойчивость, с честью справлялась с задачами сохра-

[1] «Известия», 5 февраля 1960 г.

[2] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 49.

нения мира, готовила почву для последующего, более благоприятного развития международных событий.

В своем выступлении перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 14 июня 1974 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Вспомните, с чем нам приходилось сталкиваться на международной арене еще в сравнительно недавнем прошлом. Во Вьетнаме шли ожесточенные сражения. Опасными взрывами угрожала обстановка на Ближнем Востоке. «Холодная война» угнетала сознание и жизнь народов. Отношения с Соединенными Штатами, ФРГ и многими другими крупными государствами капиталистического мира оставались напряженными.

Наша партия никогда не считала такое положение неизбежным и тем более нормальным. Оценив общее соотношение сил в мире, мы еще несколько лет назад пришли к выводу: существует реальная возможность добиться коренного перелома в международной ситуации. Речь шла о том, чтобы выйти на широкий простор конструктивного обсуждения и решения накопившихся проблем. Обобщенное выражение эти намерения, эта наша политика получили в Программе мира, провозглашенной XXIV съездом КПСС» [1].

Миролюбивая внешняя политика Советского Союза и других социалистических стран явилась надежной опорой народов всего мира в их борьбе за обуздание потенциальных агрессоров и предотвращение новой мировой войны, за сохранение и упрочение всеобщего мира, укрепление позиций социализма, ликвидацию позорной системы колониального гнета, обеспечение благоприятных условий для развития человечества по пути прогресса.

В результате воздействия на ход событий мира социализма, его успехов, его могущества, его примера, внешней политики СССР, социалистических стран в последующие годы удалось добиться благоприятных сдвигов в международной обстановке, серьезно укрепить основы мира и безопасности народов, ослабить угрозу ядерной войны, создать основы для коренной перестройки всей системы международных отношений в направлении разрядки напряженности.

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Все для блага народа, во имя советского человека. М., 1974, стр. 18—19.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдаллах — 217, 227
Аденауэр К.— 75, 83, 118, 386, 387, 392, 393, 394, 395, 397, 398, 399, 400, 402, 405, 406, 407, 409, 411, 413, 414, 415, 424, 425, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 441, 449, 454, 456, 461, 464, 469, 479, 480, 481, 489, 492, 494, 498, 499, 500, 501, 509, 510, 511, 512, 513, 515, 520, 522, 616, 703
Акл Ж.— 209
Аланбрук — 12
Александер — 552
Аллен Д.— 353, 355, 546, 547
Аллисон — 309, 310
Альфаро Р.— 576
Амин аль Хуссейн — 378
Арамбуру — 602
Арбенс Х.— 589, 592, 593, 596, 599, 600
д'Аржанлье Т.— 198
Арисменди Р.— 578
Армас К.— 593, 597, 598, 600
Арнольд — 13
Асали — 563
Асфур Э.— 220, 221, 222
Аунг Санг — 372
Ачесон Дин — 90, 143, 233, 254, 265, 271, 281, 282, 285, 306, 310, 315, 316, 317, 319, 334, 335, 395, 400, 510, 515, 519, 527, 531, 535, 536, 538, 539, 540, 541, 582, 586, 587, 589, 622, 629, 650, 697, 721
Банг — 227
Бандаранаике Соломон — 365, 372
Банди — 253, 620, 622
Банкер Э.— 571
Бао Дай — 198, 202, 333, 334, 344
Баринг А.— 402
Барнет Р.— 461
Барух Б.— 230, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 657, 659, 663
Батиста — 232, 586, 590
Бахер Р. Ф.— 678
Башкиров А. В.— 540
Баяр — 531
Бевин Э.— 14, 30, 31, 33, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 46, 59, 94, 101, 105, 211, 253, 306, 533
Белецкий В. Н.— 443
Беляев И.— 545
Бен Гурион — 545, 559
Бенетт Г.— 587
Бенеш Э.— 129
Берк Т.— 254
Берли А.— 576
Бернадотт Ф.— 225, 227
Бетанкур Р.— 576
Бете Г.— 678
Бидо Ж.— 39, 46, 84, 94, 101, 200, 335, 337, 338, 342, 344, 345, 346, 347, 348, 351, 446
Бил Д.— 296, 340, 549, 553
Бирнс — 329
Бирнс Дж.— 12, 14, 15, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 39, 40, 41, 42,

43, 44, 46, 49, 53, 58, 59, 69, 82, 84, 88, 89, 145, 146, 153, 576
Биттел К.— 14, 15
Бишофф Н.— 447, 497
Бланк — 478
Бланкенхорн Г.— 407, 456
Блэк Ю.— 368, 548
Блюм Л.— 258
Богомолов А. Е.— 28
Богуш Е. Ю.— 147
Болдуин Х.— 243
Болен Ч.— 432, 515
Болл — 622
Больц Л.— 437, 487
Бонкур П.— 93
Боннэ — 346
Борисов О. Б.— 158
Борман — 72
Боулс — 507
Брайянт А.— 12, 13
Брамуглиа — 585
Брандт В.— 520
Браун Л.— 250, 251
Брежнев Л. И.— 6, 9, 16, 24, 135, 242, 243, 273, 362, 366, 610, 644, 689, 733
Брентано Г.— 395, 431, 487, 502
Броз Тито И.— 688, 689
Бромбергер — 559
Брэдли О.— 265, 276, 293, 307
Брюс Д.— 538, 571
Буллит У.— 202
Бумедьен Х.— 365
Буржес-Монури — 558
Бэйли Н.— 600, 602
Бэтор В.— 335, 340, 349, 358

Ван Вайтаякон — 380
Ванденберг А.— 11, 579
Ванденберг Х.— 590
Ван Мок — 186
Ван Ши-цзэ — 33
Варгас Ж.— 576, 589, 591, 600
Варела А.— 607
Ведемейер А.— 143, 148, 149
Велозо Л.— 576
Визнер Ф.— 597
Виллер Г. С.— 14
Вильсон — 293, 342
Во — 602
Ворхис — 306
Вудхауз — 251
Высоцкий В. Н.— 108, 112

Галифакс — 129
Гальперин М.— 621
Гантенбейн Д.— 579, 580, 581, 584
Гарднер А.— 571
Гарриман А.— 34, 101, 507, 515, 582, 681
Гаррисон — 291, 292, 296, 297
Гарсиа — 356
Гарт Л.— 473
Гей У.— 277
Гелен — 713
Гендерсон А.— 373, 541, 542, 565
Геринг — 72
Герст В.— 432
Гертер К.— 329, 501, 502, 503, 507, 513, 607
Герхардсен — 465
Гесс — 72
Гилпатрик — 622
Ги Молле — 475, 558, 559
Гитлер — 94, 240, 241
Глабб — 547
Голд-Адамс Р.— 307, 311, 320
Гопкинс Г.— 84
Гордон Р.— 555
Готвальд К.— 133
Градль — 523
Греве В.— 407, 486, 487, 502, 505
Грей — 306
Грехэм — 185
Грин Ф.— 329, 620
Гриффис С.— 571

Громыко А. А.— 28, 155, 158, 184, 185, 186, 214, 224, 248, 271, 281, 289, 315, 316, 390, 496, 501, 503, 504, 506, 507, 564, 567, 623, 626, 627, 652, 658, 672, 674, 675, 681, 682
Громыко Анат. А.— 519
Гросс — 277
Гротеволь О.— 104, 392, 393, 404, 438, 464, 486, 487, 690
Грубер К.— 443
Грю Дж.— 11
Грюнтер — 461
Гувер — 90, 630
Гудрич Л. М.— 278, 287
Гусак Г.— 132, 133
Гусев М.— 648
Гусев Ф. Т.— 28

Даллес А.— 598, 703, 712
Даллес Дж. Ф.— 11, 14, 68, 153, 276, 277, 293, 296, 307, 308, 309, 310, 311, 317, 319, 320, 323, 325, 326, 328, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 349, 350, 351, 352, 353, 356, 357, 358, 360, 375, 376, 377, 402, 407, 410, 411, 414, 424, 425, 445, 446, 454, 462, 463, 469, 470, 495, 499, 500, 509, 530, 538, 541, 542, 543, 549, 552, 554, 555, 556, 557, 558, 562, 563, 594, 596, 597, 598, 670, 677, 678, 695, 711, 713
Даниель О.— 335
Даниель У.— 590
Де Гаспери — 48, 49
Де Голль Ш.— 16, 208, 510, 511, 567
Дельтей — 350
Дениц — 72
Дёрнберг С.— 77, 79, 103, 484, 486, 700, 703, 715
Джебб — 559
Джессеп Ф.— 114, 117, 307, 390
Джой Т.— 289, 290, 291
Джонс Д.— 249
Джонс К.— 221
Джонс Э.— 244
Джонсон — 276
Джонсон А.— 622
Джонсон Л.— 276, 605, 621
Джордан В.— 246
Диллон — 341, 346, 510, 512, 513, 622
Димитров Г. М.— 121, 132
Дин А.— 635, 681
Добрынин А. Ф.— 628, 630, 631, 639
Додж — 108, 307
Дозер Д.— 571, 577, 585, 589
Домницкий А. И.— 323
Доновен Р.— 340, 341, 713
Дортикос О.— 610, 619
Драйпер — 82
Дрэйер Д.— 594, 595, 597
Дуглас — 105, 527
Дулитл Д.— 264
Дэвидс Д.— 253
Дэвис Э.— 390

Енек З.— 149

Жданов А. А.— 259
Живков Т.— 716
Жувель Ж.— 358

Запотоцкий А.— 691
Заукель — 72
Зафрулла-хан — 356
Зейсс-Инкварт — 72
Зете П.— 501
Зиглер — 445, 486
Зорин В. А.— 28, 110, 437, 633, 637
Зорлу — 382, 565

Иванов К.— 546
Иванов М. С.— 538
Игучи С.— 309

Иден А.— 300, 334, 335, 337, 338, 342, 343, 344, 345, 347, 349, 354, 356, 377, 400, 410, 414, 415, 422, 424, 427, 429, 439, 455, 456, 460, 461, 471, 474, 488, 534, 540, 541, 542, 544, 552, 557, 558, 559, 560
Иензен Ф.— 148
Икэда Х.— 307, 331
Ильичев И. И.— 444, 447
Ингрэм К.— 258
Иноуэ К.— 306
Иосида С.— 306, 307, 308, 309, 310, 311, 317, 319, 321, 322, 323
Исмей — 267

Йодль — 72

Кавам ас Салтане — 538
Кадар Я.— 697, 715, 716
Кадоган А.— 213, 652
Кайзер — 703
Кальтенбруннер — 72
Капица М. С.— 155, 692, 702
Каранджия Р.— 355
Кастро Ф.— 607, 619, 620, 639, 642, 644
Катру — 207
Кейн Г.— 193, 380, 381, 382
Кейс — 338
Кейтель — 72
Кекконен У. К.— 464
Кемпбелл Д.— 32, 55, 531, 722
Кеннан Дж.— 245
Кеннан Д.— 515
Кеннеди Дж.— 331, 510, 514, 515, 516, 518, 519, 520, 521, 523, 605, 611, 612, 613, 616, 617, 618, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 633, 634, 635, 636, 637, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 672, 680
Кеннеди Р.— 616, 621, 622, 623, 626, 629, 630, 631, 632, 637, 638, 639, 640, 641, 642
Кеннон К.— 264
Кернер Т.— 449
Керни — 536
Керр М.— 566
Керстэн — 267, 698
Кеффэри — 548
Киву Стойка — 705
Ким Ир Сен — 275, 277, 291, 292, 294, 296, 335
Кимхе Д.— 204, 205, 212, 220, 226
Кингдон — 14
Кирино — 373
Кирласкар — 367
Киси Н.— 328, 329, 330
Кларк — 291, 293, 294, 296, 443
Клей Л.— 42, 74, 80, 81, 82, 83, 89, 97, 102, 105, 108, 113
Клейтон — 256, 571
Кодовилья В.— 577
Кокрофт Дж.— 678
Колесниченко Т.— 545
Коллинз Г.— 534, 590
Колосков Б. Т.— 158
Коно — 326
Кордоба Роберто — 596
Корнидес Б.— 101
Косыгин А. Н.— 364
Котелавала — 354, 373, 374, 381, 382
Коук Х.— 576
Кох И.— 74
Кохрэн — 192
Кроль Г.— 493
Кубичек — 604
Кув де Мюрвилль — 501, 507
Кузнецов В. В.— 28, 378, 642, 644, 681, 713, 718, 720
Купер Д.— 514
Кутаков Л. Н.— 138, 170, 311, 324
Кучинский Ю.— 480
Кэбот Дж.— 305
Кэри Д.— 329
Кэрк А.— 279, 289

Лаврентьев А. И.— 28
Лаврищев А. А.— 334
Ланьель — 335, 336, 337, 338, 341, 342, 344, 346, 347, 348, 351, 407
Ларрета Э.— 575, 576, 577
Латтимор О.— 153
Лаштовичка Б.— 129
Левенштейн Г.— 714
Ленгуэл Э.— 205, 223
Ленчовский Г.— 213, 216
Ленин В. И.— 19, 20, 21, 25, 26, 261, 701
Леонтьев Л. А.— 37
Лерхэ — 360
Лесепс Ф.— 549
Ле Хонг Фонг — 332
Лецки Р.— 297
Лидер Ю.— 258
Лимэй К.— 629
Липпман У.— 39, 250, 251, 375, 456, 641, 712
Липски Х.— 88
Ли Сын Ман — 139, 160, 161, 163, 165, 166, 275, 276, 277, 278, 296, 297, 302
Ли Чень-ху — 341
Ллойд С.— 499, 500, 501, 552, 556, 557, 558, 559, 560
Ловетт — 622
Лодж Г.— 598, 599
Лонгриг С.— 539
Лоу — 367, 699
Лоуренс Э. О.— 678
Лоуэн Э.— 610
Луцкий В. Б.— 209, 213
Лэнсдейл — 352
Лю Шао-ци — 148
Ля Шамбр — 356

Макариос — 378
Макартур Д.— 137, 168, 169, 170, 171, 172, 175, 276, 277, 279, 281, 283, 284, 286, 288, 289, 305, 306, 309, 328, 330
Маквей Р.— 191
Макдермотт Г.— 523
Макдональд — 339
Макклой Д.— 82, 642
Маккоун — 622
Мак-Мартин — 582
Макмиллан Г.— 499, 500, 507, 510, 552, 566, 567, 670, 680
Макнамара Р.— 521, 622, 637, 680
Макнерни — 42
Малик Я. А.— 28, 114, 117, 307, 323, 325
Мануильский Д. З.— 181, 235
Мао Цзэ-дун — 142, 147, 148, 153, 154, 158, 372, 687, 691
Маршалл Д.— 15, 74, 93, 94, 95, 97, 98, 100, 101, 105, 130, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 156, 157, 164, 232, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 261, 263, 264, 267, 269, 286, 578, 582, 583, 655, 702, 703
Махера А.— 212
Мацумае — 329
Мацумото — 323, 325
Менде Э.— 471
Мендерес — 531, 543, 565, 566
Мендес-Франс — 348, 349, 415
Мензис — 376, 555
Менон К.— 364, 380, 444
Мерроу Э.— 514
Мерчэнт — 431
Мессершмит Д.— 571
Микоян А. И.— 490, 492, 642
Микселл Р.— 204, 205
Миллер — 587
Миллс В.— 12
Милоградов П. В.— 217
Молотов В. М.— 30
Монро — 608, 627
Монсон Э.— 599
Монтгомери Б.— 13, 71, 257, 263, 515
Морган — 648

Морзе У.— 612
Моррей Д.— 669
Моррисон — 311, 320, 539
Мосаддык — 529, 537, 540, 541, 542
Мохаммед Али — 374, 380, 381, 382
Мохаммед Реза Пехлеви — 529, 530
Муньос Р.— 594
Муссолини — 241
Мутэ М.— 200, 201
Муччо — 277, 278
Мэнсфилд М.— 498
Мэрфи Р.— 82, 105, 291, 293, 548, 568
Мэтьюс Х. и Н.— 253
Мюллер — 71

Набулси — 563
Наварра — 335, 336, 339, 342
Надь И.— 714
Нам Ир — 289, 297
Насер Г. А.— 365, 380, 546, 547, 551, 556, 563
Наумов П. А.— 407
Нахас-паша — 212, 533, 534
Нго Динь Дьем — 348, 352
Нгуаби М.— 365
Нейрат — 72
Нейчев М.— 699
Неру Д.— 196, 280, 281, 343, 353, 355, 362, 363, 364, 366, 369, 370, 371, 372, 374, 375, 377, 380, 381, 567, 682
Нестеров С. М.— 354
Никитина Г. С.— 220
Николаев П. А.— 71
Нитце П.— 538
Ниф Х.— 103
Нихамин В. П.— 373
Нкрума Кваме — 365
Новоа Е. Р.— 596
Норстэд — 479, 493, 521
Ноэль-Бейкер Ф.— 668

Нукраши-паша — 210, 211, 212, 213
Нури Саид — 216, 543, 544, 549, 566
Нхиек Тиулонг — 350

Окадзаки К.— 319
Оконоги С.— 306
Оливер Р.— 275
Ольшовский С.— 685
Осгуд Р.— 251, 352

Паасикиви Ю. К.— 464, 465
Палар Л. Н.— 194
Пандит Л.— 299
Паниккар К. М.— 280, 283
Пароди А.— 390
Пас Эстенсоро — 591, 600
Пенни У.— 678
Перес — 558
Перифуа Д.— 599, 600
Перон Х. Д.— 576, 601, 602
Петров Д. В.— 307, 323, 325
Пик В.— 102, 104, 119, 430
Пино К.— 475, 552, 557, 558, 559
Пирсон Д.— 538
Плевен Р.— 339, 388
Полк В.— 220, 221, 222
Поули — 160, 173
Поуэл — 377
Прадо М.— 614
Пратт — 538
Пратт Дж.— 277, 606, 608, 611
Примаков Е.— 545
Прокофьев В.— 569
Пушкин Г. М.— 28, 119
Пфаф В.— 245
Пын Де-хуэй — 296

Рааб Ю.— 444, 447, 449, 450
Радхакришнан — 280
Райт М.— 680
Раск Дин — 319, 515, 516, 521, 523, 622, 627, 628, 629, 630, 680, 682

Рассел — 630
Рау Б.— 284
Редер — 72
Реймонд — 387
Рейтер Э.— 483
Риббентроп — 72, 75
Риджуэй — 289, 339, 703
Риддинг — 356
Роа Р.— 609
Робертсон В.— 83, 97, 105, 124, 349
Робинсон — 221
Розенберг — 72
Рокфеллер Н.— 461, 571
Росс Т.— 597
Ростоу У.— 515
Рузвельт К.— 542
Рузвельт Т.— 542
Рузвельт Ф.— 11, 12, 13, 34, 144
Рузвельт Э.— 248
Руф Максвей — 190
Рэдфорд — 339, 340, 341, 342, 461
Рэлиби О.— 177, 179

Савада — 323
Садовский М. А.— 678
Саид паша М.— 549
Салахеддин М.— 531, 533
Салем Салех — 544
Салим А.— 189, 190
Санчес А.— 599
Сарасин Пот — 359
Сарнов Д.— 711
Сасарит-Катай — 380
Састроамиджойо — 374
Сато — 331
Сауд — 563
Свердлов Г. М.— 414
Свомли Д.— 461
Сейдзабуро Синобу — 325
Сейду Р.— 635
Сейранян Б. Г.— 211
Секу Туре — 365
Семенов В. С.— 28
Семенов Н. Н.— 678
Сигемицу М.— 323, 325, 326
Сидки-паша — 211
Слейтер Д.— 571, 579, 580, 583
Слим В.— 533, 534
Смирнов А. А.— 28, 489, 490
Смит Б.— 111, 344, 347, 348, 349, 350
Смит К.— 114, 271
Смит Э.— 571
Снайдер — 582
Соболев А. А.— 323, 566
Соколовский В. Д.— 107
Сольх Сами — 544
Соренсен Т.— 616, 620, 621, 622, 623, 626, 629, 630, 636
Сохейли — 540
Спаак — 604
Спэнэр Д. У.— 283, 284
Стадер К.— 597
Сталин И. В.— 34, 66, 84, 110, 111, 247, 249, 252, 294, 404
Стамлер Д.— 220, 221, 222
Стассен Г.— 252, 339, 376, 483, 666, 670
Стивенс Г.— 204
Стивенсон Э.— 507, 514, 515, 622, 633, 634, 635, 636, 637, 642, 644
Стилмэн Э.— 245
Стилуэлл — 145
Стимсон — 34, 252, 253
Стоссинджер Дж.— 622, 631, 641
Стоун И.— 276
Стронг А. Л.— 148, 153
Стюарт Л.— 151, 152, 153
Судзуки С.— 306
Сукарно А.— 179, 191, 192, 365, 371, 378
Сульцбергер С.— 695, 721
Сун Цзы-вэнь — 142, 143
Сурипно — 187, 189, 190, 191, 192
Суслов М. А.— 438
Суфанувонг — 333

Та Куанг Буу — 350
Тамм И. Е.— 678
Тасиньи Латтр де — 334
Тедик — 703
Тельо М.— 607
Тихвинский С. Л.— 157
Тодзио — 622
Тольятти П.— 272
Томас — 649
Томпсон Л.— 516, 622, 628
Торез М.— 272
Ториэльо Г.— 595, 596, 598, 599
Трумэн Г.— 11, 12, 14, 15, 16, 34, 68, 83, 89, 90, 98, 101, 130, 142, 145, 146, 147, 148, 151, 153, 154, 160, 219, 220, 242, 245, 246, 250, 251, 252, 254, 263, 265, 267, 269, 271, 272, 277, 278, 281, 283, 284, 285, 288, 289, 290, 307, 509, 538, 540, 575, 577, 578, 586, 587, 630, 648, 650, 652, 655, 663
Трюгве Ли — 229, 274, 277, 278, 289
Тэйлор — 622

У Тан — 634, 635, 636, 637, 639, 642, 644
Уайз Д.— 597
Уайт Дж.— 607, 608
Уайт П.— 516
Уайтейкер А.— 593
Уилан Т.— 571
Уилер Э.— 683
Уиллерс Ф.— 288
Уоллес — 260
Уорберг Д.— 226, 250, 256
Уоррен Ф.— 571
Уэллес С.— 11, 572, 573, 576

Фам Ван Донг — 346, 347, 380
Фарук — 365, 551, 546
Фатеми — 540
Фейс — 224
Федоров Е. К.— 678
Фигль Л.— 445, 446, 447
Финлеттер Т.— 258, 721
Фишер Л.— 90
Флеминг Д.— 244, 246, 251, 275
Фолл Б.— 332, 335, 345
Фор Э.— 421, 454
Форрестол Дж.— 12, 223
Фостер Уильям З.— 11, 259, 574, 578
Фостер У.— 672
Франк — 72
Франко — 240, 241
Фреденбурх — 189
Фрии Р.— 217
Фриирс — 516
Фрик — 72
Фудзияма — 328, 329
Фулбрайт У.— 514, 524, 612
Функ — 72

Хаас В.— 493
Халил М.— 532
Хальштейн — 480, 481, 482, 712
Хаммаршельд Д.— 299, 455, 718, 719, 720
Харвей О.— 334
Хатояма И.— 322, 323, 327
Хатта М.— 180, 181, 190, 191, 194
Хаузенштейн — 413
Хаули — 108
Хегнер — 103
Хиггинс Т.— 283
Хиккерсон — 278
Хиляли — 537
Ховэт Т.— 362
Ходж Д.— 160
Хойзингер — 521
Холл Л. Д.— 281
Холлэнд Г.— 598, 602
Хо Ши Мин — 198, 199, 200, 201, 332, 335, 336, 337, 372
Хрущев Н. С.— 518
Хусейн — 563
Хусейн А.— 548, 549

Хьюм — 682
Хэйлшэм — 681
Хэмфри Р.— 507, 612
Хэрли П.— 142, 144, 145, 149, 157

Цалдарис — 51, 52, 56
Царапкин С. К.— 598
Цеденбал Ю.— 693

Чайлдс М.— 337
Чан Кай-ши — 141, 142, 143, 145, 147, 148, 150, 151, 152, 153, 297, 311, 319, 342, 727
Чан Мен — 276
Чанд Гьян — 366
Чаушеску Н.— 709
Ченери Х.— 204, 205
Черчилль У.— 10, 12, 13, 14, 15, 34, 69, 83, 208, 216, 245, 246, 247, 249, 261, 262, 263, 337, 341, 349, 353, 354, 405, 407, 536, 671
Чжан Цюнь — 149
Чжоу Энь-лай — 142, 149, 156, 157, 158, 294, 349, 369, 379, 381, 382, 692
Чуйков В. И.— 115

Шалле — 558
Шамун К.— 543, 544, 563
Шарир С.— 180, 194
Шарифуддин А.— 180
Шах Махмуд — 528
Шахт — 72
Швадран — 205
Шварценберг — 447
Шейнис З.— 546
Шеперд — 603
Шервуд Р. С.— 13
Шерман — 526
Шерф А.— 447, 449, 450
Ширах — 72
Шлезингер А.— 616, 620, 621, 622, 626, 629, 630
Шпеер — 72
Шпейдель Ш.— 479
Шпейер — 495, 499, 513
Штоф В.— 21
Штрайхер — 72
Штраус Ф.-Й.— 479, 481, 521
Штюльпнагель — 20
Шульц Ф.— 71
Шуман Ф.— 424
Шуман Р.— 334, 388, 400
Шумахер К.— 88

Эйбелл — 431
Эйзенхауэр Д.— 13, 293, 296, 319, 322, 328, 330, 335, 336, 337, 338, 340, 341, 343, 346, 347, 348, 349, 352, 353, 354, 376, 377, 407, 421, 422, 427, 432, 455, 456, 457, 458, 462, 468, 469, 509, 510, 511, 513, 514, 541, 552, 558, 562, 563, 564, 567, 568, 570, 593, 596, 597, 598, 600, 607, 608, 610, 611, 630, 666, 669, 670, 677, 679, 680, 695, 700, 711, 717, 727
Эйзенхауэр М.— 605
Эйкен — 635
Эккардт Ф.— 407, 413, 414, 428, 429
Элвилл-Сатон Л.— 537
Эли — 339, 340, 341
Эмрайн М.— 652
Энтезам — 540
Эттли — 14, 211, 219, 288

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 5

Глава первая. **Коренные перемены на международной арене (первые послевоенные годы)** 7

Изменения в международной жизни 7

Рост и укрепление мирового социализма. Усиление с окончанием войны антисоветских тенденций во внешней политике западных держав. Два противоположных курса в послевоенной политике.

Углубление общего кризиса капитализма 18

Рост противоречий империализма. Дальнейшее укрепление позиций мирового социализма. Распад колониальной системы империализма.

Глава вторая. **Борьба двух курсов по вопросам мирного урегулирования с бывшими союзниками Германии в Европе** 29

Лондонская сессия Совета министров иностранных дел (1945 г.). Совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве (1945 г.).

Борьба советской дипломатии в защиту суверенитета побежденных стран на Парижской сессии СМИД 36

Первая часть работы сессии СМИД (25. IV — 16. V. 1946 г.).
Вторая часть работы сессии СМИД (15. VI — 12. VII. 1946 г.).

Парижская мирная конференция (1946 г.) 47

Начало работы конференции и борьба по вопросам процедуры. Территориальные вопросы. Судоходство по Дунаю, экономические и репарационные вопросы. Итоги конференции.

Заключительный этап мирного урегулирования 58

Нью-Йоркская сессия Совета министров иностранных дел (1946 г.). Содержание мирных договоров 1947 г. Итоги мирного урегулирования.

Глава третья. **Проблемы мирного урегулирования в Центральной Европе (1945—1949 гг.). Возникновение двух германских государств** 65

1. Срыв западными державами Потсдамских решений в западных зонах оккупации и последовательное претворение их в жизнь советской стороной в своей зоне 66

Позиции Советского Союза и западных держав непосредственно после Потсдама. Борьба Советского Союза за осуществление союзнических решений по Германии, за ее демилитаризацию, денацификацию, демократизацию и декартелизацию. Срыв западными державами решений Потсдама об организации центральной германской администрации и подготовка ими раскола Германии.

2. Обсуждение германских дел на международных встречах представителей четырех держав 83

Вторая (Парижская) и третья (Нью-Йоркская) сессии СМИД в 1946 г. Четвертая (Московская) сессия СМИД (1947 г.). Пятая (Лондонская) сессия СМИД (1947 г.). Борьба немецкого населения за создание миролюбивого демократического государства.

3. «Берлинский кризис» и завершение западными державами раскола Берлина и Германии 105

Обстановка после пятой (Лондонской) сессии СМИД. Подготовка западными державами сепаратной денежной реформы. Срыв западными державами переговоров о ликвидации «берлинского кризиса». Урегулирование «берлинского кризиса». Шестая (Парижская) сессия СМИД. Завершение западными державами раскола Германии и возникновение двух германских государств.

Глава четвертая. **Становление мировой социалистической системы (1945—1949 гг.). Новый тип международных отношений** . . . 120

1. Укрепление братской дружбы и сотрудничества со странами народной демократии — первостепенная задача внешней политики Советского Союза 120

2. Договоры о дружбе и взаимопомощи между СССР и странами народной демократии 128

3. Мировая система социализма — новый тип отношений между государствами 134

Глава пятая. **Проблемы Дальнего Востока в первые годы после второй мировой войны и дипломатическая борьба (1945—1950 гг.)** 136

1. Дальневосточные проблемы на Московском совещании министров иностранных дел (декабрь 1945 г.) 136

Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии. Вопрос о Корее. Вопрос о положении в Китае.

2. Политика США во время гражданской войны в Китае. Выступления Советского Союза в защиту прав китайского народа 147

Переход США от дипломатических маневров к открытому проведению курса на уничтожение революционных сил Китая. Борьба советской дипломатии против происков империалистических держав в отношении Китая. Образование Китайской Народной Республики.

3. Корейский вопрос в 1946—1948 гг. 159

Совместная комиссия в Сеуле. Корейский вопрос в ООН. Образование Корейской Народно-Демократической Республики.

4. Дипломатическая борьба в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии 167

Проблемы демилитаризации и демократизации Японии. Изменение курса США в отношении Японии.

Глава шестая. **Распад колониальной системы империализма в Азии и дипломатическая борьба (1945—1950 гг.)** 176

1. Борьба Республики Индонезии против империалистической агрессии (1945—1949 гг.) 177

2. Конец британского господства в Индии 195

3. Образование ДРВ. Развязывание империалистическими силами «грязной войны» в Индокитае 198

4. Маневры империалистов на Ближнем и Среднем Востоке, их попытки помешать росту освободительной борьбы арабских народов 203

Англо-американские противоречия на Ближнем и Среднем Востоке. Жалоба Сирии и Ливана в Совет Безопасности. Англо-египетский конфликт. Образование Лиги арабских государств. Попытки правящих кругов Англии создать на Ближнем Востоке проимпериалистические блоки под своей гегемонией. Палестинский вопрос.

Глава седьмая. **Первые годы деятельности Организации Объединенных Наций (1946—1955 гг.)** 229

Борьба СССР в ООН за запрещение и уничтожение ядерного оружия и за разоружение. Борьба СССР за укрепление мира и международной безопасности. Борьба СССР за соблюдение принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН. Палестинский вопрос в ООН. Обсуждение в Совете Безопасности ООН агрессивных действий колонизаторов против индонезийского народа. Вопрос о судьбе бывших итальянских колоний в Африке. Борьба в ООН в связи с приемом в организацию новых членов. Попытки империалистических держав использовать ООН в своих целях. Борьба прогрессивных сил за использование ООН в интересах поддержания мира.

Глава восьмая. **Империалистическая политика «холодной войны». Создание агрессивного военного блока НАТО (1946—1949 гг.)** 242

1. Империалистическая «дипломатия силы» 242

Провозглашение США «дипломатии силы». Доктрина «сдерживания» коммунизма. Речь Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г. Советская программа мира и международного сотрудничества. «Доктрина Трумэна».

2. Дипломатическая борьба вокруг «плана Маршалла» . . . 252

«План Маршалла» — экономическая подготовка империалистических военных блоков. Парижские переговоры 1947 г. «План Маршалла» в действии.

3. Создание империалистического военного блока НАТО . . . 261

Инициатива империалистических кругов Англии в создании агрессивных блоков. Создание Западного союза. Создание НАТО. Советская дипломатия против агрессивного блока.

Глава девятая. **Дипломатическая борьба за прекращение войны в Корее** 274

1. Истоки интервенции 274

Развязывание империалистическими силами и их марионетками агрессивной войны против КНДР. Дипломатические маневры США в ООН. Борьба СССР и всех прогрессивных сил за прекращение войны в Корее.

2. Провал империалистической политики расширения агрессии на Дальнем Востоке 281

Переход войсками интервентов 38-й параллели. Поражение интервентов в Северной Корее. Новые дипломатические маневры США. Кризис империалистической «дипломатии силы» в корейском вопросе. Новая мирная инициатива СССР. Согласование основных статей перемирия. Одностороннее прекращение переговоров Соединенными Штатами. Возобновление переговоров в Паньмыньчжоне. Соглашение о перемирии в Корее.

3. Корейский вопрос после заключения перемирия (1953—1960 гг.) 298

Глава десятая. **Проблема послевоенного мирного урегулирования с Японией (конец 40 — начало 60-х годов)** 304

1. Подготовка Соединенными Штатами сепаратного мирного договора с Японией 304

От оккупации к сепаратному миру. Политика США в вопросах мирного урегулирования, их сговор с японской реакцией. Переговоры между США и их союзниками о мирном договоре с Японией. Предложения СССР о демократическом мирном договоре с Японией.

2. Сан-Францисский сепаратный мирный договор с Японией 313

Созыв конференции в Сан-Франциско. Предложения Советского Союза на Сан-Францисской конференции. Критика американского проекта договора развивающимися государствами. Сан-Францисский сепаратный мирный договор с Японией 1951 г. Японо-американский «договор безопасности» 1951 г. Тихоокеанский пакт. Позиция социалистических государств в отношении Сан-Францисского договора.

3. Восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией 321

4. Американо-японский договор 1960 г. 327

Глава одиннадцатая. **Женевские соглашения 1954 г. по Индокитаю. Создание агрессивного блока СЕАТО** 332

1. Решение о созыве Женевского совещания 332

Поражение французских колонизаторов. Вмешательство США в Индокитае. Индокитайский вопрос на Берлинском совещании.

2. Прекращение огня в Индокитае 338

Провал курса США на расширение войны. Предложения социалистических стран о мирном урегулировании в Индокитае. Провал новых попыток США сорвать совещание. Женевские соглашения 1954 г.

3. Создание агрессивного военного блока в Юго-Восточной Азии 352

Подготовка военного союза в Юго-Восточной Азии. Манильская конференция 1954 г.

Глава двенадцатая. **Возрастание роли стран Азии и Африки на международной арене. Бандунгская конференция 1955 г.** . . . 360

1. Становление дипломатии неприсоединившихся стран . . . 360

2. Упрочение дружественных отношений между социалистическими и развивающимися государствами 365

Советско-индийское соглашение о строительстве Бхилайского завода (1955 г.). Расширение политического сотрудничества социалистических государств со странами Азии и Африки.

3. Первая конференция стран Азии и Африки 372

Начало сотрудничества стран Азии и Африки на мировой арене. Подготовка Бандунгской конференции. Борьба на Бандунгской конференции. Решения Бандунгской конференции.

Глава тринадцатая. **Дипломатические проблемы после образования двух германских государств. Борьба социалистической дипломатии против милитаризации ФРГ (1950—1955 гг.)** 385

1. Дипломатическая борьба после образования двух германских государств 386

Нью-Йоркские решения западных держав (сентябрь 1950 г.) о демилитаризации ФРГ. Пражское совещание социалистических стран (октябрь 1950 г.). Предварительное совещание четырех держав в Париже (март — июнь 1951 г.). Дипломатия ГДР в борьбе за разрешение германских дел на мирных и демократических началах. Маневры дипломатии западных стран в ООН (ноябрь — декабрь 1951 г.).

2. Советский проект Основ мирного договора с Германией от 10 марта 1952 г. 396

Предложения СССР о заключении мирного договора (март 1952 г.). Боннский и Парижский договоры (май 1952 г.). Переговоры между СССР и ГДР (август 1953 г.).

3. Берлинское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции 405

Борьба СССР за созыв совещания. Берлинское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции 1954 г. Итоги и значение Берлинского совещания. Новые меры СССР по развитию отношений с ГДР, по упрочению европейской безопасности.

4. Парижские соглашения 1954 г. 413

Действия дипломатии западных стран в связи с провалом планов ЕОС. Лондонская (сентябрь) и Парижская (октябрь) конференции 1954 г. Парижские соглашения 23 октября 1954 г.

5. Борьба дипломатии социалистических государств против милитаризации ФРГ, за европейскую безопасность 417

Московское совещание социалистических государств 1954 г. Борьба СССР против возрождения германского милитаризма, за обеспечение европейской безопасности (1955 г.). Женевское совещание глав правительств четырех держав (июль 1955 г.). Советская инициатива относительно установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ (июнь 1955 г.). Маневры боннской дипломатии. Дипломатическая переписка между СССР и ФРГ (август 1955 г.). Московские переговоры (9—13 сентября 1955 г.). Итоги московских переговоров и их значение. Договор об отношениях между СССР и ГДР от 20 сентября 1955 г. Дипломатическая борьба на Женевском совещании министров иностранных дел четырех держав (октябрь — ноябрь 1955 г.).

Глава четырнадцатая. **Борьба СССР за ослабление международной напряженности в середине 50-х годов** 442

1. Государственный договор с Австрией 442

Дипломатическая борьба по проекту договора. Государственный договор с Австрией.

2. Женевское совещание глав правительств четырех держав 452

Обстановка в Европе в начале 1955 г. Переговоры о встрече на высшем уровне. Дипломатическая борьба на Женевском совещании.

3. Дальнейшие усилия советской дипломатии по оздоровлению обстановки в мире и развитию международного сотрудничества 463

Советско-финляндские и советско-норвежские переговоры. Советский Союз на десятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Совещание министров иностранных дел в Женеве (октябрь — ноябрь 1955 г.). Переговоры СССР с западными державами в 1956 г.

Глава пятнадцатая. **Проблема мирного урегулирования в Европе. Вопрос о Западном Берлине (1956—1961 гг.)** 477

1. Борьба дипломатии стран социализма за разрядку напряженности и укрепление мира в Европе 478

Рост военной опасности в результате возрождения западногерманского милитаризма. Агрессивный внешнеполитический курс правительства Аденауэра. «Доктрина Хальштейна». Превращение Западного Берлина в центр подрывной деятельности против ГДР и других социалистических стран. Борьба социалистических стран за ослабление напряженности. Предложения ГДР и СССР в 1956—1957 гг. Борьба СССР, ГДР и других социалистических стран за смягчение напряженности. Новая инициатива СССР с целью нормализации положения в Западном Берлине и завершения германского мирного урегулирования на рубеже 1958—1959 гг.

2. Женевское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции с участием представителей ГДР и ФРГ (май — август 1959 г.) 498

Подготовка совещания. Работа Женевского совещания 1959 г. Значение совещания в Женеве 1959 г.

3. Дипломатические акции после Женевского совещания . . 509

Советско-американская встреча на высшем уровне (сентябрь 1959 г.). Подготовка к совещанию в верхах и срыв его США. Подготовка к советско-американской встрече в верхах. Встреча в Вене глав правительств СССР и США (1961 г.). Обострение империалистическими кругами международной обстановки летом 1961 г.

Глава шестнадцатая. **Дипломатическая борьба на Ближнем и Среднем Востоке (1952—1958 гг.)** 526

Колониалистская сущность дипломатии стран НАТО на Ближнем и Среднем Востоке. Развитие национально-освободительной борьбы арабских народов в начале 50-х годов. Мероприятия СССР по развитию отношений с его южными соседями. Советско-афганское сотрудничество. Урегулирование пограничных и финансовых вопросов между СССР и Ираном. Дружественная позиция СССР в отношении Турции. Договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве государств — членов Арабской лиги. Англо-египетские переговоры по Суэцкому вопросу. Агрессивные действия британского империализма против Египта. Развитие советско-арабских отношений. Империалистические маневры в связи с национализацией иранской нефти. Создание Багдадского пакта и обострение обстановки на Ближнем и Среднем Востоке. Агрессивный империалистический курс правящих кругов Израиля. Оборонительные союзы арабских государств и укрепление нейтрализма в их внешней политике. Борьба вокруг проблемы строительства Асуанской плотины. Национализация компании Суэцкого канала. Лондонская конференция 1956 г. «План Даллеса». Суэцкий вопрос в Совете Безопасности. Тройственная агрессия против Египта. Советско-арабские отношения после суэцкого кризиса.

Новые маневры западных держав в конце 50-х годов 562

«Доктрина Даллеса — Эйзенхауэра». Предложения СССР об укреплении мира на Ближнем и Среднем Востоке. Империалистический заговор против Сирии. Империалистическая агрессия против арабских стран в 1958 г. Кризис Багдадского пакта и СЕНТО.

Глава семнадцатая. **Дипломатия и политика США в Латинской Америке. Межамериканские отношения (1946—1962 гг.)** . . . 570

1. Политика США в Латинской Америке в первые послевоенные годы 570

2. Борьба национально-прогрессивных сил Латинской Америки против экспансии США 574

3. «Доктрина Ларрета». «План Трумэна» о стандартизации вооружения. Рио-де-Жанейрский пакт 1947 г. 575

4. IX межамериканская конференция в Боготе и принятие Устава ОАГ (1948 г.) 582

5. Консультативное совещание министров иностранных дел американских государств в Вашингтоне (1951 г.). Военные соглашения США с латиноамериканскими странами 585

6. Подъем движения за национальные интересы в Латинской Америке и интервенция в Гватемале (1954 г.) 591

7. Падение правительства Х. Д. Перона в Аргентине. Южноатлантический пакт 601

8. Враждебный курс США в отношении Кубы 605

Попытки США изолировать Кубу на американском континенте. Установление экономической блокады. Военное нападение на Кубу. «Союз ради прогресса». Наращивание враждебных акций против Кубы. Подготовка к новой вооруженной агрессии.

Глава восемнадцатая. **Карибский кризис 1962 г.** 616

1. Подготовка в США обострения обстановки в Карибском море 616

2. Дипломатические усилия СССР по ликвидации кризиса . . 631

Глава девятнадцатая. **Проблемы разоружения (1945—1963 гг.)** . . 646

Проблемы разоружения после окончания второй мировой войны. «План Баруха» — орудие «атомной дипломатии» США. Борьба СССР за запрещение атомного оружия. Конец «атомной монополии» США. Комиссия ООН по разоружению. От лондонского подкомитета к Комитету 18-ти. Советские предложения о всеобщем и полном разоружении. Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия 1963 г.

Глава двадцатая. **Развитие и укрепление дружбы и сотрудничества социалистических стран (1950—1960 гг.)** 684

1. Расширение взаимных связей социалистических государств 684

Внешнеполитическое сотрудничество стран социализма. Развитие экономического сотрудничества.

2. Борьба социалистической дипломатии против происков империализма, за упрочение мира 694

Усиление империалистической политики «холодной войны». Политика социалистических стран — политика мира и сотрудничества. Обострение положения на Дальнем Востоке. Провал вылазки реакции против ГДР (1953 г.). Борьба социалистической дипломатии за прекращение войны в Индокитае.

3. Заключение Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (14 мая 1955 г.) 705

Борьба социалистических стран против ремилитаризации ФРГ, за безопасность в Европе. Подписание Варшавского Договора. Значение Варшавского Договора. Первое (Пражское) заседание Политического консультативного комитета (1956 г.).

4. Контрреволюционный мятеж в Венгрии в 1956 г. 711

Новые агрессивные замыслы империализма. Подготовка контрреволюционного мятежа против ВНР. Разгром контрреволюции в Венгрии. Борьба социалистических стран против дипломатического вмешательства некоторых западных держав во внутренние дела Венгрии.

5. Борьба социалистических государств за дальнейшее укрепление своего единства, за мир и коллективную безопасность 721

Новые тактические приемы дипломатии западных стран. Дальнейшее сплочение социалистических государств. Тайваньский кризис 1958 г. Борьба социалистических стран за смягчение международной напряженности.

Указатель имен 734

В редакционно-подготовительной работе участвовали *О. В. Вадеев, И. С. Динерштейн, А. В. Никольский, В. П. Нихамин, К. Н. Сванидзе, Л. Ф. Теплов.*

Научно-вспомогательная работа проведена *А. А. Быковым, А. П. Жильцовым, И. М. Морозовой, С. Е. Перфиловой, А. П. Пилипенко, Т. А. Потаповой, Ю. Н. Рыковой, Е. А. Сакович, Т. К. Сперанской, Г. А. Тахненко.*

Указатель имен составлен *А. В. Никольским.*

Редакционная коллегия выражает благодарность всем товарищам, участвовавшим в обсуждении и подготовке рукописи книги к печати.

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ. Т. V
(Книга первая)

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*

Редакторы *И. С. Динерштейн, А. В. Никольский*

Младшие редакторы *Е. А. Сакович, Т. К. Сперанская*

Художественный редактор *Г. Д. Расторгуев*

Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

Сдано в набор 6 февраля 1974 г. Подписано в печать 28 августа 1974 г. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 47. Учетно-изд. л. 48,92. Тираж 50 тыс. экз. А 00197. Заказ № 3236. Цена 1 р. 50 к.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

ПОЛИТИЗДАТ
1974